

Александр Воляев

Ночные колёса

(Хроника «лихих» 90-х)

Авторский экземпляр

Александр Воляев, хорошо известный в литературных кругах, как поэт Александр «Сандер`S» Воляев, представляет на суд читателя своё первое прозаическое творение – социально-психологический роман «Ночные колёса» и это довольно значимое событие, поскольку имея пять поэтических сборников, его проза пока проходила лишь по линии «Самиздата». Не занимаясь разбором книги, тем не менее, хочется отметить глубину и точность описания всего, что автор хочет донести до читателя, динамичность и эмоциональность сюжета.

Автор является членом Союза литераторов РФ и Академии Российской литературы, Директором Общественного Регионального Фонда Содействия Развитию Современной Поэзии «СВЕТОЧ», координатором Пушкинских чтений в музее-заповеднике «Михайловское», действительным членом международного клуба юмористов «Чёртова дюжина», имел персональную презентацию на Международном книжном салоне в Париже. Лауреат, дипломант и прочее. В 2019 году стал Государственным стипендиатом в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

Книга издана при финансовой поддержке Министерства Культуры РФ.

**Ольга Карагодина
Член МГО СПР, Академии Российской литературы**

От автора

Время неумолимо спешит вперёд, изменяя не только нас, но и нашу память о событиях минувших. И вот уже нам кажется, что в молодости и солнышко светило ярче, и девушки были красивее, а защитное свойство человеческой психики, старательно стирая из памяти всё негативное, приводит к идеализации определённых периодов истории нашей страны.

Так происходит и с последним десятилетием XX века. Временем, когда Россия находилась на грани исчезновения с карты мира и понесла невосполнимые людские потери, которые можно сравнить разве что с потерями в Великой Отечественной войне. Но о той Великой войне существует масса книг и научных исследований, а про «лихие 90-е» только несколько приукрашивающих это время фильмов. Поэтому я взял на себя смелость представить вниманию читателя правдивую картину тех жестоких времён, когда слово «жили» для населения нашей страны вполне обоснованно было заменено на «выживали».

Именно об этом я и пишу, основываясь на реальных событиях, происходивших с реальными людьми, ставшими героями этой книги. Конечно, согласно авторскому праву, изменены имена, характеры, а порой, и внешность этих людей, но в принципе, так оно и было.

Так же хочется выразить благодарность художнику Натали Лемницкой и поэту Татьяне Царёвой за помощь в подготовке к изданию этой книги.

Обычно автор в своём обращении к читателю желает ему приятного прочтения, но я так делать не буду, а вот о равнодушии при прочтении прошу.

С уважением...

Глава I «Cherry Boy»

В Москве в этот раз случилась ночь. Причём, та самая её глухая и тёмная часть, когда только болезненный свет неоновых фонарей освещает влажный асфальт майских улиц и молодые, свежие листья тополей прячутся в невесомой дымке. Ещё не время для рассвета и едва ли одно-два освещённых окна приходится на тёмный фасад каждого дома. Самое тихое время суток.

Спит народ. Спит и сил набирается для того, чтобы с утра снова продолжить эту неравную борьбу за право нормально жить. Борются с этой чёртовой инфляцией, нехваткой всего и всюду, гонять по городу в поисках работы и пытаться хоть как-нибудь залатать дыры в семейных бюджетах. Спит народ, давно разуверившийся в идеях Генсека-новатора, а теперь уже и в программах Президента, ограбленный собственным Правительством, но с российским оптимизмом не теряющий надежду на лучшее. Потому что завтра будет лучше, чем сегодня, ибо хуже, чем сегодня и быть уже не может.

«Страшная это штука – государство в переломный период своей истории. Как будто и правда кто-то безжалостный и могучий ломает страну и живущих в ней, сдирает кожу и режет по живому в надежде, что получится что-то более хорошее, чем было. Рвутся родственные связи, рушатся семьи, бывшие друзья становятся врагами и помощи ждать неоткуда. Государству на тебя наплевать, и такое ощущение, что ты и сам себе не нужен», - так думал, глотая горький сигаретный дым, Валька – бывший медалист английской спецшколы, бывший студент-недоучка, бывший прапорщик ракетных войск, бывший... В общем, куда не кинь, а всюду бывший. А на нынешний момент обычный безработный и потенциально брошенный муж. Последнее вполне вероятно, потому что Леночка его явно загуляла. Четвёртый час ночи, а её всё нет.

Вечером позвонила и предупредила, что задержится на работе. Дело обычное для учительницы младших классов. Или необычное, как он теперь начал понимать? Эти задержки до 10-11 часов вечера последнее время становились всё чаще и чаще, а на вопросительный взгляд Вальки, который иногда чувствовал запах спиртного в поцелуе жены, она небрежно махала рукой: «А-а, не бери в голову. У Ольги Ивановны день рождения». Он и не брал в голову, старательно не замечая заметного охлаждения жены, её постоянных упрёков и скандалов. Тем более, что были проблемы и посерьёзней.

После вывода ГСВГ из Германии, прапорщик Валька Кучков был уволен из рядов Советской Армии в связи с сокращением и вернулся на историческую родину, в город Москву. Радости его Леночки тогда не было предела. Она как раз заканчивала свой пединститут, и поездки на каникулы к мужу в ГДР должны были смениться беспросветным прозябанием вместе с любимым супругом в воинском гарнизоне. Поэтому, одной из причин, почему Валька отказался от предложенного места в Новосибирске, и было его желание уберечь её от всех прелестей служебного жилья и тоскливой жизни прапорщицкой жёнки. Это же не Любек, куда она поехала бы с удовольствием. Но благословенный Любек теперь в составе объединённой Германии. «Надо было в бундесвер на службу проситься», - с горькой усмешкой подумал он. Так и вернулся в Москву с кучей всякого нужного и не нужного барахла, накупленного на последние «дойчмарки».

Столица его появлению не обрадовалась. Кому он здесь нужен, специалист по РЛС, когда и без него бездельников хватает. Пытаясь хоть как-то устроиться в этой, новой для него, гражданской жизни, он начал мотаться по всем местам, где его специальность могла пригодиться и в ОК «Шереметьево-2» столкнулся нос к носу с капитаном Семёновым, командиром сменного боевого расчета. В ГДР капитан едва здоровался с прапором, а здесь ну прямо, как родной к нему кинулся и минут сорок в

жилетку слёзы лил, рассказывая, что нигде не может определиться. Так Валька понял, что работать по единственной имеющейся у него специальности не получится, если уж такие специалисты не у дел.

Попытался устроиться переводчиком. Благо, что английскую спецшколу закончил и в Любеке по-немецки «шпрехать» научился. Но оказалось, что как синхронный переводчик, он ещё на что-то годится, а вот грамотно составить документ на английском, и уж тем более на немецком не осиливает. Фирма, куда он устроился, промучилась с ним с полгода и предложила перейти на должность... грузчика. Он уволился. И вот теперь являлся счастливым обладателем регистрационного номера 12046 на бирже труда. И такое счастье длилось почти полгода, поскольку биржа-то была, а вот труд предоставить не очень-то спешила.

В этот период и начала потихоньку уменьшаться радость его Леночки, привыкшей к ежемесячным денежным переводам от мужа и обязательным посылкам с импортными шмотками по любому поводу. Пособие по безработице видимо так и рассчитано, чтобы человек только ноги с голоду не протянул, поэтому, как не старался Валька сшибить деньжат, подражаясь на любые разовые работы, но денег в семье становилось всё меньше, и потихоньку начали уплывать в комиссионку то видеомаягнитофон, то комплект фарфоровых тарелок, то Валькин кожаный плащ.

Тихо щёлкнул замок входной двери и жена на цыпочках, тихонько проскользнула в прихожую. Но так же тихо пройти и дальше ей не удалось. Зацепилась в темноте за что-то, и это что-то рухнуло с грохотом, а его жена, чертыхнувшись и уже не скрываясь, вошла в комнату.

- А чего это мы не спим? – с усмешкой спросила она.

- За жену волнуемся, - тихо ответил он, вдавливая окурок в пепельницу.

- Зря волнуешься, - с вызовом бросила она, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу. Даже в прокуренной насмерть Валькиными дешёвыми сигаретами комнате запах алкоголя, исходивший от неё, был очень даже чувствителен. Пахло и ещё чем-то. Чем? Валька втянул воздух ноздрями и понял. Парфюмом. Хорошим мужским одеколоном. Он даже смог определить что это «Hattric», сам таким когда-то пользовался. Почему-то сейчас этот чисто мужской запах, которым провоняла его жена, подействовал на него возбуждающе, но он постарался взять себя в руки.

- Я в школу ходил и в милицию, - продолжал он таким же спокойным тоном: «Что случилось то?»

- Всё! – дерзко ответила она, с ненавистью глядя ему прямо в глаза и даже порывисто подавшись вперёд, отчего блузка на её груди натянулась, и стало видно, что пуговицы на ней застёгнуты набекрень.

- Что «всё»? – спросил он.

- А то «всё», что я от тебя ухожу.

- Почему?

- А потому что ты мне со своей жадностью и занудством надоел до чёртиков. Не мужик, а студень из мослов, даже за себя побороться не можешь, не то чтобы любимую женщину обеспечить. «Леночка, то... Леночка, сё... Сю-сю-сю, Сю-сю-сю...» Тьфу! Баба ты, а не мужик.

Она вскочила с кресла и, подойдя к буфету, достала бутылку ликёра. Плеснула себе в стакан и, отхлебнув, плюхнулась уже на тахту. Валька молча наблюдал за её неуверенными передвижениями. Пьяна была его Леночка вдрызг, вон как её на поворотах заносит, и даже мимо такой могучей цели, как тахта чуть не промахнулась. Но всё-таки попала задницей в нужное место, откинулась и снова ногу на ногу закинула. Видимо хорошо его жёнушка отдохнула и явно не в женской компании. После гулянки в женской компании юбку задом наперёд не надевают.

Темная волна злости начала подниматься откуда-то изнутри, но вместе с тем, как ни странно, то, что его жена только что побывала в руках какого-то мужчины, опять

вызвала в нём жгучее желание завалить её на старую тахту и раздвинуть эти длинные ноги. Стараясь успокоиться, он тоже подошёл к буфету и налил себе из той же бутылки. Леночка, дерзко задрав подбородок, молча, сидела на диване, видимо ожидая, что он скажет в своё оправдание. Он молчал.

- Так вот, мой милый, - не дождавшись, продолжила она: «Я встретила человека, который знает, что нужно женщине».

- А я не знаю?

- Или не знаешь, или не хочешь... - она отхлебнула из стакана и, оставив его в сторону, поменяла положение ног, причём так размашисто, что Валька смог заметить не только отсутствие на его жене традиционных колготок, но и отсутствие нижнего белья вообще. Кровь ударила в голову.

- А он, значит, знает и хочет!?

- Да! И хочет и может! Я с ним уже три месяца встречаюсь и теперь точно знаю...

- Что!? - он шагнул к ней. Она вскинулась дикой кошкой, готовой к схватке и подскочила к нему вплотную. Запах «Хаттрика» ударил его по ноздрям, закружил голову.

- Он! Лучше! Тебя! - с вызовом бросила она ему в лицо.

Валька до скрипа сжал зубы. Эта развратная девка, до недавнего времени бывшая его женой, пахнувшая чужим мужиком и гордо не скрывающая этого, действовала на него просто одуряющее. Он сжал кулаки.

- Что ударишь!? Ну, бей! Всё равно ничего другого от тебя, как от мужика не дождёшься!

Она просто взбесилась, оглашая ночную квартиру своим воплем. Казалось, что ещё чуть-чуть, и Леночка вцепится ногтями ему в лицо.

- Ну, давай! Бей! - продолжала бесноваться она. Но его рука, уже готовая дать ей пощечину, изменила направление движения и рванула ворот блузки. Ткань с треском разошлась, оголяя упругое тело. Лифчика на ней тоже не было.

- Ты что!? - взвизгнула она, пытаясь прикрыться руками, но он заломил ей руку и поступил с юбкой точно так же, как до этого с блузкой - разорвал её и отбросил в сторону, а затем отшвырнул женщину на жалобно скрипнувшую тахту.

- Ты что? Прекрати... Кончай! - она забилась в угол, пытаясь прикрыться обрывками блузки и глядя на него огромными испуганными глазами.

- Ага. Сейчас кончу и прекращу, - жёстко сказал он, расстёгивая брюки.

- Нет, Валечка, ну не надо... - запричитала она, когда его руки начали рвать на ней остатки блузки. «Надо», - подумал он, продолжая молча тискать это, так хорошо ему знакомое, но сегодня совсем чужое тело. Она ещё пыталась вырваться или, хотя бы, оттолкнуть его, но он заметил, что соски её уже набухли и отвердели, а сопротивление становится всё слабее. И тогда он ещё жёстче стал мять эту чужую грудь, чужие плечи и чужой живот. Он делал это так грубо, что она даже застонала, но сжатые колени слегка раздвинулись и он, воспользовавшись этим, навалился всем телом и безжалостно вошёл в неё. Вошёл, как когда-то входил их десантный взвод в кишлак занятый «душманами», с одним желанием - уничтожить врага. Смять, раздавить, размазать по дуванам или, как в данном случае, по бугристой поверхности старой тахты. Запах алкоголя и мужского одеколona смешанного с запахом её духов, запах разврата, окончательно свёл его с ума и, уже почти ничего не соображая, он продолжал насиловать её.

Очень скоро она начала постанывать в такт его движениям, а затем и двигаться, помогая ему. Это окончательно добило его. «Сука! Шлюха! Подстилка!» - бросал он ей в лицо, с каждым резким движением проникая всё глубже. Она выгнулась и протяжно застонала. Этот стон ему был хорошо знаком, но если раньше он давал жене какое-то время чтобы отдохнуть и прийти в себя, то этой шалаве снисхождения не полагалось, и он продолжал так, же безжалостно наращивать темп. Но опять вместо жалобного стоны, добился только того, что она снова начала двигаться в такт с ним и, в конце концов, выгнулась дугой и закричала. Но не от стыда или боли, а от наслаждения.

Она уснула сразу, как только он оставил её в покое. Легла щекой на собственную ладонь и засопела, чему-то счастливо улыбаясь во сне. Он сидел рядом и смотрел на обнажённую женщину, прикрытую только лоскутками того, что когда-то называлось одеждой. Смотрел на её грудь, которую когда-то так любил целовать, на её стройные ноги, плоский животик и не чувствовал ничего. Абсолютно ничего. Безумный порыв прошёл, не было ни злости, ни обиды, ни даже боли, а рядом с ним лежала совершенно чужая женщина, предавшая его.

Он встал, оделся, обулся. Отстегнул с брелка ключи от квартиры и положил их на стол. А затем, проверив, лежит ли в кармане куртки паспорт, тихо вышел за дверь.

4 – 45. Самое время начинать новую жизнь.

Утренняя свежесть пробирала до костей, и посидеть на лавочке с сигаретой не удалось. Да и что сидеть-то? Успокоиться? Так он уже спокоен. Даже руки не дрожат, а внутри, вместо каких ни на есть чувств, абсолютная пустота. Просто вакуум какой-то. Была жена, и был дом, куда он больше не вернётся, но жизнь-то на этом не закончилась, и стоило подумать о будущем.

Первое – это, куда пойти? К отцу или к матери? Отец ушёл из семьи к молоденькой дочке своего научного руководителя, когда Валька учился в 10 классе. Седина в бороду – бес в ребро. Позарился на девчонку, которая старше его сына всего на три года. Да и маманя, как будто только ждала этого момента, тут же выскочила замуж за своего шефа. Может поэтому, получив аттестат зрелости, он не стал поступать ни в один из московских ВУЗов, а уехал в Ленинград, мотивируя свой поступок тем, что там конкурс меньше. И поступил на свой любимый физмат. Но с самой учёбой как-то не заладилось. Ещё в школе, будучи круглым отличником, он ухитрился находить время и для маленьких житейских радостей. Как-то пивка попить, сигареткой затянуться и с хорошенькой девчушкой в подъезде подтискаться. Но учёба всё равно стояла на первом месте. А тут, попав в студенческую вольницу, загулял, как будто с цепи сорвался. И так хорошо загулял, что злыдни в деканате видимо стали ему завидовать, и от зависти той отчислили студента-недоучку со второго курса. Тут-то на него и наложил свою могучую лапу райвоенкомат, остро нуждавшийся в призывниках для пополнения рядов Советской Армии. Валька не сильно сопротивлялся. Служить, так служить, и погоны воздушно-десантных войск надел даже с радостью. Но радость его длилась недолго. Потому что после окончания учебного отряда младшего сержанта Кучерова ждал Кандагар.

Полгода в Афгане привели его к выводу, что отсюда надо сваливать, и чем быстрее, тем лучше. Потому что есть все шансы, что до конца службы он не дотянет. Или «духи» пристрелят, или крыша набекрень съедет, поэтому, сберегая эту самую крышу, он подал рапорт о поступлении в школу прапорщиков. Окончил её и по распределению попал в ГДР, где собственно и провёл восемь самых счастливых лет своей жизни. Комфорт, уют, не напрягающая служба и хорошая зарплата, что ещё нужно человеку для полного счастья.

А тут ещё приехал как-то в отпуск и обнаружил, что тощий котёнок Ленка из соседнего подъезда превратилась за эти годы в изящную пушистую кошечку Леночку, вполне достойную того, чтобы стать женой прапорщика. Что он ей и предложил. А она и не отказалась. Так началась у Вальки его непонятная семейная жизнь. Непонятная потому, что после шумной свадьбы и медового месяца в Гаграх молодые разъехались в разные стороны. Он к месту службы в Любек, а она в Москву, заканчивать свой пединститут. Так и жили, периодически приезжая в гости друг к другу. То он в отпуск в Москву, то она на каникулы в ГДР.

А потом..., потом началась эта чёртова перестройка и всё пошло прахом. А в результате не осталось ничего. Даже жить негде, потому что прописан он у жены, в квартире, которая досталась ей от бабушки и на жилплощадь в домах матери и отца даже не имеет права. «Но пожить то пустят...», - подумал он, продолжая мерить ногами

утренний асфальт в направлении Ленинского проспекта, где была квартира матери, в которой он когда то строил домики из кубиков, готовил уроки и тайком курил в туалете, за что был даже как-то бит тапочкой по морде.

К подъезду родного дома подошёл около восьми. Не рано и не поздно. Так чтобы никого не разбудить своим ранним визитом, но и не дать матери с отчимом смяться на работу.

Дверь открыл Артём. Артём Вахтангович. Его сводный брат по матери. Чернявый мальчонка с глазами – маслинами и характерным армянским носом. «Ой, Валька пришёл!» - радостно заорал он на всю квартиру, и на этот вопль в коридор высунулась мать. «Валя? Что так рано? Случилось что?» - засыпала она его вопросами, подставляя щеку для поцелуя. «А-а, так, ерунда всякая», - отмахнулся он. «Ну, заходи на кухню. Позавтракаешь с нами», - пригласила она.

- Мам, я в школу ушёл, - громогласно доложил Тёма, и добавил: «Пока, Валька».

- Пока, - ответил он: «Смотри, без двоек не возвращайся, а то, не дай Бог, переведут во второй класс, а там уроков ещё больше задают».

Тёмка хихикнул над его шуткой и, хлопнув дверью, загрохотал вниз по лестнице, а Валька прошёл на кухню.

- Доброе утро, Вахтанг Акпарович, - поздоровался он с отчимом.

- Угу, - доброжелательно ответил тот, продолжая уминать за обе щеки яичницу с ветчиной, обильно посыпанную сверху разнотравьем национальной армянской кухни. Валька сглотнул слюну. Последний раз он ел вчера в обед. Макароны с хлебом.

Но захлебнуться собственной слюной не успел, мать оперативно поставила перед ним тарелку с яичницей. «Кушай, Валя», - пригласила она, проведя рукой по его коротко стриженной шевелюре: «Кушай, а то вон какой худой стал. Не кормит тебя твоя Леночка что ли?». «Угу», - в манере отчима ответил он с набитым ртом, и чуть не подавившись полупережёванным куском, добавил: «Теперь уже не кормит. Разошлись мы с ней...»

- Ну, дело молодое. Поссорились – помириться.

- Не знаю. Может и помиримся. А пока, можно я у тебя поживу?

- Да, конечно, на здоровье. Живи, сколько хочешь, - радушно согласилась она, но Валька заметил, как настороженно напряглась спина склонившегося над тарелкой отчима.

Ну не любил он Вальку. Что тут поделать, если его горская натура как оскорбление воспринимала то, что его женщина когда-то принадлежала другому, а Валька служил этому весомым подтверждением. Так, килограмм на семьдесят и метр-восемьдесят-семь ростом. Но мать его настороженность проигнорировала на корню.

- Мы сейчас на работу уйдём, а ты пока ложись в гостиной. Поспи, а то вон какой зелёный. Отдохнёшь, а мы вечером вернёмся, и ты всё расскажешь. Договорились?

- Договорились. Спасибо за завтрак.

Он встал и, не обращая внимания на недовольное сопение отчима, прошёл в гостиную. Вообще-то хотелось пройти в детскую, которая когда-то была его комнатой, но теперь там жил Тёма, а ему оставалось так называемое «гостевое» место на диване в гостиной. Через некоторое время в комнату вошла мать: «Ну, всё. Пока. Мы уходим».

- Пока.

- Да, если не лень, сходи за молоком и хлебом.

Валька неловко поёжился. Кроме паспорта и вложенного в него водительского удостоверения, в его карманах жили только помятая пачка с пятью сигаретами и полкоробка спичек. Ушёл из дома, в чём был. Даже денег ни копейки.

- Понятно, - усмехнулась мать, заметив его неловкость, и достала из сумочки две помятые купюры: «На, держи».

- Тут много, - запротестовал он.

- Ничего. Сигарет себе купишь.

Валька завалился на диван и бессовестно подрях до полудня, как будто и не совершал сегодня ночью преступления предусмотренного статьёй Уголовного Кодекса. Пусть даже и в отношении собственной жены. «Вот же поддонок!» - возмутился он такому факту: «И совесть не мучает...». Проспал бы и дольше, но из школы вернулся Тёмка и врубил на всю железку кассету, на которой изобретательный садюга Джерри издевался над несчастным котом Томом. Спать под эту развлекаловку на экране телевизора никак не получалось и Валька решил прикинуться послушным сыном и сходить в магазин.

Далеко ходить не пришлось, магазин по-прежнему был за углом и, чтобы как-то убить время, он решил посидеть на лавочке у подъезда, тем более, что погода разгулялась до определения «замечательная», а дежурные бабушки у подъезда почему-то отсутствовали, а пустая лавочка просто манила пристроить на неё седалищную часть спины и, включив мозговую извилину, попытаться найти выход из создавшегося положения. Сел, закурил, но мозг включить так и не успел. Случай уберёт его от такого опрометчивого шага, окликнув: «Здорово, Валёк!» Валька поднял взгляд. Случай стоял перед ним в джинсовом костюме «Super Rifle» и кроссовках «Puma», в очках и с уже активно наметившимся брюшком. Санька – его бывший одноклассник с трудно выговариваемой фамилией Под-ки-ды-шев-ский, которого все, для простоты общения, звали «Сиротой»

- Здорово, - поприветствовал он старого приятеля и предложил: «Садись, покурим».

- Я чё, дурак что ли на крашеную лавочку садиться, - неожиданно отказался тот.

Валька пощупал ладонью сиденье и как ужаленный вскочил с места. «Блин!!!» - в сердцах заорал он, пытаясь рассмотреть, насколько сильно отпечаталась зелёная краска на его чёрных брюках. Отпечаталось хорошо. Конкретно отпечаталось, и Валька в сердцах добавил ещё несколько фраз, приводить которые здесь я не рискую по причине природной скромности. Под это звуковое сопровождение он волчком крутился, пытаясь рассмотреть собственный зад, а подлец-Санька ржал как сивый мерин над его ужимками. Самому же Вальке было не до смеха. Мало того, что жены, а заодно с ней и квартиры, лишился, так теперь ещё и без штанов остался. Считаю, с голой задницей приходится новую жизнь начинать.

- Да ты не горюй, - попытался успокоить его Сирота: «Всё равно по твоим брюкам давно уже «утильсырьё» плачет. Давай лучше тему обсудим».

- Какую? - Валька перестал крутиться и посмотрел на приятеля.

- Ты как-то говорил, что машину купить хочешь...

- Ну, ты вспомнил. Это ж когда было то? Я тогда ещё на фирме работал...

- Да? Жаль. А то «тачка» есть неплохая.

- Нет, мне сейчас это дело не потянуть.

- Смотри, тебе виднее. А «тачка» хорошая. «Копейка», и всего за шестьсот «баксов».

- Так она же «убитая», наверно?

- Ну, «убитая». Только не наповал.

- Да у меня сейчас и денег нет.

- Её хозяин «Audi» взял, «сотку». Так что может быть и в рассрочку отдаст.

- Да? - уже более заинтересованно спросил Валька.

- Ну да. Я договорюсь. Мы с ним вместе работаем, так что под мою ответственность.

А ты «потаксёришь» после работы и расплатишься.

- Так я же безработный.

- Тем более хорошо. «Бомби» хоть круглые сутки.

Валька задумался. Идея была хорошая, но его останавливало то, что стаж вождения у него был совсем никакой, да и Москву он знал только с точки зрения пассажирского кресла. Но это был шанс. Другого судьба пока не предлагала, и он спросил: «А «тачка» на ходу?».

- На ходу. А то что «подубита», ты не дрейфь. У меня пацаны знакомые в автосервисе на Дубровке. Они тебе «телегу» потихонечку и «подшаманят».

- А посмотреть машину, когда можно?
- Да хоть сейчас. Только схожу домой и позвоню Димке, что мы сейчас приедем.
- Что же, давай съездим.
- Договорились. Через пятнадцать минут здесь же. Да и ты пока сходишь, штаны поменяешь, - он хохотнул: «А то, что это за покупатель с полосатой задницей. Зебра какая-то... зелёная».

Поменять штаны было проблематично, по причине отсутствия этих самых сменных штанов. В любые брюки Вахтанга Акпаровича, таких как Валька, можно было запросто запихнуть двух, или даже трёх, а Тёмкины штанишки удалось бы натянуть, в лучшем случае, до колена. Он попытался оттереть краску, но ни керосина, ни скипидара в доме не нашёл, а мыло эту заразу не брало совершенно. Но тут возникла идея.

- Тёма, - окликнул он братишку: «В твоей комнате, в шкафу мои старые шмотки лежали. Ты не знаешь, мать их случайно не выкинула?».

- Кое-что выкинула, - оторвался от телеящика Артём: «А кое-что в чулан убрала. Сказала, что когда вырасту, то донашивать буду».

- По наследству, значит. А где лежит, знаешь?

- Знаю.

- Тащи сюда. Делись наследством.

Тёмка приволок из чулана баул и Валька, вывалив его содержимое на пол, начал перебирать вещи, вспоминая, что вот это была его любимая рубашка, а у этой курточки он когда-то прожёл рукав сигаретой, а вот эти джинсы. Вот они. Родимые. Подаренные на шестнадцатилетие клёши «Levi's», над которыми он когда-то визжал от восторга и потом, уже после школы прапорщиков, сильно расстраивался, что не может застегнуть штаны при своей разросшейся заднице. Но последние месяцы сильно поубавили количество сала на чреслах и эти, когда-то трепетно любимые штаны, хоть и не без труда, удалось натянуть на себя. Однако теперь проблема была в другом. За прошедшие годы он несколько вырос и штанишки стали коротковаты, а короткий клёш - одежда типично шутовская. Впрочем, других штанов не предвиделось, а безвыходность ситуации стимулировала работу мозга, который, в итоге и выдал решение. Схватив ножницы, он по-быстрому распорол швы, которыми был обмётан низ штанин, и распустил подвёрнутый материал, а чтобы он не попытался завернуться обратно, ошпарил его кипятком из-под крана. Без обмётки штанины начали бахромиться, но это было уже нормально. Когда-то некоторые из его друзей, делающие вид, что они хиппи специально так издевались над своими джинсами. Делать всё пришлось очень быстро, потому что под окном уже несколько раз «бибикал» клаксоном заждавшийся его Сирота.

Машина самого Сироты отличалась от предложенной Вальке «копейки» примерно в семь раз. Потому что это была не «ВАЗ - 2101», а «ВАЗ - 2107», что примерно в семь раз круче. Причём чувствовалось, что Санька пылает к этому намытому и наполированному шедевру ещё советского Автопрома горячей и искренней любовью. Торпеда блестит, магнитола «Sony», чехлы на сиденьях и даже импортный ароматизатор в красивом флакончике. И ещё Валька, плюхнувшись в пассажирское кресло, заметил, что Сирота недовольно поморщился, расстроившись за слишком сильный хлопок дверью.

Пока добирались до Симоновского вала, Санька рассказал ему, что насчёт рассрочки он договорился. По сто долларов в месяц, так что за полгода управится. Но предупредил, что предстоят ещё расходы - на доверенность, на ремонт, а ещё сто «зелёных» ему, «сироте казанской». Как посреднику, за труды, муки и обеспечение гарантий. «Но с этими «бабками» можешь не спешить», - милостиво разрешил он: «Я могу и подождать месячишко».

Валька от такой щедрости чуть не прослезился.

- Ну, вот она, моя ласточка, - Димка смахнул с капота прошлогоднюю листву и, со скрипом распахнув водительскую дверь, добавил: «Вишенка».

- Чего? – не понял Валька.

- «Вишенка». Зовут её так. Цвет вишнёвый, вот сын её так и окрестил.

Цвет действительно был тёмно-вишнёвый, но сейчас, под толстым слоем грязи, угадывался с трудом. Что творится в салоне, сквозь стёкла не было видно вообще. Санька потёр боковое стекло куском ветоши и уважительно изрёк: «Тонировка. Зеркальная».

- А то! – гордо задрал нос Димка.

- А что, это круто? – поинтересовался потенциальный покупатель.

- Ещё как! – в один голос ответили продавец с посредником.

Валька не понял чего здесь такого крутого, но сравнив «Вишенку» со стоящей рядом не тонированной «шестёркой», признал, что с тонировкой машина выглядит солидней.

Димка открыл капот и, накинув клемму на аккумулятор, произнёс как заклинание: «Ну, может и заведётся...». Машина не завелась. То есть, под капотом что-то пожужжало, но без результата. Димка попробовал ещё раз. А затем ещё, и ещё...

- Может, бензина нет? – поинтересовался Сирота.

- Есть бензин, - ответил Димка: «Может, свечи залило?».

Валька стоял рядом и с умным видом слушал эти речи полупрофессионалов, из которых ни черта не понимал.

- А может, зажигание сбито?

- Ага. Или катушка отсырела.

Они пробовали снова и снова. Под капотом что-то щёлкало, жужжало, но мотор признаков жизни не подавал. Потихоньку около машины начала собираться толпа. Подходили знакомые и не очень знакомые мужики и присоединялись к консилиуму.

- Бензонасос накрылся.

- Контактная группа «трамблёра». У меня так было.

- Не-а, свечи сдохли...

- Клапан в карбюраторе залип...

- Ремень порвался.

- Ты чё, тупой? Это у тебя на «восьмёрке» ремень, а здесь цепь. Её хрен порвёшь.

- Ну, значит, на звено перескочила...

Валька стоял молча, и удивлялся количеству причин, по которым машина может отказаться заводиться.

- Во, Колян идёт. Ща его спросим.

- Колян, иди сюда!

- Коляныч, выручай!

Вышеупомянутое местное «светило» в грязных джинсах и мятой рубашке навывпуск, пошатываясь, подошло к группе «специалистов» и, дыхнув многодневным перегаром, не заинтересованно спросило: «Ну и чо?»

- Да вот, не заводится, - пожаловался Димка.

«Светило» засунуло опухшую с перепоя рожу под капот и минуты две старательно фокусировало взор на том, что там находится, а затем, вынеся морду наружу и икнув, ласково сказала: «Придурки, мля. Провод на «трамблёр» наденьте...»

- Чёрт! – хлопнул себя по лбу Димка: «Я же его сам по осени снял, чтобы машину не угнали». И он радостно полез под капот что-то там на чего-то надевать. После этой процедуры «Вишенка» фыркнула, хлопнула дымом из выхлопной трубы и зарокотала мотором.

- Машина – зверь! – похвастал Димка: «Спасибо, Колян. Что бы мы без тебя делали».

- Не за что. Обращайтесь... особенно если выпить захотите, - и герой, победитель мотора, икнув, тем же покачивающимся аллюром побрёл прочь.

- Вот же мастер! – с восхищением бросил кто-то ему вслед.

- А что, он всегда такой... тёплый? – поинтересовался Валька.

- Не, только когда в запое. Так-то у него и башка варит, и руки золотые, но раз в полгода с катушек срывается и пьёт месяц-полтора, пока его Маринка не озверееет от того, что он вещи из дома продаёт, - объяснил Димка.

- А потом?

- За ум берётся и опять работает. Я свою «сотку» у него ещё в прошлый запой выкупил, пока он её по пьяни не раздолбал. Ну что, берёшь «копейку»?

- Прокатиться бы...

- Садись. Только, пока не купил, я за рулём.

«Вишенка» оказалась резвой машинкой и, лихо, взвизгнув резиной, выскочила из двора на проезжую часть. Димка надавил на педаль «газа» и машина, с утробным рычанием, начала набирать скорость.

- Смотри, какой приём! – перекрикивая рёв мотора, похвастал Димка: «Песня! Ракета, а не «тачка»! Москва – Воронеж, хрен догонишь!»

Валька опять ничего не понял, но с умным видом покачал головой. Хотя, как едет машина ему понравилось. Шустро. Даже пошустрей, чем Санькина «семёрка». Оставалось решить последнюю проблему. Где взять денег на первый взнос.

Когда, покатавшись минут пятнадцать, они вернулись во двор и Димка спросил: «Ну что, нравится машина? Берёшь?», Валька, почесав в затылке, честно сознался: «Нравится. Но денег нет».

- Как нет? Даже ста «баксов»?

- Ага, - подтвердил Валька и, внезапно придя к решению, стянул с пальца обручальное кольцо и хлопнул его на капот: «Вот. Это всё».

Санька и Димка недоумённо переглянулись.

- Да-а, ситуация...

А Валька взял и расписал им эту ситуацию. Честно и ничего не скрывая, за исключением интимных подробностей. Похоже, что мужики прониклись его положением и, пока он рассказывал, сочувственно покачивали головами.

- Ну что, надо выручать пацана, - предложил Димка, когда печальная история подошла к концу.

- Надо, - согласился Санька.

- Ты за него слово даёшь?

- Базара нет. «Кучер» по долгам всегда платил.

- Отвечаешь?

- Зуб даю.

- Зуб не надо, «видиком» ответишь.

- Замётано.

- Ну, тогда поехали доверенность оформлять.

Валька замялся, а Димка, заметив его смущение, покровительственно похлопал его по плечу: «Не бойсь, я плачу. Потом отдашь».

Так бездомный и безработный Валька Кучеров стал счастливым обладателем автомобиля «ВАЗ – 2101», 1981 г.в., цвет – вишнёвый, пробег – 180 тыс., капремонт двигателя в прошлом году, цена 600 у.е. Торг уместен...

Обещанный Сиротой автосервис на Дубровке был замаскирован не хуже секретных объектов ГСВГ. Прямо с проезжей части, через разбитый бордюр ныряла в кусты посыпанная щебнем дорожка, чтобы через десять метров круто повернуть вправо и упереться в обшарпанные и помятые голубые ворота, в данный момент гостеприимно распахнутые и даже подпёртые кусками арматуры. Видимо для того, чтобы никто не сомневался в гостеприимности хозяев автосервиса.

Валька, следуя за задним бампером Санькиной «семёрки», вкатился на эту особо засекреченную территорию и, заглушив мотор, наконец-то утёр пот со лба. Водить машину и так дело нелёгкое, а водить машину по Москве, да ещё пытаться не отстать от такого гонщика как Сирота, вообще каторжное. Так что у Вальки сейчас было такое

состояние, как будто он разгрузил целый вагон «чугуня» – спина окаменела и затекла, а руки сводило судорогой.

На шум моторов въехавших машин появились и хозяева. Невысокий, старый пёс, больше напоминавший бочонок на кривых ножках, оскалив в плотоядной усмешке жёлтые сточенные клыки, молча и неторопливо направился к вышедшему из машины Вальке, видимо приняв его за свежепривезённый хавчик, а два его собрата помоложе двигались чуть сзади, утробным рычанием подтверждая свою готовность присоединиться к трапезе.

- Антоша, нельзя, - строго предупредил его подошедший Санька, спасая Вальку от превращения в груды обглоданных мослов. Облезлый и клокастый Антоша печально вздохнул и, в последний раз облизнувшись на Вальку, демонстративно отвернул в сторону покрытую шрамами морду. Тут же, как по команде, прекратили рычание и оба его подручных, синхронным вилянием хвостов подтверждая перевод Вальки из разряда «потенциальной пищи» в разряд «потенциальных клиентов» собачьего автосервиса. Сирота наклонился и потрепал пса за ухом. Антоша ответил на ласку довольным урчанием.

- Погладь его, - предложил Санька.

- А не укусит? – засомневался Валька.

- Теперь уже нет. А так Антон у нас парень боевой. Ты не смотри, что старый и почти ни хрена не видит. Он, если пару штанов за неделю не порвёт, то чувствует себя плохо. Просто болеет.

Валька осторожно погладил грязно-серую жёсткую и свалявшуюся шерсть, которую, если когда и мыли, то только дожди и ливни. Пёс принял его ухаживания настороженно, но не отдёргнулся и не зарычал.

- Подружитесь, - с уверенностью заявил Сирота: «А если почаще заезжать будешь, и пожрать им привозить не забывать, то вообще полюбят как родного».

Антон красноречивым молчанием подтвердил правильность этих слов, причём на слове «пожрать» демонстративно облизнулся.

- А это его стая. Жора и Черномырдин, - представил Сашка, сидящих чуть поодаль, бело-рыжего и абсолютно чёрного псов.

- А почему «Черномырдин»? – удивился Валька.

- Так его сюда щенком принесли, когда Черномырдин премьером стал. Вот ребята его и окрестили, чтоб было кого пинать, если правительство над народом очередную афёру задумает.

- А «Антон» и «Жора»?

- Этих в честь начальника треста и его зама.

- Что, по той же причине?

- Естественно. Это же автобаза треста. Официально. Так что мужикам приходится под начальством жить.

- Так это не автосервис?

- Нет. Государственная автобаза. Только трест уже почти лопнул, и мужики «халтурят» в полный рост, а начальству только «бабки» отстёгивают.

- Ясно. А где мужики то?

- Да здесь где-то.

Валька оглядел территорию. Вагончик бытовки, два стоящих бок обок здоровенных бокса и эстакада рядом с ними, да ещё с десятков гаражей поменьше рядом выстроившихся вдоль забора. Всё изрядно обшарпанное и когда-то крашеное голубой краской. Несколько вразнобой стоящих машин, кучи какого-то мусора и покосившаяся собачья будка в углу. Развал и запустение. «Впрочем, как и по всей стране», - подумал он про себя. В дальней части асфальтированной площадки стояла «Волга» с задраннным капотом, возле которой сидела на табуретке и читала книгу какая-то женщина, но из-под машины торчали чьи-то ноги в кирзовых сапогах, и это внушало надежду на то, что в этом подпольном автосервисе, кроме собак всё-таки водятся и другие слесаря.

- Наверно работают мужики, - предположил Сашка и направился к полуоткрытым воротам одного из боксов, из-за которых слышалось какое-то шевеление и звуки ударов. Валька двинулся за ним.

Действительно, мужики оказались в боксе. Один, плечистый и мордастый, вольготно развалился в кресле с ободранной обивкой и что-то ковырял отвёрткой в генераторе, положив его на колени и придерживая правой рукой. Причём отвёртку в левой руке он зажал как-то неловко. Другой, судя по звукам, доносившимся из-под стоящего на яме «Москвича», выполнял там какие-то особо важные ремонтные работы, о сложности которых говорил поток ненормативной лексики вперемежку с ударами кувалды. Поток был цветаст и красноречив. Чувствовалось, что работает специалист.

- Здорово, Никеша, - поприветствовал мордастого Сирота: «Я Вам клиента привёл».

- А, Саня, здорово, - ответил ковыряльщик и, отложив генератор в сторону, кивнул Вальке и представился: «Сергей».

- Но лучше Никешей называй, - влез Сирота и добавил, специально для Вальки: «Они здесь все трое Сергеи, так что только по кличкам».

- И в чём проблема? – поинтересовался Никеша-Сергей.

- Да вот, Валька «копейку» взял. Посмотреть бы...

- О, это запросто. Серый, хорош дрыхнуть! Вылезай из ямы, «халтура» пришла!

Поток мата вперемешку со звуками ударов из смотровой ямы прекратились, и из-под колеса высунулась чумазая и усатая морда, обрамлённая длинными спутанными патлами, видимо для удобства перехваченными по лбу грязной тряпичной повязкой.

- А тебе чо, косорукий, в падлу что ли? Или жопу от баночки лень оторвать, - добродушно спросил чумазый.

- Не лень. Просто я умный и на жопе думаю, - так же беззлобно ответил Никеша.

- Умный он. Ишаку хвоста крутить, - сделал вывод ямный обитатель и полез наверх, сопровождая свои телодвижения жалобным стоном: «Эх, жисть моя поломатая. Обижают все кому не лень».

- Так у нас ленивых и не держат, - прокомментировал это заявление Никеша.

- Вот ты и не моешься, потому что чесаться не лень. От твоих портянок уже все крысы передохли, - последовал немедленный ответный выпад.

Валька усмехнулся. Ещё неизвестно, как руками, но языком эти слесаря работали хорошо.

- Я тоже Сергей, в смысле Серый, - бросил волосатый, проходя мимо Вальки на выход из бокса: «Ну, давай, показывай свою «ласточку» ненаглядную».

- А они что, всегда так друг друга прикалывают? – тихо спросил Валька у Сироты, выходя вместе с ним из бокса.

- Эти? Да. А Кержач, если они вдвоём на него ополчатся, просто убегает.

- А Кержач, это кто?

- Третий в их банде.

- А его что, сегодня нет?

- Почему нет? Вон он, - вмешался слышавший последнюю фразу Серый и кивнул в сторону торчащих из-под «Волги» растоптанных «кирзачей»: «Свою «баржу» колупает. По «жестянке» с работой голяк».

- А с книжкой, что за дама сидит?

- Жонка евойная. Бдит, чтобы опять не нажрался. Ладно, давай, открывай капот.

Валька выполнил указанную операцию и волосатый слесарь, заправив патлы за воротник, с очередным тяжёлым вздохом, нырнул под капот. Что-то там щупал, чем-то щёлкал, обо что-то обжёгся, и, помянув недобрым словом «глушитель и мать его...», вылез наружу.

- Вроде ничего. Теперь бы мотор послушать, - поставил он предварительный диагноз и, потирая красное пятно ожога на запястье руки, подал следующую команду: «Возбуждай!»

- Кого? – не понял Валька.

- Ну, не меня же! Мотор заводи.

Валька повернул ключ в замке зажигания. Под капотом что-то лихо зажужжало, но мотор не завёлся. Валька растерянно посмотрел на слесаря.

- Педальку топни, - с лёгким раздражением посоветовал мастер.

- Какую? - не понял Валька и получил в свой адрес взгляд полный неподдельного изумления его тупостью, сопровождаемый чётким и точным ответом.

- Педаль управления приводом дроссельной заслонки. На «газ» нажми, чайник!

Валька попытался ещё раз, но уже по рекомендованной методике, и мотор тут же зарокотал. А слесарь-эксперт достал из-за голенища сапога длинную металлическую трубку и, приложив один её конец к уху, другим начал тыкать в разные части двигателя.

- Чего это он? - спросил Валька у Сироты.

- Мотор слушает, - с уважительными интонациями в голосе ответил тот: «Таких «слушачей» в Москве по пальцам пересчитать можно, да и то они в основном на пенсии».

- А что, это так сложно?

- А ты сам попробуй в общем шуме каждую отдельную деталь выделить, да ещё и определить правильно ли она звучит.

- Да уж, интересные мужики.

- Ага. Никеша - инженер-конструктор автомобилей, или как его Серый называет «инженер минус конструктор». Бывший водитель-испытатель с ЗИЛа. Заметил, что у него руки как крюки?

- Ну.

- Это после аварий. Переломан так, что по кускам собирали. Считаю инвалид.

- А как же он работает?

- А вот так и работает. Но заметь, что своими корявыми шкрябками так гайку затянет, что Кержач потом ключом свернуть не может. Он у них самый дохлый. Ему на «зоне» половину лёгкого вырезали и отпустили досрочно. Он потому и Кержач, что сидел в тех местах. Так что тоже убогий, но, как Никеша говорит, «слесарь от Бога».

- А Серый? Что, тоже инвалид?

- Ну да, у него что-то с суставами и по весне пальцы как сосиски распухают, но тоже работает. А они смеются, что в бригаду к себе только таких же, как они сами принимают.

Тем временем инвалид под капотом закончил прослушивание и совсем не по инвалидовски гаркнул: «Гаси!» Валька догадался, что это обозначает и, заглушив двигатель, вопросительно уставился на Серого.

- Ничего, жить будет. «Распред» слегка тарахтит, клапанишки подстукивают, да ещё «поросёнок» чуток бормочет, а так ничего смертельного, - вынес он свой вердикт: «Теперь на подъёмнике подвеску посмотрим и всё тебе на бумажке распишем». Захлопнул капот и плюхнулся на водительское место, а Валька с удивлением заметил, как ёкнуло что-то у него внутри, когда грязная ткань спецовки коснулась жёлтой кожи сиденья.

Диагноз, выданный доктором по заболеваниям ходовой части был не столь оптимистичен. Срочно требовалось поменять какую-то тягу и что-то там отрегулировать.

Причём срочно, «...а остальное подождёт». Валька жалобно посмотрел на Сашку, но тот сам подсказал выход:

- Попроси у Серого, чтобы в долг сделал.

- А он согласится? Кто я ему?

- Наверно согласится. Ты ему понравился.

- С чего ты решил?

- А он тебя сразу на «ты» называть начал. Обычно он клиентам «выкает» пока те в доверие не войдут. А вот если ещё и «по матери» тебя обложит, то считай, что ты у него уже в друзьях.

Такое расположение мастера радовало. Ведь «коли доктор сыт, то и больному легче». Валька собрался с духом и спросил лохматого о возможности ремонта в кредит.

- Можно, - охотно согласился Серый: «Покури с полчаса. Ща усё сделаю».

Сашка, посмотрев на часы, куда-то заторопился, распрощался со всеми и, фыркнув дымком из выхлопной трубы, уехал, а Валька сел на лавочку возле бытовки и с любопытством осмотрел территорию уже более внимательно. Место для автосервиса, видимо, подбирали с умом и с тем расчётом, чтобы он был как можно незаметней. Густые кроны тополей, росших вперемешку с кустарником, поднимались выше забора и даже нависали над ним, создавая впечатление, что этот кусок асфальта, огороженный со всех сторон бетонными плитами, находится не в центре города, а где-то в лесу, и только шум машин, доносившийся с проходящей рядом дороги, говорил об обратном. Где-то вокруг шумел город, а здесь царило сонное спокойствие. Развалившись на тёплом асфальте, бессовестно дрыхла собачья охрана, изредка постукивал в боксе молоток Серого и даже сапоги Кержача, торчащие из-под «Волги» не шевелились. Хорошо и спокойно, так, что Валька даже задремал, добирая то, что не успел за ночь.

- Проснись..., - ласково пнул его «кирзачём» по подмётке ботинка Никеша: «...а то мухи обсерят». Он уместил своё сиденье на лавочке и продолжил: «Готова твоя «тачка». Я электрику посмотрел. Щётки генератора менять придётся, а так ничего. Поездит ещё».

- Это у тебя первая машина? – включился в разговор, подошедший Серый, который уже выгнал «копейку» из бокса и теперь куском ветоши вытирал перемазанные солидолом руки.

- Да. Только сегодня взял.

- Перед девками теперь понтоваться будешь?

- Нет, решил частным извозом заняться.

- Хорошее дело. Таксист бывший?

- Нет.

- Ну, а за рулём-то давно?

Валька прикинул, что хотя права он получил ещё пять лет назад, но за всё это время ездил всего пару раз на «Трабанте» знакомого немца, и честно ответил:

- Нет. Первый день сегодня...

Серый удивлённо присвистнул, а Никеша, со свойственным ему оптимизмом заметил:

- Зря ты, Серый, его в кредит чинил. Он с первым же клиентом раздолбается нахрен и плакали наши денежки.

- Не-а, он парень честный. Будет ездить аккуратно. Так, что, Вальшук, не подводи меня. На, держи, - он протянул Вальке ключи от его машины: «Езжай с Богом».

Валька неторопливо полз вдоль тротуара, не обращая внимания на возмущённое «бибиканье» других водителей, вынужденных объезжать его. Нужно было выработать какую-то стратегию, каким образом искать этого самого клиента, но клиент нашёл его сам. Молодой парень в очках, с огромным спортивным баулом призывно поднял руку, и Валька плавно нажал на педаль тормоза.

- Шеф, на Азовскую подбросишь?

Валька задумался. И где же она, эта Азовская?

- Две тысячи, - попытался стимулировать его мыслительный процесс парень.

Валька продолжал задумчиво сидеть. О существовании такой улицы, до сей поры он даже и не слышал.

- Хорошо, три, - неверно понял его раздумья парень.

- Годится, - с жадностью согласился свежее испечённый таксист и робко добавил: «А как ехать покажете?»

Парень хохотнул и, закидывая баул на заднее сиденье, начал объяснять:

- По Андропова до второго светофора, а там направо, до Варшавки и налево...»
- Да что ты мне словами! Ты мне пальцем, пальцем покажи, - взорвался Валька.
- Ладно. Тогда пока прямо..., «чайник».

Как ни пророчествовал Никеша, но первая поездка прошла довольно гладко. Правда, намного медленнее, чем рассчитывал его пассажир, и очень нервно для остальных участников дорожного движения, которые изо всех сил давили на клаксоны, показывая, как надоели им всякие уроды, только путающиеся под колёсами. Но, в конце концов, они без происшествий добрались до пункта назначения, и парень честно поделился с ним тремя помятыми бумажками, одну из которых Валька сразу же отложил в «бардачок», чтобы рассчитаться за ремонт, а вторую разменял в ближайшем продмаге. Потому что жрать уже хотелось невероятно.

Но заморить жалобно урчащего в утробе червячка не удалось. Метрах в пятнадцати перед ним к проезжей части подошли две девушки и начали ловить транспортное средство. Валька с места рванул к ним и успел первым, опередив какого-то дедка на зелёном «Москвиче».

- Калужская площадь.

- Сколько? – с наигранной небрежностью спросил он, судорожно пытаясь сообразить, где эта Калужская.

- Три, - робко предложила одна из девушек, и тут до Вальки дошло, что Калужская – это же метро «Октябрьская», а «Октябрьская» - это же Ленинский проспект, в который упирается та самая улица, с которой они сворачивали на Азовскую! Поэтому он радостно согласился: «Поехали», и распахнул дверь.

Светофор на выезде с Азовской горел зелёным светом и Валька надавил на «газ», стараясь успеть и проскочить. И успел. И проскочил. Но тут же был остановлен повелительным жестом полосатой палочки толстобрюхого сотрудника ГАИ.

- Нарушаем, товарищ водитель, - грозно сказал страж дорог робко вылезавшему из машины Вальке.

- Что нарушаем?

- Проезд под запрещающий знак.

- Какой?

- А вон, видите, знак висит, - полосатая палка указала направление: «Поворот налево запрещён».

- Да я не нарочно, - попытался оправдаться Валька.

- Все вы не нарочно... Документики, пожалуйста. С Вас штраф. Пять тысяч.

- Товарищ капитан, ну не заметил я его, - заскулил Валька, понимая, что если он сейчас не заплатит штраф, то у него отберут права. А это всё. Кранты.

- Может, простите для первого раза, - продолжал скулёжничать он: «Я сегодня первый день за рулём. Вот, посмотрите, дата на доверенности».

- Тем более. Первый день и уже нарушаете. Вот заплатите штраф...

- Да нет у меня столько! – Валька вывернул из узкого кармана джинсов всё своё богатство и показал ГАИшнику на раскрытой ладони: «Вот. Это всё».

Капитал брезгливо, кончиками пальцев, выбрал с его ладони бумажки, а монетки стряхнул обратно и потянул Вальке его документы.

- Ладно. Езжайте. Я сегодня добрый.

Поблагодарив «доброе мента», Валька запрыгнул в машину и вытер со лба холодный пот. Выходило, что кроме статей расхода по выплате кредита и долгов за ремонт машины, требовалось обеспечить взятками московское ГАИ. А то, что обеспечивать их придётся, он даже не сомневался, учитывая его «доскональное» знание Правил дорожного движения. Поэтому, высадив девушек на Калужской, часть полученных от них денег, он потратил на покупку сборника Правил и карты города. Похоже, что без хорошей теоретической подготовки заниматься извозом в мегаполисе просто не реально, и эти брошюры становились для него сейчас и Старым, и Новым Заветом.

Покрутившись ещё с час впустую вдоль бордюров в поисках клиента, Валька решил, что на сегодня хватит и, руководствуясь картой, двинулся в сторону Дубровки с похвальным намерением прямо сейчас рассчитаться хотя бы с этим долгом. Добирался часа два, тыркаясь, как слепой кутёнок, во все переулки, путаясь в улицах и проскакивая перекрёстки лишь тщательно осмотревшись в поисках запрещающих знаков и сотрудников ГАИ. Так что, когда его «копейка» въехала в голубые ворота, солнце уже клонилось к горизонту.

- Вот, - он протянул Серому деньги: «Должок привёз».

- Молодец, - похвалил его тот и, обернувшись к стоящему рядом Никеше, излился в ехидстве: «Ну что, колчерукий, проспорил? Будешь теперь вместо меня завтра ночью дежурить». А затем пояснил Вальке: «Мы с ним замазали на то, что заработаешь ты сегодня хоть что-нибудь или завтра твою «копейку» из фонарного столба вырезать придётся». Никеша недовольно буркнул: «Дуракам везёт...», и хотел уже что-то добавить, но в этот момент в ворота въехала синяя «шестёрка» со свежепомытым крылом.

- О! Халтура подвалила! – тут же обрадовано заорал он и, потирая руки, пропел: «Жестяночка! Покрасочка! Деньги будут в кассочке!», и оба мастера дружно, как по команде бросились к «денежной» машине.

- Здорово, «урки»! – добродушно поприветствовал их, вылезая из машины, бритый парень типично бандитской наружности, в спортивном костюме «Adidas», кроссовках и кожаной куртке.

- Здорово, Шнырь! – дружно ответили «урки»: «Где опять «тачку» подставил?»

Подслеповатый Антон со своей свитой направился было попробовать свежего питания, но узнав постоянного клиента, вильнул хвостом в качестве приветствия и, печально вздохнув, опять завалился на асфальт.

- Да-а «фраер» один подрезал. Увидел «шляпу» у бордюра и ломанулся, - в типично бандитской манере растягивая слова начал бритоголовый: «Задолбали эти «чайники». Так что делайте, пацаны, по полной схеме, этот «лох ушастый» за всё платит.

- А не спрыгнет? – поинтересовался Никеша.

- Куда!? – изумился Шнырь: «Я у него «ксиву» отобрал. У меня не спрыгнешь!» И он с гордым видом достал из кармана и продемонстрировал «уркам» чужой паспорт.

Валька прикинул, что его счастье в том, что он ещё не натыкался на таких «шнырей», а то финансовый крах его извозчичьей карьеры был бы быстрым и неотвратимым. Таким образом, количество опасностей в том роде деятельности, который он избрал себе, росло как снежный ком.

Слесаря, обрадованные открывшимся перед ними творческим простором, пощупали помятое крыло, покачали колесо, презрительно пнули сломанный бампер и вынесли вердикт.

- «Баксов» триста - триста пятьдесят.

- Годится, - согласился Шнырь, но внёс свою поправку: «Значит шестьсот, но из них двести – мне».

- Согласны, - подтвердил договорённость Никеша.

- А готово когда будет?

- Надо «жестяного» спросить. Ему же делать. Эй, Кержач, брось ты свою «баржу»! Работа пришла!

Сапоги Кержача, до сих пор торчавшие из-под «Волги» в том же положении, даже не пошевелились. Его жена, отложив книгу, наклонилась под машину и громко позвала своего благоверного: «Серёжа, вылезай. Ребята зовут». Сапоги на это тоже не отреагировали.

- Уснул он там что ли? Или сдох? – предположил Никеша и двинулся в сторону «Волги».

- Не-а, «сдох» нам не надо, - добавил Серый, направляясь вслед за ним, но не преминул вставить товарищу «шпильку»: «А то вонять будет, похлеще, чем ты к концу рабочего дня».

Дружное пинание сапогами по подмёткам слесаря-жестянщика эффекта не принесло, и тогда Никеша и Серый, схватившись за «кирзачи», выволокли работягу из-под машины прямо на листе фанеры, на которой тот расположился. Зрелище впечатляло и умиляло. Кержач, видимо пытаясь сочетать приятное с полезным, ухитрился захватить с собой под машину полулитру водки, которую и посасывал в процессе работы через виниловую трубочку. Но сочетать приятное с полезным - занятие сложное, и в данном случае приятное пересилило полезное, навевая на труженика грёзы Морфея. Он так и уснул, сжимая в одной руке гаечный ключ, а другой нежно прижимая к себе теперь уже пустую бутылку, причмокивая и пуская пузыри.

Когда они вволю насмеялись над Кержачом, который спросонок тупил и этим вызывал новые взрывы хохота, успокоили его жену, порывавшуюся прямо на месте набить морду «этому алкашу», Валька подошёл к Никеше и спросил:

- А можно я машину здесь до утра оставляю?

- Можно, - разрешил Никеша: «За «пятихатку» до утра...»

Валька прикинул, что свободных пятисот рублей у него сейчас нет и, попрощавшись, поехал в сторону Ленинского проспекта, но теперь уже к матери.

На «Автозаводской» опять повезло, и он подвёз тётку с двумя детьми и тремя чемоданами на Павелецкий вокзал. Правда, денег заработал всего полторы тысячи, но не сильно расстроился, понимая, что и эту стопку пожёванных сторублёвок тётка набрала с большим трудом.

Припарковав машину у подъезда, он поднялся в квартиру и застал всё семейство в процессе поедания ужина, причём в отношении Вахтанга Акпаровича он окрестил это действие как «пожирание». Оказав посильную помощь в уничтожении жареной картошки с котлетами он, вместе со всеми перешёл к чаю, где и вынужден был дать исчерпывающий ответ на вопрос матери: «Ну, и что же у Вас с Леночкой случилось?»

- Ничего особенного, - довольно легкомысленным тоном ответил он. События прошлой ночи, за массой всего того, что произошло сегодня, казались уже далёким прошлым и воспоминания о них не так щемили душу как раньше: «Леночка нашла себе другого. Я теперь свободный человек и буду жить самостоятельно».

- Может, помириться? – предположила мать.

- Вряд ли. Она это решила окончательно.

- Ты ей звонил?

- Нет. И не буду.

- А жить где собираешься? – влез с вопросом отчим. Видимо эта тема интересовала его больше, чем семейное положение пасынка.

- Пока не знаю, - честно признался он. Мать среагировала моментально, видимо этот вопрос обсуждался ещё до его прихода.

- Пока можешь у нас, но лучше с отцом поговори. У нас одна комната проходная, а у них все три отдельные – тебе там удобней будет.

Валька тяжело вздохнул. В общем, он, конечно, ожидал, что его будут пинать из квартиры в квартиру, как мячик на футбольном поле, но он не рассчитывал, что процесс начнётся так скоро.

- А вообще-то тебе надо на развод подать и у неё полквартиры отсудить, - продолжила высказывать своё мнение мать: «Ты там прописан, так что имеешь полное право».

- А вот этого не будет никогда! – резко ответил Валька.

- Почему? Ведь это же она тебя бросила.

- Да. Но это не повод. Она женщина.

Отчим задумался, а потом негромко сказал: «Да. Ты прав».

Перед сном он вышел на балкон покурить и тут же, вслед за ним, на балкон мышкой выскользнула мать, видимо в надежде на откровенный разговор. Посопела недолго, стоя рядом с ним и облокотившись на перила, а потом начала, причём сразу с главного.

- Скажи, ты, что её с другим застал?
- Считаю что так. Она сама мне сказала, - неохотно признался он.
- Жаль, конечно. Но может и к лучшему, что сейчас.
- Почему?
- Ты только не расстраивайся сильно, но пока ты в Германии служил, она здесь гуляла направо и налево. То один её провожает, то другой, пока на бабкину квартиру не съехала.
- И ты молчала! – возмутился он.
- Что я, дура что ли, собственному сыну семью рушить. Она, глядишь, и оправдается, а я могу на всю жизнь сына потерять. Да и понять её можно...

- В том, что изменяла?
- Да. Ты уедешь на полгода, а она женщина молодая, видная...
- Так ты считаешь, что измена – это нормально!?

- Не будь таким снобом. Это нормально, если никто не знает и не во вред семье. Я твоему отцу ещё за пять лет до развода изменять начала, и вообще неизвестно чем бы дело кончилось, если бы он сам от нас не ушёл. Может, быть что и я собрала бы вещички, да к Вахтангу ушла.
- А отец об этом знал?
- Нет. Но думаю, что догадывался. Да нет, не думаю – знаю.

Валька стоял молча, как громом поражённый. Мир моментально перевернулся кверху тормашками. Мало того, что его Леночка, кроме которой он никого вокруг не замечал, изменяла ему, так ещё и мать обманывала отца. А значит, та неприязнь, которую он к нему испытывал после развода, не совсем обоснована и у отца были и другие причины покинуть семью, кроме внезапно вспыхнувших чувств к дочери своего шефа. Всё это с трудом укладывалось в голову. Было тяжело и больно так, что казалось трудно дышать.

Мать тихонько постояла рядом с ним, а потом с сочувствием положила руку ему на плечо.
- Да ладно, не переживай ты так. Перемелется – мука будет. Это жизнь.
Валька дёрнул плечом, сбрасывая её руку, и продолжал, молча и яростно втягивать в себя горький сигаретный дым, как будто это могло ему чем-то помочь.

Ночь Валька спал плохо. И совсем не из-за тяжёлого осадка от разговора с матерью. Проклятый частный собственник, поселившийся в нём с покупкой «Жигулей», несколько раз за ночь будил его и заставлял вскакивать к окну, вглядываясь, не обидел ли кто-нибудь его машинку. Он подбегал к окну, смотрел на матово блестящую в свете фонарей «Вишенку», ложился и снова засыпал. Но сон его был чуток и тревожен. Поэтому, когда утром родичи начали шляться через гостиную, он тут же проснулся. А раз уж проснулся, то не грех бы и присоединиться к утренней трапезе.

- Картошки купишь? – уходя, спросила мать.
- Угу.
- Деньги я на холодильник положу.
- Не надо. У меня есть, - с лёгким оттенком гордости ответил он.
- Откуда? – удивилась мать.
- Работу себе нашёл.

Из коридора в комнату высунулось заинтересованное лицо отчима, а мать так же удивлённо спросила: «Какую?»

- Таксистом, - слегка покривил душой Валька.
- Таксистом? Бедненький. Это же ревматизм, геморрой и расшатанные нервы. Ты что, ничего лучше найти не мог?
- А у тебя есть другие предложения?
- Нет...
- Вот и нечего меня жалеть.

Целый день новоявленный «таксист» Валька крутился по городу, стараясь не отъезжать далеко от знакомых мест и сшибая то здесь тыщонку, то там полторы, а в результате набралась вполне приличная сумма. Хватило и машину заправить и самому пожрать, причём машину он «накормил» в первую очередь. Даже осталось ещё чуть-чуть, хотя часть денег он, как хомяк запасливый, сразу же отложил в обнаруженный им тайник под «бардачком», помня о том какие долги висят над ним. А раз деньги остались, то потратить их следовало с умом, на решение насущных проблем. Самой насущной была проблема с жильём, и он решил съездить к отцу, но предварительно, конечно, позвонить, чтобы опять не попасть в неловкую ситуацию.

Валька хмыкнул, припомнив тот случай... Он приехал на каникулы после первого курса, по студенческому разгильдяйству не предупредив никого о своём визите и, естественно, оказался перед закрытой дверью квартиры на Ленинском. Мать с отчимом куда-то уехали, а ключи он ещё зимой в Питере по пьянке потерял. Пришлось ехать к отцу на Таганку. Туда позвонить он тоже, то ли не догадался, то ли поленился и позвонил в дверь, за которой его не ждали.

Дверь открыла Наташка, новая жена его отца, и замерла, изумлённо распахнув глазищи. Ожидала увидеть мужа, а увидела своего взрослого пасынка. Точно так же ошарашено замер и Валька с отвисшей челюстью, потому что мачеха встречала его в костюме Евы. То есть абсолютно голая, если не считать одеждой чёрные чулки. Несколько секунд он ошалело таращился на её груди, дерзко торчащие в разные стороны, а затем до Наташки, видимо, дошла вся пикантность этой ситуации и она, взвизгнув, бросилась прочь из прихожей, мелькнув на прощание белыми ягодицами. «Худющая», - ещё подумал он тогда.

Ни он, ни она об этом, конечно, никому не рассказывали, но отчуждение в их отношениях только усилилось. Валька Наташку, с её вечно задранном носом, и так недолюбливал, считая причиной развода, а тут и она, видимо испытывая неловкость от того, что он застал её в таком виде, начала сторониться его. В общем, отношения между ними были ровные, холодные и на «вы».

Позвонил из ближайшего телефона-автомата и, выяснив, что отец дома и «рад его видеть», купил в ближайшей булочной вафельный торт и поехал на Таганку. «Поехал» - это громко сказано, потому, что в это время суток улицы Москвы напоминали реки с идущим на нерест лососем. Так же плотно, колесо к колесу, двигались по улицам и машины, то замирая у светофоров, то рывком преодолевая свободные участки. Час «пик». На самой Таганке творилось вообще что-то невообразимое. Чтобы выехать с площади в нужном им направлении осатаневшие водители ехали, кто как хотел, пересекая полосы движения в совершенно неестественном направлении, «бибикая» и злобно матерясь друг на друга. Пока вывернулся на нужную ему Интернациональную семь потов сошло, два раза чуть не уткнулся в чей-то задний бампер, а какой-то лихой «Мерседес» едва не протаранил ему левое крыло.

Дверь ему открыла изрядно располневшая после родов Наташка.

- Здравствуйте. Проходите. Спасибо, - церемонно поприветствовала она его, принимая коробку с гостинцем, и жестом руки, приглашая пройти в комнату. Из-за угла с любопытством таращила на него свои голубые глазёнки четырёхлетняя Алёнка, с детской непосредственностью не перестающая удивляться тому, что этого большого и взрослого дядю все называют её братиком. Братик, он ведь маленький и должен с ней в игрушки играть, а этот вон какой большой и курит.

- Ну, здорово, лисичка-сестричка, - он присел перед ней на корточки и протянул не совсем чистую ладонь.

- Здойово, бйатец-войк, - она хлопнула по его руке своей бархатной ладошкой, засмеялась, убежала вслед за матерью на кухню, и уже оттуда донёсся её радостный вопль: «Ой, тойтик!»

Обстановочка в отцовской квартире была похуже, чем у матери. После смерти жены недолго протянул и его шеф, отец Наташки. А на этом закончилась и карьера отца, тем более, что началась перестройка со всеми её выкрутасами и его КБ, в отличие от оборонного института, где работала мать, оказалось в таком загоне, что даже зарплату выдавали не рублями, а обещаниями. Так что в последнее время в дом ничего нового не покупали, а старое постепенно приходило в упадок. Треснутое зеркало в прихожей, потускневшие обои и потёртая обивка кресел и дивана в гостиной, куда он прошёл, намекали на то, что к ужину, вероятней всего, будут макароны с колбасой.

Но хозяин всего этого запустенья, его отец, был бодр и весел. Легко поднялся с кресла и протянул ему руку: «Здорово, сын».

- Здорово, отец, - ответил он на рукопожатие. Ему даже показалось, что отец хотел обнять его, но в последний момент передумал. С близкого расстояния Валька понял причину такого весёлого настроения. Лёгкий алкогольный душок и маслянистый блеск в глазах говорили о том, что его папаша уже принял внутрь. Не сильно, так что пьяным и не назовёшь, но и трезвым тоже. Как раз то состояние, которое у нас в России называют ёмким и образным словом «выпимши».

- Ну, и какие у тебя проблемы? – спросил он, усаживаясь обратно, в кресло, и жестом предлагая Вальке занять другое.

- А почему сразу проблемы?

- Так ты же последнее время ко мне просто так и не приезжаешь, - горько усмехнулся отец: «Или денег займы попросить или починить чего-нибудь надо».

- Нет. Не надо мне ничего чинить, и денег не надо, - ему стало даже немного совестно, да и такое начало разговора не внушало оптимизма. Но проблему с жильём нужно было решать, хотя именно от отца на какую-нибудь помощь он и не рассчитывал.

- Но проблема у меня всё-таки есть... - и он рассказал отцу о том, что разошёлся с женой. Отец слушал внимательно, и даже Наташка, накрывавшая стол в гостиной, перестала бегать с тарелками, и с величавым видом прислонившись к дверному косяку, слушала, сложив руки под располневшей после родов грудью. Эта её поза, да и сама она раздражали Вальку. Так и казалось, что сейчас она скажет что-нибудь обидное. Но Наташка молчала. Спросил отец.

- Что, прямо так и сказала, что любит другого?

- Да, так и сказала.

- А ты?

Валька опустил в своём рассказе ту часть, за которую ему до сих пор было стыдно, и поэтому он ответил: «А что я? Я ушёл».

- Ну и что же ты дальше делать будешь?

- Выкручиваться. Я вчера машину купил. В долг. «Бомбить» буду.

- А к ней не вернёшься?

- Нет.

- А жить где?

- Вот хотел к тебе попроситься. Пока не устроюсь.

- А к матери? Ах да, там же Вахтанг...

На несколько секунд в комнате повисло неловкое молчание. Первым его нарушил отец.

- В принципе ты же у неё в квартире прописан, так что можешь рассчитывать, что при разводе отсудишь половину...

- Коля! – раздался возмущённый возглас Наташки: «Ну, разве так можно!»

- Да-да, сразу стушевался отец: «Поживи у нас, если Наташа не против».

Наташка дёрнула плечом, как бы говоря «тебе решать», и вернулась к сервировке стола, оставив мужчин обсуждать другие, менее важные вопросы.

- А что за машину купил?

- «Жигули». «Копейку».

- Покажешь как-нибудь?

- А что её показывать? Вон она, под окном стоит.

С высоты третьего этажа было очень хорошо видно и треснутое лобовое стекло и прошлогоднюю грязь по всему кузову. Выглядела его «Вишенка» убого и неказисто, так что Валька пообещал себе в ближайшее время хотя бы помыть машину. Но отец его покупкой остался вполне доволен.

- Надо же, ты первый у кого в семье машина появилась. Парадокс какой-то. Хорошо жили, и никак накопить не могли, а стали жить плохо и, гляди-ка, покупаем.

- Это не машина, пап. Это кормилец.

- Да уж, - согласился отец и повернулся к проходящей мимо жене с жалобным выражением лица.

- Натусик, может по этому поводу... по маленькой? – и пальцами показал на какую маленькую он рассчитывает, если она будет благосклонна. Наташка, видимо, уже хотела ответить ему гневной отповедью, но в присутствии Вальки сдержалась и, презрительно фыркнув, полезла в холодильник за водкой.

На ужин действительно были макарены с колбасой...

Следующие десять дней Валька как заведённый мотался по улицам города, сшибая с пассажиров мятые купюры, отслюнявливая дотошным «ментам» штрафы и с трудом разгибая спину после тяжёлого рабочего дня. Ночевал он по очереди то у отца, то у матери, натываясь в первом случае на высокомерное «выканье» Наташки, а в другом на недовольное сопение Вахтанга Акпаровича. Но труды праведные не прошли бесследно и в тайнике под «бардачком» скопилась сумма достаточная для того, чтобы его начала посещать крамольная мысль о капитальном ремонте подвески. Так он направился на Дубровку, купив по дороге с полкило дешёвой колбасы для собак, половину которой по дороге с голодухи сожрал сам.

Подпольный сервис встретил его неожиданным оживлением. И боксы и эстакада были заняты. Даже на площадке стояли несколько машин с поднятыми капотами. Слесаря, как угорелые, метались от одной машине к другой, что-то там подкручивая, меняя, регулируя и отправляя клиентов за нужными запчастями.

Валька скормил Антону с его компанией привезённый хавчик и, выбрав момент, тормознул пробежавшего мимо Серого: «Здорово, мастер».

- А, это ты, - поприветствовал его задерганный слесарь и так же дружелюбно добавил: «Хрен ли припёрся?»

- Подвеску чинить.

- Сегодня не получится. Завал, - он почесал грязной пятернёй в своих нечёсанных космах и добавил: «Хотя, приезжай часов в одиннадцать вечера. Я сегодня дежурю, так что за ночь сделаю».

- А отдыхать-то тебе когда? – удивился Валька.

- Вот помру, в гробу и отдохну, - с жизнерадостным энтузиазмом ответил Серый.

К одиннадцати часам, закупив необходимые детали, согласно составленному мастером списку, и прихватив колбаски теперь уже себе и Серому, Валька вкатился в ворота опустевшего автосервиса. Патлатая тушка в грязной спецовке, ещё днём, бывшая бодрым и энергичным слесарем, аморфной массой растеклась по «дежурной» лавочке, вяло попыхивая сигаретой и, видимо, концентрируя в себе остатки жизненных сил.

- Уф, наработались... - доложил он Вальке.

- Может, на завтра ремонт перенесём? – предложил тот.

- Не-а, а то я завтра может, помру? Так, кто тебя чинить то будет? Ща, кофейку забодяжу и начну.

- А можно я тоже? – влез с новым предложением Валька.

- Что «тоже»?

- Ремонтировать помогу.

- А-а-а, в помощники... Базара нет. Должен же кто-то под ногами путаться, об кого можно руки вытереть. Найди там себе в бытовке «спецуху», а я пока посмотрю, что за металлолом ты вместо запчастей купил.

Бытовка обычная. Из двух комнат, стены которых оклеены традиционными голыми красотками, но, правда, с некоторым намёком на цивилизацию в виде туалета и душа. Грязища, старенькая гитара, притулившаяся в углу, немытая посуда и жутко воняющие портянки, как он догадался колчерукого, небрежно брошенные на спинку ободранного стула. В ничейном шкафу со сломанной дверцей груды ветоши, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся теми самыми искомыми спецовками, из которых Валька постарался выбрать ту, что почище. Это удалось сделать с большим трудом, так как липкие и вонючие куртки и штаны вызывали непреодолимое желание помыть руки после первого же прикосновения.

Но руки мыть было рано. «Копейку» загнали на подъёмник и Серый начал критический разбор привезённых Валькой запчастей.

- Так, рычаги – говно, но сойдут. Сайлент-блоки хорошие. Где купил? Надо будет запомнить. А рулевые тяги!?

- Что «рулевые тяги»?

- Они же «москвичёвские»!!!

- Я «жигулёвские» просил...

- Вот уроды, ядри их в кочерыжку! – обматерил продавцов Серый: «Им лишь бы впарить! Ладно, не боись, поставим и эти».

- А они встанут?

- Впихнём. А это что?

- Шаровые опоры.

- Металлолом! Смотри, - и со всего маху приложил деталь об бетонный пол. Изделие подпольных кооператоров явно не ожидало проверки таким ОТК и с треском развалилось на составные части.

- А если бы на дороге!?! – продолжал орать взбешённый слесарь: «Жопа-ноги-голова. Ищи меня в кювете. Мой адрес – рай, до востребования».

- Что же делать? – спросил расстроенный Валька.

- «Бабло» ещё есть?

- Есть.

- Тогда «воронежские» тебе поставим. Усиленные. Наши вояки по конверсии лепят. Говорят, что на танки ставили, - он хихикнул над собственной шуткой и достал из кучи каких-то запчастей валявшихся в углу целофановый пакет с шаровыми опорами.

- Сколько? – поинтересовался Валька.

- Не дёшево. Две.

- Годится.

- Ну, тогда «базара нет». Пьём кофе и погнали.

И они погнали. Вернее сказать, погнал-то слесарюга, долбая несчастную подвеску кувалдой, пристраивая какие-то съёмники, матерясь и успевая одновременно объяснять Вальке для чего какая деталь придумана. Валька успевал только выполнять команды типа «подай», «придержи», «отвали и не мешайся» и «берегись», но и он взмок. А этот двужильный продолжал и продолжал вкалывать, как будто и не работал целый день. Но к шести часам утра, когда работа была закончена, а Валька мечтал только об одном – упасть и отрубиться, похоже, что выдохся и он. Плюхнулся в старое кресло, раскинул конечности и снова обратился в ту аморфную массу, которую Валька видел вечером.

- Ну что, мастер? Сдох? – поинтересовался он.

- Нет. Ещё... Щас... десять минут... восстановлюсь, - вяло ответил тот, даже не открывая глаз.

Валька прикрутил колёса и опустил машину с подъёмника. Закурил, а тут и тело аморфное очухалось, в кучку собралось и бодро заявило: «Уф, живу». И верно, опять

собранный и энергичный, глаза блестят, и снова готов в бой, как будто и не вкалывал всю ночь.

- Здорово у тебя получается, - удивился Валька: «Как на допинге».

- Ага. На внутреннем. «Цы-гун» называется.

- Меня научишь?

- Ладно, потом как-нибудь. Ты сейчас куда?

- Не знаю.

- Слушай, может здесь покантуешься, а я пока на молочную кухню за харчами для сына сметаюсь.

- Хорошо.

- Да ты особо не напрягайся. Закрывай ворота, и спать ложись. Мужики приедут – постучат.

- А ты?

- А я дома посплю и часам к двенадцати подтянусь.

- Лихой у Вас здесь график. Выходные то хоть есть?

- Это когда с работой голяк. А так, целых три. У меня в День рождения жены, мой День рождения и на Новый Год. Хотя, в этот Новый Год мы тридцать первого до десяти работали, а первого уже в двенадцать здесь собрались.

Валька только головой покачал над таким режимом работы, а Серый, прикуривая сигарету, пояснил.

- А что ты удивляешься? Ты на извозе тоже так пахать будешь. Есть работа – надо делать, нет работы – отдыхай. Вот так-то, Валюшок... - и собрался на выход из бокса.

- Серый, - окликнул его в спину Валька и задал вопрос, который не давал ему покоя последние две недели, а спросить у кого-то он стеснялся: «Серый, а что такое «трамблёр»?»

Тот остановился и, посмотрев на него взглядом, говорящим об абсолютной дебильности самого Вальки и его вопроса, ответил: «Прерыватель-распределитель зажигания, который придумал умный немецко-еврейский дядька по фамилии Трамблёр, потому так и называется. Книжку купи, «чайник». Изучай родной автомобиль, а то встанешь где-нибудь на дороге...».

Валька проспал не до двенадцати, а до четырёх. Завалился во второй комнате бытовки на сколоченные из горбыля широкие нары и бессовестно подрых, не обращая внимания на кипящую в автосервисе жизнь. Ни вопли Никеши, ни матюки Серого, ни даже грохот от правившего очередную «жестянку» Кержача, не смогли его разбудить. Разбудил голод.

Разминая онемевшее от долгого лежания на жёстких досках тело, он вылез из вагончика и осмотрелся. Сегодня ажиотажа не было и под жарким, почти летним, солнышком в «калашном ряду» стояли только четыре машины. «Волга» Кержача, «семёрка» Никеши, «пятёрка» Серого и его «Вишенка». Очереди на ремонт не было, но и боксы и эстакада были заняты машинами, чьи хозяева с сигаретами в зубах томились на дежурной лавочке. Антон и его банда сидели рядом, но, как и положено уважающим себя псам, не курили, предпочитая подождать – «а вдруг чего вкусненького обломится». И надежды их оправдались. Из бокса высунулся Никеша и крикнул одному из клиентов: «Миха, «чифирю» забодяжь!»

- Агы, - с энтузиазмом ответил Миха и ушёл в вагон «бодяжить».

- А чего это они по «чифирю» ударяют? – поинтересовался Валька у двух оставшихся на лавочке мужиков типично пролетарского вида.

- Так они же «зеки» бывшие, - охотно пояснил один из них: «На «зоне» привыкли, вот здесь и «чифирят». А ты что, новенький?»

- Ага. Валькой зовут.

- Вадик, - представился словоохотливый: «А он – Олег». И сразу перешёл к делу: «Тебе запчасти ЗИЛовские не нужны?»

- Нет. Спасибо.
- За полцены отдам.
- Чего так дешево? Ворованные что ли?
- Нет, со склада, - заржал мужик: «Ясен пень, что ворованные, но я тебе все документы сделаю».
- Всё равно не нужно, - Валька удивился, как легко и открыто здесь крутится бизнес. А если бы он оказался «ментом»? Но, видимо, «чужие здесь не ходят» и уже само нахождение Вальки на этой территории служило гарантией того, что он «свой».
- Чего пристал к человеку. Он здесь недавно, а ты его пугаешь.
- Да я не сильно и испугался.
- И правильно сделал. Здесь мужики «по понятиям живут», но вполне вменяемые. А «копейка» твоя что ли?
- Моя. Взял две недели назад. «Бомблю» потихонечку.
- О, коллега. Я тоже два года извозничал, пока в «персональщики» не ушёл.
- Ну, и как?
- Потому и ушёл, что достало. Жопа в мыле, сам в навозе – промышляю на извозе.
- Что, всё так плохо?
- Да нет, почему же? Если на «точку» встанешь, то нормально, а в свободном полёте хрен чего заработаешь.
- А на «точку» трудно встать?
- Встать не трудно, но отстёжка замучает. Ладно, ещё у метро где-нибудь, там дела копеечные, а у вокзала уже посерьёзнее будет, хотя и «бабла» там срубить побольше можно. Но самое крутое – в аэропорт прописаться.
- А там что?
- Плати «штуку баксов» в месяц и «руби капусту» на здоровье, но «крыша» суровая. Не заплатишь вовремя, могут и машину отобрать, а тебе, чтоб не выёживался, в задницу трубу от глушителя вставить.
- Правда!?
- Врать не буду, сам не видел, но ребята рассказывали. Ты с Джонсоном на эту тему перетри, он в Шереметьево прописан.
- Мужики, «чифирь» готов! – высунулся из вагона Миха и, словно по команде, стуки и бряки в ремзоне прекратились, а народ начал подтягиваться на запах.
- Олег с Вадимом от «чифиря» отказались, а Вальке, хотя он и хотел попробовать, не дали. «Тебе же за руль?» - мотивировал отказ Кержач: «Вот и пей чай, а то «торкнет» с непривычки». Пришлось пить чай и делиться с Антоном печеньем. Да и как тут не поделиться, когда он сидит рядом и смотрит обиженными глазами: «Сами жрёте, а мне не даёте...» Но печенья было мало, а народа, с учётом четвероногих, много, и оно быстро закончилось. Антон тяжело вздохнул и, перейдя к Серому, положил голову ему на колени. Закрыв глаза и с выражением абсолютного блаженства на драной морде стал наслаждаться тем, что его лениво чешут за ухом.
- Ты почём машину брал? – поинтересовался Серый у Вальки.
- Шестьсот, в рассрочку.
- Недорого. Нормально, - прокомментировали мужики.
- А зовут как?
- Кого?
- Как кого? Машину, конечно.
- А-а-а, прежний хозяин «Вишенкой» называл.
- Неправильное имя. Легковесное какое-то, да к тому же ещё и женского рода. Ещё ревновать начнёт. У меня первая тачка «Алисой» звалась так, как соберусь какую-нибудь «тёлку» склеить, у неё или генератор гавкнется или сцепление кердыкнется. Машина должна быть другом, а не любовницей, иначе только и будешь, что с ней трахаться.
- А твою как зовут?

- «Black Jack».
- Не ревнует? – ехидно спросил Валька.
- Не-а, что он «голубой» что ли?
- Он себе для этих целей теперь жену завёл, - не преминул вставить шпильку приятелю Никеша: «Пусть она ревнует».
- Ну, «Вишенка», она, вроде как вишнёвая. Просто сейчас грязная, - попытался оправдаться Валька: «Вот съезжу на мойку, и опять вишнёвая будет».
- А это ты зря. Машина любит, когда хозяин сам за ней ухаживает. Пусть ты не слесарь, но хотя бы помой её сам, в салоне порядок наведи, ей же приятно будет.
- Ты, Валька, на Серого внимания не обращай, - опять влез в беседу Никеша: «У него восемь сотрясений мозга, два из них с проломом черепа. Порядочные люди после такого в «дурке» сидят безвылазно, а у этого только слегка крыша поехала – с машинами разговаривает».
- Зато тебе всего раз по заднице врезали, вот мозги и отключились. Всё потому, что ты этим самым местом обычно думаешь, - отбрил Серый. Похоже, начиналась очередная пикировка, но разгореться ей не дал Олег: «Не, Никеша, ты не прав. Что-то в этом есть. Помнишь, когда ты с моим карбюратором целый день мучился? Уже и выкидывать его собирались, а Серый пошептал ему что-то, поговорил ласково, так он у меня до сих пор как часы работает. А когда я, по его примеру, машине имя дал, то ты не поверишь, лучше ездить стала».
- А-а, ерунда всё это. Железяка, она железяка и есть. Хоть хозяин её вымоет, хоть «чурки» на мойке, - высказал своё мнение Вадик. Причём, учитывая его явно среднеазиатскую внешность, слово «чурки» прозвучало как-то... не толерантно.
- А я свою сам мою, - вставил слово и Миха: «И она, в натуре, мухой летает».
- Ну, что же, попробую сам помыть, раз уж все советуют, - подвёл итог Валька: «Мужики, а здесь это можно сделать?»
- Отчего же нельзя? – ответил Серый: «Ставь к дренажной канаве и бери шланг в гальюне».
- Три пива... - добавил Никеша.
- Что «три пива»? – не понял Валька.
- Три бутылки, - пояснил Олег: «Традиционная оплата за самопомывку».
- А-а, понятно, - протянул Валька и добавил новой фразой из своего лексикона: «Базара нет».

Через час, сверкая свежевывмытыми боками, «копейка» выскочила на Андропова и Валька втопил педаль «газа». Машина резко рванулась вперёд набирая скорость и, как ему показалось, прыти в ней значительно прибавилось. А главное, что исчезли все те стуки и бряки снизу, которые так нервировали его раньше.

- А что, может и правда сменить тебе имя? – вслух обратился он к собственному автомобилю: «Вон, какой ты у меня шустрый мальчишка. И цвет у тебя вишнёвый. Будешь у меня «Sherry Boy». Согласен?» И как бы подтверждая, что он не против «Sherry Boy» лихо подпрыгнул на какой-то кочке и ещё резвее припустил вперёд.

В процессе содержательной беседы с собственным транспортным средством Валька чуть не пропустил двух девчонок, стоящих с поднятыми руками у метро «Коломенское».

- Комсомольский проспект.
- Садитесь.
- За три отвезёте?
- Базара нет, - уже инстинктивно брякнул он.

Девушки покосились на него подозрительно, но всё-таки сели на заднее сиденье, а он рванул с места, попутно напомнив себе, что Комсомольский проспект и метро «Комсомольская» - это две большие разницы, причём и по расстоянию между ними тоже.

В субботний вечер дороги были почти свободны. Горожане ещё вчера вечером начали уезжать к себе на дачи, в тщетной надежде выполнить свою собственную «продовольственную программу». А те, кто не уехал с вечера, свалили рано утром, поэтому ничто не мешало ему ехать, и он даже обратил внимание, что управление автомобилем начинает доставлять ему удовольствие.

Девушки сидели сзади и щебетали о чём-то своём. «Хорошенькие», - подумал он, разглядывая их в зеркало заднего вида. «И фигурки ничего», - припомнил он, что у одной из-под мини-юбки выглядывали очень даже стройные конечности, а джинсовый комбинезончик другой выгодно подчёркивал тонкую талию хозяйки. «Ну что, друг мой «Sherry», может познакомимся с девчонками?» - мысленно спросил он у машины: «Заодно и Ленке рога наставим. Не всё же мне в дверях пригибаться». В рычании мотора ему послышались одобрителные нотки, и он уже собрался ляпнуть, что-нибудь для начала разговора, но в зеркало увидел, как одна из девушек нежно обняла подругу за плечи и поцеловала. В губы. Слова, которые он уже собирался сказать, замерли у него на языке, и дальше всю дорогу он молча крутил «баранку» и давил на педали, лишь иногда ехидно улыбаясь, наблюдая как две подружки на заднем сиденье оказывают друг другу знаки внимания.

На Комсомольском они вышли у ЦДМ и пошли прочь, взявшись за руки. «Эх, какие девки для секса пропадают...» - с горечью подумал он, провожая взглядом две точёные фигурки.

- Шеф, свободен?
- Свободен.
- В Чертаново.
- Поехали.

Глава II «Базара нет ...»

Дороги, перекрёстки, светофоры, пассажиры, «менты»... Валька пахал, как одержимый, стараясь к концу месяца наскрести денег на выплату ежемесячного взноса. Но, то ли опыта не хватало, то ли просто не везло, но вожденная сумма, ну никак не набиралась. То есть, чтобы расплатиться с Димкой за месяц и заплатить за оформление доверенности деньги были, но вот обеспечить ещё и оплату «посреднических» услуг друга Сашки никак не получалось.

Поэтому он решил обязательно рассчитаться с Димкой, а с Сашкой попробовать договориться об отсрочке, и с этой целью как-то под вечер зашёл к нему домой.

- О, здорово, Кучер! – обрадовался его приходу слегка поддатый Сирота: «Заходи, гостем будешь».

- Спасибо.

- Гость в дом – радость в дом. Как «копейка» твоя? Смотрю, пашешь целыми днями, только по ночам тачку твою вижу, да и то не всегда.

- «Копейка» в порядке. Пашу с утра до ночи, а ночью то здесь, то у отца – потому и появляюсь редко.

- Да, с жильём тебе вопрос надо решать. Ты же у Ленки прописан...

- Нет, - резко оборвал очередную попытку посоветовать Валька: «Это её хата, вот пусть там и живёт».

- Ну, тогда это твоё дело. С Димом рассчитался?

- Да. Всё о`кей.

- Зря ты, кстати, тогда ему кольцо отдал. Оно у тебя «баксов» на 200 тянет, а он его, жлоб, за сотку принял.

- Ладно, проехали. У меня ведь тогда вообще денег не было.

- А сейчас есть? – с явным намёком спросил Сашка.

- Есть, но на сотку «баксов» не наберётся. Может, подождёшь ещё месячишко?

Друг Сашка глубокомысленно посопел, почесал в затылке, а затем с сожалением вздохнул и согласился: «Ладно, добрый я, вот все и пользуются. Отдашь через месяц, но сто пятьдесят».

Валька скрипнул зубами и, с трудом выковыряв из узкого кармана джинсов деньги, отслонявил в рублях на пятьдесят долларов: «На, держи, ещё сотка через месяц».

- Ай, молодца! Уважаю. Выпить хочешь?

- Нет, спасибо, мне ещё за руль.

- Ну, наше дело предложить...

Валька ушёл, про себя матерясь на весь этот общероссийский бардак, поднявший со дна всю житейскую муть. Бандитов, проституток, воров и прочие новоявленные слои общества, о которых он раньше даже и не слышал. Такое ощущение, что всё население страны переродилось. Вылезла в человеческих душах подлость, трусость, жадность, которую теперь называют модным словом «рачность» и наглость – «предприимчивостью».

Под такое взвинченное настроение он ухитрился поругаться с матерью, которая опять начала его науськивать, чтобы отсудил у бывшей жены половину жилплощади. Вахтанг при этом только молчал и, по своему обыкновению, лишь утробно сопел. То ли ему уже и самому надоело затянувшееся «гостевание» пасынка, то ли мать его наставила «на путь истинный», но в защиту джентльменского поведения Вальки он уже не вступал.

Чтобы ни сидеть в этой гнетущей атмосфере и не накалять своим присутствием обстановку ещё больше, он, не дождавшись ужина, сбежал из дома, заявив, что будет работать всю ночь и ждать его не обязательно.

Ездить по вечерней Москве оказалось намного проще, чем толкаться в дневных пробках, а клиентов меньше не стало. Более того, часть вечерних пассажиров, возвращаясь из мест массового увеселения, где меняла свои кровно и не очень кровно заработанные рубли на состояние лёгкого и среднего опьянения, именно в этом состоянии расставалась с деньгами намного безболезненней, чем дневные жмоты. Один полупьяный дяденька с двумя такими же полупьяными тётеньками даже «забашлял» ему целых три тысячи «за лихость вождения».

Валька и сам чувствовал, что целый месяц, проведённый за рулём практически безвылазно, лишь с короткими перерывами на сон и еду, значительно повысил его шоферскую опытность. И если раньше для совершения какого-нибудь манёвра ему требовалось сперва подумать что и как делать, то теперь руки уже сами, без участия головы, включали нужную передачу и крутили руль ровно на столько, чтобы втиснуться в узкий переулочек и не задеть припаркованные с обеих сторон дороги машины.

Начал он потихоньку и разбираться в клиентах. Вот с этого, к примеру, можно денег взять, а этот за «трёшку» удавится, а того вообще лучше не сажать, потому что с него, кроме проблем и головной боли, никакого навару. Так он исключил из числа своих клиентов лиц «горской национальности», которые при всём своём апломбе и обещаниях «нэ абижу», потом давились за каждый рубль. Окончательно он перестал их возить после того случая, когда пожилая грузинка в качестве оплаты протянула ему 200 рублей, а в ответ на недоумение Вальки с тупым простодушием дикаря заявила, что она «на автобусе всегда столько платит».

После часа ночи народ потихоньку рассосался по местам постоянного обитания и, хотя дороги стали свободны, прибыль значительно упала. Клиент пошёл или пьяный в драбадан или криминальный вдрызг. Ни тех, ни других возить не хотелось. К тому же наступил «час волка», в том смысле, что на извозе в это время остаются только самые опытные и лихие, а Валька, в сравнении с ними явно проигрывал. Они успевали с визгом покрышек первыми подскочить к поднявшему руку клиенту, а иногда даже грубо подрезали или прижимали его к бордюру, стремясь сохранить свой приоритет. Валька учился, глядя на них, но пока что получалось не очень...

А ещё очень сильно отвлекали его проститутки. Не в том смысле, что он засматривался на девчонок в традиционных мини-юбочках, хотя и это тоже, учитывая его однополое существование, было бы не удивительно. Просто поначалу он принимал их за желающих куда-то ехать и, когда тормозил возле очередной фигуры, то получал милую улыбку в приоткрытое окно и традиционное предложение: «Интим услуги? А?»

А «ночных бабочек» по столице нашей Родины порхало несметное количество. Сплошные шеренги на Тверской, группы на Лубянке, и чуть ли не у каждого столба по всем основным магистралям города. Толпились они и на площадях и у вокзалов, куда Валька тоже иногда заскакивал, пытаясь «на лету» подхватить какого-нибудь шального пассажира ускользнувшего от цепких лап привокзальной таксёрской стаи.

Но зато один-два клиента, пойманные в это время, могли с успехом компенсировать все ночные мытарства. Метро закрыто, автобусы и троллейбусы уже в парке, а домой добираться надо, иначе жена (муж, родители... далее по выбору) убьют. Вот и платят загулявшие в ночи по тарифу заметно отличающемуся от дневного. Причём, по мнению Вальки, в лучшую сторону.

Вначале четвёртого он возвращался из Марьино в сторону цивилизации по Люблинской. Места здесь в это время глухие, пассажиром и не пахнет, поэтому ни один уважающий себя «волчара» в такое время сюда и не забирался. А потому и дороги абсолютно пустые, а клиент, если уж попадётся, то заплатит «без базара».

Светофор у здания бывшего райкома горел красным и Валька нажал на тормоза. «Ну и на фига здесь светофор?» - удивился он, осматривая пустынные окрестности. Справа темная громада пустого здания райкома и пруд перед ним, слева за кустами и деревьями насыпь железнодорожного полотна. Глухомань и ни одной живой души. Но

светофор продолжал гореть красным и Валька стоял. Видимо ещё во времена развитого социализма, уверенно прущего в светлое будущее, интервал на светофоре был задуман таким образом, чтобы сотрудники партаппарата могли неторопливо перенести через проезжую часть свои особо ценные для государства тела. Но сейчас, глубокой ночью, это раздражало. Валька подождал минуты две, даже закурил, но потом его нервы не выдержали и он потихоньку тронулся вперёд.

А вот это уже было ошибкой. Из кустов, как по волшебству, высунулась светящаяся полосатая палка и повелительным жестом скомандовала «стоять», а вслед за ней появилась и толстая усатая морда её хозяина, довольного тем, что кто-то угодил в его ловушку. «Чёрт, и чего все ГАИшники такие брюхастые?» - печально подумал он, вылезая из машины навстречу стражу ночных дорог: «Интересно, их специально такой комплекции подбирают или потом откармливают?»

- Нарушаем, товарищ водитель, - ласково поприветствовал его майор ГАИ.

- Нарушаем, - с видом глубокого раскаяния согласился Валька: «Но больше не будем».

- Конечно. Вот штраф заплатим и больше не будем.

- Так ведь ночь же, товарищ майор. Нет никого на дороге. Какое же это нарушение?

- Самое обычное, «проезд на запрещающий сигнал светофора». И стоит ровно три тысячи.

- А может пополам? Без квитанции... - попытался увильнуть от ответственности Валька.

- Так я и говорю, пополам – три тысячи.

Валька с тяжёлым вздохом полез в узкий карман чёртовых узких джинсов и выковырял оттуда деньги. Отсчитал «трёшку» и протянул «менту»: «Вот, держите». Майор деньги взял, но наметанным глазом определил что в «руке дающей» ещё осталось, и вместо «спасибо» заявил: «А ещё у Вас, товарищ водитель, стёкла тонированные и левый габарит не работает. А это ещё две тысячи». Валька чуть не задохнулся от возмущения, а ГАИшник потёр большим пальцем об указательный и доверительно промурлыкал: «Давай-давай, родной, не жлобись...».

Валка, скрипя зубами, дал и расстался с майором, который остался очень доволен их встречей, и не только пожелал счастливого пути, но и предупредил, что на перекрёстке с улицей Юных ленинцев ещё одна засада из таких же, как и он «ленинцев». Видимо такое понятие, как корпоративная солидарность ему было незнакомо, а возможно стоило недорого. Всего-то пять тысяч.

На Таганку, к отцу, Валька утром приехал с красными глазами, усталый как чёрт, но про себя решил, что, хотя и пришлось отдать прожорливому «менту» почти половину заработка, но «бомбить» всё же лучше ночью. И заработки побольше, а если нет клиента, то можно хотя бы просто покататься в своё удовольствие, а не париться в дневных пробках.

Дверь он открыл своим ключом, правда, предварительно надавив кнопку звонка. Так он начал поступать после того, как понял, что у его мачехи просто такая привычка – ходить по квартире в одном белье, а то и без него, особенно если жарко и никого нет дома. Пикантных ситуаций больше не возникало. Но однажды, когда он пришёл неожиданно, она едва успела накинуть халат. Он это понял и с тех пор начал сперва звонить, а лишь потом открывать дверь ключом.

Сегодня «ситуация» всё равно бы не сложилась. Отец уже ушёл, а Наташка отвела Алёнку в детский садик, и теперь тоже собиралась на работу. То есть была и одета и накрашена. Сидела на кухне, пила чай и... курила.

- Доброго утра, - поздоровался он.

- Доброго... - недружелюбно буркнула она в ответ: «Там пшённая каша на плите. Правда, сахара к чаю нет». Она горько усмехнулась, и он заметил, что белки её глаз такие же красные, как у него. Видимо плакала.

- Что-то случилось? – поинтересовался он.

- Нет, всё нормально, - она попыталась опять гордо задрать нос, но не выдержала и разревелась, уронив голову на сложенные на столе руки. «Увольняют... гады... школу... закрыли». Только и смог он понять сквозь рвущиеся рыдания.

- Наташа, ну не надо. Ну, зачем Вы так... - пытаясь её успокоить, он положил руку на пухлое плечо, но она резким движением сбросила её и, подняв голову с размазанными по лицу потёками туши, сбивчиво затараторила: «Школу, гады, закрывают... Преподавателей всех увольняют. Казино у них там теперь будет. Сволочи! А детей что? Учить уже не нужно?»

Наташка имела образование художника-декоратора и преподавала в Детской художественной школе, которая на свою беду помещалась в старинном особняке, теперь приглянувшемся какому-то новоявленному капиталисту. Зарботки там никогда большими не были, но вот теперь и они подошли к своему печальному завершению.

- А тут ещё Коля третий месяц без зарплаты, за квартиру с Нового Года не плачено, Алёнка растёт, а купить ей одежду не на что. А через две недели, когда уволят, то и кормить нечем будет, - продолжала она перечислять причины своих слёз. Видимо всё это настолько допекло, что просто необходимо выговориться, пусть даже почти постороннему для неё Вальке. А он, слушая эту досрочно располневшую женщину, начал понимать, что не только он один оказался в кризисной ситуации, но и другим тоже может своя куча непрухи достаться. И ему ещё не хуже всех остальных, потому что он один и отвечает только за себя. А вот каково этой Наташке, чья мизерная зарплата кормила всю семью, причём не только мужа, но и малышку-дочку, которую на одних макаронах не вырастишь.

- Не горюй, всё утрясётся, - попытался он её успокоить. «Ты же художница», - он кивнул головой в сторону картины висящей на стене кухни: «Может тебе попробовать в Измайлово, на Вернисаже свои картины выставлять. Вдруг кто купит?»

- Какая я к чёрту художница. Уже лет пять ничего не писала.

- А ты попробуй.

- Ты не понимаешь. Для того чтобы рисовать особый настрой нужен, чтобы кисть сама к бумаге рвалась. А когда все мысли о том, что холодильник пустой, тут уж не до прекрасного.

- А ты всё-таки попробуй. Ты же можешь. Вот эта картина у тебя ничего, и ещё та, в коридоре, где домик на скале.

- «Ласточкино гнездо»? Так я же его писала лет десять назад.

- А что, с тех пор умения поуменьшилось?

- Да нет, вроде. Ладно, попробую. Сегодня наберу в школе красок, всё равно ведь выкинут, и вечером попробую

Она встала из-за стола и ушла поправлять макияж, а Валька, наливая себе чай, обратил внимание, что они с Наташкой как-то неожиданно перешли на «ты». Видимо беда сблизила.

Проснулся он от шума, который издавало пьяное существо под названием отец, вернувшееся с работы и за какими-то своими надобностями пытающееся перемещаться по квартире. «Пап, давай ложись», - он взял пьяного за плечи и попытался направить к тому месту, которое только что покинул сам, к дивану. Тот икнул, старательно сфокусировал взгляд и, узнав сына, расплылся в счастливой улыбке: «А-а-а, Валька-а...». Он даже попытался похлопать сына по щеке, но промахнулся и попал по уху. Валька не обиделся, что с пьяного возьмёшь, да и не больно.

- Ты ложись. Поспи, - продолжал уговаривать он, укладывая отца и накрывая его пледом. Тот довольно мурлыкнул, опять икнул и огласил комнату богатырским храпом.

Валька вышел на кухню опечаленным. Так крепко его отец не пил никогда и это ему не нравилось. Он открыл холодильник и с интересом оглядел его замороженное нутро. Интересного там было мало. Полпачки маргарина, две вялые луковицы, «жопка» от батона варёной колбасы и начатый пакет молока. Это ему тоже не понравилось, и он

полез в карман джинсов за деньгами. Расправил смятые купюры, пересчитал их и, прихватив хозяйственную сумку, вышел из дома.

На работу он выехал даже раньше, чем обычно. Совсем без денег, но оставив за спиной более-менее заполненный холодильник. «Ну вот, «Sherry», и ещё одна статья расходов», - пожаловался он своему железному напарнику: «Но мы же с тобой ещё заработаем». Почему-то это его совсем не печалило, а наоборот было даже приятно представить, как удивится его мачеха, заглянув в холодильник.

Но расходы требовали и соответствующих доходов, поэтому общаясь с машиной, он не забывал бдительно следить за тротуарами, на которых мог оказаться кто-то желающий поделиться с ним деньгами. Погода испортилась, но Вальке это было только на руку. Мелкий, морозящий дождик поубавил у горожан желания упорно дожидаться вечно переполненных троллейбусов и автобусов. Промокшие и озябшие, они почти радостно отдавали деньги Вальке, так милостиво согласившегося не только впустить их в тёплое нутро машины, но и отвезти домой. Так что к полуночи карманы его джинсов просто топорщились от набитых в них мятых купюр, тем более, что возить приходилось обычных людей, а значит и купюры были мелкие.

Он уже хотел остановиться и переложить часть денег в тайник под «бардачком», но не успел. Слева, у дороги возник силуэт с поднятой рукой и Валька, пользуясь тем, что движение одностороннее, вильнул влево и притормозил возле потенциального пассажира.

- Куда ехать? – спросил он, открыв окно водительской двери, но вместо ответа получил удар кулаком в лицо. Выскочившие из кустов помощники «пассажира» вытащили его из машины и принялись добросовестно и со знанием дела обрабатывать кулаками, а когда он упал, добавили и ногами, для приведения в неподвижное состояние, нужное для того, чтобы спокойно вывернуть карманы и снять часы.

Пнув его, видимо для профилактики, на прощание ещё пару раз, они ушли, оставив Вальку лежать на грязном асфальте и утирать кровь из разбитого носа и губы. И ведь нельзя сказать, что в глухом лесу. Измайлово – это же Москва! И людей вокруг хватало, но почему-то на помощь ему никто не пришёл. Редкие прохожие старательно обходили стороной место происшествия, а некоторые, видимо особо щепетильные, переходили на другую сторону улицы.

Валька поднялся, кое-как почистил перепачканные джинсы и ощупал себя. Вроде всё цело. Губа разбита, но зубы на месте. Глаз заплывает, видимо синяк хороший будет, ну так ему же в ближайшее время не жениться. А если развестись, так синяк в этом деле не помеха. «Хорошо хоть машину не отобрали», - с облегчением подумал он, залезая в салон и запуская двигатель.

В местном отделении милиции, которое он с трудом отыскал путём опроса местных жителей, его встретили без особого энтузиазма.

- Что у Вас? – лениво спросил капитан, наслаждающийся безмятежным покоем ночного дежурства. «Тишина, покой, сидишь себе спокойно, а тут ходят всякие...» - можно было прочесть по выражению его лица. Валька рассказал ему свою печальную историю, которую тот выслушал, не отрывая взгляда от экрана маленького телевизора приютившегося в углу дежурки и даже иногда возгласами проявляя интерес к демонстрируемому на голубом экране футбольному матчу.

- Свидетели есть? – так же лениво спросил он, выслушав Валькино повествование.

- Нет.

- Ну, пишите заявление. Будем искать, - и, бросив на стойку бланк и авторучку, опять уставился в экран «ящика».

- Скажите, а есть шансы, что их найдут? – с надеждой поинтересовался Валька.

- Не-а, - честно сознался «мент» и, как бы демонстрируя легендарную милицейскую невозмутимость, опять вернулся к футболу.

Валька вышел на улицу и закурил.

- Угостишь? – подошёл к нему сержант в бронежилете и с автоматом дежуривший на крыльце. Валька протянул ему сигареты и спросил: «А что, часто здесь, так как меня, грабят?» «Не-а...» - с такими же, как у капитана голосовыми интонациями ответил страж порядка: «У нас здесь район старый, тихий. Все друг друга знают...». И как бы в подтверждение его слов, проходящий мимо мужик поприветствовал сержанта: «Здорово, Михалыч». «Здорово, Вован» - дружелюбно ответил тот.

Валька замер. Лица двух «помощников» усердно обрабатывавших его ногами он, конечно, не запомнил, но лицо «пассажира», первым ударившего его в лицо, помнил довольно чётко. Это был он.

К утру, он всё-таки смог заработать хоть какие-то деньги, а один молодцеватый полковник, которому приспичило в три часа ночи куда-то переться с женой и двумя детьми, добродушно поинтересовался, отчего это у Вальки такая интересная боевая раскраска на лице. Выслушал печальный рассказ, посочувствовал, и не только накинул «тыщонку» сверху, но и оставил свой телефон: «Мне в выходные надо бы семью на дачу вывезти. Позвони. Отвезёшь – заплачу...» В общем, жизнь опять налаживалась.

В квартиру на Ленинском, на «днёвку», он приехал, когда никого уже не было дома. Мать с отчимом ушли на работу, а Тёмку, по поводу начавшихся летних каникул, отправили к бабушке в Ереван. Их отсутствие Вальку даже порадовало. Не нужно будет выслушивать все эти «охи-ахи» матери и опять рассказывать о том, что с ним произошло. В аптечке нашлись и перекись водорода, и вата, и свинцовая примочка, а уж курс оказания первой медицинской помощи им в голову намертво вдолбили ещё в армейской «учебке». Так что, обработав все свои синяки и ссадины, он завалился спать, поставив будильник на 4 часа дня, чтобы успеть смыться до их прихода.

Уехал то он пораньше, но мотаться по уличным пробкам – удовольствие ниже среднего и Валька решил метнуться на Дубровку, с похвальным намерением показать «докторам» с «собачьего сервиса» своего железного друга. Чтобы те послушали, пощупали. Вынесли диагноз, а если надо, то и починили чего-нибудь.

С дежурной колбаской для четвероногой братвы и с овсяным печеньем для всех остальных он вкатился в тщательно замаскированные голубые ворота и был встречен радостным воплем Никеша.

- О-о-о, Вальшук! Вот кому бы ни пропасть! А то мы уж хотели в лапоть насрать, да за тобой послать. Хрен ли припёрся? – гостеприимно поприветствовал его колчерукий.

- Здорово, Никеша, - в тон ему ответил Валька: «Вот еду мимо и думаю, а не сдохли ли Вы ещё с голода без моих кровно заработанных. А то ведь, если ты загнёшься и протухнешь, то вонять будет так, что противогазы в Москву эшелонами доставлять придётся».

Никеша на это не обиделся, а наоборот, крикнул одобрительно и, приметив кулёк с печеньем, скомандовал: «Ставь чайник. Щас посмотрим твою «лайбу» полудохлую».

Пока Валька возился с приготовлением чая, «доктора» осмотрели его машину и пришли к оптимистическому выводу, что «больной скорее жив, чем мёртв», но надо бы для лучшей стимуляции его жизнедеятельности поменять подшипник трамблёра. На что Валька, уже приступивший к изучению собственного автомобиля по книжке «Устройство и ремонт ВАЗ-2101», со знанием дела добавил: «Ну, тогда уж и контактную группу поменять...». Это заявление было встречено одобрительным хмыканьем Кержача, бурными аплодисментами Серого и ехидным замечанием Никеша: «Ух ты, какой вумный! И где тока словов таких набралси?» «Книжку вумную читал», - с гордостью заявил Валька, демонстрируя недавно приобретённое издание. Теперь уже заплодировал и Никеша, а Серый не удержался и вставил словцо: «Гля, мужики, а он оказывается ещё, и читать умеет!». «Не-е, я по картинкам...» - сокрушённо вздохнул Валька.

- Ну, всё равно вумный, если по картинкам разобрался. Не иначе в университете учился?
- Ага, - честно сознался он: «В Ленинградском...»
- А я в Петрозаводском – доложил Серый.
- Физмат.
- Истфак.
- Ну, Вы, умники, - влез Никеша: «Поскольку мы с Кержачом университетов не проходили, то Вам трамблёр курочить, а мы вместе с нашим неполным начальным образованием пойдём чай пить.
- Врёшь, Никеша, - блеснул осведомлённостью Валька: «Про Кержача, не знаю в какой он там церковно-приходской школе обучался, а вот о том, что ты ВТУЗ ЗИловский закончил сорока мне натрещала.
- Так я не нарочно. Они там специально диплом выписали, только чтобы поскорее от меня отделаться. И кстати, у Кержача не ЦПШ, а автодорожный техникум.
- После чая «шибко вумные» пошли «курочить трамблёр», а остальные чего-то там ещё, что имело неосторожность попасть им в ремонт и теперь висело на подъёмнике.
- Серый, а давай я сам трамблёр переберу, а ты посмотришь, чтобы всё правильно, - предложил Валька.
- Давай, - согласился тот и, демонстративно сложив руки на груди, усмехнулся: «Только на стоимости работы это не скажется».
- Ну, ты и жлоб...
- Ни фига. Всяких тупых учить – себе дороже будет. Так что скажи спасибо и начинай работать.
- А волшебное слово?
- Бегом, салага!!!
- Понял. Осознал. Уже приступаю.
- И действительно, Валька сам сделал все нужные работы под весёлые матюги Серого, стимулирующего таким образом ученика на доблестный труд и качественное выполнение замены подшипника.
- А зазор как выставлять? – спросил ученик на последнем этапе работы: «Щупы есть?»
- Щупы есть, но за ними идти лень. Ставь по ногтю.
- Это как?
- А вот так, - и выставил вверх большой палец левой руки с грязным и частично обломанным ногтем. Затем этот физиологический стандарт вставил в зазор контактной группы и закрутил крепёжные винты.
- Вот так, - подвёл он итог, демонстрируя полученный результат: «0,35-0,45. Гарантирую».
- Ладно. А зажигание?
- Сейчас. Никеша! Ты что ли опять стробоскоп спёр!?
- Ну, я... - отозвалось из бокса.
- Тащи сюда!
- Ага, - ответил колчерукий и появился из бокса с каким-то хитрым прибором в руках.
- Брысь, - вежливо попросил он подвинуться Вальку и полез под капот подсоединять провода от прибора к каким-то нужным местам. Подсоединил, чего-то подкрутил и, подмигнув, подал команду: «Возбуждай!» Валька теперь уже точно знал, что такое пожелание вовсе не обозначает непременно поглаживание Никеша по каким-нибудь эrogenным частям тела и уверенно повернул ключ в замке зажигания. Мотор зарокотал, а мастер начал объяснять сунувшему любопытный шнобель под капот Вальке.
- Смотри, этот «зайчик» высвечивает метки. Видишь? Поворотом трамблера вокруг своей оси, метку на шкиве устанавливаем посередине меток на блоке, - и он осторожно повернул трамблёр, совмещая метки: «Понял?»

- Понял.

- А теперь отключаем к чёрту и на хрен все эти достижения научно-технического прогресса, - он сдёрнул провода с аккумулятора и «зайчик» исчез: «Берём трамблёр в белые рученьки и аккуратно доворачиваем его на слух против часовой стрелки». Зажав прерыватель-распределитель своей культипистой и отнюдь не белой лапой, он неуловимым движением чуть тронул его и действительно мотор стал работать более ровно.

- Всё. Принимай работу. Деньги в кассу. А кассой у нас работает Серый, поскольку у него карманы глыбже.

- Не-е, просто у тебя они дырявые.

- Глянь, мужики, кто к нам приехал, - радостно отреагировал подошедший Кержач, указывая на въезжающую в ворота «Ниву».

- Никак сам Колян... - обрадовался Никеша.

- И на новой «тачке», - подтвердил Серый.

Новенькая «Нива» остановилась посередине двора, и из неё вылез... Колян. Тот самый Колян, который помогал Димке заводить «Вишенку» в день её продажи. Правда сейчас он мало напоминал того испитого «синюху» с трясущимися руками. Бодрый, подтянутый, в джинсовом костюме и с модной «барсеткой» подмышкой, он выскочил из машины как чёртик из табакерки и энергично поприветствовал персонал сервиса: «Здорово, волки!»

- Здорово, Коляныч! Привет, малолетка! - так же дружно поприветствовали его слесаря.

- А Вы что, его знаете? - тихо поинтересовался Валька у стоящего рядом Кержача.

- Конечно. Колька у нас любимый клиент. Если не пьёт, то «бабки» гонит от всей души, а «бабло» у него есть. Его деньги любят и сами к рукам липнут.

- А «малолетка» почему? - продолжил любопытствовать Валька.

- Так он «на кичу» ещё по малолетке залетел, а с «зоны» откинулся уже по-взрослому. Вот его Никеша и дразнит.

Валька запустил руку в шевелюру. «Ну и дела», - подумал он, почёсыванием затылка стимулируя обработку полученной информации: «Воры, бандиты, бывшие «зеки» - лихая у них здесь компания».

Но уже через пару минут ему пришлось изменить уже сложившееся мнение. В ворота въехала тёмно-синяя «семёрка», из которой вышел не старый ещё мужик вполне джентльменского вида в костюме - тройке.

- Василич, здорово! Привет! - откликнулись на его появление слесаря.

- Здравствуйте, господа рабочие, - с улыбкой ответил Василич.

- Ну, какие мы тебе господа?

- А как же? Пролетариат - гегемон революции, господствующий класс, так сказать, - ухмыляясь, пояснил «джентльмен» пожимая руки Серому и Никеше.

- Ну, какой мы на фиг гегемон? За 75 лет ни одной революции, - прокомментировал его заявление Серый: «Ладно, рассказывай, чего опять на хорошей машине сломал».

- А это кто? - поинтересовался Валька у Кержача.

- Василич? Юрист. Какая-то шишка по денежным спорам.

- Крупная?

- Если по деньгам судить, то - да. А так, чёрт его знает.

«Джентльмена» Василича сделали быстро. Что-то подкрутили, по чему-то стукнули и сказали: «Езжай с Богом». А вот с Колянычевой «Нивой», или как окрестили эту модификацию - «Тайгой», провозились довольно долго, составляя список дополнительного оборудования, которое тот возжелал установить на свой новый автомобиль. Наконец закончили и Серый, щёлкая на калькуляторе, начал подводить итоги.

- Так, значит «кенгурятник» ставим хромированный, закаты и фальшпороги пластиковые, люк, магнитола, сигнализация...

- И ещё какую-нибудь свою «мульку» поставь – Добавил Колян.
- Сделаем. Дальше – защита картера, противотуманные фары...
- Серый, не гони пургу. Меня интересует только та цифра, которая стоит после слова «итога».

Серый молча дощелкал на калькуляторе до нужной цифры и озвучил её. Валька присвистнул. Получалась почти столько же, сколько стоит новая «Нива», а Колян даже глазом не моргнул и пошёл в вагончик «отстёгивать бабки».

- А «мульки», это кто? – продолжал пытаться Кержача любопытный Валька.

- «Мульки»? Это у Серого хобби такое. Второе после сочинения песенок. Народные противоугонные средства. Кнопочка какая-нибудь или тумблерочек. Но так, зараза, запрячет, что хрен догадаешься. Врачихе на «пятёрку» сделал так, что машина заводится, только если пепельницу выдвинешь. Прикинь, да? А один «чувак» пожаловался, что его жена лихачит, а ремень безопасности не пристёгивает. Так этот ухарь сделал так, что мотор работает, только если ремень застёгнут, а отстегнёшь и заглохнет.

- Здорово.

- Ага, здорово. Только твоё счастье, что ты тех слов не слышал которые эта «чувиха» Серому говорила, когда её эта «секретка» достала окончательно. Я и сам-то половину не понял.

- Всё равно здорово. Умелец.

- Ну, не всегда. Иногда перебарщивает. Тут один «кент», у которого две тачки подряд стырили, попросил такую секретку, чтобы она угонщику штырь в задницу вгоняла...

- Ну?

- Ну, он из втягивающего реле от стартера и старого штыка от «трехлинейки» соорудил конструкцию, а «кент» взял да и забыл «секретку» отключить...

- Ну?

- Что «ну»? Две недели в больнице. Жопу зашивали художественной штопкой.

- Валюшок, ты сейчас куда? – прервал их ржание Никеша.

- На трассу, «бомбить».

- Коляна до дома подбросишь?

- Базара нет.

- Коляныч, такси пришёл!

- Ну, мужики, у Вас и сервис... С доставкой на дом, - выдал комплимент Коляныч и повернулся к Вальке: «Мне недалеко. На Симоновку».

- Я знаю.

- А-а-а, то-то я и смотрю машина знакомая. Так это ты у Димки «тачку» купил?

- Я.

- Вовремя. А то этот ездец её всё равно бы в гроб вогнал. Ну что, поехали?

- Погоди, дай заведу.

- Потом заведёшь, поехали...

Валька усмехнулся. Видимо, по трезвому делу его пассажир относился к той же категории, что и Никеша с Серым – к хохмачам..

- Бомбишь? – спросил Коляныч, когда они выехали на дорогу и «Sherry Boy» рванулся вперёд.

- Бомблю, - ответил Валька.

- А бензин какой?

- «92-й».

- Переходи на «76-й». Я сейчас пару бензовозов за МКАДом поставил на трассе. С Никешей договорился, буду ему ворованный по льготным ценам сливать. Можешь заправляться прямо у них.

- А бензин чем разбавляешь? Ослиной мочой?

- Не-а, я своим лажу не гоню. Заправляйся, не боись.

- А на «76-й», это как?
- Скажешь мужикам, они тебе «бутерброд» под головку блока поставят, и экономят на здоровье. А то, если хочешь, иди ко мне работать. Я смотрю, ты парень боевой, - и он кивнул на Валькин бланш.
- Бензин воровать?
- Торговать. Причём честно. Воровать я буду. Только учти, дело это серьёзное. Можно и по башке схлопотать.
- Что так?
- Бензовозы за городом, считай в чистом поле, стоят. Пока «крыша» подъедет, «гастролёры» могут и кассу вывернуть.
- Рискованный бизнес.
- Да уж. Вот у меня теперь башка и трещит, где бы пацанам моим «стволы» достать. У тебя никто не продаёт?
- Нет, - ответил Валька, стараясь никак не выразить своего удивления от столь неожиданно предложенного ему нарушения статьи УК.
- Ну, если что будет - свисти. Или ко мне работать соберёшься. Держи телефон, - он достал из кармана и протянул Вальке новенькую визитную карточку, на которой после имени и фамилии красивыми буквами было отпечатано «Директор нефтяной компании».
- Круто.
- А то! Круче только яйца. Варёные «в крутую».

К вечеру на Москву опустился туман, и фонари стояли в ореоле серебристого света, скупко обозначая, что творится под ними на дороге. Видимость «ни к чёрту» и даже «волки» не лихачили, не говоря уж о начинающем «волчонке» Вальке.

В этом тумане, на Киевской набережной он и увидел существо, которое сперва принял за очередную проститутку. Короткая юбочка, распущенные волосы и длинные ноги, кажущиеся ещё более длинными из-за высоких каблуков элегантных туфелек. Но существо призывно махало рукой, и Валька рванул к бордюру, на этот раз, успев первым.

- На Театральную, - услышал он нежный голос.
 - Сколько? - спросил он, отрываясь от щитка приборов, на котором почему-то мигнула лампочка давления масла, и поднимая глаза.
 - Три.
 - Поехали, - недовольно буркнул он и про себя добавил: «Ты бы хоть побрился, урод».
- «Голубой» всю дорогу что-то щебетал ему, жеманно подёргивая плечиком и поправляя причёску, а Валька отмалчивался, старательно следя за дорогой. В принципе против «геев» он ничего не имел, каждый по-своему с ума сходит. Но этот, демонстративно напяливший женские шмотки «мужчинка», был ему настолько неприятен, что высадив его у Большого театра, он взял кусок ветоши и старательно протёр пассажирское сиденье, а потом бросил тряпку в ближайшую урну. «Вот же урод», - продолжал ворчать он, уже оставшись один: «Видать не всех дураков война убила» - а потом на секунду задумался и с ухмылкой добавил: «А те, кто после войны родились, те явно от контуженых».

В первом часу ночи, когда он остановился на светофоре, к нему в машину неожиданно запрыгнул молодой парень. Валька даже испугаться не успел, как тот, сунув ему под нос удостоверение в красной обложке, заявил: «Госбезопасность. Служба наружного наблюдения», - и добавил уже приказным тоном: «Шеф, давай к Юго-Западной, быстро». Валька внимательно посмотрел парню в лицо, ещё не украшенное вторичными половыми признаками в виде щетины, и спокойно сказал: «Если на метро опаздываешь, то плати «штуку» и поехали, а чекиста здесь из себя не строй».

- Что, не похоже? - расплылся в ехидной улыбке парень.

- Не-а, у тебя на роже «Аттестат о среднем образовании» крупными буквами написано.

- Вот чёрт, опять не прокатило, - рассмеялся парень: «Ну ладно, давай за «штуку» до метро».

- Тогда, базара нет, - согласился Валька и тронул машину с места. «Шерри» в своей привычной манере, прыжком рванул вперёд, а парень, заметив украшение на Валькином лице, спросил: «И где это тебя?»

- Вчера ночью. Грабили.

- Машину отобрать хотели?

- Нет, только карманы вывернули.

- Повезло.

- Да уж.

- Слушай, а тебе «ствол» не нужен?

Валька искоса посмотрел на своего пассажира. Видимо парень был бойким не только в области облапошивания таксистов.

- Какой? – спросил он.

- Газовый. Но могу и дробовой.

Валька задумался на пару секунд, прокручивая в мозгах мелькнувшую шальную мыслишку, и спросил: «А боевой можешь?»

- Нет, боевой не могу, - сокрушённо признался парень. Видимо до такого уровня его бойкость ещё не зашкаливала. Но Вальку это, наоборот успокоило. Если бы был «развод», то парень наверняка бы пообещал и боевой, и автомат Калашникова, и даже гранатомёт «Муха». Всё новое, в упаковке и с доставкой на дом, но по 100-процентной предоплате. А так было очень даже похоже на правду.

- А модель, какая? – поинтересовался он.

- Газовые – «Вальтер», «Перфекта» и «Рекс», а дробовые – только «Вальтеры».

- А цена, какая?

- Ты только не смейся, но ровно в половину от того почём они сейчас идут...

В результате Валька за оговорённую «штуку» доставил Ильдара, как оказалось, звали бойкого парнишку, не до метро, а прямо до дома, но зато выслушал бесплатно целую лекцию по устройству и особенностям гражданского оружия, а так же о состоянии рынка его сбыта. Чувствовалось, что паренёк, несмотря на молодость, в этом деле разбирается. После лекции мыслишка, шевелившаяся в мозгах Вальки, окончательно сформировалась и утром, едва приехав к отцу на Таганку, сразу бросился к телефону и, позвонив Коляну, договорился о встрече по поводу «одного вопроса из безопасности топливного бизнеса», а затем, с чувством выполненного долга растянулся на диване и провалился в сон.

Проспав весь день, он сбежал из дома ещё до возвращения отца и Наташки, проверив на прощанье холодильник. В холодильнике еда была, и это его порадовало, но ещё сильнее порадовала его записка, лежащая на кастрюле с борщом. «Валя, поешь супчик. Очень вкусный» - было написано на ней аккуратным академическим подчерком мачехи. Он улыбнулся. Похоже, отношения с ней начинали налаживаться. Он улыбнулся. Ну, не вечно же кукситься друг на друга.

К Колянычу он приехал вовремя. Был встречен, препровождён на кухню и обеспечен кружкой кофе. После чего хозяин дома перешёл к деловой части переговоров: «Ну, рассказывай...»

Валька покосился на возившуюся у плиты Колянову жену, но тот, перехватив его взгляд, пояснил: «От неё секретов нет. Говори, не бойся».

- «Стволы». Дробовые. Газовые.

- Сколько?

- Сколько надо.

- Почём?

Валька не стал жадничать и объявил не «две», а «полторы» цены, чем вызвал определённый энтузиазм Коляныча.

- А боевых нет?

- Нет.

- Жалко. Газовые не возьму, пусть с ними студентки ходят, а вот дробовые надо. Что за модели?

- «Вальтеры». У них калибр...

- Знаю. Беру восемь штук.

Валька прикинул в уме. Попросить у Коляна предоплату было почему-то неудобно, а самому взять всю партию сразу – денег не хватит.

- Тогда партиями по две штуки.

- А что не все сразу?

Сознаваться в том, что он «гол как сокол», было как-то стыдно, и он решил прикинуться осторожным.

- Канал не проверенный. Не хочу рисковать.

- Мудро, - согласился Коляныч: «А когда?»

Валька взял телефон и набрал номер Ильдара.

- Алло?

- Ильдар?

- Да.

- Это Валька.

- Привет.

- Привет, я по делу. Мне нужно два «ноль девярых», а потом ещё. Всего восемь.

Можешь сделать?

- Могу. Подъезжай к девяти.

- Договорились.

Он положил трубку и доложил Колянычу: «Сегодня, в одиннадцать привезу».

- Хорошо. А боевых точно нет?

- Точно.

- Жаль. Придётся хотя бы охотничьи ружья достать.

- Этого у меня тоже нет.

- Ладно. Ещё кофейку?

- Нет. Спасибо. Поеду.

- Ну, бывай. До вечера.

Больше всего в этом разговоре Вальку поразила Колянова жена. Занималась себе спокойно своими кухонными делами, будто мужики рядом с ней не о «стволах» и «баксах» разговаривали, а о покупке, ну скажем, той же картошки, которую она чистила.

Так Валька, по примеру большинства жителей бывшего Советского Союза, включился в криминальную деятельность, но чуть не попался на второй же закупке.

Он забрал у Ильдара два «ствола» и небрежно бросив их на заднее сидение, рванул на Симоновку. Время поджимало, а Валька, и так страдавший излишней пунктуальностью, в подобной ситуации старался быть особенно точным.

На повороте с Мичуринского на Ломоносовский стояли «менты». Стояли, чуть ли не толпой и тормозили всех подряд. То ли рейд у них какой, то ли просто так развлекались, но Валька покрылся холодным потом, когда полосатая палка повелительным жестом приказала ему остановиться, и молодой, но уже начинающий полнетъ «гаишник», направился в его сторону.

Он, как бы случайно, проехал чуть дальше и, вылез из машины. Суетиться и убирать «ствола» уже не было времени и, словно невзначай прислонившись спиной к стеклу задней двери, с простодушной улыбкой протянул «менту» документы.

- Чем обязан такому вниманию? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно беспечнее.
- Проверка документов, - недовольно буркнул сержант.
- Что, у всех сразу?
- Да. Техосмотр где?
- Вот.
- Ага. Всё. Можете ехать, - и, отвернувшись, пошёл прочь, а Валька сел в машину и дрожащей рукой повернул ключ в замке зажигания. Похоже, чуть не засыпался. Сам виноват. Осторожней надо быть...

Но не всегда Валька работал по ночам. В субботу и воскресенье, когда улицы города пустели и москвичи расплзались по своим дачам, в тщетной попытке наполнить »закрома», причем совсем не Родины, он позволял себе работать ещё и днём. В один из таких дней его арендовали двое «крутых».

Арендовали, это потому, что конкретного места назначения они так и не назвали, а катались по городу просто так, для своего развлечения, видимо, чтобы убить время до вечера, когда можно будет завалиться в «кабак» и там уже «оттянуться» по полной. Развалились на заднем сидении в своих малиновых пиджаках и развлекались, споря друг с другом на всевозможные темы.

- Спорим, что вот та «Волга» «Москвич» обгонит?
- Спорим.
- А-а-а, не обогнала. Проспорил.

Причём спорили по-крупному. Сразу же по «штуке баксов», доставая эти «штуки» из пухлых «барсеток». Вальку даже посетила крамольная мысль, что если завладеть этими пухлыми сумочками, то их содержимого хватит ему на скромное, но безбедное существование примерно года на два-три.

- А спорим, что мы вот того «Опеля» обгоним?
- Спорим.
- Шеф, нагони.

Валька нажал на педаль акселератора и лихо обошёл старенькую иномарку.

- А-а-а, проспорил.
- А спорим, вон та девчонка на нас обернётся?
- Давай.
- Шеф, «побибикай».

Валька смекнул, что ему здесь тоже можно пригреться и с лёгким ехидством заявил: «Подача звуковых сигналов запрещена».

- Сто «баксов», - моментально среагировал один из «пиджаков» и серо-зелёная бумажка, порхнув через Валькино плечо, упала ему на колени. Валька «бибикнул» и хриплый рёв «зилковского» клаксона заставил обернуться не только девушку, но и всех стоящих на тротуаре.

- А-а-а, проспорил! – обрадовался победитель.
- А спорим, что шеф под Триумфальной аркой проедет? – предложил другой, уже на Кутузовском.
- Спорим.
- Шеф, триста. Поехали, - и бумажки порхнули через плечо.
- Пятсот, - поправил его, вошедший во вкус Валька.
- Держи, - дополнительные купюры присоединились к остальным: «Погнали!»

Валька, соблюдая «Правила дорожного движения», включил поворотник, а дальше, уже совсем не по «правилам», свернул с проезжей части и, перескочив невысокий бордюр, проехал под Триумфальной аркой прямо к стоящему за ней сотруднику ГАИ. От такой наглости «мент» чуть свисток не проглотил и бешено замахал своей палкой, изображая взбесившийся вентилятор. Но Валька уже остановился сам и, широко улыбаясь, шёл ему навстречу.

- Товарищ водитель! Вы...!!! – начал возмущённый лейтенант преклонного возраста, но Валька с самым доброжелательным выражением нахальной морды, протянул ему две стодолларовые купюры: «Извините, этого хватит?».

- Да, конечно, - ответил опешивший от неожиданности «мент» и, приложив руку к козырьку, расплылся в довольной улыбке: «Доброго пути. Заходите ещё...»

«Крутые» в машине ржали на два голоса, а Валька, рванув машину с места, влился в поток машин.

Проезжая мимо Триумфальной арки пару недель спустя, он обратил внимание на толпу дорожных рабочих в оранжевых жилетках, долбивших асфальт отбойными молотками и устанавливающих столбики с цепями ограждения. Валька усмехнулся. Видимо второй раз так «навариться» ему не удастся.

Но, если на дорогах у Вальки всё начало более-менее складываться, то в обоих домах проживания ситуация изменилась не в лучшую сторону.

Вахтанг уволился с работы и подался в бизнес. Начал снабжать «челноков» собственными деньгами и деньгами родственников, поставил на рынках своих людей, чтобы реализовывать турецко-польско-китайский ширпотреб. Гостиная, где до этого обитал Валька, превратилась в склад всякого барахла, ожидающего продажи. Правда самого Вальку переселили в комнату отсутствующего Артёма, его бывшую «детскую», но совсем непрозрачно намекнули, что к сентябрю, когда у Тёмки закончатся каникулы, он или замирился с женой, или напрягся на развод с соответствующим случаем разделом имущества. Даже пару раз настойчиво вручали ему телефонную трубку и предлагали набрать её номер. Он отказался. Не звонила и она.

На Таганке же была другая проблема. Отец пил уже прогрессирующими темпами и Валька теперь старался смыться до его прихода. Чтобы не стать свидетелем очередного скандала устроенного Наташкой пьяному мужу. А в последнее время, по-видимому, эти свары переросли в настоящие потасовки, следы которых он замечал не только на отце («Царапина? Брился неаккуратно...»), но и на мачехе («Синяк? Локтем ударились...»). Но жить где-то было надо.

Вернувшись утром в квартиру отца, он уже привычным движением вставил ключ в замочную скважину, предварительно нажав на кнопку звонка. Наташка была дома. Сидела на диване и редела, ссутулившись и уткнувшись лицом в ладони. Конечно же, её уволили, да и продажа картин на «Вернисаже» в Измайлово никак не шла, но это же не повод, чтобы вот так сидеть и рыдать.

- Ну, что у нас опять случилось? – ласково попытался он её успокоить. Она подняла лицо от сложенных ладоней и Валька присвистнул. Нижняя губа его мачехи скорее напоминала небольшую котлету, чем нормальную женскую губу.

- Где это ты так? – невпопад спросил он.

- Об дверь ударились, не видно, что ли, - сквозь слёзы, но с явным вызовом заявила она, и добавила: «Папенька твой приложил. Разлюбезный...».

Валька тяжело вздохнул. Видимо у отца, от водки, окончательно съехала крыша, если докатился до такого. А Наташка схватила сигарету и, пристроив её между разбитыми губами, чиркнула зажигалкой: «Уйду я от него. Достал, нах...».

- Куда? – устало спросил Валька.

- Да хоть куда! Вон, в проститутки пойду!

Валька скривил губу и, выражая сомнение, покачал головой. Из-за всей этой нервотрёпки она начала резко худеть и теперь кожа, под которой раньше был жирок, висела складками и морщижилась, а чернота вокруг глаз и разбитые губы вообще делали её похожей на бездомную бродяжку. Правда, глаза за этими чёрными кругами казались огромными, но это не спасло общей картины. Как женщина она сейчас была совсем не привлекательна.

- Что? Не нравлюсь? – хлюпая носом, спросила она.

- Нет, - честно признался Валька, присаживаясь рядом.

- А ведь я красивая была. Парни за мной табунами бегали, а я, дура, за твоего отца замуж вышла.

- Любила наверно? – предположил он.

- Любила!? Отец мой его любил. «Умный, талантливый, мне бы такого сына...». Вот я и влюбила себя в него.

- Ну, теперь то... после драки кулаками... поздно уже.

- Поздно!? Голову в петлю никогда не поздно! – зло крикнула она и внезапно, как будто сломавшись, уткнулась разбитым лицом в его плечо и всхлипывая запричитала: «Валечка, миленький, ну что же мне теперь делать-то? Что же я такая невезучая? Как жить то дальше?».

Он гладил её вздрагивающие плечи и спину, пока она хоть немного не успокоилась, а затем тихо, но твёрдо сказал: «Бороться надо, Наташа».

- Как бороться? Работы нет. За картины мои копейки предлагают. Сил нет... - почти простонала она, продолжая всхлипать.

- Крепись девочка, - он вдохнул и уже, с каким-то лихим весельем в голосе добавил: «А кому сейчас легко?»

Чуть позже, когда она уже окончательно успокоилась, а он позавтракал и завалился на диван в расчете на законный дневной отдых, она зашла в гостиную и, отводя взгляд в сторону, робко спросила: «Валь, а можно... я с тобой полежу... немножко...».

- Ложись, - разрешил Валька, не понимая причины такого её поступка.

- Я здесь... рядышком... поверх одеяла... - как бы извиняясь, сказала она и аккуратно пристроилась к его боку, а затем, как будто решившись, положила голову ему на грудь, обняла рукой и замерла. Замер и Валька, даже сквозь одеяло, ощущая плечом её полную грудь, всё ещё упругую, несмотря на выкормленного ребёнка. Но это длилось недолго. Буквально минуту. А затем её напряжённое тело расслабилось, дыхание стало ровным, и она уснула.

Валька пролежал так, не шевелясь, ещё почти час, наблюдая, как вздрагивают во сне её ресницы и, ощущая как, буквально обжигает его тело близость женской груди, а затем тихонько высвободился из её объятий и, прикрыв мачеху одеялом, вышел на кухню. Курить. И думать.

А подумать было о чём. Валька вкурил в себя с полпачки сигарет и выпил, за неимением кофе, кружек пять чая, пока в голове не созрело решение. К этому моменту проснулась и Наташка. С лёгкой полуулыбкой вошла в кухню и, подойдя сзади, чмокнула его в макушку: «Спасибо, Валя».

- За что? – удивлённо обернулся он.

- За всё, - глядя на него, сверху вниз ответила она.

- А-а-а, ну это мы всегда, пожалуйста. Ну, там конфетку подарить или по голове погладить. Ежели что, то обращайтесь... - попытался он скрыть за шутовским тоном своё полное непонимание происходящего.

- А мы, ежели что, опять обратимся, - поддержала его тон Наташка, но глаза её при этом смотрели совершенно серьёзно.

- Наташ, - немного подумав, сказал он: «У меня просьба есть...».

- Какая? – несколько насторожилась она.

- Ты не могла бы к отцову приезду свалить куда-нибудь ненадолго. Мне с ним поговорить надо.

- Ладно, - понимающе усмехнулась она: «Съезжу на «Вернисаж», узнаю, может чего продали. А потом Алёнку из садика заберу. Так что часов до семи беседуйте на здоровье».

Она поплескалась в душе, накрасилась, но королевой красоты от этого не стала и, видимо понимая это, тяжело вздохнув перед зеркалом, ушла, а Валька, в ожидании отца, завалился на диван и конечно же уснул.

- Наташка! Ты где, зар-раза!? – разбудили его пьяные вопли отца. Он встал и вышел в коридор. Отец был пьян в стельку. Как до дома-то дошёл, если сейчас вертикальное

положение мог сохранять, только опираясь о стенку. Пьяный, помятый, обрюзгший – смотреть противно.

- О! Валька. Сыно-ок... - наконец-то сфокусировал на нём взгляд проспиртованный папаша.

- Здорово, отец, - ответил он: «Что-то ты пьян сегодня».

- А что? На свои пью.

- Протрезветь бы тебе...

- На хрена?

- Поговорить надо.

- Вот и говори.

- Нет, сначала протрезветь, - твёрдо заявил Валька, и старым десантным приёмом заломив ему руку, отволол сопротивляющегося отца в ванную. Прямо в одежде засунул его под душ и, не слушая возмущённых воплей, включил холодную воду. Процедура по приведению отца в человеческое состояние длилась примерно полчаса и включала в себя поочерёдно ледяной душ, натирание ушей и пару капель нашатырного спирта на кружку воды, с последующим выводом остатков алкоголя из желудка через ротовое отверстие. В конце концов, экзекуция завершилась успешно и без летального исхода. Бледно-зелёный и трясущийся от холода, но уже трезвый отец был готов его выслушать.

И выслушал всё, что хотел сказать ему сын. И о том, что он «не мужик, а тряпка», и о том, что «с женщинами так не поступают», и многое, многое другое.

- Ты что думаешь это ты один такой, кому хреново? Думаешь, остальные как сыр в масле катаются? Чёрта лысого! Пашут и пашут. Крутятся, как могут. Воруют, если по-другому не получается. Но, ведь не сдаются. А у тебя башка светлая и руки золотые, вон любой телек починить можешь... - убеждал его Валька.

- Могу, - угрюмо буркнул отец.

- У тебя что, на работе дел невпроворот?

- Да нет, сидим в шахматы режемся.

- Так делом займись! Крутись, выдумывай. Ты же не один. Сопьёшься, что с Алёнкой будет? А с Наташкой? Пропадут ведь.

- Пропадут, - уныло согласился отец.

- Так помни о них. Будь мужиком!

Отец посопел немного, ворочая в голове какие-то свои мысли, с зарождающимся энтузиазмом в голосе, сказал: «Ладно, попробую».

- Ну, вот и хорошо, - Валька обнял отца за плечи: «Бери листок бумаги и пиши, что ты можешь сделать. Прямо сейчас. Садись и пиши».

- Убедил.

- Ладно. А я, чтобы не мешать, работать поеду.

Под хорошее настроение и работа спорилась. Мелькали перекрёстки, светофоры, «менты». Менялись пассажиры, оставляя Вальке часть своих доходов, и тайник под «бардачком» постепенно заполнялся помятыми купюрами. К концу месяца он уже чувствовал себя вполне состоятельным господином, по крайней мере, в сравнении с тем, каким он был пару месяцев назад. Хватило и для оплаты долгов, и себе кое-чего прикупить. Так, по мелочи – трусы, носки, свитер. А то ведь, уходя из дома, даже бритву с собой не взял. Порадовал и железного друга. Купил ему колпаки на колёса. Вроде бы ерунда и вещь абсолютно бесполезная, но красиво же и «Шерька», гордясь собой и таким добрым и заботливым хозяином, старался не подводить его. Не ломался на дороге, заводился «с пол-пинка» и, так же как и раньше, резво срывался с места, невзирая на то, что Дубровские «коновалы» перевели его на кормёжку более дешёвым «овсом» - бензином марки «А-76».

Но не только пассажиры поддерживали Валькин бизнес своими финансами. Коляннич на Дубровской «конюшне» похвастал новым «стволом» и теперь вся клиентура секретного автосервиса знала, что Валка может... Он уже сдал пару «вальтеров» и

«перфекту», заработав себе чуть-чуть и отстегнув слесарям по 5% от сделки. Жадюга-Серый заявил, что «раз уж он работает на их территории, то не грех бы и поделиться». «Типа, «крышей» твоей будем», - хохотнул Никеша. А Валька и не против. Хорошие отношения – дороже денег.

А отношение к нему хорошее, это сразу видно. Вот и Серый встречает его приветствием: «А-а, Валька, ...твою мать!», и Антон, даже когда «хавчика» не привёз, всё равно хвостом виляет. Отоспаться пару раз позволили, пока с его машиной возились...

Имея некоторое деньговое изобилие, Валька наконец-то вспомнил о том, что он всё-таки мужчина и начал потихоньку заглядываться на придорожных прелестниц, обещающих неземные ласки по сходной цене. Если бы ему лет пять назад сказали, что он согласится воспользоваться услугами проститутки, то он плюнул бы тому человеку в глаза, а то бы и по морде врезал. Но сейчас он уже стал другим, успокаивая себя тем, что когда вокруг такой бардак и вся страна стала помесью публичного дома с гадюшником, нечего свою совесть терзать. Но впасть в разврат по задуманному сценарию не удалось. Лариска помешала...

Лариску он увидел где-то около часа ночи. Девчонка стояла под фонарём, мокрая от дождя, сжимая в одной руке банку «джин-тоника», и призывно махала ему другой. Ему. А кому же ещё, если других «извозчиков» поблизости не наблюдалось?

Он остановился и она, мокрая как мышь, молча, плюхнулась на пассажирское сиденье и лихо скомандовала: «Поехали!»

- Куда? – поинтересовался Валька.

- Для начала к ларьку. Пойло заканчивается, - она отхлебнула из банки и добавила: «Нет, уже кончилось».

- А потом? – любопытствовал он.

- А потом... - она нахально окинула его оценивающим взглядом: «...потом ещё куда-нибудь».

Валька хмыкнул, нажимая на педаль «газа». И ведь нельзя сказать, чтобы пьяная. Так, чуть-чуть навеселе, больше куражится. Но девчонка вроде бы ничего, может что-нибудь и сложится. Он тоже искоса осмотрел её на предмет женских прелестей, а она, заметив его взгляд, хихикнула и пояснила с шокирующей откровенностью: «Так, чтобы не было непонятки. Я – проститутка, но сегодня у меня выходной и я делаю что хочу. Если есть желание составить компанию – присоединяйся, а если нет, то я на «Маяковке» выскочу».

- Почему нет желания? Желание то есть...

- А чего нет? Денег? Члена? – и она, ничуть не смущаясь, протянула руку, проверяя наличие этого самого органа у мгновенно покрасневшего Вальки.

- Не, всё нормально, - авторитетно заявила она, закончив ощупывание: «А деньги твои мне не интересны. У меня своих хватает».

- Ну, «джин-тоник» то я могу тебе купить? – проявил куртуазность Валька.

- Не-а, я же сказала, что на отдыхе. Правда и за проезд тебе денег не дам. Найду другой способ расплатиться, - она бросила на него томный взгляд и, чуть приоткрыв ротик, в кошачьей манере облизнула верхнюю губу, отчего недавно обследованный орган напомнил Вальке, что джинсы у него несколько узковаты.

- Ну, актриса, - усмехнулся он и, поддерживая игру, изобразил страстный стон в сочетании с «пламенным» взором.

- А ты прикольный, - заявила она отсмеявшись: «Женат?»

- Почти нет. А ты что, за меня замуж собралась?

- Фу! Нужен ты мне. Я за миллионера выйду. Просто насчёт «хаты» интересуюсь или так, и будем в машине трахаться?

Валька почувствовал, что он снова краснеет, настолько его шокировала такая непристойная откровенность, но в машине царил полумрак и он надеялся, что она ничего не заметит.

«Хата? А где её взять? Не к отцу же или к матери с ней ехать...» - подумал он и тут его осенило. «Слушай, у меня ребята знакомые на автосервисе. Там сейчас кроме сторожа никого нет».

- А условия там есть?

- Душ, туалет.

- Тогда годится. Но сразу не поедem. Сперва по Москве покатаемcя, а то я здесь уже три месяца, а кроме «точки» на Лубянке ничего не видела.

- Базара нет, - согласился Валька.

- Ух, ты, какой сговорчивый... - промурлыкала она и, наваливаясь на Валькино плечо грудью, приникла губами к его шее. Руки её тем временем деловито проверяли наличие у него бицепсов, трицепсов и прочей присущей нормальному молодому мужику мускулатуры. Ощупывала его и оглаживала, проверяя на предмет соответствия заявленным стандартам. Ему оставалось только судорожно вцепиться в руль внезапно вспотевшими руками, стараясь не отвлекаться и удержать машину на дороге. В какой-то момент ему даже стало смешно – он понял, что должна испытывать девушка, в тот момент, когда её лапают и тискают мужские руки.

Наконец она закончила своё обследование и отпала от его обмусоленной шеи. Откинувшись в пассажирском кресле и Валька вздохнул с облегчением.

- Ну, ты кремень! – выдала она ему комплимент: «Его женщина по всем фронтам возбуждает, а он сидит словно каменный».

- Каменный!? – возмутился он: «Внимание на объект!» и он указал взглядом на вздувшуюся часть джинсов.

- Тихо-тихо, - ехидно, но с явно довольными интонациями в голосе промурлыкала она: «Ещё не время, потерпи чуток». А потом добавила: «А хочешь я тебе пока, для разгрузки минетик сделаю?»

Вот теперь Валька покраснел уже по серьёзному, даже пот прошиб. Когда-то, ещё в ГДР, его Леночка, насмотревшись западной «порнушки», предложила ему такое, но он тогда только с возмущением отверг её инициативу и вот теперь расплачивался за собственную неосведомлённость.

- Не надо. Переживу, - небрежно бросил он, стараясь, чтобы его лицо оставалось в тени.

- Ну, как хочешь, - охотно согласилась она и поёжилась, передёрнув плечами, отчего её грудь под влажным трикотажем джемпера призывно колыхнулась, и Валька только огромным усилием воли заставил себя отвести взгляд и вернуться к дорожной обстановке.

- Печку включи. Холодно у тебя тут, - попросила она. Валька передвинул нужные рычажки и предложил: «У меня свитер есть. Хочешь, накинь».

- Ага, - согласилась она и, приняв свитер, начала стаскивать через голову свой джемпер и Валька опять залился краской. Под джемпером у неё оказалась только упругая девичья кожа, матово светящаяся в полумраке машины. А ей всё до фонаря. Прямо посреди города голая девчонка сидела в машине и не торопясь разбиралась, с какой стороны нужно влезать в этот мужской свитер.

Они остановились на светофоре, а она всё так же неторопливо продолжала возиться со свитером, демонстрируя всему миру свою очень даже не маленькую грудь. «Побольше, чем у Ленки», - оценил достоинства Валька и, чтобы соблюсти справедливость, добавил: «Но поменьше, чем у Наташки». А она, лениво окинув взглядом стоящие в ожидании «зелёного» машины, задумчиво произнесла: «Мужики, поди, тарашатся. Как бы слюной не захлебнулись...».

- Так тебя никто не видит, - успокоил он: «У меня стёкла тонированные».

- Как не видят!? – возмутилась она и начала накручивать ручку двери, опуская стекло вниз до упора: «Пусть видят! Нам есть чем гордиться!»

У мужиков в соседних машинах просто челюсти отвисли от такого бесплатного стриптиза, а Валька, даваясь от смеха, вдавил педаль «газа», тем более, что

долгожданный сигнал светофора наконец-то зажёгся. Они уже отъехали метров на сто, когда водители соседних машин наконец-то смогли прийти в себя и рванули следом.

На Дубровке дежурил Кержач, несколько не удивившийся такому позднему визиту Вальки, да ещё в сопровождении девицы и дюжины банок «джин-тоника».

- Да запросто, - легко согласился он на просьбу о гостеприимстве и, открывая банку из привезённых Валькой, добавил: «Что-то долго ты с этим делом до нас добирался».

- А что, другие уже приезжают?

- Хронически. Думаешь для чего у нас топчан двуспальный и во вторую комнату дверь до сих пор не вышибли? То-то...

Валька понял, что в ближайшей перспективе проблем с плацдармом для блуда у него больше не будет и позвал Лариску, ожидавшую окончания переговоров в машине. «Вылезай, всё нормально». Она вышла недоверчиво и слегка испуганным взглядом обвела затемнённую площадку секретного сервиса. Темнота, таящаяся в углах и собачья «гвардия» с плотоядным интересом рассматривающая нового человека, явно не внушали ей особого оптимизма.

- Всё в порядке, - успокоил он её: «Я договорился».

- Сервис-то бандитский? – всё так же настороженно спросила она.

- Ага. Только они здесь ручные. Не бойся.

- А я и не боюсь, - уже успокаиваясь, сказала она и, заметив тощую фигуру Кержача, направилась к нему: «Ой, какой муш-щ-щина...».

Нет, самообладанию и нахальству этой девчонки можно было позавидовать, Только что едва ли не тряслась от страха, и вот уже с кошачьей грацией скользнула к совершенно незнакомому ей мужику, вдвое старше её и, прижавшись всем телом, замурлыкала: «Высокий, стройный, с благородной сединой. Аристократ, да и только...».

- Отойди, женщина, - со смехом отбивался Кержач: «А то, не дай Бог, возбужусь».

- А вот этого не надо, - продолжая дурачиться, заявила она и отлипла от Кержача: «Мальчики, групповой секс я на сегодня не заказывала. Не люблю».

Они ещё посидели в бытовке, попивая «джин-тоник» и ухохатываясь над Лариской, которая развлекала их случаями из ночной жизни столицы. Рассказала, что хочет устроиться на работу в какой-нибудь стриптиз и даже показала кое-что из своего будущего репертуара, от чего слюни распустил не только Кержач, но и уже «отминеченый» за время прогулки по городу Валька.

- Ну, всё. Хорошего понемножку, - заявила она, когда опустела последняя банка: «Валька, за мной! Тебя ждут великие дела». Встала и демонстративно виляя попой, на ходу стягивая свитер, направилась в соседнюю комнату.

- Вот же, б...дь! – с восхищением выдохнул Кержач, провожая взглядом её обнажённую спину.

- Зато какая!!! – с не меньшим восхищением согласился Валька и двинул вслед за ней, вершить свои «великие дела».

А дела вершить пришлось действительно великие. Лариска оказалась большой любительницей, ненасытной и изощрённой, требуя от Вальки делать такое, от чего он снова краснел и благодарил полумрак, царящий в комнате за то, что скрывает это. К утру, вымотала его до полубессознательного состояния, а сама свежая и бодрая, с мокрыми после душа волосами, наклонилась и чмокнула его в лоб: «Ну, всё. Прощай».

- Телефончик оставишь?

- Не-а. Захочешь увидеть – на Лубянке найдёшь.

- Может тебя подвезти? – вяло предложил он.

- Лежи уж, - засмеялась она: «Какой из тебя сейчас подводитель?».

И, подмигнув ему на прощанье, ушла, звонко цокая каблучками и высоко задрав подбородок. «Победительница» - почему-то подумал он: «Укатала мужика и довольна...». Это была его последняя мысль перед тем, как провалиться в глубокий сон.

Глава III

Дела житейские

Дороги Москвы. Улицы, переулки, мосты и бульвары. Асфальт, то мокрый от дождя, то мягкий от наступившей жары. Тополиный пух, давка и духота днём. Пустые дороги и свежий ветер в открытое окно ночью. Пассажиры, то весёлые, то грустные, то смешные, то серьёзные. Колёса «Шерьки» накручивают километр за километром, а Валька уже привычно и немного небрежно положив руку на руль, пристально высматривает среди прохожих тех, кто готов поменять свой статус пешехода на более престижное «пассажир» с соответствующей оплатой. И уже кажется ему, что не было никогда ни Афгана, ни ГДР, ни Леночки, а была всегда только эта бесконечная серая полоса городского асфальта, зовущая его всё вперёд и вперёд, в неизвестность.

Он уже окончательно сроднился с такой жизнью и даже иногда, проснувшись под вечер, выезжал на трассу не потому, что пора, а просто по привычке. Да и на дороге, в суете и мельтешении автомобилей ему было намного уютней, чем на пешеходном тротуаре, а потенциальных клиентов он научился определять ещё до того как они призывно вскидывали руку. И тут уже он, соревнуясь с матёрыми «волками» московских дорог, бросал машину к бордюру с меркантильной надеждой «срубить» ещё денег. Даже наглеть начал потихонечку, перехватывая добычу на «прикормленных» стоянках у метро и вокзалов.

Он не становился в общую толпу «прописанных», а отъезжал чуть в сторону, делая вид, что стоит по какой-то своей надобности, но его всё равно высчитали.

- Шеф, свободен? – дружелюбно поинтересовался у него пожилой мужик.

- Свободен, - с готовностью ответил он.

- А за парковку чего не платишь? - рядом с мужиком выросли два молодых мордоворта и Валька понял, что влип.

- А сколько? – вяло поинтересовался он.

- Пять «штук».

- Много. Я здесь всего-то с полчаса.

- Так что, платить не будешь?

Валька огляделся. На площади полно людей и даже милицейский наряд, лениво обдирающий какого-то пьянчугу, имеется. Не будут же они его лупить при всём честном народе. А ему смыться – только ключ повернуть да на педаль нажать. И он нахально ответил: «Нет».

- Ну, как хочешь, - добродушно согласились мордовороты и ушли, проколов ему шилом все четыре колеса.

Так что пять «штук» всё равно пришлось отдать, но уже местному «прописанному», который возил Вальку с дырявыми колёсами до ближайшего шиномонтажа и обратно, под смешки и ухмылки остальных членов стаи.

А ещё через несколько дней его опять ограбили. Двое пассажиров, по виду типичные студенты, внезапно превратились в «гопников» с ножами. Один, на заднем сиденье, ласково уговаривал его «Сидеть на жопе ровно и не вертухаться», приводя в качестве основного аргумента что-то острое и холодное, колющее Вальку в стриженный затылок. А второй, тем временем, ловко вывернул ему карманы и даже не поленился заглянуть в «бардачок» и под сиденья. Опытный, гад. А с виду, ну типичный «ботаник».

- Машину берём? – спросил тот, что сзади у своего напарника.

- На хрена нам это старье? – скривился «ботаник» и Валька впервые порадовался, что у его «Шерьки» трещина на лобовом стекле и поцарапана «торпеда».

В милицию он обращаться не стал. Без толку. Но, заехав в очередной раз на Дубровку, обременил Серого просьбой об установке «мульки».

- Тебе какую? – поинтересовался умелец, от безделья мучавший аккордами старенькую гитару.

- Ну, чтобы даже если меня из машины выкинут, всё равно уехать не смогли.

- А-а-а, ну это мы запросто, - отложив инструмент, успокоил его мастер, и провозившись часа полтора, установил на машину «секретную» кнопку. Теперь «Шерька» заводился с неё, а не с ключа и угонщик мог сколько угодно материться, ругая «сдохший» стартер, потому что «мульку» Серый установил так хитро, что при повороте ключа из-под капота раздавалось не бодрое жужжание предваряющее запуск двигателя, а щелчки и треск от «накрывшегося» втягивающего реле.

- Годится? – спросил он, демонстрируя Вальке принцип работы «мульки».

- Здорово! - восхищённо признал Валька и, что-то прикинув в уме, добавил: «Слушай, а магнитолы ворованные есть?»

- Есть, но сейчас одна туфта. Хороших уже недели две не приносили.

- Ну, так мне туфта и нужна. Лишь бы радио работало, а то скучно в тишине.

- Возьми «Урал». Дёшево и сердито.

- Сколько?

- Пятьсот.

- Сколько!?

- Пятьсот. Причём, заметь — отнюдь не долларов.

- Слушай, даже для ворованного слишком дёшево. Сломанная что ли?

- Да нет, рабочая. Просто это такой отстой, что на неё ни один дурак не позарился. Сам удивляюсь где «пионеры» такой раритет стырить ухитрились. И вообще мы её уже давно выкинуть собирались. Ну, так что? Берёшь?

- Беру.

- Значит, первым будешь...

- Каким первым? - не понял Валька.

- Первым ..., кто на неё позарился, - ехидно скривил рожу Серый.

- Ладно, - не обиделся на намёк Валька: «А поставить сможете?»

- Обижаетесь, начальник. Только это ещё полторы будет стоить. А если с колонками и с антенной ... - он почесал в затылке, калькулируя стоимость работ: «...то ещё две».

- Ох, ну вы и волки. Ладно, кровососы, ставьте, - со вздохом согласился Валька.

- Ага. Никеша! Хорошо мух ловить, иди музыку ставь!

- Щас-с-с! А ты тем временем сам всех мух переловишь. Себе на обед.

- Нет, тебе. Я не жадный.

«Ну, началось», - продумал Валька, усаживаясь в теньке на дежурную лавочку: «Хорошо хоть за болтовнёй о работе не забывают...»

Выехал на линию он уже с музыкой, ополоснув машину из шланга, и весь такой довольный собой. Впрочем, как и машиной. Настроение было на высоте, он весело болтал и шутил с пассажирами, а те не скупались при оплате труда такого весёлого водителя. Жизнь улыбалась.

Около двух часов ночи занесла его нелёгкая на Загородное шоссе, и проезжая мимо дурдома имени Кащенко, он заметил женскую фигуру выбиравшуюся из придорожных кустов. Пьяная? Бомжиха? Совсем не клиент. Но что-то тут было не так, и Валька свернул к бордюру.

Девушка, почти ещё девочка, в мокром платье, облепившем худенькую фигурку, замерла у дороги и смотрела на него круглыми от ужаса глазами, прижимая к груди оторванный лоскут.

- Девушка, у Вас что-то случилось? - стараясь говорить как можно мягче, спросил он, хотя уже и так понял ЧТО случилось. Она не смогла ничего сказать и только утвердительно кивнула головой, отчего мокрые пряди волос упали на её бледное лицо.

- Садитесь в машину, я отвезу Вас, куда скажете, - так же мягко предложил он, но девушка отрицательно мотнула головой, видимо не совсем понимая его намерения. Он вышел из машины и попытался взять её под локоть.

- Садитесь, не бойтесь.

Она резко отдернула руку, но посмотрев на Вальку, почему-то успокоилась и в машину всё-таки села. Валька тоже залез на своё рабочее место и включил печку. На улице было по ночному свежо и девчонку просто трясло, то ли от холода, то ли от пережитого ею ужаса.

- Знаете что, - предложил он: «У меня здесь свитер есть. Я выйду, а Вы переоденетесь в машине. А то простудитесь ещё...»

Она благодарно взглянула на него и утвердительно кивнула. Валька вылез из машины, закурил и огляделся. Того подонка, что надругался над несчастной девчонкой поблизости видно не было. Да и вообще никого не было. Глухомань. Тьмутаракань и тьма египетская. Забор больницы, пруд, заросли кустарника, а за ним кладбище. И что её, дурочку, сюда занесло?

- Я всё... - чуть слышно сказала она, приоткрыв дверь машины и Валька, бросив недокурную сигарету, влез на своё законное место. Она сидела рядом, но уже не тряслась как осинный лист, видимо слегка согревшись, и тупо смотрела в одну точку, зажав ладони между коленей и слегка покачиваясь взад-вперёд. Валькин свитер ей был велик и с успехом заменил мокрое платье, чьи обрывки валялись теперь комком ветоши у неё под ногами. Широкий ворот сполз на сторону, оголив не только тоненькую шейку, но и плечо с прилипшей к нему прядью мокрых тёмно-рыжих волос. Они молча просидели в нагревшемся салоне минут пятнадцать, пока Он не решился спросить:

- Ну, и что случилось?

- А Вы не понимаете? - горькая усмешка скользнула по её губам.

- Понимаю. К отделению милиции Вас отвезти?

- Зачем? - с той же горечью спросила она.

- Ну, чтобы подонка этого поймали.

- Подонков, - поправила она, и словно прорвавшись сквозь плотину самообладания, слёзы брызнули из глаз и, уткнувшись лицом в колени, она разрыдалась.

- Ну-ну, не надо так. Всё плохое уже позади, - пытаюсь её успокоить, он аккуратно, едва касаясь, поглаживал худенькую спину. От этого она и правда начала успокаиваться, но едва подняла глаза, и взгляд её упал на скомканное платье, разревелась с новой силой.

- Знаете что... - предложил он, когда поток слёз слегка утих: «Вам здесь только хуже, давайте отсюда уедем». Она согласно кивнула головой, размазывая по щекам слёзы. «А это...» - он вытащил у неё из-под ног тряпку, когда-то бывшую девичьим платьем: «А это мы выкинем к чёртовой матери». И приоткрыв окно, он вышвырнул остатки платья на улицу.

Неторопливо и спокойно он возил её по городу ещё с полчаса, специально поймав волну с лёгкой музыкой и убавив громкость до минимума. Понемногу она успокоилась и даже попыталась поправить спутанные волосы. Получилось плохо, и она вздохнула с сожалением.

- Ничего, и так красиво, - попытался успокоить её Валька, не покрывив душой. Действительно, волосы у девчонки были цвета тёмной меди, густые, а теперь, когда они высохли, ещё и пушистые.

- Вот-вот, и они тоже говорили что красивая, а потом...

- Если тяжело, то можете не рассказывать.

- Тяжело. Но лучше рассказать.

- А надо?

- Вы уж извините, но я об этом никогда и никому... А в себе держать... сил нет.

- Ну, смотрите...

- Я с подружкой в кафе сидела, а они там с нами познакомились. Двое. Культурные такие, вежливые. Всё на «вы» обращались. Сказали что студенты из МГУ. Подружка ушла, а я, дура, осталась. Они мороженым угощали, всё предлагали шампанского

выпить за мою «красоту неопишную». А потом мы гулять пошли. А потом... Когда до пруда дошли, они, словно переродились. Грубые стали, наглые. Я плакала, просила их... сопротивлялась, но их же двое. Повалили прямо на землю... гады... и по очереди... - она с омерзением передёрнула плечами.

- А на помощь позвать?

- Кого!? Здесь же глушь, как в деревне, да и они предупредили, чтобы не орала, а то хуже будет. Вот и молчала.

- Да уж, влипли...

- Они ещё по второму разу хотели, но я вырвалась и в воду бросилась. А они... они мне вслед смеялись.

Валька молчал, мысленно перебирая в голове все известные ему матерные слова и выдумывая новые в адрес этих подлецов, а девчонка, видимо излив душу, постепенно приходила в себя. Уже не тряслись губы и руки, распрямилась спина и если бы не чужой свитер и спутанные волосы, то уже было и не заметно, что с ней что-то случилось. Обычная девчонка, только грустная.

- А вот и мой дом, - неожиданно сказала она. Катались они без всякой цели, просто так, но чисто случайно выехали её именно туда, куда было нужно.

- Я, пожалуй, пойду, - сказала она, и Валька нажал на тормоз.

- Спасибо Вам...

- Не за что. Дома-то есть кто-нибудь?

- Родители. Спят наверно, - она вышла из машины и задержалась на секунду: «А свитер?»

- Возьмите себе. Не нагишом же идти.

- Спасибо. Будет мне на память о хорошем человеке.

- Ладно, уж... Удачи Вам.

- И Вам удачи.

Валька неторопливо ехал по уже освещённым рассветным солнцем улицам и думал о том, какая всё-таки странная сволочь этот человек. Вот сейчас, он готов на клочки порвать тех ублюдков, что надругались над девчонкой, а ведь сам-то что сделал с теперь уже бывшей женой всего два месяца назад? И хотя он прекрасно понимал, что его тогдашние действия были продиктованы состоянием аффекта, это никак не оправдывало всей мерзости его тогдашнего поведения...

- Шеф, на Сущёвку...

- Поехали...

Так получилось, что Валька стал меньше появляться у матери, где Вахтанг развил активную коммерческую деятельность, превратив уже всю квартиру в склад ширпотреба и переведя жизнь семьи в торговую плоскость. Вплоть до того, что в ответ на просьбу Вальки продать ему джинсы и куртку, заломил такую цену, что и на рынке не спрашивают. Валька обиделся и из принципа не стал ничего покупать. Так и продолжал ходить в «детских» джинсах, тем более, что чувствовал себя в них довольно комфортно. То ли коттон растянулся от постоянной носки, то ли задница ещё больше похудела от постоянного недоедания.

Зато намного чаще он стал появляться у отца. Тот, видимо под влиянием проведённой с ним воспитательной работы, завязал со спиртным и с энтузиазмом занялся своим, как он его называл, «проектом».

- Понимаешь, - объяснял он Вальке: «Ещё лет десять назад, когда мы разрабатывали установку для стерилизации молока, то совершенно случайно получили такой материал, проходя через который воздух теряет молекулы азота и содержание кислорода в нём повышается до 50%. Тогда это был попутный продукт, но сейчас я подумал, что если такие «фильтры» вставлять в вентиляцию, то даже в самом загазованном центре города люди в квартирах будут дышать чистым воздухом.»

- Это как на подводных лодках? - поинтересовался Валька.

- Нет, на подлодках регенераторы отбирают углекислоту. Здесь принцип совсем другой, но эффект должен быть.

Отец завалил стол в гостиной разными микросхемами, проводами, электромоторами и кусками пластика из которых с увлечением создавал с вой «ФОК» - «фильтр-очиститель Кучерова». Квартира провоняла запахом канифоли и горелой изоляции, но никто не роптал на эти неудобства, понимая, что для него, да и для них, это важно.

Наташке на бирже труда смогли предложить только работу маляра в какой-то конторке и она, плюнув на своё художественно-декораторское образование, с лихим отчаянием пошла красить стены и белить потолки. Работа была тяжёлой и изматывающей, она приходила домой и просто валилась без сил, но за это хотя бы деньги платили, а иногда можно было и подхалтурить, что тоже не вредило семейному бюджету.

Но проблема Валькиного проживания всё равно стояла остро, и тогда он решил обратиться к парням на Дубровку.

- Слышь, Никеша, а Вам сторож не нужен? - спросил он, заехав в очередной раз на подпольный автосервис.

- А чего? - поинтересовался колчерукий.

- Да мне жить негде. Думал у Вас.

- Тебе не подойдёт. Знаешь, сколько нам трест официально платит? Мне, как механику — семь, Кержачу, по ставке слесаря пятого разряда - шесть, а Серому, как сторожу вообще пять. Мы им в обратку намного больше отстёгиваем. А потом, ты же по ночам «бомбишь», а сторож именно ночью и нужен. Нет, Валушок. Нужно будет отоспаться или там тёлку привести — заезжай, а на постоянной основе не получится. К тому же есть у нас уже один кент, который здесь и днём и ночью. Кстати... Эй, Серый!

- Чего?

- Ты когда паспорт принесёшь?

- Нафига?

- Прописку тебе сменим. Всё равно ты здесь чаще, чем у себя дома бываешь.

Вот и остался Валька с пропиской по месту жительства в родном автомобиле марки ВАЗ-2101. А ведь действительно так. В сутки шесть-восемь часов на сон, а всё остальное время за рулём. Так и пешком ходить разучишься. Зато научишься рулить. Вот он и научился. Вполне прилично, по его мнению. Но злыдень Никеша накаркал, что всё равно пока в аварию не попадёшь, настоящим водителем не станешь. Хорошо ему рассуждать, сам-то весь ломаный — переломанный, а Вальке железного друга жалко. Поэтому, хоть и давил на «газ» от души, однако с поправкой на «не уверен — не обгоняй».

Но всё-таки пророк оказался прав и однажды, уже под утро, влетая в крутой поворот на Южнопортовой, он лоб в лоб вышел на встречный панелевоз, которому чтобы вписаться в этот самый поворот приспичило выехать на встречную полосу движения. Что происходило в следующие мгновения, он помнил смутно. Руки, как бы сами по себе, крутанули руль в сторону и «Шерька», уходя от лобового столкновения, перепрыгнул бордюр, прогрохотал по ухабам и остановился, уткнувшись колёсами в бетонную плиту. Сам же Валька проигнорировавший, как и положено «настоящему ночному волку», ремень безопасности, ударился грудью о рулевое колесо и треснулся башкой в лобовое стекло. Башка оказалась крепкой, а вот стекло не очень и покрылось сетью трещин расходящихся во все стороны от того места, где в него воткнулась Валькина лобовая часть. «Теперь понятно, почему оно «лобовое» называется», - подумал он, утирая с лица кровь и провожая взглядом огни уезжающий панелевоз, который даже не притормозил у места аварии.

Он вышел из машины и осмотрел своего кормильца. Вид его не вызывал абсолютно никаких положительных эмоций. Теперь «Шерька» напоминал какого-то джейрана своим выгнутым капотом, грустно смотрящими вниз фарами и уныло ухмыляющимся бампером. Передние колёса сместились назад и упёрлись в кузов. Даже своим неопытным глазом он смог понять что дело «труба» и вся надежда теперь только на дубровских умельцев, благо, что до самой Дубровки было рукой подать.

Валька выгреб всё из тайника под бардачком, запер машину и двинулся в сторону спасительного автосервиса. Пешком, естественно...

Никеша, дежуривший в эту ночь и разбуженный стенаниями «безлошадного» Вальки, для начала обматерил его в три этажа с пристройкой, но сочувствие всё-таки проявил: «А где машина-то?»

- На «пьяной» дороге. Там в промзоне, возле гаражей.

- Блин! - вскинулся Никеша: «Бегом туда, пока на запчасти не разобрали».

- Как это?

- А вот так. Пока ты тут прохлаждаешься, тамошние мародёры, поди, уже колёса скручивают.

- Да ладно...

- Точняком говорю. Места там гиблые. В эти гаражи и так весь угон сливают, а твоя «лайба» им просто как манна небесная. Сам пригнал и подарил.

Никеша засуетился, покидал в багажник своей «семёрки» какие-то железяки и они, прыгнув в машину, помчались спасать «Шерьку» от мародёров.

Никеша был прав. Возле машины уже топтались две типично криминальные личности, заглядывая внутрь машины и прикидывая, что бы стащить из салона, если удастся вскрыть дверь. Подъезжая Никеша «бибикнул» и мародёры лихо рванули в кусты. «Уф, успели», - с облегчением выдохнул он и принялся за осмотр «больного».

Результат осмотра оказался неутешительным. «Больной скорее мёртв, чем жив», - констатировал «доктор»: «Лонжероны в дугу, здесь стапель нужен...». Валька, уже нахватавшийся нужной информации, знал, что это такое, но он так же знал и сколько стоит ремонт машины на этом самом стапеле. Примерно, в два раза больше, чем сам «Шерька» и вполне возможно, что даже в комплекте с ним самим. Валька загрустил. Бизнес его неотвратимо катился к летальному исходу, но почему-то больше всего ему было жаль не себя, а эту грудку метамолома, с которой он уже успел сродниться за последнее время.

- Ну и что? Без вариантов? - уныло спросил он.

- Не знаю, - задумчиво ответил Никеша: «Надо бы тебя в «конюшню» дотащить. Кержач вчера не пил, а значит, сильно тупить не будет. Может чего и посоветует. Мотор-то работает?»

Валька достал ключи и проверил. Мотор завёлся, хотя и тарахтел как-то не так, словно цепляясь шкивом за какую-то железяку. Это немного подняло уровень настроения, хотя он пока что даже представления не имел о том, как можно ехать на машине, у которой не крутятся передние колёса. Зато об этом имел представление Никеша. «Вот и замечательно», - порадовался он тарахтению мотора и начал доставать из багажника «семёрки» кучу всяких железок, оказавшихся на самом деле ломками и ломиками разных размеров и форм.

- Присоединяйся, Валюшок, - гостеприимно пригласил он, вручая потерпевшему самый большой лом: «Сейчас мы хоть как-нибудь колёса освободим, а там ты уж своим ходом дотащишься».

Примерно через час упорного труда, сопровождаемого по национальной традиции непечатными вариациями на два голоса, «Шерька» вздрагивая и телепаясь всем кузовом, полз по дороге вслед за «семёркой» Никеша, угрюмо глядя в асфальт фарами и напоминая раненого бойца, пытающегося самостоятельно доковылять до спасительного медсанбата.

Консилиум специалистов, осматривающих машину на подъёмнике, был суров. «В морг!» - высказал своё мнение Серый.

- Доктор, а может в реанимацию? - грустно попытался пошутить Валька.

- Доктор сказал в морг, значит в морг, - отрезал Никеша: «Кузов старый, железо как бумага, лонжероны в двух местах сложились...»

Валька окончательно пал духом, но Кержач своего веского слова ещё не сказал, а продолжал досконально изучать повреждения, колупая сколы краски грязным пальцем, постукивая то тут, то там молоточком и прислушиваясь к звукам ударов. И такое поведение главного специалиста по жести обнадеживало. Наконец он закончил обследование и задумчиво произнёс: «А чо, мужики, можно попробовать вытянуть тачку».

- Чего здесь тянуть? Это же не железо, а гнильё, - усомнился Никеша.

- Гнилое — значит мягкое. Вот здесь и здесь скобы приварю. На два троса за фундамент бытовки зацепим и рванём на заднем ходу.

- Ага. И порвём лонжероны к чёртовой матери, - вставил Серый.

- Ясное дело что порвём, - спокойно согласился Кержач: «Только я их потом поверху железом, «трёшкой» обварю, и будут крепче заводских».

- Давай попробуем, - неуверенно пожал плечами Никеша: «Ну что, Валюшок, согласен? Шансы — пятьдесят на пятьдесят».

- Я на всё уже согласен, - обречённо махнул рукой Валька и ушёл на лавочку нервно курить и наблюдать, как спецы готовят его друга к операции.

А спецы приварили скобы, вытащили из груды мусора два ржавых стальных троса, на концах которых Серый тут же заплёл петли, да так ловко, что иной флотский боцман позавидует. Установили машину в нужное место и тросами соединили приваренные на «Шерьку» скобы со скобами, заделанными в фундаментные плиты бытовки. Судя по потёртости и деформации этих скоб, для такой операции они явно использовались не впервые. За руль сел Никеша.

- Разбегись! - скомандовал он и завёл мотор.

Сердце Вальки рухнуло в пятки, когда с визгом покрышек «Шерька» рванулся назад и, порвав один из тросов, с грохотом остановился в клубах пыли и дыма. Когда пыль осела, Валькино сердце медленно вернулось назад, а затем попыталось выпрыгнуть наружу, но уже от радости. Плевать на то, что обрывком троса добило несчастное лобовое стекло, но зато теперь машина выглядела так, словно и не было никакой аварии. По крайней мере, внешне.

- Ну вот, - улыбаясь, доложил Никеша, вытирая кровь со щеки, рассечённой осколком стекла: «А ты дурочка боялась, даже юбка не помялась».

Кержач тщательно осмотрел результат проведённой операции и удовлетворённо хмыкнул: «Нормально. Иди, спать ложись, к вечеру опять на коня сядешь».

- А сколько с меня за работу будет? - поинтересовался оживший Валька у «кассира» Серого.

- Потом скажу, - ехидно усмехнулся тот: «А то не уснёшь — кошмары мучить будут».

- Или жаба задавит, - добавил Никеша.

И кошмары Вальку не мучили, и жаба его не задавила, но деньги вечером пришлось отдать практически все, разве что на бензин и осталось. Зато выехал в ночь, на исправной машине и сверкая новеньким лобовым стеклом. Даже царапину на крыле и капоте, оставленную оборвавшимся тросом, мужики замазали, но краска оказалась темнее и теперь бывшие царапины напоминали шрамы. Боевые шрамы на боевом автомобиле. «Оба мы с тобой теперь меченные», - сказал на это своему автомобилю Валька, потирая шрам на лбу.

Месяц подходил к концу и, естественно, требовалось пахать изо всех сил, чтобы вовремя выплатить кредит Димке. На одних пассажирах такую сумму он заработать

явно не успевал и поэтому пошёл на провокацию, запустив слушок на Дубровке, что вполне возможно канал со «стволами» скоро закроется. Это стимулировало тех, кто ещё раздумывал брать или не брать и он получил сразу три заказа.

Ильдар встретил его радостно. Дела у молодого проныры шли хорошо, к тому же он познакомился с девчонкой, лет на пять старше его, и теперь жил не с родителями, а у неё в роскошной трёхкомнатной квартире на Смоленской. Дом в основном был заселён семьями дипломатов и других привилегированных слоёв общества, настолько ценных для государства, что на въезде во двор был установлен шлагбаум и пост милиции. Под таким прикрытием Ильдар совсем обнаглел и устроил в квартире настоящий арсенал. Да и чего ему бояться, если он и сам, как однажды с удивлением узнал Валька, учится в Академии МВД.

Пока сидели и пили настоящий бразильский кофе из хрупких чашечек коллекционного саксонского фарфора, Ильдар похвастал новым товаром.

- Смотри, - сказал он, доставая из ящика комода револьвер с массивным стволом и жёлтыми накладками на рукоятке: «Это наши умельцы выпускать начали. «Айсберг» называется. Считается газово-дробовым, но убойная сила а-фи-геть какая!» Валька покрутил в руках увесистый «ствол» и согласился: «Да, если им по башке треснуть, то точно убьёшь». Ильдар шутку понял, но пояснил: «Не в этом дело. Он считается 9-ти миллиметровым, а на самом деле все 10. И потом у него не мелкая дробь в патроне, а картечина в пластиковой оболочке — считай пуля».

- Да, - согласился Валька: «Я бы себе такую машинку взял».

- Так бери!

- Стрёмно. Здорово больно. «Менты» тачку обшмонают и кранты.

- А ты себе разрешение сделай.

- Это же с бумажками набегаешься... Ладно, подумаю.

- Да чего тут думать? Бери! Я тебе, как постоянному клиенту, за полцены отдам.

Тут-то и дрогнуло сердце Вальки. Волшебные слова «за полцены» на любого действуют неотразимо и, уходя от Илдара, он с удовольствием ощупывал под рубашкой твёрдую рукоятку новенького «Айсберга» засунутого за пояс штанов.

Но покупка «Айсберга» принесла неожиданный доход. Покрутив в руках «ствол» и выслушав Валькины рекламные пояснения, Никеша неожиданно заявил: «Хочу», и передал револьвер Серому. Тот ловко откинул барабан в сторону и с удивлением заметил: «Смотри-ка, мужики, а у него патроны не поштучно, а кассетой вставляются».

- Ну и что? - не понял Валька.

- А то, что он перезаряжается так же быстро, как и пистолет. Ну? Испытаем?

- Давай, - согласился Валька, и Серый выбрав в качестве мишени стоящую у забора помятую дверь от какой-то иномарки, метров с пяти «бабахнул» в неё.

- Ни фига себе... - присвистнул Никеша, рассматривая сквозное отверстие в железе.

- Я тоже такое хочу, - загорелся Кержач.

- И я ... - добавил Серый.

В этот раз Валька решил пожадничать и объявил, как советовал Ильдар, «две цены», но восхищённые эффективностью оружия слесаря даже не возражали и отстегнули со 100-процентной предоплатой.

Так же не возражал и Коляныч, с энтузиазмом поменяв своим продавцам «Вальтеры» на «Айсберги», причём, когда Валька заикнулся о разрешении на ношение оружия, небрежно махнул рукой: «А-а-а, ерунда. У меня «крыша» «солнцевская», а у них это дело чётко поставлено. Моих пацанов всех обеспечили. Тащи двести «баксов» и фотку — будешь у нас частным детективом.

- В смысле?

- Разрешение будет как на частного детектива с правом ношения оружия, - и, сунув руку в нагрудный карман, вытащил оттуда стопку своих визиток, среди которых затесался серо-голубой кусочек картона лицензии частного детектива.

- На два фронта работаешь? - усмехнулся Валька, намекая на некоторое несоответствие должностей «директора нефтяной компании» и «частного детектива».
- Совмещение профессий, - отпарировал Колян: «Очень нужное в наше время дело».

Таким образом, финансовые проблемы, возникшие после аварии, удалось решить и Вальку даже начала посещать крамольная мысль насчёт того, что может быть стоит забросить этот «частный извоз» к чёртовой матери и заняться чем-нибудь более полезным для кошелька. Например, торговлей оружием. Но его физико-математический склад ума быстро просчитал, чем может закончиться такой бизнес и он решил, что намного безопаснее крутить «баранку». Пусть не так выгодно, но зато на свободе.

Он тормознул Вальку на Нижегородской поздним вечером. Обычный парень, примерно его возраста, в модных «слаксах» и лёгкой кожаной курточке, которую по причине летней жары держал в руках.

- Шеф, на Никольскую и обратно.
- Пять тысяч.
- Годится. Только там подождать нужно будет.
- Час стоянки - «штука».
- Уговорил. Хотя я за пятнадцать минут управлюсь.

Плюхнулся на пассажирское сиденье, кинув куртку назад, и распечатал пачку «Marlboro»: «Угощайся».

- Спасибо, - не отказался от «халявы» Валька.
- Мне в офис нужно зайти, забрать кое-что и обратно, - пояснил парень.
- Да не вопрос, - согласился Валька, хотя про себя и удивился, что можно делать в офисе так поздно вечером.

На Никольской парень попросил остановиться у арки какого-то дома и вышел, оставив Вальке три тысячи в качестве предоплаты и попросив обязательно дождаться. Валька закурил из оставленной на сиденье пачки «Marlboro» и расслабился под радио «Голос Москвы». Но докурить сигарету до конца так и не успел. Из арки выскочил его пассажир с какой-то здоровой коробкой в руках, а следом за ним ещё один с такой же коробкой. Быстро побросали их на заднее сиденье и втиснулись сами. «Шеф, погнали отсюда быстрее!» - скомандовал пассажир и, обернувшись к своему товарищу, пожаловался: «Эх, нужно было ещё и ксерокс прихватить».

Тут Валька понял, что дело нечисто и стартанул с места со всем возможным энтузиазмом. Он не успел ещё доехать до ближайшего поворота, как к тому самому месту, где он ожидал своего клиента, подлетел милицейский «бобик» с включёнными мигалками, из него начали энергично выскакивать фигуры с автоматами и так же шустро скрываться в арке.

Валька, мысленно радуясь, что его «Шерька» такой незаметный, попетлял немного по переулкам и выскочив на Таганскую площадь, остановился.

- Вот что, пацаны, - сказал он, поворачиваясь к своим пассажирам, и одновременно на всякий случай, нащупывая левой рукой рукоятку «Айсберга» лежащего под его сиденьем: «Вылезайте на хрен со своими коробками к едрене фене. Я на криминал не подписывался».
- Да ладно, шеф, успокойся, - миролюбиво заметил один пассажир.
- И нет тут криминала, в общем-то. Просто эта фирма нас кинула, а мы, таким образом, свои «бабки» забрали, - добавил второй.
- А если бы с поличным повязали? - возмутился Валька.
- Так не повязали же... - дружно усмехнулись они.
- Или Вы думаете, что на фирме не смогут высчитать, чьих это рук дело?
- А мы и не скрываемся, - сказал один.
- Сами завтра позвоним и скажем, что мы в расчёте, - пояснил второй.

- Так кто же с Вами после этого дело иметь будет? - удивился Валька.
- Наоборот! - дружно возразили они: «Только уважать будут! Эта же фирма через пару недель сама на нас выйдет с предложениями».
- А если кто-то мой номер срисует и в «ментовку» сдаст?
- Да ладно, шеф, не кипешуй. Кому ты нужен?
- А если и спросят, то с тебя взятки гладки. Подвозил двоих с коробками к Трём Вокзалам. Один усатый и рыжий, а другой с бородой и толстый.
- А чтобы у тебя склероз лучше развился, мы тебе ещё пару тысяч сверху накинем. Лады?
- Убедили, - буркнул Валька, трогаясь с места и продолжая ворочать в голове вопрос о том, кто он такой. Соучастник уголовного преступления или поборник справедливости и защитник «кинутых».

Высадил он их на Нижегородской, но долго порожняком не катался и уже на Рязанке подхватил семейную пару, которая изрядно навеселе возвращалась домой.

- Я спереди сяду, - капризно заявила женщина и окинула кокетливым взглядом Вальку: «Тем более, что водитель у нас такой хорошенький».

Была она чуть постарше Вальки, в самом соку, что ещё больше подчёркивал коротенький сарафан на стройной фигурке. Её спутник, сердито буркнув: «Достала ты меня за сегодня», устроился на заднем сиденье.

- Ну и какой музыкой мы будем угощать даму? - продолжила пьяно кокетничать она, когда машина тронулась с места и демонстративно закинула ногу на ногу. В узком и тесном «жигулёнке» эта процедура довольно затруднительна, но видимо ей очень хотелось похвастать какие у неё ровные и гладкие коленки. В конце концов, это ей удалось, да так что Валька даже слюну сглотнул, помянув Лариску, к которой никак не мог вырваться из-за своей сугубой занятости.

- А какую музыку дама желает? - поддерживая игру, спросил он.

- Дама желает что-нибудь лёгкое и романтическое.

- Бу сде... - ответил Валька, накручивая ручку настройки магнитолы в поисках нужной волны.

- Шеф, у тебя тут куртка на полу валяется, - раздался недовольный голос сзади.

Валька прикинул, что это наверно «робин-гуды» забыли и небрежно бросил: «Это моя наверно с сиденья упала. Пусть лежит».

- А сигарета для дамы найдётся? - продолжала кокетничать пассажирка.

- Please... - Валька протянул ей пачку и щёлкнул зажигалкой.

- Thank You, - она затянулась дымом, и в этот момент Вальке показалось, что сзади что-то заскрежетало. Видимо зубы его пассажира.

- Ой, какой у нас водитель грамотный, - она стрельнула глазками в его сторону: «Английский знает...»

- А ещё и немецкий, - похвастал он.

- А ещё? - продолжала приставать она, начиная очередную манипуляцию ногами с целью демонстрации их стройности.

- А ещё русский матерный, - сознался Валька

Пассажирка звонко рассмеялась и, повернувшись всем телом к своему спутнику, с пьяной радостью сообщила: «Вот видишь какой он умный мальчик...»

- Так может мне выйти, а ты с ним дальше поедешь? - угрюмо донеслось сзади.

- Фу, дурак... - она капризно надула губки.

- Сама дура! Сядь ровно, а то сиськи вывалятся! - рявкнул пассажир.

Действительно, когда она повернулась, ляпка сарафана сползла с плеча, обнажив верхнюю часть груди. Она отвернулась и обиженно засопела.

- Ну, зачем Вы так... - попытался вступить за пассажирку Валька.

- А ты рули давай. Не твоё дело! - грубо ответили ему с заднего сиденья.

Остальную часть пути они проехали молча. Женщина первой вышла из машины, кивнув ему на прощанье уже без всякого кокетства, а мужчина, роясь в кошельке, задержался, и Валька попытался ещё раз заступиться за кокетку.

- Зря Вы так. Она же женщина. У них это в крови.

- Вот пусть твоя и кокетничает, а со своей я сам разберусь, - зло ответил ему пассажир, бросая деньги на переднее сиденье и вылезая из машины.

Валька медленно тронулся с места и может быть, поэтому видел в салонном зеркале, как он, подойдя к своей спутнице, со всего маху ударил её по лицу. Нога сама нажала на тормоз, и он даже обернулся, собираясь включить задний ход, но в этот момент женщина ответила. Ударом ноги. В то самое место, которым мужики почему-то гордятся больше всего. Мужик сложился пополам и рухнул на колени. «Так тебе и надо, козел», - злорадно подумал Валька и в этот момент заметил на заднем сиденье, рядом с кожаной курткой грабителей белую ветровку ревнивца. Ещё не поздно было сдать назад и вернуть её владельцу, но он не испытывал к нему никакой симпатии и поэтому тихо тронулся вперёд.

Отъехав пару километров, он остановился и осмотрел добычу. В кармане кожанки лежала зажигалка и несколько визиток «директора торгово-промышленной фирмы». «Вот же чёрт», - подумал он: «Куда не плюнь — в директора попадёшь. Может и мне себя директором назначить? Ну, например «транспортной компании». Слышь, «Шерька», а ведь звучит!». Железный друг на это его высказывание никак не отреагировал, видимо из природной скромности понимая, что на «транспортную компанию» он как-то не тянет, а скорее похож на старый потрёпанный «жигулёнок».

В карманах ветровки ничего не было, кроме сложенной в несколько раз салфетки с записанным на ней телефоном какой-то Лены. «Смотри, какой гад», - возмутился Валька: «Сам баб снимает по ресторанам, а жене даже пококетничать не даёт. Правильно она ему врезала». И скомкав салфетку, вышвырнул её в окно.

От всех этих ночных приключений утром на Таганку он приехал с раскалывающейся от боли головой. Порылся в домашней аптечке, но нашёл только полупустую просроченную пачку аспирина, принимать который не рискнул. Так и улёгся на диван, мысленно ругаясь на монотонно гудящий на столе «ФОК». Хотел его даже выключить, но прочитал записку отца с просьбой «не выключать, т.к. аппарат находится в режиме испытаний» и не стал трогать технику. Как ни странно, равномерное гудение прибора действовало успокаивающе и даже помогло уснуть, а когда проснулся, то обнаружил, что голова не болит совершенно. Да и состояние такое, как будто он проспал не шесть часов на жаре, а восемь или даже десять в ночной прохладе и под тёплым пледом.

Об этом своём открытии он и рассказал пришедшему с работы отцу, но тот даже не удивился.

- Конечно. Я же «ФОК» на половину мощности поставил. Так что ты, пока спал, дышал воздухом, в котором кислорода от 25 до 30 процентов. Вот он тебя и прочистил, - пояснил он.

- Здорово! - искренне восхитился Валька: «Такую бы штуковину да в каждую квартиру».

- Конечно, - согласился отец: «Вот я его ещё немного доработаю и буду патент оформлять».

- Молодца, батя! - похвалил он: «Так держать!»

В начале августа Валька вновь вспомнил о нахальной Лариске. Вернее сказать, он о ней и не забывал, но общая закрутка и финансовые трудности не позволяли. А тут позволили. Кредит выплачен, машина в порядке, можно бы и о сладких радостях жизни подумать, но как назло клиент пёр валом и он, понимая, что нужно ковать железо пока горячо, а «бабки» рубить пока они есть, никак не мог вырваться на заветную Лубянку.

Но тут, плюнув на всё и пролетая мимо призывно поднятых рук, как будто повинуюсь какому-то внутреннему призыву, рванул на заветную площадь.

Было уже около двух часов ночи, основной разбор давно прошёл. Девчонки стояли мелкими группами и Валька, переезжая от одной к другой, всё никак не мог отыскать нужную ему особу. Вернее особы-то были, причём на любой вкус, но он ещё не совсем изжил в себе ту неловкость, которая возникала при необходимости купить пару часов любви за деньги. А Лариска вроде как уже знакомая и с ней этот процесс пойдёт легче.

В конце концов, в одной из групп рыжая «мамка» сказала, что его Лариска ещё час назад уехала «работать», хотя, и не уверена, исходя из его скудных описаний, что они говорят об одной и той же девушке. Валька решил уже перенести это мероприятие на следующую ночь, но на всякий случай подъехал к последнему, оставшемуся не обследованным табунку «ночных бабочек».

- Лариска здесь? - спросил он у девахи с мощным бюстом, распиравшим тонкую майку.

- Здесь, - ответила та: «Мамка, иди сюда. Тебя какой-то красавчик спрашивает»

На призыв грудастой к машине подошла женщина, которую Валька в другом месте, при всём желании не смог бы квалифицировать как проститутку. Высокая и изящная, одетая в жакет и короткую юбку, которая хотя и подчёркивала её сексуальность, но не орала об этом во всю глотку, как на других девчонках. Да и возраст совсем не детский, примерно его ровесница, а не 18-20 лет, как остальные.

- Это Вы меня спрашивали? - поинтересовалась она, заглядывая в открытое пассажирское окно.

- Извините, я ошибся. Мне другая Лариса нужна.

- А я что хуже? - улыбнулась она, от чего на её щеках появились очень милые ямочки. Валька исподтишка окинул взглядом аккуратный овал лица, немного узкие, но красиво очерченные губы и стройную шею, уходящую в вырез жакета, туда, где чуть ниже виднелись две вполне аппетитные выпуклости, как раз его любимого размера.

- Почему хуже? Вы лучше, - честно признался он.

- Так в чём же дело? - блеснули в улыбке её белые зубы.

- А сколько?

- Двести. Я дорого стою.

- Да уж... - согласился Валька. «Две цены», как говорит Ильдар.

- Но я этого стою, - с уверенностью заявила она и посмотрела ему в глаза так, что рука сама потянулась к «бардачку» за «баксами».

- Вот, - протянул он ей деньги.

- Хорошо. Сейчас дела сдам, и поедем, - опять улыбнулась она и отошла к грудастой девице.

Они говорили тихо, но так же тихо урчал на холостых оборотах мотор и поэтому их разговор Валька прекрасно слышал.

- Ксюха, за меня останешься. Касса у Славика, утром шефу сдашь.

- Хорошо, - согласилась грудастая Ксюха и с завистью добавила: «Везёт тебе, Ларис, такого красавчика отхватила».

Валька удивился такой оценке. Красавчиком он себя не считал, а уж тем более сейчас, когда из зеркала заднего вида на него смотрел довольно неприятный тип с жёстко торчащими скулами, свежим шрамом на лбу и синевой под глазами. Он припомнил себя времён благословенного пребывания в ГДР, где вес его достигал 90 килограммов, а морда была гладкая и круглая. Вот тогда его ещё можно было считать симпатичным, но только не теперь, когда тело от постоянной работы и нервотрёпки никак не хотело набирать вожделенные килограммы, оставаясь таким худым и жилистым, что даже джинсы, купленные на шестнадцатилетие, нигде не тёрли и не жали. Разве что в некоторых местах и только сейчас, когда он глядел на эту женщину пообещавшую ему свою любовь.

Но видимо у девчонок было своё представление о мужской красоте, потому что Лариса потрепала Ксюху по щеке и с гордым видом заявила: «Да уж... Но ты лучше не завидуй, а у старших учись».

- И куда Вы меня повезёте? - с той же обворожительной улыбкой спросила она, устраиваясь поуютней на пассажирском сиденье и пытаясь как-то пристроить в тесном «жигулёнке» свои длинные ноги.

- Даже не знаю, - честно признался он, сдвигая назад пассажирское кресло и создавая ей боле комфортные условия. Она благодарно кивнула.

- Значит, квартиры нет? - уточнила она.

- Нет. Только топчан на автосервисе, но... - почему-то ему совсем не хотелось везти её туда. Какая-то она была неправильная. Нет, его мужское естество совершенно безапелляционно говорило о том, что он совсем не против покрепче вцепиться в её грудь и прокатиться резвым аллюром, да по кочкам, но в то же время его останавливала мысль о том понравится ли ей это. Такая она была утончённо-изысканная и ...неприступная, что совершенно не вязалось с её профессией проститутки, товара которым может воспользоваться любой, заплативший деньги.

- Значит в машине, - с лёгкой печалью вздохнула она.

- А знаете, - неожиданно для самого себя предложил он: «Давайте поедем рассвет встречать. Посидим, отдохнём...»

- Да ты романтик, милый, - она погладила его по щеке: «А как же секс? Ты ведь заплатил»,

- Ну и чёрт с ним.

Так они оказались в Строгино, где под пиво для Ларисы и «Sprite» для Вальки встретили первые лучи солнца. Нет, они конечно и обнимались и ласкали друг друга, но умница Лариса, как только начинала чувствовать, что он вот-вот потеряет контроль и разложит её прямо на шершавых подушках автомобильных сидений, очень ласково и тактично остужала его пыл. Непривычно, но ему такая игра даже понравилась, да и самой Ларисе тоже. Казалось, что он знает её целую вечность и в перерывах между ласками он выболтал ей о себе почти всё. Не утаил даже того, что он сделал в «ночь развода» с собственной женой, на что она отреагировала с абсолютным спокойствием и даже попыталась подбодрить его: «Не переживай. Это нормальная реакция ущемлённого мужского самолюбия. Большинство мужчин в подобной ситуации или мордобой устраивают или как ты...» Валька припомнил недавний случай с кокеткой и её мужем, но Лариса объяснила, что здесь имеет место совсем другое. Что ревнует тот, кто не уверен в себе или у самого рыльце в пушку. И он с ней согласился, рассказав про записку на салфетке с телефоном Лены.

- Да ты просто психолог, - сделал он ей комплимент.

- Так я и есть психолог, - созналась она: «Самарский университет».

- А чего же по специальности не работаешь?

- Подумай, кому сейчас в нашей глухомани психологи нужны? Проституткой в Москве выгодней.

- Ну, скажем, ты не проститутка, а «мамка», - проявил он осведомлённость.

- Да какая разница? Всё равно за деньги отдаюсь. Разве только тому, кому хочу.

- Значит, мне повезло?

- Считаю что да, - лукаво улыбнулась она и запустила тёплую ладошку ему под рубаху, оглаживая грудь. Он не преминул ответить тем же...

К шести часам утра он отвёз её в Марьино, на съёмную квартиру, где она проживала с двумя девчонками из их «бригады».

- Зайдёшь. Кофейком угощу, - не то пригласила, не то приказала. Не сразу и поймёшь.

- Не знаю, поздно уже... - отчего-то засмутился он.

- Вернее рано, - с улыбкой поправила она и кивнула в сторону поднявшегося уже до уровня крыш солнца: «Заходи, не стесняйся. Девчонки ещё на «работе» и пара часов у нас есть. К тому же...»- она кокетливо потупила взгляд и добавила с нарочитой скромностью: «...я хотя и проститутка, но девушка порядочная. А за мной должок».

Видимо расслабился он с Ларисой очень сильно, от того и нюх на клиента потерял. А может, просто полоса невезения пошла. Клиента мало, а тот, что есть всё больше бедный да прижимистый. К тому же то «менты» оштрафуют, то колесо пробыёт, то глушитель прогорит. В общем, сплошная непруха. А тут ещё на Ленинском мать с Вахтангом скандал устроили по поводу того, что он кучу их барахла с кровати на пол переложил. Валька психанул и дверью хлопнул, заявив, что ноги его в этом доме больше не будет. Заявить-то заявил, и вот теперь приходилось «дневать» по очереди то на Таганке, то на Дубровке.

Хорошо хоть Ильдар работёнку подкинул.

Валька приехал за очередным «Айсбергом», популярность которых продолжала расти благодаря наглядной демонстрации сквозного отверстия в автомобильной двери стоящей у забора на подпольном сервисе. Но в этот раз хозяин встретил его не один, а в компании солидно одетого мужика лет сорока пяти, с синими от наколок жилистыми руками.

- Валя, у Степан Сергеича к тебе дело есть, - начал Ильдар.

- Какое? - осторожно поинтересовался Валька. Экс-уголовная личность Степан Сергеича особого доверия ему не внушала. Затянет ещё в какую-нибудь аферу, типа тех «кинутых» борцов за справедливость. Так что ухо нужно держать востро.

- Мне Ильдар сказал, что Вы опытный водитель и человек не из трусливых... - издали начал солидный криминальный элемент и Валька мгновенно насторожился. Начало было, как в детективе, многообещающим.

- ...нужно чтобы кто-то съездил в Смоленск и привёз мне оттуда пакет с документами, - закончил он свою речь, состоящую в основном из комплиментов в адрес Вальки.

- Сколько? - состроив наглую рожу, спросил «опытный водитель».

- Триста. «Баксов», разумеется.

- А что за документы? - продолжал он наглеть.

- А вот это ...знать не обязательно.

- А вот это ...стоит вдвое дороже, - совсем обнаглел Валька.

- Ну что же, я согласен, - не долго думая, кивнул головой Степан Сергеевич и тут Валька понял что влип. Причём явно продешевил. Он-то надеялся, что такая стоимость его услуг окажется слишком высокой, но получилось так, что он сам загнал себя в угол. Цену объявил, клиент согласился — работа должна быть выполнена. Но это оказалось ещё не всё.

- Мне этот человек денег должен, - продолжил Степан Сергеевич: «Двадцать тысяч. Долларов, разумеется. Если Вы мне эти деньги привезёте, то десять процентов Ваши».

- А он захочет их отдать? - поинтересовался Валька.

- Думаю, что нет. Поэтому и говорю «если», а там уже на Ваше усмотрение.

- Ладно, - ответил Валька и, понимая, что влип окончательно, бравируя, обратился к Ильдари: «Кассет пять к «Айсбергу» подкинешь? А то с такой работой никаких «маслят» не напасёшься».

Бравада явно прошла. Экс-урка с довольной рожей хлопнул его по плечу и заявил, переходя на более привычный для него жаргон: «О, базар конкретный. Сразу видно, что пацан козырный».

А «козырный пацан» стоял, демонстрируя самую нахальную улыбку из своей коллекции и внутренне дрожа как осиновый лист от одного только предвкушения того, что ему предстоит сделать.

- Вот задаток, - Степан протянул ему три серо-зелёных купюры: «В Смоленске нужно быть послезавтра к восьми утра. Я позвоню, чтобы ждали».

Всю следующую ночь Валька «бомбил» на автопилоте, борясь с единственной мыслью — а не сбежать ли куда-нибудь подальше и уже там зарыться как можно глубже. Он понимал, что вляпался в чужую игру, где ему может достаться так, что всю оставшуюся жизнь будешь на лекарства работать. Если она останется, конечно... эта жизнь.

Но на следующий день, выспавшись в кислородной атмосфере «ФОКа», он почистил и смазал «Айсберг», переложил большую часть денег в карман белой ветровки, а её саму небрежно, будто забыл, бросил на спинку стула. В крайнем случае, если не вернётся, то хоть эти деньги отцу с Наташкой достанутся. Проверил машину и двинулся в сторону Минского шоссе.

В Смоленск он прибыл в шесть утра. Нашёл на окраине нужный ему одноэтажный дом и, пристроив «Шерьку» недалеко от ворот, обошёл строение вокруг, держась чуть в стороне от забора и стараясь остаться незамеченным. Дом был совсем свежий, почти коттедж, но построенный на месте старого и поэтому окруженный со всех сторон густым яблоневым садом. Порадовал Вальку и невысокий штакетник ограды, и отсутствие собачьего рычания за ней. Произведя рекогносцировку места будущих боевых действий, он уселся в машину и задумался над планом своих дальнейших действий. Думал так усиленно и напряжённо, что даже уснул. Но без десяти восемь почему-то проснулся сам, как по команде, причём с готовым решением в голове. Покопался в «бардачке» и достал оттуда круглые очки в металлической оправе. Их у него в машине забыл какой-то растяпа студент и когда однажды он для смеха примерил их на себя, то даже удивился насколько эти окуляры придают ему вид конкретного лоха. Так, нацепив их на нос и старательно сутулясь, он вышел из машины и направился к калитке дома.

Открыл ему мордастый парень в спортивном костюме и с челюстью бойцового бульдога.

- Чево надоть? - чавкая жвачкой спросил он.

- Я к Петру Андреевичу. Из Москвы, - с максимальной скромностью ответил Валька.

- Тогда проходи, - пригласил его в дом мордастый.

Обстановка в доме была интересная. Чувствовалось, что деньги у хозяина есть, но как их потратить он не знает и поэтому дешёвая рыночная картинка с лебедями соседствовала с китайской фарфоровой вазой, а стулья с фабрики «8 марта» стояли неподалёку от немецкого кожаного дивана с резьбой по красному дереву. Кабинет хозяина дома, куда его привели, тоже не отличался стильностью. Главное место в нём занимал огромный райкомовский стол под зелёным сукном, с которого к тому же позабыли снять бирку с инвентарным номером, а напротив него у стены стояла «оттоманка» с плюшевыми подушками, более подходящая для будуара какой-нибудь девицы полусвета. Полки вдоль стены были заставлены книгами, но скорей всего для солидности, потому что Цвейг на них соседствовал с Марксом, а Дюма с Пушкиным. Зато цвет корешков книг был подобран очень гармонично.

Хозяин кабинета, крепыш-коротыш с лысиной во всю макушку и такими же синими от наколок кистями рук, как у Степана Сергеича, встретил его видимо коронным для этого общества приветствием: «Чево надоть?»

- Я от Степана Сергеевича, за документами.

- А-а-а... Явился, не запылится, - протянул хозяин. Открыл ящик стола и вынув оттуда пакет, бросил на зелёное сукно стола: «Забирай».

- Спасибо, - очень вежливо поблагодарил Валька: «А ещё Степан Сергеевич просил поинтересоваться насчёт некоторой денежной суммы...»

- А вот хрен ему! - мгновенно вспылел лысый: «Так Стёпке и передай, что свою корову я сам доить буду. Всё! Пшёл вон!»

- Извините. Спасибо, - испуганно пролепетал Валька и попятился к выходу.

- И ещё ему передай, чтобы таких хомячков как ты больше не присылал! - продолжал разоряться хозяин дома: «В падлу мне это! Леший, возьми кого-нибудь и проводите этого фраера до выезда из города, чтобы не заблудился».

- Ага, - жизнерадостно оскалился мордастый Леший и фамильярно хлопнул Вальку по плечу: «Пошли, студент. Похвастаешь на чём в столице «деловые» ездят».

- На «копейках», - таким же испуганным голосом пискнул Валька, старательно вжимая голову в плечи и сутуля спину.

- Чё так бедно? - продолжал глумиться Леший, попутно, как бы невзначай, охлопывая студента по карманам, за поясом и вообще в тех местах, где обычно прячут оружие: «Наши пацаны и то на «девятках», не смотри что деревенские. Кстати... Викентий!» - крикнул он куда-то в глубину дома.

- Чево? - донёсся в ответ недовольный голос.

- Заводи «тачку». Фраера проводить надо.

- Щас... - высказал готовность куда-то ехать невидимый Викентий.

Пока Викентий заводил и выгонял на улицу матово блестящую лаком «девятку» Леший проявил неуёмное любопытство к устройству и содержанию Валькиной машины. Заглянул в «бардачок», под «торпеду», даже в багажник залез, но к счастью так и не обнаружил «Айсберг» подвешенный под водительским сиденьем на специальных крючках. «Бегает-то хорошо?» - поинтересовался он, закончив осмотр техники.

- Нормально, - с оттенком лёгкой гордости ответил Валька и повернул ключ в замке зажигания. Под капотом что-то вяло затрещало.

- Э-э-э, брателло, да у тебя стартер сдох, - мгновенно определил Леший.

- Не, не сдох. Так, дуркует иногда, - ответил Валька и незаметно нажал «секретную» кнопку. Мотор фыркнул и завёлся.

- Ну что, поехали, - скомандовал Леший, плюхнувшись на пассажирское сиденье, и махнул рукой Викентию: «Давай за нами».

Так над бедным «Шерькой» ещё никогда не издевались — переключались с первой на третью, бросали педаль сцепления, заставляли тащиться со скоростью черепахи на четвёртой передаче, отчего он возмущённо трясся, дёргался и хлопал глушителем. В довершение всего Валька пару раз заехал не туда, выехал на перекрёсток при красном сигнале светофора и попытался проскочить под «кирпич», демонстрируя своё знание города и навыки вождения. В конце концов, чуть не врезался в задний бампер какой-то «Волге», заглох и долго щёлкал стартером пытаясь завести мотор. В результате всех этих действий, покинувший машину уже за чертой города Леший даже посочувствовал ему: «Как ты вообще до Смоленска доехал, чайник...»

Братки ещё немного постояли на дороге, пока Валькина машина, дёргаясь и виляя, не скрылась за ближайшим поворотом, а затем сели в свою «девятку» и с чувством выполненного долга уехали.

Валька весь процесс их отъезда видел. Стоял себе за поворотом и через кусты наблюдал, как тонированная «девятка» через сплошную разделительную лихо развернулась и с пробуксовкой рванула в город. Первый этап его плана был завершён успешно. Наступало время для второго этапа. «Я те покажу «хомячков», сука...»

«Шерьку» он припарковал за густыми зарослями акации, всего в тридцати шагах от калитки, и, скользя вдоль забора, двинулся к особнячку. Попутно, он завязал калитку и ворота кусками проволоки, найденными на ближайшей помойке, а стоящей снаружи «девятке» Викентия подложил по паре гвоздей под переднее и заднее колёса. Подложил быстро, но надёжно. По гвоздю спереди и сзади так, чтобы куда она не тронулась, а всё равно своё получила. Затем, вспомнив чему учили в спортшколе и «учебке» ВДВ, перемахнул через забор и юркнул под окна кабинета хозяина дома, которые он высчитал, ещё находясь внутри. Сейчас, по поводу летней жары они стояли

распахнутыми настежь, ограждая прохладу кабинета от внешнего мира только натянутой марлевой сеткой противокосариной защиты. Но Валька-то не комар и уж точно не хомячок. Ему эта марля не помеха.

Он замер и прислушался. В комнате, несомненно, кто-то был. Слышались какие-то скрипы, чьё-то сопение вздохи, но явно не бугаёв-охранников. Ждать когда кабинет освободится, было некогда, в любой момент его могли обнаружить. И тогда он решил рискнуть. Рванул марлю и с «Айсбергом» в руке запрыгнул через низкий подоконник в комнату.

Лысый лежал на оттоманке раскинув свои волосатые ляжки, а какая-то дебилая девичка в одних трусиках старательно удовлетворяла его оральным способом. «Ты-ы-ы...?» - возмущённо прохрипел, наливаясь кровью, хозяин дома: «Да я тебя...».

- Тихо, папаша, - ткнул в его сторону стволом револьвера Валька: «Не шуми».

Он метнулся к двери и подпёр ручку стоящим рядом стулом, а затем кинулся к столу и, выдернув ящик начал левой рукой засовывать деньги за пазуху. Правой рукой он продолжал судорожно сжимать рукоятку «Айсберга», чей ствол с чёрным отверстием, направленный в сторону лысого и его девички недвусмысленно доказывал, что шуметь лучше не стоит. Они и молчали те несколько секунд, пока Валька загружался деньгами. Затем он взял лежавший в компании с долларами «ТТ», выщелкнул из него обойму и засунул её себе в карман, а «волыну» метнул в открытое окно, через которое, на пару секунд позже, выскочил и сам.

- Шухер!!! Пацаны, ко мне! - раздался ему вслед истошный рёв лысого, но он уже перемахнул через забор и бросился к машине. Дверь он специально на ключ не запирает и поэтому уже через несколько секунд, взревев мотором, сорвался с места. А ещё через пару минут, своротив «кенгурятником» ворота из двора выскочила «Нива» и понеслась в погоню за нахальным «студентом». Вторая «Нива» неудачно зацепилась задним крылом за столб ворот, но, даже не останавливаясь, рванула следом.

Валька их не видел, но был уверен, что «девятка» не единственная машина в бригаде, поэтому он гнал по городу, нарушая все возможные правила. Выскочил на трассу и до упора надавил на педаль «газа». «Шерька» ликующе взвыл на предельных оборотах мотора, наконец-то дали погонять вволю, и буквально полетел по дороге в сторону Москвы, едва касаясь колёсами шербоатого асфальта.

Но такого удовольствия Валька позволил ему только километров двадцать, а затем свернул с трассы в лес, прямо без дороги, через кусты. «Шерька» недовольно попрыгал по ямам и послушно замер за зелёным укрытием, а Валька вылез и залёг в кустах, наблюдая за дорогой. Ждать пришлось недолго. Буквально через три-четыре минуты, после того как друзья спрятались в укрытие, по трассе промчались две белых «Нивы». Валька не знал, кто его преследует, но по бешеной скорости, с которой эта парочка неслась в сторону Москвы, догадался, что это явно по его душу. Он облегчённо вздохнул и трясущимися пальцами потянул из пачки сигарету. Второй этап его плана был выполнен. Оставался только третий — добраться до Москвы.

В Москву он попал только на третьи сутки, после полудня. Вовремя сообразил, что у обиженного им Петра Андреевича наверняка есть солидные связи в милиции, а значит, его машину могут ждать на постах ГАИ, по крайней мере, в Смоленской области. Поэтому пробираться пришлось окольными путями, порой по просёлочным дорогам, объезжая все посты, а заодно, на всякий случай, и более-менее крупные населённые пункты.

Денег за пазухой оказалось не двадцать тысяч, а всего семнадцать, но Степан этим не сильно огорчился и отстегнул Вальке, кроме положенных по договорённости трёхсот «баксов» оплаты, ещё и две «штуки» в качестве «премиальных».

- Главное не «бабки», - радостно объяснял он Вальке, поигрывая обоймой от «ТТ» лысого: «Главное, что Петрухе нос утёрли».

Небритый и грязный Валька, еле стоящий на ногах от усталости, согласно кивнул, хотя и не разделял этой радости. Ему бы в душ, да на койку и желательно чтобы «ФОК» рядом работал.

- А ты, как я посмотрю, орёл, - не унимался Степан: «Иди ко мне в «бригаду». Зуб даю, что через полгода в «центровых» будешь».

- Не-а, спасибо. Я уж как-нибудь без криминала.

- А в Смоленске чего натворил? - заржал Степан.

- Работу выполнил, - мрачно ответил Валька.

- Так и я тебе работу предлагаю. В наше время бандит — это тоже профессия.

- Нет уж, спасибо. Я как-нибудь сам.

- Ну, смотри... Держи, на всякий случай, - он черкнул на 100 долларовой банкноте несколько цифр телефонного номера и протянул купюру Вальке; «Автограф не ставлю, но как меня зовут, надеюсь, не забудешь».

Душ. Диван. «ФОК». Много ли нужно человеку, чтобы выспаться и чувствовать себя счастливым? Вот и Валька проспал двенадцать часов подряд и проснулся в два часа ночи свежий и бодрый. В соседней комнате слышалось лёгкое похрапывание отца и равномерное посапывание Наташки, а чуть дальше, в детской мирно спала Алёнка. Освещённые окна в соседних домах можно было пересчитать по пальцам, и только со стороны Таганской площади доносился шум моторов неугомонных ночных колёс столицы.

Спит Москва, а его организм уже привыкший к ночному образу жизни спать не хотел категорически и требовал активных действий. Валька молча обматерил свою несуразную натуру за такое поведение и тихо щёлкнув дверным замком, вышел из квартиры.

Особой необходимости работать, сегодня не было. Степан его хорошо профинансировал. Настолько хорошо, что он мог бы позволить себе сменить машину на более свежую, но эту крамольную мысль Валька заглушил на корню. Разве можно продать друга, который за последнее время столько раз его выручал. Это же предательство.

А друг его стоял под тополями весь усеянный точками от сбитых на трассе насекомых, покрытый пылью и со «шрамами» на крыле и капоте. Весь такой понурый и неказистый, но когда Валька подошёл к «Шерьке», то ему показалось, что глаза-фары радостно блеснули. «Помою я тебя», - ласково похлопал он ладонью по капоту: «Куплю шампунь ароматный и сегодня же помою. А сейчас поедем, покатаемся. Просто так, для удовольствия».

Они выехали в освещённую фонарями ночь, и целый час кружили по городу просто так, без особой цели. Намётанный глаз Вальки, конечно же, видел и поднятые руки, и просто желающих ехать, но он их очень придирчиво отсеивал, предпочитая общаться с собственной машиной, чем выслушивать пьяные бредни или жалобный скулёрж. Как он успел заметить, для нашего человека таксист, всё равно, что батюшка на исповеди. Всё ему расскажут и про жену-дуру, и про мужа-пьяницу, и про деспота начальника, и про язву окаянную. Всё потому, что таксист человек случайный и никому ничего не расскажет, а ещё он к рулю намертво прикреплён и из машины ему деться просто некуда. Выслушает как миленький, а может даже и посочувствует. Вот Валька и ругал себя за такую чувствительность. Ему бы в одно ухо впускать, а из другого выпускать, да забыть тут же намертво, а он, слушая всё это, действительно сочувствовал таким людям и ничего с собой не мог поделать. Такой уж сентиментальный уродился.

Справа на тротуаре мелькнул белый силуэт и Валька сбросил скорость. Нет, как раз инстинкт «ночного волка» ему подсказывал, что это совсем не клиентка и даже не проститутка. Просто девушка шла ночью одна, и это вопиющее безобразие заставило ту самую сентиментальную Валькину натуру подъехать к ней.

Худенькая фигурка в коротеньком белом сарафанчике, который он тут же про себя окрестил «макси-майкой», цокала каблучками туфелек с высокой шнуровкой, переплетающей загорелые ножки почти до колена, немного в стороне от проезжей части и старательно не реагировала на гудки проезжавших мимо машин. «Прямо гречанка какая-то...» - подумал он. И верно, платье — хитон, ремешки туфель и высокая причёска делали её похожей на древнегреческую девушку, идущую ...по ночной Москве.

Валька остановился возле неё. Она искоса бросила взгляд в его сторону и прибавила шаг. Тогда он проехал чуть вперёд, остановился и вышел из машины. «Девушка, извините», - обратился он к ней, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче: «Я могу Вам чем-нибудь помочь?» Она фыркнула и попыталась пройти мимо, но в её глазах он заметил затаённый страх и поэтому не сел обратно в машину, а сказал ей уже в спину: «Девушка, в этом городе ночью ходить довольно опасно. Давайте я отвезу Вас, куда скажете». Она слегка замедлила шаг, затем остановилась и, повернувшись к нему вполборота, спросила: «Правда, отвезёте?». «Честное слово», - поклялся Валька, как можно убедительнее. Она всё так же с опаской подошла к машине и заглянула внутрь.

- Не волнуйтесь, я один и совсем ручной, - успокоил он её и, открыв пассажирскую дверь, пригласил: «Прошу Вас, садитесь».

Она всё так же насторожённо села в машину и замерла, поджав под сиденье ноги, а он плюхнулся на своё место и тронулся вперёд: «Куда Вам?». Девушка подняла на него свои огромные глаза и вместо ответа неожиданно спросила: «А Вы меня не изнасилуете?».

Вальке пришлось вцепиться в руль и надавить на тормоз, чтобы за собственным хохотом не припарковаться в какой-нибудь столб. А она, глядя на него, сперва несмело улыбнулась, а потом и рассмеялась вместе с ним.

- Ой, ну что же Вы так, - вытирая рукой слёзы, сказал он, пытаясь успокоиться: «Предупреждать надо».

- Да, Вам хорошо смеяться, - со смущённой улыбкой укорила она: «А мне, пока от Сухаревки шла восемь раз деньги за секс предлагали и три раза в баню пригласить успели».

- А нечего в макси-майке по ночной Москве разгуливать. А то ходите здесь вся такая красивая, вот у мужиков башню и сносит.

- Что же мне на День Рождения паранджу надевать?

- Нет, но хотя бы молодого человека взяли в сопровождение.

- Мой молодой человек ...того ...ну, лишнего выпил.

- Тогда передайте ему, что если он ещё раз ночью Вас одну отпустит, то я его найду и лично башку отверну.

- Как жестоко... - улыбнулась она.

- Только так, - отрезал Валька: «Доверили ему достояние республики, так должен хранить его как зеницу ока».

- Мерси за комплимент, - скромно потупилась она.

- Не за что. Так куда Вас доставить?

Валька помахал рукой вслед своей белой спутнице, спешащей к подъезду обшарпанной девятиэтажки, и подумал о том, что хорошо, когда есть деньги и душа о завтрашнем дне не болит. Вот отвёз девчонку на другой конец города, сделал доброе дело и на душе теплее стало. Пусть денег не заработал, но зато человеку помог. Может когда и зачтётся.

А может и не просто помог, а спас...

Но, даже разбогатев, почивать на лаврах Валька не собирался. Как существо глубоко прагматичное и консервативное, с математическим складом ума, он запрятал

под паркетину в доме отца пару «штук баксов» на «чёрный день», а из оставшихся выплатил Димке остатки долга и получил доверенность, теперь уже «с правом продажи», то есть стал полномочным и единственным хозяином своего «железного друга». С этой новостью, а заодно и для профилактики, он заехал на Дубровку.

- Тащи шампанское, крестить будем, - заявил Серый, узнав о том, что Валька теперь полноправный автовладелец.

- Кого? - не понял автовладелец.

- Ну не тебя же. Машину твою.

- Ага. Давай тащи. Щас Серый Шаман вокруг твоей машины камлать будет, заклатья накладывать и в бубен бить, - съязвил Никеша.

- Тащи. Крестить — дело хорошее, - поддержал Серого случившийся поблизости Коляныч.

Валька сбегал в ближайший магазин за парой бутылок и «шаман» Серый приступил к обряду. Он не стал надевать балахон из песцовых хвостиков, не навешивал на себя ожерелья из зубов белого медведя и даже бубен в руки не взял. Просто, как был в грязной спецовке, встал перед машиной, сосредоточился и обвёл её руками, как бы заключая в сферу. А затем, тщательно взбалтывая шампанское, произнёс словно заклинание: «Чтобы не ездил, а летал, чтоб каталась — не ломалась, чтобы столбы дороге не мешали, а «менты» не штрафовали...». Отпустил пробку, и тёплая шипучка фонтаном ударила вверх, окатив машину от переднего до заднего бампера.

- Как звать будешь? - спросил он у Вальки: «По старому - «Вишенкой?»»

- Нет. «Sherry Boy».

- Хорошее имя, - одобрил «шаман» и остатками шаманского косым крестом опять окатил машину: «Ныне и присно и во веки веков, нарекаешься «Sherry Boy». Да пребудет с тобой удача на дорогах. Аминь!»

Вторую бутылку дружно оприходовали слесаря. Вальке налили только чуть-чуть, ему же за руль, а Коляныч вообще пить отказался: «Не, ну её нафиг, а то опять в запой впаду». Посидели, поболтали, как выразился Никеша «за жисть, за «Пинк Флойд». И ведь не просто так сказал, а потому что Серый устроил «музыкальную паузу».

- Валь, слышь, я песенку новую придумал, - хитрым глазом подмигнул он ему: «Знаешь, как называется?»

- Как?

- «Копейка». Почти про твою.

- Конечно. Давай, - вскинулся заинтересованный Валька, и Серый что-то там подкрутив колками, запел:

«У меня есть клеевая машина,
Первая модель из «Жигулей».
Бок помят, изношена резина
И глушитель долбит по земле.

Но ведь прёт свои «сто километров»
(Правда в дырки дует по ногам),
А под горку, при попутном ветре
Мы вообще летим как ураган».

Голос у Серого так себе, без изысков, но приятный, да и аккорды самые простые, но главное – текст. Если кто и не засмеялся, то в улыбке расплылся однозначно.

«И что не угонят, я уверен.

Сплю спокойно, бросив за углом.

Если и сопрут, то пионеры

И скорей всего в металломол» - продолжал маэстро

ключа и отвёртки, а Вальке даже стало обидно, что он так о его родном автомобиле.

«Да, ещё есть факт такой не лишней,

Мне машина экономит «нал».

Штраф на днях не взял с меня ГАИшник,
Пожалел и сам мне «сотку» дал».

Вот тут, конечно, автор приврал. Нет таких ГАИшников, чтобы добровольно с деньгой расстались. Вот обобрать за то, что машина старая и ржавая – это всегда, пожалуйста. Но, в общем, определённую гордость за то, что его «Шерька» вдохновил самопального барда на написание песни, он испытывал.

Так что «крещение» машины прошло полностью по ритуалу, и даже, когда после окончания торжественной части Валька попросил у мужиков шланг, чтобы ополоснуть своё транспортное средство, Серый категорически воспротивился: «Самому нельзя. Нужно чтобы дождём смыло». Валька недоуменно пожал плечами, но мыть машину не стал. Серый шаман, ему виднее.

Так и работал целую неделю с грязными пятнами по всему кузову, пока наконец-то после изматывающей жары не хлынул дождь.

Ливень лупил как из ведра, разогнав не только клиентов, но и кажется всё живое. Валька пробирался по Лубянке, пытаясь высмотреть за мельканием дворников хоть какого-нибудь бедолагу желающего ехать в тепле и уюте салона автомобиля. Вообще-то для таких поисков Лубянка место тухлое, но чем чёрт не шутит, особенно в такую погоду, когда даже «ночные бабочки» сбились в кучки под зонтиками, тщательно оберегая от тугих струй свой боевой макияж.

Внезапно от одной из групп отделилась фигурка и бросилась наперерез Валькиной машине, что-то крича и активно размахивая руками. Какой-то лихой «волчара» на «девятке» успел первым, но фигура дала ему отмашку - «отвали» и продолжала махать именно ему. «Чёрт», - выругался Валька, наконец-то сообразив, в чём дело: «Это же Лариса». Он затормозил, окатив её брызгами из-под колёс, но она этого как будто не заметила. Рванула на себя пассажирскую дверь и, убедившись, что за рулём именно он, с облегчением выдохнула: «Ты... наконец-то...». «Ну, я», - удивился Валька и, сообразив, что разговаривать с девушкой, стоящей под проливным дождём сидя в сухом салоне как-то не по-джентльменски, предложил: «Ты садись в машину. Чего мокнуть-то?» Она запрыгнула внутрь и, даже не захлопнув за собой дверь, бросилась ему на шею. «Я уже думала... что ты никогда... не придёшь...» - хлюпая носом, созналась она. Тут Валька просто в ступор впал от неожиданности такого признания, но сзади раздавалось нетерпеливое «би-би» и он осторожно, стараясь не потревожить прижавшуюся к нему девушку, отъехал чуть правее и прижался колесом к бордюрному камню.

- Ну что ты... - попытался он успокоить её, вытирая рукавом рубашки мокрое от дождя и слёз лицо. Тушь, размазанная в процессе этого вытирания, безнадежно пачкала рукав рубахи, но он этого даже не замечал: «Ну что ты... Успокойся».

- Да? Успокоиться? - с обидой сказала она, действительно успокаиваясь и вытирая ладонью последние слёзы: «А кто исчез и целых пятнадцать дней не появлялся?». Она в последний раз хлюпнула носом и оторвалась от него.

- Извини, дела были, в Смоленск ездил...

- А я как дура все вишнёвые «копейки» тормозила.

- Ну, извини. А потом ...мне показалось, что я тебе не понравился.

- Почему!?

- Ты меня всё «маленьким» называла и ещё «телёнком несмышлёным».

- Ой, Валька, ну и глупый же ты... - она уткнулась лбом в его плечо и замерла. Он бережно обнял её и погладил по мокрой от дождя спине.

Некоторое время они сидели молча, отгороженные от остального мира запотевшими и залитыми потоками дождя стёклами, а потом она подняла лицо и, глядя ему прямо в глаза тихо сказала; «Понимаешь... только ты не обижайся, пожалуйста, но как мужчина ты и правда не очень опытный, зато у тебя есть другое...» Валька прикинул свои физиологические параметры. Вроде средние, не больше и не меньше

чем у других... А она тем временем продолжала: «...ты женщину, как бы это сказать, чувствуешь. Тебе не надо объяснять, что я сейчас хочу. Ты и сам прекрасно знаешь».

Он взял её рукой за подбородок и нежно коснулся губами мокро-солёных губ. «Вот видишь», - она блеснула в полумраке жемчужинками зубов: «Ты сейчас сделал именно то, что я хотела. А опытность? Да плюнь ты на это. Я столько знаю, что ты у меня через месяц профессором станешь». Она смахнула на сторону, прилипшую ко лбу чёлку, и посмотрелась в салонное зеркало: «Страшная я?»

- Конечно, - с улыбкой ответил он.

- Дурак! - маленькая ладошка хлопнула его по плечу: «Ты должен был сказать что «нет» и что я у тебя самая красивая.

- А ты бы мне всё равно не поверила. А так теперь ты знаешь, что я всегда говорю правду и будешь мне верить, когда я в следующий раз скажу, что ты самая красивая.

- Ладно. Убедил. Заедешь за мной часов в шесть?

- А ты меня дождёшься?

- Да куда ж я денусь? - ответила она и ехидно добавила: «Других таких телят больше нет».

- Тогда точно заеду.

- Она уже открыла дверь, собираясь выходить, но на секунду задумалась и внезапно изменила своё решение:

- Хотя нет. Пойду, сдам дела и сейчас с тобой уеду. А то сбежишь опять...

- А если утром сбегу? - подколот он.

- После сегодняшней ночи уже не сбежишь, - с абсолютной уверенностью заявила она.

И верно — не сбежал Валька. Даже уезжал в восемь вечера с намерением поскорее «отбомбить» эту ночь и опять вернуться в тёплые и ласковые объятия Ларисы. Так и остался у неё жить. Девчонки из уважения к «мамке» выделили им одну из комнат в двухкомнатной квартире и даже постепенно привыкли к тому, что ходить по квартире чуть ли не нагишом, смущая остатки Валькиной нравственности, чревато выволочкой от начальницы. Так и жили весёлой «коммуналкой» с ночным графиком работы. Как вечер, так квартира пустела. Девчонки на «точку», а Валька на дорогу.

Глава IV

Круче только яйца...

Снова шуршали шины, рычал мотор и проворный «Шерька» метался к бордюру на каждую поднятую руку.

- Шеф, Кутузовский.
- Сколько?
- Три.
- Поехали.

Сигарету в зубы, музыку погромче и педаль «газа» до упора...

- Шеф, свободен?
- Куда надо?
- Алтуфьевское шоссе. Пять «штук».
- Маловато будет...
- Да нету больше...
- Ладно, садись.

Такая сговорчивость Вальки имела свои причины. Сентябрь уже стучался в двери, а значит, исходя из жизненного опыта, он точно знал, что и зима придет вслед за осенью. Надо бы зимнюю резину прикупить и самому к холодам приодеться, а то так и бегал в «детских» джинсах и кожанке, которую «честные грабители» забыли. А денег почему-то не прибавляется. То одно, то другое. То масло в двигателе поменять, то у девочек чайник сгорел, то кардан застучал, то за квартиру платить нечем. А Лариса, это вообще статья отдельная. Она с такой искренней радостью принимала подарки, что на их покупку никаких денег не жалко. Сверкнёт улыбкой, глазищи распахнёт и с детским недоумением: «Ой, это мне?». Ну, прямо как девчонка, даже и не подумаешь что жена и мать.

О том, что она замужем и в Самаре её, «торгующую на рынке» в Москве, ждут муж и десятилетняя дочка, она рассказала примерно через неделю с начала их совместной жизни. Валька просто в шок выпал от услышанного. Даже сел в кровати и тупо уставился в занавешенное от дневного света одеялом окно, пытаясь осмыслить этот факт.

- А что ты удивляешься? - спросила она, поднимаясь вслед за ним с подушки: «Я уже взрослая девочка. А взрослые, они иногда и замуж выходят. А от этого, может быть ты слышал, иногда детишки появляются». Она обвила теплыми руками его шею, и, прижавшись грудью где-то между лопаток, прошептала на ушко: «Глупенький, ну не бери в голову. Ерунда всё это».

- А я? - отрешённо спросил Валька.

- А ты у меня для души, милый, - мурлыкнула она и куснула его за мочку уха, отчего горячая волна окатила его с головы до ног и больше глупые вопросы он задавать не стал. Не до того было.

Ночью, разъезжая по городу, он всё пытался так напрячь мозговую извилину, чтобы осознать сложившуюся ситуацию. Самому не получалось и нужно было это хоть с кем-то обсудить, а друг его «Шерька» все вопросы на тему личной жизни просто игнорировал. Видимо и сам был в этих делах неопытен. У них, у машин, такой ерунды не случается. Но зато, засвистев ремнём генератора, подал идею — а не завалиться ли в гости на Дубровку. Конечно, в два часа ночи самое время по гостям ходить, но ведь всё равно там кто-нибудь есть.

Калитку открыл Никеша. Совсем даже не заспанный, а вполне бодрый и с «Айсбергом» в руках.

- Заезжай, - без особого энтузиазма пригласил он.

- А ты что, в войну играешь? - поинтересовался Валька, кивнув на воронёный ствол, матово блеснувший в свете фар.
- Типа того. А у тебя что случилось?
 - Ремень генератора подтянуть.
 - Ага, щас сделаю.
 - Не надо, я сам. Ты только инструмент дай.
 - Без проблем, но деньги в кассу.
 - Базара нет.
- Валька заехал на территорию, а Никеша, притащив нужный инструмент, устроился на левом крыле, чтобы проконтролировать как бы тот чего не поломал от избытка энтузиазма.
- Что, проблемы? - спросил Валька, ныряя под капот.
 - Есть немного, - неохотно ответил колчерукий.
 - Помочь могу?
 - Да нет. Тут нас под себя «подольские» хотят подгрести, а от тебя в этом деле какой толк?
 - Почему? Есть у меня один «кент» из «домодедовских», могу попросить, - похвастал Валька, вспомнив про Степана.
 - Ну и что? У Коляна - «солнцевская братва», Эдик — сам из «измайловских». Миха — «люберецкий».
 - Так в чём проблема? Свистните, они Вас и отмажут.
 - Отмажут... Только потом придётся или под «солнцевскими» или под «измайловскими» ходить. Нафиг нужно!
 - Сами будете отбиваться?
 - Ага. Да ладно, нас уже три раза пытались прогнуть, да пока соскакивали.
 - Как это?
 - А вот так. Нужна же «братве» точка, где можно мирно «перетереть» без разборок и прочего «шухера». Вот мы на этом и держимся. То, что мы «ничьи», удобно и «солнцевским», и «измайловским», и даже твоим «домодедовским». Теперь нужно сделать так, чтобы до «подольских» тоже дошло. И если получится, то считай, что мирная жизнь нам обеспечена ...до следующего наезда.
 - Да, весело тут у Вас, - удивился Валька такому раскладу: «Просто «высокий полити`к» какой-то. Ладно, принимай работу».
 - Годится, - буркнул Никеша, потелепав натянутый ремень своей культяпистой лапой.
 - Сколько с меня?
 - Ну, кинь рублей триста в стол.
 - А в прошлый раз пятьсот было...
 - Так в прошлый раз за тобой переделывать пришлось.
 - Расту как специалист?
 - Эт точно. Всего-то лет через десять можно будет тебя в бригаду брать. Ключи подавать будешь.
- Валька, с присущей ему скромностью, промолчал о том, что «подавальщиком ключей», а так же «дежурной ветошью» он уже работал у Серого, и лишь спросил: «Чай будет?»
- Будет. Иди и заваривай, - гостеприимно предложил Никеша.
- Прихлёбывая ядрёный чай — две столовых ложки на полкружки, а меньшего бывшие «зеки» не признавали, Валька плавно перешёл к больной для себя теме абсолютной непонятности в личной жизни и на вопрос Никеша: «А чо так давно не появлялся?», рассказал ему о Ларисе, правда, умолчав об источнике её заработков.
- Ну и чё ты себе мозги компостируешь? - удивился тот: «Плевать, что она замужем. Тебя-то не гонит? Вот и живи».
 - Да как-то неудобно...

- Неудобно спать на потолке и штаны задом наперёд натягивать, а тебе жить где-то надо. Сам ты себе квартиру снять не осилишь, вот и живи у неё.

Ну и не стал себе Валька больше мозги компостировать. Послушался умного совета и остался с Ларисой в качестве ВрИО мужа — временно исполняющего обязанности. Как настоящий муж бегал в магазин за продуктами, выносил мусор и всю зарплату в дом тащил. Выделил себе только на покупку пейджера, чтобы постоянным клиентам его найти было легче. А постоянные клиенты появились. Валька же денег сверх меры не брал и приезжал всегда вовремя. Им удобно. А ему хорошо, что не нужно круги по ночной Москве нарезать в поисках «добычи». А то «добыча», она ведь разная бывает...

А тут тормознул его грузин. Толстый такой, просто слон, только горный. Валька эту публику предпочитал не возить, но клиент выглядел солидно, сумму за проезд озвучил сразу и без торга, вот он и позарился. Тем более, что денег никогда не бывает много, а Лариса последнее время что-то куксилась и ему хотелось очередным подарочком поднять ей настроение.

Грузин плюхнулся на пассажирское сиденье так, что бедный «Шерька» аж скрипнул под его центнерами и молча, сидел всю дорогу, что-то мурлыча себе под нос. Заговорил он только, когда они выехали на МКАД. «Астанави здэсь», - попросил он: «Паписать хочу». Ну что же, желание вполне понятное, тем более, что эту часть «кольцевой» ещё не реконструировали и лес подступал вплотную к слабоосвещённой дороге. Валька остановился у обочины, но его пассажир освобождать мочевого пузыря не спешил.

- Выхады, - скомандовал он.

- Не понял? - удивился Валька.

- Вы-ха-ди, дальше я сам поеду, - повторил грузин и блеснул в полумраке лезвием ножа.

Тут Валька понял, что сейчас освобождаться будет уже его мочевого пузыря, но постарался не подавать виду, а нарочито спокойным и даже слегка весёлым голосом сказал: «Нет проблем, генацвале. «Тачка» всё равно не моя».

- А не твоя, так и жалеть не будешь. Выхады, давай.

Вылезая из машины, Валька незаметно сунул руку за полу куртки и, нащупав гладкую рукоятку «Айсберга», снял его с предохранителя. Грузин попытался пересест с пассажирского кресла на водительское не выходя на улицу, прямо в салоне, но толстое саломясо не позволило ему совершить этот почти акробатический для «жигулей» трюк. Пришлось с кряхтением вылезать наружу. А это уже было на руку Вальке. «Нэ дёргайся», - предупредил его абрек и в подтверждение серьёзности своих намерений ещё раз продемонстрировал «финку». А Валька и не дёргался. Стоял себе спокойно в сторонке, заложив руки за спину, в одной из которых в полной боевой готовности был зажат револьвер.

Он не стал выяснять, какие ещё намерения будут у налётчика и как только тот, обходя машину, появился в поле его зрения, молча и без предупреждения, выстрелил ему в бедро. Глаза грузина почему-то вдруг стали круглыми от удивления, он тоненько, по-заячьи заверещал и упал на грязный асфальт, зажимая руками простреленную ногу.

Вообще-то Валька слышал про такую штуку как «контрольный выстрел в голову», но сейчас была совсем не та ситуация и прыгнув в машину, он рванул с места, чуть не переехав этому неудачнику вторую ногу. А и переехал бы, так всё равно не остановился. Пусть теперь валяется, сволочь, в грязи и выкручивается, как хочет. Вторая — третья — четвёртая... Он переключал передачи, разгоняя машину так, как будто за ним черти гнались, но проехав всего несколько километров, свернул в город и, проскочив пост ГАИ, остановился, чтобы успокоиться.

Тут-то на него и навалилось. Зубы клацали, руки тряслись, всё тело сотрясала мелкая дрожь. Нельзя сказать, что в Афгане ему не приходилось стрелять в людей. Приходилось. И трупы он видел. Но как-то сложилось что огонь на поражение он вёл

издалека, а кто убил того или этого «духа» особо не разбирались. Но вот так, в упор — это он испытал впервые. И пусть «Айсберг» совсем не «калашников» и путёвку на тот свет не выписывает, но ощущение было жуткое и потребовалось целых три сигареты, чтобы его нервная система пришла в себя и судороги прекратились.

Ясное дело, что «бомбить» в таком состоянии было уже невозможно. Ехать в Марьино? Так там тоже никого нет, и он потащился на Дубровку.

Встретил его опять Никеша. И опять не сонный и с револьвером.

- Ну, и чо припёрся? - «дубровское» гостеприимство уже стало традицией.

- Дело есть...

- С машиной чего?

- Нет, со мной.

- Ладно, заходи. Только машину где-нибудь на улице поставь.

- А что так?

- Момент для визита ты выбрал не совсем удачный. Нам «подольские» ультиматум выставили, а срок в полдень завтра ...хотя нет, уже сегодня, - поправился он, взглянув на циферблат часов.

Валька припарковался на другой стороне улицы, возле жилого дома, в один ряд с другими «жигулятами», «москвичами» и прочим пытающимся ездить металлоломом, а сам, уже пешим порядком, вернулся на территорию автосервиса. В бытовке его ждал Никеша и две кружки с густой жидкостью цвета дёгтя, которая среди местного населения называлось скромно - «чаёк». Валька глотнул горяченького и аж передёрнулся. «Чифирь» Никеша забодяжил неслабый, но зато и прошибающий до головокружения.

- Ну и чего у тебя? - спросил колчерукий, облизываясь после очередного глотка.

Валька хлебнул ещё из обшарпанной кружки и, выложив на стол, воняющий пороховой гарью револьвер, рассказал о том, что с ним произошло.

- А чего ты менжуешься? - удивился Никеша: «Сам цел, «тачка» цела — всё ништяк».

- Да? А если он заявит?

От смеха бывшего «зека» чуть не повылетали треснувшие стёкла бытовки.

- Ну, ты и «лох», Валька! - пытаюсь успокоиться, выдавил он из себя: «Ну, какая к лешему «ментовка»? «Скокарь» чисто «фуфел» спорол. При «пере», да ещё и «маслину» словил. Шняга всё это, не кипешишь».

Валька задумался. Перевод на общепонятный язык всего того, что было ему сказано, требовал некоторого времени. Но свежие лингвистические знания, приобретённые в общении с «дубровскими» и собственные филологические способности всё-таки помогли понять, что бывший «зек» его успокаивает, и опасности практически нет.

- А номер он твой не срисовал? - отсмеявшись, спросил Никеша.

- Нет. Он у меня «нечитаемый». Сам же в прошлый раз говорил, что надо бы покрасить, пока «менты» права не отобрали.

- Тогда вообще расслабься и забудь.

- Ага, расслабься... А меня до сих пор колотит.

- Ну, это мы сейчас быстро вылечим.

Никеша взял его кружку с остатками «чифиря» и выплеснул их на улицу. А затем, погремев связкой ключей, открыл старый обшарпанный сейф и достал оттуда початую бутылку «Белого аиста».

- Вот! - продемонстрировал он свою добычу и опрокинул бутылку над кружкой: «Коньячок. Щас жажнешь и баиньки. А утром будешь как новенький».

«Жахать» пришлось крепко. Содержимое бутылки почти полностью поместилось в объёмистой кружке, так что Валька даже засомневался: «А я копыта не откину?»

- Ну а если и откинешь, то будешь первым.

- Я такими дозами ещё никогда не пил.

- Всё когда-то случается впервые, - философски заметил Никеша: «Попробуй для эксперимента».

Эксперимент получился удачный. Ровно через пять минут после приёма «лекарства» расслабленный и умиротворённый «пациент» едва нашёл в себе силы подняться и, придерживаясь за стену добрести до топчана в соседней комнате. Упал и отрубился в надежде на приятное пробуждение.

Пробуждение оказалось не очень приятным. Конечно, кому это понравится, когда гад Серый даёт тебе пинка в задницу своим грязным «кирзачём» и истошным голосом орёт над ухом: «Валька, сука, подъём!!!» Валька вскочил и глянув в бешенные глаза лохматого понял что случилось что-то действительно серьёзное. «Что...» - попытался он задать вопрос, но Серый опередил его, лаконично обрисовав ситуацию и дальнейшие Валькины действия.

- Сваливай отсюда. Мухой! ОМОН у ворот, Кержач его «на дурку» задерживает, но они через пару минут всё равно ворвутся. Уходи через забор за боксом. Если сможешь - «стволы» наши захвати, - он сунул в руки оторопевшего Вальки свёрток и пояснил: «У нас на них разрешений нет. Да если б и были, тоже без толку...»

Это было очень удачно, что в пьяном угаре он завалился спать, даже не разуваясь и теперь смог тотчас же выскочить на улицу. ОМОНа на территории ещё не было, но видимо лишь потому, что Антон и его команда просто заходились в истошном лае, норовя оборвать верёвки, которыми Кержач их привязывал к петлям в бетонной плите. Валька метнулся в щель между боксом и забором, протиснулся поглубже, обдирая плечи и замер. Положение складывалось критическое. Три «стволы» на руках, один из которых ещё воняет пороховой гарью, а кругом ОМОН... Кругом... Чёрт, ну и подставил его этот Серый. Наверняка, стоянка окружена и если он сейчас лихо перемахнёт забор, то не исключено, что встретят его цепкие и не очень ласковые объятия «ментов». Он подался назад и осторожно выглянул из своего укрытия. Именно в этот момент ОМОН пошёл в атаку. Ловкие фигуры в серо-белёсом камуфляже, в касках и с автоматами, кузнечиками перепрыгивали через забор, занимая плацдарм.

- О! Черепашки-ниндзя. Добро пожаловать! – разобрал он фразу стоящего посреди плаца Серого, но подскочившая «черепашка» в камуфляже, врезала ему стволом автомата в живот, и лохматый рухнул на землю. Подскочили ещё двое и стали пинать его «берцами». Другая пара бойцов так же дружно месили Кержача, не обращая внимания на беснующихся и истекающих слюной псов. Остальные с автоматами наперевес прочёсывали площадку в поисках добычи и для своих сапог. Нормальная милицейская практика – сначала отпинать как следует, а уж потом вопросы задавать.

Становиться добычей Вальке совсем не хотелось, и он опять уполз задним ходом в заветную щель. Нужно было как-то выкручиваться. Он понимал, что, в конце концов, площадку прочешут полностью и его всё равно найдут, но и наружу выбираться тоже было опасно. Там его ждали, и он это ЧУВСТВОВАЛ. Опасность подстегнула работоспособность мозговой извилины и, отстегнув от пояса пейджер, он выставил его поверх забора, осматривая через его экран, как через зеркальце окрестные заросли. Вот тут уже Валька мысленно поблагодарил снабженцев из УБОПа, которые вырядили ОМОН в зимний камуфляж. Светло-серые пятнистые фигуры были отчётливо видны среди тёмно-зелёной листвы. Валька смог рассмотреть двоих, стоящих, как и положено по инструкции в зоне видимости друг друга. Затем, чуть в стороне ещё одного, зорко озирающего окрестности. Правда между ним и теми двумя, пролегла неглубокая траншея от старого кабеля, уже давным-давно выкопанного бомжами и сданного на цветмет, ведущая в сторону от стоянки и заросшая низкорослым кустарником, но до неё ещё нужно было добраться. Пока же он старательно втискивался в щель, огибая бокс по периметру, и в итоге это ползание по мусору и собачьим экскрементам принесло свои плоды. Видимо ещё во времена строительства забора, у одной из плит снизу был отколот значительный кусок, а Антон и его стая старательно подкопали

землю под этим отверстием, образовав, таким образом, секретный лаз для каких-то своих собачьих надобностей, «Ну, Антоша, спасибо братан», - мысленно поблагодарил он своего хвостатого друга, выгребая руками спрессованную землю и расширяя секретный ход до возможности протиснуться в него самому: «Два кило ливера с меня». В этот момент со стороны площадки раздался одиночный выстрел и один из собачьих голосов захлебнулся истошным визгом. «Если выживешь...» - скрипнув зубами, добавил он и с усилием втиснул своё худощавое и жилистое тело в собачий лаз.

Всё таки хорошо их в армейской «учебке» натаскивали. Сколько лет прошло, а тело моментально вспомнило, как ему нужно вжиматься в землю, чтобы сохранить себя и не быть замеченным врагом. Да и «враги», хотя и держали автоматы наизготовку, больше внимания уделяли тому, что творится поверх забора, а не случайным шорохам в какой-то заросшей канаве. Оказавшись за их спинами, он пробрался ещё чуть дальше вдоль ограды каких-то складов и, найдя самую большую и вонючую кучу мусора, засунул под него все три револьвера, прикрыв для надёжности сверху полуистлевшим осклизлым ватником, один вид которого вызывал жгучее желание никогда не прикасаться к этой мерзости. После чего, очистив от грязи одежду, двинулся в обратную сторону. Но уже открыто, по тропинке проходящей мимо голубых ворот, старательно делая вид, что он случайный прохожий и даже насвистывая какой-то мотивчик исключительно для собственного куражу.

«Менты» в засаде не остановили его, а просто посмотрели подозрительно и махнули «проваливай отсюда побыстрее». Не проявили особого интереса и те, что топтались возле бело-голубой «ГАЗели» с надписью «ОМОН» и двух патрульных «бобиков». Так, проследили взглядом, как он проходит мимо, и отвернулись к более интересным событиям.

Валька перешёл улицу и залез в «Шерьку», на этот раз, используя родной автомобиль в качестве наблюдательного пункта. Часа полтора он остервенело курил, превращая салон автомобиля в газовую камеру, несмотря на приоткрытые окна. Надо же было выяснить, чем закончится визит «черепашек-ниндзя» и что стало с его друзьями.

Наконец, когда он уже накурился до одури, «менты» покинули поле битвы, и Валька с удивлением заметил в их колонне белую «пятёрку» Серого, за рулём которой сидел какой-то ОМОНовец, а сам хозяин машины был зажат на заднем сидении между двумя амбалами в камуфляже. Причём, морда Серого, и это с такого расстояния Валька видел довольно отчётливо, была в крови.

Примерно ещё через полчаса после их отъезда он продолжал вести наблюдение за открытыми настежь голубыми воротами, не рискуя зайти на территорию из опасения, что какие-нибудь «менты» могли остаться в засаде. Наконец в воротах, покачиваясь как пьяный, появился Кержач и, кривясь от боли, закрыл створки. Валька, проверив на всякий случай, нет ли в карманах чего лишнего и на месте ли паспорт, вылез из машины и направился к гостеприимно открытой калитке.

По территории подпольного сервиса явно «Мамай прошёл». Ворота боксов стояли открытыми нараспашку, дверь бытовки валялась на земле сорванная с петель. Явно куражились «менты», иначе, зачем выламывать дверь, которая и так сроду не закрывалась. Кержач сидел на «дежурной» лавочке, прислонившись спиной к стене и аккуратно ощупывая левый бок, иногда болезненно кривя рожу и бормоча себе под нос что-то явно матерное. Антон, до этого с соболезнающим видом, сидевший у его ног, заметив Вальку и не разобравшись сослепу кто это, вздыбив шерсть на загривке, со злобным рычанием бросился в атаку, но примерно с пяти метров понял что это свой и, ткнувшись носом в протянутые руки, заскулил, жалуясь на то беззаконие, которое здесь творилось. «Живой, бродяга», - ласково потрепал его по голове Валька и направился к Кержачу.

- Ну, как? – задал он абсолютно банальный вопрос.

- Как видишь, - хрипло ответил Кержач. Закашлялся, схватившись за бок, сплюнул кровью и, кривясь от боли и злости добавил: «Жорку застрелили, суки, Серого с собой увезли».

- Я видел. А куда они его?

- А хрен их знает. Не сказали.

- А за что?

- Требовали, чтобы Серый гаражи открыл, а он отказался без присутствия хозяев, - Кержач опять закашлялся, прижимая ладони к помятому боку.

- Здорово тебя отметили, - посочувствовал Валька.

- Меня-то ещё ничего, а вот Серого на тельфере, как на дыбе подвешивали и зажигалками жгли.

- Вот же уроды! – возмутился Валька: «Чего хотели-то хоть?»

- Всё спрашивали, кто нам ворованные машины поставляет и сколько мы номеров перебили.

- Так вы же этим не занимаетесь.

- В том-то и дело. Явно по наводке от «подольских» наехали.

- Так они же бандиты, а это ОМОН.

- Там бригадой прокурор командует, вот и навёл, падла, по своим каналам.

- А с Серым что?

- Серый молодец, - не понял вопроса Кержач: «Висит себе на дыбе и материт их по чёрному...»

Тут Валька даже улыбнулся, хотя рассказ к этому совсем и не располагал. Просто представил, сколько новых слов узнали о себе «менты», учитывая огромный словарный запас и изобретательность языка лохматого.

- Я не об этом. С Серым-то теперь чего будет?

- А что обычно бывает. Отпинают от души, а если стойку держать будет и чужого на себя не возьмёт, то глядишь и отпустят.

- Когда?

- А леший его знает. Ты, знаешь что, посиди здесь пока, а я до телефона сбегая – Никеше позвоню.

- Лады.

Сбежать Кержачу оказалось трудновато. Вернее даже сказать – сползать. Но через полчаса он всё-таки прикостылял обратно и доложил: «Всё. Щас Никеша «нужников» обзвонит и сам подтянется».

- Кого обзвонит? – не понял Валька.

- «Нужников». Нужных людей. Будут Серого вытаскивать.

- А мне что делать?

- Да ничего. Вали отсюда, если дела какие есть. Хотя, постой. Помоги мне Жорку похоронить, - Кержач кивнул в сторону валяющегося в луже крови кобеля.

- Базара нет, - уже привычной фразой выразил своё согласие Валька и тут же был обеспечен старенькой штыковой лопатой.

«Собачье кладбище», о существовании которого он даже и не подозревал, находилось совсем рядом. Всего в каких-то десяти шагах от забора. Да и какое это кладбище? Так, заросшая травой полянка среди кустарников и деревьев, с несколькими оплывшими от времени холмиками земли. Ни тебе надгробных плит с душераздирающими надписями, ни бронзовых памятников. Даже простых столбиков с табличками и то не было. Но Кержач, видимо, и так неплохо помнил, кто и где лежит. По крайней мере, ткнув лопатой в один из бугорков, он произнёс, как бы здороваясь: «Тимофей». Валька шёл, задумавшись, и не сразу сообразив, чего это там Кержач бормочет, спросил: «Кто Тимофей?»

- Ну да, Тимоха. Пёс легендарный. В 86-м пара «гопников» со стволами хотели «Волгу» со стоянки дёрнуть. Сторожа по башке приложили, а Тимоха всё равно не дал.

- И что? Они его застрелили?

- Нет, почему же. Он сам им руки искусал, так что они «волыны» свои растеряли, а потом в угол загнал. Так и держал вместе со стаей под арестом, пока сторож не очухался и «ментов» не вызвал. Об этом даже в газете писали. А погиб он уже позже, через два года. Его синюха какой-то на машине сбил.

- Жалко.

- Ну, да. А вот здесь Нелли лежит...

- А она чем знаменита?

- А ничем. Сучка, она сучка и есть. В честь главбуха назвали. Такая же... Просто, Жора из её помёта. Он единственный кто тогда выжил. Вот пусть теперь рядом с матерью и покоится».

Кержач перехватил лопату поудобнее и начал морщась от боли, прорубать дерн, размечая границу будущей могилки. Откинул верхний травяной слой, обнажив сырую, пахучую плоть земли и, обливаясь потом, прислонился к стволу деревца, с хрипом хватая ртом воздух.

- Отдышись, я сам всё сделаю, - предложил Валька, втыкая свою лопату в землю. Кержач только и смог, что кивнуть, выражая своё согласие.

Отрыли неглубоко. На метр, не больше. Да и не положено больше бездомным собакам. Пусть и за это спасибо скажет, что не бросили в ближайшую канаву на поживу воронью и крысам. Более того, погибшему «при исполнении служебных обязанностей» Жоре, благодарный Кержач выделил кусок старого и драного брезента, на который они перекатали начинающее коченеть тело пса. Антон подошел и в последний раз обнюхал окровавленную морду своего товарища, как бы прощаясь и провожая его в последний путь. Валька, изображая из себя старого паромщика Харона, а может и просто тягловую лошадь катафалка, взялся за углы брезента и поволок свою печальную ношу в сторону кладбища. Там, уже вдвоём с Кержачом, они опустили брезент в могилу.

- Хороший был пёс, - вместо эпитафии пробурчал Кержач и сбросил в могилу первую лопату земли. А Валька подумав, что может быть именно эти несколько мгновений, на которые отчаянный пёс отвлек внимание ОМОНовцев, и дали ему возможность выскользнуть незамеченным, согласился: «Да, хороший...» И подцепив на лопату ароматной земли, бросил её в яму.

«Нужники» подтянулись довольно быстро, почти сразу же за влетевшей на полном ходу «семёркой» Никеша, и на стоянке даже стало тесновато от «BMW», «Audi» и прочих «Мерседесов». Их владельцы, в зелёных или малиновых пиджаках, солидно вылезали из своих «тачек» и вполголоса «тёрли» о чём-то с Никешей. А потом, достав из барсеток сотовые телефоны, начинали так же негромко и солидно с кем-то разговаривать. О чём шла речь, Валька в сущности даже понять не мог, хотя некоторые слова и фразы до него и Кержача, сидящих на лавочке, всё-таки долетали. Таким доскональным знанием блатного жаргона он не обладал.

- А это кто? – поинтересовался он у Кержача.

- Люди, - последовал лаконичный ответ: «Хорошие, серьёзные люди».

- А кто они? – не унимался любопытный Валька.

- Тебе какая наплевать? Меньше знаешь – крепче спишь. И вообще, валил бы ты отсюда...

- Успею ещё, - привыкший к местному «гостеприимству», он даже не обиделся и весьма нахально добавил: «Может и сгожусь на что».

А ведь и, правда, сгодился. За два часа все эти «крутые пацаны» так и не смогли ничего разузнать о судьбе Серого. Некоторые из них уезжали, на их месте появлялись другие, а он продолжал сидеть на лавочке, поглаживая жесткий загривок Антона, и развлекаясь тем, что порой ловил косые, а иногда и явно враждебные взгляды, которыми обменивались между собой некоторые из «малиновых пиджаков». Обменивались, но держались на расстоянии, как бы, не замечая друг от друга и всем

своим видом, демонстрируя нейтралитет. «Ну, прямо не Дубровка, а Швейцария какая-то», - с усмешкой подумал он, но в этот момент замурлыкал его собственный пейджер. «Ты где пропал? Позвони. Я дома» - прочитал он сообщение от Ларисы и, решив, что в его отсутствие ничего глобального не произойдёт, отправился к ближайшему таксофону с благородной целью успокоить девушку.

Позвонил ей и рассказал о проблемах, возникших на стоянке и о безрезультатных поисках Серого, вывезенного ОМОНОм в неизвестном направлении. Лариса вроде бы успокоилась, но проявила к сложившейся ситуации повышенный интерес.

- Адрес у этой стоянки, какой? А фамилия твоего друга?

Он сказал.

- Хорошо, попробую что-нибудь придумать, - пообещала она. Валька только хмыкнул, ну какая может быть помощь от проститутки, когда такие серьёзные люди ничего сделать не могут, однако вслух пошутил: «Вот-вот, придумай что-нибудь, а то буду здесь торчать, пока Серого не найдём».

- Ну, тогда точно придумаю, - засмеялась она и добавила низким чувственным голосом, от которого у Вальки внутри что-то зашевелилось: «Ты даже не представляешь, на что способна женщина, если она действительно хочет».

Посмеиваясь над её самоуверенностью, он вернулся на «дежурную» лавочку. Действительно, за время его отсутствия ничего глобально не изменилось. Так же, с неторопливой солидностью перемещались по стоянке «зелёные» и «малиновые», так же на разные голоса трындели их сотовые телефоны и серый Антоха, утомлённый событиями бурного дня, мирно дремал в тени забора. Валька решил последовать такому достойному примеру, но только не на земле под забором, а на топчане в бытовке, и это ему даже удалось. Но ненадолго. Пейджер замурлыкал и выдал сообщение: «Твой Серый в РУВД на Каширке. Следак – Онищенко. Жду дома». Валька с круглыми от удивления глазами дважды перечитал сообщение. Ай, да Лариса! Ту проблему, которую два десятка «крутых» мужиков не могут решить уже третий час, она разрулила буквально за тридцать минут!

Встал и неторопливым походняком подвалил к Никеше. Тот о чём-то «перетирал» с очередным «зелёно-малиновым» и на Валькино небрежное похлопывание по плечу ответил недовольным: «Ну, чего тебе?» Валька молча, поднёс к его лицу экранчик пейджера. Никеша прочёл и резко развернулся к Вальке: «От кого малява?» Видимо, по причине волнения, сразу перейти с блатной «фени» на общегражданский бывшему «зеку» было несподручно, поэтому и Валька ответил на том же языке: «Бикса моя по своим каналам нарыла», не без оснований подозревая, что по другому его могут и не понять.

- Ну, спасибо тебе, братан!

- Не за что. Это не я. Ларисе спасибо.

- Вот ей и передай.

- Ладно, передам. Да и поеду я, пожалуй. Толку от меня здесь и правда никакого, а девчонка ждёт.

- Езжай. Хотя, погоди малёк...

Никеша метнулся в вагончик, и даже на улице было слышно, как он гремит ключами, открывая сейф. Вернулся и с довольной физиономией вручил Вальке бутылку французского коньяка. «Камю». Дрянь коньячок, по мнению самого Вальки, но Никеша-то явно к гурманам не относился, предпочитая, что попроще, и это его извиняло.

- Держи, - торжественно произнёс он: «Передай ей от братвы». И добавил с ехидной усмешкой: «Да не забудь отблагодарить её ...по нашему, по пацански, так чтобы завтра присесть не смогла».

- Базара нет, - улыбнулся этой хамоватой шутке Валька: «Сделаем в лучшем виде».

Ларису он, конечно, отблагодарил. Отчего же не отблагодарить, если и самому в удовольствие, а вот Серый появился только через сутки. Видимо помогло то, что «нужники» смогли организовать несколько вполне официальных звонков следователю из других ведомств МВД, в которых как бы вскользь озвучивался интерес к делу задержанного гражданина Серого С.С. и наличие убедительных улик его правонарушений. Улик не было, в предъявленных обвинениях он не сознавался, несмотря на усиленное давление, и пришлось его отпустить, даже без подписки о невыезде.

Серый взял три дня отгула, чтобы отлежаться и привести в порядок чуть не сошедшую с ума от его приключений жену, а потом приехал в «конюшню» и устроил весёлую жизнь ЗИЛовским вора.

О том, что территория используется для перевалки «честно стыренных» запчастей к грузовикам Валька был в курсе и даже однажды присутствовал при том, как из цистерны бензовоза с заводскими номерами на какую-то областную «ГАЗель» быстро и чётко, минут за пятнадцать, перегрузили пару сотен дисков сцепления. Правда, он не знал, что стоящие вдоль забора гаражи используются для хранения нереализованного товара и основной причиной ареста Серого был именно отказ вскрывать их ворота без присутствия владельцев. А когда на следующее утро собранные оперативниками «члены гаражного кооператива» добровольно и без принуждения открыли «ментам» свою частную собственность, то никаких улик, кроме старых колёс, банок с прокисшим вареньем и крысиного помёта обнаружено не было.

- Прикинь, - рассказывал Кержач, отхлёбывая из банки «джин-тоник», преподнесённый заглянувшим в ночную пору Валькой: «Этот кент забил вора стрелку и давай им втирать по ушам про технику безопасности производственного процесса...

- Это как? - не понял Валька.

- А так. Объяснил на пальцах, типа если хотите чтобы процесс был и дальше безопасным, то кидайте отстёжку нам на общак и работайте спокойно.

- Типа прикрытие им предложил?

- Ага, - заржал Кержач и, отхлебнув из банки, добавил: «Так что мы теперь сами «крыша» у воров».

- А воры что? Так и согласились?

- А куда они нафиг денутся! Серый, он, знаешь, очень убедительным бывает, а тут ещё и злой как собака кусачая.

- А Никеша что? Он же у вас старший, вроде.

- А Никеша тихо сидел в углу, сопел в две дырки и усердно чистил свою «волыну».

- Ну, ооочень убедительно! - усмехнулся Валька, представив эту сцену: «А «подольские» как? Отстали?»

- Ага. Поняли, что с нами связываться, что Антоху стричь...

- Это как?

- Визгу много, а шерсти мало, да ещё и укусить может. Кстати, вчера от них заезжали...

- Извиниться что ли?

- Щас! Дождёшься, как же. Перетёрли по поводу совместной деятельности на паритетной основе, ну типа «мы вам палёные тачки под разборку, а бабки пополам».

- Криминал?

- Ясен перец! Пришлось объяснить, что мы в глухой завязке и на нары не ломимся. Так что, братки, водки попить заезжайте, а более ни-ни.

- Весело тут у вас.

- Ага. Обхохочешься, - согласился Кержач, потирая до сих пор саднящий от боли бок.

За трудами праведными и заботами семейными он как-то даже забыл о том, что у него есть отец и мать. К матери ехать не хотелось категорически, а вот к отцу по случаю заглянул. Шла уже первая декада октября, но, несмотря на промозглую погоду,

народ не особенно охотно пользовался услугами частного извоза. Куцые зарплаты, у тех, кто их ещё получал, в преддверии дня полочки стремились к нулю, а те, кто в эти мутные времена ухитрились зарабатывать нормальные деньги, всё чаще предпочитали приобрести свою машину. Старенький «форд» или убогий «Москвич», это уже неважно. Главное – вложение капитала.

Покрутившись битый час без единой посадки и оказавшись в результате на Симоновском валу, Валька решил плюнуть на эту безнадежную затею с обогащением. Прикупив в каком-то ларьке коробку конфет «из 100% шоколада», как уверял их турецкий производитель, он пристроил «Шерьку» возле подъезда и поднялся на знакомый этаж. Дверной звонок не вызвал за закрытой дверью никакой ответной реакции, но ключи от отцовской квартиры были при нем и он вошел.

Странно. За окном уже темно, а никого нет дома. Алёнке уже спать пора, а их с Наташкой где-то носит. Да и отец... Может в гости пошли? Да, нет. Какие сейчас гости.

Он прошел на кухню и поставил на плиту чайник. Положил на стол коробку конфет и заглянул в холодильник. Еда была и это уже радовало. Не то, чтобы много, но вполне достаточно для семьи из трёх человек. Даже любимые сестрёнкой глазированные сырки есть. Значит, не совсем бедствуют. Он плеснул в кружку жиденькой заварки и, разбавив её кипятком, прошел в комнату. Отцовское изобретение стояло на своем месте. Подойдя поближе, и проведя рукой по крышке прибора, он с удивлением обнаружил на ладони пыль. А это уже было плохо. Похоже, что отец достаточно давно не подходил к своему детищу. Опять запил?

Скрипнул ключ в замке входной двери, впуская в квартиру Наташку с дочерью.

- Уяааа! Вайка пьишол! – Алёнка радостно бросилась к брату, и он едва успел поставить на стол кружку с горячим напитком, чтобы подхватить малышку на руки.

- Здравствуй, хозяйка, – поприветствовал он мачеху, подбрасывая радостно пискнувшую сестренку под потолок.

- Привет, – буркнула в ответ Наташка, устало снимая старый болоньевый, видимо ещё её матери, плащ и тут же рявкнула на дочь: «Ленка, зараза, не ори! Без тебя голова болит».

- Я чайник вскипятил, – доложил он, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя очень хотелось одернуть её, чтобы не орала на ребенка по пустякам.

- Хорошо, – уже успокаиваясь, сказала она: «Сейчас котлеты разогрею, и будем ужинать».

Он хотел помочь Алёнке снять уличную одежду, но гордый ребенок отверг его поползновения, самостоятельно справившись с процессом, и потащил «братика» хвастаться новыми платьями для куклы, сделанными ею лично из старых цветных лоскутков. Обернутые вокруг пластмассового тела маленькими детскими ручками тряпочки превращались то в подобие индийского сари, то в бальное платье со шлейфом, а то в нечто невообразимое, но очень напоминающее модели модных дизайнеров, демонстрируемые с подиума.

Аромат разогреваемых на плите котлет донесся из кухни и тут же, вслед ему, прозвучала команда хозяйки дома: «Ужинать!» Валька, сглотив голодную слюну, тот час же направился на зов, а Алёнка немного задержалась, заканчивая очередное перевоплощение лоскутка цветастой материи, за что и получила нагоняй от матери: «Ленка, тебе что, особое приглашение требуется?» Бросив всё, она немедленно присоединилась к старшим, не рискуя нарываться на более серьёзные методы воздействия. Взобралась на табурет и плотоядно облизнулась, поскольку на краю стола красовалась коробка конфет, намного более вкусных и полезных, чем котлеты с макаронами и тут Валька совершил педагогическую ошибку. Желая побаловать малышку, он достал из коробки конфету и щелчком заставил её скользнуть по поверхности стола в ловко подставленные ладошки.

- Только после ужина, – шепотом предупредил он её.

- Хорошо, – так же шепотом согласилась она.

Наташка не видела этих тайных действий и не слышала их секретных переговоров, но когда ставила на стол хлебницу, конфета в руках дочери подействовала на неё как детонатор на взрывчатку. Она взорвалась

- Это ещё что такое? – взревела она: «Кто разрешил!? Дрянь такая, а ну положи немедленно!!!», - и ударом ладони выбила злополучную конфету, зажатую в маленькой ручонке. Обиженная Алёнка замерла, прикусив нижнюю губу и глядя на мать широко распахнутыми, полными слез глазами, а Валька в этот раз не стерпел: «Наташ, если кого и надо бить по рукам, то это меня». Он старался говорить как можно спокойнее: «Это я дал ей конфету, по договоренности, что съест её только после ужина. Так ведь, Алёнка?» Та в ответ только кивнула, шмыгнув носом и изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разреветься. Наташка, видимо понимая свою вину, точно так же, по-ребячьи, закусила губу и её глаза наполнились слезами. «Вот только наводнения нам не хватало», - подумал Валька и примиряющим тоном предложил: «Давайте поедим, что ли...»

Ужин прошел в тягостном молчании и после чая, к которому Алёнка получила-таки вождеденную конфету, а в придачу и ещё одну в качестве компенсации морального ущерба, Наташка отвела дочь в спальню. Валька с недопитой кружкой вышел на балкон и закурил. С неба сыпалось что-то непонятное, не то морось, не то мелкий дождь, ложащийся на асфальт и последние листья деревьев блестящей в свете фонарей пленкой, придающей праздничный вид ночной Москве. Даже обшарпанный и потрепанный «Шерька» сверкал в ночи, словно свежеекрашенный, ожидая своего хозяина. «Подожди, я скоро», - мысленно попросил он друга и, загасив окуроч, вернулся на кухню, где его мачеха уже гремела в раковине посудой.

- Наташ, что такая сердитая? – негромко спросил он.

- Ничего, - буркнула она в ответ, продолжая натирать тарелки.

- А отец где? – помолчав немного, спросил он, пытаясь выяснить причину её плохого настроения.

- На халтуре. Подрядился у какого-то фермера картошку с поля убрать. Обещали каждый десятый мешок в качестве оплаты.

Судя по тону её ответа, отец не был виноват в её сердитости и тогда он пошел напрямик: «Наташ, что случилось?»

- Ни-че-го...

- Врёшь ведь, - укорил он её: «Ну, да ладно. Не хочешь, не говори».

Она помолчала пару минут, пока вытирала посуду, а потом, бросив скомканное полотенце на разделочный стол, со вздохом призналась: «В общем, есть тут у нас один козел – прораб участка...»

- Пристает? – догадался Валька.

- Не то слово! – воскликнула она: «Обложил со всех сторон. Мы тут детсад на Луганской под офис передельываем, так он мне предложил в качестве халтуры ещё спортзал в пристройке побелить и покрасить. Ну, вроде как денжат дополнительно заработать. А потом объяснил, что я ему за это много чего должна».

- На Луганской, это в Перово, что ли? – словно вскользь уточнил он.

- Да, возле метро, - на автомате ответила она: «И теперь, как я вечером остаюсь халтурить, так он начинает меня обхаживать. Сегодня специально Алёнку с собой взяла, так этому козлу и ребёнок не помеха».

Судя по злости и брезгливости, с которой она охарактеризовала прораба, обхаживал он её не только словесно.

- А если начальству пожаловаться? – предложил он и сам понял, что сморозил глупость. Кто она такая по сравнению с прорабом? Девчонка с кисточкой, которых в тресте хоть косою коси и в случае конфликта намного проще уволить её, чем грамотного руководителя производства. Да и Наташка на такое предложение лишь горько усмехнулась, понимая всю его наивность.

- Ладно, - тронул он её за плечо: «Придумаем чего-нибудь».

- Она тяжело вздохнула, бросив на него благодарный взгляд.
- А батя когда вернётся? – решил сменить тему Валька: «Давно он уехал?»
 - Неделю уже. Обещал, что через десять дней вернётся. Так что скоро.
 - Здорово! Картошечки поедим.
 - Надеюсь...

Уезжая, он прихватил из коробки конфеты. Так, себя побаловать... Но развернув заманчиво шуршащую обертку и раскусив лакомство, чуть не выплюнул его в мусорный контейнер. Вместо обещанного 100-процентного шоколада на его зубах размазалась голимая соя вперемешку с чем-то напоминающим древесные опилки. Ну, и кому верить после этого?

Отработав смену и проспав целый день, прижавшись к теплому боку Ларисы, он уехал, когда хмурое осеннее солнце ещё только начало склоняться к горизонту.

- Ты куда? – распахнув блестящие со сна глазищи, капризно спросила она, почувствовав отсутствие его тела рядом с собой.

- Клиент попросил пораньше подъехать, - соврал он и, поцеловав в припухшие губы, скомандовал: «Спи». Она послушно уткнулась носом в подушку и засопела, а он вышел, потихоньку щелкнув дверным замком.

В Перово он добрался довольно скоро, даже, несмотря на то, что ухитрился перехватить у «дневных» пассажира до улицы Metallургов. А почему бы и не перехватить, если по пути? Так что к нужному объекту на Луганской подъехал, когда рабочий день только заканчивался и строители, производившие ремонт бывшего детского сада, начали расходиться по домам. Не торопясь перекурил, осматриваясь и, дождаввшись, когда через ворота будет проходить особо людная кампания, проскочил через открытые настежь ворота на огражденную хлипким забором из профильной жести территорию.

Ещё не все работяги покинули стройку, задержавшись, кто по причине распития поллитровки на троих, а кто из желания стырить что-нибудь пригодное в домашнем хозяйстве, но на него никто не обращал внимания. Мало ли народа здесь ходит? Может это какой-то представитель заказчика с контрольным визитом заглянул. Сейчас испачкает где-нибудь в побелке свою дорожную кожаную куртку и будет считать миссию выполненной. Потому что потом можно будет явиться к шефу на доклад с пятном на плече и продемонстрировать этим своё рвение.

Вальку же побелка не интересовала совершенно. Гораздо важнее было выяснить наличие охраны и иных субъектов, чьё присутствие могло помешать его планам. То, что отдельно стоящее здание с ярко освещенными в отличие от основного корпуса окнами, и есть спортзал, он догадался сразу и теперь пытался понять, которая из бытовок служит прорабской, в которой ему и предстояло провести воспитательную беседу с её обитателем. Пробрался на стройку и, поднявшись по засыпанной строительным мусором лестнице, приник к окну.

Строительная площадка медленно тонула в наступающей темноте, по очереди гасли окна вагончиков, из которых уходили люди, и когда мрак поглотивший стройку разрезал свет вспыхнувших прожекторов, освещенными оставались окна всего лишь двух бытовок. Одной в центре и другой в самом последнем ряду. Валька смекнул, что ему нужна именно та, которая в центре и уже собрался направиться туда, как из неё вышел на улицу какой-то человек и не торопясь двинулся в сторону спортзала. Подошел к двери, воровато огляделся и скользнул внутрь. Пока Валька спускался в темноте с третьего этажа, рискуя споткнуться в темноте или вляпаться во что-то строительное, прошло, наверное, минут пять и, выходя из здания, он заметил, что окна крайней бытовки темны, а её обитатели дружной компанией покидают территорию, оглашая окрестности громкими нетрезвыми голосами. Теперь кроме деда в сторожевой будке никто не мог ему помешать.

Подойдя к двери спортзала, он аккуратно нажал на неё, пытаясь открыть. Дверь не шелохнулась. Он нажал посильнее и с тем же результатом. И ещё раз...

- На ключ дверь за собой закрыл, - догадался Валька: «Вот же гад!»

Он оббежал вокруг пристройки и выяснил, что других входов-выходов не существует. Единственная возможность попасть внутрь оставалась, если подпрыгнув, подтянуться и залезть на козырек над дверью, а оттуда попытаться пробраться в помещение через единственное во всем здании неосвещенное окно. Он огляделся в поисках какой-нибудь заваливающей лестницы или хотя бы доски, чтобы забраться на козырек, но в этот момент сквозь толщину стены до него донесся короткий крик Наташки, и это сработало как стартовая пружина.

Разбежавшись, он подпрыгнул, зацепившись за край козырька, мощным рывком закинул на него свое тело. Окно оказалось закрыто, но форточка, на его счастье, нет. Скользя подошвами ботинок по отливу, он дотянулся до неё и, засунув руку как можно глубже, нащупал оконную ручку. Прыгнув в темноту комнаты, он замер и прислушался. Криков больше не было, но откуда-то снизу раздавался голос Наташки что-то гневно отвечавший низкому мужскому баритону. Оглядевшись, он понял, что попал в тренерскую, которую на время ремонта превратили в импровизированный склад, скинув сюда старые мячи, волейбольные сетки и прочий инвентарь, который не успели растащить. Навострив слух, он пробрался через кучи рухляди к двери. Судя по тональности разговора, слов которого он не мог понять, дело шло к кульминации. Мужской голос на чем-то упорно настаивал, а женский активно сопротивлялся.

Дверь тренерской тоже оказалась заперта, но это была двустворчатая дверь и, отщелкнув шпингалеты вверху и внизу, он распахнул обе створки разом, не открывая замка. Голоса сразу стали слышнее, и он смог понять суть диалога, который вели Наташка и её начальник в нише со спортивными матами, прямо под тренерской.

- Дура девка, ну чего ты кочевряжишься? Я ж тебе и наряды подороже закрою, и работенку получше подберу... - бухтел баритонистый прораб, прижав Наташку к стопке матов и для убедительности тиская её плечи.

- Николай Васильевич, ну как вы не поймете? Я замужем, у меня ребенок... - жалобно сопротивлялась она, тщетно пытаясь освободиться из цепких лап.

Валька, бесшумно спустившись по ступням металлической лестницы, оказался прямо в центре событий. Правда за спиной прораба, но зато в зоне видимости Наташки, которая обнаружив его присутствие, усилила сопротивление, но безрезультатно.

- Ну, что ты как целка ломаешься, - усилил напор прораб, попытавшись перенести тактильное воздействие на её грудь, но получил по рукам. Однако продолжил процесс искушения: «От тебя не убудет, а я может быть, даже с начальником участка поговорю, чтобы тебя секретаршей взял...»

- Кхе-кхе... - негромко кашлянул Валька, обозначив своё присутствие. От неожиданности Николай Васильевич даже слегка присел и, обернувшись, обнаружил высокого молодого парня с очень злым взглядом. По спине пополз тревожный холодок, но оглядевшись, он обнаружил, что незванный гость один и это придало ему смелости.

- Ты кто такой? – грозно спросил он, отступив от Наташки: «И откуда ты здесь взялся?»

- Я? Твоя совесть. Нарисовался – хрен сотрешь. Пришел послушать о перспективах карьерного роста на вашей фирме.

- Послушал? Вот и иди нах... отсюда.

- Послушал. И теперь хотел бы обсудить технику безопасности производственного процесса, - припомнил Валька недавно услышанную формулировку, демонстративно хрустнув пальцами, разминая кулаки для драки. Прораб понял, что сейчас его будут бить, но он находился на своей территории и, вытащив из кармана пиджака маленький черный револьвер, направил его в живот парня: «Ты чо не понял? Вали отсюда, я сказал!»

Валька улыбнулся. Курс обучения у Ильдара позволил ему моментально определить, что его животу угрожает «Рех» - самый бесполезный и никчёмный из газовых пистолетов, чья эффективность находится на уровне газового баллончика, а значит, что даже если будет произведен выстрел, достаточно сделать шаг сторону, выходя из зоны распыления. Конечно, в руках прораба могла оказаться и переделка под мелкокалиберный патрон, но рассеиватель, накрученный на дуло стопроцентно утверждал, что это не так. Он даже припомнил, как Ильдар посмеивался, что без этого набалдашника оружие намного опаснее, а народ, по тупости своей, принимая его за глушитель, продолжает таскать с собой лишнее железо. Продолжая улыбаться, он молниеносным движением схватил револьвер, фиксируя курок от возможности выстрела, и резко крутанул руку противника так, что оружие отлетело в сторону.

- Ааааа... Ты мне палец сломал, - сменил баритон на фальцет прораб.

- Я тебе ещё и челюсть сломаю, - зарычал Валька, коротким «хуком» сбивая его с ног.

Пройдя трудовой путь от разнорабочего до прораба, Николай Васильевич не был хлюпиком, но этот парень, сбив его с ног одним ударом, поднял с пола «Рех» и отработанным движением, откинув полу куртки, засунул его за пояс, рядом со своим револьвером раза в два большим по размеру. Вот тут ему действительно стало страшно. Короткая кожаная куртка, принятая в среде бандитов, наводила на определённые выводы и, хотя «боевики» предпочитали спортивные костюмы «Adidas» в комплекте с кроссовками «Puma», а не джинсы и ботинки, но мало ли у кого какие личные пристрастия. К тому же злобный пронзительный взгляд в сочетании с улыбкой и абсолютным спокойствием просто наводила на него ужас. Он попытался встать, чтобы как можно быстрее покинуть это злополучное место, но жестокий удар ботинка в грудь опрокинул его навзничь...

- Валька, хватит! Ты убьёшь его! – истощённый крик Наташки разогнал пелену, застилавшую глаза, и вернул в реальность. Он остановился, тяжело дыша. У ног валялось жалкое подобие того, что когда-то было грозным прорабом. Свернувшись в комок и закрывая руками от ударов голову, существо жалко поскуливало, отплевываясь кровью и несвязно бормоча: «Я больше не будууу...».

Валька глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание. «Черт... я ведь и правда его чуть не убил», - промелькнуло в голове, но жалость к противнику не входила в его планы.

- У тебя здесь ещё много работы? – спросил он у смотрящей на него расширенными от ужаса глазами Наташки.

- Нет, я закончила, - пролепетала она и, кивнув на пытающегося хотя бы сесть прораба, добавила: «Он пришел, чтобы работу принять и рассчитаться».

- Ну, и что? Рассчитался?

- Нет. Не успел...

- Слышь, фраер, - Валька пнул прораба ногой в бедро: «Бабки гони».

- Сейчас, сейчас... - засуетился тот, наконец-то принимая сидячее положение и, вытащив из внутреннего кармана перепачканного пиджака бумажник, отсчитал несколько купюр.

- А премиальные? – ехидно спросил Валька, заметив в лопатнике ещё много чего интересного.

- Да, конечно, - согласился прораб, добавляя ещё несколько банкнот.

- И мне в отстежку, - окончательно обнаглел Валька, оценивший глубину этого кожаного кладезя.

- За что!? – изумлению побитого Николая Васильевича не было предела.

- Ты чо, лошара, не въехал? – изображая максимальную степень свирепости, «псевдобандит» вырвал из рук прораба его кошелек: «Я те што, воспитательный процесс на халяву проводить должен?»

И выщипнул из лопатника несколько купюр.

- А время моё драгоценное шо, денег не стоит?

И ещё несколько банкнот покинули своё уютное пристанище.

- Да и братве на подогрев не грех отстегнуть...

Последние бумажки поменяли владельца, а опустевший портмоне вернулся к своему хозяину, сопровождаемый напутствием: «Не жлобись, фраер. Ещё наворуешь».

- Пошли, Наташ, - ему пришлось, чуть ли не за руку уводить остолбеневшую Наташку, судорожно зажавшую в ладони свой заработок. Прораб молча провожал их злобным взглядом и, чтобы подстраховать её будущее, Валька обернулся и, посмотрев ему прямо в глаза, с улыбкой заметил: «Да, кстати, насчет техники безопасности... Аккуратнее быть надо, когда по скольким лестницам лазаешь. А то ведь можно и с последнего этажа сорваться, а там сломанным пальцем и парой выбитых зубов не отделаешься».

Они незаметно проскользнули мимо увлеченного чтением газеты сторожа и нырнули в успевший остыть салон машины. Валька завел мотор, включил печку, но с места не тронулся. «Покурить надо», - объяснил он: «Нервы успокоить». Она, молча, кивнула. Не объяснять же ей, что его больше всего волновали не собственные нервы, а то какая машина подъедет к стройке – скорая помощь или ментовской «бобик».

Что творилось за жестяным забором он видеть не мог, но движуха пошла очевидно. По крайней мере, сторож резво покинул свой пост и исчез на территории стройки. Перекур затянулся, но он дождался того момента когда в ворота въехала, сверкая мигалками белая машина с красным крестом.

- Поехали. Домой тебя отвезу, - предложил он молчавшей всё это время Наташке и плавно вырулил на проезжую часть.

Они не разговаривали всю дорогу, и лишь когда он остановился у её подъезда, Наташка, наконец-то пришедшая в себя от экстремальности событий, предложила: «Зайдешь? Чаю выпьем...»

- Нет, - ответил он: «Мне бомбить надо. Да и Алёнку тревожить не хочется».

- Алёнку подруга обещала спать уложить... Ну, ладно, тогда в другой раз. Спасибо тебе, Валя.

- Не за что. Обращайтесь...

Она уже собралась открыть дверь, но задержалась и спросила с тревогой: «А если он в милицию обратится?»

- Если обратится, то ему же хуже будет, - успокоил он: «Факт сексуального домогательства можем засвидетельствовать мы оба. К тому же «ствол» с его отпечатками у меня за поясом и мои действия вполне проходят как самооборона. А если бандитов попытается подписать, то они в это дело не впрягутся, поскольку это не по понятиям».

- Умный ты стал, Валька, - мимолетно улыбнулась она.

- Не умный, а мудрый, отшутился он и добавил с легкой горечью: «Жизнь научила».

О том, «по понятиям» или нет, для бандитов разобраться с ними, он не имел ни малейшего представления, но прикинул, что в этом случае можно будет позвонить по телефону, записанному на бумажке с портретом Франклина и попросить о содействии Степана Сергеевича. В том, что отказа не будет, он не сомневался, но вот то, каким образом ему придется расплатиться за услугу, настораживало.

- Ладно. Спать иди. Утро вечера мудреней, а уж меня тем более. Пейджер мой знаешь? Если что, то сразу звони, - попросил он.

- Ага, - согласилась она: «Спокойной ночи, Валя», и, чмокнув его в губы, добавила: «А ты оказывается крутой...»

Он оторопело смотрел вслед её фигурке, стройность которой не мог скрыть даже мешковатый болоньевый плащ. Она поцеловала его так, словно делала это всегда, а не в первый раз.

У Вальки родилась мысль. Может как-то почесался неудачно или просто ветром в открытое окно надуло, но в глубине мозга возникло какое-то шевеление и, попутав

среди извилин, реализовалась уже вполне сформировавшейся идеей – надо жить отдельно. В том смысле, что покинув «коммуналку» в Марьино, снять маленькую уютную квартирку где-нибудь на окраине и жить в ней вместе с Ларисой. Не то чтобы его тяготило присутствие парочки смазливых «соседок», но хотелось бы немного уединенности, чтобы Ларисе не приходилось в самые интересные моменты их личной жизни, сдерживая стоны, кусать одеяло.

Ставший более стабильным благодаря возросшему мастерству и постоянным клиентам доход вполне позволял задуматься над осуществлением этой авантюры, хотя сам факт их отношений не гарантировал радужных перспектив. На все его попытки добиться от Ларисы какой-то определенности относительно себя, она обычно отшучивалась, но давала понять, что их связь и семья в далёкой Самаре это совершенно разные вещи. Поэтому с предложением о выделении в отдельную ячейку общества он к ней не обращался, предпочитая сначала всё обдумать и просчитать самостоятельно. Сперва нужно было найти подходящее уютное гнездышко и прикинуть, во что это будет обходиться. К тому же, неотвратимо надвигалась зима и в легкой кожаной курточке, даже со свитером было уже холодновато, Лариса как-то забыла газету «Из рук в руки» с отмеченным объявлением о продаже шубы «очень недорого», да и «Шерька» пару раз, в утренние заморозки кокетливо покрутив задом, намекнул, что к настоящему гололеду желательно переобуться во что-нибудь более серьезное, чем его летние покрышки.

Но если с одеждой вопрос подвис в воздухе, то с «обувью» для железного друга решил довольно просто. Пейджер запищал и выдал сообщение «ПРИЕЗЖАЙ В КОНЮШНЮ НАВАРНУЮ СНЕЖИНКУ ПРИВЕЗЛИ» Всё понятно, даже, несмотря на отсутствие подписи. «Конюшня» - это автосервис. Вот только не ясно кто такая «снежинка» и как можно варить эту легко тающую субстанцию.

- Приперся? Жди, - гостеприимно поприветствовал его Серый, буквально на секунду вырвавшись из круговорота дел захлестнувших мастеров.

В преддверии гололеда мастерскую временно реорганизовали в шиномонтаж и, отодвинув тормозные колодки, генераторы и прочее на будущее, слесаря дружно взялись за колеса. Никеша и Серый прямо на мокром асфальте при помощи хитро изогнутых ломиков и какой-то матери снимали летние покрышки с дисков и натягивали вместо них зимние, взятые из кузова стоящей в углу «Газели». Кержач подхватывал полуфабрикаты и, накачав сжатым воздухом из стрекочущего компрессора, вешал их на балансировочный станок, после чего готовые изделия отправлялись к висящим на домкратах «восьмерке» и «Москвичу», чьи владельцы ожидали окончания процесса, покуривая на «дежурной» лавочке.

Мастера крутились как заведенные, вкалывая так, что от их мокрых ватников шел пар, и работа стремительно продвигалась вперед.

- Йес! – радостно воскликнул Серый, опуская машину с домкрата.

- Да ладно, - осадил его Никеша: «Всего-то на один колесный болт опередил».

- Ага, а ещё у тебя колпачки на ниппелях не накручены, - продолжал злорадствовать лохматый: «И к тому же у меня по пять болтов на колесо, а у тебя четыре. Так что седьмого ты дежуришь. Бе-бе-бе...»

Как понял Валька, таким образом составлялся график дежурств на праздничные дни.

Когда площадка опустела Серый, помахав рукой вслед уезжающей «восьмерке», соблаговолил уделить частицу своего внимания клиенту. «Ну что? Переобуваться будешь?» - спросил он, слизывая кровь с царапины на грязном пальце.

- Хотелось бы, - согласился Валька: «Но только я не понял...» Он достал пейджер и показал текст послания мастеру.

- А чего непонятного? Резина зимняя, наварная. Цена – обхохочешься.

- Наварная, это что значит? Сваренная что ли?

- Ээээ, Валька, ты «варенку» с «наваркой» не путай. Наварная, это когда старую истертую покрышку покрывают слоем новой резины. Ну, и бабла с этого наваривают, разумеется.

- А новый слой от старого не отвалится? – засомневался дотошный клиент.

- Бывает, что и отвалится, - усмехнулся Серый: «Но не всегда». И тут же успокоил: «Да ты не дрейфь. Резина подольская, там мастера известные».

- Подольская?

- Ага. Братва на реализацию подогнала.

- Так вы же с ними...

- Ну и что? Были недоразумения. Теперь устаканилось. Война, знаешь ли, войной, а обед по расписанию. Так берешь «снежинку» или как?

- Беру. А почему «снежинка»?

- Название такое у колеса, - отмахнулся Серый от его излишнего любопытства.

- Не у колеса, а у протектора, - вставил шпильку подошедший к ним, злющий от проигрыша, Никеша: «Рисунок такой. Разработан в НИИ ШП. На льду так себе, зато по снегу как на танке».

- А чтобы и по льду? – не унимался Валька.

- А чтобы и по льду - нужны шипы, - ответил Никеша.

- Только это штука дорогая и в нашей стране редкая. Так что довольствуйся тем, что есть, - добавил Серый.

- Понятно, - Валька слегка замялся, но спросил: «А можно я сам... это... с колесами? Ну, под чутким и мудрым руководством, разумеется».

Слесаря переглянулись и Серый сочувственно спросил: «Что? Финансы поют романсы?»

- Нет. Просто я подумал, что если вдруг колесо пробью, а до шиномонтажа сто верст в объезд, то смогу и сам, - объяснил он свою просьбу.

- А вот это я уважаю, - хлопнул его по плечу Никеша: «Иди, спецуху надень. Покажу чо и как».

Примерно через два часа «Шерька» выехал из голубых ворот уже на новой резине. Валька аккуратно придерживал руль разбитыми пальцами, гудели ноги, тянуло поясницу и спину, но он был доволен. Как же! Целых четыре колеса он смог разобрать и собрать сам. При этом ни разу не сдохнув.

Езда на зимних колесах по ровному асфальту показалась ему более жесткой. Словно на табуретке по кочкам. Слава Богу, ровных дорог в Москве практически не наблюдалось и в лучшем случае вместо ям чернели кляксы локального ремонта, поэтому большой разницы он не почувствовал. Оставалось дожидаться того момента, когда выпадет первый снег. И он наступил. День Жестянщика.

С утра сыпал дождь со снегом, а к вечеру температура, резко рухнув ниже нуля, превратила дороги в сплошной каток, поставив город в одну большую пробку. Выспавшийся за день Валька, вооружившись чашкой кофе и сигаретой, наблюдал из окна кухни за складывающейся на улице ситуацией. Видимо где-то совсем недалеко, но вне его видимости, произошла экстремальная встреча двух транспортных средств, в просторечии именуемая аварией, и теперь водители, в попытках объехать наглухо закупоренный проезд, ломались через дворы прилегающих к дороге домов. Матерясь сигналами клаксонов, они пробирались по узкой полосе асфальта вдоль домов, а иногда даже по пешеходным дорожкам, мешая друг другу в надежде вырваться на желанную свободу. Просто столпотворение, но ехать было надо.

Поеживаясь от холода в своей легкой кожанке, он залез в салон и, запустив двигатель, стал ждать, пока тот прогреется, попутно надеясь, что это произойдет к тому времени, как рассосется и автомобильная толчея во дворе. Не рассосалось. Стрелка датчика температуры уже уверенно стояла в белом секторе, а машины всё продолжали ползти мимо него, едва не цепляя зеркала. Наконец, он обнаружил разрыв в цепи

«ползунов» и успел втиснуться в него под возмущенное бибиканье какого-то «Фольксвагена». Проехав вместе со всеми до конца дома, он понял, что когда колонна выберется на проезжую часть, он будет вынужден двигаться совсем не туда куда нужно, а в прямо противоположном направлении и ему желательно перескочить в соседний двор, где был нужный ему выезд. Перебравшись через высокий бордюр, он тихой сапой начал пробираться по пешеходной дорожке, стараясь не пугать идущих по ней людей. Путь уже был почти закончен, как навстречу ему выполз такой же ищущий выхода бедолага, но только на 41-м «Москвиче». «АЗЛЫК», в отличие от него, пер нагло как танк, звуковым сигналом и морганием фар требуя у прохожих освободить проезд. Пешеходы шарахались в стороны, продолжая свой путь по замороженным газонам, но «Шерька» на газон шарахнуться не мог по причине наличия лавочки и кустов справа от него. Да и не престижно детищу ВАЗа уступать дорогу какому-то выродку с АЗЛК.

В результате оба остановились, почти упираясь друг в друга передними бамперами. Поморгали фарами и, не найдя взаимопонимания, Валька махнул водителю «АЗЛЫКа» рукой – «отвали и дай проехать». Ответ был чёткий и недвусмысленный – левая рука, согнутая в локте и поднятая вверх, а для особо непонятливых, ещё и оттопыренный средний палец. Валька демонстративно пожал плечами и кинул в рот сигарету, намекая, что времени у него вагон и маленькая тележка, а потому он готов торчать здесь хоть до утра. Видимо, в отличие от него, «АЗЛЫКовод» явно спешил и продемонстрировал убедительный довод в виде кулака, но на «изВАЗчика» это не подействовало, что подтвердил поднятый средний палец. Оба упертых барана ещё минут пять тарасились друг на друга, пока водитель «Москвича» не достал последний аргумент.

То, что это «Valter PP» было ясно и без очков. Непонятно было только, газовая это модель или дробовой. Но и по тем и по другим параметрам его «Айсберг» превосходил пистолет оппонента, что тот, по-видимому, понял сразу, как только Валька достал свою «волыну» и небрежно почесал стволом переносицу. Тотчас включил заднюю и съехал в сторону, освободив проезд. Нет, не испугался. Ничуть. Просто сравнил характеристики и, признав весомость доводов, освободил дорогу более авторитетному товарищу.

- Правильно, - подумал Валька, выезжая на проезжую часть: «Прав не тот, кто прав, а у кого ствол толще».

Езда по обледенелым улицам мало того, что не доставляла удовольствия, но и не сулила особого дохода. То тут, то там, печально подмигивая аварийной сигнализацией, стояли те, кому не повезло, а остальные, проезжая мимо, машинально сбрасывали скорость, стараясь быть предельно осторожными. В итоге транспорт еле полз и Валька решил скоротать время до того момента пока дороги не освободятся заглянув на Таганку.

Объехав застывшую в глухой пробке площадь через Язу, он втиснулся к бордюру у подъезда, едва не зацепив крылом «скорую помощь», и посмотрел на ярко освещенные окна. Странно, с чего бы такая иллюминация? Наташка предпочитала неярко свет бра и плафонов, отец вообще обходился настольной лампой, так с чего бы такая роскошь?

Поднявшись на этаж, он уже хотел нажать кнопку звонка, но дверь сама открылась ему навстречу, выпуская врача и фельдшера в униформе «скорой».

- ...питья ему побольше теплого. С лимоном. Бульончика куриного покрепче. Но главное это покой и питание. Организм очень сильно ослаблен и не справляется с болезнью, - услышал он окончание разговора Наташки и старшего из медиков. Они кивнули ему, а он, пропустив бригаду скорой помощи, вошел в квартиру: «Привет».

- Привет, - устало улыбнулась Наташка, закрывая за ним дверь.

- Что с отцом?

- Воспаление легких, - вздохнула она: «Простудился на своей картошке, будь она неладна», и со злостью пнула ногой одну из двух стоящих в прихожей дерюжных сумок.

- А сам-то как? – поинтересовался Валька.
- Паршиво. Лежит. Температура зашкаливает...
- Не дождётесь, - донесся хриплый голос отца, подслушавшего разговор жены и сына.
- Аааа, вот ты где, - максимально бодро обрадовался Валька, заглянув в комнату и обнаружив его на диване укутанным в шерстяное одеяло с грелкой в ногах: «Хорош. Просто красавец. Глаза красные, морда зеленая. Хоть картину пиши! Правда, Наташ?»
- Дурак ты, Валя, и не лечишься, - не поняла его юмора мачеха, но отец оценил.
- Это у меня наследственное, так что и ты к старости таким же будешь, - он попытался улыбнуться, но обессилено рухнул на подушку.
- Ничо, мы тебя вылечим, - успокоил его сын: «Наташ, что там доктор говорил? Лимон, курица... Есть в наличии?»
- Нет, - печально покачала головой она.
- Значит, пойдём и купим. Может ещё чего надо?
- Молока бы ещё с медом...
- Щас сделаем, - пообещал Валька и выскочил из квартиры.

Примерно через полчаса на кухне уже булькали в кастрюльке «ножки Буша», наполняя квартиру ароматом вареной курятины, и Наташка не отходила от плиты, следя, чтобы не убежало молоко.

- Ну и за каким лешим, сударь, занесло вас на эти галеры? – Валька присел на край дивана, собираясь развлечь отца, пока готовится бульон.

- Стремление к стабильности и жажда уверенности в завтрашнем дне, - обосновал тот свою поездку на уборочную.

- Да что там той картошки? Пара сумок? На месяц от силы... - Валька припомнил дерюжную тару, испытавшую на себе силу Наташкиного тапка.

- Не скажи, - отец вытер со лба обильный пот: «Мне пять мешков положено. До весны точно хватит. Жаль уехал раньше времени и как теперь её вывозить – ума не приложу».

- Могу и я вывезти. Скажешь, как проехать, я и метнусь.

- Это по Минскому шоссе, за Тучково. Недалеко.

- Нет проблем...

- Ужин подан, - вмешалась в разговор повеселевшая Наташка, входя в комнату с дымящейся паром кружкой.

После бульона, отец расслабился и уснул, а они перебрались на кухню, где в углу, сознавая серьезность ситуации, тихой мышкой сидела Аленка, создавая новые модели платьев для кукол и стараясь не мешать взрослым.

- Спасибо, - отодвигая тарелку, поблагодарил Валька: «Вкусные были пельмешки».

- Какие принес, такие и были, - фыркнула Наташка.

- М-да... - почему-то смутился он, совершенно забыв, что кроме продуктов для больного, он ещё прихватил и ещё что-нибудь для здоровых: «Что врачи обещают?»

- Двухстороннее воспаление легких. Антибиотики нужны. Укол они ему сделали и одну ампулу оставили, а больше у них нет.

- Хорошо. Рецепт давай. Завтра куплю, - предложил он, но Наташка его оптимизма не разделила.

- Легко сказать – куплю. В дефиците теперь антибиотики. У нас на стройке одной женщине для сына нужно было, так даже у перекупщиков втроедорога едва нашлось, - она печально покачала головой.

- Ничего. Достанем, - успокоил он и сменил тему: «А на работе как?»

- На работе всё нормально, - невзирая на серьезность ситуации, она широко улыбнулась: «Василич в больнице и, хотя официальная версия такая, что он с лестницы упал, народ прекрасно понимает, что случилось и почему. Мужики косятся и стороной обходят, а девки полезли было с расспросами, но я прикинулась, что здесь не при чем и с работы ушла намного раньше, чем всё случилось. Потом ещё начальник участка

вызывал на беседу. Так и не поняла, чего хотел. Полчаса про образование выспрашивал и бывшее место работы».

- Значит пока всё тихо и на тебя не наезжают.

- Наедешь тут, - рассмеялась Наташка: «У прораба сотрясение мозга, трещина в челюсти, два сломанных ребра, да ещё и палец едва не оторван. Народ же понимает, что так просто по пьяному делу не отметелят. Некоторые вообще предположили, что это рэкет. Вроде как «крыша» меняется.

- Кстати, а кто вас «крышует»? - поинтересовался он.

- «Домодедовские» вроде бы...

Тут уже рассмеялся Валька: «Ну, тогда вообще всё тип-топ».

- Есть у меня среди них один хороший знакомый, - подмигнул он Наташке, припомнив Степана Сергеевича: «Так что на днях привезу батькину картошку от фермера и наступит полный коммунизм в одной отдельно взятой квартире».

- Фермера не покалечь, когда картошку забирать будешь, - засмеялась она.

Прошла ночь-другая и Валька начал понимать, чего ожидать от железного друга, в случае если он слишком круто повернет руль или резко нажмет на педаль газа. Особенно сложно оказалось с тормозами. Вроде бы и нажмешь посильнее, а машина продолжает скользить вперед, не сбавляя скорости. Хорошо хоть на ночных дорогах свободно, а то как-то раз летел с выпученными глазами метров тридцать, пока не догадался врезаться колесами в гряду наметённого снега. Обошлось без последствий, но Валька решил на всякий случай проконсультироваться у более опытных людей. Например, у бывшего водителя-испытателя Никеша.

- С формулами объяснять не буду, но на пальцах это выглядит так, что резко заторможенное колесо теряет сцепление с дорогой и превращается в лыжу, - колчерикий отхлебнул чифиря и спросил: «А что нужно делать в этом случае?»

- Ну, наверное, каким-то образом вернуть это сцепление, - предположил Валька.

- Правильно. А как это сделать?

- ?

- Ты не поверишь, но нужно прекратить торможение. Колесо, возобновив вращение, вновь получит сцепление с грунтом, а попутно и ещё один шанс затормозить.

- Так значит... - после некоторого раздумья предположил ученик: «Если со второго раза не получилось, надо пробовать третий и четвертый?»

- Млин, ты в кого такой умный, Валушок? - удивился Никеша: «С ходу врубился. Я Серому эту феньку три дня объяснял, пока он въехал, а ты прям с первой попытки».

- Всё равно я не понял, как это поможет, - признался Валька: «Пока затормозишь, да потом тормоз бросишь, уже в столбе куковать будешь».

- Объясняю для особо талантливых - резкими короткими ударами по педали тормоза, не доводя колесо до блокировки. Ага?

- Ага... Только тормозить так непривычно очень.

- Привыкай. Тут главное сломать психологический барьер и отпустить педаль, когда всё твоё существо вопит о желании на неё нажать. В идеале это, если привыкнешь, всегда тормозить таким способом. Зимой и летом. Но тебе придется осваивать прямо на ходу. Кстати, анти-блокировочная система именно так и работает.

- Значит, буду разрабатывать у себя АБС в правой коленке, - пошутил Валька.

- Дерзай. И вообще, заезжай иногда. Я тебе и «регулируемый занос» покажу и «полицейский разворот». Пригодится...

А пригодилось очень скоро. Какой-то «орел» на «Мерседесе» резко затормозил на светофоре и «Шерька» целенаправленно полетел в его задний бампер. «Мерседесу» хорошо, у него АБС в штатной комплектации стоит, а Валька, сознавая, что этот кусок пластмассы стоит не меньше, чем его машина целиком, покрывшись холодным потом, со всей дури вдавил на тормоз. Эффект от этого был чисто декоративный, но он успел

собравшись включить «АБС в правой ноге» и отметил, что с каждым толчком, сопровождавшим очередное нажатие на педаль, скорость машины падает.

В итоге его машина остановилась окончательно, уткнувшись в бампер «мерсюка». Так, по крайней мере, всё это выглядело с водительского места, но когда он одновременно с водителем иномарки выскочил посмотреть на результат, то облегченно вздохнул.

- Твою мать! Только машину купил! – разорвался подскочивший сбоку водителя.

- Расслабься, дядя, - осадил его Валька: «Не помял я твою машинку», и показал, что действительно иномарка не пострадала. Только на снежной корке, покрывавшей бампер, остался четкий след от его номерного знака, так что его можно было даже прочитать.

- Хм... - мгновенно остыл водитель, стряхивая снег с бампера и созерцая девственно целую поверхность пластика: «Однако повезло тебе».

- Мастерство не пропьешь, - отшутился Валька, приходя в себя.

- Ладно, мастер. Претензий нет. Держи визитку, позвонишь, если что. Мне на фирме хорошие водители нужны.

- Ага, - согласился Валька, а про себя подумал: «На фиг нужно. Я сам себе фирма».

С лекарством для отца, как и предполагала Наташка, всё оказалось довольно сложно. Во всех аптеках, которые попадались Вальке, антибиотиков не было от слова совсем. Провизоры смотрели на рецепт и разводили руками, не в силах помочь, даже после душещипательных рассказов о тяжелом состоянии больного. В редких коммерческих аптеках лекарства были, но импортные, и по заоблачным ценам. Не смогла помочь даже Лариса, в способности которой, после того как она разыскала Серого в застенках геста... пардон, милиции, он верил безоговорочно.

- Антибиотики? Не знаю... Ампицилин, бицелин ещё можно достать, но они же от венерических заболеваний, а тебе хотя бы пенициллин нужен, - сокрушенно развела она руками: «С врачом могу помочь. У нас две девчонки с мединститутом за плечами, а вот с лекарством вряд ли».

В итоге, озверев от безрезультатности поисков, он решил пойти ва-банк. Заглянул, на ночь глядя, в какую-то аптеку, где толстый провизор в мятом халате, клевал носом за витринами заполненными вазелином, горчичниками и пачками с аспирином. Не торопясь прошелся, рассматривая немудрёный товар, и остановившись у окошка, негромко кашлянул, привлекая внимание.

- Чем могу помочь? – фармацевт зевнул, выбравшись из своего уютного угла.

- Мне лекарство нужно, - Валька выложил на стойку уже изрядно помятую бумажку.

- Нету, - буркнул толстяк, мельком глянув на рецепт.

- Мне очень надо, - настоятельно попросил Валька, выкладывая рядом с рецептом 100-долларовую купюру, но при этом, поворачиваясь так, чтобы рукоять револьвера как бы случайно показалась из-под полы куртки.

Провизор взглядом скользнул по лежащим перед ним бумажкам и поднял на него глаза: «Нету».

Под вздох, скорее напомиравшим сдержанное рычание, на стойку легла ещё одна купюра, и рука Вальки скользнула под куртку.

Примерно минуту они пристально смотрели в глаза друг другу, а затем толстяк отвернулся и, порывшись в каком-то шкафике, выложил на стойку упаковку.

- Держи, - усмехнулся уголками губ, смахивая со стойки доллары.

- Спасибо, - Валька засунул вожделенную коробочку за пазуху и направился к дверям, внутренне ликующая от своей удачи.

- Эй, парень, - остановил его уже на выходе голос фармацевта и он замер.

- Только не думай, что напугал меня, - толстяк распахнул халат и продемонстрировал торчащую из подмышки плечевую кобур с пистолетом: «Я три года в Афгане госпиталем командовал».

- А я и не думал, - усмехнулся Валька. Рукоять пистолета была явно от «ТТ» или чего-то такой же степени серьёзности, несравнимой с его револьвером.

- Просто вижу, что тебе лекарства действительно нужны... - добавил провизор и направился на своё насиженное место опять клевать носом.

Накручивая баранку он не переставал мысленно удивляться, во что успела превратиться страна за недолгие годы так называемой демократии. Пускай во времена пресловутого «застоя» были очереди за колбасой, но зато не приходилось добывать жизненно важные лекарства при помощи демонстрации оружия. Немудрено, что в таких условиях население активно криминализировалось и наличие оружия, пусть и плохонького, но внушающего своему владельцу хоть какую-то уверенность в себе, стало просто необходимостью. «Скоро и мелюзга в детсаду будет с пистолетами бегать», - прикинул он, прекрасно понимая, что школьники, по крайней мере, самые шустрые, уже обзавелись «стволами».

За окном мелькали мрачные черно-белые улицы засыпанного снегом города. Он всегда любил этот фрагмент календаря, когда природа меняет серую сырость осени на белые праздничные одежды зимы, но сейчас ему казалось, что осеннее уныние проглядывает даже из-под снега, который не в силах скрыть зловонные язвы города.

Справа, на тротуаре энергично замахала рукой женская фигурка и он инстинктивно затормозил.

- Шеф, на Академическую поедем? - спросила девушка. Слегка выпившая, но вполне вменяемая.

- Большая Академическая или станция метро? - уточнил он.

- Метро.

- Тогда поедем.

Вообще-то он ехал целенаправленно на Таганку, в полной уверенности, что привезенному им лекарству будут рады даже, несмотря на поздний час, но станция метро «Академическая» лежала у него на пути и просто грех было бы не заработать немного денег на таком удачном стечении обстоятельств.

- Садитесь, - предложил он.

- Сейчас, - ответила она: «Только подружку позову» и, обернувшись куда-то в сторону, замахала рукой: «Ленка! Иди сюда, я такси поймала!»

Валька недовольно поморщился, когда подошла такая же слегка поддатая Ленка, а с ней тощий длинный парень лет двадцати. Не любил он такую публику, одни проблемы от них. Вот и в этот раз, едва подойдя к машине, долговязый раскапризничался: «А чо, получше машины не нашлось? Тебе, Танька, вечно всякий металлом достается». Судя по резким, порывистым движениям и некоторой заторможенности речи, он явно был под воздействием какой-то дури, но отказываться от поездки было уже поздно. Подписался, так вези.

- Уточните куда вам на «Академической», - попросил он Таньку, расположившуюся на пассажирском сидении.

- Перекресток Шверника и Новочермушкинской.

- Это где кабак?

- Ага. Он-то нам и нужен.

- Трёшку будет стоить, - озвучил он не самую маленькую цену, втайне надеясь, что клиенты начнут возмущаться, и покинут машину, но парень, уже вовсю тискавший на заднем сидении свою подругу, практически не отрываясь от дела, сунул ему деньги и вернулся к своему увлекательному занятию.

Валька гнал «Шерьку», стараясь как можно быстрее избавиться от неприятных пассажиров, из которых только Танька сидела тихо, что-то слушая в плеере, но зато те, кто сзади отрывались в полный рост. Под истерические взвизгивания Ленки, парень всё старался поудобнее пристроить свои длинные ходули, безжалостно пиная Вальку в спинку сидения.

- А полегче можно? - попросил он.

- Ты рули давай, - ответил парень, явно не собираясь прекращать свою деятельность. Валька стерпел такую борзость, тем более, что до конца маршрута оставалось совсем немного. Но расслабляться было рано.

Он уже остановился возле кабака, как долговязому пришла в голову свежая идея: «А давайте за Максом заедем?»

- Давайте! – дружным хором поддержали его девчонки.

- Это куда? – поинтересовался Валька.

- На Славянский бульвар, - Танька явно была у них за штурмана.

- Не получится, - мягко сказал он: «Меня люди ждут. Куда договорились, я вас довез, а дальше уже сами».

- Ты чо, не понял, козел? – взвился долговязый, и лезвие ножа блеснуло в пяти сантиметрах от Валькиного лица.

- Тихо, тихо, - попытался успокоить его Валька и, миролюбиво выставив ладонь, отодвинулся подальше от буйного пассажира: «Не надо нервничать». Правая рука тем временем скользнула за полу куртки и как только увесистая рукоять револьвера легла в его ладонь, левой рукой он обхватил запястье парня и крутанул, выбив нож.

- А теперь, пшел отсюда, щенок! – ствол «Айсберга», которым он ткнул долговязого в нос, в сочетании с бешеными глазами самого Вальки оказали достаточное воздействие для стимуляции двигательного рефлекса. Парень зажал рукой разбитый хрюкальник и ринулся в открытую дверь, сопровождаемый душевным напутствием: «Быстрее, падла, пока не пришлось от твоей крови салон чистить!»

Девчонки замерли, широко раскрыв глаза от изумления, но и до них дошел черёд. «А вам, шалавы, что? Особое приглашение требуется?» - рявкнул Валька со всей куртуазностью истинного джентльмена, приглашающего дам пройти на выход: «Ну-ка вон отсюда, курвы!»

Он рванул с места с пробуксовкой, обрызгав снеговой грязью бывших пассажиров, и стремительно набирая скорость, ушел в ночную темноту. Ни злобы, ни жалости к этому молодому наркоману он не чувствовал, и уж точно не испытывал перед ним страха. Только кипящий в жилах адреналин и ещё лёгкая эйфория от понимания того, что не только этот город, но и вся жизнь принадлежат ему. И пусть только кто-то попробует встать на его пути.

На Таганке, как он и предполагал, ещё не спали. Отец в полубессознательном состоянии, метался в бреду, практически не узнавая окружающих, а Наташка только и могла, что менять ему компрессы, да тяжело вздыхать.

- Держи, - протянул он ей упаковку с ампулами: «Если мало будет, ещё достану».

- Ой, Валька... - только и смогла выдохнуть она, скользнув губами по его небритой щеке. Схватила коробку и упорхнула к больному, даже не поблагодарив. Он только вздохнул. Ясное дело, что не до церемоний сейчас.

- Я завтра заеду, - пообещал он, открывая входную дверь.

- Ага... - донеслось из комнаты.

- Ты на пейджер маякни, если что.

- Хорошо, хорошо... - ей сейчас было явно не до него. Даже обидно немного...

Остаток ночи прошел без приключений, если не считать что его грубо подрезал такой же как он сам «ночной волчара» на «Волге». Явно из бывших таксистов, выкупивший свою рабочую лошадку по остаточной стоимости после того, как родной таксопарк накрылся медным тазом. Грамотно подрезал. Так, что даже если бы Валька не успел затормозить, выскочив колесом на бордюр, и врезался в подставленное заднее крыло, то сам бы на «бабки» и попал, как виновник ДТП. Одно слово – ас.

Но это происшествие его не сильно расстроило. Обычная ерунда. Учитывая, что на ночных дорогах большинство водителей выбирало агрессивный стиль вождения, такие эксцессы были гарантированы как минимум пару раз в неделю. Обошлось без последствий – и уже хорошо. Так что к утру, он про это даже забыл. Приехал на хату совершенно спокойным, и даже благодушно улыбающимся, в преддверии полноценного отдыха с теплой Ларисой под боком.

Открыв дверь своим ключом, он вошел и ...насторожился. Каким-то образом он почувствовал напряженность атмосферы и внутренне подобрался. «Соседки», коротко кивнув ему в качестве приветствия, словно мышки прошмыгнули из кухни в свою комнату, а Лариса не вышла, как обычно встречать. К тому же в квартире отчетливо ощущался запах табака, хотя по договоренности последнее время курить они выходили на лестницу. Он заглянул на запах, на кухню. За столом в вольных позах сидели два мордоворота из охраны и дымили сигаретами, попивая кофеёк. Так же молча, как и девчонки, кивнули ему и отвернулись, демонстрируя отсутствие интереса к его персоне.

- Привет, красавчик, - раздалось сзади и, обернувшись, он уперся взглядом в могучий бюст Ксюхи, периодически подменявшей на работе его подругу. «Странно, а ей чего здесь надо?» - подумал он, но вслух сказал: «Привет. А Лариса где?»

- Уехала, - последовал неожиданный ответ.

- Куда? – опешил он.

- Домой уехала. Сегодня в 3-40.

- Странно. Мне она ничего не сказала...

- Ей срочно нужно.

В коридоре повисла гнетущая тишина. Валька старательно шевелил мозговыми извилинами, не понимая абсолютно ничего. Ещё вечером она прощалась с ним как обычно и ни о чем таком не говорила. В конце концов, у неё есть номер его пейджера! Могла бы и сама сообщить.

- Ну, и что теперь? – прервал он затянувшееся молчание.

- Я теперь вместо неё, - сообщила Ксюха и добавила, слегка замямвшись: «И жить буду здесь».

- Аааа... понятно, - наконец-то до Вальки дошло её присутствие здесь в комплекте с двумя бугаями, что курили на кухне: «Выгонять меня будете?»

- Ну, зачем же так грубо...

- Зато честно. Вещички-то забрать можно? Или так идти? – разозлился он.

- Конечно, забирай, - разрешила она, отводя глаза и явно испытывая неловкость от того, что приходится выпроваживать человека из дома на улицу.

- Вот спасибо, - он склонился в поклоне: «Добрая ты...»

В принципе, вещей-то у него почти не было. Трусы, носки да бритва. Ещё и летняя белая ветровка в шкафу. Впрочем, ветровки в шкафу не оказалось. Вдохнув, он выдвинул ящик и обнаружил остальное имущество в целости и сохранности: трусы – 1 шт., носки – 1 пара. Тут же лежали две вскрытые упаковки презервативов. Её любимые, с пупырышками. Ясен пень, их мужу в подарок не привезешь, вот и оставила. А ему может и пригодится.

Сисястая Ксюха только фыркнула, наблюдая от дверей, как он пакует свои вещи. Хватило одного кармана. Но это было ещё не всё. На полке, где неумолимо покрывались пылью несколько книг, притулились и его «Правила дорожного движения», а так же забытый каким-то клиентом томик Гумилева, в котором он хранил свою записку. Записки не было.

- Здесь «бабки» лежали, - продемонстрировал он новой «мамке» раскрытую книжку: «Полторы штуки баксов».

- Я не знаю. Мы в комнату даже не заходили, - отмазалась Ксюха и, похоже, не соврала.

- Ладно, спишем на усушку, утечку, утруску и прочий естественный убыток, - сквозь зубы процедил он, направляясь на выход: «Будь здорова и не кашляй». Но девица преградила ему дорогу, уперевшись обтянутым лосинами коленом в дверной косяк: «Не спеши. Можешь и остаться. Лариса тебя нахваливала, а я не хуже неё...». Карий глаз лукаво блеснул из под крашеной соломенной челки, но Валька абсолютно не был настроен на любовные игрища.

- Ты чо, бикса, в натуре рамсы попутала! – совсем не куртуазно заорал он на столь деликатное предложение нимфоманки, инстинктивно переходя с русского литературного на более емкий и выразительный блатной жаргон. Словарного запаса у него хватило бы составить более продолжительную речь, убедительно объяснявшую даме причины отказа, но в прихожей образовались две массивные фигуры мордovorотов, явно готовых погасить нештатную ситуацию в зародыше. Например, настучав Вальке по стриженной башке. Пришлось срочно ретироваться, тем более что гладкое колено в дверном проеме уже не загоразживало ему путь.

Салон машины ещё не успел остыть, но плюхнувшись на сиденье, Валька почувствовал, что его трясет словно в лихорадке. Уткнувшись лбом в рулевое колесо, он даже застонал от боли, которое доставило ему это предательство. С неба падали крупные хлопья снега и таяли на лобовом стекле, скатываясь вниз крупными каплями, оставляя за собой мокрые дорожки. Словно верный «Шерька» плакал горячими слезами, сочувствуя своему хозяину.

- Ничего, парень, мы и это переживем, - успокоил он друга, одновременно успокаиваясь и сам. Вроде получилось. Кинув в рот сигарету, он вставил ключ в замок зажигания: «Поехали, браток».

Глава V

Эх ты, жизнь моя – тельняшка...

Валька медленно тащился по городу, старательно гася в себе периодически возникающие вспышки ярости. Впрочем, если бы и захотел ехать быстрее, то всё равно не получилось бы. Снег, перешедший в дождь, превратил проезжую часть в каток, на котором даже завзятые лихачи не рисковали давить на педаль газа сверх нормы. Куда он ехал? Толком ответить не мог и сам. Просто надо было что-то делать, чтобы не так сильно давили на мозг проклятые мысли. А ещё нужно было найти место, где можно, по уже проверенному рецепту Никеша, хорошенько «жахнуть» и выпасться.

- Стоп! А кто рецепт предложил? Никеша. Значит, к нему и едем. Тем более, что топчан в бытовке наверняка пустует, - сформировавшаяся в голове идея срочно потребовала воплощения в жизнь и первой остановкой на маршруте возвращения к жизни был коммерческий магазин, предлагавший своим покупателям солидный ассортимент алкогольной продукции по сходной цене.

Голубые ворота подпольного автосервиса, как ни странно, оказались закрыты, и открывать пришлось самому. Охрана, в виде косматого Антона с напарником, сопротивления не оказали, а даже наоборот радостно поприветствовали его энергичным вилянием хвостов, видимо памятуя о тех двух кило ливера, которыми он проставился перед четвероногой братвой после налёта ОМОНа. А вот двуногих обитателей этого заповедника видно не было. Хотя стоящие у забора пара «Жигулей» и «Волга» красноречиво говорили о том, что их владельцы здесь. Валька пристроил своего «Шерри Боя» к общей коновязи рядом с «Блек Джеком» Серого и направился в бытовку, справедливо полагая, что если ремонтных машин нет, то и слесаря бьют баклуши не в боксах.

- Здорово, волки, - строго по этикету поприветствовал он присутствующих.

- Привет. Здорово... - уныло и совсем не по уставу ответили Кержач с Никешей и только Серый проявил традиционное гостеприимство; «Чо приперся-то?»

- Лечиться хочу, - признался он, широким жестом вытаскивая из-за пазухи литровую «Метаксу».

- А что случилось? - поинтересовался лохматый и Валька вкратце, без лишних слёз и стенаний повестил о том, что одномоментно остался без жилья, любимой женщины и денег, с которыми эта самая женщина свалила не попрощавшись.

Конечно же, особого сочувствия он не ожидал, но гомерическое ржание Серого – это было уже слишком. Видимо так же решил и Никеша, сперва швырнувший в товарища подвернувшимися под руку рабочими рукавицами, а затем с боевым воплем: «Урою падлу!» бросившийся вслед за увернувшимся от летящего в него снаряда и выскочившим наружу Серым.

- Чего это он? – спросил Валька тихо давящегося смехом Кержача.

- А ничо... - с трудом успокаиваясь, ответил тот: «Просто ты очень вовремя приехал. Никеша вчера бабу приволок, а она его подпоила и сейф нам обнесла».

Валька присвистнул.

- А много украла-то? – нескромно поинтересовался он.

- Да почитай недельную выручку и нашу отстежку тресту всю слизнула. Зато посмотри что оставила.

Валька заглянул внутрь открытого сейфа и достал оттуда ...лифчик. Нормальный такой розовый бюстгальтер размера ну никак не меньше, чем «пятый».

- Не хило так Никеша прибарахлился, - задумчиво произнес он, рассматривая изъятый предмет: «На пару панамок точно хватит».

Теперь уже ржали оба.

полтора часа уговорили всю ту грудку пустой тары, что сейчас валяется под столом? Не может быть!

- Может! – смеясь, ответил на его последние слова, произнесённые вслух, Серый: «Вы с Никешей сутки керогазили, алкаши хреновы».

- Везет же некоторым, - с легкой завистью заметил Кержач.

- Так что отрывай свою задницу от баночки и пошли трудотерапией заниматься, - с энтузиазмом приказал Серый: «А то приедут клиенты, а у нас в апартаментах не прибрано».

Вальке выделили снеговую лопату с блестящим широким скребком и отполированной долгим употреблением до мебельного блеска рукоятью. Правда поначалу лопата руководила им, помогая не упасть в процессе передвижения за сгребаемой кучей снега, но потом дело пошло. Уже где-то минут через пятнадцать головная боль сместилась в затылок, а после и вовсе исчезла. Постепенно пропала скованность и с каждой новой порцией снега, перемещенного к забору, в руки и ноги возвращалась сила.

- Ну как? – спросил его Серый, когда они, расчистив половину площадки, остановились на перекур.

- Жрать охота, - честно признался Валька, утирая обильный пот, заливающий глаза.

- Это хорошо, - констатировал Серый: «Значит, жить будешь».

- Ага. Если от голода не помру.

- Потерпи с полчаса. Щас Кержач в сельпо слетает и перекусим.

Лапшу «Доширак», именуемую на местном жаргоне «бомж-паек», Валька сметелил как питон кролика – в один присест. Да ещё и косился жадно на неторопливо жующих мастеров. Ещё бы! Больше суток без еды. Коньяк, конечно, штука калорийная, но не то. Однако и на добавку рассчитывать не приходилось. Тем более, что в бытовку ввалился Коляныч со своим фирменным: «Здорово, урки!»

- Здорово, фраер. Какие люди! И без конвоя... Вот бы кому не сдохнуть... - в той же дружелюбной манере поприветствовали его присутствующие.

- А я по делу, - обрадовал «директор нефтяной компании».

- Дела у прокурора... - ехидно вставил Кержач: «Да не наши».

- Не бухти, старый. Я реально по делу. Халтуру вам привез, - осадил его Коляныч.

- Тачку что ли свою разбил? – поинтересовался Серый, выглядывая в окно в надежде увидеть объект работы.

- Нет. Тут другое. Короче, мои поставщики бензина заправочную станцию открывают. Официальную. А я туда механиком иду...

- Что ж не директором? – съехидничал Валька.

- Директор важно надувает щеки и дает на лапу всяким инспекторам, а основной доход эМЭНы дают.

- эМЭН... Мастер недолива что ли? – предположил Серый.

- Вообще-то «мастер-наладчик», но направление мысли у тебя правильное.

- А мы то здесь при каких делах? – проявил нетерпение Кержач.

- А при таких, что руководство желать изволит, дабы заправочная станция была в цветах фирмы, желто-зеленая. В том числе и бензоколонки.

- Так, с этого места поподробнее, пожалуйста, - притормозил его Серый: «Как я полагаю, что красить эти бензоколонки предлагается нам?»

- Ой, Серый, и шо я в тебя такой влюбленный? – расплылся в улыбке Коляныч: «Ты ж как та птица Говорун, отличаешься умом и сообразительностью».

- Ага. Кержач, забодяжь-ка чифирку. Перетрем с чуваком за дела наши грешные...

- Да-да, чифирку это в тему, - согласился будущий эМЭН: «А где наш монстр технической мысли, кстати?»

- Издох монстр, - печально сообщил Кержач, понимая, что речь идёт о Никеше, и кивком головы указал направление местоположения тела.

Коляныч заглянул в «спальню», принялся и осторожно заметил; «А может не сдох? Вроде тухляком не шмонит, только перегаром».

- Сдох, сдох... - успокоил его Серый: «А что коньяком воняет, так это он себя к мумификации приготовил. Проспиртовался заблаговременно...».

- Сам не сдохни, собака серая, - донеслось из «спальни» и под кряхтенье, более напоминающее скрип старого железа, из неё выбрался Никеша, благоухая ароматом позднего похмелья. Отобрал у Кержача кружку с чифирем, отхлебнул добрый глоток и, поморщившись, полез в нижний отсек сейфа. Молча, достал оттуда очередную бутылку, на этот раз с надписью «Рябиновая на коньяке» и, свернув пробку, припал к живительному источнику, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Опустошив тару примерно на треть, он облегченно вздохнул и, достав из помятой пачки сигарету, присел к столу. С хрустом откусив и сплюнув фильтр, чиркнул зажигалкой, а затем, глубоко затянувшись, сконцентрировал взгляд на Коляныче: «Так что ты там насчёт оплаты говорил?»

Валька не стал мешать производственному совещанию и, прихватив лопату, ушел дочищать снег. Монотонная работа действовала успокаивающе, но снег, легший на мокрую землю, сопротивлялся отчаянно, и когда работа была закончена, солнце уже успело скрыться за горизонт, а сам он вымотался окончательно. Поставив лопату в кладовку, борцун со снегом устало пристроился в уголке бытовки с очередной кружкой чая.

Совещание, по-видимому, уже давно миновало жаркий этап обсуждения оплаты выполнения работ и перешло к более спокойной фазе расчета количества расходных материалов. В конце концов, Серый что-то пощелкал на калькуляторе и объявил: «Двенадцать кило зеленой и восемь желтой. Да белой килограмм четырнадцать на боковины и крышки...» Никеша присвистнул, но Колян сохранял абсолютное спокойствие.

- Про грунтовку не забудь, - напомнил Кержач.

- Ага. «ПФ» - двадцать кило, - добавил расчетчик.

- Серый, не беремени мне мозг, - устало произнес Коляныч: «Просто скажи, сколько это будет в свободно конвертируемой».

- Две семьсот, - даже не прибегая к помощи калькулятора, подвел итог Серый.

- Плюс работа? Годится, - согласился заказчик и очень доверительным тоном добавил: «Пацаны, только моему начальству пять штук объявим. Я в доле. Ага?»

- Не базар, а съедят ли? - усомнился Никеша.

- Как миленькие! - улыбнулся Колян: «Ваша цена в четыре раза ниже того, что просят официалы».

- Эка мы лоханулись, - сокрушенно покачал головой Серый.

- Ничо. Я вам на общаг половину от своего скину, чтоб не расстраивались. И последний вопрос – будку точно красить не будете?

- Точно. Ты пойми, если мы по камню автоэмалью покрасим, то к весне вся эта красота шелухой слетит. А оно тебе надо? Тут строительные маляры нужны, а это уже не к нам.

- Добро. Пошмонаю строительных, - согласился Коляныч и, допив из своей кружки, поднялся: «Поеду я. Завтра с утра к руководству загляну и можно начинать».

- Я тоже, пожалуй, поеду, - присоединился Валька, в мозгах которого начала шевелиться какая-то идея.

Хотя уже стемнело, но времени было немного и когда он добрался до Таганки, Наташка ещё не вернулась с работы, а дома был только отец. Видимо лекарство оказало свое действие, если он даже встал с кровати, чтобы покурить с ним на кухне.

- Как твое изобретение поживает? - поинтересовался он, старательно выпуская дым в приоткрытую форточку.

- Хорошо поживает. Испытания я закончил. Документы в патентную комиссию подал. Вот теперь сижу и жду их решения, - отец курил неглубокими затяжками, стараясь не беспокоить ослабленные болезнью легкие.

- И долго ждать?

- На рассмотрение дается месяц, так что ещё чуть больше недели.

- Думаешь, примут?

- Надеюсь. По сравнению с тем, что им несут, это действительно стоящая вещь, - он быстро загасил окурок в пепельнице, услышав щелчок дверного замка. Так же быстро метнул свою недокурную сигарету в форточку и Валька, но не помогло.

- Эх, накурили-то. И этот, с воспалением легких туда же. Да ещё и форточку открыли, - быстро построила мужчин хозяйка дома и скомандовала мужу: «А ну, марш в постель. Лечить буду!»

- Сексом? - лукаво поинтересовался отец, но Наташка шутку не приняла.

- Уколом, - сердито буркнула она и отправилась мыть руки.

Валька проводил её взглядом и смекнул, что мачеха явно не в духе, хотя и не настолько сильно как в прошлый раз. По крайней мере, на Аленку, оставившую своё скомканное пальтишко на стойке для обуви, не нарычала.

За ужином она немного пришла в себя и даже начала улыбаться, но явно чувствовалось, что её что-то гнетет. На отсутствие денег не похоже, вон какие сумки из магазина еле приволокла и, хотя не с деликатесами, но и не из разряда собачьего корма, которым перебивалась добрая половина населения. Отец тоже вроде на поправку идёт... Может опять этот прораб или кто он там?

Выяснить это он попытался, когда сытый и довольный отец уснул сразу после ужина, а они с Наташкой вышли на балкон покурить.

- Колись, давай, что случилось? - без обиняков предложил он, поднося ей огонек зажигалки.

- Ты прямо насквозь меня видишь, - печально улыбнулась она, затягиваясь сигаретой.

- Мне, как волшебнику, по штату положено, - пошутил он: «Что, опять прораб?»

- Нет. Не угадал. Ты его так отделал, что ещё пару недель в больнице проваляется.

- А что?

- Объект заканчиваем, а другого пока нет. Вот и отправляют всех в неоплачиваемый отпуск. Многие увольняются, потому как не факт, что на другой объект всех возьмут.

И тут мысль, всю дорогу блуждавшая где-то в самых отдаленных закоулках его мозга, наконец-то сформировалась окончательно и он спросил: «Так тебе работа нужна?»

- Ещё как! - призналась она: «На одной картошке до весны чокнемся».

Он замолчал на некоторое время, обдумывая сложившуюся ситуацию, а попутно переваривая горький дым «Лакки стар». Молчала и она, искоса наблюдая за его мыслительным процессом. Холодный ветер изредка налетал порывами и, хотя Наташка накинула на плечи теплый платок, заставлял её зябко ежиться. При этом, вполне естественном движении, грудь под платком очень выразительно колыхалась, сбивая с мысли. Наконец он сделал последнюю, самую глубокую затяжку и, воткнув окурок в пепельницу, спросил: «Позвонить можно?» «Звони, конечно».

Телефон был старый, ещё с дисковым номеронабирателем, но зато с длинным шнуром, которого хватило до кухни.

- Марин, привет. Это Валька.

- Привет, - голос в трубке несколько настороженный поздним звонком.

- А Колян дома?

- Сейчас позову, - и передала трубку мужу.

- Привет, Коляныч, я тут слышал, что тебе маляр строительный нужен? - Наташка, вытиравшая перемытую посуду, перестала шуршать полотенцем и даже присела на табурет напротив него, прикусив губу от волнения.

- Нужен. А ты что, ещё и по малярной части спец? – донеслось из трубки.
- Я-то нет, но есть крупный специалист.
- По весу крупный? – решил приколоться Колян.
- Нет, по диплому, - динамик в телефоне работал отлично, да ещё и Валька слегка отодвинул трубку от уха, чтобы Наташке было лучше слышно: « Ты про Строгановское училище слышал?»

- А то! Это где матрешек под хохлону расписывают?
- Ну, типа того. Хочешь, и твою заправку распишет?
- Ну, мне-то под хохлону не надо, а вот чтобы красиво – хочу.
- Базара нет. Будет тебе красиво. Когда специалиста привезти.
- Завтра давай. Я там до обеда торчать буду.

Валька вопросительно посмотрел на Наташку: «Годится?» и она активно закивала головой, выражая согласие.

- Хорошо, подведем. Только ты учти, что после двух международных выставок и диплома ВДНХ такой специалист себя дешево ценить не может по определению.

- Ничего. Один раз живем. Приезжайте.
- Адрес давай...

Валька положил трубку на рычаг и поднял на неё взгляд: «Ну, вот как-то так...». Блестящие Глаза Наташки смотрели на него с восхищением.

- Но ты сильно не радуйся, - остудил он её восторг: «На улице, да по морозу – та ещё работёнка будет».

- Ой, Валька, да наплевать. Главное, что работа есть, - отмахнулась она: «Вот только зачем ты про выставки и диплом ВДНХ соврал?»

- А это, Наташ, называется «понты голимые». Чем выше ты себя ценишь, тем больше тебе платят, - и, припомнив как лоханулся Серый во время переговоров, добавил: «Ты учти, они будут цену сбивать по максимуму, но ты стойку держи. Не сдавайся».

- Слушаюсь, шеф! – она шутливо взяла под козырек.

Они ещё долго обсуждали тактику поведения и все нюансы завтрашних переговоров, пока Наташка не спохватилась, увидев, что часы уже показывают половину двенадцатого: «Ой, Алёнке же спать пора давно». Но самостоятельный ребенок уже спал, правда, так и не успев полностью раздеться и добраться до кровати.

- Ладно, я, пожалуй, поеду. Поработаю, - нерешительно предложил он.

- Ну, куда ты поедешь? С запахом перегара тебя первый же ГАИшник остановит. Ложись спать, всё равно с утра ехать на эту бензоколонку, - предложила она и Валька, признавая её правоту, согласился.

- Я тебе в гостиной постелю. Только ты в душ сходи, пожалуйста, а то пахнешь как-то... не ароматно, - усмехнулась она, и почему-то это замечание смутило его.

Утром он проснулся с давно позабытым чувством уюта, комфорта и безопасности. Чистый, сытый и выспавшийся, на хрустящих от свежести простынях, он ощущал себя самым счастливым человеком на свете. Расслабившись и делая вид, что ещё спит, постарался подольше протянуть эти мгновения, сквозь щелки прикрытых глаз наблюдая как тихо, стараясь не шуметь, Наташка собирает дочь в детский садик. Физическая работа при нормальном питании явно пошла ей на пользу и сейчас она была в лучшей форме, чем когда он видел её тощим котенком или расплывшейся жирной коровой. Тонкий халатик, в котором она перемещалась по дому, не скрывал, а скорее даже подчеркивал какая у неё узкая талия и несколько крупные, но красиво очерченные бедра. К тому же впечатляющая грудь распирала гладкую ткань халата даже без поддержки бюстгалтера и Валька, обругав себя за столь вольную оценку внешности мачехи, отвернулся к стене и снова уснул.

Повторно он проснулся от легкого прикосновения к его плечу теплой руки: «Валя, вставай. Утро наступило». Наташка была уже в свитере и джинсах: «Завтрак на столе. Покушай, а я пока переоденусь и марафет наведу».

Обычно считается, что женщине для наведения красоты требуется много времени, то это явно не про Наташку. Он только успел помыть за собой посуду, как она показалась в дверях: «Ну как? Годится?». Вообще-то, ещё вечером они договорились, что она должна выглядеть ярко и стильно, но такого он не ожидал, поскольку выглядела она просто сногшибательно. С умением, доступным немногим женщинам, макияж был нанесен так, что его присутствие было незаметно, но подчеркивало красоту лица, а одежда акцентировала внимание на достоинствах фигуры затянутой в темно-серый свитер с широким воротником, спускавшийся до середины бедра, из-под которого был виден краешек джинсовой мини-юбки, позволяющий оценить ноги в белых колготках на всем их протяжении. Видимо, перевернув сокровенные запасы, достала самое лучшее из того, что сохранилось.

- Сойдёт для сельской местности... - нарочито небрежно бросил он.

- Гад ты, Валька, - рассмеялась она: «Нет бы сказал, что я великолепна и божественна. Никакой в тебе галантности».

Продолжая игру, он обошел её со всех сторон, делая вид, что тщательно рассматривает.

- Ладно. Убедила, - согласился он: «Великолепна. Особенно уши и хвост».

- Убью я тебя однажды... - пообещала она с улыбкой, говорящей об обратном: «Ладно, поехали. Я там тебе отцовский свитер приготовила, а твой в стирку бросила».

- Поехали, - согласился он, натягивая на себя такой же как у неё тёмно-серый свитер, но уже в мужском варианте.

Заминка получилась уже на выходе. В прихожей Наташка ненадолго задумалась, рассматривая свои потертые сапоги, а затем решительным жестом достала с полки коробку, из которой на свет божий явились светло-серые замшевые туфли на высоченном каблукке.

- С глузду съехала? – удивился он: «Зима на дворе, а ты в летних туфельках идти хочешь».

- А ты предлагаешь мне в этих развалинах костылять? – кивнула она на сапоги: «Ничего. Мы же на машине, туда и обратно. Не замерзну».

- А там как ходить будешь?

- Потерплю.

На высоченных каблучищах Наташка была ненамного ниже его ростом и, пока она пробиралась к машине, для устойчивости крепко держа его под руку, он успел заметить несколько восхищенных мужских взглядов, направленных на его спутницу, так что в голове даже мелькнула мысль: «А не перестарались ли мы?»

Найти заправку Коляна на Аминьевском шоссе оказалось несложно. Как и все подобные заведения, она стояла вплотную к проезжей части, причем было видно, что работы на ней идут полным ходом. Что-то копал небольшой экскаватор, монтажники заканчивали сооружение навеса и даже два каких-то мужика штукатурили шербату стену бывшей подстанции, которой предстояло стать сердцем бензоколонки. «Тайга» Коляна была здесь, а сам её владелец сидел внутри, перебирая какие-то бумаги, по-видимому, связанные со стройкой. «Подожди здесь», - предложил он Наташке: «Нечего мерзнуть раньше времени. Я позову, когда надо будет».

Ледяной, пронизывающий ветер моментально залез под куртку и Валька представил, каково это будет здесь работать Наташке.

- Тук-тук-тук. Открывай, ведмедь пришел, - постучал он в окошко «Тайги» и Колян вылез наружу, оставив чертежи разложенными на «торпед».

- Привет, - очень по-деловому начал он: «Специалиста привез?»

- Привез.

- Так, где он?

Валька махнул рукой Наташке и начался первый акт марлезонского балета. Она вышла из машины и, грациозно захлопнув дверь, направилась к ним, ступая по неровной земле так, словно это был гладкий мрамор королевских покоев. Причем её собственных покоев...

- Челюсть подбери, - посоветовал Серый: «Мозги простудишь».

Колян челюсть закрыл, но стереть недоумение с лица не догадался: «Это что такое?»

- Как что? – спокойно ответил он: «Маляр. Ты же просил маляра?»

- А... у... м... Да, - Колян хотел ещё что-то сказать, но в этот момент к ним подошла Наташка.

- Здравствуйте, - с легкой полуулыбкой поприветствовала она будущего работодателя и протянула руку. Причем, опять по-королевски, ладонью вниз.

- А... Да... Здравствуйте, - Колян растерялся не зная что ему делать с протянутой рукой. То ли пожать, то ли поцеловать, хотя весь её внешний вид требовал срочно упасть на колени и лобзать прах, попираемый серыми туфельками. Но в итоге он решился лишь на осторожное пожатие узкой ладошки: «Извините, что в помещение пригласить не получится, там сейчас сварочные работы, но мы можем переговорить и в машине».

- Я предпочла бы сначала оценить фронт работ, - с той же полуулыбкой ответила она и, не обращая внимания на реакцию мужчин, направилась к строению.

- Это кто? – почему-то шепотом спросил Колян, не отрывая взгляда от стройного силуэта.

- Маляр. Как ты заказывал, - с трудом сдерживая улыбку, ответил Валька.

- Кой нахрен маляр!? Это Мадонна Ботичели, родная сестра Джоконды и племянница Джинны Лолобриджиды, а я её на стену загоню и кисточкой махать заставлю?

- А ещё это жена моего отца и на самом деле маляр с высшим художественным образованием. Так что, Колян, придержи вожжи и постарайся обеспечить девушке нормальные условия работы, - заметив, что работяги прекратили штукатурить стену и вовсю тарашатся на чудное видение, он добавил: «Так чтобы мужики не сильно слюной исходили и уж тем паче руки распускали. А то я расстроюсь».

- Валя, об чём речь! Лично прослежу! Ручонки шаловливые вырву и в жопу вставлю! Век воли не видать, зуб даю, - поклялся Колян, для убедительности щелкнув ногтем большого пальца по клыкку.

Наташка тем временем что-то сказала штукатурам, грациозно показывая рукой на какой-то огрех в их работе. Те только закивали согласно и тут же схватились за свой инструмент, спеша исправить оплошность.

- Слышь, Валь... - ехидным тоном предложил проходящий в себя Колян: «Ты это... С мамкой своей переговори. Может она и меня усыновит?»

- Скорее уматерит, - отшутился Валька, ежась от ледящего ветра и не понимая как это она, в тонкой кожаной курточке может так долго рассматривать стену, словно бы не чувствуя холода.

Сам он чуть дуба не дал, когда они уже втроем битый час ходили вокруг строения, обсуждая, что и как нужно ещё сделать, чтобы перейти к малярным работам. Видимо и Колян задубел не меньше, потеряв способность к сопротивлению, потому что на озвученную Наташкой стоимость работ согласился сразу и безоговорочно.

- Уууу... ножки мои ножки, - жалобно скулила она, с трудом сдерживая слезы.

- Терпи Наташа, терпи, - уговаривал он, усердно растирая водкой ледяные стопы ног. То, что ей пришлось выдержать, он понял лишь, когда они вернулись домой и она расслабилась.

- Коленки больно, - пожаловалась она, хлопнув носом.

- Потерпи, маленькая, сейчас легче будет, - словно ребенка успокоил он её, натягивая на маленькие ступни шерстяные носки и переходя к массажу коленей. Гладкие

коленки и красивые, но какая уж тут эротика, когда так прихватило. Аккуратно, но сильно, он втирал ей в кожу водку до тех пор, пока колени не порозовели. Постепенно ей действительно стало легче и, укутавшись в шерстяной плед, она пригрелась в уголке дивана, прихлебывая чай с медом, который он ей намешал.

- Ладно, медсанбат, поеду я, - объявил он, после того как привел из садика Алёнку и накормил всю семью ужином.

- Куда ты? – в один голос удивились отец и Наташка.

- Как куда? Работать надо. Денюжку зарабатывать, - развел он руками.

- Жадный потому что, - констатировала, ехидно сверкнув глазами Наташка.

- Не то слово! Просто Гобсек какой-то, - согласился отец.

Снова повеяло теплом, но теперь вместо гололеда напрягала грязь, что летела с раскисшей дороги на лобовое стекло. Забивало так, что порой дворники просто размазывали эту густую жижу ровным слоем, сводя видимость к нулю. Зато и клиент валил один за другим. Сперва три подружки-хохотушки вскладчину из института домой, потом пожилой дядя с кожаным старомодным портфелем, потом у ресторана подсели двое. Толстый мужик в кашемировом пальто и его спутница в шубке искусственного меха. Вроде поддатые, особенно мужик, но терпимо.

- Шеф, давай к «Космосу» и не торопясь, - приказал клиент.

- Любой каприз за ваши деньги, - отшутился Валька и, включив музыку, двинулся в указанном направлении.

Двое сзади занимались своими делами. О чем-то бухтел басок мужика, ему отвечал тонкий женский голос, иногда недовольный, иногда просящий. Какое ему до них дело? Рули себе аккуратно. Постепенно накал страстей сзади начал повышаться. Интонации мужика стали более требовательные, а в женском попискивании всё чаще проскальзывали жалобные нотки. Он скосил глаз на зеркало заднего вида. Так и есть – процесс соблазнения в самом разгаре. Даже шубка расстегнута практически сверху донизу. Он зевнул, скучая. Скорей бы уже их двести, пока не начали совокупляться прямо в салоне. А риск этого существовал, и процесс набирал обороты, потому что звуки, издаваемые пассажиркой, теперь напоминали жалобное постановление, а в зеркале как-то даже мелькнула обнаженная женская грудь. Он интеллигентно покашлял, намекая пассажирам на свое присутствие и как бы рекомендуя слегка притормозить, но эффект получился совершенно обратный.

- Шеф, найди местечко потемнее, - мужик перегнулся к нему с заднего сидения, на миг оставив свою даму в покое.

- Мы так не договаривались, - возразил Валька, но кавалера явно уже понесло.

- Я плачу, - прохрипел он, кидая Вальке на колени несколько купюр. «Эк тебя приперло-то», - подумал он: «А главное в самом удобном месте, на набережной Яузы, где таких темных мест навалом».

Свернул в сторону и остановился в каких-то кустах, где нет освещения. Мужик аж поскуливал от нетерпения, а женщина, молча сидела, забившись в угол и никак не выражая своего недовольства изменением маршрута. Он проверил «Айсберг» за поясом и, заглушив двигатель, вынул ключ из замка зажигания.

- Я покурю пока, - предупредил он, выходя из машины: «Тут, неподалеку».

- Вот спасибо, дорогой, - сглотнув слюну, растрогался мужик: «Я те свистну, как только...», и не дожидаясь пока Валька захлопнет дверь набросился на свою спутницу с таким азартом, что она даже вскрикнула.

Валька отошел в сторону, так чтобы не светиться перед пассажирами, но и не терять из виду машину. «Просто дурдом какой-то», - мелькнуло в голове: «Но это не моё дело». Присев на какой-то пенек, он закурил и расслабился в ожидании окончания процесса. «Впрочем, не они дурдом, а вся страна», - пуская струйку дыма в небо, рассуждал он: «Как с катушек слетела при Горбачеве, так и катится. А куда? Неизвестно. Может лет через десять и понятия такого не будет – Россия. Народ спивается, от передоза дохнет,

глядишь, скоро вообще вымрем всем кагалом», Мысли были довольно грустные, но он начал вспоминать тех, кто не сдался и продолжал бороться. Не за богатство или счастливую жизнь, а просто за право жить по-человечески, невзирая ни на что. Их было немного, но, по крайней мере, больше, чем тех, кто, махнув на всё рукой, медленно и неотвратно сползал в небытие».

- Шеф, ты где? – окликнул его голос любвеобильного пассажира.

- Здесь я, - откликнулся Валька, поднимаясь с пенька.

- Уффф... - подошел доморощенный «Казанова», на ходу заправляя рубашку в штаны, что при наличии пальто сделать довольно сложно: «Мы всё».

- Ну, тогда поехали?

- Подожди, пускай она оденется, - осадил его мужик и, вытирая обильный пот со лба, восхищенно добавил: «Хороша, чертовка».

Валька только пожал плечами. Хороша, так хороша. Ему какое дело.

Возле гостиницы «Космос», грузивший его всю оставшуюся часть дороги рассказами о том какой он крутой и богатый, пассажир наконец-то замолчал и довольный как слон распрощался с ним очень сердечно.

- Ну, спасибо, шеф. Уважил.

- Не за что, - равнодушно ответил он: «Заходите ещё».

- Как в Москве буду, так всенепременно, - хохотнул мужик: «Даму мою домой отвезешь?»

- Куда вам? – поинтересовался Валька у женщины, молча сидевшей в самом дальнем углу.

- Марьяна Роща, - последовал тихий ответ.

- Это ещё пять штук, - намекнул он кавалеру.

- Не вопрос. Держи, - и несколько купюр упали Вальке на колени. Бинго! До Марьиной Рощи рукой подать, а он запросил словно на другой конец Москвы. Хорошо всё-таки иметь дело с приезжими. Особенно богатенькими...

Он не торопясь пробирался переулками, даже что-то насвистывая потихоньку, когда женщина на заднем сиденье потихоньку стала приводить себя в порядок после бурного процесса. Через салонное зеркало ему было видно, как она старательно поправляет и пытается разгладить свою одежду, но в узком пространстве машины что-то не очень получалось, особенно с нижним бельём и тем более в присутствии водителя.

- Может мне остановиться и выйти? – предложил он.

- Да. Пожалуйста, - согласилась она.

Выбрав уголок потише, он припарковался и минут пять любовался тучами, на брющем полете пролетающими над городом, пока она сама не позвала его: «Я готова. Спасибо».

Валька продолжил движение по маршруту, а она тем временем перешла к восстановлению макияжа. Мазнула помадой по губам, прошла пудрой по щекам и неожиданно спросила его: «Вы меня осуждаете?»

- Почему я должен вас осуждать? – удивился он: «Это ваша личная жизнь. Ваш любовник. Мне-то какое дело?»

- Это не любовник, - печально вздохнула она: «Это грязное мерзкое животное, которому я вынуждена была отдаться».

- Тогда непонятно, - опять удивился он: «Только бы намекнули, что это по принуждению, и я бы выкинул его из машины. Или хотя бы сопротивлялись... Я же не тупой, догадался бы».

- Не могла я ему сопротивляться, - опять вздохнула она: «Понимаете, я бухгалтер на фирме, а он клиент, за заказом которого мы охотились целых полгода. И когда этот самолично приехал на переговоры, шеф прикомандировал меня к нему с приказом выполнять любые его прихоти...»

- А послать его вместе с таким клиентом? – возмутился Валька.

- Послать-то можно, но шеф предупредила, что если договор не будет подписан, то я буду уволена с «волчьим билетом», а у меня двое детей и муж третий месяц без работы».

Замолчали. Он не знал, что ей ответить, а она уже сказала всё, что хотела. Мерно ворчал двигатель, что-то тихо мурлыкала магнитола, а на душе у Вальки было так погано, словно это его сейчас отимели против его воли в прокуренном салоне старого «жигуленка». Он посмотрел в зеркало на женщину. Примерно его ровесница и даже можно назвать хорошенькой, если бы не печальные складки у губ.

- Ну, вот мы и приехали, - сказала она: «Остановите. Дальше я пешком прогуляюсь».

- Всего вам доброго.

- И вам спасибо, что выслушали. А то и пожаловаться некому, - она справилась наконец-то с заедающей дверной ручкой и вышла.

- Главное, не вздумайте мужу рассказать. Может и пожалеет и простит, но в результате всё равно только хуже будет.

- Разве я похожа на идиотку? - улыбнулась пассажирка, моментально становясь красивой: «Муж никогда ничего не узнает. Более того, сегодня у него будет самая волшебная ночь в жизни».

Валька с восхищением проводил взглядом её удаляющуюся фигуру. Вот же молодец! Наш человек. Не сдаётся. Чтобы не случилось...

Наташка, как это ни странно, после посещения бензоколонки уже на следующий день порхала по квартире как птичка. Даже банального насморка не подхватила, а вот Вальке не повезло. В горле поселился большой и вредный ёжик, мешавший глотать и заставляющий Вальку кашлять как «Москвич» с забитым грязью карбюратором. Значит, срочно требовалась профилактика и лечение. Ну, по душевным ранам ясно кто. Никеша. А вот по поводу физического здоровья, похоже, что Серый. И он направился в сторону Дубровки, напевая одну из песенок сочиненных лохматым слесарем:

«На лекарства денег не жалею,
Хоть и не люблю ходить к врачу.
Если вдруг однажды заболел,
Тут же сам себя и излечу.

- Куда ты прёшь зараза!? Не видишь, красный горит?

Не держу в аптечке аспирина
И пеницилина не храню,
Я по всем традициям старинным
Химией свой дом не оскверню.

Есть другие средства, тем не менее:
Виски, если вдруг педикулёз,
Коньячок - лекарство от давления
И перцовка, коль пробрал понос.

- А тебе что? Места мало или бампер лишний? Ну-ка встал в свой ряд как все!

А ещё храню в тиши буфета
То, что хворь любую победит,
И сейчас по дедовским заветам
Разведу на водке спирто-цит.

- Козлина! Почем права брал, урод? Прам-пам-пам...

Пусть рецепт, конечно же, банальный,
Но других надёжней во сто крат.
Я приму лекарство перорально,
Для начала грамм сто пятьдесят.

- Ой, мадам, простите, я был не в курсе, что вы сегодня за рулем, а то даже не выезжал бы.

Выпью и подохнут все микробы,
За три дозы уничтожу всех,
А потом пиво-цилина, чтобы
Закрепить достигнутый успех...

А вот и знакомые голубые ворота. Жалко допеть не успел. У Серого там ещё что-то было про «проверенное средство» с «пятым номером», но этот вариант пока не катит. Обойдемся тем, что есть». И он ласково погладил пристроившуюся на пассажирском сидении бутылку «Арарата».

В «конюшне» было шумно и хлопотно. Народ, матерясь и сквернословя, пыхтячим паром тащил из салона стоящего возле бокса микроавтобуса по имени «Transit» со знаменитой фамилией «Ford» какой-то несуразно большой двигатель с целью погрузить его на тележку для дальнейшей транспортировки. Железяка категорически не желала покидать уютный салон, цепляясь всеми своими навесными деталями за всё, что можно и нельзя, но мастера, подсунув доски, всё-таки сумели извлечь этого монстра на свет божий и даже уложить на каталку.

- Уф... А тебе чо? Опять ханку жрать приперся? – поприветствовал его Серый, утирая пот со лба грязным рукавом ватника.

- Не поверишь, но ты угадал, - радостно признался Валька, демонстрируя «Арарат». Никеша фыркнул, Кержач облизнулся, а Серый спросил: «Чо, опять тебя тёлка на бабки кинула?»

- Неее... Горло болит, - жалобно прохрипел больной и добавил сокрушенно: «Помру наверное...»

- Не велика потеря, - заметил Никеша: «Ты помрешь, а коньячок нам достанется».

- Всё равно жалко, - печально смахнул набежавшую слезу Серый: «Коньяк быстро кончится, а где мы ещё такого дурачка прикольного найдем?»

- Ладно, пойдём твоё горло смотреть, - добрый Кержач дружелюбно хлопнул его по плечу и, повернувшись к двум клиентам, копавшимся возле двигателя, предупредил: «Мужики, мы сейчас. Только диагностику сделаем».

В вагончике его усадили на стул посреди комнаты и Серый, вооружившись столовой ложкой и фонариком, приготовился к обследованию.

- Может, руки помоешь? – с надеждой спросил пациент.

- Грязь техническая – не венерическая. Зараза к заразе не пристаёт, а микроб грязь не переносит, - безапелляционно заявил «доктор» и, потеряв ладони о тот же помасленный ватник, добавил: «И так сойдёт».

Обследование прошло быстро и почти безболезненно.

- Ангина, - вынес вердикт Серый.

- Она самая, - подтвердил Кержач, заглянув в Валькино горло.

- Однозначно, - подвел итог Никеша, и все трое, посмотрев друг на друга, впали в задумчивое состояние.

- Прижечь бы... - задумчиво сказал Серый и Валька содрогнулся, представив, как он грязными руками лезет в его горло с паяльником.

- Спиртом? – спросил Никеша.

- Слабовато будет.

- Может бензином? – предложил Кержач.

- Тогда уж ацетоном, - фыркнул на это предложение Серый: «Йодом прижечь, а потом простерилизовать».

Валька испугано переводил взгляд с одного «лекаря» на другого, не понимая, шутят они или серьёзно. Похоже было, что серьёзно, потому что консилиум закрыл Никеша, сказав: «А чо мы себе мозги парим, когда у нас медик под рукой?» И, высунувшись наружу, заорал: «Юрец, иди сюда. Дело есть».

Подошел один из клиентов, которого звали Юрцом и Никеша попытался свалить на него бремя принятия решения: «Ты вроде в медицинском учился?»

- Да. Три курса в медучилище, пока не выгнали.

- Тогда глянь на пациента, профессор.

Профессор осмотрел больного и подтвердил предыдущий диагноз: «Ангина. И, похоже, фолликулярная».

- Температура есть? – спросил он у Вальки и пощупал лоб.

- Вроде нет...

- Ничего. К вечеру будет, - успокоил его «профессор»: «Сорок не обещаю, но за тридцать восемь гарантирую».

- Серый предлагает очаги йодом прижечь, - сообщил «светилу медицины» Никеша.

- Что же. Сурово, но эффективно, - согласился Юрец: «Главное про стерильность не забывайте».

- Ну, Валушок, готовься, - с оптимизмом заявил Никеша, открывая коньяк и наполняя тёмно-янтарной жидкостью старый добрый гранёный стакан так, что бутылка опорожнилась на треть: «Будем стерилизоваться перед операцией».

Валька, хотя и боялся, если уж быть честным, но мужественно принял из рук мастера сосуд со антибактерицидной жидкостью и опрокинул его в рот.

Проснулся он через два часа. Горло, хотя и болело немного, но опухлость прошла. Зато гортань как будто сдавило обручем. К тому же, как ни странно, голова не болела вообще, хотя после того как Серый ползал в его горле с отверткой на которую была намотана смоченная йодом вата, его заставили впихнуть в себя ещё полстакана, предупредив, что следующие полстакана ждут его после пробуждения. Он поднялся и прошел из «спальни» в «гостиную». На столе его действительно ожидала обещанная доза в бокале работы скульптора Мухиной. Он с отвращением посмотрел на неё и потянулся к чайнику. Пить хотелось невероятно.

- Эээ... нет. Сперва то, что доктор прописал, - остановил его появившийся в комнате Кержач.

- Так не ползет. Я даже пить не могу, - сдавлено прохрипел Валька.

- Не можешь пить - грызи. Но сперва «лекарство», - Кержач был категоричен.

Мелкими порциями он всё-таки ухитрился влить в себя напиток, содрогаясь при каждом глотке. Действительно, горло сразу отпустило, и он смог откашляться, сплюнув несколько кровавых сгустков.

- Полегчало? – спросил старый мастер, когда он вволю накашлявшись и наплевавшись вернулся в бытовку.

- Ага, - признался он, ощущая, что горло вроде бы, и болеть меньше стало.

- Знаешь, Валя, лекарство не всегда бывает приятным, - поделился Кержач: «Когда нас на «зоне» цинга косила, мы лапник еловый жевали и взвар из него делали. Гадость жуткая. Но зато помогло, а кто морду воротил, тот без зубов остался». И он оскалил два ряда желтых, но ещё крепких зубов, демонстрируя, что лично он морду не воротил. Валька кивнул понимающе.

- А мужики-то где? – поинтересовался он.

- В боксе. Прикидывают как мотор от «Мерседеса» на «Волгу» поставить.

- На «Волгу»? От «Мерседеса»? – не поверил Валька.

- Ага. Впихнуть невпихуемое – это наша профессия, - улыбнулся Кержач.

- А нафига это?

- Не знаю, - пожал плечами старый слесарь: «Но есть у нас два придурка – Хрен и Укус, вот им и приспичило. Юрец, ну ты его уже знаешь, Верещагину мотор подогнал, а тот решил понты пробить. А нам-то чо? Бабки заплатят, так мы и от «Боинга» поставим».

- Интересно. А посмотреть можно? – заинтересовался процессом впихивания Валька.

- Отчего же нельзя? Смотри. Может когда и пригодится, - благодушно разрешил Кержач.

В боксе, над моторным отсеком «ГАЗ-24» склонились мастера, что-то замеряя рулетками и негромко переговариваясь между собой, в то время как два клиента смиренно ждали окончательного вердикта, пристроившись у теплой батареи и стараясь не отсвечивать. Вопрос видимо был настолько серьезным, что отсутствовали обычные для них подначки и шуточки. Кержач, видимо не обладая достаточным уровнем технической подготовки, в это дело не лез, а Валька прислушался.

- Опоры вот сюда надо будет приварить.

- Не прокатит. В щит мотора упремся.

- А вперед?

- Радиатор не даст.

- Ты что, думаешь его с этим радиатором оставить?

- А чо?

- «Мерсовский» двигун на «волговский» радиатор? Кипеть будет...

- А что ставим?

- От «Форда» бы найти или от «Ауди». Они плоские и широкие. Нам простор будет.

- Вот пусть Юрец и ищет. Сам кашу заварил, сам пусть и хавает.

- Стоп! Отбой по флоту. Нельзя так двигло ставить.

- Почему?

- Ключнет.

- А хрен тебе. Не ключнет.

- А я те говорю, ключнет. Смотри, какая развесовка получается.

- Всё, Серый. Надоело мне с тобой спорить. Зову Апполонича.

- Зови. Сам перед ним краснеть будешь.

- Кержач! – отвлекся от совещания Никеша: «Ты Гену сегодня видел?»

- Видел. Когда за харчами ходил, он возле сельпо в помойке колупался.

- Трезвый?

- Ну... Местами.

- Приведи деда, бога ради, пока я этого водоплавающего не пришиб. Скажи – я прошу, - и, отшвырнув перчатки, решительно закурил.

Видимо смекнув, что в процессе обсуждения образовался перерыв, встрял один из клиентов: «Ну что? Получится?»

- Верещагин, не гони лошадей, - мгновенно вспыхнул Никеша. Лишенный возможности сцепиться с Серым, он мгновенно переключился на другой объект: «Ты «Белое солнце пустыни» смотрел? Сколько раз тебя там предупреждали: «Верещагин, не заводи мотор. Не заводи... мать твою...», а ты что? На дачу ему надо. Срочно. А что движок без масла пофиг. Говорил же тебе, что с-сальник ссытса как паршивый щенок. Менять надо. Так вот! Получи «руку дружбы» в полный рост». Он широким жестом указал под капот, на торчащий из боковой части двигателя кусок металла и добавил: «Так что теперь сиди на жопе ровно, сопи в две дырки, читай «Мурзилку» и жди, когда взрослые дяди тебе одну умную вещь скажут».

Время, пока Кержач разыскивал по окрестным помойкам вождя Апполонича, провели за светской беседой, попивая «чаёк» в бытовке. Причем, щадя желудки гостей не бодяжили традиционный чифирь, а просто заварили «нормальный» чай, но так чтоб ложка стояла. Ждать пришлось довольно долго. Синие сумерки успели

занавесить потрескавшиеся окна бытовки, когда, под сопровождение торжественного лая псычей охраны, ввалились Кержач с каким-то бомжом.

Маленький, щуплый, в замызганном пуховике с порванным рукавом и соответствующим ароматом давно немывтого тела вперемежку с помоечными отбросами. Образ очень органично дополняли испитая морщинистая рожа и сальные седые патлы торчащие во все стороны из под вязаной шапки. Однако, Никеша и Серый в его присутствии даже встали и приветствовали довольно необычно.

- Добрый вечер, Геннадий Аполмонович.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, ребята, - тихо ответил бомж и, подойдя к батарее, стал греть озябшие руки.

- Мы к Вам за консультацией, - в голосе Никеша сквозила некоторая неловкость.

- Чем могу? – старик, благодарно кивнув, принял из рук Кержача кружку с чаем.

- Нам на «ГАЗ-24» нужен двигатель от «Мерса» поставить, - объяснил Никеша.

- Весьма похвальная затея, - в тусклых глазах Аполмоныча блеснула искорка заинтересованности: «А двигатель, какой?»

- «944-й», - печально вздохнул Серый: «Совсем свежая модель».

- Ну, не совсем чтобы свежая, но выдающаяся, это точно, - бомж даже почесал грязной лапкой затылок: «А поскромней ничего не нашлось? Или вы решили самолет построить?»

- Я его слепила из того, что было... - развел руками Никеша.

- Ладно. Так в чем проблема?

- Целых две, - радостно сообщил Серый: «Балансировка и термообмен».

- Хорошо, пойдём, посмотрим, - согласился консультант, и алчно облизнувшись на недопитую Валькой бутылку, направился к выходу.

В боксе Аполмоныч покосился на «мерсе-монстра», лежащего на тележке и нырнул под капот «Волги», так что наружу торчали только щуплая задница да ноги в растоптанных ботинках. Поковырялся несколько минут и прямо из глубины моторного отсека начал вещать. Никеша и Серый, едва не по стойке «смирно» внимали этим откровениям, лишь иногда согласно, как китайские болванчики, кивая головой.

- А кто это? – шепотом поинтересовался Валька у стоящего рядом Кержача.

- Ооо... - закатил глаза слесарь: «Это светило технической мысли, отец советского автомобилестроения».

- Я серьёзно...

- Кандидат наук. Автор кучи изобретений. Никеша во ВТУЗе у него учился.

- Но он же бомж!

- Так получилось, - сокрушенно вздохнул Кержач: «Да и не бомж он вовсе. У него квартира есть. Просто опустился».

То, что консультация дала результат было видно по довольным рожам мастеров, с почетом препроводивших корифея автомобилестроения в бытовку, где Никеша долго и красноречиво рассыпался перед ним в благодарностях, а Аполмоныч, опять превратившись в обычного бомжа, только жадно косился на недопитую бутылку. В итоге, перехватив этот взгляд жаждущего в пустыне, мастер плеснул ему в стакан коньяка. Немного. С полстакана, но от этой дозы сморщенное лицо сразу порозовело и приобрело живое выражение.

- Отойдём-ка, - тронул Вальку за рукав Юрец и они вышли на улицу.

- Тут такая тема... - с ходу начал Юрец: «Слышал я, что это ты пацанов «стволами» обеспечил».

- Я, - не стал закипать Валька. Статус клиента подпольного автосервиса подразумевал свободное решение абсолютно любых вопросов.

- Вот и нам с Верещагиным неплохо бы...

- Базара нет, - выразил готовность торговец оружием: «Вам какие «волыны» нужны?»

- Как у них.

- «Айсберги», значит. Только они сейчас дорогие... - и озвучил рекомендуемые Ильдаром «две цены». Потому что деньги нужны.

- А скидочку? За медицинскую консультацию, - подмигнул Юрец.

- Реально, - согласился Валька: «По полтиннику с каждого ствола. Причем обоим. Я сегодня добрый».

- Ай, красава! По рукам, - обрадовался покупатель.

- Боекомплект обычный? По обойме на ствол? – уточнил продавец.

- Да. Нам же не на охоту ходить, а для собственного спокойствия.

- Значит, пробовать и пристреливать стволы не будете?

- Ваще-то надо бы...

- Тогда советую ещё по одной обойме взять. Правда, за дополнительные деньги.

- Уговорил, красноречивый.

- Тогда послезавтра здесь же встречаемся.

- «Бабки» дать?

- Не надо. Я по предоплате не работаю. Расчет строго по факту выполнения.

- Вот это я уважаю. Деловой подход. Договорились.

А чего бы не договориться? Риска для покупателя никакого, кроме уголовно наказуемого, а то, что в комплекте к револьверу идут не одна, а две обоймы, одну из которых он же им и впарил по дополнительной цене, с лихвой покрыв тем самым предложенную скидку, покупателю знать не обязательно. Все довольны, все смеются – вот это бизнес.

- Валюшок, дело есть, - окликнул его Никеша.

- Чего надо? – он отвлекся от беседы с Юрцом и подошел к мастеру.

- Аполлоныча домой не отвезешь?

- Запросто. А что сам он никак?

- Никак. Мы зазевались, а он твой коньяк допил.

- Так там и было-то курам на смех.

- Но ему и нужно как воробью. Полстакана максимум. Дальше вырубается.

- Ладно. Далеко везти-то?

- Вон его дом, за поворотом, - Никеша рукой показал на просматривающуюся сквозь голые кроны деревьев двенадцатизэтажку.

- Может, и заночуешь у него. Дед один живет, - посоветовал подошедший Серый.

- Ну, это уж вряд ли... - усмехнулся Никеша.

- Ладно, там посмотрим. Грузите тело, - согласился Валька.

Это хорошо, что Аполлоныч такой маленький и тощий. Его невменяемую тушку Валька просто взвалил на плечо и допер от машины до подъезда. Мог бы и на 12-й этаж затащить, но зачем тогда в домах лифты делают? Дознаться где у старика ключи от квартиры он так и не смог. Тот только мычал и таращился на него прозрачными глазами. Пришлось проводить обыск, в процессе которого из карманов грязного пуховика было извлечено много всякого мусора, но в том числе и ключ довольно необычной формы – трехгранник, с бороздками на каждой из сторон. Он даже не сразу догадался, что это ключ, но когда вставил его в такую же трехгранную замочную скважину, дверь открылась легко и непринужденно.

В прихожей его тут же ударил по ноздрям смрадный запах какой-то смеси тухлых продуктов и нечистот. На ощупь попытался найти выключатель, но щелканье клавишей не дало никакого эффекта. Пришлось затаскивать тело в крошечной темноте, подсвечивая себе зажигалкой. Уложив старика на стоящую возле стены кровать, он произвел осмотр квартиры при помощи той же зажигалки. Свет не горел нигде. Щелканье пакетниками возле счетчика на лестничной клетке тоже не дало никакого результата, и лишь обнаружив на столе в кухне латунный поднос с огарками церковных свечей, он догадался, что электричество отключено коммунальными службами, видимо за долги.

Причина запаха фекалий тоже выяснилась довольно быстро – водопровод был перекрыт и скорее всего по аналогичной причине, а Аполлоныч продолжал пользоваться унитазом, видимо не понимая, что слив уже давно не работает. Он призадумался. Остаться в этом свинарнике не было никакого желания, но и выезжать на «бомбежку», после двух стаканов коньяка крайне рискованно. Хотя... Он нащупал в кармане коробочку, которую на прощанье сунул ему Серый. «Антиполицай». Лохматый предупредил, что если по пути попадется «мент», то нужно сразу сунуть под язык одну капсулу и тогда блюститель порядка может не заметить его состояния.

Рассуждения Вальки прервали булькающие звуки из комнаты. Аполлоныча рвало. Перевернув старика на бок, чтобы не захлебнулся, он опрометью бросился вон из квартиры.

В эту ночь он работал очень осторожно. Тщательно следил за скоростью и щепетильно соблюдал Правила движения. Не дай бог попасться. Откупиться нечем, а права заберут, так вообще с голоду копыта откинешь. При таком размеренном и неторопливом ритме работы количество мыслей в голове выросло многократно, но от этого было только хуже, потому что мысли были о том, что нельзя доводить человека до такого свинского состояния. Нельзя! Пусть он даже слаб, беззащитен и не может за себя постоять, всё равно – НЕЛЬЗЯ!!! И Государство обязано следить за тем, чтобы старики, отдавшие ему всю свою жизнь, не заканчивали земной путь в таких нечеловеческих условиях. Он резко крутанул руль, разворачивая машину, и надавил на педаль «газа». Он знал, что надо делать.

Как оказалось, в спешке он даже не захлопнул дверь квартиры, но в этом не было ничего страшного. Красть в доме всё равно было нечего. Подсвечивая себе захваченным из машины фонариком, он нашел старый веник и ведро. Запалил огарки свечей на подносе и начал генеральную уборку. Сперва такая работенка вызывала спазмы в желудке, но армейские навыки чистки гарнизонного сортира сделали своё дело и очень скоро он адаптировался к вони, таская на помойку мешок за мешком. На его счастье обнаружилось, что в пожарном гидранте на лестничной клетке есть вода и он не только очистил туалет, но и вымыл полы. Хорошо хоть газ не отключили, и он смог сделать это горячей водой, правда, без моющих средств, о наличии которых в этом доме даже не приходилось мечтать.

Уже на рассвете, прикрыв старика всяким тряпьем, найденным в шкафу, он открыл окна для проветривания и сел на кухне перекурить. Этот Аполлоныч чем-то неуловимо напоминал ему отца. Такой же талантливый и такой же беззащитный перед ударами судьбы. Но у отца есть Наташка и он, а у этого? Может у него есть дети или хотя бы родственники? Надо будет у Никеша узнать...

- Кхе-кхе-кхе... - утренний кашель старого курильщика сообщил, что дед начал подавать признаки жизни и Валька прошел в комнату. Его появление не вызвало в старике никакого интереса, но на наведенный им порядок он смотрел с большим любопытством.

- Доброе утро, Геннадий Аполлонович, - Валька положил на письменный стол у окна пакет с сэндвичами, прихваченную им из дежурного ларька ещё ночью и кружку кипятка. Пустого. Без чая и сахара. Старик хмуро покосился на еду и перевел взгляд на своего гостя.

- Ты зачем в квартире порядок навел? – недовольным скрипучим голосом спросил он.

- Ну, как зачем? Не прибрано у Вас было, вот и навел, - удивился Валька и кивнул на бутерброды: «Вы кушайте, пожалуйста». Старик вяло пожевал сэндвич с сыром и ветчиной, отхлебнул кипятка и поморщился: «Не то всё это...». Валька такой ход сценария предусмотрел и вытащил из кармана куртки банку пива: «Вот».

По тому, с какой жадностью дряблые руки потянулись к жестянке, он понял, что не промахнулся и, открыв банку, передал её страдальцу. По тому, как дед опохмелялся было видно, что этот процесс ему знаком не понаслышке. Маленькими глотками, с чувством, с толком, с расстановкой он аккуратно перелил живительный напиток в свою измученную утробу и вздохнул облегченно: «Уффф... Живу».

- А ты откуда здесь взялся? – поинтересовался он, закуривая протянутую Валькой сигарету.

- Вчера Вас со стоянки привез. Вы не помните?

- Ни черта не помню, сокрушенно покачал головой дед: «Так ты здесь со мной всё это время просидел?»

- Нет. Отъезжал ночью. Мне работать было нужно. Правда, дверь за собой забыл закрыть, Вы уж извините.

- Не бери в голову, - махнул рукой старик: «Я её если и запираю, то лишь когда уйду, да и то не всегда».

- Ну, опасно же так. Мало ли что.

- Наплевать, - он с сожалением потряс опустевшую банку и вздохнул: «Брать здесь нечего, а если кто меня пришибёт, так я ему ещё спасибо скажу. У тебя ещё пивка нет случайно?»

- Случайно нет, - сознался Валька, которого аж передёрнуло от такой жизненной позиции собеседника: «Да и ехать мне пора».

- Ладно, езжай. Тебя как зовут-то? Валентин вроде? Так заглядывай иногда, что ли...

- Обязательно. Всего Вам доброго.

На Таганке, куда он приехал уже ближе к полудню, все были дома. Суббота. Отец книгу читал, Алёнка, как обычно что-то мастерила для своих кукол, а Наташка затеяла стирку.

- Завтракать будешь? У меня каша геркулесовая есть, - спросила она, скользнув губами по его небритой щеке.

- Буду. Обязательно, - согласился он, поскольку жрать хотелось невероятно.

- Тогда мой руки и за стол, - приказала она, но проходя мимо, замерла и принялась: «Слушай, чем это от тебя пахнет?»

Он смутился, прекрасно понимая, откуда этот аромат, и постарался побыстрее проскользнуть мимо неё на кухню к вожденной геркулесовой каше. Он уже успел умять её со скоростью атомного пылесоса и плавно перешел к чаю, как опять появилась Наташка, заглянувшая за какой-то надобностью.

- Валя, это просто ужас какой-то, - остановилась она возле него: «Ну-ка, снимай эту вонючку, я её постираю».

Он стянул свитер через голову, стараясь встать так, чтобы была незаметна прореха на рубашке, и протянул ей.

- Это просто ужас какой-то! – возмутилась она, принявшись к шерсти: «Ты что, с бомжами ночевал?»

- Примерно так, - попытался отшутиться он, но Наташка почувствовала фальшь и приказала: «Так, садись и рассказывай».

Пришлось поведать о том, что несколько последних дней он действительно ночует, где придется, поскольку женщина, вместе с которой он снимал квартиру, уехала, а его тут же выставили с жилплощади. Он, конечно, утаил основные подробности, но всё равно рассказ получился длинный и печальный настолько, что у сидящей напротив Наташки даже повлажнели глаза.

- Даа... А мы-то и не знали ничего, - раздался за его спиной голос отца, незаметно подошедшего и выслушавшего всю эту грустную историю: «А чего к нам не обратился?»

- Не знаю. Как-то неудобно было...

- Я сейчас, - шмыгнула носом Наташка и опрометью бросилась из кухни. Вернулась буквально через несколько секунд с лукаво блестящими глазами и замерла в дверях.

- А сейчас фанфары, - торжественно объявила она: «Тра-та-та-там! Оп-ля!» На её ладони лежала связка ключей, явно не автомобильных.

- Понимаете, - объяснила она Вальке, а заодно и мужу: «У меня однокурсница после развода в Германию уехала работать. Неделю назад. А меня попросила её квартиру сдать, но я даже объявление поместить не успела. Так что комфортабельная «двушка» с обстановкой и всеми удобствами на Севастопольском проспекте полностью в твоём распоряжении». Она протянула связку Вальке.

- Ты что? - отстранил он этот дар небес: «У меня на койку в общаге денег нет, а тут «двушка». Не потяну никак».

- Дурачок, - успокоила она: «По договоренности я забираю себе треть суммы. Так сказать «за услуги». А остальное она возьмёт только когда вернётся. Получается, что до июня время есть. Ты же до июня заработаешь?»

- Однозначно, - согласился он, прекрасно понимая, что даже нынешние его трудности будут решены уже в течение нескольких ближайших дней.

- Тогда держи, - она бросила ему связку и он, поймав ключи, на радостях, подхватил на руки и её, закружив по кухне: «Наташка, ты просто чудо!»

- Не чудо, а волшебница, - смеясь, поправила она, освобождаясь от его объятий.

- Смешные вы, - фыркнул отец, с улыбкой наблюдавший эту сцену, о существовании которого он напрочь забыл.

- Когда поедим? - нетерпению Вальки не было предела.

- Да хоть сейчас, - бодро ответила Наташка, совершенно не смутившаяся тем, что чужой мужчина только что тискал её и носил на руках в присутствии мужа.

- А бельё? - подмигнул он.

- Подождёт, - решительно заявила она: «Есть вещи и поважнее».

Собралась она быстро, почти по-армейски. Прыгнула в джинсы, накинула кофту и уже готова. Протянула его старый выстиранный свитер и, притянув за мочку уха, по секрету сообщила: «Дырочки на нём я заштопала».

Квартирка действительно оказалась уютной с двумя смежными комнатами и окнами, выходящими во внутренний двор, заросший старыми деревьями.

- Ну как тебе? - спросила Наташка после того, как они прошли по всем помещениям не исключая и ванную с туалетом.

- А-бал-деть... - признался Валька: «Это же просто дворец какой-то. Только без принцессы».

- Кстати, насчёт «принцессы», - она легонько толкнула его в грудь, предлагая присесть на диван, занимавший всю нишу напротив окна: «Есть три условия: баб не водить, водку не пить, пикники с шашлыками не устраивать. Согласен?»

- Конечно, согласен!

- Уййии... Здорово-то как, - она грациозно потянулась, отчего ему показалось, что кофта на её груди вот-вот лопнет, а затем прижалась к его плечу и довольно промурлыкала: «Знаешь как здорово, что я смогла помочь тебе? На душе так радостно...»

- Ага... - только и смог ответить он. Вся усталость последних дней лавиной обрушилась на него и свинцовые веки стали неподъёмно тяжелыми.

- Ладно, ты спи, - она погладила его по щеке и поцеловала в висок: «А я поеду...»

Прикосновение упругой женской груди к плечу было последним, что он почувствовал перед тем, как провалиться в бездну сна.

Проснулся и сначала даже не понял, где находится. Тихо тикали часики на стене, рассеянный свет вечерних фонарей струился в окно, теряясь в сетях занавески и было очень уютно под толстым плюшевым пледом. Постепенно память вернулась вместе с блаженной улыбкой на лице. Он потянулся, хрустнув суставами, и резко сел. Как бы не было сейчас хорошо, а дела не ждут.

Кроме СВЧ, кофеварки и прочих благ цивилизации, отмеченных им во время обхода, в квартире обнаружился ещё и телефон. Причем фирмы «Sonashi», без провода и с подсветкой кнопок. Но любоваться им Валька не стал, а использовал по прямому назначению.

- Алё, Ильдар?

- Да, Валя. Привет.

- Как сам?

- Пока не посадили. А ты?

- Ай эм элив энд зис из файн. («Я жив и это хорошо»)

Кодовые слова, сообщающие о том, что всё спокойно прозвучали и можно переходить к делу.

- Двух «толстых» обеспечишь?

- Легко.

- Завтра можно?

- К шестнадцати приезжай.

Вот и всё. Коротко и по делу. А если кто и прослушивает, то пусть тот и ломает голову о чём они.

- Тады бай.

- Тады дысь.

И ещё одна контрольная фраза на прощание, если первые рассекретили. Береженого бог бережет, как говорится. А не береженого конвой стережет, как обычно добавляет Никеша.

Валька снова прошелся по обретенной квартире. Сразу чувствуется, что жила женщина. Салфеточки, вазочки, тарелочки в ряд стоят. Он не удивился бы, что и вилки лежат зубчик к зубчику. Впрочем, так и оказалось, когда он выдвинул ящик кухонного стола. Залез в душ, помыться перед выездом. Хотелось бы ванну, но в другой раз. Сейчас некогда. Фыркали струи горячей воды, смывая с него грязь и плохое настроение, а Валька поглядывая на ряды шампуней, бальзамов и всевозможных кремов почему-то решил, что хозяйка этой квартиры должна быть хорошенькой. Как Наташка сказала? Однокурсница? Или одноклассница? Наверное, она невысокая, с потрясающей фигурой и упругой грудью. Как у Наташки. Но только ему хотелось, чтобы это была не шатенка, а голубоглазая блондинка. Хотя сочетание Наташкиных серо-зелёных глаз с рыжеватым оттенком волос тоже очень впечатляет.

То, что жить одному и в комфортных условиях – это кайф, Серый окончательно понял лишь на следующий день. Вернулся с работы, принял душ, выспался, пожарил себе яичницу. И всё это в комфорте и уюте. Он даже включил и попытался посмотреть телевизор, в который не заглядывал уже больше года. Полистал разные программы и мысленно согласился с отцом, считавшим ТВ «зомбоящиком для идиотов». Снова прошелся по квартире, заглядывая во все шкафы и ящики. Немного постельного белья, два чемодана с личными вещами хозяйки, упакованными так, чтобы не мешать постояльцам и шубка в целофановом мешке с молнией, явно не дешевого меха. Он расстегнул мешок и, повинуясь какому-то инстинкту, уткнулся носом в блестящий мех воротника. Кроме запаха отдушки от моли его ноздри втянули тонкий аромат женских духов, но не приторно-сладкий, к которому приучили нас женщины, а с легким привкусом горчинки каких-то экзотических растений, от которого у него сразу закружилась голова. «Этак и наркоманом недолго стать», - усмехнулся он.

Почему-то вновь захотелось представить себе эту женщину, но в квартире не было ни одной её фотографии. Вообще фотографий не было, видимо не уцелели после развода. «Надо будет Наташку попросить показать её», - подумал он: «Наверняка же где-нибудь на общих фотографиях есть».

На Смоленку он подъехал, как и обещал, минута в минуту. Это был хороший тон. Не обманул его ожиданий и Ильдар – две картонные коробки, упакованные в подарочную бумагу, уже ждали его. Но традиционный кофе пришлось пить на кухне, поскольку хозяйка квартиры была явно не в духе и косилась на него довольно неприязненно.

- Чего это она? – поинтересовался Валька.

- Не бери в голову, - отмахнулся Ильдар, разливая кофе по миниатюрным чашечкам, и тут же перешел к делу: «Ты где машину чинишь?»

- На сервисе.

- Там мастера нормальные?

- А что?

- Я тут новое дело задумал – тачки из закордонья гонять, вот и ищу техподдержку.

Валька замолчал, старательно делая вид, что задумался. «Запустить Ильдара в «конюшню», это тоже самое, что козла в огород. Моментально канал сбыта «стволов» под себя перетянет. Как бы так сделать, чтобы самому в его бизнес вклиниться?» - подумал он, но вслух сказал: «А ты когда дело мутить начнешь?»

- В конце весны или в начале лета.

- К тому времени подберу тебе что-нибудь, - пообещал Валька, имея в виду, что к тому времени «или осел сдохнет, или падишах помрёт».

- А сам перегонщиком пойдёшь?

- Это как платить будешь, - снова уклонился от ответа он.

- Договоримся...

Пробираясь между мусорными контейнерами к своей машине с двумя упаковками «Айсбергов» подмышкой, он наткнулся на коробку перевязанную праздничным розово-голубым бантом. Хотел было её, походя пнуть, но замер. Коробка поскуливала. Это было довольно необычно, и он остановился. Рядом никого не было, а звуки были настолько жалобными, что он присел и открыл крышку. Внутри на бархатной подстилке шевелились два тёмных лохматых комочка и на своем щенячьем языке рассказывали как им холодно, страшно и неудобно.

- Ох, вы мои маленькие. И какая же сволочь вас на помойку выкинула, - он достал один из комков и тот, уставившись в него несчастными тёмными бусинкам глаз моментально перестал скулить: «Что же делать-то с вами? Пропадете ведь». Он закинул «стволы» к щенкам и, подхватив коробку двумя руками, понес её к машине.

В тепле салона, видимо чувствуя рядом с собой человека, зверьки успокоились и возможно даже уснули, а он, стараясь не тревожить их сон, ехал не торопясь, старательно объезжая ямы. Видимо поэтому «ментовскую» засаду на набережной заметил слишком поздно. Отродясь их здесь не стояло, а тут прямо целая толпа с ОМОНОм. И тормозят всех подряд, видимо отрабатывая какую-нибудь очередную операцию «Перехват» с тотальным шмоном автотранспорта. «Вот же влип», - подумал Валька: «За свой «ствол» как-то отмажусь – «ксива» есть, а эти две «волыны», да ещё и в упаковке. Хрен докажешь, что вез в «ментовку» сдавать».

Стараясь совершать поменьше движений, он засунул руку в коробку и, отодвинув недовольно заворчавших щенков, переместил свой товар под их подстилку. Очень вовремя, потому что молодецватый «мент» в броннике и с автоматом уже направился в его сторону.

- Ваши документы, - спросил он у вышедшего ему навстречу Вальки.

- Пожалуйста.

- Наркотики, оружие в машине есть?

- Наркоты не держим, а оружие вот, - он откинул полу куртки, демонстрируя мирно торчавшую из-за пояса рукоять револьвера: «Разрешение на оружие рядом с правами». «Мент» кивнул и достал его удостоверение «частного детектива».

- Коллега значит, - усмехнулся он, прочитав карточку и сравнив предъявителя с фотографией на ней.

- Пытаемся соответствовать, - Валька старался выглядеть как можно непринужденнее.

- А везет что?

- Ничего. Пустой еду.

- А это что? – «мент» указал пальцем на коробку, пристроившуюся на пассажирском сидении.

- Подарок. На день рождения еду.

- А посмотреть?

- Пожалуйста, - Валька скинул крышку, и любопытный ОМОновец заглянув внутрь, растаял.

- Ой, ты какая прелесть, - расплывшись в улыбке, он достал серый мохнатый комочек с глазками-бусинками и растопыренными в разные стороны лапками.

- А тут ещё один есть, - Валька достал и продемонстрировал «менту» второго щенка.

- Подарок говорите?

- Подарок. Детям.

- Ну, тогда проезжайте. Нечего таких лапочек морозить. Хорошего дня рождения.

- Спасибо. И вам успехов по службе, - широко улыбнулся ему в ответ Валька.

Сел в машину. Завел и тронулся, помахав на прощание «менту». «Надо же, и руки не дрожат», - подумал он: «Наверное, привык уже».

Когда приехав на Дубровку, он рассказал мужикам о своих приключениях, то они дружно заявили, что таких, приносящих удачу щенков на помойку выкидывать грех великий. Но возникла проблема, куда их пристроить.

- У меня афганская борзая, - развел руками Никеша.

- А у меня коккер-спаниель, - покачал головой Серый.

- Эрдель-терьер, - вздохнул случившийся при этом Колян.

- А у меня вообще двое - овчарка и той-терьер, - подвел итог Кержач.

Юрец сказал, что у него пудель, а Верещагин признался, что у него никого нет, но если он животину в дом принесёт, то жена выгонит вместе с животинкой. Бездомный Валька в этом списке даже не рассматривался. Получалось, что девать их некуда.

- А собачки-то породистые, - заявил Никеша, доставая из коробки зверька.

- Непонятно только какой породы, - второго щенка достал Серый: «Похоже на восточно-европейскую. У меня кобелёк».

- Вырастут, посмотрим, - философски заметил Никеша, передавая псёнка Кержачу: «А у меня сучка».

- Пусть пока у нас живут, - предложил Кержач, тетешкая малышку.

- Сучка? Ну, её нафиг, - возразил колчерукий: «Опять щенки косяком пойдут».

- Это когда ещё будет, - оппонировал ему Серый.

- Неизвестно ещё примет ли их стая, - Никеша продолжал оставаться в сомнениях и, открыв дверь на улицу, крикнул в темноту: «Антоха, иди сюда!».

Появился криволапый вожак стаи. С чувством собственного достоинства вошел в бытовку и остановился у порога: «Вы меня звали? Я пришел».

- Вот, Антоша, посмотри как тебе эти ребята? - Серый положил перед псом на пол щенков и отошел. Вожак тщательно обнюхал пищущие на холодном полу комочки и бережно оближал их своим шершавым языком, повиливая обрубок хвоста.

- Всё. Принято! – радостно заявил Серый: «Теперь, Косорукий, даже не сопротивляйся. Как вожак стаи сказал, так и будет!»

- А я что? Разве против, - не стал ввязываться в перепалку Никеша: «Вот, жертвую молодому пополнению свой ватник». И широким жестом метнул свою фуфайку в угол, где в ближайшее время предстояло жить щенкам.

После того, как вопрос с новоселами был решен, Валька взял бразды управления благородным собранием в свои руки и рассказал присутствующим о тех условиях, в которых проживает «гигант технической мысли», закончив свое выступление русским

национальным вопросом: «Что делать?» И тут Серый подтвердил, что он действительно отличается умом и сообразительностью. Молча, встал и, открыв бумажник, выложил на стол стодолларовую купюру. «Согласен», - поддержал его Кержач аналогичной суммой, но в рублях. Юрец с Верещагиным, хотя и не местные, но отстегнули на поддержку Аполлоныча по тысяче «деревянных», а Колян со словами «тока за жлоба не держите», шмякнул на стол две сотни «зелёных».

- Пацаны, я пас, - заскулил Никеша: «Мне ещё бабки возвращать, что та курва спёрла, а это ваша зарплата».

- Ничего, мы подождём, - спокойно заметил Серый и Никеша вывернул кошелёк наизнанку, отправив обратно только монеты. Оказалось почти сотня «баксов». Всё это время Валька яростно боролся с жабой, нагло заявлявшей, что отдавать одну из двух имеющихся соток как минимум неразумно, но он удавил в себе это гадкое пресмыкающееся и накрыл сложенную на столе кучку дензнаков бумажкой с портретом Франклина.

- Вот и ладненько, - подвел он итог: «Завтра сходим в ЖЭК и это дело утрясем».

- Только самому Аполлонычу денег не давай, - предупредил Никеша: «Всё равно пропёт».

- Ясное дело, - согласился Валька и, прихватив Юрца с Верещагиным, уже поскуливающих от нетерпения, пошел их вооружать.

После краткого инструктажа по технике безопасности и демонстрации приемов обращения с оружием, счастливые обладатели револьверов обратились к нему с новой просьбой.

- Ты рассказывал, что тебя «менты» со стволом отпустили?

- Ясен пень, у меня же разрешение есть.

- А нам сделать можешь?

Валька задумался. Выводить их напрямую на Коляна рискованно, но это же Колян и, предложив клиентам подождать пару минут, направился к «директору нефтяной компании».

- Коляныч, тут двум фраерам разрешилово на «стволы» требуется, - сходу взял он быка за рога.

- Не вопрос. Пусть «бабки» гонят.

- Только давай им по триста пятьдесят сделаем. По полтинничку с каждого мне.

- Не мелочись, Валюшок. Сделаем по четыреста, - засмеялся Колян: «Тебе по сотке будет».

- Лады. А навар на Аполлоныча пустим, - обрадовался Валька.

- О, правильно! Уважаю. Зови лохов, щас я их в лапти обувать буду.

То, что проблемы в этой жизни идут косяком Валька понял примерно через неделю. Вроде и машина в порядке, и деньги пошли. Отец выздоровел, Наташка при работе, пусть и ненадолго, да и Аполлоныч теперь при воде и электричестве, так нет же. Подкралась беда, откуда не ждали. Замучило Вальку половое воздержание. Видимо жизнь с женой, когда можно «сегодня лень, давай завтра» сильно расслабила его, а Лариса, использовавшая временного мужа на сегодня, впрок и про запас, ввела его в режим постоянной готовности и теперь ему снились исключительно эротические сны, причем почти всегда с участием мифической хозяйки его квартиры.

Самым простым решением было снять «ночную бабочку» и удовлетворить свои потребности, хотя он и опасался, что кто-нибудь из соседей доложит о его амурных похождениях Наташке и будет очень неудобно, поскольку он обещал блюсти целибат. К тому же, в области финансов ещё не были решены насущные вопросы, чтобы тратить деньги на прекрасный пол. Тратить нельзя, но посмотреть-то можно?

А посмотреть было на что. От Лубянки по Тверской и другим центральным улицам по ночам бродили стайки девушек с низкой социальной ответственностью, спешащих обменять свои прелести на денежные знаки. Причем желательно в свободно

конвертируемой валюте. Только остановись возле таких, как тут же тебе смазливая мордашка в окно: «Интим-услуги не желаете?». Вот как красиво они обозначили старое русское слово «блядство».

Но мордочки-то смазливые и потрепаться с ними, и пошутить можно совершенно бесплатно. Вот Валька и прикалывался. Остановится. Подходит к нему вся такая фифочка на сотку «баксов» и едва ротик откроет, как он ей встречное предложение: «Интим-услуги не желаете?». Обычно девица сперва в ступор впадает, а потом начинает ржать как сивый мерин, а вернее сказать кобыла. И оба довольны. Как при импотенции – посмеялись и разошлись. Когорту эту он определял на раз, хоть при свете, хоть в темноте, но тут как-то получился казус.

Стройная фигурка на автобусной остановке у Белорусского вокзала стояла как-то непонятно. Не то ехать хочет, не то клиента ждёт. Но куда ехать в два часа ночи, когда автобусы уже не ходят? К тому же рядом с ней расположилась стайка «ночных бабочек» в полной боевой раскраске. Валька сбавил скорость, пытаясь определить, что это за птица, но в этот момент она что-то сказала девчонкам и те дружно рассмеялись. «Ясно. Денег не будет, но хотя бы посмеёмся», - подумал он и плавно притормозил возле остановки.

Она решительным, но слегка нетвердым шагом подошла к машине и только приоткрыла рот, чтобы сказать, как он опередил её: «Интим-услуги не желаете?» Она даже не улыбнулась, и тут Валька понял свой промах. Да, накрашена ярко. Но не вульгарно. Да, одета броско. Но вещички не из дешевых. К тому же и возраст где-то под сорок, когда уже поздно выходить на панель. А женщина тем временем, видимо переварив информацию, совершенно серьёзно заявила: «Вообще-то, я ловлю такси, но ваше предложение меня заинтересовало». И села в машину.

- Ну-с, молодой человек, что вы можете предложить даме? – совершенно не стесняясь, спросила она у офигевшего от такого поворота дел Вальки. И он, помня наставление Серого о том, что «наглость – это втрое счастье», подробно и со вкусом озвучил перечень всего того, чему его научила Лариса, да и остальные немногие женщины в его жизни. Дама слушала его очень внимательно, попутно скользя оценивающим взглядом по его фигуре и покачивая головой.

- Интересно, тариф у вас какой? – поинтересовалась она, когда список иссяк.

- Сотка в час, - рубанул он сплеча, пытаясь напугать дороговизной услуг.

- А если до утра, со скидкой, - проявила она деловую хватку.

- Пятьсот, - врезал он с перепугу.

- Это со стоимостью гостиницы? – уточнила дотошная клиентка.

- Да, - согласился он, понимая, что при дальнейшем повышении цен его просто сочтут за чокнутого и вызовут санитаров.

- Хорошо. Тогда за четыреста и у меня. Поехали, - скомандовала он, видимо посчитав вопрос решенным, и Валька обреченно нажал на педаль газа.

Дом, на охраняемой парковке которого он припарковал своего «Шерьку» среди «Линкольнов», «Мерседесов» и прочих «Ленд-Роверов», был из тех, что возникают в городе по индивидуальному проекту для элиты общества. Соответственно и квартира была такого же уровня – с блестящими паркетными полами, эркерными окнами и огромными объемами комнат, такими, что вся его «двушка» могла бы поместиться в гостиной этого дворца.

- Можете не разуваться, у меня не принято, - сообщила она, небрежно бросая шубку в угол прихожей.

- А если наслежу? – спросил он, с опаской посмотрев на сияющий пол.

- Ничего страшного, - успокоила она: «Завтра придёт Машенька и всё уберёт. Так что можете оставаться в ботинках».

Этот факт его обрадовал чрезвычайно, поскольку, как он заметил ещё утром, левый носок посредством образовавшейся дырки намекнул, что срок его службы истёк. Он

прошел вслед за ней в гостиную, на ходу оценив, что фигурка у неё очень даже ничего, хотя ножки и несколько тонковаты.

- Сейчас я пойду и переоденусь, а вы пока можете принять душ. Халат и банные тапочки там есть. Шампунь и полотенце на выбор, - распорядилась она и, не дожидаясь ответной реакции, скрылась за дверью.

Валька осмотрелся и, сообразив за какой из дверей скрывается ванная комната, поспешил туда. Долго рассматривать мраморные стены, сверкающую сантехнику и огромную кипельно-белую ванну не было времени, и быстренько ополоснувшись под душем, он предстал перед ней бодрый и благоухающий.

- Довольно оперативно, - похвалила она, нажимая на кнопку автоматической кофеварки, и добавила: «Кофе будет готов через пять минут. Я тоже».

Пока она принимала душ, он осмотрелся более внимательно. Чувствовалось, что «бабок» в эту хату было вложено не меряно, однако со вкусом и любовью к комфорту. По крайней мере, выключатель света в гостиной, когда он захотел убрать слишком яркое освещение, сперва сделал его менее ярким, затем просто тусклым и лишь потом погас окончательно. Он поигрался с выключателем и создал почти полумрак, в котором скрывались дальние углы комнаты, осмотрелся на кухне и, найдя кофейные чашечки, поставил их на поднос. Коли уж сняли тебя за деньги, так изволь отрабатывать.

- Недурно, совсем недурно, - признала она, выходя из ванной и встряхивая мокрые кончики волос: «Кофе предпочитаете черный, со сливками, по-турецки?»

- Черный с сахаром.

- Коньяк? Ром? Виски?

- Нет, спасибо.

- Тогда и я тоже не буду. Хватит на сегодня, - она взяла поднос с чашками и прошла в гостиную.

- Ну и как вас зовут, молодой человек, - наконец-то спросила она, отхлебнув ароматный напиток.

- Валя.

- Валентин... А вы знаете что был такой покровитель влюбленных?

- Да, Святой Валентин. Правда, он не только влюбленным покровительствовал.

Она рассмеялась: «А вы оказывается, весьма осведомлены, Валя».

- В школе хорошо учился, - отшутился он и задал встречный вопрос: «А как зовут Вас?»

- Ольга Васи... Нет. Просто Ольга. И давай перейдем на «ты».

- Оля, - почти прошептал он.

- Да. Так будет лучше, - согласилась она, делая последний глоток из чашки: «Сейчас я должна принять лекарство и мы приступим. Только, пожалуйста, не затягивайте прелюдию и чуть жестче в конце».

Он едва успел поставить чашки на поднос и уже собирался отнести их на кухню, как Ольга вернулась и каким-то низким, чуть хриловатым голосом скомандовала; «За мной». Он прошел вслед за ней в комнату, большую часть которой занимала огромная кровать, рассчитанная если не на великанов, то, как минимум на три пары любовников.

- Приглуши свет до минимума, - попросила она, переступая через соскользнувший с её плеч халат: «Я стесняюсь своего тела».

- Зря стесняешься, - совершенно искренне возразил он, но свет всё-таки приглушил.

- Лыстец, - она легла, запрокинув руки за голову, но по её тону чувствовалось, что довольна комплиментом.

- Вот смотри, - он прилег рядом и, облокотившись на локоть, стал объяснять, ласково водя кончиками пальцев по её телу: «У тебя длинная стройная шея, узкие красивые плечи, подтянутый спортивный животик...»

- Эй, так не пойдёт, - засмеялась она: «Ты забыл про грудь!»

- А что грудь? - удивился он.

- То, что её нет, - заявила она: «Даже с «пуш-апом» до второго не дотягивает».

- Оленька, у тебя прекрасная грудь, очаровательной формы, с великолепными набухшими сосками, которые так и хочется укусить, - прошептал эти слова, он наклонился и по очереди поцеловал два темно-розовых бутона, заметив, каким прерывистым стало её дыхание. Можно было начинать. Он оторвался от процесса и приблизился к её лицу. Огромные, неестественно блестящие глаза смотрели на него с какой-то мольбой. Судорожно сглотив, она приоткрыла внезапно пересохшие губы, и он приник к ним...

Только благодаря хорошей звукоизоляции дома никто не позвонил в милицию с сообщением о том, что на три этажа выше явно кого-то убивают. Ольга визжала, кричала и стонала так, что, кажется, сейчас вылетят стёкла вместе с рамами, а он, всё сильнее заводясь от её крика, только увеличивал напор и, если бы не хорошая практика с Ларисой, наверное, довел бы себя до истощения. По мере насыщения накал страсти снижался, но они продолжали любовные игрища, просто наслаждаясь друг другом. Самое весёлое началось после того, как он, уже на рассвете, во время очередной небольшой передышки, признался в своей ошибке относительно её рода деятельности.

- Ты хочешь сказать, что перепутал меня со шлюхой? Меня? Ой, не могу... - она минут пять каталась по кровати от смеха, а потом внезапно прижалась к его боку и спросила: «Скажи, а я могла бы стать проституткой?»

- Ну, я-то смог, - ответил он под новый взрыв хохота плавно переходящий в объятия.

Часов в десять замурлыкал телефон и Ольга, на пару минут задремавшая у него на груди, простонала: «Ууу... Это с работы».

- Может ответить? - предложил он, когда замолчавший на минуту телефон снова ожил.

- Не хочу, - капризно заявила она, оторвавшись от его груди и сев на кровати с поджатыми под себя ногами. Посмотрела на него из-за занавески спутанных волос и капризно надула губки: «Пусть катятся к чёрту!»

Третья попытка телефона вмешаться в интимную жизнь хозяйки закончилась для него летально, потому что пришлось на самый кульминационный момент и Ольга, не слезая с седла, ловким броском подушки снесла хрупкий аппарат вместе со столиком, на котором он стоял, к чертовой матери. Больше их не беспокоили.

Всё хорошее когда-нибудь кончается, так закончилась и эта ночь. Угощая его на прощание кофе Ольга, слегка усталая, но весьма довольная положила перед ним деньги. Четыре стодолларовые купюры.

- Хватит прикалываться, - фыркнул Валька: «Я же тебе объяснил, что это была шутка».

- Я не шучу. Ты свою часть договора выполнил с блеском, и пришла пора расплатиться. Бизнес есть бизнес.

- Убери, - сердито проворчал он: «Убери, а то обижусь».

- Хорошо, хорошо, - тут же согласилась она: «Но подарок я тебе сделать могу?»

- Подарок? - задумался Валька: «Подарок можно. Это не оплата».

Она вышла в прихожую, что-то там возилась довольно долго, шурша бумагами, и вернулась с коробочкой мужского одеколна, из разряда тех, что стоят как самолет.

- Держи, - протянула она ему подарок: «Знаешь, этот аромат я придумала до того, как мы встретились, но почему-то назвала его «Валентино». Он такой же как ты - страстный и смертельно опасный для женщин. А это моя визитная карточка на тот случай, если одеколон закончится».

- Спасибо

Прощаясь в дверях, он поцеловал ей руку и тихо сказал: «Я не забуду эту ночь до конца жизни».

- Ты слишком молод, чтобы помнить это так долго, а вот я точно буду вспоминать до самой смерти».

В машине он посмотрел на врученную ему визитку. «Ольга Васильевна Ле-Рош. Исполнительный директор парфюмерной фирмы...» с хорошо известным французским названием. Валька присвистнул: «Даа... Бывают в жизни огорчения. Хочешь хлеб, а съешь печение»

Он проспал весь день без задних ног, причем мифическая хозяйка квартиры не беспокоила его сон своим появлением неглиже. Может поэтому встал свежим, бодрым и отдохнувшим. Одно было плохо – густые синие сумерки уже затянули оконный проем, а часы на стене недвусмысленно намекали, что уже половина одиннадцатого и пора бы на работу.

Суматошно метнулся к холодильнику, что-то кинул в себя, даже не почувствовав вкуса и выскочил из квартиры. Кроме обычной «бомбежки» на сегодня у него было запланировано посещение Аполмоныча и заезд на Дубровку

К Аполмонычу он опоздал. На неоднократное тыканье пальцем в кнопку звонка никто не реагировал, но обратив внимание на щель в проеме и потянув дверь на себя, понял, что ломился в открытые ворота, потому что запирает замок никто и не думал. Сам же хозяин мирно почивал на полу у порога, свернувшись калачиком и подложив под щеку грязные кулачки. «Хорошо хоть на улице не уснул...», - проворчал Валька и переместил тело в более комфортные условия – на кровать. Прикрыл тряпьем и, оставив на письменном столе гостинцы в виде двух сэндвичей и пакета кефира, ушел, тщательно закрыв за собой дверь.

Зато в «конюшню» опоздать было невозможно, всё равно кто-то дежурит и на этот раз ответственную должность ночного стража занимал Серый, чью «пятерку» он обнаружил мирно дремлющей у забора. Покосившись на брошенную возле бокса «Волгу», он открыл дверь бытовки: «Здорово, мастер».

- Здоровей видали, - ответил лохматый, ковырявшийся с какой-то кучей железок на столе: «Дверь закрой, детей простудишь».

Антон, мирно лежащий в углу, приподнял морду и зарычал. «Отбой, Тоша. Свои», - успокоил его Серый и полуслепой пес, втянув ноздрями воздух, опять впал в нирвану.

- Погреться старика пустил? – поинтересовался Валька.

- На службе он. Детский сад охраняет.

- От кого?

- Крысы. Как почуяли молочных щенков, так и выются. Задобался сапогами кидаться, вот его на помощь и позвал.

- А что, крысы могут щенков сожрать?

- Запросто. А ты чего припёрся?

- Детям питание привез, - Валька достал из-за пазухи пакет молока и поставил на стол.

- Шестипроцентное... Ладно, водой разбавим.

- Я специально самое жирное взял.

- Эх, Валюшок, сразу видно, что у тебя собаки не было. Нельзя щенкам жирное молоко. У них от этого животики пучит.

- Ну, тогда Антону отдайте.

- Тем более нельзя. Взрослой собаке от молока один вред. В животном мире из взрослых особей молоко употребляет только человек. А знаешь почему? Потому что он – ошибка природы.

- Чо-та ты сегодня не в духе, - заметил он мастеру.

- Зато ты довольный как слон на случке.

- Угадал, прозорливый, - расплылся в улыбке Валька и с азартом поведал историю своего ночного приключения, рассчитывая, что они вместе посмеются над таким казусом, но Серый только хмыкнул.

- Знаешь, отрок, история сия забавна и поучительна, но я бы тебе посоветовал всё забыть и молчать в тряпочку. Особенно при Никеше с Кержачом.

- Это почему же?

- Просто по понятиям, брать деньги с телки за секс, ненамного лучше, чем спать с мужиками, и твой рейтинг в их глазах упадет ниже уровня городской канализации.

- Так я же денег-то не взял. Только подарок.

- А всё равно. Не по понятиям это.

- Так они же в завязке? Какое «по понятиям»?

- На воле живет человек или «на киче парится», а всё равно живет по правилам. Ещё от Моисеева завета всегда одно и то же, с небольшими интерпретациями. Ты знаешь чем «Кодекс молодого строителя коммунизма» отличается от Воровского Закона?

- Нет.

- Вот и я не знаю...

- Да, какое-то философское настроение у тебя сегодня. Разозлил кто?

- Есть тут один ...индивид. Юрец, извините за выражение. Сказали ему привезти навеску на двигло. Ну, там стартер, генератор, термомуфту и прочее. Так он привез. Но карбюратор... - Серый кивнул на грудку деталей на столе: « ... в целофановом пакете. Разобранный до винтика, и слезно просит его собрать, да ещё так, чтобы Верещагин об этом не знал. Ты прикинь, а?»

- Нормальный ход, - усмехнулся Валька.

- Ага. Модель такая, что на неё ни схем, ни чертежей не достать.

- Ну и как делать будешь?

- Как, как? Каком! Включу интуицию и методом научно-амплитудного тыка соберу. Вот только разозлюсь как следует.

- Ну, тогда бог в помощь, - улыбнулся Валька: «Поеду я. А то, как говорит Никеша, «бойся коня сзади, быка спереди, а Серого когда злой»

- Правильно говорит, - согласился мастер: «Только давай сначала чайку забодяжим, я тебе новую песенку спою и только потом буду злиться, а ты катись к ядрене фене резвым скоком, но помни – мы твоим деньгам всегда рады».

Уезжал Валька «резвым скоком», поскольку иначе его «Шерька» не умеет, слегка офигевший от крепости «забодяженного чайку» и напевая:

«И пускай бывает тяжело,
Всё рано я жизни рад,
Точно зная, что тельняшка
Лучше савана стократ...»

А что? Ведь прав, серая морда...

Глава VI

Жизнь продолжается

Город плавно переходил от состояния болезненной промозглой осени к бодрящим зимним морозам. С небес постоянно моросил ледяной дождик, порой переходящий в снег из которого нарастали первые сугробы. Погода капризничала, то размягчая их оттепелью, то снова сковывая в монолит заморозками. По проезжей части иногда ещё проезжали уборочные машины, сгребая в сторону всё, что попадает на пути, а вот на пешеходных маршрутах дворники явно не справлялись с силами природы, расчищая только самые востребованные тротуары и оставляя жителям право самостоятельно торить путь там, где им удобно.

Валька постепенно втягивался в зимнюю манеру вождения, чему способствовали, в том числе и занятия с Никешей. Под его бдительным взглядом «Шерька» выписывал на обледеневшем асфальте стоянки вензеля, петли и восьмерки, демонстрируя, на что способен задний привод при грамотном подходе. Иногда в качестве компенсации за потраченные нервы Валька презентовал своего учителя бутылкой коньяка, которая немедленно отправлялась в «общак», хранящийся в нижнем отсеке большого старого сейфа, ключ от которого колчерукий теперь носил на шее, рядом с крестом.

- На «День Аиста» пригодится, - довольно комментировал он каждое пополнение хранилища, намекая, что всё это будет оприходовано в тот день, когда закрыв ворота автосервиса, мастера воздавали должное живительному напитку под названием «Белый аист», впадая в лёгкий однодневный запой, с целью снятия стресса и лечения нервной системы.

Вот эти благоприобретенные навыки и подвели его, когда он резко затормозил перед внезапно вспыхнувшим красным сигналом светофора. Сам-то остановился, а вот висевшая у него на хвосте «шестерка» не успела, и характерный «бум» со скрежетом оповестил, что его таки догнали. «Опа-на, приехали», - проворчал он, вылезая из машины с целью оценки повреждений, одновременно с выигравшим игру в салки водителем «шахи».

- А что, другому способу торможения нас не учили? - недовольно проворчал он в адрес молодого парня, почти его ровесника, рассматривая оттопыренный в сторону «клык» бампера и осколки разбитого заднего фонаря.

- Извини, командир, так получилось, - развел руками тот: «Да и не сильно я тебя зацепил. У меня хуже». Действительно, бампер его машины оказался крепче согнутого в дугу «шестерочного», а разбитые фары не шли ни в какое сравнение с его фонарем.

- Фига се «ничего»? - возмутился Валька: «Да тут ремонта «баксов» на двести!»

- Ой, не гони, мастер. На «двадцатку» максимум. На, держи и разбежались, - виновник торжества протянул ему смятую купюру имени Президента Джексона.

- Офигела твоя голова? - предположил пострадавший: «Два «Франклина» и базара нет».

- Ну, не хочешь, как хочешь, - подвел итог дискуссии водитель «шестерки», засунул банкноту в карман, сел в машину и, врубив «заднюю», резво сдал назад, а потом с пробуксовкой нырнул в дворовый проезд. Оторопев от такой наглости Валька, прыгнул за руль, но повторить его манёвр не успел. На место «шестерки» уже пристроился какой-то «Опель», перекрыв ему дорогу.

Исполненный тоски и печали, он поплёлся на Дубровку для лечения душевных травм у себя и физических у своего автомобиля, тем более, что по времени мастера ещё должны были быть на работе. И действительно, он обнаружил всех троих задумчиво рассматривающими что-то под капотом пресловутого «Волго-Мерседеса».

- О, гляди-ка, наша лягушонка в коробчонке притарахтела, - отреагировал на его появление Серый, а Никеша добавил ласково: «Что те надо, убогий?»

- На жизнь пожаловаться, - сокрушенно вздохнул Валька.
- Ну, это только за очень отдельные деньги, - предупредил Кержач.
- Машинку мою обидели, - шмыгнув носом страдалец: «В попку ранили».
- Не горюй, болезный, мы как раз по этому делу, - успокоил его Никеша, и мастера дружно направились к травмированному автомобилю. Походили, пощупали, открыли багажник и сказали дружным хором: «Фигня делов».
- Бампер правится, фонарь меняется, задняя панель красится, да и рихтовки здесь на час работы, - успокоил его Кержач.
- За сутки сделаем, - пообещал Никеша.
- А в деньгах это сколько будет? – с трепетом задал основной вопрос Валька.
- Сотка «зеленью», - подытожил Серый: «Только сейчас мы не можем. Оба бокса панелями от бензоколонок забиты. После покраски сохнут. Так что пошли пока чай пить».

В бытовке их встретил дружный писк оголодавших щенков и Антон, старательно вылизывающий детей в тщетной попытке успокоить спиногрызов.

- Сейчас, сейчас, мои хорошие. Сейчас кушать будем, - успокоил малышей Серый, доставая из сумки две баночки детского питания, а затем протянул Вальке спортивный секундомер: «Держи. Время засечешь. Похоже ребята сейчас на рекорд пойдут».

Одного зверька взял Никеша, другого Кержач. Поставили их на пол, но придержали рвение, в котором те уже были готовы броситься к знакомым баночкам.

Серый выставил питание на пол, и скомандовал: «Начали!». Валька нажал на кнопку секундомера, а Никеша и Кержач одновременно отпустили щенков, в едином порыве, с боевым писком рванувшихся к еде. Маленькие лапки проскальзывали по линолеуму пола, но голодные спринтеры, уверенно набирая скорость, летели к вожденной цели, и Серому даже пришлось придержать посуду, чтобы они её не опрокинули. Одновременно воткнули мордочки в банки и, издавая довольное утробное урчание, принялись наворачивать молочную смесь.

- Финиш! – скомандовал Серый, давая отмашку и Валька остановил секундомер, но щенки, словно не замечая, что еда уже закончилась, продолжали остервенело вылизывать стенки посуды.

- Сколько? – спросил главный судья соревнований.
- Двадцать восемь секунд, - доложил хронометрист.
- Есть рекорд! – возликовали болельщики: «Урааа!»
- По этому поводу (Тра-па-па-пам!) победители награждаются двумя пакетиками «Агуши», - торжественно объявил Серый, доставая из сумки обещанный приз.

- Где ты столько детского питания набрал, - удивился Валька, наблюдая, как щенки с не меньшим энтузиазмом поглощают молочко.

- Сын у меня всё не съедает, вот и вожу этим растущим организмам.
- А им можно? – спросил Валька, припомнив молоко повышенной жирности.
- Конечно. Тут всё сбалансировано, - успокоил его кормящий отец: «А чуть позже я ещё сухое молоко привозить буду. С кальцием. Чтобы кости крепче были».

Зуммер пейджера отвлек Вальку от разговора. «Отец в милиции. Не знаю что делать. Наташа», - прочитал он на экране и опрометью бросился наружу.

- Ты куда, шальной? – донеслось ему вслед, но он уже запрыгнул в машину и с пробуксовкой сорвался с места.

Зареванная Наташка ничего толком объяснить не смогла. Сказала только что позвонили из отделения милиции и сообщили, что отец задержан за пьяный дебош в ресторане. Пришлось ехать вместе с ней в «ментовку», где дежурный сообщил, что «в девятнадцать сорок пять в ресторане «Волна» Кучеров Николай Иванович, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанёс телесные повреждения гражданину Японии (...хрен его знает, как это прочитать...) и был задержан нарядом милиции». Они не

поверили, но капитан сказал, что правоту его слов сможет подтвердить сам гражданин Кучеров Н.И., когда его завтра отпустят, если не будет принято решения о дальнейшем содержании его под стражей, ввиду тяжести совершенного преступления.

После этих слов Наташка как будто впала ступор, и только судорожно всхлипывала, пока он вел её к машине и усаживал на пассажирское сидение. Взяла протянутую им прикуренную сигарету и, сделав несколько затяжек, наконец-то обрела дар речи.

- Что же теперь будет? – последний раз шмыгнув носом, спросила она, с надеждой глядя на Вальку.

- Не знаю, - ответил он и, подумав, добавил: «Но есть одно место, где нам могут подсказать, что делать».

По удачному стечению обстоятельств, ночное дежурство по «конюшне» пришлось на Никешу, который обрадовано заорал: «Ой, глянь-ка, снова этот офигевший. Да ещё и бабу привез!»

- Это не баба, - не принимая шуточного тона, осадил он колчерукого: «Это жена моего отца».

- Хм... Извините, девушка, не разобрал сослепу, - смутился хохмач: «Проходите в хату».

Наташка вошла, недоверчиво и чуть испугано рассматривая обстановку. Валька усадил её в кресло, вручив психотерапевтическое средство в виде щенка, а сам взял быка за рога: «Косяк у нас, Никеша. Батю моего сегодня «мусора» приняли».

- По какой статье?

- За дебош в ресторане.

- Статья 206 УК. «Хулиганство». Ерунда, - и добавил: «Если «ментам» погоня не рвал, до года дадут, а по первой ходке вообще исправительные работы».

- Так он ещё фраеру накостылял...

- Это хуже. Тут целый набор, от сто одиннадцатой по сто восемнадцатую, и могут до восьми лет накрутить. Проще будет «терпиле» забашлять, чтобы заявку забрал.

- Так «терпила» ещё и иностранный...

- А вот это вообще хреново. Судейские за иностранцев по полной накручивают.

- Так что же, он теперь в тюрьме сидеть будет? – влезла Наташка, которой нежная шерстка под ладонями и довольное урчание пригревшегося у неё на коленях кутёнка помогли вернуть самообладание.

- Вряд ли. Не та статья, чтобы по ней до суда на нарах париться, - успокоил её Никеша: «А там видно будет. Может «химией» обойдётся на первый раз».

- А нам что делать?

- Расслабиться и не кипешить раньше времени. Будет нужно и «врача» найдём и «следака» подмажем и «маляву» ему на «кичу» перекинем. Не волнуйтесь.

Кажется, что из всей тирады она смогла понять только последние два слова, но этого было достаточно, чтобы она успокоилась окончательно.

На Таганке он усадил её на диван в гостиной и заварил крепкий чай с найденными на полке остатками меда. После пережитого волнения Наташку трясло и пальцы, коснувшиеся его руки, когда он подавал кружку, были холодными как лед. Накинув ей на плечи шерстяное покрывало, он уже собрался пойти покурить и обдумать сложившуюся ситуацию, как тихий голос попросил: «Валя, посиди со мной. Пожалуйста». Он присел рядом, но она, откинув часть одеяла, намекнула, что хотела бы ощущать под этим одеялом и его. Исполнил её пожелание, но она пошла дальше, деловито втиснувшись плечом ему подмышку и уткнувшись носом в ключицу. Вздохнула и замерла.

Тепло, мягкий свет настольной лампы и завывание ветра снаружи создавали ощущение неповторимого уюта и спокойствия, словно плед, укрывший их под своим крылом, смог отгородить обоих от того жестокого мира в котором приходится жить. Упругое женское тело, прижавшееся к его боку, конечно же, вызывало некоторые

чисто инстинктивные эмоции, но теперь он точно знал, что никакой эротикой здесь и не пахнет. Ей просто нужна была опора, и она нашла её в его лице.

- Валя, - тихо спросила она: «Скажи, только честно, ты бандит?»

- Почему ты так решила? – усмехнулся он.

- Ну как же? – она даже оторвалась от его груди, чтобы посмотреть прямо в глаза: «Ты ходишь с пистолетом и знакомые у тебя ...такие».

- Не с пистолетом, а с револьвером, - поправил её Валька: «А Никеша? То, что человек отсидел, ещё не означает, что на нём пожизненное клеймо. Сильный человек и в тюрьме остаётся человеком».

- Как бы я хотела стать сильной, - вздохнула Наташка, снова склоняя голову на его плечо, и уже через минуту по её ровному дыханию он понял, что она спит.

Утром их разбудил голос Алёнки: «Мама вставай, в садик пойдём». Они рефлекторно отстранились друг от друга, не совсем понимая, как случилось, что они проспали всю ночь, сидя под покрывалом. Наташка вскинулась, выпорхнув из их гнёздышка, и затараторила смущенно: «Ой, доча, и, правда, опоздали. Сейчас я тебе молочка согрею и побежим». Он проследил мутным взглядом, как она собирает ребёнка и опять провалился в сон, одновременно со щелчком замка входной двери.

Обо всем, что с ним произошло, отец рассказал им сам, когда уже ближе к вечеру они забрали его из КПЗ под подписку о невыезде. Как оказалось, в регистрации изобретения ему отказали, мотивируя своё решение «отсутствием востребованности» такого устройства, но после к нему подошел какой-то узкоглазый джентльмен и, предложив обсудить эту тему «в неформальной обстановке», пригласил в ресторан, где после долгих словесных маневров предложил продать прибор в Страну Восходящего Солнца за десять тысяч в свободно конвертируемой валюте. Отец отказался. Японец настаивал. И постепенно накал страстей дошел до того, что он врезал самураю в старых русских традициях с правой в челюсть.

- Ну и продал бы. Хоть деньги были, - буркнула Наташка.

- Хрен им! – вскинулся отец: «Пускай сами мозгами шевелить учатся. А то мы и радио, и паровоз, и телевизор изобретаем, а они только сливки снимают и себе приписывают!»

- А опротестовать решение комиссии можно? – поинтересовался Валька.

- Можно. Завтра же подам апелляцию, - пообещал отец, и Валька порадовался его боевому настрою.

То, что он окончательно сроднился с автомобилем, Валька понял, когда с вечера поставив «Шерьку» на ремонт в теплый бокс, на сутки остался «безлошадным». Ну, выдохся до упора, ну сделал генеральную уборку в квартире. Включив метод «амплитудного тыка», рекомендованный Серым, починил подтекающий бачок унитаза, а дальше что? Побродил из угла в угол и вытащил из какой-то самой глубокой извилины мозга идею: «А не позвонить ли матери?» На фоне сложившейся между ними напряженности, они не общались почти три месяца и к тому же, параллельно крутилась очень меркантильная мыслишка о возможном наличии в их бизнесе чего-нибудь более подходящего для зимних морозов, чем его тонкая кожаная курточка.

- Привет, мам. Это я.

- Ой, Валюшка, привет. Как я рада тебя слышать, - Вальку всегда коробило, когда мать так его называла, но стерпел: «Что у тебя нового?»

- Нового? Ничего. Живу, работаю.

- А живешь у отца или...?

- Квартиру снимаю, - небрежно бросил он, пробивая «понты».

- Ооо... Молодец, - видимо его рейтинг сразу вырос в её глазах: «А где?»

- На Севастопольском, но это неважно. Ты-то как? – опрометчиво спросил он и был вынужден заслушать обстоятельный доклад о том, что партнеры ненадежны, сбыт идёт туго, «челноки» обнаглели совсем, а таможня свирепствует. Вообще-то он рассчитывал на информацию о братишке или, на худой конец о ней самой и Вахтанге, но раз уж бизнес «uber alles», то всё остальное отходит на второй план.

- А пуховики мужские у вас есть? – прервал он словесный поток.

- Лучше есть! – обрадовалась она: «Куртки «Аляска» из Германии. В них на снегу спать можно. Ветронепродуваемые, с влагоотталкивающей пропиткой, из гагачьего пуха и всего по восемь тысяч...» Но Валька её радость не разделил и быстро свернул разговор, под предлогом того, что ему уже пора.

Было грустно. Он-то надеялся на подарок или, хотя бы, солидную скидку, но «халява» не прошла.

На Дубровке его встретил довольный «Шерька» со сверкающей свежей краской кормовой частью.

- Задолбались мы «копеечный» фонарь искать, - пожаловался Серый: «На рынке только от «одинадцатой». Хорошо у какого-то деда в гаражах заваялся. Выкупили по дешевке». Стоящие чуть в стороне два ряда гаражей, самовольным порядком возникших ещё до появления стоянки и так же как она прячущиеся в девственных зарослях, порой являлись кладезем особо эксклюзивных деталей для машин уже снятых с производства, типа «ЗИМ», «Победа» или «Волги» с оленем.

- Один «Аист» сверху, - пообещал проникнувшийся важностью этого момента Валька и спросил, кивнув на «восьмерку», возле которой с умным видом толпилась вся команда: «А это что? Тоже в ремонт?»

- Нет. На живодерню, - ответил Никеша, а Кержач пояснил: «В разборку на запчасти». «ВАЗ-2108», ещё из первого выпуска, с «коротким крылом», своим видом действительно напоминала старого печального коня, пегого от пятен ржавчины, в некоторых местах проевшей кузов до дыр.

- Пошли в вагон. Будем твой «лопатник» выворачивать. Наизнанку, - намекнул Серый: «Пока ты окончательно дуба не дал», и Валька, у которого уже зуб на зуб не попадал от холода, бодрой трусцой направился в тепло бытовки.

Щенки, устроившие возню на своей подстилке, с появлением людей прекратившие своё занятие и бросившиеся к ним в надежде на что-нибудь вкусненькое, получили обломки печенья и поглаживание не совсем чистых, но добрых рук. Валька обратил внимание, что растут они не по дням, а по часам и с каждым его посещением «конюшни» становятся всё больше похожими на настоящих собак, но обсуждение этого вопроса оставил на потом.

- Как там Верещагинская «Волга»? Что-то я её не вижу? – спросил он, прихлёбывая чай.

- Уехала. Катается где-то, - довольно равнодушно ответил Никеша, словно проведенная ими работа не была эксклюзивной.

- А карбюратор? – уточнил он у Серого.

- Собрал, - коротко доложил лохматый совершенно будничным тоном: «Работает».

- Только бензин жрёт как лошадь, - хохотнул Кержач и добавил: «Этот «кент» ему вместо жиклера винт просверленный поставил».

- А что делать, если эти бараны жиклер где-то посеяли, - отмазался Серый: «Ничего, я у токарей на заводе уже заказал. Поменяем, и всё будет тип-топ».

- Заплатили-то хорошо?

- Нормально, - фыркнул довольный Никеша: «Дешевле было новую «Волгу» купить».

- Ладно, поеду я, пожалуй. Денег очень хочется, - выплеснув в себя остатки чая из кружки, поднялся Валька.

- Катись, - дружелюбно напутствовал его колчерукий: «Нам твои деньги во как нужны», рубанул он ребром ладони по горлу, намекая на будущие оплаты ремонтов.

- Погоди, - тормознул его Серый и, достав из шкафа куртку «афганку», протянул ему: «На. Носи. А то замерзнешь где-нибудь и плакали твои денежки. В наших карманах».

Валька влез в знакомый ещё по армейской службе ватник цвета «хаки» с меховым воротником и рассыпался в благодарностях: «Вот спасибо, спаситель. Вот уважил. И где же ты такое чудо достал?»

- Трест ему, как сторожу, спецодежду выписал, - раскрыл тайну Никеша.

- А мне и в рабочем ватнике неплохо, - пояснил Серый: «Там ещё стеганые штаны и валенки есть. Заберёшь?»

Проезжая рядом с домом, где жил «титан технической мысли», он заметил торчащую из мусорного бака знакомую тощую задницу в замызганных штанах и притормозил.

- Добрый вечер, Геннадий Аполлонович, - поприветствовал он видимую часть тела: «Как дела?»

- А, Валентин... Здравствуй, - старик вылез наружу. Был он как всегда пьян и вонюч, со струпьями шелушащейся от мороза кожи на морщинистом лице.

- Вот. Ужин себе добыл, - похвастался он, демонстрируя кусок ветчины в вакуумной упаковке.

- Это что? - спросил Валька, удивляясь находке на помойке столь деликатесного продукта.

- Просрочка. Срок годности закончился, вот магазин и выкидывает.

- Протухшее что ли?

- Бывает и протухшее, но чаще всего вполне съедобно. Так я и подбираю. Жаль, что у водки срока годности нет, а то вообще не знал бы, куда деньги девать, - и он засмеялся хриплым каркающим смехом.

- Тогда ладно, поеду я, - заторопился Валька, несколько шокированный таким признанием.

- Храни тя Господь. Поезжай, - благословил его Аполлоныч и снова нырнул в бак.

При наличии теплой куртки, появилась возможность держать форточку в машине приоткрытой, а не прокуривать салон так, что некурящий клиент фыркал и морщил нос. Зато начали сыпаться шуточки насчёт армейской принадлежности водителя, но здесь всегда можно было объяснить, что на самом деле едут они в танке, но только маленьком и хорошо замаскированном.

Даже Наташка отреагировала на его обновку вытянувшись по стойке «смирно» и приложив кончики пальцев к виску.

- Вольно, - усмехнулся он: «Можно не напрягаться».

- Слушаюсь, товарищ генерал, - продолжила дурачиться она, а он прикинул, что хоть напрягайся, хоть нет, а равняться «на грудь четвертого человека», если её поставить в строй, будет весь батальон.

Правда, потом куртку всё-таки оценила и даже прикинула на себя, утонув в ней по самые уши: «Хорошая вещь. Если застегнуться, то никакой мороз не страшен. Вот бы мне такую, а то Николай сказал, что в январе и марте они ещё две бензоколонки открывают, так что он опять на меня рассчитывает».

- Куртку не обещаю, но штанами обеспечу. И валенками, - пообещал он.

- Ой, правда, валенки? Настоящие? Привезёшь? - обрадовалась она.

- Привезу. А пока держи вот это, - и он протянул ей привезенную с собой коробку.

- Сапоги. Итальянские. На меху, - восхищенно прошептала она, открыв коробку и не веря своим глазам: «Мне?»

- Тебе, конечно. А то ходишь в балетных тапочках по снегу, а я тебя потом лечить должен, - нарочито ворчливо пробурчал он.

- Ой, Валька, - взвизгнула она, бросилась ему на шею, но тут же отпустила и кинулась примерять обновку: «Как здорово. Удобно, словно в тапочках. И размер угадал точно».

- Я же волшебник, - скромно признался он. Ну, не раскрывать же что Серый поделился секретом как моряки своим женам обувь за границей выбирают. Берут с собой в рейс стельку, а потом в магазине вкладывают внутрь обуви и, если подошло, то покупают.

- Что у вас тут за веселье? – заглянувший на шум отец был явно не в духе.

- Смотри, Коля, - сияющая Наташка покрутила ножкой и так и этак: «Валя мне сапожки подарил. На меху! А если отвороты вверх поднять, то вообще как ботфорты смотрятся». Она даже приподняла подол платья до середины бедра, желая продемонстрировать мужу, как хорошо сидят сапоги на её стройных ногах, но он не оценил.

- Отблагодарить не забудь, - буркнул он и ушел к себе.

- Чего это он? – спросил Валька, провожая его взглядом.

- Нервы, - Наташка, вздохнув, села снимать сапоги: «Он последнее время всегда такой».

Купить ей зимние сапоги он поклялся сам себе ещё после того, как съездили на осмотр бензоколонки Коляныча, но как-то всё не удавалось накопить достаточно денег. А тут Серый выручил курткой, и вопрос решился сам собой. Правда, сапоги стоили как весь его комплект зимней резины, поэтому пришлось выйти за рамки бюджета, но не нас же зарабатывают деньги, а всё-таки мы их.

В декабре с работой стало похуже. Как не дави наш народ, а без праздника он не может. Особенно без такого как Новый Год. Тут хоть штаны продай, а застолье обеспечить. Вот и экономят. Норовят пешком или на общественном транспорте, а Вальке от этого одно расстройство. Выручают только «пейджерные» клиенты, те которым он приглянулся, но они в его услугах нуждаются в основном днём, поэтому режим работы стал каким-то непонятным. Когда днём, когда ночью, а когда с утра до утра. Таким образом, занесло его как-то ранним вечером в Подольск.

Отвез постоянного клиента, который по этому маршруту два-три раза в месяц ездил с какими-то коробками. Что в тех коробках Вальке и дела нет, но чесать обратно порожняком неохота. Вот и крутанулся по городу в надежде подцепить кого-нибудь до Москвы. И подцепил...

- В Коммунарку за минетик отвезёте? – спросила жизнерадостная смазливая мордашка, когда он притормозил на её поднятую руку. Валька задумался. Про «натуральную форму оплаты» он слышал неоднократно, но самому в такой валюте получать пока не приходилось. Может он казался неприступным, может дамы попадались слишком скромные, а тут прямо и открытым текстом... Впрочем, Коммунарка, это же почти Москва, а другими клиентами даже не пахло, и он согласился: «Садитесь».

Она прыгнула на пассажирское сидение и, стрельнув у него сигарету, принялась тараторить о всякой женской ерунде, а он, погоняя машину по плохо очищенной дороге, искоса рассматривал свою спутницу. Прошло уже достаточно времени после Ольги, чтобы его организму показались вполне привлекательными чуть полноватые ножки в зимних кроссовках и пухлые губки, в сочетании с курносым носиком и задорными глазками. Он подумал даже, что не против отвезти ещё куда-нибудь, чтобы таким образом увеличить сумму оплаты. Правда немного раздражало, что трещала она как заведенная, так, что едва не проскочили нужный поворот.

- Ой, нам сюда, - спохватилась она, и Валька всё же успел вписаться в съезд на какую-то проселочную дорогу. Дальше путь их лежал через лес, но расчищено было неплохо, по сравнению с трассой и «Шерька» доехал до ворот какого-то дачного поселка, ни разу не забуксовав.

- Может, притормозим? – намекнул он ей на оплату проезда.

- Зачем? – простодушно улыбнулась она: «Дома и рассчитаемся».

Валька пожал плечами. Кто её знает, может в гости пригласить решила? Чтобы в комфортабельных условиях, так сказать...

- Всё. Приехали, - радостно сообщила пассажирка, когда они остановились возле голубых ворот, и выскочила из машины.

- А оплата? – прозрачно намекнул Валька.

- Сейчас, сейчас, - игриво пообещала она и нажала кнопку звонка.

Он уже решил выйти, чтобы как-то прояснить ситуацию, но в этот момент из ворот вышло что-то напоминающее последствия сексуального контакта между озабоченным йети и бурой медведицей. Выслушало то, что сообщила ему девица, и неторопливой походкой направилось к машине.

- Тиштоли минета хател? – спросило существо: «Тагда виходи и дэлай. Можишь мне, можишь брату, можишь абиим сразу».

Эх, хороша резина «снежинка» да по рыхлому снегу! Заметив ещё одного представителя тупиковой ветви эволюции появившегося из ворот, Валька так нажал на педаль газа, что «Шерька» рванулся вперёд, едва не оторвавшись передними колесами от земли. Пролетев по пустым улицам поселка, он вырвался на оперативный простор и остановился. Ржал минут пять. Так, словно ему пятки щекотали.

Примерно так же ржали и обитатели подпольного автосервиса вместе с приехавшим за своими панелями Коляном, когда он рассказал им об этом случае.

- Нет, братан, - вытирая слёзы и отдышавшись, заявил Колян: «Твоя задница явно под приключения заточена. Сама ищет».

- Ашибаесси, - поправил его Никеша: «В этом деле у нас Серый эксперт. Слышал как он весь район спас?»

- Нет, - удивился Колян: «Ну-ка, расскажи».

- Было это весной, аккурат, когда ты в запой ушел. Пошел это, значит Серый посцать... - начал Никеша, но лохматый его перебил.

- Погоди, давай сам расскажу. Пошел это я, значит, за гаражи. По делам. Смотрю, из земли горлышко бутылки торчит. Типа как из-под шампанского, но пробка как у пива. Ясен пень, пнул я её ногой. Ну, какой же мужик не пнёт? А тут чуть ногу не отбил. Поднимаю, а в ней веса на полпуда, а сама бутылочка коротенькая, этак грамм на триста. Тут я смекнул, что это ртуть и тихой сапой свалил.

- Позвонили мы тут же клиенту нашему, - не выдержал и влез в рассказ товарища Никеша: «Андрюхе из ФСБ».

- А что, у вас и такие есть? – удивился Валька.

- Ай, в нашем заповеднике, какого только зверья не водится, - перехватил инициативу Серый: «И Анрюха нам велел сидеть на попе параллельно полу, не дёргаться, а бутылочку на место положить».

- Ага. Две недели «наружка» эту бутылку пасла, - не сдавался Никеша: «Ну, сам понимаешь, теракты кругом и всё такое прочее. А потом приехали и забрали. Полквартала оцепили. «Чуханы» в химзащите мельтешат. «Мусоров», как на первомайской демонстрации. Шутка ли, если бы разбилась бутылочка, то район точно бы траванулся. А там их целых две оказалось. Вот с тех пор Серый у нашего участкового в лепших корешах ходит. Реально, ему майорскую звезду подарил».

- Это как? – снова не понял Валька.

- Когда кипишь закончился, пришел ко мне участковый и говорит: «Давай объяснительную писать». Ну, я и написал, что «обнаружив емкость с неопознанным веществом», первым делом стукнул ему, а потом уже действовал под его «чутким и мудрым руководством». Мне-то пофиг, а ему майора дали, а то так и оставался бы «вечным капитаном» до пенсии. Да и нам от этого польза немалая, - Серый подмигнул Вальке и закончил: «Кстати, старшему лейтенанту госбезопасности Сизых, в местных кругах именуемому просто Андрюхой, тоже звездочку повесили, поскольку ртуть нашли по «информации полученной от его агенты»».

- Об этом даже по телевизору показывали, - вставил Кежач.
- А тебе что дали? Медаль, наверное? – съехидничал Валька.
- Ага. Хрен с маслом мне дали, - засмеялся Серый: «Хотя нет, Андрюха бутылку водки поставил. Только я ж её не пью».

После этого случая к предложениям о «натуральной оплате» Валька подходил очень осторожно и когда буквально через несколько дней поступило аналогичное, сразу навоострил уши.

Подхватил в Очаково какую-то тётку с тяжелой коробкой и, объявив цену, услышал: «А если не деньгами, то можно будет с вами рассчитаться?»

- В смысле? – не понял он. Тетка была в возрасте и совсем не гламурного прикида, чтобы на неё западать даже с голодухи.

- Вы меня довезете, а я вам бутылку шампанского дам, - пояснила она: «Комбинат наш на грани банкротства, вот и выдали часть зарплаты продукцией. А зачем мне целый ящик? Так довезёте?»

- За две бутылки довезу, - моментально произведя калькуляцию, предложил он.

- Согласна, - вздохнула она, садясь в машину.

Правда, в качестве нагрузки к двум бутылкам Очаковской шипучки пришлось всю дорогу выслушивать печальную историю её жизни, но тут ему было не привыкать. Кому ещё пожаловаться нашему человеку? Батюшке на исповеди, да таксисту за рулем. Ни тот, ни другой не помогут, а всё на душе легче будет. Валька слушал, пропуская её рассказ мимо ушей, чтобы не мешал мыслям в его голове сложиться в бизнес-план и поэтому, помогая ей выгрузить тяжелый ящик, вполне осознанно предложил: «Если хотите, то можете оставить мне свой телефон. Я попробую ваше шампанское знакомым предложить. Правда, если будут брать, то за полцены».

- Ой, ну хоть так, - вздохнула она: «А то денег совсем нет. Даже внучатам подарки купить не на что».

Расчёт его оказался верен. Шампанское за две недели до Нового Года, да ещё по бросовым ценам. Кто же откажется? Брали все: Ильдар, Коляныч, Сирота, так что у Галины Николаевны, как, оказалось, звали его пассажирку, реализовали всё буквально за пару дней и по её же предложению начали скупать у сослуживцев, так же обременённых излишками спиртного. Но самая масть попёрла, когда он закинул пару ящичков на Дубровку и согласовал стоимость товара с её обитателями. Конечно, жучило Серый хорошо подвинул его в цене, но зато и разбирали шампанское со скоростью, чуть меньшей, чем третья космическая. Ему оставалось только носиться по Москве, собирая ящички и отвозя их на «конюшню», а то и сразу клиентам.

В таких условиях, особенно когда шел груженный, приходилось брать клиентов только попутных, но и им Валька не забывал рекламировать свой товар и многие соглашались на покупку.

В половине первого, намотавшись за день, уже не чувствуя ни рук, ни ног, он решил, что на сегодня героизма и заработанных денег хватит, а значит пора домой в уют маленькой квартирки на Севастопольском. Принять душ, посидеть с сигаретой и кружкой крепкого чая, а потом упасть в нирвану мягкой широкой кровати. Но, свернув с Минской на Мичуринский, обнаружил женскую фигуру, торопливо шагающую, почти бегущую по проезжей части.

- Мадам, здесь не место для прогулок, - заметил он, слегка притормозив и приоткрыв окно. Она замерла, с подозрением глядя на него, и Валька, нажав на тормоз, остановился рядом. Минуту молча, они смотрели друг на друга, а потом она решительно открыла дверь и села в машину. Женщина была явно не в себе, тяжело дышала и смотрела на него широко открытыми полубезумными глазами.

- Меня только что хотели изнасиловать, - заявила она.

- Так, - он плавно отъехал к краю дороги, чтобы не мешать изредка проезжающим машинам: «И что мы теперь будем делать?».

- В смысле? – вскинулась она: «Что делать?»

- В том смысле, что мы едем в милицию писать заявление или ищем этих негодяев, чтобы настучать им по голове чем-нибудь тяжёлым? – он старался говорить как можно спокойнее, понимая, что так быстрее придёт в себя и она.

- Я не знаю. Они схватили меня и Дашку. Засунули в разные машины и увезли. Я потом вырвалась и убежала, а мои вещи остались там. Я не знаю где.

- Хорошо. Тогда зайдём с другой стороны. Куда вы сейчас шли?

- Домой.

- Зачем?

- Мне нужно прийти в себя и успокоиться.

- Правильное решение, - поддержал он: «Скажите где ваш дом, и я отвезу вас».

- Олимпийская деревня.

- Так это совсем рядом. Поехали.

Всю короткую дорогу он украдкой рассматривал свою попутчицу. С «мадам» он, конечно, погорячился, но уже и не «мадмуазель». Где-то на границе этих понятий. Можно даже назвать симпатичной, если не обращать внимания на постоянно меняющуюся мимику лица, словно его периодически сводит судорогой. Нервный тик. Он стал припоминать, что ему рассказывала о таких случаях Лариса, которая в свое время работала в службе женской психологической помощи. Получается, что тут до психушки осталось два шага.

- Вот здесь остановитесь. Мы приехали, - дрожащим голосом сказала она.

- Хорошо. Надеюсь, вас дома кто-нибудь встретит, - он припарковал автомобиль у подъезда и добавил, припоминая разговоры с Ларисой: «Советую принять душ, выпить успокоительного и лечь спать. Утро вечера мудренее».

- Дома никого, - сказала она, ломая пальцы: «Мы эту квартиру с Дашкой на двоих снимаем, а её увезли».

- Не беспокойтесь. Давайте будем считать, что она тоже убежала.

- Мне страшно, - почти крикнула она, стиснув ладони так, что хрустнули суставы.

- Успокойтесь, - он взял её ледяные руки и стал поглаживать, словно пытаясь согреть. Она, совершенно не реагируя на его действия, неподвижным взглядом смотрела в какую-то точку перед собой, но через некоторое время её дыхание выровнялось, хотя дрожь не исчезла.

- Спасибо, - сказала она, вынимая руки из его ладоней: «Сейчас мы поднимемся и я рассчитаюсь».

- Не надо денег. Я вас бесплатно вёз.

- Надо, - категорически заявила она с истерическими нотками в голосе и он, чтобы не провоцировать новый приступ, согласился.

На седьмом этаже она достала ключ из кармана пальто, но никак не могла попасть им в замочную скважину, и Вальке пришлось ей помочь. В прихожей включила свет, сбросила пальто на пол и прямо в сапогах прошла в комнату, словно забыв о его существовании. Он, оставаясь в прихожей, осмотрелся. Обычная двухкомнатная квартира, с минимумом мебели. Явно не соврала, что снимают.

- Колготки порвали, сволочи, - доложила она, вернувшись уже босиком, и протянув ему несколько купюр, встала напротив, прижавшись спиной к стене и сложив на груди руки. Он сунул деньги в карман, не считая, и уже собирался уйти, как она злобно прошипела: «Сволочи. Все сволочи...»

- Ну, может не все, - попытался мягко возразить он, но осекся, поймав её полный ненависти взгляд.

- Все! – истерически крикнула она и опустила руки, предъявляя его взору разорванную на груди одежду: «Вот смотри! Блузку порвали! Тискали меня своими вонючими ручищами!»

- Успокойтесь, - слова мягко попросил он, чувствуя, что не может справиться с её истерикой.

- Успокойся? А может и ты сюда пришел, чтобы меня изнасиловать!? – продолжала бесноваться она.

Лариса говорила, что человеческий мозг очень сложный механизм и порой женщина подвергшаяся насилию, но не имевшая физического контакта, может слететь с катушек в силу того, что морально она уже готова к тому, чего не произошло, только представляя в уме всю картину.

Он протянул руку и положил ладонь ей на плечо. Резко дернувшись, она скинула её и замерла тяжело дыша. Он снова положил руку на плечо и легким движением схватил её сзади за шею. Крепко, но стараясь не причинить боль. Извернувшись, она попыталась укусить его за запястье, но не смогла дотянуться, и Валька подвинул руку так, чтобы ей было удобно. Мелкие белые зубки, блестящие в полумраке прихожей впились в его руку. Но не больно. Скорее демонстрируя укус, чем действительно кусая.

- Так и есть, - подумал он: «Всё-таки Лариса очень хороший психолог». Другой рукой он схватил её за грудь и резко прижал женщину к стене, так что она даже застонала, но её вскинувшиеся руки не столько пытались оторвать его ладонь от тёплой упругой плоти, сколько помогали ей грубо ласкать тело, а удар коленом между ног всего лишь погладил внутреннюю сторону бедра, да там и остался...

Когда она наконец-то уснула, обхватив его бицепс двумя руками и уткнувшись носом в плечо, он тихонько освободился из женских объятий и прошел на кухню. Подобрал по пути свои валяющиеся на полу коридора джинсы, достал сигарету и закурил. Квартира напоминала поле боя, разбросанной там и здесь одеждой, и было видно, что сражение шло жаркое. Выигран бой или нет, понять сейчас было сложно, но он честно приложил все усилия, чтобы положительные эмоции этой ночи перекрыли негатив того, что произошло вечером. Хотя, судя по тому, что под конец она уже не рычала на него дикой тигрицей, а скорее мурчала довольной домашней кошечкой и даже иногда брала инициативу в свои руки, определённый эффект был достигнут. По крайней мере, он на это надеялся.

Целую неделю деньги шли сплошным потоком, пусть и не полноводной Амазонкой, а узеньким ручейком, зато непрерывно и к всеобщему удовольствию. Валька смог не только накопить на оплату квартиры и отложить на месяц вперёд, но даже ухитрился сделать себе подарок к Новому Году – купил зимние ботинки и тёплые джинсы. Однако, всё хорошее когда-нибудь кончается, так закончилось и «зарплатное» шампанское. А спрос оставался. И Валька поддался на предложение нескольких работников завода о скупке дополнительного объёма продукции, вынесенного с охраняемой территории в качестве премии, не проведённой через бухгалтерию. Проще говоря, скупать ворованное.

Но тут возникла заминка уже с реализацией. Заметив, что товар начал поступать без упаковки и разного сорта, Серый категорически отказался его брать.

- Видишь ли, Вальшук... - объяснил он свои действия: «Покупать шампанское, имеющее вполне официальное происхождение, у частного лица это одно. И Уголовным Кодексом не возбраняется. А вот брать честно стыренное – это уже скупка краденого».

- Статья 175 УК. До двух лет. А поскольку «группой лиц» и «по предварительному сговору», то до пяти, - выдал консультацию Никеша.

- Понял. Тема закрыта, - согласился Валька, но всё же спросил ехидно: «А тосол ворованный с ЗИЛа бочками кто продает?»

- А у нас всё официально, - срезал его Серый: «Мы один раз бочку у завода купили, а теперь под эту накладную и всё остальное гоним».

Из этого Валька сделал два очень ценных для себя вывода. Первое – знать меру и не зарываться, а второе – всегда держать задницу прикрытой официальной бумажкой.

Сопоставил своим аналитическим умом сумму доходов со сроком отсидки, и прикрыл лавочку.

То, что плохое настроение отца связано не только с висящим над ним мечом Фемиды и получением патента на «ФОК», он понял, когда заскочил среди дня, чтобы передать бутылочку шампанского к новогоднему столу. Наташка заканчивала отделку внутренних помещений на Коляновой бензоколонке, а Алёнка была в детсаду и в квартире они оказались одни.

- Ты с Наташкой спал? – прямо и без обиняков спросил он сына.

- Ты что? С ума сошел? – возмутился Валька и даже покрутил пальцем у виска.

- А мне Алёнка сказала что спали, - он даже стукнул кулаком по столу: «Говори правду!»

- Алёнка? – Валька даже удивился, что взрослый человек так прямолинейно воспринял слова ребёнка: «Да. Спали. В ту ночь, когда тебя забрали. Вернулись из «ментовки» без задних ног и прямо здесь, сидя на диване уснули. Вырубилась». Отец смущенно хмыкнул, а Валька продолжил: «А если ты так безоговорочно веришь тому, что она сказала, то спроси, в одежде мы были или нет. Я тогда, помнится, даже ботинки снять не успел».

- Ну, прости, Валь. Дурь какая-то из старой башки полезла... - смущенно извинился отец.

- Ты главное не додумайся Наташке этот вопрос задать. Вот стыдобища-то будет, - добил его Валька и ушел, отказавшись даже от чашки чая, но про себя решил впредь на прелести мачехи голодными глазами не пялиться. По крайней мере, при отце.

К встрече Нового Года Валька подготовился тщательно. Залил полный бак бензина, проверил масло, «запаску», несколько бутылок шампанского в багажнике, предназначенных для нужд клиентов, и свежая пачка презервативов в «бардачок». Так, на всякий случай. Сидеть за столом, пожирая разную вкуснятину, и тарашиться в экран телевизора он не собирался. Даже, невзирая на предложение желающего заглядывать свою вину отца составить им компанию. По информации, внушающей доверие, эта праздничная ночь была самой выгодной в году для частного извоза, и не воспользоваться этим было просто неразумно.

31-го, выспавшись, приняв душ и плотно позавтракав, примерно около полудня, благоухая французским одеколоном, он включился в предновогоднюю гонку. Назвать иначе то, что творилось на дорогах, язык не поворачивается. Клиент пёр, как лосось на нерест. Косяком. И всем срочно. Поэтому носились «извозчики» на предельно допустимых, а порой и недопустимых скоростях. К вечеру машин поубавилось, но зато ещё больше увеличилась скорость передвижения, потому что стало «очень срочно». Кто-то опаздывал в гости, кто-то не успевал к семейному столу и Валька, мечтающий лишь о том, чтобы мочевой пузырь не лопнул где-нибудь прямо на светофоре, не уставал давить на педаль газа.

Последнего клиента в уходящем году он успел довести по адресу ровно за пять минут до того, как во всех телевизорах страны зазвучали куранты, и дружный звон бокалов оповестил, что населению страны удалось пережить очередной трудный год её истории. «С Новым Годом, малыш», - поздравил он своего напарника, чокнувшись минералкой о его баранку руля.

Первый клиент в новом году тормознул его минут в двадцать первого. Срочно требовалось сменить дислокацию места празднования. И понеслось. Кому из одной кампании в другую, кому от родителей к друзьям, кому просто покататься и покуражиться. Все пьяные, веселые и щедрые. Снова крутился как заведенный, пока ближе к утру город не начал затихать, засыпая, где придется. Тут он понял, что ещё немного, и он сам уснет прямо в машине, положив голову на рулевое колесо. Дополз опустевшими улицами до Севастопольского. В квартире, сложив кучей вытащенные

изо всех карманов дензнаки и придавив их сверху своим «Айсбергом», чтобы не разбежались, рухнул на кровать.

Проснулся он от истошного крика и спросонок даже не понял что происходит. В дверях спальни стояла женщина и смотрела на него круглыми от испуга глазами, сжимая в руке швабру.

- Вы кто? Что вы здесь делаете? – верещала она. Истерические нотки в пронзительном голосе напомнили ему недавнее ночное происшествие, а тупящий спросонок мозг, сначала даже предположил, что та, «недонасилованная», смогла каким-то образом его найти. Но сфокусировавшееся зрение опровергло это, заметив, что нынешняя неожиданная гостья и ростом повыше, и мастью посветлее, да и не похожа на ту, из Олимпийской Деревни, ни с какого бока.

- Живу я здесь, - кое-как выдавил он пересохшим ртом.

- Пошел вон отсюда! Это моя квартира! – заявила она, и Валька наконец-то сообразил, что это Наташкина подруга, в неурочный час вернувшаяся из своей заграницы.

- Пойдите, кажется, я понял, - обрадовался он: «Вы хозяйка этой квартиры, а я её снимаю».

- Какое ещё «снимаю»? Я сказала вон отсюда! Немедленно! – она даже отступила в сторону и махнула своим «оружием», указывая направление движения. Прямо к входной двери.

- Извините, я... - попытка разъяснить ситуацию не удалась, и она оборвала его на полуслове: «Уходите или я вызову милицию».

Понимая, что она совсем неадекватна, и что-то объяснить ей всё равно не удастся, он согласился с её аргументацией: «Хорошо, я сейчас уйду. Только не волнуйтесь, пожалуйста».

Благо ещё, что спать прямо в одежде завалился, и не пришлось скакать перед ней в полуголом виде. Под прицелом направленной в него рукоятки швабры Валька забрал со стола кучку честно заработанных, а так же то, что её прикрывало, и бочком проскользнул к выходу из квартиры. Не хватало ещё получить деревяшкой по башке от безумной бабы.

На Таганке все ещё спали, и пришлось открывать дверь своим ключом. В квартире царил запах ёлки и салатов, но сильнее всего пахли мандарины, растрепанные шкурки которых Алёнка разбросала по всему полу.

- Ой, Валя, привет, - сонно промурлыкала Наташка, появившись на непонятный шум в прихожей.

- Привет, - откликнулся он, целуя помятую со сна щеку: «Накинь чего-нибудь, а то простудишься». Замерзнуть в тёплом помещении было проблематично, но в голове отца могли опять проснуться очень ревнивые тараканы, если бы он увидел свою жену в полупрозрачной ночной рубашке рядом с сыном.

- Что-то случилось? – предположила она, послушно накинув на плечи потертый шерстяной платок с латиноамериканским узором.

- Похоже, хозяйка квартиры приехала, - доложил он.

- Ой, Неллик вернулась, - расплылась в улыбке Наташка: «Лапочка...»

- Не знаю, какая она там лапочка, но башку мне чуть не проломила, - резко перебил её Валька: «И из квартиры выгнала».

- Чего это она? С ума сошла?

- Мне кажется, что ты угадала, - со злостью подтвердил он: «Орет как прокаженная, трясётся вся. Она часом не эпилептик?»

- Нет. Что ты? Она у нас в группе самая спокойная была, никогда даже голоса не повышала, - удивилась Наташка: «Подожди, я сейчас ей позвоню и всё выясню».

Перетащив на кухню телефонный аппарат, она три или четыре раза набирала номер, пока на том конце провода ей не ответили. Он специально не прислушивался к разговору, занимаясь приготовлением чая, но некоторые фразы до него всё-таки долетали.

- Алё, Немлик. Привет, солнышко... - Да. Ты только не волнуйся... - Да. Это мой, как бы тебе сказать, пасынок... - Нет, что ты? Он нормальный парень... - Успокойся, пожалуйста... - Не реви, я сейчас приеду, - Наташка положила трубку на рычаг и тяжело вздохнула: «Там действительно какой-то дурдом. Надо ехать».

- Тебя отвезти?

- Не надо, я сама. Ложись пока, отдыхай.

Валька проспал весь день и проснулся только вечером, когда за окнами уже вовсю царил темнота. Наташки ещё не было. Он поужинал с отцом остатками праздничного стола, оценил новые модели одежды, созданные Алёнкой для её кукол, а хозяйка всё никак не возвращалась. Настораживало и то, что все его телефонные звонки оставались без ответа. Он уже собрался ехать туда сам, но в этот момент тихо скрипнула входная дверь.

Наташка устало сняла пальто, скинула сапоги и прошла на кухню. Села, зажав ладони между коленей и несколько минут смотрела прямо перед собой невидящим взглядом.

- Ну, что там? – проявил нетерпение отец, которого Валька уже успел ввести в суть проблемы.

- Жопа там... - неожиданно грубо ответила она: «Попала наша девка, как кур в ошип...». И рассказала, что у приехавшей работать, согласно контракту, дизайнером Нелли, германские работодатели сперва отобрали паспорт под предлогом оформления вида на жительство, а потом, заявив, что оформление обошлось слишком дорого, предложили отработать недостающие деньги ...проституткой. Наташка не рассказывала всех подробностей, но было понятно, что строптивую русскую били, запирали в сыром подвале и морили голодом, а когда это не помогло стали ежедневно насиловать всей компанией в извращенной форме. В конце концов, она сдалась, но только для того, чтобы при первой же возможности сбежать в одном платье на голое тело, невзирая на баварские морозы. Спас её ребе местной синагоги, у дверей которой она и собиралась окончательно замерзнуть. Проявив солидарность с человеком одной с ним национальности, он отвез её в российское консульство и даже поскандалил немного, заставив их действовать, в результате чего, в чужой одежде и со справкой об утере документов, она была отправлена в Москву за казенный счет.

- Так что, Валя, такая реакция на появление в её квартире «какого-то мужика с пистолетом, валяющегося на куче денег» вполне понятна, и я хочу передать тебе её извинения, но съехать тебе всё равно придется, - закончила она.

- Может хоть угол сдаст? – Вальке было жаль терять такое уютное жильё.

- Исключено. Сейчас появление мужчины поблизости вызывает в ней только одно желание – убить его.

- Ладно, - он достал из кармана и отсчитал несколько купюр: «Передай ей оплату за квартиру и узнай, как я смогу забрать свои вещи».

- Спасибо, очень вовремя. А вещи можешь забрать завтра вечером. Договорились с ней, что я подъеду, и мы посидим. Отпустишь? – спросила она у мужа.

- Конечно, - согласился отец: «А Валька пока может у нас пожить. Не впервой».

Такое предложение, конечно, грело душу, но учитывая нюансы папашиных ревнивых тараканов, Валька предпочел бы держаться подальше от радующих глаз пикантных форм мачехи и, как у него уже вошло в привычку, по всем сложным и деликатным вопросам обращаться в «секретный автосервис», выбрал момент и направил бег своего «железного коня» на Дубровку.

- Ну и что ты мне мозги паришь? – проворчал Серый, мирно кемаривший на службе и разбуженный его визитом: «Я тебе ещё в прошлый раз советовал к Аполлонычу на постой попроситься. Он дед добрый, да и ты для него немало сделал».

- Смердно там как-то и неуютно, - пожаловался Валька.

- А здесь, в бытовке отель «пять звезд»? Или забыл, как просил тебя по нашему адресу прописать? – осадил его лохматый: «Избаловался ты, как я посмотрю от хорошей жизни. А что «гадюшник» у него, так сам наведи порядок и живи. Глядишь, и дед к чистоте приучится. Ладно, если уж разбудил, ставь чайник и я тебе «Чуду-Юду» покажу». Валька включил потрепанный чайник и отправился вслед за мастером.

В боксе, куда привел его Серый, стояла «восьмерка» весьма необычного вида. С разобранным салоном, приваренной вместо лобового стекла решеткой из металлических прутьев, покрашенная во все цвета радуги и с нарисованной мордой, украшенной клыками. Только по «короткому» крылу он смог узнать в ней тот «ВАЗ-2108» который Никеша собирался отправить на живодерню.

- За что вы её так? – пожалел он машину: «Не могли сразу пристрелить, чтобы не мучилась?»

- Узнал коня? – подмигнул Серый: «Это Никеша идею кинул, чтобы его напоследок использовать в целях, полезных для бюджета».

- Народ пугать и деньги с них трясти?

- Нет, в «гонках на выживание». В феврале очередное авто-родео в Крылатском устраивают, вот мы и записались».

- На этой, что ли? – удивился Валька: «Она же гнилая насквозь».

- Гнилая. Но я моторчик перебрал в лёгкую и форсировал, а мужики кузов трубами усилили и покрасили теми остатками, что в банках по углам валялись. Вот и получилось «Чудо-Юдо». На три заезда хватит, а там – в металлолом.

Действительно, от стойки к стойке салон пересекали крест-накрест трубы усиления и такие же трубы шли вдоль дверей там, где должна быть обивка. Вместо отсутствующих фар были вставлены куски пластика, с нарисованными глазами, а бензобак заменяла подвешенная под «торпедой» грелка.

- Круто, - оценил он искусство мастеров: «А «шипованую» резину где достали?»

- Это не шипы, это мы саморезы изнутри вкрутили, а потом изнутри же их и вулканизировали, - пояснил Серый: «Такое колесо за пару сотен километров любой ступичный подшипник в хлам разобьёт, но нам так далеко не надо».

- А «пилот» кто? Ты или Никеша?

- Не может Никеша, - печально вздохнул лохматый: «У него же правая рука не гнётся. Придётся мне отдуваться».

- А справишься?

- Постараюсь. Тем более что колчерукий обещал потренировать перед заездом. И, кстати... Нам второй «пилот» нужен.

- Зачем?

- В качестве дублёра, и Никеша, между прочим, предложил тебя.

- Меня!?

- Тебя. Говорит, что реакция хорошая и кураж есть.

- Я, в принципе, не против, - согласился польщенный Валька: «Вот только не пойму, зачем вам ещё и дублёр».

- Мало ли, а вдруг меня выбьют, так чтобы замена была.

Валька почесал в задумчивости затылок, покосился на «Чудо-Юдо» и спросил: «Мужики, а нафига вам вообще весь этот геморрой?»

- Призовой фонд сто тысяч. Причем, не рублей, - ответил Серый.

Довод был весьма убедительный, но он ответил: «Подумаю».

Утром он, как завалился спать, так и давил подушку до самого вечера, невзирая на шебаршащее по дому семейство. Проснулся, а за окном уже темно.

- А Наташка где? – спросил он, не обнаружив в ближайших окрестностях мачеху.
- Уехала. Не хотела тебя будить, - ответил отец: «Но ты не волнуйся, она у меня до утра отпросилась, так что можешь и попозже заехать. Они всё равно будут свои девичьи разговоры разговаривать».

Хотел сразу на Севастопольский заскочить, но клиент подвернулся, а потом ещё один, а потом ещё... Последнего в этой цепочке пришлось везти аж в Зеленоград, и в Москву вернулся только около двух часов ночи. Неудобно, конечно, в такое время по гостям ходить, но вроде бы отец говорил что-то о всеобщем бдении в женском коллективе. Тем более, что свет в окнах квартиры был, хотя и приглушенный.

Нажал на кнопку звонка и тут же сам себя обругал. Вспомнил, что звонок не работает, а починить его руки так и не дошли. Пришлось постучать, но тихо и осторожно, чтобы не переполошить соседей. Никакой ответной реакции. Не от соседей, не из квартиры. Прислушался. За дверью тихо звучала музыка. Кажется «Радио Джаз».

- Вот, наверное, за музыкой ничего и не слышат, - успокоил он сам себя и достал ключи.

В квартире витал тонкий запах легкого алкоголя. Похоже, что шампанского из остатков от предновогодней реализации, которое он выставил на балкон, оказалось в тему. Это же подтвердили и две пустые емкости из-под шипучки, валяющиеся за журнальным столиком в гостиной. На столе вольготно расположилась открытая коробка конфет и два фужера с остатками напитка, а Наташкин свитерок почему-то валялся на полу рядом с диваном. «Хорошо гульнули девочки», - усмехнулся он: «Теперь, похоже, отсыпаются».

Они действительно спали на широкой кровати, даже не успев её толком разобрать. Обнаженные и довольные. Покрывалом были укрыты только ноги Наташки, вольготно раскинувшейся на спине, а Нелли, свернувшись комочком и поджав колени, доверчиво прижалась к её боку, положив голову на высокую грудь подруги. На втором пышном полушарии покоилась её ладонь, а рука самой Наташки нежно обнимала её за плечи, словно бы пытаясь защитить. Так обычно спят любовники, утомленные страстными играми. Он остолбенел. Было такое чувство, словно ему плюнули в душу, а потом ещё растерли грязными ногами. Примерно как в ту ночь, когда он ушел от Леночки. И хотя он прекрасно осознавал, что прав на Наташку у него нет никаких, но это было то самое ощущение предательства. Он выгреб из-под ванной то, что хранилось подальше от чужих глаз, забрал спортивную сумку со своим немудрёным скарбом и, положив ключи на журнальный столик, тихо закрыл за собой дверь.

Покрутился по городу, до утра, без особого энтузиазма подвозя тех, кому было нужно ехать. На Таганку ехать было нельзя, поскольку скоро туда вернётся Наташка, а он не уверен, что сможет спокойно посмотреть ей в глаза. На Дубровку? Почему бы и нет? Нужно же утрясти вопрос с должностью «второго пилота». А вот о Наташке им знать совсем не обязательно. Это не его секрет.

Обсуждать долго не пришлось. Валька согласился на предложенные ему десять процентов от шкуры убитого медведя и слесаря оставили его в бытовке в компании щенков, попивать горький чай и думать о своей судьбе, а сами отправились разгрести тот объем работы, который навалили по поводу праздничных дней клиенты.

- Эй, кент, иди на «шконку» кемарить, - добрый Кержач сунул ему в руки солдатскую шинель, служившую в этих местах штатным одеялом: «А то сидишь тут, а мы спотыкаемся». Валька не стал спорить и отправился в «опочивальню».

Проснулся, когда мастера уже разъехались по домам, оставив на дежурстве Никешу.

- Опять «косяки» по жизни? – пронцательно спросил он у пытающегося продрать глаза Вальки, наливая ему добрую дозу дежурного чифиря.

- Да. С жильём опять проблема, - сознался тот и, отхлебнув из кружки, передернул плечами. Чифирь Никеша заваривал конкретный.
- Чего так? Ты же вроде совсем недавно хату снял?
- Хозяйка вернулась. Досрочно. Пришлось съехать, - не стал он распространяться: «Теперь новое место ищу».
- И как успехи?
- Пока только Серый предлагает к Аполмонычу обратиться.
- А чо? Нормальный вариант, между прочим. У деда хата классная.
- Классная, да грязная. Погожу. Есть у меня одна идея.
- Ну, смотри. А то я за тебя Аполмоныча попрошу, - пообещал Никеша, добивая свою дозу, и предложил: «На «Чуде-Юде» покрутиться хочешь, пока плац пустой?»
- Только под твоим бдительным присмотром.
- Естественно...

Суть Валькиной идеи заключалась в том, чтобы набраться наглости и позвонить Ольге Вас... Нет, просто Ольге. Он совершенно не планировал записаться к ней в любовники и переехать жить в её квартиру, но рассчитывал, что подсказать, как ему быть она сможет. Не зря же директор, а значит умная.

-Алло, слушаю, - раздался в ледяной трубке телефона-автомата знакомый голос.

- Оля, здравствуй. Это Валентин.

- Да. Я вас узнала.

Возникла долгая пауза. Её голос был даже холоднее телефонной трубки, и он почему-то смутился, но вывернулся из неловкой ситуации: «Я просто хотел сообщить, что у меня кончился одеколон».

- Я поняла, но сейчас не готова обсуждать эту тему, - сухо сообщила она: «Не могли бы вы мне перезвонить чуть позже».

- Хорошо, - ответил он. Аппарат в элитной квартире был высокого качества и позволял слышать, что за её спиной звучит мужская речь и раздаётся шум застолья.

- И эта тоже! Нашла себе новую игрушку, - решил он, с треском опуская трубку на рычаг.

Ночь отработал и пристроился в каком-то старом пустынном дворике поспать. Нет, он не стал рыть берлогу в ближайшем сугробе, а просто, поставив «Шерьку» мордой к стене, в узком проходе, включил печку и откинул спинку сидения. Тонировка стекол защищала от любопытных взглядов, и он чувствовал себя вполне уютно в своем доме на колесах. «Действительно, надо бы прописку в паспорте сменить», - уже засыпая, подумал он: Место жительства: автомобиль «ВАЗ-2101», где придётся...

Но, как оказалось «кровать» в его «доме» совсем не обладала ортопедическими свойствами и все бугры и впадины, образовавшиеся после перевода спинки в горизонтальное положение, только тем и занимались, что норовили втиснуться под ребра или изогнуть позвоночник самым причудливым образом. Промучившись таким образом часов шесть, то проваливаясь в сон, то вскакивая, он решил, что уже достаточно отдохнул, чтобы вернуться к работе. Конечно, дневное время не его час, но в праздничные дни дороги забиты не сильно и он рискнул.

За рулем, вроде как и усталость отступила, но настроение продолжало оставаться в перигее. А тут ещё этот «ГАЗ» с областными номерами. Взял и подрезал Вальку так, что пришлось включать экстренное торможение. Вот тут-то на него и накатило, благо, что порожняком шел. Догнал областного, обошел слева и, крутанув руль, загнал «ГАЗона» на бордюр. Выскочил из машины, рванул на себя водительскую дверь грузовика и, выхватив «Айсберг» с его штатного места за поясом, заорал: «Те чо, козел, жить надоело!?!». Пожилой водитель от страха даже сполз с сидения: «Ой, извините, я случайно. Не заметил вашу машину...»

Валька посмотрел в его круглые от ужаса глаза, и внезапно ему стало стыдно. Гнев куда-то улетучился и, захлопнув дверь, он направился в свою машину. Сел, и с места рванул вперед, оставив областного приходиться в себя и зарекаться, что больше он ни ногой в эту долбанную Москву, где на дорогах одни психи.

- Придурок! Идиот! Как только таких дебилов на дорогу выпускают! – старательно перебирал он в голове все доступные эпитеты: «Кретин на всю голову! Чуть что сразу за «пушку» хвататься. В «Кашенко» тебе место и дом твой тюрьма», Обматерив себя, он успокоился окончательно и, перехватив чашку ядреного «двойного эспresso» в какой-то забегаловке, снова вышел на тропу войны с финансовыми трудностями в локальном секторе мироздания. То есть, в своей жизни. Правда, кофе в этот раз не принес бодрости духа, а наоборот, притупил восприятие окружающего. Он останавливался на поднятую руку, механически называл цену, что-то отвечал пассажирам на их вопросы и так же на автомате получал с них деньги. Такое ощущение, словно выпил и немало, но ещё старается держаться. Может и закончилась бы эта ночь печально, если бы не светофор, на котором Валька ...заснул. Просто остановился на «красный», положил голову на руль и отключился.

Разбудил его водитель машины, стоящей сзади, которому он перекрыл проезд на уже давно горящий «зеленый».

- Ты что мужик охренел? – удивлённо спросил он, когда Валька, разбуженный энергичной тряской за плечо, открыл глаза: «Пьяный что ли?»

- Нет, - вяло ответил он: «Трезвый, только устал очень».

- Тогда бегом домой и отсыпаться, а то проснёшься уже в морге.

- Понял.

Небо на востоке начало сереть, предвещая скорый рассвет и до Вальки, потерявшего счет времени, дошло, что это означает окончание ночи и приход утра, поскольку природой так задумано, а значит, пора заканчивать рабочую смену.

Купив бутылку коньяка в придорожной лавчонке, он всё-таки осилил доехать до вожденных голубых ворот «конюшни», где, в отличие от него, рабочий день только начинался.

- Снова здорово, принесла тебя нелёгкая, - радостно поприветствовал его Никеша.

- Я по делу, - серьёзно заявил Валька, доставая тару с напитком: «Жахнуть надо».

Никеша пристально посмотрел в его глаза, досадливо хмыкнул и вынес вердикт: «Тебе не «ханку» жрать надо, а подушку давить. Срочно и наповал. Ты себя-то видел? Морда черная, глаза красные – ну, просто демон дорог. Марш в бытовку!»

Валька спорить не стал. Завалился на жесткий топчан под старую армейскую шинель и блаженно закрыл глаза. Последнее, что он слышал, был голос всё того же Никеша: «Щас я тебе грелками обеспечу. Жорка! Нелька! А ну марш в спальню!» И с обоих боков к нему прильнули теплые тела щенков.

То, что Кержач прямо под окном долбил своими молотками по железу, правя чью-то помятую машину, или орали друг на друга Серый с Никешей, скрашивая трудности быстротекущей жизни матерным юмором, на глубину и крепость его сна не повлияли. Проснулся сам. Потому что организм больше в себя уже не принимал ни на боку, ни на спине, ни в обнимку теплым Жоркой. Полежал, блаженствуя минут десять, и понял, чего ему не хватает в жизни для полного счастья. Хорошую большую банку лапши «Доширак». Можно даже две. Потому что жрать хотелось со страшной силой.

Встал под недовольное ворчание щенков, с твердым намерением заполнить жалобно урчащую утробу хотя бы чаем, но не тут-то было. Стол, где обычно стояли кружки, чайник и всё остальное, необходимое для услады желудка, был занят Серым и Коляннычем, разложившими на нём какие-то схемы и кучу деталей. Мужики настолько увлеклись творческим процессом, что не заметили его присутствия, и любопытный Валька, чтобы не мешать, тихо пристроился за их спинами.

Проблема была серьезная, но поднаторевший за время службы оператором РЛС в радиотехнике, он моментально уловил суть. Парни состряпали какую-то «мульку», встраиваемую в схему и повышающую сопротивление цепи. Но задача состояла в том, что их изобретение нужно было включать и выключать дистанционно. А вот на это их мозгов уже не хватало. Зато сработала соображаловка у Вальки: «А если использовать пульт от сигнализации?». Обе головы, стриженная и лохматая, одновременно повернулись к нему.

- А это идея, - признал Серый.

- Неее... Не прокатит, - возразил Колян: «Сигнализация много места занимать будет».

- Так мы не всю коробку ставить будем, а только ту часть схемы, которая ответственна за прием сигнала с пульта, - пояснил Валька.

- Мысль хорошая, но я пас, - открестился Серый: «Мне бы шашку, да коня, да на линию огня...» - процитировал он Филатова и добавил уже от себя: «Ну, а в ентых вот делах, я как рыба в пирогах».

- Ну, я бы мог попробовать, - скромно предложил автор идеи: «Если схему сигнализации дадите».

- Ишь чего захотел! - усмехнулся Серый: «Со схемой так и любой дурак сможет, но в комплекте к «сигналкам» только инструкция по установке».

- А если разобрать коробочку, сможешь понять, где и что? - загорелся идеей Колян.

- Наверно смогу, - неуверенно произнёс Валька: «По крайней мере, постараюсь».

- Серый, у вас сигнализации есть? - Коляныч явно начал впадать в азарт.

- Есть. Две. Но новые, и в упаковке.

- Дай.

- Ага. Вы её сейчас раскурочите...

- Намек понял, - засмеялся Колян: «Покупаю».

- Базара нет, - Серый достал из своего шкафчика для рабочей одежды коробку, и выложил на стол.

Как оказалось, пообещать разобраться оказалось намного легче, чем понять где прячется коварный блок приемника. Всю плату производитель, для сохранения секретности, залил термоклеем, который пришлось снимать скальпелем, аккуратно срезая слой за слоем. Валька даже вспотел от такой работы, забыв про чувство голода, но в итоге с уверенностью заявил: «Вот она. Эта часть схемы отвечает за приемник».

- Ну? - нетерпению Коляна не было предела.

- Что «ну»? - не понял он.

- Вырезай, и будем посмотреть, как оно себе работает.

- Ага, - Валька не менее аккуратно, тем же скальпелем, отделил нужную часть и с сомнением посмотрел на маленькую, чуть больше ногтя схемку: «Теперь бы пару проводов припаять, чтобы питание подать».

- Понял, - перебил его Серый: «Вот провода, вот паяльник».

- Ммм... Да уж... Этим паяльником только кастрюли лудить, - сделал вывод Валька и, проявив творческую инициативу, метнулся в бокс и обточил на наждаке широкое жало на конус с острым, почти игольной толщины кончиком.

Припаял. Подключил тестер и спросил: «А от чего запитывать будем?»

- Не вопрос, - теперь уже метнулся в бокс Серый и приволок автомобильный аккумулятор: «Подключай».

Подключили. Проверили. Схема работала нормально, но Валька с сомнением посмотрел на дело рук своих: «Колян, ты говорил, что тебя размер лимитирует, а тут блок питания на десять кило, в то время как сама схема размером с двугривенный».

- Ничего. Батарейку приспособим, - успокоил его Серый.

- Братан! - ты даже не представляешь, что сейчас сделал! - заорал Колян, восхищенно глядя на изделие: «Ты ж меня озолотил!».

Как оказалось, схема увеличивающая сопротивление в цепи, служила для установки на счётчики заливаемого бензина, а дистанционное управление было нужно, чтобы

отключить её в случае проверки или при появлении подозрительного клиента. Что, естественно, снижало риск засыпаться и попасть под статью. Поэтому и радость его была вполне искренна, а поскольку Валька категорически отказался брать деньги, то Колян нашел оптимальный для обоих способ оплаты: «Тогда собирайся, и едем в баню. Заодно и помоешься». А голому собраться, только подпоясаться. Переложил в карман из сумки с вещами чистые носки и готов.

Воронцовские бани, это конечно не Сандуны, но тоже ничего. Парилка приличная, комната отдыха с широкими диванами, обитыми кожзаменителем и даже небольшой бассейн. Сервис тоже на высоте и, пока Валька с радостным нетерпением сразу нырнул под горячие струи душа, Колян очень подробно перечислял склонившемуся перед ним «халдею» что требует душа мужчины для удовлетворения его потребностей.

- Я спиртное не заказывал, - доложил он мокрому и отфыркивающемуся Вальке: «Вроде как за рулем оба, а мне так вообще противопоказано».

- Правильно, - согласился Валька и хотел ещё что-то сказать, но в этот момент двери раскрылись и стройной цепочкой, следуя друг за другом, в комнату отдыха вошли шесть банных нимф. Закутанные в простыни, напоминающие индийские сари.

- Это кто? – спросил он у Коляна, разглядывая выстроившуюся шеренгу.

- Десерт.

- И это всё нам? А не надорвёмся.

- Неее... На всех деньги тратить, меня жаба удавит. Выбирай одну. Береги здоровье, - ответил Коляныч и повернулся к фигурам в белом: «А ну-ка девушки, обнажись. Покажите, так сказать, товар лицом. Ну и остальными частями тела тоже».

Девчонки послушно скинули простыни, оставшись в купальниках, что уже никак не мешало оценить достоинства и недостатки их телосложения. Валька внимательно осмотрел строй и принял решение: «Вон ту, рыженькую...»

- Эй, рыжая, ходи сюда, - подал команду организатор мероприятия и тут же озвучил свой выбор: «И подружку с собой захвати, ту, глазастую, что слева от тебя».

На Валькин вкус подружка рыжей была несколько полновата, но у каждого свои предпочтения.

Хорошо посидели. Оттянулись по полной, но всего было в меру, и шашлыка, и парилки, и девчонок. Так, что разъезжались вполне довольные проведенным временем. Колян уехал первым, а Валька слегка задержался, и тут его перехватила Колянова подружка, уже не в простыне, а вполне приличном платье и даже в пальто.

- Ты в какую сторону едешь? – спросила она.

- А в какую надо?

- Мне бы в Печатники...

- Базара нет, - ответил довольный жизнью Валька: «Садись, подвезу».

Она устроилась на переднем сидении, но как только они тронулись, достала зеркальце и принялась снимать макияж, на глазах превращаясь из «жрицы любви» в обычную девчонку, даже более симпатичную, чем в роли «Леди Вамп».

- Ты чего это, Верка? – усмехнулся он: «Боишься своей «боевой раскраской» людей напугать? Так ведь два часа ночи и никого вокруг».

- Нет, - простодушно призналась она: «Просто у меня родаки строгие и мать, если сильно накрашенная буду, пришибет нафиг. К тому же вопросы могут возникнуть, типа «какого это я ляда в вечернюю смену на завод так нарядилась».

- Какой завод? – не понял он.

- Обычный. Автоагрегатный. Я ведь для них так и продолжаю упаковщицей работать, хотя вот уже полгода как уволили.

- Маскируешься, значит.

- Приходится. Не хочется их расстраивать. Они у меня славные, только старенькие. А вот мы уже и приехали. Спасибо, Валя. Хорошие вы с Колей ребята. Не психи какие-то.

- Удачи тебе. Может, ещё увидимся, - предположил он.

- Заезжайте ещё, вот и увидимся, - она мимолетно чмокнула его в щеку и, выскочив из машины, заковыляла по засыпанному снегом тротуару к своему подъезду, а он смотрел ей вслед и злость на несправедливость этой жизни тихо начала закипать внутри. Ведь нормальная же девчонка, а чем заниматься приходится!

Накрутившись по стоянке на автомобиле марки «Чудо-Юдо» до сиреневых кругов в глазах, он наконец-то получил вождеденную дозу традиционного дубровского чая. Никеша гонял их с Серым безжалостно и орал страшным матом по максимуму, объясняя секреты экстремального вождения. Но и они старались, понимая, что изучают эту науку совсем не для развлечения. Зато и чаек был хорош. Крепкий, почти на грани чифиря, ароматный и густой.

- Слышь, Никентий, - Серый отхлебнул из кружки: «Что мне в этой «Чуде-Юде» не хватает...»

- Три пера в хвосте?

- Неее... Какого-то прикола. Так чтоб зрители ахнули.

- Ты бы постригся, лохматый, а то у тебя мысли в волосах путаются, и толком объяснить чего хочешь, не получается.

- Ну, надо чтобы зрители врубались, что тачка прёт к финишу невзирая ни на что. От неё отлетают куски обшивки, а она прёт. Колеса отваливаются, а она продолжает...

- Постой, постой... - перебил его Никеша: «Как ты сказал? Колеса отлетают? Так ведь у нас же передний привод и без задних колес ехать можно. Вообще без всей задней части...»

- Стоять-бояца! - теперь уже взвился Серый: «А если у нас машина на ходу переломится пополам, задница отвалится, а продолжать движение будет только передняя часть. А? Прикольно же!»

Валька смотрел на этих двух мужиков, которые сохранили мальчишеский азарт, невзирая на то, что были старше его лет на десять. Забыв про остывающий чай, устроили бурные дебаты по поводу того в каком месте кузов автомобиля нужно разрезать, как соединить половинки до поры до времени и что бы такого придумать, чтобы «Чудо-Юдо» располовинилось именно в нужный момент. И ведь придумали, черти!

- Мужики, смотрите, кого я привел, - Кержач, вернувшийся из магазина с харчами для обеденного стола, пропустил вперед ...Аполлоныча: «Встретились мы с ним у магазина, разговорились, вот я и пригласил его к нам на чаёк».

- Здравствуйте Геннадий Аполлонович, - поприветствовал своего учителя Никеша, словно не замечая исходящего от того смрадного запаха: «Проходите, присаживайтесь». Дед, как обычно слегка поддатый, церемонно кивнул всем присутствующим и пристроился возле стола, на котором были раскиданы наброски как сделать «Чуду-Юду» распадающейся на две половинки. Мельком глянул на их художества и вынес профессиональный вердикт: «Не знаю, ребята, зачем вам это нужно, но идея интересная. Правда, советую под днищем, внутри лонжеронов вварить стальной профиль, чтобы при катапультировании задней части он служил в качестве ползьев, заменяющих заднее колесо».

Валька просто оторопел, и не столько от того, что старый пьянчуга сходу вник в суть вопроса, сколько от точной и грамотной речи, которой тот излагал свои мысли. Казалось, если заткнуть нос и отвернуться, то можно представить не замызганного старика со струпьями на болезненно красном лице, а вполне уважаемого пожилого интеллигента-технаря.

- Но я вообще-то сюда не чай пить пришел, - оторвался от рисунков Аполлоныч: «А по делу. Он отхлебнул из кружки, поморщился и перевел взгляд на Вальку.

- Валентин, мне тут Сергей Яковлевич, - он кивнул на Кержача: «Рассказал по секрету про твои проблемы с жильем».

- Есть немного, - признался Валька.

- Так вот я предлагаю тебе пожить у меня столько, сколько нужно.

Серый втихаря под столом больно пнул Вальку своим кирзачём: «Соглашайся, дубина». Никеша за спиной старика усиленно кивал головой, намекая, что отказываться от такого предложения не стоит. И даже Кержач, прислонившейся к дверному косяку хитро подмигнул.

- Спасибо, Геннадий Аполмонович, - со вздохом согласился Валька: «Только ведь тесновато у Вас».

- Тесновато? – заржал Никеша: «Ну, ты и сноб, Валюшок! В четырёхкомнатной ему тесно».

- Не беспокойся, Валентин, я выделю тебе отдельное помещение.

Как оказалось, в темноте и при царящем в квартире бедламе, Валька просто не увидел дверей в ещё три комнаты, одна из которых к тому же была заставлена книжным шкафом. Видимо оставшись один, Аполмоныч решил, что столько жилья ему будет много и законсервировал ненужную жилплощадь.

- Можешь выбирать, - предложил старик, когда они всей дружной мафией сдвинули шкаф и освободили вход: «Это была гостиная, здесь мы с женой, а вон там детская». Он вздохнул, а Вальке показалось, что всхлипнул.

Чувствовалось, что консервация была произведена уже давно. По крайней мере, слой пыли в палец толщиной и насмерть засохший фикус на подоконнике говорили, что нога человека не ступала здесь уже лет десять. Удивительно, но безудержно пьющий старик не продал отсюда ни одной вещи. Так же как много лет назад, молчащие старинные часы пялился циферблатом на людей, тускло поблескивала хрустальная посуда в серванте, и нефритовый Будда на комодке продолжал философски взирать на протекающее мимо него время.

Валька прошелся вместе с Серым по комнатам, пока Никеша, бывавший в доме своего учителя ещё до «консервации», расставлял вместе с Аполмонычем на кухонном столе принесенный с собой коньяк и немудреную закуску. Чувствовалось, что когда-то хозяин дома, если и не был богатым человеком, то явно не бедствовал. Добротная импортная мебель, дорогие безделушки и бархатные портьеры говорили об определенном достатке.

- Если можно, то я займу маленькую, - спросил он у хозяина, закончив осмотр. Эта комната имела отдельный вход, в отличие от спальни, попасть в которую можно было только через проходную гостиную.

- Конечно, - согласился старик, косясь на бутылку коньяка: «Занимай. Это комната моего сына, там ещё одежда в шкафу осталась, может тебе подойдёт».

Между первой и второй, договорились об условиях найма жилья. Валька брал на себя оплату коммунальных услуг, чистоту в квартире и наполнение холодильника, а Аполмоныч пообещал блевать только в унитаз и мыться хотя бы раз в неделю. Но на намек по поводу снижения дозы потребляемого алкоголя, ответил категорическим отказом, который и подтвердил, отключившись после третьей рюмки.

Парни отнесли деда в его комнату и продолжили, ибо грех оставлять, пока ещё есть.

- Ты Аполмоныча не обижай, - попросил Никеша: «Его и без тебя жизнь так обидела, что мама не горюй».

- А чего с ним? – поинтересовался Валька.

- Он у нас преподавал во ВТУЗе. Потом у него жена заболела. Рак. Два года мучилась, а он извелся весь. А как умерла, так запил. А тут ещё и с сыном у него конфликт вышел, и он вообще один остался. В общем, пил «по-черному», пока в больницу не загремел. Не знаю, как там, у медиков это называется, но отчекрыжили ему часть печени, и пить ему теперь нельзя категорически. Врачи предупредили, что помрет.

- Тогда чего же он квасит? – удивился Валька.

- Жить не хочет, - пояснил Серый: «Один. Никому не нужен. Но к тебе он как-то лояльно, ещё с первого раза».

- Валька на его сына похож, - пояснил Кержач: «Такая же дылда».

- Так что поживи у него, Валюшок, может вам обоим от этого лучше будет, - Никеша закинул в глотку остатки коньяка и встал из-за стола: «Ну, мы пойдем, а ты обживайся пока».

Комнату, которую выбрал Валька, в отличие от гостиной и спальни, находилась в некотором беспорядке. Опрокинутый стул, небрежно брошенный на кушетку плед, не закрытая дверца шкафа, говорили о том, что покидали жильё в явной спешке. Валька сел в кресло у журнального столика и огляделся. Очень хотелось понять, что за человек этот сын Аполлоныча. Подбор книг на полке – в основном по спортивной медицине и физической культуре. Турник над дверью и шведская стенка в углу. Спортсмен. А боксерские перчатки и с десяток медалей на стене, говорили о том, что спортсмен серьёзный. Валька закурил и вышел на балкон. Велосипед, проржавевший чуть не до дыр, его внимания не привлек, а вот пара двухпудовых гирь подсказала, что до него здесь жил парень не обиженный силушкой. Закончил осмотр посещением гардероба. Два костюма, очень хорошего качества, но устаревшего покроя, несколько рубашек, галстуков и пара неизменных для русского человека американских джинсов. Причем, не китайская подделка, в которой он щеголял сейчас, а настоящие «Super Rifle» и «Wrangler», в продажу не поступавшие. Он накинул на плечи пиджак. Чуть великоват в плечах, а так прямо его размерчик. «Нужно будет гири потягать, чтобы соответствовало», - подумал он и, отбросив сигарету, направился за веником, ведром и тряпкой. Обещал же поддерживать чистоту в квартире...

Отгремел Старый Новый Год и жизнь покатила по привычным рельсам. Днём сон, ночью на трассу. День, ночь – сутки прочь. Мелькание городских пейзажей за окном сливалось в сплошной калейдоскоп, где не сразу и вспомнишь, что было вчера, а что неделю назад. Закрутило в жизненный водоворот и понесло, а где вынырнешь неизвестно. Да и вынырнешь ли...

Валька постепенно осваивал новое место жительства, притираясь характерами с хозяином квартиры, совершенно не желавшим менять привычный для него образ жизни. Однажды он даже споткнулся о лежащее поперек коридора тело и молча, отнес его в спальню. Зато, после пробуждения Аполлоныча ждал серьёзный разговор. Правда на все его увещевания и доводы старик отвечал гробовым молчанием. Сидел насупленный, как обиженный ребенок и болтал ногами. Но выводы для себя всё-таки сделал. По крайней мере, до него дошло, что толстый слой грязи с пола потихоньку исчез, явив взору аккуратный рисунок паркета, а значит можно растоптанные грязные ботинки снимать ещё в прихожей, а не тащиться в них в спальню, или даже в кровать. А вот с мытьем не заладилось. Ну, не хотел дед мыться и всё тут. Спасало только то, что у них не совпадал ритм жизни. Ночью, когда Валька работал, старик спал, а когда он отсыпался днём, уходил куда-то по своим бродяжьим делам.

А ещё выяснилось, что Аполлоныч верующий и даже за своим беспробудным пьянством не забывает посещать церковь и чтить православные праздники. Поэтому он втайне надеялся, что может быть, хоть на Крещение дед помоется. В проруби.

Валька проснулся от назойливого мурлыканья пейджера. Глянул на часы. Половина первого. Досадно. Проспал всего три часа, а хотелось бы ещё. Но сообщение мгновенно прогнало остатки сна. «ВАЛЯ ПАПА УМЕР. ПРИЕЗЖАЙ. НАТАША». Он вскочил. «Как умер? Почему? Ведь не болел, вроде?» - металось в голове, пока он лихорадочно поупал ногами в штанины, натягивал на себя рубаху и свитер. «Может ошибка? Оператор что-то напутал?» - искоркой последней надежды мелькнула мысль,

которую он с сожалением отверг. Его имя, подпись Наташки, да и сам стиль послания точно её. Не перепутаешь.

Когда-то в квартире Аполлоныча был телефон, и даже розетка сохранилась, но сам аппарат хозяин раздолбал по пьяному делу ещё много лет назад, так что пришлось бежать на улицу к автомату. Он несколько раз набирал номер. Всё время занято. А когда, наконец-то, вместо коротких гудков зазвучали длинные, на том конце линии просто не стали снимать трубку. Категорически. Выругавшись в три колена с перехлёстом, в лучших традициях Серого, он бросился к мирно дремавшему под старым тополем «Шерьке» и рванул на Таганку.

По привычке, перед тем, как открыть дверь своим ключом, он надавил кнопку звонка. Но зря. В квартире никого не было. Он прошел в кухню. Недоеденный завтрак на столе, брошенное мимо вешалки полотенце для посуды и тапочки, сиротливо валяющиеся там, где их оставили, говорили о спешке, с которой хозяйка покидала дом. В остальных комнатах порядок. Даже кровати заправлены. Видимо трагическое сообщение сорвало её с места утром, когда она отвела Аленку в садик и собиралась позавтракать сама.

Чтобы как-то убить время, заварил себе крепкого чая. Прямо в кружке, «подубровски». Приоткрыл форточку и сел на подоконник покурить. Может поэтому он и увидел Наташку, подходящую к подъезду. Увидел, но сразу не узнал, настолько эта ссутулившаяся, вяло передвигающая ноги женщина неопределенного возраста была не похожа на его шептунную мачеху. Сделал пару глубоких затяжек и, вдавив сигарету в пепельницу, пошел открывать ей дверь.

- Валя, - устало улыбнулась она, когда он впустил её в прихожую и помог снять пальто: «Извини, устала я. И замерзла...»

- Проходи в кухню, у меня чай горячий есть, - он взял в руки её ледяные ладони и повел за собой, словно слепую. Чуть не насильно впихнул ей свою недопитую кружку и замер, ожидая, когда она придет в себя и сможет рассказать о том, что произошло с отцом.

- Он ещё вчера днём ушел за решением комиссии, - зажав кружку с чаем в ладонях, каким-то отрешенным голосом начала она: «Должен был к вечеру вернуться. А утром мне позвонили и вызвали на опознание...» Она всхлипнула, но смогла перебороть себя и не разрыдаться. Только нервная судорога пробежала по плечам.

- А что с ним?

- Окончательного диагноза нет, но предположительно инсульт и переохлаждение. Сказали, что он упал на улице, а люди мимо проходили, думая, что пьяный, пока кто-то не догадался милицию вызвать. Но было уже поздно.

Несколько минут в кухне стояла тяжелая, словно ртуть, тишина. В его голове никак не укладывалось, что отца больше нет. Он потянул из пачки сигарету...

- Дай и мне, - попросила Наташка: «А то мои слабенькие». Он поднёс ей зажигалку и спросил: «А отец не пил последнее время?»

- Нет, - ответила она: «Даже самой странно было. С патентом этим проблемы, а тут ещё повестка к следователю пришла, но он только сопел сердито, бесился, а к водке ни-ни».

- Что дальше-то делать? - с надеждой спросила она, докурив сигарету.

- Наверное, нужно какие-то документы оформить, организовать похороны и всё такое, - предположил Валька, не имеющий никакого опыта в траурных делах.

- Нужно... Но они сказали, что труп криминальный и раньше чем через три дня, пока не закончат экспертизу, нам его не отдадут. Я не про это. Мне что дальше делать? Как жить? - она сдерживала из последних сил слёзы, что уже переполняли глаза и, стараясь унять непослушные трясущиеся губы.

- Для начала постараться и не рвать себе душу, - хотя слова о «криминальном трупе» больно резанули по сердцу, но он смог взять себя в руки: «А потом смириться с тем, что уже случилось и продолжать жить».

- Я постараюсь, - вяло пообещала она и разрыдалась.

До вечера, пока он был с ней, Наташка успела вволю наплакаться так, что ему пришлось дать ей карвалол, а в конце даже прикрикнуть: «Возьми себя в руки! Скоро Аленку из детсада забирать, а ты зареванная». Это подействовало. Она умылась ледяной водой, более-менее привела себя в порядок и даже отказалась от его предложения сходить в садик за сестренкой.

Ушла, а он остался перебирать старые записные книжки, с трудом вспоминая, кто эти люди и нужно ли им сообщать о смерти отца. Набрал номер матери и сообщил ей печальную новость. Она долго охала, засыпала его вопросами, но помощь не предложила, а лишь попросила предупредить её, когда и где будут похороны. Дальше уже звонил по составленному им самим списку, ставя отметку напротив тех фамилий, кто откликнулся. От этой занятия его оторвал дверной звонок. На пороге стояла Нелли.

- Ой, - испугано отшатнулась она, увидев его: «Извините, а Наташа... Мне сказала... приехать...»

- Да. Здравствуйте, Нелли. Заходите. Она скоро придёт, - он отошел в сторону, давая ей возможность пройти, но гостя замерла в нерешительности, и тогда он просто развернулся и ушел на кухню, к телефону.

Она прошмыгнула в комнату и пристроилась на краешке стула, словно птица, готовая в любую минуту сорваться и улететь, а он, продолжая оповещение, потихоньку рассматривал её. Как ни странно, в своих эротических мечтах он представлял её именно такой. Чуть выше среднего роста, изящная и хорошенькая, несмотря на полное отсутствие косметики. Причем блондинка, как и заказывали. Но вот с размером груди его фантазии явно перестарались. Двоечка. Не больше. Вполне себе обычная грудь и ничего особо выдающегося.

Видимо почувствовав его интерес, она встала и, предоставив взору узкую спину, отошла к окну, выражая крайнюю заинтересованность тем, что творилось на укутанной в серый полумрак улице. Валька лишь усмехнулся над её хитростью, которая помогла ему оценить, что и нижняя часть тела у неё тоже в порядке, невзирая на скрывающие этот объект наблюдения свободные джинсы.

- Ой, Вайка пьишол, - с радостным криком бросилась к нему Аленка, опережая вошедшую вместе с ней мать. Он подхватил сестрёнку на руки, подбросил вверх и закружил по кухне, стараясь не разрушить какую-нибудь мебель.

- А цево ты давно не приезжал? – спросила она, когда после череды щенячьих повизгиваний, он отнес её в прихожую, чтобы самостоятельный ребенок смог снять пальтишко и сапожки: «Я скучала-скучала...»

- Дела были. Извини.

- Ты теперь почаще пьезжай, ладно. А то у меня папа в командировку уехал.

Валька бросил взгляд на Наташку и та, словно подтверждая слова дочери, прикрыла на мгновение глаза. Всё понятно. Значит, такой легенды и будем придерживаться.

Следующие несколько дней промелькнули как в тумане. Он куда-то ходил, получал какие-то документы, договаривался с похоронным бюро и платил, платил, платил. Оказалось, что помереть в наше время совсем не дешевое удовольствие. Почти все честно наворованные перед Новым Годом деньги так и улетели. Возможно, что потратиться пришлось бы ещё больше, если бы не подключилась банда с Дубровки. Аполлоныч им проболтался, и парни пришли с утра пораньше, разбудили его и прямо в лоб спросили: «Чего надо?»

Оказалось, что Серый год назад похоронил мать и теперь смог поделиться с Валькой теми способами законного отжимания денег, которыми пользуются похоронщики. А

Никешины связи помогли быстро и относительно дешево решить вопрос с захоронением праха. Даже Колян включился, обеспечив через свою фирму автобус.

Потом была злющая метель и темно-красная домовина с алебастровым и совсем незнакомым лицом отца, сдавленные рыдания Наташки и пытающаяся её успокоить Нелли, тоже пришедшая на кладбище. Пришла и мать. Одна, без Вахтанга и Артема. Скупно проронила дежурную слезу, а потом отвела Вальку в сторону и тихонько прошептала: «Валюшка, ты теперь не теряйся. Полквартиры у Николая в собственности было, а ты наследник. Если что, то с адвокатом поможем». Он в ответ так зыркнул красными от недосыпа глазами, что следующая фраза застряла у неё в горле.

Потом, за поминальной трапезой он что-то ел, что-то пил, совсем не ощущая вкуса. Слушал, что говорят о его отце какие-то совсем не знакомые ему люди, с трудом понимая смысл слов, и видя всё происходящее словно в тумане. Примерно в таком же состоянии пребывала и Наташка, выплакавшая все слёзы и теперь окаменевшим истуканом сидевшая с ним рядом. Хорошо ещё, что Нелли взяла все заботы о малочисленных гостях на себя, подавая, подливая и провожая тех, кто решил, что уже достаточно выразил своё уважение покойному.

Очнулся он только когда понял, что все уже ушли и в квартире остались лишь они троим. Нелли таскала со стола в мойку грязную посуду, а Наташка так и продолжала, молча сидеть, глядя куда-то в пустоту. Он встал, стряхнув с себя оцепенение, и отошел к окну, за которым в свете фонарей куролесила метель.

- Наташ, я, пожалуй, пойду, - с трудом выдавил он из себя.

Она вздрогнула, словно просыпаясь, и обратила на него бездонные омуты своих глаз.

- Останься... - одними губами попросила она, но в этот момент за очередной порцией грязных тарелок в комнату заглянула Нелли и, перехватив её ревнивый взгляд, он сделал вид, что не услышал мольбы.

- Поздно уже, да и пора мне, - нашел он себе оправдание: «Но помни, если что, то я всегда рядом».

Глава VII

Чип и Дейл спешат на помощь

Зима вполне обоснованно считается особо тяжелым временем для тех, кто за рулем. Не зря же определенный контингент, образно именуемый «подснежниками», норовит припрятать своего железного коня в гараж или, по крайней мере, в самый тихий угол двора, сберегая от гололёда на дорогах и разъедающей кузов соли, которой с этим гололёдом борются соответствующие службы. Но Вальке не до телячьих нежностей, ему деньги нужно зарабатывать.

- Шеф, на Сухаревку.
- Легко...
- Алтуфьевское шоссе.
- Без проблем...
- На Красногвардейскую отвезете?
- Да, запросто...

Педадь в пол и только грязь из-под колёс, да мелькание огней за окнами. А утром только бы до подушки добраться. Спину ломит, ноги гудят, в глазах радужные круги друг за другом гоняются, но поспал, поел и снова готов в бой. А может быть, что так оно и лучше. По крайней мере, на грустные мысли времени не остаётся.

Выдвигаясь на работу, обнаружил возле местного продмага, гордо именующего себя «Мини-маркетом», какую-то суету, а подъехав поближе, понял, что это драка. Причем бьют не кого-нибудь, а самого Аполмоныча. Двое, таких же, как и дед, бомжей, зажали старика возле его любимого мусорного контейнера, и вовсю охаживали руками и ногами. Ясное дело, что стерпеть такое непотребство Валька не смог и даже выехал на пешеходную часть, чтобы оказаться поближе к месту действия. Фары осветили двух мужичков в обносках, замерших над поверженным стариком.

- От шо-та я не понял, по какому поводу кипешь? – копируя интонации Никеши, спросил он, вылезая из машины.

- А тебе что за дело? – нахально ухмыльнулся тот, что крупнее телесами. Вообще-то, по сравнению с Аполмонычем, эти двое выглядели просто богатырями. Помоложе и поздоровее, так что шансов у деда не было никаких. Но Валькины габариты, а главное - его уверенность, заставили их прекратить избиение и даже отойти немного в сторону.

Смерив агрессоров тяжелым взглядом, он подошел к Аполмонычу и помог подняться: «Что, батя, обижают тебя?» «Обижают», - сознался старик, размазывая кровавую юшку под носом: «Сказали, что мы им платить должны, потому что теперь это их район».

- Кто «мы»? – не понял Валька, но наткнувшись взглядом на съезжившуюся в тени дома стайку похожих на Аполмоныча как родные братья оборванцев, смекнул, что оказался в нужном месте и в нужное время. Получалось, что рэкет раскинул свои щупальца не только на владельцев ларьков, но и на обитателей помойки. Правда, ни один уважающий себя бандит на такое не пойдёт, и эти двое были явно из отморозенной самодеятельности, решив урвать свой кусок.

Небрежным жестом отряхнув снег с замызганного пуховика деда, он обернулся к «рэкетирам», продолжавшим буровить его злыми взглядами из-под насупленных бровей. Нужно было сделать что-то такое, чтобы навсегда отбить у них охоту появляться на Дубровке. Но что? Не драться же с ними, в конце концов.

- А вы, чьи такие дерзкие, пацаны? – с легкой полуулыбкой спросил он.
- Не твоё дело, - взвизгнул тот, что помельче и видимо самый нервный.

Такой ответ подтвердил его предположение. Одиночки. Правильная «братва» сразу бы представилась «солнцевские» они или, например, «домодедовские».

- Угадал. Не моё, - легко согласился он, продолжая самоуверенно улыбаться: «Но вот «смотрящему» будет очень любопытно, что за чуханы у него на районе беспределят».

«Нервный» попытался снова что-то взвизгнуть, но в их дуэте первую скрипку явно играл не он, а второй, более сообразительный. Дернув приятеля за рукав, он пробормотал: «Извини, братан, погорячились», и потащил приятеля прочь.

Валька смотрел им вслед. Явные неудачники. Повидимому, откинулись из мест не столь отдаленных, а дела себе не нашли и попытались нахрапом захватить нишу в жизни, но споткнулись о ещё большую наглость. Потому что весь этот «деловой базар» с его стороны был чистой воды блефом. Более того, он даже не знал, существует ли вообще на Дубровке «смотрящий». «Надо будет у Никеши спросить», - подумал он и обернулся к старику: «Вы как, Геннадий Аполлонович?»

- Ногмально, - прогнусавил в разбитый нос дед: «Пасибо тебе».

- Может, домой пойдёте?

- Неее.. Я с нагодом пообчаюсь, - замотал головой неукротимый Аполлоныч и бойко закостылял к своим товарищам.

На подпольном автосервисе его встретила новая охрана и злющий Никеша. Вместо утробно гавкающего неторопливого Антона в воротах выросли две стройные фигуры молодых подпёсков, попытавшихся изобразить грозное рычание и только потом, вальяжно побрехивая, появился вожак стаи. Черномырдин традиционно оставался чуть позади, демонстрируя свою готовность к бою отчетливым лаем. Всё согласно боевого расписания: головной дозор, основная ударная сила и резерв. Чужого – съедят, своего – пропустят. А ему так даже обрадовались. Зато Никешино «чего припёрся» в этот раз было довольно искренним.

- У тебя папа-мама есть? Чего злой как собака? – поинтересовался Валька.

- Папа-мама есть. Серый с Кержач нет. Третьи сутки здесь торчу, вот и злой, - последовал ответ.

- И куда же ты боевых товарищей подевал? На водку сменял, что ли? – съязвил он, почуввав легкий аромат исходящий от колчерукого.

- Кержач заболел, а Серый в командировке...

- Где? – не понял Валька.

- В командировке. Заграничной. В Финляндию, зараза, уехал, - сердито проворчал Никеша и потряс воздух звонким сочетанием ненормативных слов, ярко и образно выражающих степень его досады сложившейся ситуацией.

- А вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

- Заходи. Чайку попьем, а заодно и расскажу.

«Чаёк» традиционно напоминал цветом и густотой дёготь, но Валька к нему уже привык и даже находил эту термоядерную смесь вкусной и тонизирующей, а потому не отказался.

- У Серого приятель есть... - отхлебнул из кружки «горяченького» и от души затянулся табачным дымом Никеша: «Ну, что-то, типа, бизнесмен. Но мутный какой-то. Вот он Серого и подбил, чтобы смотаться к «финикам» и перегнуть оттуда пару драндулетов».

- Купить, что ли? – не понял Валька.

- Нет. Какой-то кент эти тачки у «пиндосов» на аукционе взял по дешевке и сюда их гонит, чтобы «лохам ушастым» впарить по спекулятивной цене. Серому чисто перегнуть их надо. Так что завтра-послезавтра уже здесь будет.

- Круто! – резюмировал Валька.

- Будет ему круто, когда как я суток трое отдежурит, - злобно пообещал Никеша.

- Ой, кто к нам пришел! – радостный вопль заставил Вальку обернуться. В дверях, появившись из спальни, стояло что-то изрядно помятое и пьяное, отдалённо напоминающее бодрого и деловитого Коляныча.

- А это ещё что за чудо? – удивленно спросил он у Никеши.

- Колянчыча не узнал? – удивился колчерукий: «Не сомневайся. Он самый. Только в запое».

Действительно, узнать в этом небритом и воняющем перегаром существе, с блаженной улыбкой на слюнявых губах бросившемуся обнимать гостя, прежнего Коляна было сложно. Обрюзгший, замызганный и жалкий.

- И давно пьёт? – поинтересовался он у Никеша.

- Не знаю. Сегодня в обед пришел и уже никакущий. Жахнули с ним слегонца и он спать отрубился, а тут видимо тебя услышал и ожил. Да не бери ты в голову. У него это уже традиционно.

- А может его домой отвезти? – подхватывая тушку товарища, потратившего последние силы на обнимашки, предложил он.

- Если хочешь, отвези, - равнодушно пожал плечами Никеша: «А мне и без него головняка выше крыши».

- Пожалуй, отвезу, - решил Валька и, подхватив свою добычу поперек туловища поволол «никакущего» в машину.

Колян оставался в бессознательном состоянии всю дорогу и даже когда Валька, из последних усилий старавшийся придать проспиртованной тушке вертикальное положение, надавил кнопку звонка, и Маринка открыла дверь, не пришел в себя.

- Вот. Привёз, - доложил он женщине о прибытии её мужа.

- А нахрена он мне? – зло спросила она: «Пусть катится туда, где пил».

- Так тебе что, муж не нужен? – поинтересовался он.

- Нужен. Только не эта пьянь.

- То есть, трезвый он тебе нужен? – коварно поинтересовался он.

- Да.

- Так может, попытаемся его отрезвить, а там, глядишь, и образумится? – предложил он, припоминая свой опыт с пьяным отцом: «Я помогу». Маринка пожалала плечами, но от предложения не отказалась и впустила их в квартиру.

Следующие пару часов они дружно терли Коляну уши, обливали холодной и горячей водой из душа, давали нюхать нашатырь, а в завершение этих издевательств накапали нашатыря в банку с водой и заставили его выпить «лекарство», отчего желудок несчастного пьяницы просто вывернуло наизнанку. Причем, сам Колянчыч трезветь не хотел категорически и отбивался изо всех сил, кроя своих мучителей последними словами. В какой-то момент Вальке даже пришлось его пару раз стукнуть, но поставленной перед собой цели они всё-таки достигли.

А потом ещё пару часов Вальке пришлось проводить душещипательную беседу с мокрым и трясущимся, но уже приходящим в себя Коляном, жадно глотавшим приготовленный Маринкой крепкий чай. Отравленный алкоголем мозг этим воспитательным процессом, так же как и желудок, был вывернут наизнанку, но, в конце концов, почти протрезвевший он признал Валькину правоту, покаялся и пообещал, что «больше так не буду».

- Ладно. Пусть проспится, а утром как огурчик будет, - пообещал он Маринке, прощаясь у дверей.

- Не будет, - устало махнула рукой она: «Утром опохмелится и по новой начнётся».

- Вот ты и не допусти, чтобы похмелился. Лучше всего бульоном его горячим отпаивай, но чтобы спиртного ни-ни. А если что, то брякни мне на пейджер. Подскачу».

- Хорошо. Попробую. Спасибо тебе.

Утром, вернувшись домой, как он теперь называл своё место обитания у Аполмоныча, Валька завалился спать, предварительно пристроив коробочку пейджера рядом с подушкой, чтобы не пропустить экстренного вызова, но ему повезло и сообщений, когда проснулся, не обнаружилось. Это внушало надежду, однако

расслабляться не стоило. Тем не менее, позавтракав, он не удержался и отдал целый час драгоценного времени своему новому увлечению.

Заметив, что от неподвижного образа жизни его всё чаще мучают боли в пояснице и судороги икроножных мышц, решил бороться с этими проблемами самым простым способом – физкультурой. Тем более, грех было не воспользоваться столь удачным стечением обстоятельств, что предыдущий обитатель его комнаты был спортсменом, и соответствующее оборудование имелось в наличии. Первое время любые телодвижения заостеневшего во время сна организма были крайне неприятны, а порой даже вызывали боль, но ощущение того, как по мере разогрева мышцы становятся упругими и эластичными, с лихвой перекрывало эти неприятности. Войдя во вкус, он уже не только махал руками-ногами, приседал и отжимался, но и стал брать за гири, иногда заглядывая в книги, оставшиеся от сына Аполлоныча. Конечно, его четырехколесному другу абсолютно всё равно сидит за рулем сутулый доходяга или спортивный и подтянутый мужчина «в самом расцвете лет», но ему самому было приятнее ощущать себя именно «в расцвете». Более того, взгляд его всё чаще обращался к висящей в углу боксёрской «груше» и перчаткам.

Аполлоныч, как обычно в это время, уже свалил по своим бродяжьим делам, но то, что старик ночевал дома, было видно по размазанной на полу в прихожей грязи, а ещё по свежему стаканчику из-под водки на кухонном столе. Эти стограммовые «мерзавчики», продающиеся в любом ларьке были основной, если не единственной, статьёй расходов деда. Хорошо хоть в последнее время, благодаря Валькиным заботам о наполнении холодильника, закусывать стал. Проверив, что еды на сегодня хватит и, вытерев грязь в прихожей, он спустился к машине. На своих двоих, не прибегая к помощи лифта. Опять же, разминки ради.

На этот раз дверь Коляновой квартиры открыл его сын, парень лет двенадцати с не по-детски серьёзным взглядом.

- Как отец? – поинтересовался он у мальчишки, разуваясь в прихожей.
- Страдает, - последовал лаконичный ответ.
- Понятно. А мать?
- Жалеет, - не менее кратко сообщил юный «спартанец».

Действительно, похмелье у Коляна было жутким. Валька даже и представить не мог, что с перепоя человек может так мучиться. Бледный до синевы, с трясущимися руками, он обливался холодным потом, судорожно сжимая ладонями раскалывающуюся от боли голову.

- Держишься? – спросил он у страдальца.
- Ага, - едва слышно ответил тот пересохшими губами.
- Бульон ему давала? – переключился самозванный целитель на Марину, наблюдавшую за мучениями мужа глазами полными слёз.
- Да. Два раза, - последовал ответ.
- Лучше бы водки дала, - прохрипел мученик.
- Коляныч, - Валька присел на край кровати и положил руку на холодное как лед плечо товарища: «Я тебя уважаю именно за то, что ты мужик. Сильный и башковитый. Неужели ты позволишь какой-то водке одолеть тебя? Ты же понимаешь, к чему это приведёт».
- Понимаю, - выдавил из себя Колян: «Иначе давно бы уже похмелился, но такое ощущение, что я щас сдохну. Прямо здесь».
- Не спешидохнуть, - попросил Валька: «Есть у меня одна мыслишка», и направился на кухню за кипятком и заваркой.

Суть, промелькнувшей в его голове идеи состояла в том, чтобы сгладить похмельный синдром какой-нибудь другой одуряющей гадостью и «чифирь», первый раз в жизни приготовленный им самостоятельно оказался достаточно крепким. Не зря же он столько раз наблюдал, как это делают Никеша или Кержач.

- Держи, - вложил он кружку в трясущиеся руки. Бывший «зэк» втянул ноздрями знакомый аромат и, пробормотав: «Ну, дай Бог поможет», припал к спасительной жидкости. Нельзя сказать, что исцеление произошло мгновенно, но «торкнуло» его на старые дрожжи капитально и буквально через несколько минут мученик провалился в спасительный сон.

- Что ты ему дал? – насторожилась Маринка, укрывая мужа одеялом.

- Наркотик. Тюремный. «Чифирь» называется, - объяснил он: «Тут главное, чтобы он отключился и не мучился. А проснётся, глядишь, ему уже лучше будет».

Она вздохнула, но посмотрев на наконец-то заснувшего Коляна, попросила: «Покажи, как его готовить. Ну... если что...»

- Не стоит, - усмехнулся Валька: «Он сам прекрасно знает. Только к водке его на пушечный выстрел не подпускай».

Колян проспал больше суток, просыпаясь лишь для того, чтобы принять новую дозу и отключиться, но с каждым пробуждением ему становилось всё легче. Длительный запой был сорван, а Валькин авторитет в глазах Маринки вырос до небывалых высот.

У строительного рынка его тормознула девчонка в поношенном пуховике и сапогах третьего срока носки. Что у такой денег не водится, видно даже не присматриваясь.

- В Коньково с грузом отвезете? – спросила она, стрельнув голубыми глазами такой глубины, что он даже затаил дыхание.

- А что за груз?

- Кафель. Четыре коробки, - ответила ясноглазая.

- Русский национальный вопрос – сколько? – начал он приходить в себя после её взгляда.

- Не я хозяйка. С сестрой сами договоритесь. Она с ящиками на рынке ждёт.

С сестрой, одетой не в пример богаче, договорился. И кафель отвез, периодически ловя на себе взгляд девушки, пристроившейся на заднем сидении, от которого почему-то становилось светлее на душе. Наверное, поэтому он и коробки в квартиру отнёс, и от доплаты отказался. Честно говоря, таил надежду, что чаю предложат, и удастся познакомиться поближе с этой глазастой, но такого предложения не поступило. Поэтому, немного потоптавшись в прихожей, он пробурчал: «Ладно. Пора мне... Поеду». Но тут спохватилась и девчонка: «Ой, Любань, и мне пора. Пока ещё на перекладных до Кунцево доберусь, а меня там Светка заждалась. Кто её покормит?» И чуть ли не раньше Вальки выскочила из квартиры. «Вот молодец, девка», - усмехнулся он, искоса поглядывая на неё в ожидании лифта: «Сразу точки на «i» расставила. И где живёт, и что дочка есть, а мужа нет, и что совсем не будет возражать, если он её подвезёт. Остаётся только принять решение. Одно слово – умница». И он не стал разочаровывать её своей несообразительностью.

- Так Вам в Кунцево нужно? – спросил небрежно, на выходе из подъезда.

- Да.

- Могу подвезти.

- Но у меня денег нет, - созналась она.

- Неважно. Мне всё равно в ту сторону, - соврал он.

В машине, пока он выруливал из дворов и разгонялся в сторону МКАДа, она скромно молчала, но Валька просто кожей ощущал её радость от того, что она смогла его так ловко подцепить. Его явно клеили, но так необычно, на каком-то ментальном уровне, словно эта глазастая замухрышка владела колдовством.

- Так у Вас дочка есть? – первым нарушил он молчание.

- Да. Светка. Через две недели ей восемь стукнет.

- Ого. Не слишком ли взрослая дочь у такой молодой мамы, - улыбнулся он.

- Почему молодой? – удивилась она, и снова её удовольствие от полученного комплимента он ощутил почти физически.

- Ну, на вид вам лет восемнадцать, от силы двадцать.

- Это потому, что не накрашенная. А морду намажу и сразу буду выглядеть солидной дамой, - засмеялась она, а потом добавила уже серьёзно: «Замуж выскочила быстро, а потом так же быстро и развелась». Очередная порция информации была выдана специально, чтобы он знал, что она свободна. Пора было бы и ему поделиться.

- А у меня детей нет. Только жена, - сознался он, и эмоциональная волна разочарования докатилась до него так, что ему даже стало жаль девчонку. Валька уже готов был объяснить, что хотя в паспорте и стоит штамп, но по факту он холостяк. Причем бездомный, с пропиской по собственному автомобилю. Однако в этот момент блеснул короткий взгляд, брошенный как бы искоса, и эмоциональный фон вернулся в спокойное русло. Видимо приняла этот факт, но от своих планов не отказалась.

- А занимаетесь чем? – поинтересовалась она, делая вид, что предыдущей фразы просто не было.

- Извозчики мы с «Шерькой», - доложил он.

- «Шерька»? Странное имя, - она почему-то сразу догадалась, что речь идёт о машине и даже погладила пальчиками торпеду.

- «Sherry Boy», семейство «ВАЗ», клан – легковые, - представил он железного друга.

- «Бой», это кажется «мальчик», а «Шерри»?

- «Вишневый»...

- Ах, да. Согласно цвета, - снова проявила она сообразительность и погладила торпеду уже всей ладонью, как гладят собаку или кошку: «Хороший мальчик. Хороший».

Но тут его удивил уже «Шерька». До этого двигавшийся неспешной рысью по темному МКАДу, после слов своей пассажирки, словно скинул лет десять и рванул вперед лихим галопом так, что Вальке пришлось даже сбросить газ. «Точно колдунья», - подумал он, заметив, что она улыбнулась уголками губ, видимо тоже заметив такое преобразование автомобиля: «Вот свяжешься с такой и пиши пропал».

- А Ваш род деятельности, какой? – поинтересовался он, укротив ретивого «жигулёнка».

- Учусь. На парикмахера-стилиста.

- Парикмахера!? – он удивился выбору столь не престижной профессии: «Да кому это сейчас нужно?»

- Сейчас не нужно, - спокойно возразила она: «Но когда-нибудь этот бардак закончится, и люди снова захотят стать красивыми. Тут-то я и пригожусь».

Он удивленно скосил на неё глаза. Колдунья, да ещё и идеалистка – это «нечто вместе с что-то», как говорит Серый. Точно надо держать ушки топориком.

- А вот здесь нам нужно съехать с МКАДа и четвертый дом по этой улице, - подала она команду, и Валька почувствовал её легкую грусть, смешанную с тревогой. Ну, грусть понятно – путешествие закончилось. А тревога? Видимо опасается, что он вырвется из так тщательно расставленных сетей. И правильно опасается, между прочим.

- Приехали, - доложил он, останавливаясь возле нужного дома.

- Значит, денег точно не надо? – уточнила она.

- Да. Я же обещал бесплатно отвезти.

- Знаешь, мне очень хочется хотя бы чаем тебя напоить, но у меня в доме такой бардак, что стыдно даже пригласить, - она как-то неожиданно перешла на «ты» и, посмотрев на освещенные окна пятиэтажки, добавила: «Так что буду должна, а ты заезжай, когда тебе будет удобно. Можешь хоть завтра. Только позвони предварительно». Она черкнула на листке блокнота номер телефона и протянула ему: «Договорились?» «Договорились» - согласился он, небрежно засовывая бумажку в нагрудный карман «афганки», а про себя решив, что «а вдруг пригодится».

- Меня, кстати, Ирмой зовут, - намекнула она.

- Валентин, - представился он в свою очередь.

- Вот и познакомились, - улыбнулась и замерла, видимо ожидая, когда и он поделится контактной информацией, но он такое желание проигнорировал.

- Ну, что же. Тогда я пошла, - слегка разочарованно Ирма скользнула поцелуем по его щеке и посмотрела в глаза. Вальке показалось, что в полумраке её зрачки светятся каким-то таинственным огнем, и их глубокая синева затягивает его как омут так, что даже закружилась голова.

В себя он пришел, когда она уже открыла дверь подъезда и, махнув ему на прощанье рукой, исчезла. «Ух ты... Ведьма», - подумал он, предчувствуя, что все равно вернется сюда. И совсем не потому что так любит чай.

Мысли о ней продолжали крутиться где-то в глубине извилин мозга, в то время как он, практически на автомате, занимался перемещением различных индивидуумов по улицам города. «Ну и что в ней такого?» - словно бы уговаривал он себя. Внешне ничего примечательного. Обычная серая мышка. Вот разве что глаза, да ещё, то непередаваемое ощущение восприятия её эмоций. Конечно, других женщин он тоже ощущал. Ещё Лариса отмечала эту его способность. Но так остро ещё никогда. И если эмоции, чувства и желания других служили только информацией, позволяющей действовать в правильном направлении, то радость Ирмы вызывала в нем ответную реакцию, а это уже было приятно. «Наверное, она всё-таки колдунья», - пришел он к окончательному выводу и чуть не прошляпил очередных пассажиров.

На Боровском шоссе две девчонки, совсем уж субтильного возраста, бросились, чуть ли не под колеса, призывно махая руками.

- В Одинцово отвезете? – задыхаясь от спешки, спросила одна, а вторая, оглядываясь с опаской, добавила: «Только очень быстро».

- Отвезу, - сразу согласился он, понимая по их испуганному виду, что дело нечисто: «Садитесь быстрее».

Едва они запрыгнули на заднее сидение, и он начал набирать скорость, как одна из них, обернувшись, испуганно воскликнула: «Ой, это они!»

- Может, не заметили? – с надеждой спросила вторая пассажирка.

- Заметили, - обреченно простонала её подруга.

В зеркало заднего вида Валька видел, как какая-то «девятка» села ему на хвост и прибавил ходу, стараясь оторваться.

- А в чем, собственно, дело? – поинтересовался он.

- Понимаете, - затараторила одна из них: «Мы поехали погулять на Тверскую, а они нас затащили в машину и привезли сюда в какую-то баню. Начали к нам приставать, но мы сбежали, а они за нами...»

Ситуация прояснилась. Эти две дурёхи, покрашенные как на парад и в мини-юбках, решили почувствовать себя самостоятельными, взрослыми дамами, и не придумали ничего лучше, чем шляться вечером по Тверской. А бандюки, естественно, приняли их за проституток, со всеми вытекающими последствиями. Короче говоря, влипли малолетки на всю катушку, а теперь заодно с ними и он, поскольку уйти на «копейке» от «девятки» практически нереально, так что в лучшем случае можно рассчитывать на пару переломов и сотрясение мозга, а этим, с куриными мозгами, на групповое изнасилование. Мозг включился на самую высокую передачу, лихорадочно просчитывая возможные варианты действий. Самое логичное было бы подъехать к отделению милиции и попросить защиты, но учитывая продажность «ментов» и то, что они находятся в Солнцево, это был совсем не вариант. Развернуться в сторону Москвы тоже не получалось – успеют перехватить, но тут он вспомнил о дороге через Переделкино, выводящей практически в Одинцово. Правда, это узкий и извилистый проселок, проходящий через поселок писателей, но именно это и не даст преследователям возможности использовать мощность мотора.

- Держитесь крепче, - подал он команду и резко крутанул руль вправо. Всё, как учил Никеша. С легким нажатием на тормоз, уходя с шоссе «регулируемым заносом». Девчонки только взвизгнули испуганно, зато «девятка» упустив его манёвр, проскочила поворот, и он смог выиграть немного времени. К счастью, железнодорожный переезд

возле платформы, перекрывающий путь к поселку писателей, был открыт и «Шерька», чуть ли не прыжком перескочив рельсы, рванулся в темноту проходящей через лес дороги. Но бандиты тоже не зевали и уже на втором повороте их фары показались в зеркале заднего вида, а ещё через километр они уверенно и плотно сидели у него на заднем бампере, и моргали фарами требуя остановиться.

- Хрен вам, - процедил он сквозь стиснутые зубы и слился с машиной в одно целое, увеличивая скорость на обледенелой дороге до критической, почти интуитивно вписываясь в повороты, используя полученные от колчерукого навыки экстремального вождения. Но в одном месте он заметил, что в очередном повороте, рядом с проезжей частью, покрытой льдом, проходит ровная, покрытая снегом полоса. «Господи, помоги», - горячо прошептал он, прибавляя скорость и входя в поворот не по проезжей части, а рядом с ней. «Девятка», спровоцированная его рывком, тоже прибавила, но уже по дороге, и тут-то её занесло. Вальке даже показалось, что сзади раздался глухой удар, однако прислушиваться, а тем более оборачиваться, не было времени, и он продолжал лететь вперед, снизив скорость, только когда выскочил на Можайское шоссе. Но не сильно. Только, чтобы ГАИшники на посту не тормознули.

- Всё. Приехали, - устало вздохнул он, останавливаясь на узкой улочке, куда его привели указания девчонок.

- Ой, спасибо вам... - дружным дуэтом замурлыкали девицы и попытались его обнять. Причем прямо с заднего сидения и обе сразу. Но он уклонился и спросил сурово: «Осознали?»

- Да... - так же дружно ответили они, прекратив попытки его отблагодарить и опустив глаза.

- Тогда идите и впредь соображайте, что делаете.

Они молча покинули машину, а он, с трудом оторвав от руля сведённые судорогой пальцы, вышел вслед за ними перекурить. Внезапно, одна из девочек бросилась к нему и, поцеловав прямо в губы, горячо прошептала: «Спасибо. Век за Вас Бога молить буду». Развернулась и бросилась догонять подругу.

- Да. Покуролесили мы с тобой сегодня, - сказал он «Шерьке», с улыбкой глядя им вслед, и похлопал железного друга ладонью по горячему капоту, на котором таяли снежинки начинающегося снегопада: «Хороший мальчик. Хороший...» Полез в карман за сигаретами и вместе с пачкой достал помятый клочок бумаги с телефоном Ирмы. Посмотрел на него и, скомкав, отбросил в сторону. Решение принято. У неё своих проблем полно, а тут ещё и он со своими приключениями. Сегодня живой, а завтра глядишь грохнули. Нет уж, пусть живёт спокойно. Да и ему легче.

Снегопад, обрушившийся на Москву в ту ночь, превратил город в одну большую, стоячую пробку и не собирался заканчиваться, даже когда Валька проснулся во второй половине дня. Сон его был нервным и отрывистым. То, что он в азарте не запомнил из ночной погони, отложилось где-то в глубине мозга и нагло лезло в его видения со всеми мельчайшими подробностями, от которых холодок пробегал по спине.

Проделав свой обычный комплекс упражнений, он задумался на мгновение, а затем снял со стены боксёрские перчатки. В принципе, он и так неплохо умел драться, всё-таки в десанте кое-чему научили, но лишние навыки самообороны в такое время не помеха, поэтому, размахнувшись, он со всей силы врезал по груше. Она лишь едва покачнулась, как бы насмехаясь над ним. Он ударил ещё... и ещё... и ещё...

Вволю намахавшись кулаками, скинул мокрую от пота майку и, приняв душ, заварил себе свежего чая. За окном стояла такая снежная круговерть, что исчезли соседние дома, и казалось, что его комната летит в бесконечном белом пространстве. О том, чтобы сегодня выехать на работу не могло быть и речи, тем более что он уже собрал сумму необходимую для изготовления памятной плиты на могилу отца, и можно было позволить себе выходной. С кружкой и сигаретой он устроился в кресле напротив балконного окна для глобального расслабления. Белые хлопья снаружи, повинуюсь

потокам воздуха, закручивались в замысловатые спирали и так же, спиралями почему-то клубился дым его сигареты. Он закрыл глаза, но спирали не исчезли. Просто стали пронзительного голубого цвета, как глаза у той девчонки и он почувствовал, что они затягивают его, словно он начинает тонуть в этих омуты, покидая собственное тело. Валька встряхнулся и открыл глаза. Голубые омуты сменились белыми спиралями. «Вот же ведьма», - с легким восхищением подумал он. Стоит зазеваться и её колдовство тут как тут. Расслабиться, конечно, надо, но совсем не так. И он поднялся с твердым намерением посетить подпольный автосервис, прихватив с собой чего-нибудь крепко-алкогольного.

Его появление в «конюшне» оказалось очень своевременным, так как по стечению обстоятельств, совпало с объявленным мастерами «Днем аиста». Причина этого была вполне весомой. Серый проставлялся за свою «командировку» и отсутствие на работе, а Кержач, чья чуйка на выпивку превышала даже чувство самосохранения, моментально выздоровел и заступил на боевой пост. К мастерам присоединились и ещё несколько человек из числа постоянных клиентов, не испытывающих отвращения к спиртному. Всего человек семь или восемь. Определить точнее не было возможности, поскольку пьянка уже переросла из общего застолья в «кружки по интересам» и народ перемещался из одной компании в другую, создавая эффект броуновского движения.

Валька под одобрительный гул голосов выставил на стол принесенное с собой и, приняв «штрафную» отошел к компании собравшейся вокруг Серого с гитарой, тем более что тема новой песни была близка и понятна.

Как таксист, приму к оплате
Евро, доллары, рубли,
А ещё в валюту, кстати,
Секс-услуги возвели...
Подошла к машине дама,
Ну, и заявляет прямо:
«Ехать надо. Денег нет.
Отвезёте за минет?» -

пел лохматый чуть хриловатым, но довольно приятным голосом, подбрякивая себе на старенькой гитаре, подробно рассказывая о том какие планы в мыслях уже строил его литературный герой, отвозя пассажирку, пообещавшую столь соблазнительную оплату.

В общем, я повёз гражданку,
Но вцепившись за баранку,
В предвкушении этих дел,
Аж до лысины вспотел.
Проскочил вдоль улиц сонных,
За спиной остался МКАД,
Вот уже и нужный домик
В ДСК «Вишнёвый сад».

Здесь Вальке почудилось в сюжете что-то очень знакомое...

Тут в открытые ворота,
Вышли три мордоворота.
У меня в коленях дрожь...
Говорят: «С кого начнёшь?»
Я им в качестве ответа:
«Тут ошибка...», а они
Говорят: «Хотел минета?
Ну, так делай, чёрт возьми!»

«Точно! Это же он про меня поёт!» - сообразил он, а ехидное подмигивание Серого подтвердило его догадку.

Просто чудо, что на старте

Не подвёл таксиста стартер,
Я успел нажать на газ,
А не то бы мой рассказ
Был печальнее стократно,
И, клянусь, спасло меня,
Что не зря я карбюратор
Регулировал три дня.

Народ рыдал и покатывался со смеху, а Серый выдал концовку:

Вывод, в общем-то, понятный,
Тем, кто слушал эту быль -
Содержи, таксист, в порядке
Свой родной автомобиль!
А в оплате неформальной,
Перед тем как жать на газ,
Уточняйте досконально
Кто кого и сколько раз.

- Блин, Серый, как ты всё это выдумываешь? – утирая слезы, спросил Ринат из ЗИЛовской мафии.

- Зачем выдумывать? – усмехнулся бард местного разлива и широким жестом указал на Вальку: «Вот он – герой нашего романа».

Народ на это отреагировал дружным ржанием и аплодисментами, на которые «герой романа» раскланялся так, словно он сам написал эту песенку.

В общем, классно провели время, и к наступлению темноты даже Валька дошел до нужной степени опьянения, когда весь мир кажется розово-голубым, а люди добрыми. Дошел и остановился, решив не усугублять. Примерно в таком же состоянии пребывали и Никеша с Серым, в отличие от Кержача, уже пытавшегося пару раз уснуть откинувшись в кресле. Остальные выбрали каждый свою норму, но трезвых в этом благородном собрании не наблюдалось, и Валька даже озадачился мыслью о том, как эта пьяная компания будет разъезжаться по домам, с учетом того, что их транспортные средства, изрядно занесённые снегом, мирно дремали возле забора. Но оказывается, что вопрос решался очень просто. Под громогласный лай Антона и Черномырдина, как под звук литавр, в бытовку ввалился худощавый черноволосый мужик в потертой кожаной куртке на меху.

- Здоровеньки булмы, грамадзяне, - поприветствовал он присутствующих, отряхивая снег с воротника.

- О, Китаец со своей бандой приехал, - констатировал факт его появления Никеша: «Мужики, подъем! Пьянка объявляется благополучно завершённой».

- Всем спасибо. Извините, что без драки, - влез, как обычно, Серый.

- Хлопцы, кому куда, разбирайтесь по машинам, - с типично китайским акцентом добавил худощавый и народ зашевелился, собираясь на выход.

- А это кто? – поинтересовался Валька у Серого, наконец-то отвязавшись от Рината, упорно предлагавшего ему задние тормозные колодки для «ЗИЛ-130», причем «почти даром».

- Китаец-то? Водила на фирме. Только фирма погибает, вот пацаны и халтурят сами на себя, - объяснил тот.

- А почему Китаец? – продолжал упорствовать неумный.

- Так фирма у них китайская, а Гришка водитель хозяина. Вот его Китайцем и прозвали. Правда самого хозяина в России с полгода как не видели, и по слухам он уже давно нары греет на родине, но наши как-то ещё держатся, - Серый выдал более подробную информацию: «На фирме четыре «Нексии», но пацаны сидят на голом окладе в надежде, что когда контора окончательно кирдыкнется, они эти тачки смогут по остаточной стоимости забрать. А Гриня у них вроде как за старшего».

- Интересненько... - задумался Валька, но окончательно сформировать зарождающуюся в голове мысль не успел. Вмешался Никеша, проводивший гостей до ворот: «Что, Валюшок, это лохматое чучело уже похвастался тем, что из Финляндии пригнал?»

- Нет ещё...

- Тогда пошли, покажу, - и он широким жестом пригласил его в ремонтный бокс.

Действительно, то, что предстало перед их взором, было достойно внимания. В теплом гараже, укрытый от непогоды, стоял автомобиль, плавные линии зализанного корпуса которого разительно отличались не только от угловатых изделий отечественного Автопрома, но и большинства иномарок, рассекавших по улицам Москвы. Сразу было видно, что это авто рождено для скорости.

- «Nissan Maxima». Прикинь, «двигло» четыре литра, «лошадей» больше двух сотен, - восхищенно начал презентацию Никеша.

- «Кик-даун» такой, что при включении затылком о подголовник бьёшься, - поддержал его Серый: «Не знаю, за сколько этот самолет до ста километров разгоняется, но порой так и хочется взять штурвал на себя и на бреющем...»

- Так ты его купил что ли? – поинтересовался Валька.

- Нет. Такое мне не по карману. Просто перегнал и пока на таможню не свезли здесь припрятал, - с лёгким сожалением признался Серый.

- Кстати, ты не забыл, что в воскресенье «гонки на выживание»? – Никеша кивнул на скромно пристроившееся рядом с японским красавцем «Чудо-Юдо».

- Забыл, - честно признался Валька: «Но я тренировался!»

- Когда это ты успел?

- Да вот прямо сегодня ночью. От погони уходил. От бандитов...

- Ну-ка, с этого места со всеми подробностями, пожалуйста, - заинтересовался Никеша: «Пошли в вагон. Расскажешь».

Пришлось поведать о своих приключениях, а Никеша дотошно, словно и не пил вовсе, вытягивал из него всё новые и новые подробности, разбирая каждый поворот и чуть ли не каждое движение руля. Кое-что даже пришлось изобразить на бумаге, но в итоге «тренер» остался доволен.

- В принципе всё правильно делал, - похвалил он «ученика»: «Особенно удачно сообразил сделать поворот вне трассы, но впредь лучше в такие дела не лезь. Знаешь, что бы с тобой было, если бы догнали?»

- Представляю, - тяжело вздохнул Валька: «Но девок-то нужно было спасать».

- Дались тебе эти дуры, из-за них башку подставлять!? – возмутился «тренер».

- Нет, Никеш. Ты не прав, - поддержал Вальку Серый: «Девок нужно было спасти».

- Да ну вас, альтруисты хреновы! – вскипел колчерукий: «Такое ощущение, что у вас три жизни в запасе».

- Не три, а девять, - подмигнул ему Серый.

- Причем на каждого, - уточнил Валька.

- Ладно. Сидите тут со своими жизнями, а я Кержача домой отвезу, да и сам поеду, - успокоился Никеша и ткнул в бок локтем уснувшего в позиции «мордой в стол» товарища: «Эй, старый хрен, просыпайся. Домой пора».

- Как же он поедет, выпивши? – поинтересовался он у Серого, когда габаритные огни Никешинной «семерки» скрылись за воротами.

- Нормально поедет, - успокоил тот: «Этот кент и в зюсю пьяный как по ниточке водит, а от запаха «Антиполицай» спасет. Знаешь такого?»

- Знаю. В машине лежит. Сам же подарил тогда. Только я не пользовался ни разу.

- Правильно. Ибо нефиг пьяным за рулем. Догадался же ты сегодня пешком прийти.

- Ясен пень. Что ж я совсем плохой? - обиделся Валька.

- Ну, тогда пошли по маленькой пропустим. За тверёзый образ жизни. Там ещё осталось, - предложил Серый.

Смёл со стола кружки, достал из своего шкафчика два разнокалиберных коньячных фужера и, плеснув в каждый на полпальца ароматного напитка, покосился на грудку грязной посуды: «Хоть выпьем по человечески, а то прямо как свиньи коньяк из кружек жрём». Действительно, из фужеров оказалось значительно вкусней.

- Ты на меня за песню не обиделся? – закуривая, спросил «поэт и композитор».

- Нет, что ты! Наоборот, даже приятно.

- Это хорошо. А то когда я «Катьку-Два-Лимона» написал, Никеша фыркнул ещё похлеще, чем когда её лифчик на стенку приколотил, - он кивнул на уже посеревший от пыли, но продолжающий восхищать своими героическими пропорциями предмет женского неглиже, украшающий помещение и добавил неожиданно: «А чего смурной такой?»

Валька вскинулся. Мысли почему-то постоянно возвращались к Ирме и её колдовскому взгляду, хотя он старательно гнал их прочь. Неужели это так заметно? Впрочем, Серый парень свой в доску, и он рассказал о своей новой знакомой, не утаив и того, как остро чувствует её эмоции и очень сильно подозревает, что и она испытывает то же самое. Серый слушал его очень внимательно, ничуть не удивляясь и лишь заботясь о наполнении фужеров.

- Ну что же, в принципе всё понятно, - сказал он Вальке, когда рассказ подошел к концу: «Как сам утверждаешь, ты чувствуешь эмоции женщин. Что им нравится или нет. Так вот, эта девчонка тоже так умеет, потому и получается такой эффект. А насчёт её взгляда, то скорей всего она не только чувствует, но и может воздействовать».

- Колдовством что ли?

- Нет. Колдовство здесь не при чём, - усмехнулся Серый: «Ты, наверное, слышал, что меня автомобильным шаманом называют. Так вот, что там сломалось, я может и не просеку, но могу заставить технику работать, если дефект не очень сложный. Так же и с людьми. Могу внушить к себе доверие, заставить грустить или засмеяться, хотя последнее мне нравится больше. Даже Кержачу с похмелья настроение поднимаю. Как это получается, сам не знаю. Просто думаю об этом в правильном направлении, и всё».

- А мне что теперь делать? – поинтересовался дальнейшими перспективами Валька.

- А ничего, - отхлебнул из фужера лохматый: «Доверься интуиции».

- Это как?

- Вот смотри, - он разлил остатки коньяка и пристально посмотрел ему прямо в глаза: «Когда ты рядом с дорогой в поворот входил, то думал о том, что под снегом может быть кювет или ямы?»

- Нет. Так и не было там никакого кювета.

- Ты думал, что его нет или знал? – Серый просто впился в него взглядом.

- Нуу... - Валька постарался восстановить в памяти свои ощущения: «Знал».

- Это и называется интуицией. Мозг может ошибаться, а она никогда. Верь ей.

- Значит, советуешь с Ирмой закрутить роман?

- А это ты у интуиции своей спроси, - усмехнулся Серый и ехидно добавил: «Одно могу предположить довольно точно, что при таких данных секс у вас будет потрясающий». Он поднял бокал и провозгласил тост: «Ну, давай за интуицию. А то спать охота, да и коньяк кончился».

Утром, проснувшись, он сначала даже не понял где он и что. Снегопад закончился и в окно врвался яркий солнечный свет, усиленный отражением от засыпавшего город снега, создавая праздничное настроение. Голова не болела, но общее состояние организма вполне соответствовало количеству выпитого намедни. Помахав руками, чтобы разогнать кровь и навешав боксёрской груше утреннюю порцию тумачков, он вышел на кухню, где и обнаружил Аполлоныча, собирающегося позавтракать. Традиционно в меню старика входил заготовленный с вечера «мерзавчик» водки с куском хлеба и его узловатые пальцы уже готовы были вскрыть емкость, когда

вошедший Валька предложил: «А может быть чаю за ради доброго утра?». Дед с отвращением поморщился, но он проявил настойчивость: «Я крепкого заварю». Ответом послужило активное мотание головой из стороны в сторону. «А ещё я туда коньячку добавлю», - продолжил соблазнение Валька: «Армянского. Три звездочки». И старик сдался.

Валька быстро приготовил чай, нарезал бутербродов и, наполнив кружку Аполлоныча, щедро плеснул туда из припасенной на всякий похмельный случай бутылочки. Припас для себя, но не пригодился. Так пусть хотя бы дед «полечится».

- Вы закусывайте, Геннадий Аполлонович, - наблюдая, как он жадно хлебает чай, пододвинул к нему тарелку и, после недолгого раздумья старик всё-таки сподобился взять бутерброд.

- А ты чего сегодня не работал? - наконец подал голос Аполлоныч, заметно порозовевший от принятого «лекарства», кося глазом на следующий бутерброд.

- Замело. У ребят на Дубровке завис, - дожевывая кусок колбасы, невнятно ответил Валька.

- Пили? - скрыть зависть в голосе старика было невозможно.

- Не без того, - сознался он: «Но больше разговаривали».

- Это хорошо. Разговоры душу лечат, - философски заметил дед: «Сейчас работать поедешь?»

- Нет. На АТС пойду. Хочу договориться, чтобы Вам телефон опять подключили. А потом нужно заехать и обсудить ... с мачехой памятник.

Почему-то слово «мачеха» карябало горло. «Жена отца» - ещё куда ни шло, а вообще-то просто Наташка.

- А зачем мне телефон? - печально спросил старик: «Мне и звонить то некому».

- Ничего. Будет телефон, найдётся и кому звонить, - обнадежил его Валька, вставая из-за стола.

На АТС его поразило царившее там безлюдье. Никаких очередей. Правильно, здесь же не «ножки Буша» раздают, а те, кому надо, телефоны уже имеют. Поэтому девушка в окошке явно скучала, убивая время за чтением какой-то книжки.

- К сожалению, ничем не могу вам помочь, - сообщила она, уяснив суть вопроса с которым пришел Валька: «Заявление о восстановлении телефонного номера я могу принять лишь от ответственного квартиросъемщика, на которого этот номер зарегистрирован». Голос её был устал и категоричен.

Понятное дело, что проблему вполне можно решить при помощи небольшой суммы дешевающих с каждым днем российских колониальных дензнаков или одной перманентно дорожающей банкноты метрополии, но припомнив вчерашний вечер, он решил пойти другим путем. Как там говорил Серый? «Думать в правильном направлении...».

Улыбаясь самой мягкой из имеющегося набора улыбок, и стараясь быть максимально убедительным, он поведал девушке о том, что проживает в квартире со стариком, которому требуется уход и телефон просто необходим на тот случай, если дедушке вдруг станет плохо. Практически правду сказал. И ведь уговорил непреклонную, всё-таки принявшую заявление, будто бы от «доверенного лица». Такой результат настолько его обрадовал, что прощаясь, он оставил на стойке небольшую сумму денег, вроде как в благодарность за её бескорыстную помощь. Приколосся, короче говоря...

Чистый снег, искрящийся на солнце, плотным слоем укрыл язвы города, превратив его ненадолго в красивую сказку. Он с удовольствием неторопливо прогулялся до станции метро, вдыхая свежий морозный воздух. Надышался до такой степени, что в голове начали возникать безумные мысли, что когда-нибудь Москва скинет с себя морок и превратится из нынешней замухрышки в ту красавицу, что была во времена

его детства. Он шел и представлял себе, как будет выглядеть вот это облезлое здание, если его покрасить или вон та развалюха после капитального ремонта. Явно от Ирмы идеализмом заразился.

Наташка ждала его, как и договаривались. На удивление, после смерти мужа, она даже похорошела. Более чётко проявилась красивая линия скул на похудевшем лице, тени под глазами сделали их более глубокими и выразительными. Даже появившиеся возле губ складки не портили, а придавали некоторую целеустремленность её облику.

Она скользнула поцелуем по его щеке и Валька проследовал за ней на кухню, отметив про себя, что плотно обтянутую дешевой трикотажной водолазкой спину его мачеха держит прямо и не сутулится, как в первые дни после смерти отца. Да и эмоциональный фон, спокойный и уверенный, говорил о том, что она уже смирилась с потерей и готова продолжать жить дальше. Он тоже постарался держаться нейтрально, тщательно игнорируя попытки глаз задержаться на плавной линии бедер или тонкой талии. Так что обсуждение прошло довольно продуктивно, если не считать легких сбоев сердцебиения, когда они одновременно склонялись над эскизом и аромат духов дерзко врвался в его ноздри.

- Чаю хочешь? - спросила она, когда процесс был завершен, и добавила с ехидной усмешкой, видимо почувствовав исходящие от пасынка последствия вчерашнего: «Или чего-нибудь покрепче?»

- Только чай! – безапелляционно заявил он: «Заодно расскажешь как дела».

- Нормально дела, - доложила она, разливая чай по кружкам: «Вторую бензоколонку закончили, так что пока до третьей дело дойдёт, отдыхаю. Но на стройку возвращаться не собираюсь. Мне больше понравилось, когда заказывают, как говорит твой товарищ, «сделай мне красиво» и есть возможность проявить себя. А ещё очень импонирует фраза «меня интересует только цифра после слова «итога». Кстати, у Николая дела не очень. С работы его не выгнали, но командовать всей сетью заправок теперь, увы, не поставят».

- А тебя из-за его выкрутасов не подвинут?

- Нет, что ты. Я хорошо себя зарекомендовала, - отхлебнула обжигающего напитка и не удержалась похвастаться: «Даже предложили разработать дизайнерский проект по отделке центрального офиса».

- Ого! Растёшь на глазах, - похвалил он и перешел к более болезненной теме: «А Алёнка как?»

- Тут хуже, - тяжело вздохнула она: «Бегает к двери на любой шум и ждёт отца. Даже не знаю, сколько я смогу продержаться её в неведении...»

В этот момент раздался щелчок замка входной двери, и радостный голос Нелли сообщил: «Натусик, я пришла». Валька даже зубы стиснул, как будто от боли, но мгновенно взял себя в руки и даже успел заметить, что Наташка отреагировала на приход подружки без особого энтузиазма.

Нелли появилась в дверном проёме и замерла, словно бы давая ему возможность считать испуг и разочарование, исходящие от неё при виде его скромной персоны.

- Привет, Нелли. Рад тебя видеть, - как можно дружелюбнее произнёс он, но эмоциональный фон девушки сменился всего лишь на негативный с лёгкой примесью брезгливости. «Это ж надо так человеку психику поломать», - подумал он и, решив не создавать дискомфорта в коллективе, добавил: «Заходи, я уже сваливаю».

- Чего так быстро? – неудовольствие Наташки нельзя было скрыть, но зато Нелли просто излучала радость.

- Дела, дела... Труба зовёт, - отшутился он: «Кстати, мне на днях телефон подключить должны, так что звони».

Возвращался он уже в сумерках, но даже при отсутствии солнца, слегка осевшие за день завалы снега, отражая свет фонарей, создавали ощущение праздника и не прогуляться пешком от «Автозаводской» до дома, наслаждаясь этой красотой, было бы

просто кощунством. Он шел и ловил себя на мысли, что был бы совсем не против прогуляться по лёгкому морозцу с Ирмой. Или с Наташкой... Но с Наташкой можно прогуляться, разве что прихватив с собой Нелли, а телефон Ирмы он сам же и выкинул. Хотя, может быть и зря.

Перекусив перед работой, он спустился к родному автомобилю, борясь с тем, чтобы не поехать в поисках клиента в Кунцево. А вдруг случайно... Хотя, он же знает её дом и даже подъезд! Но в подъезде не меньше двадцати квартир. Не будешь же стучаться в каждую и спрашивать: «Скажите, а не здесь ли живёт ясноглазая?»

Застоявшийся «Шерька» завелся неохотно, но потарахтев дымным выхлопом на холостом ходу минут пять, намекнул, что вполне готов и Валька, вырвав со двора, тут же подцепил клиента.

- На Молодогвардейскую, - пожелал солидный дядечка с объемистой сумкой.

- Садитесь, - пригласил он, чувствуя, как мурашки бегут дружной толпой по холодеющей от такого колдовства спине. Молодогвардейская – это же Кунцево!

Пока ехал, петляя по городу в надежде объехать вечерние пробки, в голове крутилась одна каверзная мысль – это просто стечение обстоятельств или возможности глазастой девчонки простираются намного дальше, чем он может себе представить? Поэтому, высадив пассажира, он твердо решил на нужную улицу не заезжать, а вернуться в центр. И поехал. Но дотянул только до Рублёвки, где пожилая женщина с сумками овощей попросила доставить её на улицу Ивана Франко. Снова Кунцево! Валька даже разозлился. Ну, нельзя же так обкладывать мужика со всех сторон. Этак он всю Москву в Кунцево перевезёт.

Когда «овощная» бабушка вышла из машины, он решил, что есть смысл перекурить, осмысливая сложившуюся ситуацию. Вышел из салона и задумался, глядя в усыпанное звездами небо в узоре качающихся от легкого ветра ветвей. В конце концов, это просто издевательство, постоянно приводить в её район, невзирая на его желание. Впрочем, желание-то как раз и было. Почему-то очень хотелось опять утонуть в её взгляде и почувствовать то, что чувствует она. По-видимому, зря он тогда выкинул её номер телефона и теперь придётся, как мальчишке торчать возле дома, в надежде, что она случайно ему встретится.

Докурил сигарету и собрался уже ехать, но обратил внимание, что пол у пассажирского сидения засыпан луковой шелухой, просочившейся из бабкиной сетки. Пытаясь устранить беспорядок, он вытащил коврик и вытряхнул его содержимое на снег. Легкий мусор улетел с порывом воздуха, но что-то более тяжелое не поддавалось силам природы и упало возле его ног. Он наклонился и поднял уже затоптанный пассажирскими ногами клочок бумаги. Развернул его и обомлел. На вырванном из блокнота листке был записан номер телефона. Её номер! Но он же сам выкинул его в Одинцово! Валька вытер пот и, присев на крыло машины, более тщательно рассмотрел записку. Нет, всё-таки это не колдовство. Конечно и номер её, и почерк, но написано немного под другим углом, так что это не оригинал, а дубликат. Однако тут же возникает ещё один вопрос – когда это она успела написать ещё одну записку и, главное, как она догадалась, что оригинал он выкинет. Впрочем, теперь эти вопросы можно будет задать ей лично, и он огляделся в поисках телефона-автомата.

Его уже не удивило то, что телефонная будка оказалась буквально в двух шагах от машины, а жетончик МГТС сам лёг в пальцы, едва он засунул руку в карман. Но те же самые пальцы почему-то очень неуверенно касались цифр на таксофоне.

- Алло. Здравствуйте. Можно попросить Ирму, - попросил он с лёгким трепетом, хотя чувствовал, что к телефону подойдёт именно она.

- Да, это я. Здравствуй, Валя, - она сразу узнала его голос и поток радости, хлынувшей на него, окатил с головы до ног.

- Я тут мимо проезжал совершенно случайно и что-то очень чаю захотелось. Но тут я вспомнил, что одна девушка обещала меня напоить этим напитком.

- Девушка помнит свои обещания и готова их исполнить. Дом помнишь? Квартира номер двадцать восемь. Звонок не работает, так что стучи, - поток радости превратился в водопад ликования, хотя голос по-прежнему оставался спокоен и слегка насмешлив.
- Хорошо. Минут через пятнадцать буду, - доложил он.
- Я уже ставлю чайник. Только... - он почувствовал её смущение: «Пожалуйста, не удивляйся тому зверинцу, что творится в моей квартире».
- Ничего. Я люблю животных, - успокоил он.

Почему она назвала свою квартиру зверинцем, он понял, лишь войдя за обитую порванным в некоторых местах дерматином дверь. В двухкомнатной квартире народу было не пропихнуться и все явно здесь же и жили. Толстая тётка с кастрюлей какого-то варева шустро проскочила мимо него, едва не размазав по стене, мужчина и женщина восточной внешности о чем-то разговаривали сидя на матрасе, постеленном на полу коридора, в конце которого высокая брюнетистая девица с интересом косила на него, делая вид, что гладит бельё. Содом и Гоморра, короче говоря.

- Заходи, не бойся, - пригласила его Ирма, принимая афганку и указывая направление на кухню: «В комнате доча уроки доделывает, так что мы здесь устроимся».

- Весело у тебя, - заметил он, когда ещё одна толстуха, заскочив за сковородкой на кухню, едва не сбила её с ног.

- Куда уж веселее, - грустно подтвердила она: «Я квартиру сдаю по койко-местно. На это и живем со Светкой. К тому же мне учёбу оплачивать надо, так что приходится терпеть».

- Мааам, я всё сделала, - заявила появившаяся на кухне худенькая длинноногая девочка, но заметив Вальку, отпрянула назад, недоброжелательно зыркнув на него такими же пронзительно-голубыми как у матери глазами.

- Вот и хорошо, - похвалила дочь Ирма, расставляя кружки: «Сейчас чаю попьём и спать ляжешь».

- Не хочу чаю, - сердито буркнул ребенок, покосившись на гостя.

- Зря отказываешься. Смотри, что у нас есть, - он выставил на стол, принесённый с собой кремковый рулет.

- Всё равно не хочу, - глотнув слюну, твёрдо заявила Светка: «Я лучше спать пойду».

- Ну, на нет и суда нет, - демонстративно проявила равнодушие мать: «Иди кровать разбирай».

Он остался один и, пока Ирма укладывала дочь, осмотрелся. То, что в квартире царил нищета, было видно сразу, но и то, что жители с ней яростно борются, тоже нельзя было отрицать. Занавески старенькие, но чистые, порванная обивка кухонного диванчика тщательно заштопана и даже треснувшая коленкоровая скатерть заклеена прозрачным скотчем.

- Уснула, - почему-то шепотом доложила Ирма и принялась разливать чай по кружкам.

- Не понравился я ей, - сокрушенно констатировал он.

- Характер. Прямо как у меня. Если чего решила, то уже ничем не переубедишь. Ничего, привыкнет, - она махнула рукой, присаживаясь рядом с ним: «У меня жильцы часто меняются, вот Светка и нервная такая. Сейчас-то ещё ничего. Всего шестеро, а бывало и десять человек жило».

- Шестеро? - удивился Валька: «Да где же вы все размещаетесь?»

- Мы с дочкой в маленькой комнате, Ганна, Парася и Домна, три сестры с Западной Украины - в большой, Рашид с женой в коридоре, а Аурика в шкафу.

- Где? - не понял он: «В шкафу?»

- Ну, да. В стенном шкафу. Туда как раз диванчик входит и двери закрываются, так чтобы она своими телесами Рашида не смущала. Кстати, не смотри что Аурика красotka. Она у себя в Молдавии врачом работала. Кардиолог. Вот.

Валька искоса бросил взгляд на Ирму. Конечно, обрядившись в мешковатую мужскую рубашу и старые джинсы, можно называть другую красоткой, притом, что сама даже не накрашена. Но зато, у Аурики нет таких глаз. К тому же, при более близком рассмотрении она и сама не казалась такой серой мышкой. Аккуратный ровный носик, чуть полные чётко очерченные губы и правильный овал лица в сочетании со стройной шеей, выглядывающей из широкого воротника рубашки, давали все основания назвать её как минимум симпатичной. И словно прочитав его мысли, Ирма одарила его таким взглядом, что участилось сердцебиение.

Он просидел в гостях чуть больше часа, но толком поговорить им так и не удалось. Постоянно кто-то приходил в кухню по своим надобностям, отвлекая Ирму вопросами и с любопытством косясь на нового человека. В итоге Валька, отговорившись тем, что уже поздно и ему пора работать, собрался уходить.

- Я тебя провожу, - заявила она, поднимаясь из-за стола вместе с ним.
- Куда? Я же на машине, а она у подъезда стоит.
- Вот до машины и провожу, - твёрдо заявила она, уже влезая в сапоги.

Приняв в салон знакомую пассажирку, «Шерька» завелся «с-пол-пинка», а когда она погладила его по торпедо, обычная неустойчивость холостых оборотов мгновенно исчезла, словно двигатель не намотал уже почти двести пятьдесят тысяч, а только на днях сошел с конвейера.

- Ты ему понравилась, - объяснил такой факт Валька.
- Он мне тоже, - созналась девушка.
- Я закурю? - проявил воспитанность он.
- Да. И мне тоже дай.
- Так ты куришь?
- Да. Но не часто и не при дочери.

Он чиркнул зажигалкой, и она закашлялась, затянувшись: «Какие крепкие...».

- Извини, других нет, - попытался оправдаться он.
- Ничего, привыкну, - обнадежила она и внезапно став очень серьёзной спросила: «Ну и как тебе моё житьё-бытьё?»
- Терпимо, я и похуже видел, - успокоил её Валька, припомнив «хату» где жил с Ларисой и бригадой проституток.
- Мы здесь со Светкой, а папа с мамой в деревню уехали жить, чтобы я могла квартиру сдавать. Есть ещё брат, но он намного старше и у него своя семья и свои дела. Так что справляюсь сама.

- А сестра? Люба, кажется.
- Она троюродная и даже скорей не сестра, а подруга. Просто росли вместе.

Они замолчали, попыхивая сигаретами, но Валька очень остро ощущал её ожидание, что и он расскажет о себе.

- А у меня родители развелись. Давно уже. У каждого своя семья и у меня есть сводные братик и сестрёнка. К тому же отец умер две недели назад.

- Сочувствую, - сказала она, и по волне жалости в его адрес он понял, что совершенно искренне.

Опять наступило молчание. Валька попытался понять, что она чувствует, но получалась какая-то ерунда из смеси желания, нежности и страха.

- Ну, вот мы и сказали основное о себе, - она выкинула в окно закончившуюся сигарету и повернулась к нему всем корпусом, отчего рубаша в вырезе распахнутого пуховика натянулась, намекнув, что грудь у неё всё-таки есть: «Теперь ты знаешь, кто я, а я знаю, кто ты и мы, как взрослые люди можем принять решение о наших дальнейших взаимоотношениях. За себя могу сказать, что буду рада снова угостить тебя чаем».

- А я буду рад даже стакану воды, - хотя и смутившись от такой откровенности, он ответил совершенно искренне.

- Нет. Чаю, - засмеялась она, излучая радость.
- Тогда с плюшками, - поддержал её смех Валька.
- С «Московскими»? Ммммм... Обожаю, - облизнулась она и сама потянулась к нему, но от попытки поцелуя в губы уклонилась, подставив щеку.

«Гонки на выживание» их команда проиграла с треском. Хотя Серый ухитрился прийти третьим, обогнав могучий «Defender» и сбив с трассы «Cruiser», а трибуны просто ревели от восторга, когда уже на последнем круге, потерявшее заднюю часть «Чудо-Юдо» рвануло к финишу на двух передних, судьи насчитали какие-то штрафные баллы и присудили лишь седьмое место. Соответственно, без денежного приза. «Суки продажные!» - матерился по этому поводу Никеша: «Волки позорные!»

Серый, по его собственному выражению, отделался «малой кровью». Вывихнутой кистью, огромным синяком на бедре, полученным когда озверевший «Дэф» протаранил своим усиленным бампером водительскую дверь наглого ВАЗона, да расколотым шлемом.

- Голова не кружится? Тебя не тошнит? – суетился вокруг него Юрец, тот, что закончил три курса медучилища, и теперь играл роль врача команды.

- И кружится, и тошнит, - обрадовал его Серый: «Но мне пофиг, поскольку с каждым новым сотрясением мозга я становлюсь ещё умнее. Это – седьмое».

- Ага, - не удержался Никеша: «Нормальные люди после третьего из дурки не вылезают, а этот даже считать не разучился».

- Вернее сказать – обсчитывать. Клиентов, - вставил присутствующий при сём Коляннич, уже оклемавшийся после запоя. Бодрый и энергичный.

Зато бедному «Чудо-Юду» досталось по полной, превратив его в грудку искореженных обломков с торчащим во все стороны рваным железом. Группа поддержки, в лице постоянных клиентов подпольного автосервиса, в скорбном молчании замерла над прахом, прекрасно понимая, что теперь эта техника уж точно восстановлению не подлежит. Да и что там восстанавливать, если даже чугунный блок двигателя пробит.

- Хорошая машина. Достойная смерть, - проникновенно изрёк Никеша, стянув с головы вязаную шапочку.

- Мир праху твоему, - хором подтвердили остальные и дружно закидали останки в грузовичок сборщиков металлолома.

- Эх, надо было головку блока и радиатор отдельно сдать, - сокрушенно произнёс Серый, глядя вслед удаляющемуся грузовичку.

- Почему? – не понял Валька.

- Алюминий. Он дороже стоит, - объяснил тот.

- Жлоб ты, Серый, - укорил его Никеша: «Жадина!»

- Я не жадный, я – хозяйственный.

С телефоном в квартире стало намного удобнее. По крайней мере, не нужно было выскакивать на улицу к таксофону, чтобы ответить клиенту на сообщение по пейджеру. Правда аппарат, презентованный Никешей, оказался аж 1974 года выпуска, но, как и всё советское, продолжал работать, невзирая на смену политического режима в стране и затянувшийся социальный кризис. А тут как-то очень вовремя поступило сообщение от Ильдара «СВЯЖИСЬ СО МНОЙ. ЭТО СРОЧНО» и буквально через минуту он уже набирал номер молодого прощельги.

- Алё, Ильдар, что за срочность?

- Барахло моё нужно вывезти. Прямо сейчас.

- Не базар. Уже выезжаю. Кстати, запиши мой номер телефона...

- А ты мой выкини. Я переезжаю.

Как оказалось, подруга Ильдара засекла его с какой-то девицей и её великосветская натура не стерпела такого надругательства над чувствами, а потому в течение суток его обязали покинуть жилплощадь.

- Ну, дура же! – возмутился выселенец: «Подумаешь, с тёлкой переспал».
- Ладно, может ещё утрясётся, - предположил Валька.
- Хрен там! Обещала, если не свалю, то вечером с «ментами» придёт.
- А вот это уже серьёзно...

И он поведал Вальке, что своих вещей у него фигня делов, едва с чемодан наберётся, а вот два баула с огнестрелом – это уже засада. Не в общагу же Академии МВД их тащить или к родителям, где, кроме него, ещё два старших брата и сестра.

- Ты говорил, что хату снял, - с надеждой спросил он у Вальки: «Может, у тебя пока припрятано?»

Валька задумался, прикидывая возможные последствия, но Ильдар понял его молчание по-своему.

- Я забашляю, - намекнул он товарищу.

- Ясен пень, что забашляешь. Я не о том, - поделился мыслями Валька: «А ну как по дороге на шмон нарвёмся. Такой срок накрутят, что мама не горюй».

- Не дрейфь, братан. Я с тобой поеду, - и, выйдя на пару минут, вернулся уже в милицейской форме, правда, с курсантскими погонами.

Так и поехали с сорока стволами в багажнике через весь город. Причем, вальяжно развалившийся на пассажирском сидении Ильдар кивал постовым, мимо которых они проезжали как старым знакомым и те порой даже отвечали ему отданием чести.

В квартире Аполмоныча будущий следователь сразу проявил профессионализм, моментально, в отличие от Вальки, обнаружив неиспользуемые жилые помещения.

- Может, там спрячем? – предложил он.

- Нет, - категорически отказался Валька: «Только у меня в комнате. Если что, не хочу старика подводить».

- Ну, тогда пусть здесь стоят, - согласился Ильдар, ставя баулы в угол.

- А за шкаф засунуть не лучше? – засомневался хозяин комнаты.

- Расслабься. Если «мусора» шмонать начнут, так хоть под паркет спрячь, а всё равно отыщут. Я те отвечаю. А так... Шёл, нашёл, нес сдавать в «ментовку», да заглянул домой пописать. И заявление о добровольной сдаче оружия напиши. Только без даты. Типа, вот, даже заяву уже накатал, поскольку честный и законопослушный, - проинструктировал будущий «мент».

- Понял. А торговать ими можно? – проявил коммерческую смекалку Валька.

- Не вопрос. Продашь, я только рад буду.

- А какая цена? Я имею в виду самая задняя?

Ильдар демонстративно оглянулся и словно по секрету прошептал ему на ухо.

- Ошизел что ли? Так весь рынок обрушишь! – возмутился Валька.

- Ну, ты же не дурак и, как я понимаю, отдашь по правильной цене. Так ведь? К тому же бабло на этом товаре я уже отбил неоднократно, так что мне им сейчас торговать – лишний геморрой себе на сидячую часть спины.

- Понял. Отчитаюсь, как сдам, - согласился с ним Валька.

- Ну, вот и ладненько, - довольно промурчал Ильдар: «Поеду я, пожалуй. Через пару недель нарисуюсь, тогда и перетрём».

Валька сел, подсчитал и бросил клич в «конюшне» о «срочной ликвидации склада по сниженной цене». В результате через две недели пустые баулы были выкинуты на помойку, а Валька аккуратно разложил бумажки с портретом президента Франклина в две ровные стопочки – для себя и для Ильдара. Не остались в обиде и обитатели подпольного автосервиса, получившие посреднические. Но это уже отдельная история.

Зачем он связался с этим пассажиром Валька и сам не понял. Вроде бы вполне приличный, правда слегка податый парень его возраста, и сел культурно, дверью не хлопая. Но по дороге он понял свою ошибку, потому что с каждой минутой клиент становился всё более неадекватным. То чего-то мычал невнятно, то пытался сплюнуть на пол, попадая себе на штаны, то начинал тыкать своей кассетой в радиоприемник,

требуя «классный музон». Похоже, что ширнулся перед выездом, а торкнуло уже в машине. Причем приход был настолько капитальный, что Валька даже засомневался, успеет ли он довести наркошу до нужного места, пока тот не отрубился окончательно. Но всё-таки успел.

- Вылезай. Приехали, - предложил он ему, остановившись у края дороги. Тот посмотрел на него мутными глазами и наконец, сообразив, о чем речь, начал выбираться из машины.

- Эй, братан, ты проезд оплатить забыл, - такой прозрачный намёк клиент явно не понял и, хлопнув дверью, собрался отправиться восвояси.

- Чёт я не понял, - возмутился Валька такой наглости, вылезая вслед за ним из машины: «Бабло гони, а?»

Клиент остановился, примерно минуту набычившись, тарашился на разгневанного «таксиста», а потом изобразил русский национальный жест «от локтя и выше», для убедительности выставив ещё и средний палец.

- Ну, ты и козёл, - оценил он такую культуру поведения и направился за клиентом с твёрдым намерением получить оплату. Но гоняться за наркошей не пришлось. Услышав кодовое слово, тот сам остановился и развернулся к нему лицом: «Кто козёл!?». Скинул на снег куртку и, разминая кулаки, двинулся к нему. «Вот же чёрт неуёмный», - пробормотал Валька, мгновенно заставив себя успокоиться, чтобы не наломать дров.

Бил парень, хоть и в состоянии наркотического опьянения, вполне грамотно. От первого удара в челюсть ему удалось увернуться, но удар ногой под колено заставил пропустить второй удар. Валька сконцентрировался, практически почувствовав, что следующей целью противника будет его пах, повернулся боком, приняв удар на левое бедро, и тут же ответил коротким «хуком» правой в скулу боевого наркомана. От такого воздействия организм индивидуума отлетел метра на два и рухнул в снег. Даже удивительно, насколько эффективным оказался недавно разученный удар.

- Ну, чо? Проезд оплачивать будем? – он подошел к сидящему на пятой точке клиенту, но тот только вращал глазами, явно выпав в нокдаун.

- Эй, ты живой что ли? – забеспокоился Валька и потрепал его ладонью по щеке. Тот открыл глаза, сфокусировал на нём взгляд, а потом извернулся встать на четвереньки и бросился наутёк.

- Эй, мужик, ты куда? – окликнул его он, едва сдерживая смех. Настолько комична была фигура убегающего на четырёх костях галопом противника. А заметив валяющуюся на снегу куртку, добавил: «Одежку-то забери! Замерзнешь, дурень!» Но тот только прибавил скорость, и с пробуксовкой вписавшись в поворот, исчез в придорожных кустах. «Вот чудило...» - усмехнулся он, поднимая чужую куртку и закидывая её в салон машины. Даже о неполученных деньгах забыл, настолько развеселил его этот типчик.

Снова на Дубровку. Что-то выхлоп дымным стал и надо бы определиться отчего.

- Маслосъёмные колпачки, - поставил диагноз Серый, поколдовав над движком: «Фигня делов, на пару часов работы».

- Какие брать? – поинтересовался он, с тоской прикидывая, что придётся тащиться на авторынок, а потом ещё и выслушивать стенания мастера о том, что «опять какое-то дерьмо купил», но Серый его успокоил: «Не кипешишь. Я тебе «Getz» поставлю. У меня в запасе есть. Немецкие».

- А волшебством не лечится? – подковырнул его Валька, справедливо подозревая, что запчасти пойдут по потолочной цене.

- Лечится. Но только за деньги.

- А если я тебе тему для новой песни подкину?

- Скидочку дам. Но сначала озвучь тему.

Пришлось Вальке поведать Серому, ковырявшемуся в двигателе и скучающему рядом Никеше о своём «боевом» пассажире и добыче, полученной с него. В процессе рассказа из под капота периодически раздавалось хихиканье, а вот Никеша почему-то оставался совершенно серьёзным.

- Статья 162 часть первая, - подвёл он итог рассказу: «До восьми лет. Хотя, по первому разу можешь и пятериком отделаться».

- Не понял? – удивился Валька.

- Чего тут непонятного? Совершенное тобой деяние квалифицируется Уголовным Кодексом как «Разбой» или «хищение чужого имущества с применением силы» и наказывается лишением свободы сроком до восьми лет, а так же штрафом до пятисот тысяч. И кстати, синяк на твоей разбойной морде будет считаться уликой. Точняк! Я сам первый раз по этой статье залетел.

- Так может мне эту куртку выкинуть? - засомневался Валька.

- Не стоит, - успокоил его бывший «ЗэКа», рассматривая светло-бежевую короткую куртку из дорогого нубука с меховым капюшоном, которую «разбойник» достал из машины с целью демонстрации: «Хорошая куртка. Носи. Пока не арестовали». Но тут из-под капота раздался гомерический смех Серого: «Никеша, хорош пацана до инфаркта доводить. Чёрта лысого кто его найдёт. Свидетелей нет, номера наркоша вряд ли запомнил, а придёт в «ментовку» жаловаться в таком состоянии, так «мусора» его же самого и примут. Не сцы, Валька. Носи свой трофей с достоинством».

Никеша только молча усмехнулся и, взяв куртку, проверил карманы. Пустые, если не считать маленького пакетика с каким-то белым веществом. Он подцепил чуть-чуть порошка грязным ногтем, лизнул и тут же сплюнул: «Герыч. Чистый. А вот это точно нужно выкинуть, хотя здесь «баксов» на пятьсот будет».

- Фьююу... - присвистнул, отрываясь от работы Серый: «Валя, сожги ты эту гадость к такой-то матери».

- Сожги, - подтвердил подошедший позвать на помощь Никешу и слышавший конец разговора, Кержач: «Прямо сейчас».

- Базара нет, - согласился Валька и, достав из бардачка старую газету, а из кармана зажигалку превратил героин в дым: «Так хорошо?»

- Хорошо, - согласились Кержач с Никешей и ушли по своим делам.

- А вот здесь не очень хорошо, - донеслось из под капота и Серый вылез на белый свет, держа в руках распределительный вал: «Смотри, эксцентрики набиты. Шлифануть бы надо».

- А может новый поставить?

- Неа... Сейчас из такого сырого железа делают, что каждый месяц менять будешь, а здесь хоть цементация нормальная. К вечеру сделаю».

- Тогда я пойду, выплусь, а к вечеру загляну, - предложил Валька.

- Иди. Только деньги не забудь.

- Могу и сейчас расплатиться.

- Ээээ, нет. Только по факту выполнения работ, - Серый уже собрался опять засунуть морду в моторный отсек, но задержался: «Слушай, Валь, а как ты насчёт того, чтобы за границу съездить?»

- Это, смотря с какой целью, - уклонился он от прямого ответа.

- Машину перегнать из Финляндии. В начале марта в Хельсинки придут три тачки и Андрюхе, кроме меня ещё один водитель нужен.

- А сколько?

- Триста. Но там всего на два-три дня работы, а проезд и виза за счёт заказчика.

- Годится.

- Загранпаспорт есть?

- Вроде есть, - задумчиво ответил он, припоминая, где хранится его краснокожая книжица.

- Тогда неси и будем оформляться.

Выспавшись и проделав свой комплекс упражнений, он в очередной раз порадовался, что теперь в доме есть телефон.

- Мам, привет, - в поисках загранпаспорта ей он позвонил первой.

- Ой, Валюшка, привет. Что-то тебя давно не видно, не слышно, - она словно бы и не помнила ту, некрасивую сцену на кладбище, когда он жестко отверг её предложение побороться за наследство, оставшееся от отца.

- Дела всё. Заботы, - уклонился он от пространного ответа: «Я и сейчас по делу. Скажи, мой загранпаспорт не у тебя случайно?»

- У меня, конечно. Вместе с твоим аттестатом лежит. А что?

- Да вот, за границу решил смотаться, а без него не пускают.

- А ты надолго? – в голосе матери прозвучала тревога.

- Нет. Туда и обратно. По делам.

- Бизнес?

- Типа того. Когда заехать можно?

- Да хоть сегодня.

- Нет, - он посмотрел в зеркало на своё отражение с синяком на левой скуле: «Сегодня не могу. Лучше завтра». Авось до завтра синева и рассосётся хоть немного.

- Завтра так завтра. Приезжай.

- Ну, всё. Пока.

- Пока.

Вот и поговорили, а на сердце какой-то тяжелый осадок остался. Ирме бы позвонить, для поднятия настроения, но она должно быть сейчас только возвращается с учёбы. Или заехать вечером...

После той встречи, когда они обменялись информацией о себе и приняли решение, встретится им не удалось ни разу. Он звонил ей, болтали ни о чём, тщательно избегая разговоров на тему личной жизни, но она ни разу не повторила своё приглашение, а он почему-то стеснялся попроситься самостоятельно. Так может сегодня?

Автомобиль ждал его в тёплом боксе. Отремонтированный и довольный. Никеша с Серым уже разъехались по домам, но Кержач был на боевом посту.

- Принимай агрегат, - протянул ему ключи и скинул в ящик стола деньги за работу.

- Спасибо. Чаем угостишь? – намекнул на бонус Валька.

- Запросто. Пошли в бытовку. Только не шуми сильно. Гости у нас.

Традиционно ядрёный «чаёк» по старинному тюремному рецепту хорошо тонизировал перед ночной работой, и грех было не воспользоваться такой возможностью.

- А что за гости? – спросил он, принимая полную кружку.

- Проститутка у нас теперь живёт, - ответил Кержач: «Серый приволок».

- Не понял, - удивился Валька: «Как приволок? Почему живёт?»

- А вот так. Подобрал на улице избитую до полусмерти и сюда привёз отлёживаться. Не к себе же домой её тащить? Там жена ему быстро мозги вправила бы.

- А Никеша? – он покосился на неглиже, украшающее стену бытовки, понимая, что после случая с сейфом колчерукому бабы здесь на дух не нужны.

- Орал как потерпевший. Чуть драться не сцепились. Но ты ж Серого знаешь. Тот ещё баран. Упрётся рогом, и хрен ты его сдвинешь. Да и куда её девать, если она два дня практически в беспамятстве лежала и только сегодня в себя приходиться начала.

- Ну, в принципе правильно поступил...

- Я знал, что ты так и скажешь, - засмеялся старый мастер: «Не зря Никеша, когда лаялся, тебя поминал и обзывал вас с Серым «скорой помощью», которая всем убогим дуракам помогает».

- А ты тоже так считаешь?

- Я? Нет. От того, что девчонка у нас отлежится, нам не горячо не холодно, а её может это спасёт.

С посадками сложилось как-то не очень и всю дорогу до Кунцево пришлось гнать порожняком. Но это и успокаивало. Нет денег, так хоть время приятно провести можно. С плюшками «Московские», которые так любит Ирма.

- Ой, Валь, даже не знаю... - засомневалась она, услышав в телефонной трубке его намёк на жажду чая: «Я только от сестры приехала. Грязная как чушка».

- Это ничего, - успокоил он: «Главное, что душа чистая».

- Ну ладно. Тогда заходи. Только, чур, смотреть не на меня, а в душу.

- Договорились, - согласился он, купаясь в тёплом потоке её радости.

Ободранная дверь открылась за мгновение до того, как его кулак соприкоснулся с косяком и лукавые искорки блеснули в глубине её глаз: «Подловила!». Была она опять в своей безразмерной рубаше и стареньких джинсах. И снова ни грамма косметики, словно в её цели даже не входило привлечь интересующего её мужчину своей внешностью. Зато была тёмно-вишнёвая чёлка, со следами строительной побелки.

- Держи, - вручил он ей целлофановую сумку с плюшками и коснувшись губами подставленной щеки.

- С ума сошёл? Куда ж ты столько приволок? – удивилась она.

- Ничо. Тебе Светку кормить надо, а то она вон какая худенькая.

- Но не плюшками же...

- Хорошо. В следующий раз колбасу привезу, - успокоил он её, но заметив любопытную девчачью мордашку, подглядывающую за ними из двери комнаты, добавил нарочито громко: «А сегодня – плюшки. Пусть ест, сколько хочет».

На плюшки Светка клюнула и, хотя продолжала смотреть на него исподлобья, но особого недружелюбия не проявляла. Просто сидела, молча забившись в угол, обгрызала сдобную булку, как мышонок, со всех сторон, и наблюдала за ними. К тому же, постоянно перемещающиеся по кухне жильцы лишали последней возможности поговорить откровенно. Оставалось только наслаждаться исходящим от неё теплом, но разговор был, по-прежнему, ни о чём.

- А что ты у сестры делала? – поинтересовался он, покосившись на испачканную чёлку: «Кафель лепила?»

- Нет, мы с Любаней пытались потолок побелить. Только не вышло ни фиги. Перепачкались и всё.

- А специалиста вызвать не пробовали?

- Люба говорит что дорого. Она уже много фирм обзвонила. Там такие цены...

- Это потому что посредники, - объяснил он и, припомнив, что Наташка временно без работы, предложил: «А хочешь, я хорошего маляра подгоню? И недорого».

- Хочу, конечно. А то мы так только побелку изведём.

- Телефон дай, пожалуйста, - попросил он и по памяти набрал номер: «Алё, Наташа, привет».

- Привет, Валь. Чего так поздно? – донеслось из трубки.

- Извини, но тут для тебя небольшая халтура подвернулась. Ты ведь свободна?

- Да. А что надо делать?

- Потолок в комнате побелить. Вернее в трёх комнатах, - поправился он, заметив, что Ирма показывает ему три пальца.

- Разве это работа? – в её голосе послышалась усмешка: «За день-два сделаю».

- Так я же и сказал – «халтура». Ну что, берёшься?

- Я же сказала – сделаю.

- Тогда записывай телефон. Завтра позвонишь и договоришься о цене. Пиши...

Сбросив вызов, он положил радиотелефон на стол и отхлебнул из кружки: «Ну, примерно так...».

- Ты что, волшебник? – восхищение Ирмы было совершенно искренним.

- Почему ты так решила? – ответил он вопросом на вопрос, а сам подумал, что кто здесь волшебник, это ещё нужно разобраться.

- Плюшки мои любимые привёз, маляра нашёл, - она как кошка благодарно потёрлась щекой о его плечо, но заметив недовольно фыркнувшую Светку, отстранилась: «Так может ещё одно волшебство за этот вечер можно попросить?»

- Любое, - выразил он свою готовность к подвигам.

- Я хочу объявления по району расклеить, а одной темно и страшно. Мы можем на машине проехаться? Это недолго...

- Легко! – вскочил он.

- Ой, как здорово, - чуть не захлопала в ладоши от радости Ирма: «Тогда прямо сейчас и поедем. Светка, марш спать. Я скоро вернусь».

- Мы быстро, - извинился перед моментально надувшим губы ребёнком Валька: «Скажи, что ты хочешь в следующий раз?»

- Я хочу, чтобы ты не приезжал, - сузив глаза, сердитым котёнком прошипела она.

- А как же плюшки? – удивился он, ничуть не обижаясь. Ребёнок задумался на минуту, а потом выдал: «А плюшки привози».

На машине с расклейкой объявлений о том, что «квалифицированный мастер делает модельную женскую, мужскую и детскую стрижку по низким ценам», он справились быстро и остановились возле её дома покурить.

- И чего ты так Светку шпыняешь? – поинтересовался он: «Она у тебя прикольная».

- Это чтобы не разбаловалась, - Ирма выпустила струйку дыма лёгких сигарет «Vogue», запасённых специально для неё, в приоткрытое окно: «А то знаю я её. Сама такая же была. Если в узде не держать, то всех под себя построит».

- Так ты предлагаешь мне держать тебя в узде? – улыбнулся он.

- Бесплезно. Не поможет, - почему-то печально сказала она и замолчала.

Утробно ворчал двигателем «Шерька», тёплый ветерок из отопителя приятно согревал колени, что-то напевало «Радио Москвы», а они сидели и молчали, не глядя друг на друга. Наконец Валька не выдержал и, повернувшись к Ирме, притянул её к себе. Девушка напряглась, инстинктивно сопротивляясь его действиям, но он, положив ей ладонь на затылок, повернул к себе лицом и уже собрался поцеловать, как волна страха выплеснувшаяся из неё просто физически остановила его движение. Страх и даже не страх, а ужас и отвращение с такой силой охватили девушку, что он почувствовал, как сотрясаются от дрожи под пуховиком хрупкие плечи.

- Извини, - хрипло выдавила она из себя, стараясь успокоиться: «Мне надо идти». И скользнув губами по щеке, выскочила из автомобиля.

Что произошло, он так и не понял, гоня мысли по извилинам мозга и анализируя её и свои действия. Получалось, что где-то произошел сбой в чувствах, и всё полетело в тартарары. Самое логичное было бы сейчас завалиться на Дубровку и поговорить на эту тему с Никешей или Серым. Но на дежурстве был Кержач. Тоже не дурак, но не психолог ни разу. Эти размышления отвлекали от основного занятия, и он перевозил пассажиров как во сне, порой чисто на автопилоте проскакивая перекрёстки или притормаживая на светофорах.

Отпустило немного только часам к двум ночи, вот тогда и попалась ему одинокая женская фигурка, неторопливо бредущая по тротуару. Одета очень даже прилично, в короткую шубку, из-под которой виднелась юбка с разрезом типа «следуй за мной», и силуэт вполне привлекательный, но такси не ловит, а просто уныло бредёт по заснеженному Садовому кольцу. Похоже, что здесь есть работа для «Скорой помощи», как окрестил их с Серым Никеша, и он плавно притормозил возле женщины. Она с интересом покосилась на него, но продолжила неторопливо брести вперёд, и ему пришлось проехать ещё немного, чтобы обратиться к ней.

- Извините, я так понимаю, что у Вас возникли некоторые трудности, - он приоткрыл окно, чтобы было лучше слышно.

- Возникли, - спокойным голосом ответила она, останавливаясь и поворачиваясь к нему всем корпусом.

- И какого же рода, позвольте Вас спросить? – Валька был сама галантность.

- Домой хочу, - вздохнула она, заложив руки за спину и рисуя носком сапожка полукружья на застывшем асфальте. Почему-то в этот момент она напомнила ему Ольгу, только намного моложе.

- Да разве это проблема? Я могу вас отвезти, - предложил он.

- Не можете.

- Почему?

- Потому что дом мой в ста километрах от Москвы, а денег только на электричку, - с лёгким наклоном головы, она развела руками, словно делая книксен, и добавила: «А электрички до шести утра не ходят».

- Да уж... ситуация, - согласился он. Тащиться в такую глухомань, да ещё за бесплатно совсем не хотелось, но и бросить бедолагу посреди улицы не позволяла совесть. Поэтому, чуть подумав, он предложил: «Ну, садитесь в машину. Хоть согреетесь».

- Спасибо, - горячо поблагодарила она, устраиваясь на переднем сидении: «А то промёрзла уже до костей».

- Вы курите? – не то спросил, не то предложил он, включая печку на полную мощность и доставая пачку сигарет предназначенных для Ирмы.

- Нет, но за компанию закурю.

Он чиркнул зажигалкой и, прикурив сам, спросил: «А в зале ожидания на вокзале не пробовали переждать?»

- Пробовала, - ответила она: «Но там от мужиков отбоя нет. Я ж как дура вырядилась, вот и лезет всякая дрянь с «завлекательными» предложениями». Действительно, форма одежды на ней была явно парадная, а макияж как для посещения Большого театра.

- Я учительница из сельской школы, - заметив его взгляд, пояснила она: «Незамужняя и свободная. Сдуру написала на сайт брачных объявлений. Знаете, есть такие – «знакомство с богатыми иностранцами»? Вот они меня и пригласили на «Бал Знакомств». По всем подругам самые красивые наряды собирала и поехала «принца на белом коне» выбирать.

- Ну, и как? – усмехнулся он, предчувствуя развязку сюжета.

- Принцев не было. Только кони, - горько усмехнулась она: «К тому же и конкурентки все молодые и длинноногие. Куда уж мне тридцатилетней старухе...».

- Нет, ну вы очень даже ничего, - искренне заявил он. В полумраке салона она действительно выглядела красивой в своем боевом макияже.

- Правда? Вы так считаете? – мгновенно повеселела она от комплимента: «Я привлекательна?»

- Несомненно! – с категорическими интонациями подтвердил Валька.

- А у меня ещё и фигура хорошая, - продолжила веселиться она: «И готовлю неплохо. И это... голова никогда не болит. Возьмите меня замуж!»

- Увы, женат-с... - сознался он.

- Вот, так всегда, - капризно надула губки: «Как мужик хороший, так женат. А если свободен, так или пьяница или дурак».

- Се-ля-ви, мадам, - с сожалением он развел руками, но тут она выдала длинную фразу на французском, отчего Валька даже опешил: «Простите, но я не понял. Мои познания в языках ограничиваются русским и русским матерным».

- Хорошо, что не поняли, - рассмеялась она: «Это из Франсуа Рабле и переводится примерно как «настоящий рыцарь всегда готов оказать услугу понравившейся ему даме, получив в награду её красоту».

Прозвучало всё довольно двусмысленно, и даже она поняла это, прикусив на мгновение губу, но тут же рассмеялась, тряхнув головой, отчего кудри рассыпались по воротнику. Валька ощутил исходящий от неё порыв какой-то бесшабашной удали.

- Так значит великий французский писатель, - аккуратно подбирая слова, произнёс он: «Ещё в шестнадцатом веке посоветовал мне отвезти Вас домой, получив в качестве оплаты ...Вас?»

- А почему бы и нет? – с дерзкой улыбкой заявила она.

- Pourquoі pas? – согласился он.

- Тогда вперёд, mon ami! – скомандовала она, и Валька нажал на педаль газа.

Пока летели через ночную опустевшую Москву его попутчица, сохраняя авантюрно-бесшабашное настроение, мурлыкала себе под нос что-то типа «через горы, через лес, отвезут меня за секс», явно готовясь к интимным приключениям, а он старательно отгоняя мысли об Ирме, искоса поглядывал на неё, оценивая дальнейшие перспективы. Явно почувствовав его аудиторский интерес, она с готовностью распахнула шубку, демонстрируя глубокий вырез декольте, и закинула ногу на ногу, показывая какие они у неё красивые. Получалось, что перспективы довольно привлекательны и «Вишнёвым садом» здесь не пахнет.

- А хотите я Вам песенку спою? – предложил он: «Хулиганскую».

- Давайте, - охотно согласилась она: «А кто автор?»

- Один мой знакомый о всяких случаях из жизни пишет, - уклонился он от прямого ответа и запел: «Как таксист, приму к оплате евро-доллары-рубли, а ещё в валюту, кстати, секс-услуги возвели...». Вроде и голосок у Вальки так себе и фальшивил порой, но спутница хохотала не хуже тех, кто собрался на «День аиста». Зато не сбился ни разу и текст не забыл.

- Класс! – утирая слёзы и едва переводя дыхание от смеха, сказала она, дослушав песенку: «Это ж надо так придумать».

- Совершенно реальная история, - заверил он: «Автором клянусь!»

- Да, между прочим, - решительно сказала она: «Мы уже выехали из города, и я имею желание, чтобы мы остановились». Не подозревая ничего коварного (мало ли даме по нужде захотелось), Валька высмотрел небольшую площадку у обочины и свернул на неё: «Прошу, мадам. Не беспокойтесь, я отвернусь».

- Можно не отворачиваться, - разрешила она, выскальзывая из шубки и пытаясь стянуть через голову платье. Получилось плохо и попутчица, повернувшись к нему спиной, попросила: «Расстегни». Ошалев от неожиданности, он едва справился с молнией, но всё-таки справился, и платье с лёгким шуршанием выпустило на волю её тело.

- Ну, как? – спросила она, чуть отвернув голову, выпятив грудь и втянув животик. Позу для демонстрации своих прелестей его попутчица подобрала самую выгодную и, пожирая взглядом стройную женскую фигуру в кружевном черном бюстье и не менее кружевных трусиках, он машинально сглотнул слюну: «Восхитительно!»

- Так что же мы сидим? – удивилась она его нерасторопности: «И кстати... Мы... это... Здесь? Или назад переберёмся?»

Пока Валька готовил сексодром, откидывая спинки передних сидений и выравнивая их так, чтобы образовалась единая плоскость, немного успокоился, и до него дошло, что такое сексуально-роскошное бельё она приготовила явно в расчете на интимный вечер. Но вечер не удался, а готовность к нему никуда не исчезла. Вот и чудит.

- Я, пожалуй, чулки не буду снимать, - заявила она, откидываясь назад и ставя маленькие ступни на торпеду: «Так сексуальнее получится».

- Как Вам будет угодно, мадам, - согласился он, судорожно стягивая с себя остатки одежды и склоняясь над девушкой.

- Уффф... - сказала она, с трудом выравнивая дыхание: «Неплохо для первого раза. Совсем неплохо». Валька приподнялся на локте и, поцеловав припухшие губы, всмотрелся сквозь запотевшие стёкла наружу, не привлекли ли отчаянные вопли попутчицы чьё-нибудь внимание. Но за окном стояла кромешная темнота, лишь

изредка разрываема фарами проезжавших мимо машин, и он облегченно откинулся на спину. И тут уже приподнялась она и, скользнув сосками по его груди, наклонилась над ним, укрыв их лица водопадом кудрей от окружающего мира.

- Слушай, - шепнула она, сверкнув в темноте белками глаз: «Мне кажется, что пришло время перейти на «ты»».

- Да. А заодно и познакомиться, - согласился он: «Меня зовут красивым римским именем Валентин, что по латыни означает – здоровый».

- То, что здоровый, я уже заметила, - засмеялась она, перебираясь на него полностью: «А у меня простое русское имя Мария».

- Еврейское... - поправил он: « И означает – «желанная», что я тоже заметил, кстати».

- Эй, не заводись... кстати, - с довольной усмешкой предупредила она, почувствовав ответную реакцию его тела на такой приятный груз: «А то до утра здесь простоим».

- Тогда поехали, - предложил он.

- Поехали.

Валька быстро оделся и поднял спинку водительского сидения, а Мария так и осталась лежать, лишь прикрывшись от сквозняков шубкой.

- Ты что, так и поедешь? – поинтересовался он.

- А разве нельзя?

- Может, всё-таки оденешься? Прохладно.

- Потерплю, - гибко потянулась, влезая в рукава шубки: «А то потом опять раздеваться придётся».

Ободрённый такими перспективами, он гнал «Шерьку» вперёд, изредка косясь на ножки в чёрных чулках, закинутае на торпеду автомобиля, а его попутчица рассуждала: «Вообще-то мне больше нравится французский вариант моего имени – Мари, с ударением на последнем слоге. Мне вообще Франция нравится, а особенно француженки. Их шарм, красота, утончённость... Вот скажи, могла бы я жить во Франции?»

- Конечно. Ты же вылитая француженка.

- Могла... А живу в какой-то Чуриловке. В ней и помру, наверное.

- Ничего, - успокоил он: «Будет и на нашей улице пень гореть».

- Надеюсь, - устало усмехнулась она и вдруг спохватилась: «Стоп! Чего-то мы заболтались. Остановись-ка где-нибудь».

- Зачем? – с нарочитым удивлением спросил он.

- Так в прошлый раз был аванс, а теперь зарплата будет.

Снова свет фар разрезал ночную тьму и Валька гнал машину на предельно возможной скорости, нагоняя упущенное время. На этой стоянке они задержались несколько дольше, пока ему не удалось удовлетворить проснувшуюся в Марии ненасытность. Зато теперь она довольная сидела с ним рядом, кутаясь в свою шубку, и мурлыкала мотивчик «Вишнёвого сада»

- А я ещё песенку знаю, - решил он развлечь попутчицу: «Тоже жизненная».

- Давай, - с готовностью вскинулась она и Валька «дал»:

Я замер в восхищении у порога,
Когда мой друг привёл её ко мне.
Такую грудь, не то чтобы потрогать,
Такое не увидишь и во сне!

Я – малый хват, мне даже Мира мало,
Но в этот раз, признаться не стыжусь,
Подумал: «Хватит ли в стране металла,
Чтобы отлить роскошный этот бюст?»...

Премьера «Катки-Два-Лимона» прошла на «бис», невзирая на вокальные данные исполнителя и отсутствие аккомпанемента. Особенный успех имели строчки

Исчезло всё. Мой комп, аппаратура,

Из гардероба всякое добро.
И даже ложки! Видно эта дура
Мой мельхиор взяла как серебро.
В шкатулке нету золотых изделий,
Пустует сейф, заделанный в стене,
И лифчик, как шедевр Церетели,
Висит там, где был подлинник Моне.

Здесь Мария просто пищала от смеха, хлопая себя ладонями по коленкам и запрокидывая голову.

- Всё. Не могу больше, - простила она, когда он закончил исполнение, отходя от веселья и аккуратно вытирая слезы с накрашенных ресниц: «Останови».

Валька покосился на неё в недоумении. «Аванс» получен, «зарплата» тоже...

- Чего? Не понял? Премия тебе! За песню, - пояснила она: «Останавливайся, давай».

Валька склонился к рулю и вытер со лба пот, вглядываясь в скользящую под колёса дорогу. Было жарко даже в одной футболке. С каждым разом Мария чувствовала себя всё более раскрепощёно и её изобретательность выжимала из него все соки. Но оно того стоило. Порой ему казалось, что и профессионал секса Лариса так не смогла бы.

- Ну, ты просто бомба, - восхищенно сказал он ей.

- А ты как думал, - с гордостью ответила она, облизывая потрескавшиеся искусанные губы. Чувствовалось, что ей тоже досталось. Влажные пряди, бывшие когда-то модной причёской, прилипли ко лбу, хриплое дыхание с трудом прорывалось через приоткрытый рот, а ещё и полные блаженства глаза, явно потерявшие возможность фокусировать зрение. Так что Валька вполне мог гордиться собой, но одно обстоятельство его всё-таки напрягало. Попутчица его по-прежнему ехала в шубке, накинутой на голое тело, но он надеялся, что это от того, что ей жарко после секса.

Она закурила, постепенно остывая от любовного угара, и наблюдая, как мимо пролетают чёрные силуэты деревьев и огни придорожных деревень. Закурил и Валька, пытаясь таким образом взбодрить себя. Через некоторое время стало даже прохладно, и он включил печку на полную мощность, но щели в дверях старенького автомобиля плохо держали тепло и она, придвинувшись поближе, прижалась к его плечу, словно спасаясь от холода. Какое-то время они ехали молча, но потом Валька первым нарушил тишину.

- Ты где этому научилась? - тихо спросил он: «Я такого отродясь не испытывал».

Она подняла на него блестящие глаза и лукаво подмигнула.

- Ты даже представить себе не можешь, какие фантазии возникают в голове порядочной женщины, если она три года и пять месяцев не знала мужской ласки, - оторвалась от его плеча и посмотрела прямо в глаза: «Ты не подумай, я ведь не шалава какая. Меня в деревне даже «недотрогой» называют. А всё потому, что не хочу с нашими алкашами по стогам да сеновалам кувыркаться. Уж лучше никак, чем с кем попало».

- Омар Хайам, - вставил он.

- Что Омар Хайам? - не поняла Мария.

- «Уж лучше голодать, чем, что попало есть. Быть лучше одному, чем вместе с кем попало». Это Омар Хайам сказал.

- Да. Вспомнила. Прав был мудрец, - она вздохнула, но тут же опять улыбнулась ему: «Вот ты мне сразу понравился. Не был бы женат, честное слово, забрала бы себе. А так остаются одни фантазии. Кстати, нам ещё далеко?»

- Половину пути одолели.

- Это хорошо, - она потянулась, отчего в распахнувшейся шубке стали видны грудь и часть животика: «Значит ещё половина дороги впереди. Останови-ка здесь».

- У меня презервативы закончились, - попытался сачкануть он.

- Дорогой, - жарко прошептала она: «Мы с тобой друг друга уже с головы до ног вылизали и обсосали, так что об инфекциях думать поздно, а насчёт беременности не волнуйся. Мне на этой неделе можно. Тормози, я сказала!»

Никеша приехал на работу первым, и почти сразу вслед за ним в раскрытые ворота влетела «пятёрка» Серого. Припарковались, поздоровались и уж собрались идти будить заспавшегося Кержача, как на стоянку вкатилась вишнёвая «копейка» и остановилась посередине площадки.

- Валька что ли? – удивился Никеша.

- И чего в такую рань? – пожал плечами Серый, и они направились к машине, из которой, покачиваясь, с блуждающим взглядом уже вылезал её владелец.

- Чего припёрся-то? – поприветствовал его Никеша.

- Али сломал чего в хорошем автомобиле? – поддержал товарища Серый.

- Нет, - Валька в изнеможении повис на двери машины: «Тему для песни тебе привёз, Серый».

- Ну-ка, ну-ка, - проявил интерес поэт местного разлива: «Озвучь».

- Тогда слушай, - начал Валька, собрав последние силы: «Еду это я сегодня ночью по Садовому...»

Глава VIII

Вирази

Валька открыл глаза. Мягкий предвечерний свет робко просачивался сквозь плотно закрытые шторы в комнату, не столько освещая, сколько создавая уют. Он потянулся, блаженствуя под тёплым одеялом, и усмехнулся, вспомнив своё ночное приключение: «Надо же, а всё-таки я выжил...». Конечно и этой «француженке» из Чуриловки досталось не слабо, если учесть, что к своему дому она брела, едва переставляя ноги и покачиваясь словно пьяная, но всё-таки было здорово. Как она сказала-то? «Обязательно своему поэту расскажи о нас. Пусть он песню напишет, и может быть, я когда-нибудь её услышу и всё вспомню». Ха! Забудешь такое! Одно плохо, прощаясь, разревелась от души, по-русски, так что он даже растерялся, но Мария сама приняла решение, оттолкнув его: «Уезжай! И никогда не возвращайся!» А он взял и уехал...

Но, сколько не валяйся, а вставать надо. Дела ждать не будут. Обещал же заскочить к матери за паспортом, хотя и не хочется. Не та атмосфера в её доме, чтобы он чувствовал себя комфортно и взгляд её, жалостливый с легкой примесью презрения к сыну-неудачнику, заявившемуся на похороны отца в армейской куртке, до сих пор стоял в памяти. Впрочем, это дело поправимо. Он подошел и снял со спинки стула свой «трофей». Повертел в руках и, накинув на плечи, подошел к зеркалу. А что? Размерчик совпал, и смотрелась курточка с целой кучей нашивок типа «Air Force», «Royal Division» и прочими шевронами, вполне прилично, даже с поправкой на отсутствие на нём штанов. «Вот в ней и поеду», - решил он: «А джинсы «Rifle» надену, что от Апаллонычева сына остались».

На Ленинском дома были только мать и Вахтанг, который, как показалось, даже обрадовался его приходу, но Валька понял причину, заметив оценивающий взгляд, просканировавший его фигуру с головы до ног. Словно на калькуляторе посчитал, подвёл итог и остался доволен.

От ужина он отказался, но традиционный для русского гостеприимства чай пить пришлось. Как он и ожидал, все разговоры вращались вокруг раскручиваемого Вахтангом бизнеса и трудностей, связанным с этим процессом. Валька слушал вполуха, но постепенно до него дошло, что в принципе, продавая «стволы» или шампанское, он занимался тем же самым, но только с большей долей криминала. Так что понять, о чём речь было несложно.

- А почему бы вам самим не заняться растаможкой товара? - предложил он, когда мать пожаловалась на эту проблему: «Сразу куча посредников уберётся и цена снизится».

- Хотелось бы, но выхода на таможню нет, - печально вздохнула она.

- Есть у меня один человек. Если сам не поможет, то сведёт с нужными людьми, - припомнил он владельца «Волго-Мерседеса», прекрасно понимая, что в пределах заповедной «конюшни» такие вопросы можно будет обсудить открытым текстом, не опасаясь подвоха: «Денег, ясное дело, попросит, но всё меньше, чем целой толпе платить».

- Ой, Валь, познакомь, - заскулила мать: «А то после таможни товар чуть ли не вдвое дороже».

- Конечно, - согласился он: «Люди ведь кушать хотят. И желательно икру с ананасами. А ещё можно договориться с поставщиком и ваше барахло как «секонд-хэнд» оформлять. Думаю, что при «своем» таможеннике, это прокатит легко. Только с поставщиками решайте сами. У меня ни в Турции, ни в Китае знакомых нет».

- Ну, ты и голова, Валя. Где только успел научиться, - хмыкнул Вахтанг одобрительно.

- Жизнь заставила, - честно сознался он и засобирился: «Пора мне...»

Вахтанг что-то пошептал на ухо жене и она, согласно кивнув, ушла в другую комнату, но очень скоро вернулась, неся в руках фирменный пакет с яркими рекламными наклейками: «Вот. Давно тебе хотели подарить. Это «алюска». Непромокаемая, непродуваемая и непромерзаемая. Прямая поставка из Германии. Носи».

- Спасибо, но у меня есть, - небрежно отказался он, влезая в рукава своей «трофейной» куртки. К тому же его глодали смутные сомнения насчёт «давно» и «поставки из Германии». Скорей всего Турция голимая...

- Ты смотри, какой к нам модный кент завалился! – встретил его на Дубровке Серый: «Не иначе как жениться собрался».

- Нет. За границу, - улыбнулся он, протягивая лохматому свой загранпаспорт.

- И это правильно. Надо показать этой тухлой Европе, что мы здесь не лаптем щи хлебаем и в медвежьих шкурах бродим. Заходи, как раз вскипело.

Серый был на дежурстве, но не один. В углу, где жарче всего грел калорифер, сидела худенькая девчонка, кутаясь в солдатскую шинель, имевшую ценность именно своей многофункциональностью. При взгляде на юную особу он даже вздрогнул. Если его синяк на скуле уже успел превратиться в желтоватое расплывчатое пятно, то здесь до полного исцеления было ещё далеко, и у него даже сжались кулаки при мысли о тех скотах, что так жестоко её измордовали.

- Дашка, чай будешь? – поинтересовался Серый.

- Неа... - ответил вялый, словно спросонья голос.

- А с печеньем? – уточнил Валька, выкладывая на стол пачку «Овсяного».

- Буду, - мгновенно оживилась она.

Пока они с Серым обсуждали нюансы оформления визы и будущей поездки, она молча сидела над кружкой и сосредоточенно сосала разбитыми губами размоченное в чае печенье, совершенно не интересуясь темой разговора, а потом встала и так же, не говоря ни слова, пошла в «опочивальню».

- Спать будешь? – поинтересовался Серый, но девчонка только кивнула головой, закрывая за собой дверь.

- Да уж, досталось ей, - посочувствовал Валька.

- Прикинь, снял её какой-то козёл по-честноку. Бабки на точке заплатил и увёз на хату. А там их оказалось сразу четверо укурков. Ну, и оторвались на девчонке в полный рост. А потом, когда насытились, бить начали. Тоже для развлечения. Она плакала, умоляла, обещала исполнить всё что попросят, но им было, похоже, до фени. Короче, очнулась почти голышом уже на улице, когда я её к себе в машину затаскивал, - на скулах Серого играли желваки и пальцы самопроизвольно сжимались в кулаки.

- Так может наведаться к этим тварям? – спросил Валька.

- Так она адрес не знает, а то давно бы уже «братве» стуканули. Там же не все отмороженные и таких козлов ой, как не любят. Мохнатый сейф вскрыть – это одно, а вот беспределить, уже лишнее.

- Повезло, что ты рядом оказался...

- В нужное время, в нужном месте, - усмехнулся лохматый: «А ещё в том, что ничего не сломали, ну а остальное заживёт. Тут другая беда. Наркоманка она. Все вены в дырках, и, похоже, что у неё ломка начинается. Так что если узнает, что мы «герыч» спалили может и в глотку вцепиться».

- «Герыч» не выход. Ей лечиться надо.

- Лечиться денег стоит. Откуда у неё? Даже если мы всю клиентуру подпишем, то столько не наберём.

- И что делать будете?

- Попробуем чифирём её оттянуть. По твоему рецепту, - хитро усмехнулся Серый.

- Коляныч проболтался? – догадался он.

- Ага. Заезжал на днях по поводу покраски бензоколонки. Рассказал о твоём методе.

- Так ведь сработало же!

- Натюрлих, мин херц! Иначе бы и не заморачивались. Кстати, спасибо за тему.
- Что? Получается песенка?
- Песенка? Баллада! «Кардан» будет называться.
- А кардан-то здесь при чём? - удивился Валька.
- Ну... Пока не закончил, озвучить не могу, но втихаря намекну, что мой «литературный герой» в результате ...эээ ...происшедшего, едва не поломал важную ...эээ ...так сказать «деталь» своего организма.
- Ооо... Я уже чувствую прикол, - заржал прототип литературного героя и озвучил давно крутившуюся в голове идею: «Серый, а почему бы тебе эти песенки на магнитофон не записать? Я бы даже за ради такого удовольствия сменил свой старый «Урал» на «Sony» или «Panasonic». С соответствующей доплатой».
- Не поверишь, только ради этой доплаты соглашусь записать, - заверил его «поэт» и добавил: «Твоим деньгам мы всегда рады».

Количество постоянных клиентов Вальки росло и это вдохновляло, но неудобство заключалось в том, что им его услуги требовались по большей части днём, а не в удобное для него ночное время. Вот и в этот раз, вместо того, чтобы мирно давить подушку, пришлось тащиться в Пушкино с какими-то ящиками, забытыми разными сортами чая. Причем, клиент загрузил машину, оплатил услуги, а сам не поехал. И хотя по этому адресу приходилось мотаться уже неоднократно, такое отношение не могло не радовать. Однако доверие требовалось оправдывать, поэтому он, хотя и зевал безбожно, но ехал очень аккуратно. А тут, как на зло, впереди пристроился какой-то грузовик, грязь из под колес которого постоянно забивала лобовое стекло.

- Этак на «омывайке» и разориться недолго, - прикинул он, настраиваясь на обгон. Но у водителя грузовика явно было своё мнение по этому вопросу, и едва Валька принял влево, намереваясь обойти его, прибавил ходу.

- Придурок какой-то, - подумал он и, поморгав фарами, снова принял влево, но водитель грузовика ещё прибавил газу, не давая себя обогнать.

- Вообще охреневший, - поставил окончательный диагноз Валька и, помня правило «Трёх Д» - «дай дорогу дураку», предпочёл слегка отстать, дав возможность другим торопыгам собирать грязь из-под колёс такого «шумахера», но в этот момент грузовик попал на обледеневший участок дороги и начал терять управление. «АБС» в левой коленке сработало почти автоматически и «Шерька», плавно снижая скорость, увеличил дистанцию. А грузовик тем временем сперва пошел «змейкой», а потом и вовсе встал на два колеса, рискуя опрокинуться. Валька уже приготовился к экстренному торможению и даже начал вспоминать, где у него лежит аптечка, но «шумахер» всё-таки справился с ситуацией и, ухитрившись поставить машину снова на четыре колеса, рванул вперёд. Валька облегченно вздохнул и хотел снова прибавить газ, но в этот момент заметил, что из-под тента грузовика вылетело нечто и, кувыркаясь в воздухе, упало на обочину. «Интересно, что это?» - подумал он, останавливаясь возле места падения неопознанного летающего объекта.

Это оказалась коробка. Большая картонная коробка с прозрачным верхом, через который на него смотрели удивлённые голубые глаза куклы. «Здравствуйте», - сказал он ей: «Не желаете ли прокатиться?» - и, закинув добычу в салон, продолжил движение. Может он и попытался бы догнать того «охреневшего», вернув ему дорогую игрушку, но тот уже умчался восвояси.

- Ну, и что мне с тобой делать? - спросил он у куклы, ставя коробку на стул возле кровати и стягивая с себя свитер. Кукла молчала. Была она большая и красивая, в голубом кружевном платье, с тщательно уложенными золотыми локонами и даже миниатюрными серёжками в маленьких ушках. Одно слово - принцесса.

- Ладно, ты подумай, а я пока посплю, - предложил он своей гостье и провалился в сон, едва коснувшись щекой подушки.

И конечно, первое, что он увидел, проснувшись, были огромные голубые глаза, слегка ехидно смотрящие на него. «Молодец», - сказал он ей: «Правильно придумала. Светке тебя подарю». Казалось, что эта мысль уже давно сформировалась в голове, но только сейчас он внезапно вспомнил, что Ирма говорила о том, что у дочери на днях день рождения. Но когда? Повинуясь порыву, он прямо в трусах выскочил в коридор к телефону и судорожно набрал номер: «Алло, Ирма, привет». Он знал, что трубку возьмёт именно она и не ошибся.

- Привет, Валя, - тепло её голоса показало, что те несколько дней, что он не звонил, прощены, и она снова рада его слышать.

- Я тут отчего-то подумал, а какого числа День рождения у Светки?

- Сегодня.

- А можно мне приехать и её поздравить?

- Конечно.

- Только я часа через два буду.

- Неважно. Приезжай.

Он повесил трубку мимо аппарата и прижался спиной к холодной стене. Это просто мистика какая-то. Пробуждение. Кукла. День рождения, о котором он вспомнил в последний момент. Тут даже у интуиции спрашивать не надо. Просто собраться и ехать.

Как назло дороги Москвы были забиты больше обычного, и он успел повторить большую часть слов из ненормативного лексикона Серого, пока добрался до Кунцево.

- О! Валя. Заходи, - она небрежно поцеловала его в губы, оставив на них лёгкий привкус вина: «Какой ты сегодня нарядный и ароматный». Она погладила рукав его «трофейной» куртки и втянула ноздрями запах духов «имени себя любимого», в своё время подаренных Ольгой.

- Так праздник же, - оправдался он, демонстрируя куклу и коробку с тортом: «Кукла - Светке, торт - тебе».

- Све-е-ет, иди сюда, тебе Валя подарок принёс, - позвала она дочь.

Эффект произведённый подарком на девочку был очень неожиданным. Увидев в его руках коробку, она словно впала в транс и осторожно приняла куклу. Минуту заморожено смотрела на неё полными слёз глазами, а потом так же, молча, развернулась и пошла в комнату, прижимая игрушку к груди. «Ты хоть спасибо скажи», - попросила её мать, но ребёнок, словно не слыша и не произнеся ни слова, исчез в дверном проёме.

- Я начинаю подозревать, что ты действительно волшебник, - глядя на него восхищенными глазами, сказала она: «Светка о такой кукле уже давно мечтает, а ты взял и подарил. Она же дорогушная».

- Нет ничего дороже радости ребёнка, - философски заметил он. Не рассказывать же, что подарок он просто подобрал на обочине.

Как оказалось, даже в таких стеснённых условиях люди нуждаются в празднике, о чем красноречиво говорила пустая бутылка из-под вина на подоконнике. Вторая бутылка ещё украшала скромный стол, но и ей оставалось недолго до того чтобы присоединиться к сестре. Отсутствие Ганны-Параськи-Домны, которым выпало заступить в ночную, позволило остальным расположиться более-менее комфортно. Но вскоре и Рашид увёл жену спать, оставив Ирму и Вальку в компании с Аурикой. Красавица-молдаванка, видимо под влиянием винных паров, без умолку трещала о своей безрадостной личной жизни, иногда вставляя слова родного языка и старательно стоя глазки, но Валька даже толком не понимал о чём она говорит, сосредоточившись на маленькой ладошке в его руке и волнах удовольствия исходящих от Ирмы.

- Ладно. Пора закругляться, - подала она команду, тоже устав от потока слов: «Мне на учёбу с утра. Тебе на работу. Да и Вале уже пора».

- Ты меня выгоняешь? - ехидно спросил он, когда Аурика ушла.

- Не совсем. Мы ведь ещё покурим в машине? – ответила Ирма, одарив его таким взглядом, что закружилась голова: «Сейчас. Только дочь посмотрю», и направилась в комнату.

Видимо в честь праздника она сменила свою бесформенную рубаху на вязаное платье, такое же мешковатое, но он всё-таки бессильное скрыть, что у неё есть талия и стройные щиколотки маленьких ног, мелькавших из-под длинного подола.

- Иди сюда, - внезапно позвала она: «Смотри, как спит» и он впервые вошел в её комнату. Светка тихо посапывала, свернувшись клубочком и крепко прижав к груди куклу. В свете ночника её чёрные как смоль волосы переплелись с золотыми локонами игрушки, образуя причудливый узор, а розовые губки застыли в счастливой улыбке.

- Ты исполнил её мечту, - прошептала Ирма, прижимаясь к нему горячей спиной и не сводя глаз со спящей дочери.

- Это моя профессия, - так же тихо ответил он, чуть касаясь губами спрятавшегося за вишнёвыми прядями ушка.

В машине он достал «Vogue» и протянул ей пачку.

- А в прошлый раз здесь было больше, - намекнула она на нехватку сигарет.

- Клиентки расстреляли, - соврал он.

- У, какие противные, - сделала вид, что поверила она. Действительно сделала вид, он это почувствовал и даже напрягся, но Ирма улыбнулась и всё прошло.

- А что за красotka у Любы потолки белила? – в её голосе прозвучало любопытство с лёгким оттенком ревности.

- А что? Плохо работу сделала? – уклонился от прямого ответа Валька.

- Нет, хорошо. Любаня просто в восторге. Она ей там ещё картинки нарисовала, как может квартира выглядеть и даже плиточника нашла, чтобы кафель положил. Теперь по её рисункам всё делают.

- Так в чём же тогда проблема? – улыбнулся он, подогревая женское любопытство.

- А в том, что красивая.

- Ревнуешь? – продолжил он свою игру.

- Вот ещё! Было бы к кому, – фыркнула она, и он сделал вид что поверил.

Снова в машине повисла тишина. Сигареты давно погасли, но как не хотелось ему обнять девушку, он не шевелился, опасаясь повторить прошлую ошибку, и тогда она взяла инициативу в свои руки. Просто схватила за воротник, притянула к себе и поцеловала в губы. Он ответил. Она повторила, и он не остался в долгу. С каждым разом её губы всё сильнее прижимались к его губам, но Валька сдерживался, позволив себе только взять её за предплечья.

- Ты чего-то боишься? – тихо спросила она, почувствовав его состояние.

- Боюсь, - честно сознался он: «Боюсь, что повторится как в прошлый раз».

Она выскользнула из его рук и на минуту застыла, глядя прямо перед собой. Потом тяжело вздохнула и, вытащив из пачки сигарету, пересиливая себя, произнесла: «Видимо придётся тебе рассказать... Чтобы потом непонятки не было».

- Говори, - подбодрил он, замирая от тяжелого предчувствия.

- Светке тогда полгода было, - с трудом сглотнув слюну начала она: «Я с ней гулять пошла. В парк. А тут они...». Валька почувствовал, как сжалось сердце. Он уже знал, что сейчас услышит и даже не хотел об этом знать.

- Их было двое, - уже успокаиваясь, продолжила она: «Не то, чтобы пьяные, но навеселе. Развлечений искали, а попалась им я... Нож достали и пообещали, что ребёнка убьют, если я кричать буду. Один из них рукой меня за шею держал, как ты тогда. Ну, чтобы сильно не трепыхалась. А потом другой держал, а этот...»

Вальке даже показалось, что скрипнули его зубы, так сильно он их сжал, а она, почувствовав его состояние, рванулась прижаться к его груди: «Успокойся, милый. Это было давно и всё уже прошло. Только память осталась».

Он целовал её мокрое от слёз лицо, судорожно прижимая к себе, пока она не успокоилась, а потом, посмотрев прямо в глаза, твёрдо произнёс: «Я никогда не буду так больше делать. Слышишь? Никогда».

- Вот и хорошо, - тихо вздохнула она, обдавая его потоком нежности и умиротворения.

Снова пришлось кататься по ночному городу на автопилоте, потому что мозгу было совсем не до того, чтобы следить за дорожной обстановкой и цветом светофоров. Мозг сперва усиленно загонял в самый дальний уголок памяти то, о чём ему рассказала Ирма, а справившись с задачей, переключился на попытку понять причины, по которым его так влечёт к этой девушке. Глаза? Конечно, это да! Ощущение её эмоций? Тоже немаловажно, а может даже первостепенно. А ещё? Что в ней такого? Красота? Но таких в меру симпатичных девушек на дюжину десятков, тем более что кроме наличия талии, изящных пальчиков и стройных щиколоток ничего рассмотреть не удалось. Да и то, эти эпитеты, скорее всего он сам придумал за неимением других прелестей, Правда, когда обнимались, он почувствовал что грудь у неё, всё-таки есть. Хоть и небольшая, но вроде бы упругая. Уточнить при помощи ладоней он постеснялся. Особенно после её рассказа. Но ведь тянет же! Неужели и правда приворожила колдунья?

А утром в квартире его встретил кислый запах рвоты, моментально вызвав раздражение: «Опять Аполлоныч траванулся». Как не бился Валька, но отучить деда от привычки жрать всякую гадость с помойки пока не удалось и, хотя стариковский желудок уже привык переваривать просроченные продукты, но такие казусы иногда всё-таки случались.

Но в этот раз ползать на коленях собирая вонючую субстанцию ему не пришлось и, войдя в его комнату, он понял, что запах это всего лишь остаточное явление, поскольку старик справился сам. Бледно-зелёный, с трясущимися с похмелья руками он старательно собирал в ведро, извергнутое из себя, а увидев Вальку, засмутился: «Извини, Валентин. Оплошал я немного».

- Ничего, Геннадий Аполлонович. Бывает, - успокоил он, удивившись тому, что его домовладелец впервые застеснялся того что натворил: «Давайте я пока бельё замочу». И прихватив перепачканные пододеяльник и простыню, ушел в ванную комнату.

Нечистоплотность старика была для него одним из самых острых факторов раздражения, но заставить его мыться так и не смог. Не провоцировало деда на чистоту и то, что он регулярно менял ему постельное бельё, невзирая на бомжовскую привычку спать, не раздеваясь, прямо в грязной одежде. Поэтому такой факт, говорящий об определённой подвижке в психике старика не мог не радовать.

Как оказалось, получение визы в страну вечнозелёных помидоров, сопряжено с некоторыми трудностями. Нужно было тащиться в Кропоткинский переулок, писать заявление, заполнять анкету, а потом ещё и фотографироваться за бешеные деньги в специально задуманном для этой цели фотоателье. А торчать на холоде в длинной очереди после ночной работы – удовольствие ниже среднего. Но в итоге он всё-таки привёз и продемонстрировал Серому свою красную паспортину со штампом государства Suomen Tasavalta, разрешающим ему одноразовое посещение по линии туризма.

- Насчёт однократной поездки ты не беспокойся, - успокоил его Серый: «Можешь хоть десять раз заехать, но только в течение месяца. Зато следующую визу дадут сразу на полгода».

- А потом на год, а там и вид на жительство, и гражданство, - отшутился Валька.

- Теоретически да, но подумай, а оно тебе надо?

- Но цивилизация вроде? – усомнился он.

- В гробу я видал их цивилизацию, - Серый даже сплюнул презрительно: «У нас веселее».

Валька, в чьей памяти ещё были свежи благословенные воспоминания о ломящихся от товаров полках и ровных дорогах Германии, мысленно с ним не согласился, но вступать в дискуссию не стал. Мало ли с какой позиции довелось его товарищу наблюдать Европу. Может быть с уровня плинтуса.

- А Дашка где? – попытался он сменить тему.

- Дрыхнет, - недовольно поморщился Серый.

- Помог чифирь-то?

- Хрен там. Ломало её, ломало, а вчера в обед свалила и вернулась только утром. Довольная... Видимо нарыла где-то дозу.

- Жаль, не получилось помочь, - вздохнул Валька.

- Помочь можно тому, кто сам хочет этого, - голос Серого был твёрд и даже суров: «Но если человек не хочет бороться, то хоть разорвись... А эта явно сдалась».

- О, что я вижу! Гении мысли и виртуозы мозговой атаки. Оба-двое сразу здесь, - поприветствовал их Коляныч, входя в бытовку. Крепко пожал руку Серому и обнял Вальку: «Здорово, братан».

- От, принесла тебя заразу нелёгкая, - радушие лохматого просто зашкаливало: «За панелями приехал? А чо так поздно?»

- Не поверишь, Серый, весь день занят был так, что посцать некогда. Деньги считал, - радостно сообщил Колян.

- А нам-то привёз?

- Обижает, начальник! Чтобы я да пацанов без «грева» оставил? – возмущенно хлопнул на стол солидную пачку купюр: «Извини, нынче «деревянным» плачу. Зато по весу больше».

- Так это только по весу, - Серый сгрёб банкноты в ящик стола: «Грузи».

- Добро, - Коляныч приоткрыл дверь и крикнул в темноту: «Эй, волки! Подгоняйте «Газель» к боксу и грузите облицовку. Только нежно мне, шоб как яйцо Фаберже! А то расстроюсь». На улице заворчал двигатель, и тёмный силуэт фургона на заднем ходу прополз мимо окон.

- Пойду, проконтролирую процесс, - поднялся Серый и вышел, оставив их вдвоём.

- Это уже третья заправка? Последняя? – поинтересовался Валька.

- Да. На этот год всё, а там будем поглядеть.

- Я о Наташке беспокоюсь, - признался он: «Чтобы без работы не осталась».

- Не компостируй себе извилины. Наташке ещё главный офис отделявать, а потом и у меня на заправке операторы будут нужны. Не пропадёт.

- Как она там?

- Наташка? Супер! Наши поцы было хотели пригреть молодую вдову. Ну, в смысле ласки и душевного тепла. Так она их построила, шо цуциков на раз-два-три и теперь ходит, смущая им покой и взоры. Не, в натуре, как подпояшет свой комбинезончик потуже, так не то, что мужики, а заправочные пистолеты торчком стоят. Даже я, грешным делом кумекаю, а не подкатить с какого ни то борта? – за шутливыми интонациями Коляна проглядывало вполне серьёзное намерение.

- Так ты же женат! – осадил его Валька.

- Так я её под венец тащить и не собираюсь. Оно мне надо, когда Маринка выше крыши надоела, - и вроде шутит Колян, а вполне серьёзно.

- Не делайте себе геморрой мозга, Николая, - поддержал его тон Валька: «У дамы совсем другие интэресы». И подмигнул весьма многозначительно.

- Понял. Не дурак, - согласился Колян и добавил: «А был бы дурак, не понял».

К 8 марта он решил подготовиться основательно, чтобы использовать тягу граждан к праздничным перемещениям с максимальной пользой для кошелька. Как на Новый Год. Но возникли сложности. Причём совсем не из-за отсутствия работы, а наоборот.

Словно сговорившись, сразу три его клиента заказали на вечер перевозку своих чад с домочадцами из мест постоянного обитания в гости и обратно. И тут хоть разорвись. Но в работу включился мозг и потребовал испросить у обитателей «конюшни» телефон Китайца. Никеша удивился, но дал.

- Гриня, привет. Это Валька. Мы на Дубровке пересекались, - слегка волнуясь, сказал он в трубку.

- Привет. Як же, помню такого.

- Дело к тебе есть. Денежное.

- О це добре. Гроши я кохаю, - мгновенно проявил энтузиазм собеседник.

- У меня три пассажира есть на восьмое. Нужно отвезти, а потом обратно забрать. По деньгам я договорился. Тебе с ребятами это интересно?

- То можно, - согласился Григорий: «Тильки с хлопцами погудорить надоть».

- Вот и погудорь, а потом мне перезвони.

В результате этой комбинации все остались довольны. Пассажиры перемещены, хлопцы получили свои гроши, а Валька законные двадцать процентов за посредничество и освободившееся вечер праздничного дня. Но только пополнить карманы приятно шелестящими дензнаками снова не удалось, потому что, позвонив Ирме со скромным желанием поздравить девушку с праздником Весны, он получил конкретный намёк, что она и прочее народонаселение квартиры будут рады видеть его за праздничным столом. На народонаселение Вальке чихать, но вот её желание нужно было обязательно исполнить. Иначе, никакой он не волшебник, а просто мелкий колдун и самозванец.

Но тут остро встал вопрос с подарком. Идти в гости с пустыми руками было противно обычаям русского народа и если от Светки, за неимением очередной куклы, можно было отделаться плиткой шоколада, то с Ирмой было сложнее. Больше всего, его прагматичной натуре хотелось подарить ей сапоги, чтобы она наконец-то вылезла из своих вечно промокающих, но о размере её ноги он знал только, что она маленькая и опасался купить не то. К счастью, память подсказала, что на Автозаводской ему как-то попался на глаза магазинчик под вывеской «Индийские подарки» и по пути он заехал туда.

Носатый азербайджанец, старательно делавший вид, что он принадлежит к касте вайшьев, с непоколебимым восточным спокойствием долго наблюдал, как он тычется носом в застеклённый прилавок, а потом нарушил молчание.

- Уважаемый, - церемонно обратился к нему псевдопотомок ариев: «Я вижу Ваши затруднения и готов помочь».

- Мне нужен подарок. Для девушки, - озадачил его Валька. Продавец, пристально посмотрев в его глаза, почти не раздумывая, достал с полки какую-то картонную коробочку и раскрыл перед ним: «Вот. Это то, что Вам нужно».

На тёмно-красной блестящей материи лежало небольшое ожерелье из голубых камней. Такого же цвета, как глаза Ирмы, и Валька понял, что продавец угадал.

- Беру, - сразу же заявил он, даже не интересуясь ценой.

- Это бирюза, - пояснил продавец, заворачивая покупку в красочную бумагу: «Она не из Индии, а из Афганистана и славится тем, что любит внимание человека. Если эти камни подарены с любовью, то они принесут удачу их владельцу, успех и процветание, а красивую женщину сделают ещё краше. Пусть Ваша девушка носит их как можно чаще, и через некоторое время Вы сами заметите, как она похорошела». Валька хмыкнул, подумав про себя, что именно телесной красоты ему в Ирме как раз и не хватает, поблагодарил «индуса» и направился в соседние ларьки за бутылкой вина и цветами.

Встретили его в Кунцево радостно. Особенно Светка, даже попытавшаяся его обнять, но в силу маленького роста дотянувшаяся только до бедра. Он бы мог

приподнять ребёнка, облегчив ей задачу, но в этот момент был очень сильно занят, обнимая её мать.

Застолье уже началось, однако ему удалось на минуточку затащить Ирму в её комнату и вручить подарок. «Ой, спасибо», - поблагодарила она тихо, восхищенно переводя взгляд с ожерелья на него и обратно, в то время как он пересказывал ей слова продавца.

- Надень его, пожалуйста, - попросил Валька: «Хочу посмотреть, не ошибся ли я с размером».

- Извини, но не сейчас, - жалобно попросила девушка: «Нужно к нему привыкнуть». И, одарив сиянием счастливых глаз, добавила: «Мне ещё никогда в жизни не дарили украшений». Она разволновалась так, что даже стало заметно, как вздымается её грудь под мешковатым платьем.

- Ничего, - философски заметил он: «Всё когда-нибудь случается впервые. Потом легче будет».

Вечер прошел на «ура» и даже Аурика не заводила своих стенаний о личном счастье, а подкалывала Рашида тем, что он пьёт вино, хотя Кораном это не одобряется, на что мудрый узбек отвечал тем, что «Аллах высоко и не сможет разглядеть, что налито в его пиалу». Тогда разрезвившаяся молдаванка переключилась на Вальку, поинтересовавшись, не более ли он правоверный мусульманин, чем Рашид, если не пьёт вовсе,

- У Рашида всего-навсего Аллах, а у меня ГАИ. Эти парни посерьёзнее будут, - попытался отшутиться он, но тут включилась Ирма: «И правда, Валя, ну чуть-чуть... За меня».

- Это запрещённый приём, - улыбнулся он ей, поднимая рюмку.

К полуночи компания уgomонилась и даже частично расплзлась по своим местам. Ушли спать сёстры, пожаловавшись на то, что утром рано на работу и освободив сразу половину посадочных мест за столом. Следом по той же причине покинули пиршество и Рашид с женой, оставив на кухне Ирму, Вальку и изрядно подвыпившую Аурику. Видимо не зря в ларёк два раза бегали, если теперь красotka то лезла обниматься к Вальке, то пыталась поцеловать подругу, при этом клятвенно заверяя, что любит обоих и наконец, сложила буйну голову, попытавшись уснуть прямо за столом.

- Всё. Пора бай-бай, - подвела итог сама изрядно опьяневшая Ирма: «Давай её спать отнесём». Валька согласился с таким предложением, подхватил лёгкое тело на руки и стараясь не наступить на похрапывающих Рашида с Гюйли, отнёс девушку в её «опочивальню», расположенную в стенном шкафу.

- Правда, она красивая? - спросила подошедшая следом Ирма, разглядывая подругу, в весьма вольной позе расположившуюся на своём спальном месте.

- Красивая, - согласился он, поправляя подушку. Аурика, в отличие от неё, оделась как на праздник, в ярко красную блузку подчеркивавшую смуглую нежность двух полушарий в глубоком вырезе и короткую дерзкую мини-юбку.

- И ножки, смотри какие красивые, - Ирма даже провела кончиками пальцев по обнаженному бедру, такому же смуглому как и грудь.

- Ага, - машинально согласился он и, думая лишь о комфорте спящей, предложил: «Может её раздеть?»

- Раздевай, - согласилась она почти равнодушно.

- Я думал, ты разденешь, - смутился он: «Мне как-то не с руки».

- Ты предложил, ты и делай. А мне лениво, - усмехнулась Ирма и нетвёрдой походкой направилась на кухню. Он посмотрел на лежащее перед ним соблазнительное тело и, расстегнув на девушке широкий пояс, отправился следом.

- Раздел? - поинтересовалась она, оценив на свет наличие остатков в бутылке и разливая их в две рюмки.

- Ага, - подтвердил он: «И вещи в унитаз спустил».

- Смешной ты, - хихикнула она и, закинув руки ему на плечи, приникла поцелуем к губам. Они целовались долго и самозабвенно, пока Ирма, то ли под действием алкоголя, то ли от его поцелуев не разомлела окончательно.

- Пора баиньки, - намекнула она, с трудом ворочая языком.

- Так я поеду тогда? – спросил он.

- Куда? Ты же выпил, - возразила Ирма, едва удерживая равновесие: «Со мной останешься». Он даже оторопел от такой прямоты, а она, приложив палец к губам, предупредила: «Только тихо. Светка спит. Я пошла. Ты за мной», и направилась в свою комнату, придерживаясь рукой за шатающиеся и ускользающие стены. На повороте её занесло, но справившись с управлением, она всё-таки смогла продолжить маршрут и исчезла в дверном проёме.

Он оторопело смотрел ей в спину, а потом, тяжело вздохнув, проверив, выключен ли газ и электрочайник, отправился следом.

В маленькой комнате горел ночник над кроватью, где она спала, сбросив кучей своё платье, но успев надеть ночную рубашку, такую же просторную и мешковатую. То, что она действительно спала, не вызывало никаких сомнений и раздевшись он лёг рядом. Ирма была безмятежна. Только иногда вздрагивали веки закрытых глаз, да губы пытались прошептать что-то нечленораздельное. Тёмно-вишнёвая чёлка сбилась на бок, открыв высокий алебастровый лоб, и он подумал, что спящая она даже красивее, чем обычно. Щёлкнул выключателем ночника и в кромешной темноте склонился над девушкой, надеясь разбудить её поцелуем, но тут до его слуха донеслось тихое всхлипывание. Он включил свет и обнаружил сидящую на своей кровати в углу Светку, которая смотрела на него с такой ненавистью, что похолодела спина.

- Ты чего не спишь? – спросил Валька, но она только засопела носом, прикусив губу и не сводя с него злющего взгляда.

- Спи. Поздно уже, - попытался он успокоить ребенка, но тут Светку прорвало.

- Да, как же, спи. Ты утром уйдёшь, а мама опять плакать будет, - почти прошипела она, продолжая жечь его взглядом.

- А хочешь, я сейчас уйду, - предложил он.

- Хочу, - последовал твёрдый ответ и Валька понял, что это будет лучшее из решений. Он встал и оделся, стараясь случайно не разбудить мирно посапывающую Ирму: «Видишь, я уже ухожу. Пока-пока».

- Пока, - словно эхо ответил ему детский голос, в котором уже не было той ненависти, а лишь бескрайнее удивление.

Он позвонил ей утром, пока она себе не напридумывала чёрт знает чего. Конечно, по плану ей надлежало быть на учёбе, но с большой долей вероятности он был уверен, что учиться она сегодня не пойдёт.

- Алло, - услышал он в трубке её встревоженный голос и как можно бодрее сказал: «Привет, это я. Злостный спаиватель законопослушных граждан и разрушитель их морального облика».

- Валька-а-а, - прошелестело в ответ, и он зажмурился от удовольствия, словно бы не она испытала облегчение, а он сам.

- Ты прости, я вчера ушёл, не попрощавшись, но, понимаешь, возникли срочные дела.

- Не ври, пожалуйста. Мне Светка всё рассказала.

- Надеюсь, ты её не ругала?

- Ну... только немножко.

- Передай дочери, что за её честный поступок и в возмещение морального ущерба ей полагается от меня огромная плюшка.

- С маком, - уточнила она.

- С маком, - согласился он.

- И с шоколадным кремом, как она любит.

- И с шоколадным кремом. Кстати, ты сама-то как?
- Ой, плохо мне, Валь, - вздохнула Ирма: «Аурика предлагает за пивом сходить».
- Ни в коем случае! – категорически запретил он: «Только крутой бульон и крепкий чай. Это я тебе как эксперт по опохмелке заявляю».
- Ох, сколько же в тебе талантов скрывается, - засмеялась она, но вдруг осеклась: «Ты это... Извини меня. И ещё... Спасибо».
- Ай, прекратите... Не есть за что, - ответил он и добавил: «Да, кстати, я послезавтра уезжаю дня на три-четыре, так что не пугайся что пропал».
- Далеко?
- К Деду Морозу в гости.
- Хорошо. Только ты возвращайся. Я ждать буду.

Поезд лязгнул сцепкой вагонов и плавно качнувшись, отошел от перрона Ленинградского вокзала. Серый тут же примостился в углу дивана, достав какую-то книжку, а долговязый Андрюха, порывшись в своём бауле извлёк на свет Божий поллитровку виски и набор дорожных стопок. Был он худ и высок, причём настолько, что совсем не маленький Валька доставал ему макушкой только до уха, не говоря уж о Сером. По возрасту старше его никак не меньше, чем на пятнадцать, а то и двадцать лет, но подвижный и гибкий. Узкое, словно вырубленное топором лицо с выступающими скулами навевало мысли о степных просторах и казачьей вольнице. Причём не донской, а запорожской со всеми её чубами, усами и шароварами.

- Ну, что? Вздрогнем на дорожку, - предложил он, разлив «Ballantines» по маленьким металлическим стаканчикам. Серый не глядя, взял свою, Валька последовал его примеру. Вздрогнули...

- Фыр... И как только беспартийные эту гадость пьют, - поморщился Серый, занюхивая напиток рукавом свитера.

- Ты просто вискарь пить не умеешь, - парировал Андрюха.

- Да ладно. Пробовал я его и так и этак. И со льдом и с содовой. Даже с «колой» как-то раз оскормился.

- А с соком зелёного яблока?

- Тоже пил. Эту гадость никакими добавками не исправишь...

Валька вполуха слушал их разгорающийся диспут и откровенно клевал носом. Всю ночь работал, а потом ещё целый день мотался, закрывая незавершенные дела, вот и разморило. А тут ещё вискарик душевно упал, как бы Серый его не хаял. «Я спать пойду», - доложил он собутыльникам и отключился, еда лишь забравшись на верхнюю полку.

Границу пересекли быстро и без проблем. Прапор в зелёной фуражке, подёргал за ногу и, даже не сверяя личность с фотографией, шлёпнул штамп. Валька и проснуться толком не успел. Зато финские, хотя и вежливо потрясли за плечо, но заставили проснуться, рассмешив вопросом на ломаном русском: «Ножи, топоры, гарпуны есть?»

- Нет, только «Царь-пушка» в чемодане, - и шлепок очередного штампа в паспорте подтвердил, что с «Царь-пушкой» можно.

К моменту прибытия в столицу, они успели проснуться, умыться, а Андрюха даже поелозил электробритвой по морде. Валька и Серый такими глупостями баловаться не стали, предпочитая продемонстрировать финнам брутальную российскую щетину. Правда, как оказалось, прибытие было несколько преждевременным, поскольку паром из Гамбурга, на который перегрузили отправленные из Майами машины, только что встал под выгрузку. Но Андрюха не растерялся и повёл стаю оформлять документы на ещё неполученный товар. Оформили быстро, однако попутно выяснилось, что английский язык, которым владели все трое у каждого свой. Андрей разговаривал, используя объём слов, достаточный для наших людей, часто посещающих иные страны частным порядком, на отдых или по делам. Лексика Серого, использующего какой-то морской сленг приводила в недоумение рафинированных офисных работников, но отлично

стимулировала работу портовых грузчиков, особенно когда он добавлял английскую ненормативную лексику, не менее яркую и образную, чем отечественная.

- Неплохо ты английский мат знаешь, – констатировал Валька.

- А я ещё по-немецки могу, по-испански и по-португальски. На девяти языках ругаюсь. Могу даже фиников на их родном обложить – похвастал тот.

- Значит, и говорить на этих языках можешь? – поинтересовался он.

- Нет. Говорить не могу. Только матом, - сознался «полиглот».

- А где ж ты этому научился?

- В лондонских доках. Там без этого как без ножа. Не выжить.

Так и выяснилось, что свободное владение языком, привитое в английской спецшколе, даёт Вальке неоспоримое преимущество, потому что его классический английский воспринимался иностранцами лучше всего. А уж когда выяснилось, что он ещё и по-немецки «шпрехает», то его просто начали выпускать вперёд, договариваться по всем вопросам.

Наконец американские машины коснулись европейской земли. Но какие они американские? «Фольксваген-Поло» - немец, родстер «Тойота» - японец, а микроджип «Ссанг-Йонг», хоть и похож на американский «Вранглер», а всё-таки южный кореец.

- Так. Серый – «фолькс», Валька, тебе родстер, а я на джипе буду, - распределил Андрюха и скомандовал: «По машинам!» Валька с удивлением смотрел на низенький спортивный болид, полотняный верх кузова которой едва доставал ему до пояса.

- Не дрейфь, салага, - успокоил его Серый: «С комфортом поедешь. Лёжа». И действительно посадка водителя в спорт-каре была такая, что в зоне видимости оставалось только белёсое северное небо и дальняя часть дорожного полотна. Понять, что у тебя прямо перед колёсами было невозможно.

- Ты учти, что он хотя и с задним приводом, но и мотор тоже сзади, так что балансировка кузова смещена и ни о каком «регулируемом заносе» даже не мечтай, - инструктировал его Серый, уже запустивший двигатель своей машины и оставивший его прогреваться.

- А как же ехать-то на нём? – удивился он.

- Прямо ехать. Рулём рулить. Педали давить. Их там всего две, не перепутаешь. А там разберёшься по ходу дела. Заводи давай.

Но едва мотор «японца» фыркнув, загудел под капотом, как последовала следующая команда: «Гаси его нахрен!!!» Валька вышел и остановился рядом с товарищем, наблюдая, как из-под переднего колеса вытекает ручеек розовой жидкости, растапливая снег покрывающий землю.

- Что это? Тормозуха? – спросил Валька.

- Антифриз, - ответил Серый. Поднял комок розового снега, лизнул и тут же сплюнул: «Точно антифриз». Лёг прямо на землю и, заглянув за колесо, поставил окончательный диагноз: «Патрубок системы охлаждения пробит». Подошел весёлый Андрюха, чей джип после некоторого сопротивления всё-таки завёлся: «Чего стоим? Кого ждём?»

- Ждём божьей помощи, - доложил ему лохматый и показал на расплывающуюся розовую лужу: «Дырка в патрубке».

- Мать твою... - не удержался мгновенно побледневший Андрюха: «У него же мотор сзади! Откуда антифриз спереди?»

- Мотор сзади, а радиатор за передним бампером. Под кузовом две трубы проходят, по которым антифриз и течёт. Или в Майами или уже здесь, по-видимому, погрузчиком зацепили, - объяснил Серый.

- Ладно. Починить можно? – Андрей уже пришёл в себя, снова став спокоен и деловит. Но Серый только пожал плечами: «Посмотреть надо поближе. С подъёмника или из ямы».

- Хорошо. Вон там за дорогой автосервис. Дотянешь или на буксир взять?

- Дотяну, - пообещал Серый и, достав рулон изолянта, полез под машину.

Финский автосервис отличался от «дубровского» примерно как лондонский дэнди от московского бомжа. Чистота, порядок и сверкающая под яркими лампами плитка пола. По площади втрое больше чем в «конюшне». И четверо слесарей в наглаженных спецовках и с «пивными» животиками, коротающих рабочее время за просмотром телевизора. Андрей, запинаясь, попытался что-то объяснить мастеру, вышедшему им навстречу, но Валька отодвинул его в сторону и кратко объяснил финну суть проблемы.

- О, ес, ес... - сочувственно закивал головой тот и предложил заехать на подъёмник.

- Хайле, - позвал он одного из слесарей. Тот неторопливо, с чувством собственного достоинства подойдя к машине, задрал её на подъёмник, и печально покачав головой, изрёк что-то вроде: «Кайке лоо», для убедительности опустив большой палец вниз. Мастер вздохнул, выражая клиентам своё сочувствие, и объяснил, что они готовы немедленно заказать необходимую деталь, но прибудет она только через две недели. Поэтому он рекомендует оставить машину у них и вернуться за ней, когда ремонт уже будет произведён. Андрюха, слушая перевод, снова начал менять цвет лица на бледно-синюшный, а Серый что-то рассматривал под злополучным колесом, прищурившись и покручивая, начинающий сесть ус.

- Ну что скажешь, шаман? – подколот его Валька: «Наколдовать запчасть сможешь?»

- А чо тут колдовать? – неожиданно вскипел тот: «Делать надо! Валька, спроси, сколько будет стоить аренда подъёмника на час». Валька спросил.

- Кумменен марка, - по-фински ответил мастер и тут же поправился: «Тен маркс», но Серый опередил: «Не переводи. Я понял ихний «куменен». Скажи, что мы арендуем этот подъёмник, а так же ножовку по металлу». Чувствовалось, что он уже впал в азарт и его не остановить.

По поводу аренды мастер был очень даже согласен, а вот с ножовкой возникли трудности, потому что такого инструмента на автосервисе не было, поскольку резать металл нужно на станке, в заводских условиях и с соблюдением техники безопасности.

- Хрен с ним! – вскипел мастер: «Валька, через дорогу у них магазин автозапчастей. Лети и купи резиновый шланг вот такого диаметра и вот такой длинны, два хомута под него и ножовочное полотно. Бегом!» Валька, заразившийся его энтузиазмом, рванулся из сервиса и уже через десять минут вернулся со всем заказанным оборудованием.

- Они так и не поняли для чего мне это, - задыхаясь от быстрого бега, сообщил он.

- Потом поймут, лопари хреновы, - рыкнул Серый, буквально вырывая полотно из его рук и впиваясь им в помятую трубку системы охлаждения. Труба скрипела и сопротивлялась, длинные волосы липли к вспотевшему лбу и даже финны, оставив свой телевизор, подошли и с неприкрытым интересом наблюдали, что вытворяет этот русский.

- Уф, - выдохнул Серый, распилив трубу в одном месте. Скинул прямо на пол куртку, выхватил из ящика с ветошью какой-то лоскут и, перетянув непослушные волосы, снова впился в металл, прорывав что-то типа: «Я те сука чухонская, покажу «кайки лоо»...»

Наконец удалось перепилить и в другом месте. Мастер выдернул деформированный кусок, тем же полотном обрезал шланг до нужного размера и позвал Вальку: «Подсоби». Вдвоем они попытались вставить его между обрезками трубы, восстановив, таким образом, целостность магистрали, но упрямая резина никак не хотела налезать на трубы. «Щас впихнём... невпихуемое», - пообещал Серый и, отыскав взглядом емкость с отработанным маслом, окунул в него пятерню, а затем обильно смазал внутреннюю часть шланга и концы трубы.

- Оп-па! Есть! – радостно сообщил он наблюдавшему за процессом со стороны Андрею: «Хомуты давай». Затянул хомуты и радостно доложил: «Готово!»

- Тридцать пять минут! – зафиксировал время счастливый Андрюха: «И это вместе с пробежкой в магазин!»

- Ооо... гут... гут.. Браво мастер, - восхищенные финны даже изобразили аплодисменты, но Серый не стал раскланиваться, а ехидно заявил, облизывая кровь с

разодранного пальца: «Учитесь, салабоны. А то с вашими способностями в России с голоду сдохли бы нафиг». Правда, сказал по-русски. А Валька переводить не стал.

Долили антифриз, проверили шины и Андрей скомандовал: «Вперёд парни. Я – первый, Валька за мной, Серый замыкающий. Скорость не превышать. И поаккуратнее. Вроде бы метель начинается».

Прямая как стрела дорога в сторону границы с идеально ровным покрытием, так и провоцировала прокатиться с ветерком, поэтому финны, чтобы лихачи не превышали скорость, ограничили её ста десятью километрами в час, но колонна шла даже чуть медленнее. Сильно мешал слепящий снег, заряды которого порой забивали стекло так, не было видно ничего. Дворники мотались как угорелые, сгоняя крупные липкие хлопья, однако к вечеру они всё-таки добрались до контрольно-пропускного пункта и заняли очередь на выезд из страны.

- Часа четыре простоим, - пообещал сбегавший на разведку Андрей, клацая зубами от холода.

- А ты чего это трясёшься-то? – удивился Серый. Вроде не так уж и морозит, а они в тёплых куртках.

- Печка в машине не работает, - пожаловался тот, растирая онемевшие пальцы.

- Пойдём, посмотрим? – предложил мастер.

- Иди и посмотри, - фыркнул Андрей, протягивая ему ключи: «А я пока кофейком погреюсь».

Серый и присоединившийся к нему любопытствующий Валька залезли в салон, промерзший до такой степени, что влага на ковриках превратилась в лёд.

- Ну и чего там? – поинтересовался Валька, когда Серый, извернувшись самым невероятным образом, засунул руку под торпеду и начал там чем-то шебуршать.

- А вот чего, - ответил мастер, демонстрируя ...кукурузный початок: «Машина-то из южных штатов, вот прежний хозяин таким образом и зафиксировал заслонку отопителя, чтобы теплом не дуло. Пойдём Андрюху порадуем»

Андрюха, конечно, порадовался, но на Серого нарычал: «А ты чего? Раньше сделать не мог?»

- А ты мне раньше и не говорил, - спокойно парировал мастер и протянул ему кукурузину: «Держи на память».

- Я её лучше Геше в Америку отошлю, чтобы прежнему хозяину машины в задницу запихал, - зло пообещал Андрюха и добавил, уже успокаиваясь: «Ладно. Кофе с сэндвичами я вам заказал. Отдыхайте, а я в «дьюти-фри» смотаюсь».

Расслабляясь под ядрёный финский кофе (кофе в Финляндии не растёт!!!) Валька наблюдал как спокойно, и неторопливо работают финские таможенники. Встал, прошелся, налил себе кофе, переложил какие-то бумажки с места на место и сел, глубоко задумавшись. Так и до утра границу не пройдёшь.

- Серый, а чего это ты так взбеленился, когда финн это своё «кайке» сказал? – поинтересовался Валька.

- «Кайке лоо» по-фински дословно «конец всему», но в матерной форме соответствует нашему «капец», - пояснил «полиглот» и добавил: «Вот меня и взбесило, что рано нас хоронят. Они и о России сейчас думают что нам «кайке», а вот хрен им. Вывернемся. Не впервой».

До рассвета ждать не пришлось. Несмотря на неторопливость таможенников в половине третьего на табло высветились один за другим номера их очереди и Андрей скомандовал: «По машинам». В этот раз уже финская сторона проявила абсолютное равнодушие к тому, что вывозят за границу. Даже забитый виски из «дьюти-фри» багажник джипа не привлёк их внимания. Шлёпнули штампы и катитесь, ребята, домой.

С другой стороны наоборот была проявлена повышенная бдительность. Сверяли номера кузовов, интересовались, каким образом машины из США оказались в

Финляндии, копались в сопроводительных документах, но Андрюха подарил начальнику смены бутылку «Civas Regal» и все вопросы решились сами собой.

- Теперь такой расклад, - проинструктировал он напарников, раздавая припасённые карманные рации: «Участок опасный, поэтому первым едет Серый. В двух километрах сзади я, потом Валька. Серый, о своем местонахождении докладывать постоянно, чтобы мы могли поддерживать дистанцию. В случае опасности идёшь на прорыв или разворачиваешься, смотри по обстоятельствам. Но главное предупреди нас, чтобы знали что делать. Валька, держись строго за мной, но если что сваливай и действуй самостоятельно. Главное – доставить машины. Проверяем рации и вперёд. С Богом».

Всё это напомнило Афганистан. Движение колонны по местности, контролируемой противником. Он даже усмехнулся, но Серый и Андрюха оставались совершенно серьёзны. Видимо уже были в курсе.

Так и поехали. Прорываясь сквозь прилетевшую вслед за ними из Финляндии метель, они продолжали двигаться в сторону дома. В свете фар постоянно мелькала одна и та же картина – габаритные огни джипа, тёмно-серая полоса дороги с белыми языками заносов, уходящая под колеса и мелькающие вдоль неё тёмные силуэты не то деревьев, не то скал, не то чёрти чего. Ровный гул мотора, прерываемый лишь треском рации и голосом Серого: «Проехал мост, слева сгоревший дом» или: «Пустая деревня. Прибавляю скорость». Точно как в прифронтовой зоне.

Через Выборг проскочили в предрассветных сумерках, укрываясь всё той же метелью. «Пить хочу», - пожаловался Валька в эфир, замерив вывеску «Кафе Дорожное». «Терпи», - строгий голос Андрея: «У таких кафе самая засада». Валька открыл окно, сгрёб горсть снега и утолил жажду. Заодно и лицо растёр, чтобы взбодриться. И наконец, уже во второй половине дня долгожданный сигнал Серого: «Вижу Питер. Впереди чисто». «Сокращаем дистанцию», - последовала команда Андрюхи, и Валька прибавил скорость, высматривая в снежном мареве габаритные огни «Фольксвагена».

Остановились уже за городом, вырвавшись на московский тракт, у какой-то придорожной забегаловки. Валька вылез, с трудом разгибая сведённую судорогой шею, но заметил, что и другие выглядят не лучше. Покурили, помахали руками, разгоняя кровь, и Андрюха сообщил: «Через пятьдесят километров, у поворота на Петрозаводск, есть отель со стоянкой. Дотянем?»

- А то! – бодро заявил Серый, растирая снегом покрасневшие от напряжения глаза.

- Легко! – поддержал его Валька, пытаясь хоть как-то заставить крутиться проклятую шею.

- Тогда вперёд, - согласился с ними Андрей и добавил, растирая поясницу: «Завидую я вам, молодым».

- Становись замыкающим, - посоветовал ему Серый: «Держись за Валькины габариты. А ты, Валюшок, за мои. Доведу как-нибудь. Главное – дистанция. Скорость по обстановке».

И снова мелькание снега в свете фар и рыжие габаритные огни «фолькса» пробивающего дорогу. В какой-то момент они скользнули влево, а Валька, чьё зрение уже с трудом воспринимало окружающее, зазевался и чуть не поехал прямо. Точнее сказать, напрямик. Через ровное заснеженное поле. А там бы за ним и Андрюха подтянулся. Но успел среагировать и, хотя машину занесло, с дороги не слетел, и они всё-таки добрались до вожделенного мотеля с тёплыми номерами, «селянкой по-деревенски» и мягкими постелями. А главное, с охраняемой автостоянкой.

Валька спал долго и вдохновенно, поднимаясь только в туалет, да что-нибудь из холодильника сожрать, и проснулся окончательно, только когда понял – ещё немного и лопнет. Открыл глаза и сразу даже не сообразил, то ли утро, то ли вечер. За окном какое-то марево сумеречное, а на часах 7-35. Или всё-таки 19-35? Надо высчитать... Так, в Москву они приехали ещё засветло и разделились. Андрюха поехал ставить

машину в свой гараж, а они с Серым погнали своих «скакунов» в «конюшню». Сдали их Кержачу, а потом... Что же было потом? А! Вспомнил. Потом Серый подкинул его до подъезда на своём «Блек Джеке» и поехал домой, а он... Что было дальше оставалось покрыто мраком но то что это был вечер он помнил точно. Так, теперь включаем логику, ориентируясь на внешние факторы. Если сейчас утро, то Аполлоныч должен храпеть в своей комнате, а если вечер, то ещё где-то шлаться. Он прислушался. В квартире стояла мёртвая тишина. Значит, сейчас вечер и он проспал больше суток. Круто! Вот бы ещё выяснить какое сегодня число?

Натруженный организм со скрипом покинул тёплую постель, но Валька, обозвав его лентяем, приступил к своей, уже традиционной, физзарядке. Постепенно кровь начала быстрее циркулировать по жилам, а мышцам вернулась эластичность и, хотя боль в загривке не ушла совсем, но стала мягче и уже не так сильно мешала поворотам головы. Закрепил достигнутый эффект безжалостным избиением боксёрской «груши» и контрастным душем. Вот и всё. Готов к труду и обороне, как говорили когда-то в благие времена «застоя».

После душа, с блаженной улыбкой на чисто выбритой морде, подошел к телефону, уже предвкушая излучаемые Ирмой потоки тепла и радости: «Алло...», а в ответ паника и растерянность: «Ой, Валя, слава Богу ты позвонил».

- Что случилось? – встревожился он.

- Беда у меня, Валя.

- Что-то со Светкой? – он даже замер, как охотничья собака в стойке.

- Нет. С отцом. Плохо ему, а «скорая» туда ехать отказывается.

- Туда, это куда? – уточнил Валька.

- В деревню, где они с мамой. Это под Балабаново-о-о... - разревелась она.

- Стоять-бояться! – спокойным голосом скомандовал он: «Сопли утри и собирайся. Сейчас заеду, и привезём твоего отца. Дорогу знаешь?»

- Знаю-у-у... - уже успокаиваясь, но ещё продолжая всхлипывать, заверила она.

Бегом спустился по лестнице и буквально запрыгнул в салон; «Так... Бензин? Полный бак. Масло? Перед отъездом проверял. Шины? На ходу увидим. Ну что, братишка, выручай». Словно понимая его слова, «Шерька» завелся с пол тычка и рванул с пробуксовкой, оставляя за собой синеватые клубы дыма.

За Ирмой даже заходить не пришлось. Выскочила из подъезда, едва он успел припарковаться, словно стояла за дверью и ждала. Нос красный, глаза опухшие от слёз, пуховик набекрень застёгнут. Одно слово – красавица.

- Поехали?

- Да.

И снова с места в карьер – выручай залётные!

- Ты бы хоть поздоровалась, - выскочив на МКАД, упрекнул он девушку.

- Извини, Валя, - смутилась она и, дотянувшись, поцеловала его в подставленную ради такого случая щеку.

- Расслабься, - ласково попросил он через некоторое время, наблюдая, как она нервно ломает пальцы не в силах взять себя в руки.

- Не могу, - шмыгнула носом Инга: «Отец у меня болен. Он даже на учёте состоит. Его ежегодно в больницу кладут для профилактики. А сегодня днём позвонили из сельсовета и сказали, что ему очень плохо. Я на учёбе была, а Рашид по-русски не очень, да слышимость плохая. В общем, сижу и молюсь, чтобы его живым застать».

- Действительно плохо, - согласился он, прибавляя скорость: «Но ты не волнуйся. Всё будет хорошо. Ты слышишь? Всё. Будет. Хо-ро-шо».

- Конечно, - она даже попыталась улыбнуться: «Ты же волшебник».

До нужного поворота у Балабаново долетели быстро, хотя Вальке немного мешал начинающий сгущаться туман. Но что туман? Ещё позавчера через метель прорывались, так стоит ли бояться повисшей в воздухе влаги?

- Дальше как? – спросил он, съезжая на просёлочную дорогу.
- Через переезд, потом направо вдоль железной дороги ещё три-четыре километра, - доложил уже успокоившийся «штурман».

- Грунтовка? – уточнил он.

- Ну не асфальт же, - усмехнулась она: «Хорошо ещё что зима, а то весной и осенью только на тракторе проехать можно».

Валька не стал с ней спорить, доказывая, что зимняя просёлочная дорога имеет ничуть не меньше «прелестей», чем в межсезонье, а только покрепче вцепился в руль, стараясь не увязнуть в колее накатанной чьими-то гусеницами.

- Стой! – внезапно скомандовала она и «Шерька» послушно замер. Дорогу пересекал неглубокий овражек, в котором терялись тракторные следы, возникая лишь на другой его стороне. Хорошо, что остановила, а то он в азарте так бы и рванул по следам.

- Что здесь? – спросил он у Ирмы, пытаясь при свете фар разглядеть неожиданное препятствие.

- Ручей, - ответила она: «Даже ручеёк. Курица вброд перейти сможет. Но сейчас почему-то разлился».

- Овраг глубокий? – поинтересовался Валька.

- Нет. Метра полтора – два, не больше.

- Нам хватит, - подвёл он печальный итог, но ситуация требовала действий и он предложил: «Давай рискнём». Выгнал девушку на улицу, чтобы не подвергать риску, и аккуратно начал выдвигаться на лёд, укрывший под собой следы гусениц. Лёд потрескивал, но он буквально сантиметр за сантиметром продолжал движение. Внезапно, что-то словно толкнуло его, и он успел включить заднюю передачу буквально за мгновение до того, как передние колёса с треском начали проваливаться. «Шерька» взвыл мотором на сумасшедших оборотах и буквально выдернул себя из полыньи.

- Эх, хороша «снежинка», - с удовлетворением отметил он, выходя из машины и обнимая бросившуюся к нему Ирму.

- О, господи! Ты же мог утонуть, - прошептала она, судорожно прижимаясь к нему, но Валька успокоил: «Не мог. Я только передними колёсами заехал. Засесть могли капитально, а вот утонуть вряд ли. Тут другая дорога есть?»

- Есть, - девушка печально вздохнула: «От Наро-Фоминска, через Боровский тракт, но она раза в три длиннее, а под конец всё равно грунтовка будет».

- Да... Ситуация... - Валька закурил, пытаясь таким образом стимулировать работу мозга, но в этот момент откуда-то справа донёсся протяжный гудок электрички, сопровождаемый стуком вагонных колёс, и он отбросил так и не раскуренную сигарету: «А если по железной дороге попробовать?»

- По рельсам что ли? – не поняла она.

- По рельсам не получится. Колея не та, да и прав на управление паровозом у меня нет. А вот рядом с рельсами можно попробовать. Садись, поехали!»

Они вернулись к переезду и Валька, свернув на щебёнку железнодорожного полотна, начал двигаться, едва не касаясь колесом рельса. На склоне железнодорожной насыпи «Шерька» накренился, и Ирма едва удерживалась, чтобы не свалиться на Вальку, но так продвигаться вперёд было всё-таки удобнее, чем по пробитой в чистом поле колее.

- Стоп. Приехали, - он едва удержался от того, чтобы не выругаться матом. Впереди возникло препятствие в виде моста через пресловутый ручей. Даже не моста, а мостика, но на всём его пятиметровом протяжении полоса, по которой он мог протиснуться, сужалась до расстояния между перилами моста и рельсом, а этого было мало. Но Ирма смотрела на него с такой надеждой, что он нашел решение.

- Вылезай, - приказал он: «Отойди на ту сторону моста и жди».

Она послушно вышла из машины, а он в порыве энтузиазма ухитрился заехать правыми колёсами на рельс. Сперва затолкнул переднее, а потом, взревев мотором, закинул и заднее. Он не мог видеть, как располагаются на скользком влажном рельсе

колёса, но он это чувствовал и, высунувшись из открытого окна медленно и аккуратно, стараясь не газовать, прополз необходимые ему пять метров, едва не касаясь боковым зеркалом перил, а затем попытался съехать обратно на щебёнку. Но не получилось. Вернее, получилось, но не совсем. Потому что переднее колесо мягко съехало с рельса наружу, а вот заднее соскользнуло совсем в другую сторону. Мышеловка захлопнулась.

Он пытался подсыпать щебень, насиловал мотор до истошного рёва глушителя, даже попытался использовать домкрат в качестве рычага, но проклятое колесо лишь скользило по чугуну рельса, не в силах его перескочить.

- Поезда здесь часто ходят? – спросил мокрый от пота Валька у стоящей со сложенными как при молитве руками Ирмы.

- Примерно раз в полчаса, - долетел тихий ответ, и в его воспалённом мозгу возникла красочная картина, как пролетающий тепловоз сносит в сторону своим могучим отбойником груды покорёженного железа, в которое превратился его друг.

- Ааааа!!! – по-медвежьи взревел Валька и, схватившись за задний бампер, отчаянным усилием смог приподнять заднюю часть автомобиля. Острая боль врезавшейся в ладони кромки бампера пронзила его, но это были уже мелочи и, вложив остаток сил в последний рывок, перекинул заднее колесо за рельс.

- Садись, поехали, - прохрипел он сорванным голосом Ирме, наблюдавшей всё происходящее с открытым от изумления ртом: «Быстрее садись. И тряпку из бардачка подай, а то весь руль перемажу».

В занесённую снегом деревню они въехали по той же тракторной колее, что была в начале их пути, ухитрившись перескочить на неё со щебёнки через снежную целину поля.

- Нам сюда, - показала она на барак, спрятавшийся в снегу почти по середину маленьких окошек, и выскочила из машины ещё до того как он успел остановиться. Валька вышел из машины, отодрал уже начавшие присыхать тряпки и, стерев с ладоней снегом запекшуюся кровь, полез в аптечку за бинтом.

Ирма вышла на крыльцо и остановилась, прижавшись спиной к дверному косяку. Он подошел и встревожено спросил: «Ну, как?»

- Успели, - выдохнула она: «Но совсем плох. Теперь бы до больницы успеть».

- Успеем, - он сам позавидовал своей уверенности.

- Пошли. Там мама ему вещи собирает.

В темном тамбуре барака Валькины ноздри даже защищало от стойкого запаха сырой плесени и мышинового помёта, но задерживаться он не стал и прошел за ней в одну из дверей. Здесь было не так сыро, но зато очень жарко от потрескивавшей в углу печи.

- Дарья Матвеевна, - представила Ирма, копошась над сумкой пожилую женщину и повернулась к старику, обессилено откинувшемуся на подушки кровати: «Игорь Степанович. Мои мама и папа».

- Валентин, - в свою очередь назвал он себя: «Друг Вашей дочери».

- Может, чаю выпьете на дорожку? – спросила Дарья Матвеевна, но Валька демонстративно посмотрел на часы, а Ирма ответила за него: «Не до чая, мам. Ехать надо».

- Ну, тогда с Богом, - она передала дочери сумку, и Валька поразился, какая у этой, уже разменявшей шестой десяток лет, женщины красивая спина. Узкая и гибкая, прямо как у молодой девушки. «И чего дочери по наследству не передала, жадина?» - удивился он, помогая Игорю Степановичу подняться с кровати.

На обратном пути добраться до нормальной дороги удалось без приключений, хотя на колдобинах иногда трясло так, что больной даже постанывал, но наконец-то под колёса «Шерьки» лёг асфальт и Валька смог утопить педаль газа в пол. Туман сгустился ещё больше, снижая видимость чуть ли не до сотни метров, но ориентируясь по фарам

встречных машин, он гнал машину на бешеной скорости. Игорю Степановичу с каждой минутой становилось всё хуже. Он часто и неровно дышал, пытаясь наполнить лёгкие кислородом, но получалось с трудом и его хрипящие стоны, доносящиеся с заднего сидения, заставляли Вальку ехать всё быстрее и быстрее.

- Ой, Валечка, может всё же потише... - испуганно попросила она, положив ему руку на плечо, но он только резко сбросил её ладонь, сливаясь с автомобилем: «Не мешай!»

И видимо хорошо слился, потому что когда огни встречной фуры, водитель которой, то ли уснул, то ли потерял ориентировку и полез ему в лоб на встречную полосу, он успел проскочить перед его бампером, ударом по тормозам переведя машину в занос, а потом резким движением руки восстановив прямолинейность движения, даже не задумываясь, что и как он делает. Ирма взвизгнула испуганно, но промолчала.

- Пристегнись на всякий случай, - нарочито спокойным голосом попросил он и, согласно кивнув головой, она полезла искать, куда завалился ремень безопасности.

На въезде в больницу дорогу преградил шлагбаум и толстый охранник в форменной куртке службы безопасности.

- Не пропущу, - сплёвывая шелуху от употребляемых им семечек, заявил он: «Направления на госпитализацию у вас нет, а на «скорую помощь» ваш драндулет не очень похож». И тут Вальку прорвало.

- Ты чо, фраер, рамсы попутал? - он выдернул из-под сидения револьвер и, выскочив из машины, ткнул массивным стволом под нос охраннику: «Открывай мухой, сука, пока маслину не словил. У меня человек в машине умирает».

- Сейчас, сейчас, - засуетился сдрейфивший толстяк, и полосатая палка шлагбаума поползла вверх.

Возле корпуса Ирма снова выскочила из машины практически на ходу и бросилась к дверям «приемного покоя». Он едва успел припарковаться напротив пандуса ведущего в здание, как она вернулась, но уже с врачом. Игорь Степанович находился в беспамятстве, судорожно хватая воздух ртом и врач, едва взглянув на больного, крикнул появившимся вслед за ним санитарам: «Носилки. Быстро! Готовим к интубации». Те бегом бросились выполнять приказание и буквально через минуту каталка, громяхая колёсами по плиткам пола, увозила пациента в реанимацию. Перед лифтом возникла пауза и Игорь Семенович, на краткий миг придя в себя, поманил пальцем дочь и что-то прошептал ей на ухо, покосившись на Вальку..

- Хорошо, папа. Так и сделаю, - ответила она, пытаясь за улыбкой скрыть готовые прорваться слёзы: «Ты главное выздоравливай».

- Вы не волнуйтесь, - тронул её за плечо врач: «Мы его вытащим. Вы дали нам полчаса форы и теперь всё будет в порядке. Идите домой и ни о чём не беспокойтесь».

- Спасибо, - шмыгнула носом Ирма, глядя на закрывающуюся дверь лифта, и повернувшись к Вальке, выдохнула: «Мы успели».

- А кто бы сомневался, - небрежно бросил он.

В Кунцево они ехали не торопясь. Хватит гонок на сегодня. Посмотрел на часы и удивился тому, что всё их путешествие заняло три часа с небольшим, а ему казалось целую жизнь. Ирма успокоилась и даже иногда поблёскивала искорками глаз в его сторону, согревая теплом, перемешанным с восхищением. Конечно, это было приятно.

- Покурим? - не то спросила, не то предложила она.

- Запросто, - согласился он: «Но придётся остановиться». Он продемонстрировал перемотанные бинтом ладони: «А то мне на ходу курить неудобно». «Шерька» пристроился у обочины на Вере́йской и две тонкие струйки дыма потянулись в чуть приоткрытые окна машины.

- Даже не знаю, как тебя благодарить, - она ласково коснулась его обмотанной бинтом руки, лежащей на её колене: «Для меня они самые родные человечки на земле, а ты сегодня спас одного из них».

- Ай, ерунда. Если что, обращайтесь, - отмахнулся он и замер, внезапно вспомнив, что эту фразу он уже говорил. Наташке.

- Обращусь... - пообещала она и, выкинув недокуренную сигарету в окно, припала к его груди. Пришлось и ему выкинуть окурки. Потому что курить и целоваться одновременно невозможно.

- Может, отъедем... куда-нибудь.. - предложила она, когда они доцеловались до того, что дыхание стало неровным, а сердца стучали так, словно готовы выпрыгнуть из груди, и Валька, с трудом оторвавшись от её губ, молча, отогнал машину к каким-то кустам, в сторону от проезжей части. В такой глухомани дальше ехать не было смысла.

Серый оказался неправ. Секс получился так себе. Может быть, в этом была виновата боль в порезанных ладонях, а может её зажатость или его боязнь задеть ещё какое-нибудь запрещённое место, но вышло всё очень скромно. «Ой... Да... Милый... Не спеши... Я сама,.. Аааа... Оооо... Мммм... Ууууу... Ох!» - и всё. Даже непонятно, было чего или нет. К тому же и просто поваляться, расслабившись, после интима не удалось. В окно постучали. Двое. В погонах.

Ирма вскинулась лихорадочно, судорожно натягивая на себя одежду, да и он несколько насторожился при появлении милицейского патруля, но оделся спокойно и вышел из машины.

- Ваши документы, - попросили «менты» и, сверив фото, сразу же перелистнули на страничку с «семейным положением». Видимо издали устремили характерное покачивание одиноко стоящего автомобиля и решили поиграть в «полицию нравов». А заодно и денег заработать.

- А в машине кто? - поинтересовался старший, рассматривая штамп о заключении брака.

- Жена, - нахально соврал он.

- А документы у неё есть?

- Не знаю, - Валька слегка приоткрыл дверь: «Дорогая, у тебя документы с собой?»

- Нет, дома на трюмо оставила, - ответила сообразительная Ирма, подыгрывая ему: «Мы ж с тобой ненадолго уезжали».

- Нету документов, - развёл он руками: «Но, если очень надо, то можем к нам подняться. Мы здесь недалеко живём». Голос его был спокоен и даже чуть насмешлив, но недоверия милицейского патруля не развеял: «А чего ж вы себе другого места не нашли?»

- Понимаешь, командир, - задушевно ответил Валька: «Квартира маленькая, а дома теща, тётка и детей двое. Вот и приходится иногда так... отъезжать». Младший, с нашивками на погонах покосился недоверчиво, но старший, на чьих плечах уже красовались звёзды, вник в ситуацию.

- Ладно, держи свой паспорт, - он протянул документы: «Понимаю. У самого дома та же фигня. Приходится иногда жену в ванной зажимать».

- В ванной? - довольно натурально удивился он: «А что? Хорошая идея. Попробуем. Спасибо, командир».

Так и пришлось сматываться с тёплого места, пока ещё какой-нибудь патруль не прицепился.

- Ой, стыдно-то как, - она даже закрыла от смущения ладонями лицо.

- Стыдно у кого видно, а мы одетые, - недовольно проворчал он. Кроме сумбурности происшедшего между ними, беспокоило ещё и то, что эмоции Ирмы по большей части были настороженно-опасливые, без какого-либо признака удовлетворения. А это расстраивало.

Утром Валька проснулся от боли, неудачно повернувшись во сне и задев ладонью стену. Посмотрел на виновницу и мысленно выругался. Даже под повязкой было видно, что кисть руки опухла и покраснела. Более того резкая дёргающая боль говорила о

начинающемся воспалении. А рука-то правая, рабочая.левой досталось меньше. Видимо вчера в азарте, не обращая внимания на травму, безжалостно дёргая ручку переключения передач, натёр в рану всякой гадости и вот теперь получил результат. А тут ещё и пейджер запиликал, намекая, что ему пришло сообщение.

С трудом прихватив черную коробочку непослушными пальцами, прочитал что его постоянному клиенту нужно переместиться из пункта А в пункт Б. Причем именно сегодня в 15 часов. Надавил пальцами левой руки на правую ладонь и чуть не вскрикнул от боли. Нет, так он передачи переключать не сможет. Хотел уже позвонить заказчику и отменить вызов, но внезапно передумал и набрал рабочий номер Китайца.

- Алё, Гриня, денег хочешь? – он сразу взял быка за рога.

- А який же хохол грошев не хоче? – удивился тот.

- Есть маза пассажира отвезти. Сегодня в три.

- Будэ сделано.

- Только ты ведь на работе...

- Та, не кипешуй! Скажу, шо на ТэО поехал.

- Тогда ладно. Пиши адрес...

Отзвонился клиенту, сообщив о том, что вместо него будет другой водитель, но только собрался попытаться сообразить себе какой-нибудь еды, как раздались тяжелые удары ногой в дверь. Валька чертыхнулся и как был в трусах и с куском колбасы во рту, открыл дверной замок.

- У тя чо? Звонок не работает? – поинтересовался Кержач.

- Похоже, - согласился он с таким предположением: «Заходи, коли пришёл».

- Аполлоныча у «сельпо» встретил и он сказал, что ты дома. Вот я и заглянул, а то пацаны волнуются, что пропал.

- Да дела закрутили, - извинился он.

- Так ты зайди. Вам с Серым документы на машины оформлять надо. Его кент уже два раза заезжал, - проинформировал Кержач и покосился на его забинтованные руки: «А это что?»

- Производственная травма, - доложил Валька: «Зайду обязательно. Мне всё равно в аптеку надо, а это мимо вас идти».

- Ага. Заходи. Только советую заглянуть до аптеки, а не после. Может Серый с Никешей тебя и вылечат.

«Знаю я ваше лечение», - усмехнулся он, закрывая за ним дверь: «Опять чего-нибудь «экстремальное, но эффективное» с последующей стерилизацией коньяком».

На улице явно потеплело. Посерели и начали оседать сугробы, расчирикалась пернатая живность, празднует окончание зимы, но талая вода, растекающаяся по тротуарам огромными лужами, намекнула что его «зимние» кроссовки обладают довольно низкой мореходностью, протекая ниже ватерлинии. Поэтому, до «конюшни» пришлось добираться в стиле кузнечика, перепрыгивая с одного сухого места на другое.

Оба «доктора» были заняты с зависшей над ямой «Тойотой», той которую он пригнал из Хельсинки, но на его появление отреагировали традиционно: «Блин, опять припёрся» (Никеша) и «От, только тебя и ждали, убогий» (Серый).

- По рожам вашим гнусным соскучился, вот и заглянул, - ответил он, и такая куртуазность в обращении была оценена весьма благосклонно.

- Смотри-ка, растёт мальчик, - заметил Никеша, обращаясь к своему товарищу.

- Несомненно, - подтвердил тот: «Глядишь, скоро при слове «минет» в обморок падать перестанет».

-Дык... Учителя хорошие, - скромно польстил им Валька и был заслуженно поощрён приглашением к чаю.

- Так чего вы под «крокодила» лазили? – поинтересовался он, осторожно прихватывая кружку левой рукой.

- Какого ещё «крокодила»? – не понял Никеша.

- Я «Тойоту» имел в виду. Низкая, плоская и зелёная, Вот я её так и окрестил про себя, - пояснил он.

- Тогда уж «Реактивный Крокодил», с учётом её скорости, - заметил Серый.

- Не поверишь, - Валька даже прижал к сердцу больную руку в знак искренности своих слов: «Но ты практически угадал. Полное имя этого болида «Fly Alligator». Так что с ним?»

- Нормально всё, - успокоил Никеша: «Лазали посмотреть, что там эта лохматая морда с системой охлаждения накосячила. Грамотно накосячила. Даже лучше чем у завода-изготовителя получилось. Решили так и оставить».

- А с руками чего? – поинтересовался Серый, обратив внимание на бинты, и в голове у Вальки уныло прозвучало: «Ну, вот. Началось...»

- Так, ерунда. Ладони порезал чуток, - сознался он.

- Показывай свой «чуток».

Валька размотал бинты, но если с левой руки они снялись легко, то на правой присохли и отдираться не хотели категорически.

- Может, водкой плеснём, - предложил Никеша.

- Ага. Так тебе Кержач и даст его любимый напиток на такие пустяки тратить, - возразил Серый: «Перекинь водорода тащи».

Жидкость, обильно залившая ладонь, злобно зашипела на присохший бинт и тот, видимо с испуга, наконец-то отлип от раны.

- Фьююу... - дружно отреагировали на открывшуюся перед ними картину «лекари». Ладонь не только распухла и покраснела, но и края раны приобрели какой-то зловещий коричнево-зелёный оттенок.

- А скажи-ка мне, Валюшок, куда это ты свои шкрябки блудливые совал, что тебя так приложило? – поинтересовался Никеша. Пришлось рассказать о вчерашней поездке, вернее о форсировании моста и полученной при поднятии машины травме. Но почему-то известие о его сверхспособностях мастеров никак не удивило, а вот отсутствие знаний в области полевой санитарии вызвало возмущение.

- Мать твою... А что-нибудь получше, чем снегом обтереть и портянкой перемотать, придумать было слабо? – Серый даже кулаком по столу врезал так, что кружки подпрыгнули, но Никеша оставался более спокоен: «Лучше б ты бензином обмыл, раз уж ничего другого под рукой не было. Дерёт, конечно, зверски, но помогает. А оптимально замотать, можно даже по грязи, и перекисью обильно залить».

- Да ладно. Проехали, - вид собственной ладони Вальку тоже не очень вдохновлял: «Сейчас-то что с этим делать?»

- Резать будем? – спросил у напарника колчерукий.

- Будем. И по самые уши, - с энтузиазмом поддержал идею Серый: «Всё равно ему голова ни к чему, поскольку без мозгов, Видишь, кусок тряпки из раны торчит».

- Вижу. Вынуть бы надо.

- Вот ты и вынимай, а я всё больше по ампутациям.

Валька похолодел, когда Никеша, достав электротехнические узконосы, щедро плеснул на них перекисью, и начал пристраиваться зацепить торчащие из раны волокна.

- Может анестезию? – жалобно намекнул больной: «Коньячку, например».

- Ага. Коньячок, это мне. А ты потерпишь, - «хирург» сделал неловкое движение и Валька, ойкнув, отдернул руку, прошипев: «Уууу... садюга!»

- Не нравится, сам делай, - Никеша вручил ему слесарно-хирургический инструмент: «А мы полюбуемся».

Но как не пристраивался, а малейшее касание раны вызывало резкую боль, и он непроизвольно дергался, мешая сам себе.

- Не мельтеши под клиентом, фраер, ибо клиент потеет и соскальзывает, - глубокомысленно посоветовал Серый: «Ты представь, что это не твоя рука, а чья-то чужая культяпка, расслабь локоть и решительным движением...»

- Ааа!!! – взвыл Валька, демонстрируя свою добычу. Хлынула кровь, вперемешку с какой-то гадостью и Никеша одобрительно заметил: «Вот и молодец. Теперь дави её как врага народа, чтобы побольше вышло и кровь рану обмыла».

Замотали руку чистым бинтом, для профилактики обильно залив его всё той же перекисью и отправили в аптеку за мазью Вишневского.

- Если к утру не сдохнешь, то завтра заходи на перевязку, - напутствовал его Серый: «Часам к одиннадцати. Потом мы с тобой на таможню поедем, а то Андрюха уже нервничает».

То ли «лечение» помогло, то ли мазь, но рука очень быстро пошла на поправку. Настолько, что уже через несколько дней смог заехать в гранитную мастерскую и забрать заказанную на могилу отца надгробную плиту. Хотел сам справиться, но Наташка напросилась с ним, а с ней и Нелли, что совсем не радовало. Но девушка сидела тихо как мышь, хотя в редких взглядах на него порой сквозила опаска пополам с неприязнью.

- На Дубровку заедем? А потом я вас на Таганку отвезу, - предложил на обратном пути Валька: «Мне Серому документы передать надо».

- А что там? – поинтересовалась Нелли.

- Бандитский притон и разбойничья вольница, - отшутилась Наташка: «Я там уже побывала».

- Не пугай человека, - попытался он успокоить мгновенно насторожившуюся девушку: «Это автосервис. Нормальные мужики работают. Правда, отсидевшие слегка, но они мои друзья, так что безопасность гарантирую».

- Не волнуйся, Неллик, - успокоила подругу и Наташка, сообразившая, что шутка оказалась неудачной: «Я там ночью была, и никто меня не съел. Даже собаки».

- И сейчас не съедят, - пообещал он, но ошибся. Потому, что въехавший в раскрытие ворота и остановившейся на площадке «Шерька», был атакован боевым расчётом собачьей охраны, окружившей машину с оглушительным лаем.

- Цыц, волки! – рывкнул на них Валька и узнавшая его стая, мгновенно выразила своё смущение допущенной ошибкой посредством активного виляния хвостов, а матёрый Антоха даже ткнулся носом в его ладонь, интересуясь, а не привезли ли гости чего-нибудь вкусенького.

- Ой, какие красивые, - восхищенно выдохнула Нелли, глядя на заметно отличавшихся от дворняг брата и сестру. Годовалый Жорка ещё не вошел в полный рост, но уже был вдвое выше вожака стаи, и чувствовалось, что силы ему не занимать, а его сестра, хотя и доставала брату едва до холки, но ничуть не уступала ему в стройности и крепости.

- Это приемыши, - пояснил ей Валька: «Я их на помойке ещё осенью подобрал и сюда привёз. Жора и Нелли».

- Нелли? – удивилась девушка.

- Да. Тёзка твоя, - улыбнулась Наташка.

- А можно их погладить? – почему-то застеснявшись, спросила собачья тёзка.

- Можно. Только резких движений не делай, - предупредил он и подал команду: «Эй, ушастые, кам цу мир». Они подошли, осторожно перебирая лапами и косясь на незнакомых людей, вышедших из машины, но получив порцию ласки, в виде поглаживания лохматых загривков, успокоились, а Жорка даже прижался к его ноге.

- Это свои, - объяснил он собакам: «Своих кушать нельзя», но настороженность в их желтых глазах исчезла лишь когда вожак стаи, обнюхав колени замершей Нелли дал отмашку хвостом: «Свои».

- Шикарные звери, - подтвердила Наташка: «Сменить антураж и можно картину писать «Волки на природе».
- А кто их знает? Может они и волки, - подошедший на шум Никеша, кивнул гостям без традиционного словесного гостеприимства: «Мы сперва думали, что это овчары...»
- Нет, овчарки здесь и рядом не сидели, - возразил подошедший следом Кержач: «Скорей всего лайки...»
- Лайки брехливые, а у этих я даже голоса не слышал, - вставил свой довод Серый, вытирая промасленные руки ветошью и здороваясь с Валькой: «Документы привёз?», и они отошли, оставив Наташку слушать разгорающийся между Кержачом и Никешей диспут о природе происхождения этих невиданных зверей.
- А это кто? – поинтересовался лохматый, просматривая бумаги.
- Наташка. Мачеха моя, - удивился Валька.
- Наташку я знаю, - поморщился его недогадливости мастер: «Я про вторую».
- Нелли. Наташкина сердечная подруга, - с лёгкой иронией ответил он, но Серый казалось, иронии не понял: «А чего она такая зашуганная?»
- Заметил? Есть причины... - не стал впадать в подробности он: «Ой, смотри, что Нелька вытворяет!» А псина, припав на передние лапы, подползла к присевшей перед ней на корточки Нелли и, обняв протянутые ладони, доверчиво ткнулась в них холодным носом. Девушка погладила лохматую морду своей тёзки, и они замерли, глядя в глаза друг другу.
- Ты смотри-ка, - удивился Серый такому поведению собаки: «С ходу признала!»
- Всё то время, пока они пили чай и Серый брэнчал что-то наименее пошлое из своего репертуара, развлекая гостей, Нелька старалась держаться рядом с Нелли. Даже когда компания ушла в бытовку, куда собакам вход без разрешения запрещён, ждала её у дверей. Да и девушка постоянно искала её взглядом, отвлекаясь от чаепития.
- Ладно, парни. Пора нам, - подвёл итог Валька, когда чай был выпит, а принесенное с собой печенье съедено: «А то мы вас от работы отвлекаем».
- Работа не волк... - благодушно усмехнулся Серый, натрескавшийся печенья, но закончить фразу не успел.
- Ребята, а можно у вас эту собаку купить? – покраснев от волнения, внезапно спросила Нелли, и в бытовке повисло неловкое молчание.
- Купить нельзя, - нарушил тишину Серый: «Но если она сама за тобой пойдёт, то забирай бесплатно».
- Словно почувствовав, Нелька сопровождала свою тёзку до машины, старательно прижимаясь к её ноге, и отошла только когда девушка, присев перед ней и глядя в глаза, спросила тихо: «Девочка, ты хочешь поехать со мной?» Она повела мордой из стороны в сторону, посмотрев на наблюдавших за ней людей и собак, а затем уткнулась носом ей в колени, повиливая хвостом. «Поедет», - перевел с собачьего на человеческий Валька, открывая заднюю дверь, и псица смело прыгнула внутрь салона, так словно делала это уже не в первый раз.
- Ты бы хоть лапы вытерла, - шутиливо пожурил он её: «Теперь сидение мыть придётся».
- Я помою, - со счастливой улыбкой пообещала Нелли, под дружный смех окружающих.
- Вот. Держите, - Серый выдернул из нагрудного кармана блокнот, черкнул на нём номер телефона и отдал свежее испечённой собаководнице: «Если с Нелькой какие проблемы будут или вопросы возникнут, звоните».
- Спасибо, - она взяла листок, и Валька заметил, что впервые за время их знакомства на её лице при виде мужчины не возникло налёта недоброжелательности.
- Удачно получилось, что мы вместе с ней заехали к твоим ребятам, - заметила Наташка, помахав рукой вслед удаляющимся в сторону подъезда Нелли и её тёзки: «Может хоть это её от комплексов спасёт».

Пришлось им значительно изменить маршрут, потому что Нелли заявила, что «собачка голодная и грязная» и поэтому ей нужно срочно домой. А Валька и не расстроился ничуть. Значит, можно будет спокойно пообщаться с Наташкой и сестрёнкой, но чувствуя на себе недовольно-ревнивых взглядов. Обида, возникшая, когда он узнал об их связи, уже прошла, и теперь он смотрел на ситуацию сквозь призму иронии. Как сложилось, так сложилось. Пусть так и будет.

- Думаю, теперь ей вообще не до комплексов будет, - улыбнулся он: «Собака в доме, тем более выросшая на улице, это та ещё проблема».

Они заехали в детский сад за Алёнкой пораньше, устроив ребенку праздник, хотя у самих повод был совсем не радостный. Положенные по традиции «9 дней» и «40» уже миновали, но факт замены жестяной таблички над прахом отца на гранитную плиту, был достаточной причиной для приобретения бутылки вина и скромной трапезы за столом в гостиной. Алёнка, обрадованная его визитом, тараторила без умолку, делаясь своими детскими новостями и тайнами, поэтому поговорить им удалось лишь, когда она уснула прямо у Вальки на руках, замолчав на полуслове. Он отнёс ребёнка в кровать, и пока Наташка укладывала дочь, вышел на балкон покурить.

К вечеру подморозило, но свежий, неповторимый запах наступающей весны продолжал кружить голову, опьяняя намного сильнее, чем выпитое сухое вино.

- Спит, - доложила Наташка, выйдя к нему в его же накинутой на плечи куртке из нубука.

- Ты ей об отце ничего не говорила? – щелкнул он зажигалкой, давая ей прикурить.

- Нет. Не могу, - вздохнула она: «Впрочем, и Алёнка последнее время о нём почти не спрашивает».

Помолчали, мешая дым сигарет с ароматом весеннего воздуха.

- А почему ты так долго не появлялся? – недокурная сигарета, описав оранжевую дугу, исчезла где-то внизу. Спросила серьезно и даже с лёгкой обидой в голосе.

- Извини. Дела были, - он воткнул свой окурок в пепельницу: «Да и показалось мне, что я тебе не нужен».

- Дурак, - резко ответила она: «Ты исчез в самый тяжелый для меня момент».

- Наташ, давай в квартиру пройдем. Не хочу чтобы весь район нас слышал, - предложил он аккуратно поддерживая девушку под локоток, но она вывернулась и схватив Вальку за руку, потащила за собой на кухню. Захлопнула за собой дверь и схватила его за грудки: «Я осталась одна. Понимаешь? Совсем одна! Без опоры и поддержки, которую ты мне обещал». Слёзы наполнили её глаза, и казалось, она вот-вот разрыдается.

- Извини, Наташа, - смутился он: «Я думал, что раз у тебя есть Нелли...»

- Нелли!? Ей самой опора нужна. И я для неё, то же, что и ты для меня, - она всё-таки заплакала, уткнувшись носом в его ключицу: «А тебя нет. Предатель...»

- Прости... прости, пожалуйста, - горячо шептал он в её причёску, прижимая к себе горячее тело: «Я исправлюсь. Клянусь. Теперь только позови». Она всхлинула последний раз, успокаиваясь, отодвинулась. Но не сильно. Так что он по-прежнему продолжал ощущать её тепло.

- А вот теперь уже не позову, - смахнула слезинки и посмотрела ему в глаза: «Я решила стать сильной. Я выкинула из себя любовь к этому миру, доброе отношение к людям и прочую чепуху. Теперь для меня есть только я и Алёнка, а остальное пусть катится ко всем чертям!»

- И я тоже? – уточнил он.

- Ты? Нет... Я не знаю... - она задумалась на мгновение, а потом с горечью признала: «Наверное, всё-таки нужен. Должна же в этой жизни быть хоть какая-то опора».

Глава IX

Новые горизонты

Весна медленно, но уверенно захватывала город, обнажая асфальт со всеми его язвами и трещинами. Съёживались сугробы, покрываясь грязной коростой, перед тем как окончательно растаять, дав дорогу зелени трав. Зима сопротивлялась, контратакуя заморозками, хотя дни её были сочтены и это явственно подтверждали воробьи, отчаянно чирикающие, купаясь в лужах. Но Вальке лужи теперь нипочём. Сходил и купил себе сапоги.

Сперва хотел ботинки купить попроще, но потом решил, что один раз живем, и выбрал по вкусу. Австрийские «казаки». А чего мелочиться, если деньги есть. Иногда надо и выглядеть прилично. Опять же приятно когда на тебя женщины с интересом смотрят. Даже девчонка-продавщица проводила его долгим взглядом. Он посмотрел на своё отражение в витрине. Высокий, стройный, хорошо одет, но не это главное. От того Вальки, что отчаянно бросился в водоворот жизни, не имея за душой даже штанов, нынешний отличался уверенностью в себе и готовностью к действиям, которые сквозили в каждом движении, придавая им какую-то волчью пластику. Так же как у Никеша, Серого, Коляныча и многих других.

Но на Дубровку заглянул совсем не для того, чтобы новыми сапогами похвастать, а по поводу переобувания своего железного друга в летнюю резину. Въехал на площадку и замер оторопело. На «конюшне» присутствовал «мент» в полной амуниции и с майорскими погонами на плечах. Сначала даже возникла ассоциация с пресловутым налётом ОМОНа, и Валька оглянулся опасливо, но майор был один, стоял спокойно, беседуя с Серым, колулавшимся под капотом «Скай Лайна». Мастер вывернул из моторного отсека чумазую морду и произнёс нечто звонкое и нецензурное, приветствуя вновь прибывшего.

- И тебе туда же, и тебя так же, в то же самое место, - вежливо ответил Валька и Серый вылез из под капота улыбаясь, весьма довольный ответом.

- Короче, господин майор, - заявил он клиенту, вытирая руки промасленной ветошью: «Будет жить твоя «коняга», но больше такие свечи не бери».

- Какие дали на рынке, те и взял, - смущенно оправдался «мент».

- Женя, ну ты же взрослый мальчик, - проникновенности голоса Серого позавидовал бы и актёр, вполне возможно даже народный или заслуженный: «Они ведь тебе бесплатно их всучили? То-то! А бесплатный сыр у нас только в мышеловке. В следующий раз выдави из этих барыг «Champion» или «Veru», а не этот «Bosh» поганый».

- Так тоже вроде бы фирма... - возразил майор.

- Вот пусть эта фирма и делает кофеварки и фритюрницы. Оно у них неплохо получается, а в автозапчасти нефиг лезть, - подвёл итог мастер и обратился к Вальке: «А тебе, Валюшок, что надо от старого и больного человека? Кстати, познакомься. Евгений... эээ... Васильевич. Наш участковый. Хороший человек, хотя и «мент».

- Не всем повезло с золотыми рукам родиться. Должен кто-то и «ментом» быть, - усмехнулся майор, пожимая Вальке руку: «А это, как я понял, то самый Валентин, что обретается у Аполлоныча, «бомбит» на старом «жигулёнке» и на досуге гоняет залётных «гопников».

Такое обилие информации даже шокировало, но Женя успокоил: «Участок у меня тяжёлый, вот и приходится про всех всё знать. А с этими залётными... Мне лишний криминал не к чему, а у самого руки не всегда доходят. Так что, спасибо. Заходи, если что». Сел в свой «Nissan» и уехал не заплатив, довольный ремонтом.

- Это его ты майором сделал? - уточнил Валька, припомнив рассказ про бутылки с ртутью.

- Его, - подтвердил Серый: «Он, конечно хитро... жуткий и взятки любит, но для нашего времени вполне себе приличный «мент» с понятием. Иди в вагон, Никеша с Кержачом там новенького тиранят, а я инструмент отнесу и догоню».

В вагончике кроме перечисленных мастером персон, присутствовала и ещё одна, скромно пристроившаяся в углу, с огненно-рыжим ёжиком коротко стриженных волос и ростом со шкаф для спецодежды, но значительно шире в плечах. Кружка в его руках вполне соответствовала героическим пропорциям своего владельца.

- Оба на, какие люди! И без конвоя, - обрадовались мастера: «Как жисть, Вальшок?»

- Не дождётесь, волки позорные, - гордо ответил он, пожимая им руки.

- С-сергей, - ответил человек-шкаф, аккуратно пряча в могучей клешне не сказать, чтобы маленькую Валькину ладонь.

- Сергей? - он удивленно повернулся к мастерам: «Это какой же он по счёту будет? Четвёртый?»

- Угадал, - оскалился Никеша: «Так пока и прозвали, для ясности. Хотели сперва «Рыжим» назвать, но он обижается».

- Он у нас не один в пополнении, - заметил, входя, Серый: «К стае пёс молодой прибился. Тоже рыжий и порядковый номер такой же».

- Ладно, некогда лясы точить, - поднялся Никеша: «Четвёртый, пошли коробку передач курочить», и могучая фигура гибко скользнула вслед за ним на выход.

- Откуда он нарисовался-то? - Валька по-хозяйски плеснул себе в кружку и присел у окна.

- Так это чудо нам зам начальника треста подсуропил. Вроде как они соседи, - Серый повторил его действия и развалился в кресле у другого окна: «Говорит, что хороший парень, только невезучий».

- Это как?

- Ну, прикинь. По малолетке они колёса с машин тырили, а попался только он один и за всю банду срок получил. Потом в армию призвали и, как ты понимаешь, в Афган. Вернулся живой и даже на автосервис работать устроился, а тут началось. Он метался, метался, да по контракту на Кавказ и уехал. Отслужил полтора года. Получил контузию, - Серый отхлебнул добрый глоток и затянулся сигаретой: «Комиссовали его. А работы как не было, так и нет. Ну, он в запой, и по пьянке начудил себе ещё на год за хулиганку. Откинулся. А после «зоны» кто ж его, рецидивиста, возьмёт, кроме нас».

- Понятно. Мастер-то хоть хороший?

- Ай, никакой мастер, - Серый даже рукой с досады махнул.

- Он когда пришел, мы его спрашиваем: «Что умеешь делать?», - вмешался Кержач: «А он и отвечает: «Подвеску «Жигулей»».

- Ну, мы и говорим, что в подвеске «Жигулей» у нас разве что Антон не разбирается, - добавил лохматый: «А этот кент набычился и опять о своём: «Я умею подвеску «Жигулей». Так что учим на ходу. А ты-то чего заехал?»

- По поводу резины. Весна вроде бы, пора переобуваться.

- Можно и потерпеть пару недель, тем более что у меня к тебе предложение есть. Тут у деда одного в гаражах комплект дисков «копеечных» лежит. Новый и с колпаками. Отдаст недорого, а у тебя получится а-ля винтаж и раритет.

- Не поверишь, но мне главное, чтобы машина ездил.

- Зря. У тебя хоть и последний год выпуска, но обивка сидений желтая, как у первых «Жигулей», а ремни безопасности белые. Просто ретро какое-то.

- Грязные они, а не белые, - засмеялся Валька: «Но диски, пожалуй, возьму. Исключительно, чтобы каждые полгода покрышки не бортировать и вам за это денег не платить».

- Жлоб ты, - усмехнулся Серый.

- Есть у кого учиться, - парировал он.

- Лады. Деньги готовь. Пойду у деда диски заберу, - согласился Серый и ушел в гаражи, оставив их с Кержачом вдвоём.

- А Светка где? – Валька обратил внимание на пустующую «опочивальню»: «Опять «герыч» промышляет?»

- Ушла Светка, - ответил старый мастер: «Вот уже дней пять. Как синяки зажили, так и свалила. Предложила себя в благодарность и в качестве компенсации. Дура».

- Так чего же не воспользовались, - ехидно спросил он.

- Я старый и мне количество не интересно, - пояснил Кержач: «Никеша попробовал, да только плевался потом...»

- А Серый?

- А у Серого любимая фраза «я готов в любой момент изменить жене, если найду лучше неё, но пока такую не встречал». Ты его жену-то видел?

- Нет, - сознался Валька.

- То-то, что нет. Там такая девушка с обложки, шо мама не горюй...

- Вот. Принимай товар, купец, - вернувшийся из гаражей чумазый муж «девушки с обложки» с грохотом поставил на пол четыре колёсных диска: «Как и обещал, новье и муха не сидела. Мы их соберём, отбалансируем, а потом останется только готовые колёса перекинуть».

- Годится, - согласился Валька, доставая кошелёк.

Зато с Ирмой у Вальки всё складывалось не так легко, как с колёсами. Вроде бы и Игорь Степанович пошел на поправку, и у неё настроение улучшилось, позволяя ему купаться в волнах нежности, но как только доходило до близости, всё кардинально менялось. Страх и неуверенность сковывали её так, что он ощущал дрожь в пальцах, ласкавших его, а от этого и сам Валька начинал нервничать. К тому же раздражала манера Ирмы как можно меньше демонстрировать своё тело, хотя по доступным ему фрагментам на его взгляд, ничего, из ряда вон выходящего обнаружить не смог. Ни циничных татуировок, ни шрамов. Абсолютно нормальная гладкая кожа и довольно упругая, хотя и небольшая грудь. Другие девушки такими данными гордились бы, но не эта, сжимающаяся при каждом его откровенном взгляде или касании рук.

Зато со Светкой отношения наладились. После того, как он исполнил её желание и ушел среди ночи, ребенок проникся к нему уважением, каждый раз встречая Вальку с радостью. Он втайне надеялся, что не только из-за плюшек. Поэтому, порой и сам не мог разобраться, зачем едет в Кунцево. То ли к девушке, которая невзирая ни на что по-прежнему притягивает его, то ли для того чтобы сделать маленький праздник её дочери.

- Зря ты её балуешь, - ворчала Ирма, принимая очередной подарок для Светки: «Смотри, на шею сядет, потом не сгонишь».

- Шея у меня крепкая, - возражал он: «А ребятёнки, они заботу любят. Вон, видишь, пальтишко ей уже мало стало».

- У меня лишних денег нет, - печально отрезала она.

- Я тебе предлагал помощь. Сама же отказалась. Так что терпи, если я ей что-то покупаю, - и привозил то фломастеры, то шарфик и шапочку, ставя Ирму в такое положение, что она не могла отказаться, как не отказывалась и принимать продукты, под предлогом «к чаю». А хитрый Валька, смекнув такое дело, начал покупать не только печеньки и плюшки. Ведь кило парной телятины и картошка тоже вполне годятся к чаепитию.

Но часто посещать голубоглазое семейство не получалось. Отчего-то расплодилось постоянные клиенты, распространяя посредством «сарафанного радио» информацию о надёжном водителе среди знакомых, так что порой его дневное расписание было забито на два-три дня вперёд и приходилось подключать «банду атамана Грицко», чтобы справиться с объёмом работы. А тут ещё Ильдар выдернул его из установившегося ритма.

- Помнишь ту тему, что я озвучивал про перегон машин? – спросил он как-то, попивая растворимый кофе на кухне у Аполлоныча.
- Было дело, - согласился Валька. Ильдар заехал к нему сам, что говорило о важности предстоящего разговора.
- Короче, я эту схему разработал. Не хочешь поучаствовать?
- А откуда машины?
- Из Германии. Но туда ехать не нужно. Сидит один чувак в Гродно. Оттуда и гнать будем. Так что никаких заморочек с загранпаспортами и визой не будет. Поездом туда, на своих колесах обратно.
- Пятьсот «зеленых», - объявил Валька, прикинув расценки на перегон из Финляндии и добавив немного от себя любимого.
- Хм, чувствуется что ты в теме... - удивился Ильдар: «А если на постоянной основе?»
- Больше двух рейсов в месяц – минус «сотка».
- Маловато будет – продолжил торг хитрый татарин.
- А ещё я даю тебе выход на хороший автосервис, - добавил бонус не менее хитрый Валька, прикинув, что оружейный бизнес практически сошел на нет, а значит и бывший партнёр в качестве конкурента ему не опасен.
- Договорились, - согласился Ильдар: «Значит, в воскресенье и рванём».
- Что? Так быстро?
- Удачное расположение звёзд и стечение обстоятельств. В Гомеле есть несколько подходящих машин, а у меня сидит и на попе ёрзает клиент, которому неймётся. Вот его машину ты и погонишь. Кстати, это он тебе работу оплачивать будет.

В воскресенье и рванули. Вечером, чтобы утром быть на месте. Клиентом оказался упитанный коротышка, представившийся Вениамином. Немного старше Ильдара, но всё равно, по мнению Вальки «молодой ишшо». Но молодой оказался очень даже подкованным в вопросах электроники и, приняв дозу прихваченного Валькой коньяка, под стук вагонных колёс развлекал своих попутчиков сказками про светлое будущее. Пел, что курский соловей, о компьютерах в каждом доме, о свободных переговорах с абонентами на других материках и даже о том, что каждый человек будет иметь свой собственный мобильный телефон.

- Ну, это уж вряд ли, - засомневался Ильдар: «У наших столько денег нет, чтобы мобильники себе покупать».

- Так они дешёвые станут, - возразил Веня: «Такие, что будут даже у детей и стариков».

Валька усмехнулся про себя таким фантазиям и решил залечь спать, предоставив пацанам вволю спорить на всякие бредовые темы.

В Гродно их встретил Михась, с которым Ильдар договаривался о машинах. Нормальный такой сотрудник таможни, а поэтому компетентный во всех вопросах связанных с поставкой машин из Европы. Посадил в свой «Golf» и прокатил компанию по точкам, где были распределены уже ввезённые машины. Конечно, статусом пониже, чем в Хельсинки и более потрёпанные, зато цена на этот «бизнес-класс» вдохновляла однозначно.

- Почти задаром, - заметил Валька, после того как Ильдар выбрал «Audi» для себя, а Веня соблазнился на «BMW – 328».

- Беспешинный ввоз на территорию республики Беларусь, - объяснил Михась, а Ильдар добавил: «Граница с Россией чисто номинальная. Так что ставим на учёт в Москве по белорусским документам и экономим кучу «бабла».

- Круто, - оценил он умственные способности руководителя концессии и, прикидывая, что и сам мог бы взять что-то вполне приличное на замену «Шерье», однако мысль эта почему-то не прижилась.

- Под капот заглянешь? – спросил Ильдар, признавая этим приоритет Вальки в вопросах технического состояния, и был прав. Не зря же тот при каждом удобном случае совал свой нос под капот автомобилей стоящих на ремонте в «конюшне» и

внимательно прислушивался к разговорам мастеров, когда те проводили диагностику. Поэтому, напустив на себя деловой вид, он спросил: «Стетоскоп есть?», а получив удивленно-отрицательный ответ, подобрал валявшуюся в углу гаража трубку и полез под капот «Audi 90», заметив: «Движок послушать надо. Заводи».

Что там мог услышать Серый в этом гуле работающего двигателя, он так и не въехал, но с умным видом приставляя свой «слуховой аппарат», как это делал лохматый, к разным деталям, только бурчал невнятно: «Так-так... Понятненько... А здесь? Ммм... Ладно и так сойдёт». Взгляды наблюдавших эту сцену были настолько переполнены уважением к процессу, что он едва не рассмеялся, но всё-таки смог совершенно серьёзно вынести вердикт: «Годится. Есть кое-что по мелочам, но не существенно».

С «BMW» повторился тот же сценарий, за исключением того, что шестицилиндровый двигатель возбудил в нём определённое любопытство.

- Объём какой? Два с половиной? – поинтересовался он.

- Два пятьсот сорок, - с готовностью доложил Михась: «Мощность сто девяносто две лошади». Валька даже присвистнул: «А не многовато ли будет. Это ж самолёт получается».

- Бери выше. Ракета, - с гордостью заявил Михась, но Вальку заботило совсем другое.

- Ты на чём раньше ездил? – спросил он у Вениамина, задравшего нос от такой высокой оценки его автомобиля, но на вопрос ответившего довольно скромно: «На «Москвиче» в автошколе».

- То есть, стаж вождения у тебя нулевой? – уточнил он.

- Ну, да. Для того тебя и взяли, чтобы он тачку по дороге не раздолбал, - уточнил Ильдар.

Валька почесал в затылке, изображая активную работу мозга, и проникновенно предложил: «Веня, а может ты что-нибудь попроще возьмёшь? Это ведь «Бэха». Машина серьёзная. Разобьёшься ж нахрен». Но Веня был непреклонен: «Хочу эту».

Валька в ответ лишь пожал плечами: «Хозяин – барин». Честно говоря, он и сам залюбовался. Элегантное, покрытое блестящей на солнце чёрной краской, двухдверное «купе» выглядело как произведение искусства, обязанное привлекать к себе внимание окружающих, а не простое средство передвижения, но даже ему мощность, скрывающаяся под капотом при таком лёгком кузове, внушала опасения. Ильдар в своём выборе был более логичен. Неброский «мокрый асфальт» и достаточно примелькавшийся фирменный силуэт «Audi» уж точно не вызывали желания обернуться ей вслед, зато полный привод и сто семьдесят «лошадей» таили для её владельца массу возможностей.

Пока Михась оформлял документы так, чтобы выглядело будто они купили автомашину не в Германии, а у граждан республики Беларусь Суровина Б И, 1932 года рождения, проживающего в селе Перхоньково и гражданки Федюк П Л, аж с 1918 года живущей в деревне Новы Брод, они прошли по городу. В принципе, никакого отличия от российской глубинки обнаружено не было. Такие же серьёзные, а порой насупленные граждане, спешащие по своим делам, молодёжь, убивающая время с пивом в руках и многострадальные, давно не отремонтированные дома. Поразили только цены в магазинах. Если перевести с местных «зайчиков» в рубли, получалось очень дешево, а если в долларах, то вообще почти задаром.

Причину этого объяснил Михась, накрывший в ресторане «поляну» для своих гостей и принесший на встречу готовые документы: «У нас Бацька всё страну в ежовых рукавицах держит. Зарплаты такие, что хоть вешайся. Потому и цены низкие, что по-другому покупатель ничего и взять-то не сможет. Да и селяне продукты задешево отдают, что иначе никто не купит. Хорошо только милиция и военные живут. Ну, это на случай, если народ бузить надумает». Он разлил по рюмкам местную водку, настоящую на берёзовых «бруньках» и предложил: «За дальнейшее развитие нашего взаимовыгодного сотрудничества». Выпили. Закусили. И Валька удивился насколько

всё вкусно. Национальные драники со сметаной, которую можно резать ножом, розовые ломти копчёной свинины и масса всяческих солений, вызывающих острый приступ слюноотделения. Он даже не прислушивался к тому, о чём беседуют Ильдар с их гостеприимным хозяином, до того момента, пока не прозвучало его имя.

- Так что в следующий раз, возможно вместо меня придет Валентин, - Ильдар, как и Валька не очень налегал на спиртное, в отличие от уже раскрасневшегося Вени: «Парень надёжный. Все вопросы можешь с ним решать как со мной». Михась и Валька обменялись понимающими взглядами и чокнулись рюмками, как бы символизируя заключенный контакт. Но не выпили. Потому что разговор деловой.

- Значит, договорились, - подвёл итог беседе хозяин стола: «Я тебе скидываю, что нового поступило...»

- А я подгоняю клиента, и Валька забирает машину, - закончил за него фразу Ильдар и поднял свою рюмку, подводя итог заключению контракта.

- Добра, дамовились, - Михась опрокинул содержимое своего сосуда в рот и движением пальца подозвал официанта: «Вы тут расслабляйтесь, а у меня ещё дела есть». Он отстегнул довольному халдею пятидесятидолларовую купюру, жестом отказавшись от сдачи, а затем что-то шепнул ему на ухо, добавив ещё сотку. Тот понимающе заулыбался, косясь на них, и по-армейски заверил: «Будет сделано. В лучшем виде».

Как оказалось, Михась приготовил для них небольшой сюрприз, потому что, едва они, натрескавшись от пуза, собрались покинуть зал, тот же официант пригласил их проследовать за ним в ...баню, которая располагалась в том же гостиничном комплексе, что и ресторан, но только в подвале.

Впрочем, такое расположение ничуть не уменьшало её комфортабельности, а главное, предоставленного сервиса. Потому что баня была арендована для них вместе с персоналом. А именно: банщицы, двух массажисток, официантки и подавальщицы полотенец. Все молодые, красивые и в униформе, состоящей из откровенных купальников. У Вениамина даже слюни потекли от такого натюрморта.

- Не извольте беспокоиться. Михась Якубович всё оплатил, - ответил их сопровождающий на вопросительный взгляд Ильдара: «Отдыхайте, пожалуйста. Девочки вам помогут».

- Интересно, во что ему обошлось такое удовольствие для нас, - спросил Валька у Ильдара, раздеваясь и поудобнее располагаясь в шезлонге.

- Ты же видел. Он сотку «баксов» дал.

- Хм... Значит по двадцатке на девочку... - подвёл итог его математический ум.

- А за само помещение? – подкорректировал его расчёты Ильдар, пристраивая своё обнаженное тело на топчан по соседству: «По десятке, не больше».

- Вот же гад, до чего страну довёл, - выругался Валька в адрес Президента.

- Гад... - согласился Ильдар, но в дискуссию вступать не стал, потому что нежные пальцы одной из девушек начали массировать ему плечи и шею.

Утром, завтракая в ресторане домашним творогом и свежее испеченными булочками, Ильдар пожурил его: «Зря ты рано ушел. Девчонки классные». Был он бодр и подтянут, словно не было бурной ночи.

- Ага. А нам за тебя отдуваться пришлось, - ехидно заметил Веня, явно не соблюдавший нормы, и теперь страдающий от выпитого и других жизненных излишеств.

Но Валька ничего не ответил, улыбаясь. Его эксперимент прошел удачно. Просто он решил, что если среди девочек найдётся хоть одна с такой же потрясающей фигурой как у Наташки или хотя бы с такой голубизной глаз, как у Ирмы. Тогда, да... Но, не нашлось. Хотя девочки действительно были хороши. Вскормленные парным молоком, со всеми необходимыми выпуклостями, гладкостями и прочими прелестями. А всё же до поставленной высокой планки не дотягивали. Поэтому, повеселившись немного за

компанию, попарившись и потискав временных подружек, он свалил потихоньку, пока не взыграл основной инстинкт.

Подошел Михась, пожелать им доброго пути: «До границы «дорожный сбор» уплачен. Так что не беспокойтесь. А у себя уже сами решайте. Там моих людей нет».

- А у себя мы уже решили. Сергеич пообещал «зелёный свет», - и повернулся к Вальке: «Ты Сергей Сергеевича помнишь? Для которого в Смоленск мотался. Так он у того барыги свою «поляну» всё-таки отжал». Валька кивнул понимающе, достал взятые взаймы у Андрея рации и отдал одну Ильдару.

- Ты на какой помойке эту рухлядь нашел? – поморщился Веня.

- Предложи лучше, - философски заметил он: « А у меня только такие».

- В Москве предложу, - пообещал толстяк и, пожав руку Михасю, направился продолжать свои страдания на удобных креслах «BMW».

- А что? Нормальный ход, - одобрил наличие связи между машинами Михась: «Надо будет своих надоумить. Если что будет интересное, свистни».

- Добро, - согласился Ильдар: «Спасибо за всё. Будешь в Москве, заглядывай. Девочек и баню не обещаю, но крышу над головой обеспечу».

- Да ну нахрен эту вашу Москву. Там же цены заоблачные. И народ шагом ходить разучился. Только галопом. Лучше вы к нам, - он пожал руки компаньонам и направился к своему «фольксу».

- Кстати, а у тебя с вождением как? – поинтересовался Валька у Ильдара.

- Факультатив по экстремальному вождению при Академии, - скромно ответил тот: «Я ведь будущий опер, так и учат, чтобы лучше с нарушителями закона боролся».

- Тогда порядок, - успокоился он: «Впереди пойдёшь на удобной для тебя скорости, а я на этом самолёте по любому от тебя не отстану. Годится?»

- Ага. Погнали.

На выезде из Гомеля, сразу за постом ГАИ им попался ещё один пост. Уже неофициальный. Несколько парней грелись на весеннем солнышке возле «BMW – пятёрки» и какого-то джипа неясной национальности. Завидев их, напряглись, но прочитав транзитные номера, успокоились, а один даже помахал рукой: «Счастливого пути». Дорожный сбор уплачен. Проезжайте.

Нет, такая работа Вальке явно нравилась. Пыли себе потихонечку по сто километров в час под ярким солнышком, мимо нищих придорожных деревень с не переменными селянами у обочины, выставившими на продажу немудрёные плоды своего труда. Просто какой-то круиз туристический. Одно допекало, это непрерывное бурчание Вени и его недовольство окружающим миром не соответствующим его похмельному восприятию. Но Валька поймал какую-то музыкальную волну и это помогло сосредоточиться на управлении, тем более, что машина оказалась норовистой. Её чуткая реакция на самое минимальное движение руля и нажатие на педаль газа заставляли постоянно быть настороже. Он даже подумал, что Вене было бы лучше не ворчать, развалившись в кресле, а посмотреть, как он ведёт его машину и поучиться. Жаль будет, если потом разобьётся. Машину жаль.

Возле поворота на Оршу им на хвост сели две «Нивы», но Валька, хотя и расслабился от такого вождения, вовремя их засёк.

- Ильдар, у нас хвост вырос, - проинформировал напарника.

- Какого хрена? – удивился тот: «У нас всё оплачено».

- Вот ты у них и спросишь, когда догонят, - усмехнулся он, глядя на сокращающееся расстояние до преследователей: «Давай, ты на скорости уходи, а я их помотаю чуток и тоже оторвусь»

- О`кей, - согласился Ильдар, и резко прибавив скорость, ушел вперёд, а Валька наоборот слегка притормозил, давая возможность подтянуться преследователям. Но тут уже насторожился почувывший опасность Вениамин: «Ты чего задумал? Давай быстрее сваливаем!»

- Расслабься, - Валька даже удивился такой панике: «Потреплю им нервы, и уедем спокойно. «Ниве» «Бэху» догнать, всё равно, что черепахе гепарда».

Веня замолчал, но продолжал сопеть носом, судорожно вцепившись в подлокотник кресла, а Валька подпустив преследователей совсем близко, принял вправо, словно бы освобождая место для обгона, и водитель первой «Нивы» повёлся на провокацию. Обойдя бестолковую «Бэху», видимо так и не понявшую с кем имеет дело, он подрезал её, прижимая к обочине и вынуждая остановиться. Валька коротким движением ударил по тормозам, пропуская преследователя, а потом резко утопил педаль газа и, набирая скорость, обошел супостата по встречной, а «Нива» по инерции вылетела за полосу движения и потеряла ход.

- Ты что творишь!? – заорал Веня: «Разобьёшь мне машину, отвечать будешь».

- Заткнись, придурок, - сквозь зубы процедил Валька, пуская машину «змейкой», чтобы вторая «Нива» не смогла его обогнать. Так и шли пару километров до поворота, чуть ли не уткнувшись бампером в бампер. Но на повороте он неожиданно затормозил и преследователям, чтобы не врезаться в него пришлось тормозить, но уже изо всех сил, отчего высокие, но узкие колёса «Нивы» пустили машину в занос, и она тоже покинула проезжую часть, не вписавшись в поворот.

- От, так хорошо, - улыбнулся Валька, набирая скорость до ста шестидесяти, а затем и ста восьмидесяти. Манёвр, конечно, был рискованным, но он был уверен в себе, так же как в преимуществе тормозов и скорости немецкой машины.

Ильдара догнали, когда до границы оставалось немногим более двадцати километров и дальше уже шли установленным порядком.

- Ну, как там? – подошел Илдар, когда они заняли очередь перед КПП.

- Нормально, хотя риск пока есть, - он рассказал компаньону о произошедшем и добавил: «Нахрапку я им сбил, но они остались на ходу, и могут нас здесь достать, пока ждать будем. Злые наверняка».

- Тогда мы ждать не будем. Поехали.

КПП в сущности имело чисто номинальные функции, поскольку не было досмотра, не заполнялись декларации, и даже штампов в паспорта не ставилось. Просто отмечался факт пересечения границы союзного государства. Поэтому, для стоящих на КПП пограничников было очень удивительно, когда две машины выехали из очереди, и с невероятной наглостью объехав шлагбаум, устремились на территорию России. «Чокнутые, наверно», - решили они. Но не гоняться же за всякими психами, тем более что автобус, привозящий их на смену, уехал, а другого транспорта на посту не было.

В Москву вернулись где-то в начале ночи, обойдясь без дополнительных приключений, и сперва заехали в Кунцево, к Вениамину, хотя Валька предпочёл бы к Ирме. Нужно же было выполнить работу и доставить товар «от двери до двери».

- Всё. Приехали, - доложил он, припарковавшись у его дома и передавая ключи: «Оплатите детский труд». Как бы намекая на необходимость оплатить его услуги.

- Ага. Только деньги потом, - заёрзал в своём кресле толстяк: «У меня с собой нету».

- Так домой поднимись. Я подожду, - предложил Валька.

- У меня и дома нету, - отвёл глаза Веня: «Я завтра заплачу. Или послезавтра».

Валька перевёл взгляд на покинувшего свою машину и наблюдавшего эту сцену Ильдара: «Я могу ему верить?»

- Даже не знаю, - тот напрягся так, что заходили желваки на скулах: «Но если через неделю он тебе денег не даст, то дам я, он потом мне заплатит. Но намного больше».

- Ну чего вы, мужики, в самом деле, - заканючил Веня: «Сказал что рассчитаюсь, значит так и будет».

- Лады, - пообещал Валька, покидая уютный салон «BMW»: «Илдар, ты меня до дома подкинешь?»

В салоне «Audi», не менее комфортном, чем у «BMW» его компаньон уже чувствовал себя как дома и управлял машиной так, словно давно держится за её руль, обтянутый натуральной кожей.

- Извини за этого козла, - попросил он, вырывая на Кутузовский: «Знал я, что он жаба, но что до такой степени...»

- А хрен ли ты с ним тогда связался, - удивился Валька.

- Так он хоть и колёл, но башковитый, и денег с него можно поднять немало, - объяснил Ильдар: «Они с братом сейчас мастерскую открыли. Делают телефоны с которых можно звонить из любого места города. Думаю, такой товар пойдёт».

- Сотовые что ли? – не понял он.

- Нет. Просто будут подключаться к городской сети.

- Нелегально?

- Ясное дело, что нелегально. Только я всех подробностей не знаю. Обещал меня в курс дела ввести, когда помогу ему машину купить, - он ушёл на Дорогомиловскую и добавил: «А теперь даже не знаю... Но ты не волнуйся. В натуре, если он с тобой не рассчитается, то я ему лично через неделю сиктым башка откручу».

- Вместе открутим, - пообещал, успокаиваясь Валька и чуть помолчав, спросил: «Скажи, а почему ты мне так доверяешь? «Стволы» оставил на сохранение, на перегоне машин поставщика сдал?»

- Валя, можешь мне не верить, но за последние пару лет ты единственный человек кто меня не кинул или хотя бы не попытался это сделать, - совершенно серьёзно ответил тот и замолчал. Так и доехали, думая каждый о своём, но судя по крепкому рукопожатию, которым обменялись на прощание, мысли их шли в одном направлении.

В квартире его встретил уже привычный лёгкий запах перегара, смешанный с ароматом немытого тела Аполмоныча, который сочным храпом обозначал своё присутствие и записка на кухонном столе, написанная неровным старческим почерком. «Валентин, звонила Ваша мама и просила приехать к ней для важного разговора». Он покрутил листок в руках и задумался. Что там ещё случилось? Привычка не ждать от этой жизни ничего хорошего заставляла насторожиться, но усталость взяла верх, и едва укрывшись одеялом, он уснул.

Утром он первым делом схватился за пейджер и, проверив сообщения, вздохнул с облегчением. Неожиданных и срочных заказов не поступало, а с тем, что пришло до его отъезда Грицко и компания справились. Новые заказы тоже были, но с ними он справится уже и сам. Сделал физкультуру, попутно разминая мозг мыслями о том, по какому поводу с ним хочет разговаривать мать, но не найдя решения решил утолить любопытство посредством телефонного звонка.

- Привет, ты меня искала?

- Привет, Валюшка. А куда ты уезжал? – похоже, что она даже обрадовалась его звонку.

- Машину перегонял. Из Германии, - слегка лукавил он.

- Себе купил?

- Пока что нет. Может быть потом. А чего хотела-то?

- Вахтанг с тобой переговорить хочет по очень важному делу. Он просил не говорить, но я всё-таки скажу... - женская болтливость взяла верх: «Мы открываем новый магазин, и он хочет предложить тебе стать директором старого».

- Интересно дефки пляшут, - только и смог сказать он.

- Так что подъезжай часам к двум на Шаболовку. Помнишь булочную, где твои любимые крендельки продавали? Там теперь наш магазин и Вахтанг будет тебя ждать, - предложила она, совершенно не сомневаясь в его согласии.

- Хорошо

Он повесил трубку и задумался. Предложение, конечно, интересное и перспективное, но резко бросать уже освоенное дело было страшновато, и он снова набрал номер. На этот раз «бабки Грицко»

- Эй, атаман, денег хочешь?

- Гой, Валя, и шо я в тебя такой влюблённый, - радость хохла просто зашкаливала.

- Не в меня ты влюблённый, а в гроши, - отбрил он: «Принимай заказ».

Вечером он вернулся, удивив таким фактом Аполлоныча, совсем не поздно и заварив крепчайшего чая, ушёл в свою комнату курить и думать. Как оказалось, жалобы на проблемы с бизнесом были несколько преувеличены. Поднявшись на финансировании «челноков», Вахтанг открыл несколько точек в Лужниках и плавно продвинулся до того, что смог, арендовав помещение бывшей булочной, открыть в нём небольшой магазин. А взаимовыгодное сотрудничество с таможней, организованное при содействии Вальки, дало значительный прогресс и возможность арендовать ещё одно помещение под магазин, но уже большей площади, с витринами на Ленинский. Оставить на руководстве старого Вахтанг, конечно же, предпочёл бы кого-нибудь из своих многочисленных родственников, но тут явно вмешалась мать.

Таким образом, ему предлагалось возглавить процесс реализации одежды и командование над тремя сотрудниками магазина. Директорский оклад был положен небольшой, но зато обещан процент от реализации, что Валька признал вполне логичным и согласился на предложение. Таким образом, завтра с утра он должен был приступить к работе, освободив Вахтанга для руководства ремонтом помещения нового магазина, готовящегося к открытию.

Помещение магазина находилось практически в том же виде, каким он помнил его с детства. Вахтанг только убрал один из прилавков, освободив пространство для стоек с одеждой, оставив второй, на котором находился старенький кассовый аппарат, и производилась продажа мелкого товара, типа рубашек, трусов и прочего неглиже. Раньше он не бывал нигде, кроме торгового зала и теперь с удивлением обнаружил, что скрытые от глаз посетителя помещения никак не меньше, чем сам зал. Две большие кладовки, плотно забитые мужской, женской и детской одеждой, перемешанной в невообразимую головоломку, туалет и маленькая коморка со стареньким диваном, столом и креслом, гордо именуемая себя кабинетом директора. Имелся даже «чёрный ход», выходящий во внутренний двор дома и служивший одновременно для принятия товара.

Торговля в принципе была отлажена, персонал вполне справлялся со своими обязанностями, и в его функции входило лишь наблюдать за процессом, принимать выручку и контролировать поступление товара. Все остальные вопросы с успехом решала старшая из продавцов Галина Ивановна, бывший преподаватель биологии средне-бальзаковских лет, на волне перестройки сменившая учительский стол на прилавок магазина. Помогали ей Татьяна, чуть старше его по возрасту, успевшая получить специальность продавца-кассира ещё в советском ПТУ, и совсем молоденькая хохотушка Арина, ухитрившаяся в эти голодные годы вырасти пышкой с ямочками на розовых щечках, находящаяся на испытательном сроке. То, что Галина Ивановна является доверенным лицом Вахтанга, он понял сразу, заметив как, проходя мимо неё во время обзорной экскурсии по магазину, хозяин привычным жестом огладил весьма обширную нижнюю часть спины женщины, а она только улыбнулась через плечо. Поэтому её настороженно-неприветливый взгляд во время его блужданий по магазину был вполне понятен. Впрочем, так же настороженно смотрели на него и Татьяна с Ариной, но он не обращал на это особого внимания, наблюдая, как идёт торговля, какие заходят клиенты и как с ними общаются продавщицы.

Так продолжалось три дня, пока его мозг, обработав накопленную информацию, не выдал некоторые идеи. Конечно, их решение не входило в его компетенцию, но перед

тем как озвучить их Вахтангу, было неплохо обсудить с теми, кому придётся всё это воплощать в жизнь. Поэтому, учитывая, что продавщицы работали в три смены, так чтобы в магазине всегда было двое, он прикупил бутылку лёгкого вина, и в пересменок пригласил их под предлогом «проставиться за вступление в должность и познакомиться» в свой «кабинет». Отказать начальству невозможно и выставив на витрину табличку «Учет до 16-30», они собрались за импровизированным столом.

Как всегда случается в свежесобранной компании, сначала разговор не клеился, но постепенно «игристое» развязало языки и они довольно мило поболтали ни о чём, пока вино не закончилось. Галина Ивановна заявила полушутя, что свою смену она отработала, поэтому имеет полное право на законный отдых и ушла, покачивая могучими бедрами.

- Пора и нам к прилавку, - поднялась Татьяна, а вслед за ней и Арина.

- Да, конечно, - согласился он: «Но Вас, Танечка, я попрошу задержаться. Арина пока сама справится». Толстушка хихикнула лукаво и выскочила из кабинета, а Татьяна, прикрыв за ней дверь, вздохнула и, обернувшись к нему, деловито спросила: «Приставать будете?».

- Буду, - в том же ключе ответил он: «Но только с вопросами».

Она, молча села, откинувшись на спинку дивана и положив на неё руку: «Интересно...»

- Я так полагаю, что уважаемая Галина Ивановна считается старшей только номинально, а основной воз приходится тянуть Вам.

Татьяна замерла на мгновение, а потом согласно кивнула головой.

- К тому же, как мне кажется между Вами и Вахтангом Акпаровичем существует некоторая напряженность в отношениях.

Она саркастически ухмыльнулась и прикрыла веки, соглашаясь с его мнением.

- Но поскольку Вы единственный здесь действительно специалист, то трогать Вас он опасается, - продолжил Валька развивать свою мысль и она снова молча, подтвердила правильность его выводов.

- Поэтому я хотел бы обратиться именно к Вам с просьбой помочь мне провести в магазине некоторые изменения, направленные на улучшение реализации товара и соответственно увеличение наших доходов, поскольку все мы сидим на проценте.

Татьяна задумалась, ненадолго, поглаживая ладонью подбородок и Валька привёл ещё один довод: «А Вам это ещё и поможет поднять свой рейтинг как профессионала, а Галину Ивановну лишит надежды избавиться от вас».

- Вы очень наблюдательны, Валентин Николаевич, - улыбнулась она, видимо приняв наконец-то решение: «Действительно, Вахтанг Акпарович пытался ко мне подъехать, но получил отказ. Причем в довольно резкой форме. Поэтому сюда поставили более сговорчивую Галю, чтобы научилась работать и в итоге заменила меня...»

- Но что-то у неё с учёбой не заладилось? - усмехнулся Валька.

- Я ей в учителя не нанималась, - подтвердила Татьяна: «Тем не менее, позиции её очень крепки, как вы понимаете».

- Полагаю, что в бизнесе профессионализм сотрудника более ценен, чем объём его ...таза, и Вахтанг не дурак, чтобы этого не знать.

- Надеюсь, - согласилась она: «Ну, что же. Задавайте свои вопросы».

- Первое. Я заметил, что иногда покупатели берут сразу по несколько одинаковых вещей...

- Да. Это мелкие торговцы свои точки снабжают. На некоторые товары у нас цена вполне лояльная.

- Вы их знаете?

- Конечно. Примелькались уже.

- Хорошо. Тогда следующий вопрос...

Они просидели почти два часа, обсуждая и споря, делая расчёты и опровергая их. Но в итоге примерный план был составлен и аргументирован цифрами. В результате, раскрасневшиеся и весьма довольные собой, они покинули кабинет, сопровождаемые

ехидным взглядом Арины. Ей нужно было продолжать работу, а он решил заехать в новый магазин к Вахтангу и поделиться их планом.

- Я скоро вернусь, - пообещал он девушкам: «Не балуйтесь тут без меня».

Арина только фыркнула смущенно, а Татьяна, провожая его до дверей, успела прошептать: «Кажется, она решила, что ты меня соблазнил, так что извини, если я тебя поцелую. Аринка по молодости наверняка проболтается, так пусть лучше Галька думает, что я твоя любовница, чем заподозрит в карьеризме». Он кивнул, соглашаясь и получив поцелуй в щеку, выскочил на улицу.

На Ленинском стоял дым коромыслом, в том смысле, что бригада рабочих сидела и курила, а запекавший их Вахтанг просто дымился от злости.

- Нэт, как это понимать? – от волнения у него даже начал проявляться национальный акцент: «Матэриал у них кончился. А ранше сказат можна была? У меня время – дэньги. Панимаешь? Да?»

- Об што кипешь, хозяин, - улыбнулся Валька.

- Шпатлёвка у них кончился, говорят, - продолжал кипеть Вахтанг: «Теперь сиди и жди, пока подвезут».

- Разве это проблема, - улыбка на его лице стала ещё шире: «Телефон есть? Сейчас всё решим». Потыкал пальцем в кнопки предоставленного аппарата, набирая знакомый номер: «Гриня, привет. Узнал?»

- А то! Як же тоби не узнать, кормилец, - громогласный голос хохла услышали даже стоящие рядом.

- Работа есть. Срочная. Нужно с Ленинского на рынок... Хотя, подожди, - он задумался буквально на секунду и подмигнул Вахтангу: «Нет, Гриня чуток не так. У тебя гроши е? Можешь купить четыре мешка шпатлёвки и привезти на Ленинский? За материал деньги верну сразу, плюс две цены за рейс».

- Могу!? – голос «атамана» едва не разорвал телефонную трубку: «Валя, я уже лечу к тебе! Только адрес уточни...»

Он вернул трубку радиотелефона Вахтангу: «И всего делов-то...»

- А не дорого «две цены»? – засомневался тот.

- Думаю, что простой целой бригады обошелся бы намного дороже, - заметил Валька и Вахтанг, подумав, согласился.

Возможно, потому что большой вопрос решился так легко и просто, Вахтанг выслушал его предложения очень внимательно. Сидел на ещё обтянутом целлофаном кресле в своём будущем кабинете и, покачивая ногой, смотрел, как Валька разливается перед ним не хуже соловья: «Первое. Кладовки забиты товаром под завязку, и продавцы тратят уйму времени на поиски нужного клиенту размера или фасона. А клиент устаёт ждать и уходит. Необходимо сделать инвентаризацию и разложить товар так, чтобы минимизировать время поиска».

- Согласен, - кивнул головой Вахтанг.

- Второе. На витрине висит всякое старье и наверно не первый месяц.

- Что же теперь, витрину каждую неделю оформлять?

- Да. А может и чаще. Чтобы висело самое свежее и модное. Более того, надо назначать «товар дня» и продавать его по минимальной цене.

Вахтанг промолчал, задумавшись, но амплитуда покачивания ноги снизилась.

- Дальше. На складе полно зимних вещей и с этим надо что-то делать.

- А что с ними делать? Полежат до следующей зимы, тогда и продам.

- Вахтанг Акпарович, - подпустил еля в голос Валька: «Это всё равно, что Вы бы отложили пачку денег в сторону, выведя их из оборота. Нужно устроить распродажу с хорошими скидками и превратив товар в деньги, снова превратить их в товар. Энгельса помните?»

- Энгельса помню, - согласился Вахтанг: «Проходили в институте».

- И ещё, - он перешёл к самой важной части: «В магазине отовариваются мелкие торговцы. Но берут по общей цене. А надо бы им скидку делать. Причём, чем больше берут, тем выше процент. Чтобы стимул был.

- Валя, да ты меня разорить решил своими скидками, что ли?

- Вахтанг Акпарович, - проникновенно произнёс Валька: «Ускоряя оборот, можно получить значительно больше денег, чем просто поддерживая высокие цены. Вот, посмотрите расчеты» и положил перед ним несколько исписанных листов.

Продолжая покачивать ногой, Вахтанг углубился в чтение и даже, достав калькулятор, что-то пересчитал, но постепенно амплитуда становилась всё меньше и наконец, нога замерла.

- Интересно получается, - он пристально посмотрел на Вальку: «Где ты всему этому научился? Такое ощущение, что Плехановский закончил».

- Жизнь такая. Пришлось научиться, - усмехнулся он: «К тому же мне Татьяна очень сильно помогла. Видите, все расчеты её рукой сделаны».

- Татьяна?

- Да. Между прочим, очень ценный работник. Таких беречь надо.

- Ладно. О Татьяне потом, - Вахтанг ещё раз мельком глянул на цифры и поднял на него глаза: «Мне это нравится. Действуй. Но если что, ответишь лично».

- А как иначе? - улыбнулся Валька. Другого он и не ожидал.

Ревизия, произведённая в магазине, выявила жуткую запутанность в учёте товара. Чего-то явно не хватало, зато другого было в избытке, но в итоге всё равно получилась недосдача. Галина Ивановна, подписывая акт, плакала и клялась, что всё произошло по неопытности и он пообещал, что Вахтанг об этом не узнает, демонстративно убирая бумагу в стол.

Чувствуя свою вину, Галина притихла и уже не так громко орала на девушек, а когда Татьяна, делая вид, что не замечает её взгляда, нежно погладила Вальку по щеке, вообще перестала повышать голос. Правда доложила Вахтангу про их отношения, но тот только шутливо пожурил его за «служебный роман». Валька промолчал, хотя ему и было что сказать про обнаруженную в ящике директорского стола начатую пачку презервативов. Пусть думает что хочет, ему интереснее воплотить в жизнь свой бизнес-план.

К распродаже он подготовился основательно. Договорился с буклетной мастерской и распечатал простенькие объявления на самой скромной бумаге, извещавшие народонаселение о предстоящей «ликвидации склада зимних вещей», дающей возможность экономии до двадцати процентов. Он хотел бы больше, но Вахтанг заартачился. Лично расклеил их возле метро, на трамвайных, троллейбусно-автобусных остановках и других людных местах. Попросил Арину нарисовать гуашью на старой простыне баннер с манящим словом «Sale 20%» и результат оправдал ожидания.

В первый день народ шёл ни шатко, ни валко, всё больше присматриваясь и опасаясь подвоха, но потом сработало «сарафанное радио» и процесс пошёл. Всего за три дня завалы пуховиков, курток, пальто и прочей уже неактуальной в тёплое время одежды были практически ликвидированы. Расчёт оказался верен. Если для Вахтанга эти запасы были временно замороженными средствами, то для людей наоборот выгодным вложением денег и подготовкой к будущей зиме. В результате, выручку от акции едва удалось впихнуть в полиэтиленовую хозяйственную сумку, которую он торжественно вручил обалдевшему от радости Вахтангу. Впрочем, он и сам был доволен. Причем, заметил с удивлением, что его привлекают не деньги, а сам процесс. Вроде как игра в «Монополию», но только в реальной жизни.

За всеми этими игрищами он даже позабыл о Венином долге, но Ильдар сам напомнил ему об этом, выразив желание встретиться для «важного разговора», и Валька, пользуясь служебным положением назначил ему встречу в кабинете директора магазина «Ваха и К°».

- Неплохо ты здесь устроился, - заметил «хитрый татарин», входя в кабинет, куда проводила его Арина: «Просто ударник капиталистического труда. Магазин твой?»

- Нет. Отчима, - ответил он, пожимая руку компаньона: «Я здесь директором».

- А «крыша» чья?

- Измайловские. А что?

- Могу получше предложить.

- «Солнцевских» что ли? Так это я и сам могу.

- Нет. Круче. «Ментов».

- Не понял, - удивился Валька. Уголовное понятие «крыша» и милицейские функции как-то не очень сочетались между собой.

- Чего тут непонятного. Платить нужно будет «ментам», а они тебя от всех проблем отмазывать будут. То же, что с бандюками, но практически на законных основаниях.

- Ладно. Передам Вахтангу, пусть думает. А ты о чем перетереть хотел? Или Веня должок вернул?

- У Вени проблемы, - Ильдар тяжело вздохнул: «Но он тебе предлагает в качестве оплаты телефон». Он достал из нагрудного кармана «Panasonic» ничем не отличающийся от обычного домашнего радиотелефона.

- Шутишь что ли? Эта хрень на пятьсот «бакинских» никак не тянет.

- Эта тянет, - он откинул «лопату» микрофона, открыв дисплей, и показал: «Смотри, вот здесь есть дополнительная кнопка и как только я её нажимаю, встроенная микросхема начинает поиск в ближайших окрестностях доступных домашних сетей. У тебя здесь, какой телефон?»

- Обычный, на проводе.

- Вот и замечательно. Говори номер, сейчас свяжемся.

Буквально через минуту раздался зуммер стоящего на столе аппарата и, сняв трубку Валька услышал голос Ильдара: «Алё, проверка связи». Было прикольно говорить по телефону с человеком сидящим напротив.

- Занятная штучка, - он повертел в руках взятое у товарища чудо техники: «Получается, что идёт подключение к сети тех радиотелефонов, что стоят в квартирах. Так?»

- Да. У них дальность действия до ста метров, а по Москве их чуть ли не через одного. Так что без связи не останешься. Причём, ему до лапочки «Sony» это, «Panasonic» или ещё что. Главное, чтобы был сигнал.

- Но на него позвонить нельзя?

- Увы... - Ильдар даже развёл руками: «До этого наши умельцы пока не додумались. Связь только односторонняя». Валька покрутил в руках аппарат и вернул: «Нет. Не возьму. Дорого». Что-то подсказывало ему, что торопиться не стоит. Наверное, интуиция...

- Я так и думал, что не возьмёшь, - улыбнулся Ильдар: «Веня явно планку задрал. Но надеюсь, ты не будешь сильно возражать, если я их пацанам на Дубровке предложу?» и насторожился. Вопрос, конечно, щепетильный. Всё-таки «поляна» Валькина, а он туда со своим товаром. Но тот, только махнул рукой: «Предлагай». Если бы без спросу полез, то было бы обидно, и можно было «тёрки» устроить, а так, по-джентльменски, без проблем.

- Только думаю, что пацаны не западут на это дело. Там Серый есть, а он деньги считать умеет, и я даже могу предсказать, что он скажет на твоё предложение.

- И что? - заинтересовался Ильдар.

- Скажет, что готов купить за «любую половину из вышеуказанной суммы». Так что посоветуй Венечке поубавить аппетит и намекни, что срок оплаты долга уже истёк.

- Валентин Николаевич, тут оптовик пришел, - прервала их беседу Татьяна.

- Хорошо, Танечка. Через пару минут освобожусь и захожу.

- Симпатичная женщина, - Ильдар скользнул взглядом по её крепкой попке и упругим икрам: «А у неё квартира есть?»

- Есть, - засмеялся Валька: «А в придачу муж и двое сыновей. Кстати, Арина тоже живёт с родителями и братом. Так что ищи жилплощадь в другом ауле».

Схема работы с оптовиками была уже отлажена. Татьяна приглашала покупателя в кабинет директора, где ему объявляли, что он является постоянным и самым любимым клиентом их заведения, а поэтому исключительно из личной симпатии ему предлагается просто сумасшедшая скидка, растущая пропорционально количеству закупаемого товара. Редко кому удавалось не заглотив такую наживку и список «привилегированных клиентов» неуклонно рос.

- А я-то здесь зачем? – удивлялась Татьяна, когда он каждый раз заставлял её присутствовать на таких переговорах: «Ты прекрасно и сам справляешься».

- А затем, что это будет ещё одной страховкой для тебя, кроме профессиональных способностей, - объяснил он: «Чтобы твоё увольнение было для Вахтанга чревато потерей розничной сети. Я ему уже сказал, что этим вопросом поручил заниматься тебе лично».

- Спасибо, - она коснулась губами его щеки, хотя бдительного глаза Галины Ивановны в наличии не наблюдалось.

Наличие телефона в кабинете директора имело ещё одно неоспоримое преимущество. Теперь он мог позвонить Ирме в любое время, не озадачиваясь поиском будки таксофона.

- Привет, синеглазая.

- Привет, Волшебник. Только глаза у меня голубые, а не синие. Это я так, на всякий случай, чтобы не перепутал с кем-нибудь.

- Что-то ты весёлая сегодня. Может, стоит об экономическом положении в стране тебе рассказать?

- Меня этим уже не испугаешь. А весёлая потому, что отца выписывают.

- А чего ж ты молчала? - спросил он и запнулся, вспомнив, что до сих пор не дал ей никаких своих контактов и связь у них односторонняя, как у Вениных телефонов. Почему он не сообщил ей хотя бы абонентский номер своего пейджера, Валька и сам не знал, но так уж получилось. Поэтому, чтобы замаять неловкость, он предложил: «А может мне его завтра в деревню отвезти?»

- Нам, - поправила она: «Это было бы здорово. А то он ещё слабенький по электричкам мотаться, да и продует, не дай Бог».

С утра потоптавшись в магазине, он позвонил Вахтангу и отпросился до конца рабочего дня, мотивируя личной необходимостью. Хозяин не возражал. В принципе, неважно есть директор на месте или нет, если всё отлажено и торговля идёт полным ходом. Не торопясь доехал до Кунцево, за Ирмой, а потом так же не спеша до больницы.

У шлагбаума дежурил совсем не тот охранник, что был в прошлый раз, но полосатая палка всё так же перекрывала проезд.

- Нам в четвёртый корпус. Больного забрать, - сообщил он ему.

- Пропуск есть? – спросил страж больничного покоя.

- Есть. Вот, - он протянул ему смятую купюру.

- Хороший пропуск. Надёжный, - подтвердил охранник, освобождая проезд: «Вам прямо и второй поворот направо».

- Спасибо. Мы знаем, - Валька плавно тронулся с места, улыбаясь своим мыслям о том, что есть всего два способа достичь нужного результата, это «ствол» и деньги, но с деньгами всё-таки приятнее.

Игорь Степанович, которого придерживая под руку, подвела к машине Ирма, был бледен и слаб, но бодрился, старательно улыбаясь Вальке, помогавшему устроиться на заднем сидении поудобнее и дочери, заботливо кутавшей его в плед. Потоптавшись

недолго в пробках, они выехали на Киевское шоссе, но словно компенсируя ночную гонку, ехали не торопясь, тем более, что узкая двухполосная дорога испещрённая ямами к особой резвости не располагала. Пользуясь хорошей погодой, он хотел слегка приоткрыть окно, чтобы впустить свежий воздух в салон, но Ирма погрозила ему пальцем, и он отказался от такой затеи, а заодно и от желания закурить.

Чтобы избежать повторения зимнего «сафари», Валька решил добираться окружным путём, через Боровский тракт и не ошибся. Снег, уже почти сошёл, сохраняясь лишь в прохладе леса и глубоких ложбинах, освободив для проезда добротный утрамбованный щебень просёлочной дороги. Конечно, ямы и прочие прелести грунтовок присутствовали, но на небольшой скорости «Шерька» преодолевал их легко, покачиваясь с боку на бок, как старый баркас. Даже Игорь Степанович от такой езды не испытывал особого неудобства, но на въезде в саму деревню началось. Скорее всего, именно здесь щебёнка закончилась или ушла на другие хозяйственные нужды, и колеса вязли почти по ступицу в непролазной грязи. Валька даже взмок от такого driftingа, но до барака всё-таки дотянул.

- О! Степаныча привезли! – радостно приветствовал их с крыльца какой-то хмырь средней степени подпитости: «Матвеевна, иди мужа встречай!»

Выскочила Дарья Матвеевна и с ней ещё какие-то женщины. Окружили, повели, бережно поддерживая радостно улыбающегося Игоря Степановича. Хмырь всё норовил помочь, но на него сперва цыкнули, а потом какая-то баба и приложила ему по морде. С оттягом, по мужски, так что бедолага сел на пятую точку и задумался.

- У вас в деревне все такие? – тихонько спросил у Ирмы, наблюдающий эту сцену Валька.

- А что? Уже страшно? – лукаво стрельнула в его сторону голубизной глаз она.

- Конечно, - признался он: «Вот так перепутаешь синеокую с голубоглазой и получишь вгрызло».

- Правильно. Бойся, - рассмеялась она: «А лучше всего, не путай».

Учитывая, что макушкой она едва доставала ему до плеча, действительно стоило бояться.

Игоря Степановича устроили на его кровати и Дарья Матвеевна занялась стряпнёй, шуганув сунувшуюся помочь Ирму: «Шли бы вы погулять». Они и пошли. Вдоль деревни, здороваясь с каждым встречным.

- Ты что их всех знаешь? – удивился он.

- Нет, конечно, - она по-хозяйски взяла его под руку: «Просто в деревнях так принято. А ты не знаешь?»

- Откуда? Мать у меня коренная москвичка. Отец в институт поступать приехал из Ростова. Тоже городской. Пару раз дачу снимали, пока маленький был, а так всё больше по пионерлагерям.

- А я всё детство здесь каждое лето отдыхала. Папа местный. Просто он в молодости уехал в Москву на завод работать, да там и остался. Встретил маму в фабричном общежитии.

- А мама откуда?

- Ой, мамуля издалека. Из Сибири. Кстати, она потомок ссыльных поляков, - Ирма на секундочку оторвалась от его руки, чтобы сорвать желтое солнышко первоцвета и добавила с гордостью: «Между прочим, она из дворян».

- Ага, так выходит ты полу-дворяночка? - пошутил Валька, наклоняясь, чтобы пополнить её букет.

- Полу-дворяночка, полу-крестьяночка, - засмеялась она: «А вообще-то, мой прадедушка графом был. Вот».

- О, Ваша Светлость, это ничего, что я пред Вами без шляпы и перчаток? – он демонстративно преклонил колени, под хихиканье пробежавшей мимо стайки подростков.

- Сегодня я добрая, поэтому прощаю, - с гордым поворотом головы соблаговолила сообщить она: «Целуй руку и встань с колен. Измажешься». Он коснулся губами кончиков пальцев протянутой руки и удивился, что кисть она подала так, словно её учили этому с детства. Грациозно и изящно. «Может и правда графиня», - подумал он, отряхивая штаны: «Только какая-то некультипистая».

Они дошли до края деревни и остановились.

- Вот и все наши достопримечательности, - грустно сказала она.

- Да, я заметил. Половина домов или заколочены, или полуразрушены, - подтвердил он.

- А когда-то была большая деревня. Колхоз был, станция МТС, магазин, два коровника...

- А это что? - он указал на пристроившиеся к околице несколько довольно свежих щитовых домиков.

- Дачное товарищество на заре перестройки здесь организовали, только оно быстро загнулось и дачники свои домики продали местным. Кстати, вон тот, с зелёной крышей папа с мамой купили и летом в нём обитают. А на зиму, чтобы не замёрзнуть в барак перебираются.

- Да уж... Как тут люди живут? - Валька задумался. Хоть и тяжело в Москве, а здесь вообще получалась не жизнь, а сплошное выживание.

- Так и живут. Кто в Москву на заработки мотается, кто со своего огорода продукты продает, но в основном, пьют беспробудно. Спиваются...

Лёгкий флёр печали, накрывший их, сохранялся и когда, они возвращались в Москву. Ирма обняла его правую руку и, хотя это мешало переключать передачи, отстранить девушку он не мог, предпочитая ехать медленнее, чем хотелось бы другим участникам дорожного движения, настолько приятны ему были спокойствие и умиротворённость исходившие от неё.

- Смотри, - она показала на мелькнувшую невдалеке церковь, освещённую последними лучами солнца: «Давай подъедем». Он молча свернул на просёлок и уже через пару минут остановился возле полуразрушенного здания. Они вышли из машины, но войти в храм было невозможно. Толстые тёмно-серые доски, почти брусья, крест-накрест приколоченные к входным дверям, перекрывали путь. В выбитых окнах кое-где торчала древесная поросль, осыпавшаяся штукатурка обнажила красную кирпичную кладку, в наступающем полумраке напоминавшую язвы на теле больного, а купола, лишённые крестов и покрытия, были похожи на вознесённые в безуспешной молитве костлявые руки.

- Страшно, - прошептала она, прижимаясь к его груди.

- Не бойся, - он поймал ход её мыслей и крепко обняв, добавил: «Всё будет хорошо. Всё. Будет. Хо-ро-шо». Ирма подняла к нему лицо, и он поцеловал её. Она ответила. Снова поцеловал. Снова ответила. Снова... чувствуя, как разгорается желание в ней и в себе.

- Давай отъедем куда-нибудь, - прерывисто дыша, попросила она: «Неудобно. Храм всё-таки...»

В этот раз всё оказалось значительно лучше. Он, по-прежнему, чувствовал её страх и неуверенность, но теперь к ним добавилась какая-то бесшабашность, и это помогло ей немного раскрепоститься. Однако, в самый ответственный момент откинута спинка сидения с треском провалилась вниз, нарушив всю гармонию процесса.

- Ну вот, машину мне сломала, - проскулил он и засмеялся.

- Сам сломал, медведь неуклюжий, - фыркнула она, перебираясь на заднее сидение и прикрывая наготу кипой снятой одежды.

- Кто медведь? - он гибко скользнул к ней и обнял всю целиком, вместе с укрывавшими её тело тряпками.

- Ты медведь, - пискнула она и подставила губы.

- Как же теперь ехать? – с удивлением спросила она, пытаясь в темноте разобраться в спутанном комке их одежды: «Держи. Кажется это твоё».

- Спасибо, - он надел свитер и потянулся за джинсами: «Нормально ехать. Лёжа».

- Неудобно же, - пожаловалась она, наконец-то отыскав своё платье и влезая в него.

Валька только фыркнул, подумав, что кому-то было очень даже удобно, причём только в чулках и короткой шубке: «Устраиваешься на заднем сидении, вытягиваешь ножки вперёд и кладёшь их на переднее». Он попытался помочь ей протянуть ноги поудобнее, но она резко отдернула их так, что задрался подол платья. «А вроде ничего себе ножки», - подумал он: «Хотя в темноте и не разберёшь».

- Ладно, сейчас что-нибудь придумаю, - он вылез наружу и, достав из багажника канистру с бензином, поставил её позади сломанной спинки: «Вот. Садись. До дома дотянем, а завтра машину в ремонт отгоню».

Возле её подъезда слонялась неясная тень, явно кого-то ожидая. Увидев Ирму, идущую впереди, тень сделала движение в её сторону, но заметив следующего за ней Вальку с сумками продуктов, резко отпрянула назад. Ирма прошла мимо, даже не повернув головы, а он повернул и наткнулся на полный злобы взгляд парня.

- Это что за «шнырь»? – поинтересовался он уже на лестнице, поднимаясь вслед за ней.

- Не обращай внимания. Мой бывший, - небрежно бросила она.

- Муж что ли?

- Нет.

Он замер, а она, повернувшись к нему лицом, кончиками пальцев приподняла его опущенный подбородок и, пользуясь тем, что стоит на ступеньку выше, посмотрела прямо в глаза: «Валя, неужели ты думаешь, что я все эти годы только и делала, что ждала тебя? Прости, но у меня были другие мужчины. И тебе придётся это принять. Только это всё было до тебя и теперь их не существует. Ты понял? Их больше нет». Она ласково провела ладонью по его щеке: «Зато есть ты».

- Можно я пойду и башку ему оторву? – попросил он насупившись.

- Дурак большой, - засмеялась она, вставляя ключ в замочную скважину: «Кому башку отрывать? Призраку? Я же сказала, их больше нет».

В квартире он обнаружил некоторые изменения в обстановке. Исчезло спальное место в коридоре, хотя сам Рашид со своей Гюйлой находились на кухне, употребляя что-то на ужин, там же у плиты суетилась и Аурика, а вот Светка, радостно выскочившая в коридор поприветствовать Вальку, под грозным взглядом матери, развернулась и с печальным видом отправилась доделывать уроки.

- Перестановка у тебя? – заметил он.

- Да. Сёстры на посевную к себе уехали, вот Рашида и переселила в их комнату, - ответила она: «Ты пока продукты на кухню отнеси, а я проверю, что там эта двоечница начудесить успела».

Он прошёл в указанном направлении и, протиснувшись между крутым бедром Аурики и смуглым плечом Рашида, начал переключать покупки в холодильник, попутно примечая какие из продуктов заканчиваются и что желательно прикупить в следующий раз. Видимо поэтому, не сразу заметил, что с приходом на кухню Ирмы стали происходить странные события. Сперва, покраснев как маков цвет, выскочила в коридор Гюйли, а следом за ней, фыркающая камышовым котом, и её муж. Аурика тоже продержалась недолго, и, прикрывая рот ладонью, чтобы как-то сдержать смех, покинула помещение.

- Чего это они? – недоумевающее посмотрела им вслед Ирма.

- Ерунда, - с лёгкой улыбкой ответил он: «Не обращай внимания. Просто у тебя платье наизнанку надето». Она взвизгнула и бросилась в ванну переодеваться.

- Ой, стыдобыща-то какая... - выдохнула она, возвращаясь уже в нормальном виде.

- Ну, что ты как маленькая, - успокоил он, разрезая рулет: «Все мы взрослые люди. Все всё понимают. Садись, лучше, чайку попей и Светку зови, а то, поди, оголодал мой детёнок с этой твоей учёбой». Ирма, услышав эту его оговорку, даже зарделась от удовольствия, и тёплая волна нежности окатила его с головы до ног.

Чтобы не тянуть волюнку с ремонтом сидения, заехать на Дубровку он решил сразу после того, как распрощался с Ирмой. Время позднее, но всё равно ведь в «конюшне» кто-то дежурит. Думал, придётся будить сонную тетерю, а оказалось, что нет. Бодрый и никак не спящий Серый, под светом фонаря что-то ковырял в «семёрке», объясняя клиенту суть своих действий.

- Потому и меняем генераторы со стартерами, что с заводов в продажу сплошной неликвид идёт. Я тебе сейчас сделаю, а через неделю реле-регулятор опять накроется, - он заметил Вальку и поприветствовал традиционно: «Оба-на! Что за чудо на ночь глядя?»

- Это я, твоя Совесть. Приехал сна тебя лишить, - в том же духе ответил он.

- Не ври, я свою совесть ещё в детсаду на жвачку сменял, - парировал Серый.

- Так что же мне теперь делать? – прервал их куртуазную беседу клиент: «Я уже любые деньги готов заплатить, чтобы только без проблем ездить». Вальке он показался чем-то знаком, а приглядевшись, он вспомнил, что этот солидный дядечка вроде бы юрист и они даже встречались в «конюшне».

- Иномарку бери, - посоветовал он, кивнув клиенту как старому знакомому.

- Заезженную не хочу, а то, что хочу не по карману, - тот с сожалением развёл руками.

- Есть тут один человек, - Валька прикинул, что он всё-таки партнёр по бизнесу у хитрого татарина: «Может сделать машину из Германии по о-о-очень привлекательной цене».

- Ты про Ильдара, что ли? – влез Серый.

- А то про кого же? Андрюха-то свои «тачки» давно продал.

- А действительно, поговори с парнем, может, и сойдётся, - предложил Серый: «А пока езжай и молись, чтобы твоё реле не накрылось за неделю».

«Семёрка» с обнадёженным клиентом уехала и Серый смог обратить внимание на проблемы Вальки.

- Здоров же ты трахаться, - покачал он головой, осмотрев сломанную спинку сидения: «Просто монстр какой-то».

- А с чего ты это взял? – демонстративно удивился он.

- Валушок, я не первый год машины чиню и лучше тебя знаю, отчего ломается «гребёнка» на жигулёвских сидухах. Или вес в сто пятьдесят с упором ногам в «торпеду», или два тела в активном движении.

- Сдаюсь. Прищучил, - согласился Валька: «Починить можно?»

- Легко. Завтра придёт Кержач и за полчаса сделает.

- А сегодня?

- Сегодня нет. Я как сварщик полное ...ничто, а тебе же крепко надо, чтоб для дальнейших подвигов. Так что снимаю сидение и катись.

- Согласен.

Серый полез с ключами в узкую щель под сидение, что-то там ковырял, а потом матернулся и вылез.

- Это что? – играя желваками на скулах, он показал Вальке нож, уже покрытый налётом ржавчины, на который ухитрился напороться.

- Трофей, - вспомнил он «торкнутого» пассажира с двумя подругами: «Чувак под дурью в салоне махать им начал и обронил случайно».

- Я не про это, - сердито перебил его мастер: «Почему оружие в непотребном виде и месте?»

- Извини, я про него совсем забыл.

Но Серый уже не обращал на него внимания, а уж тем более на сломанное кресло. Бережно держа в руках нож, прошел на свет, в бытовку, бормоча: «Какую вещь чуть не испортили, уроды».

- Да что в нём такого? – удивился Валька. Нож действительно красивый, но это всего лишь нож. Однако Серый думал совсем иначе.

- Это «дамаск». Рукоять из рога с отделкой серебром, - просветил он: «Вещица явно коллекционная. Такие в сарае на коленке не делают. Не знаю где твой «торчок» его надыбал, но явно, что не в магазине». Покрутил под светом лампы, посмотрел под разным углом, потёр подвернувшейся под руку ветошью и твёрдо вынес вердикт: «Оставь пока у меня. Реставрирую, а потом сам посмотришь».

- Не вопрос, - согласился Валька, удивляясь такому трепетному отношению к боевому железу.

Вахтанг вроде бы и рад был проведённой Валькой успешной реализацией товаров, позволившей значительно ускорить ремонт в помещении нового магазина, но повод для недовольства всё-таки нашёл: «Валя, ты меня из одной крайности в другую бросаешь. То у меня было товара навалом, а теперь наоборот не хватает. Оптовики разбирают так, что обычным покупателям мало что достаётся».

- Так это же хорошо, - возразил он хозяину: «Может, есть смысл вообще на мелкий опт перейти?»

- А магазины тогда мне зачем? Достаточно какого-нибудь сарая или старого гаража.

- Для представительности. И чтобы было, где посмотреть товар лицом.

- Хорошо, - продолжал сомневаться Вахтанг: «А товар где взять? Мои «челноки» столько не привезут».

- Так у этих «челноков» наверняка есть знакомые, которые занимаются тем же самым. Пусть распространят слух, что Вы скупаете чуть дороже, чем там, куда они обычно сдают. И вообще, пора найти человека, чтобы занимался именно вопросами поиска товара.

- Отдел снабжения открыть?

- Типа того.

- Ох, Валя, у тебя просто торговый дом какой-то получается.

- А разве Вы не к этому стремитесь? – искренне удивился он.

Вахтанг промолчал. Так высоко его мечты ещё не забирались.

Воспользовавшись служебным положением, он выбрал из хлынувшего валом нового товара для Ирмы самую модную в этом сезоне джинсовую куртку, расшитую блестящими стразами, а заодно и джинсовую юбку. «Макси», раз уж она так не любит демонстрировать ноги, но с разрезом из разряда «следуй за мной». Ошибиться с размером он не боялся, поскольку руки уже определили его довольно точно, а вот с туфельками было сложнее, и он решил подключить к этому делу Светку.

- Слушай, ребёнок, у меня есть к тебе дело особой секретности, - заговорщицки оглянувшись, сказал он, выбрав момент, когда мать отлучилась на кухню.

- Я не ребёнок, - строптиво возразила она.

- Тогда тем более, - он наклонился к ней поближе: «Ты можешь взять стельку из маминых сапог и обвести её по контуру на листе бумаги, а потом отдать его мне. Только так, чтобы она не знала».

- Могу, а зачем? – заинтересовалась Светка.

- Я хочу купить маме туфли, - он снова демонстративно оглянулся: «А с этим шаблоном мне будет легче подобрать нужный размер. Поняла?»

- Ага, - радостно согласилась она, едва не захлопав в ладоши.

- Только тсс... Это наш с тобой секрет...

- О чём вы там шепчетесь, партизаны? – в дверях стояла Ирма в своих традиционных безразмерных джинсах и мешковатой «ковбойке».

- О своём. О девичьем, - он повернулся к ней с самым невинным выражением лица, а про себя подумал ехидно: «Недолго тебе скрываться осталось».

Действительно, их связь продолжалась уже больше месяца, а он пока знал её тело только фрагментарно. Ну, там коленка... Гладкая. Талия... Есть. Грудь... Вполне и даже очень, но только на ощупь. А так чтобы «Ирма В Полной Комплектации» и без упаковки, не получалось. Обидно же...

Получив заветный лист бумаги, он перенёс рисунок на картон и вырезал из него точную копию стельки. С покупкой сапог для Наташки этот номер прошёл удачно, поэтому была надежда не ошибиться и в этот раз. Но зато теперь встал вопрос, какую выбрать модель обуви, поскольку в этом он разбирался ещё хуже, чем в размерах, и здесь требовалось мнение специалиста.

- Танечка, Вы мне не поможете? – он высунулся из кабинета в торговый зал.

- Да, конечно, Валентин Николаевич, - она прошмыгнула к нему в кабинет, оставив Галину Ивановну одну.

- Мне нужно подобрать пару женской обуви, - почему-то слегка смущаясь, попросил он: «Ну, чтобы модная была, удобная и всё такое».

- Без проблем. Какой размер?

- Вот, - Валька протянул её картонную стельку, и она даже покачала головой, восхищаясь мужской находчивостью, но определила чётко: «Тридцать седьмой».

- Откуда такая уверенность? – удивился он.

- Так видно же, - Татьяна даже пожалала плечами: «Притом, что и у меня такой размер». Она, придерживаясь за его локоть, сняла туфлю и балансируя на одной ноге, вложила внутрь шаблон: «Вот, пожалуйста. Один в один».

- Отлично. Значит можно будет на Вас... то есть на тебя подобрать, - они уже давно договорились, что обращаться на «вы» будут только при посторонних, но Валька всё продолжал путаться.

- Можно. Подо что подбирать будем? Платье? Костюм?

- Юбка джинсовая, чуть ниже колен.

- А ноги у неё длинные?

И тут он задумался. Действительно, какой длинны у неё ноги? У Наташки сразу видно, что длинные. А у Ирмы? Вот бы узнать..

- Станный вы народ, мужики, - рассмеялась она: «Даже этого определить не можете. Тут ведь дело в том, что если она длинноногая, то можно взять на небольшом каблучке, более удобные. А если ноги короткие, то и каблук нужен высокий, чтобы оптически увеличить длину ног. Аксиома же...»

Он снова промолчал, пытаясь сообразить, но ни одна одежда, в которой Ирма появлялась перед ним, не позволяла определить этот параметр.

- Ладно, зайдём с другого бока, - улыбнулась Таня: «Хотя бы рост своей девушки ты знаешь?»

- Мне по плечо будет.

- Значит невысокая, - констатировала она: «Тут однозначно высокий каблук нужен. Вопрос только в том умеет ли она ходить на каблуках».

- Научится, - грозно пообещал он.

В дверь тихонько постучали: «Танечка, Арина пришла».

- Иду, Галина Ивановна, - ответила она и подмигнула Вальке: «Кажется, мы ей дали ещё одно доказательство нашей связи».

- Так мы и ещё дадим, - усмехнулся он: «Сдавай смену, и прямо сейчас махнём в обувной на Гагарина. Это рядом, а я на машине. Могу потом и домой подбросить».

- Давай, - согласилась она: «Только домой меня отвозить не надо, а то ещё и муж подозревать начнёт, а мы с тобой так не договаривались».

Вечером, по дороге в Кунцево, он периодически косил взглядом на пакет с одеждой и раскрытую коробку с туфлями, лежащие на пассажирском сидении. Туфельки были как с картинки, Татьяна явно выбрала то, что ей самой понравилось больше всего, и он уже мысленно представлял себе, как обрадуется Ирма обновке. А если захочет отблагодарить каким-нибудь образом, то Кержач сказал, что приварил усиленную «гребёнку» и теперь на сидении можно даже слона ...возить. Но её дома не оказалось, хотя и договаривались.

- Ирма стричь пошла, - сообщил открывший ему дверь Рашид: «Просила пождать».

- Давно ушла?

- Полчаса-час. Не знаю. Просила пождать.

Он заглянул к Светке и показал обновки, но пресёк её восторг, сообщив, что поскольку это сюрприз, то сумку нужно спрятать под её кровать, а потом ушёл на кухню, чтобы не мешать решению задач по математике своими подсказками. Налил себе чаю и закурил, стоя у окна. К вечеру погода испортилась, и мелкий морозящий дождь в свете фонарей, словно паутина окутывал голые ветви деревьев. Даже смотреть на это было неуютно, невзирая на тепло квартиры и Валька начал нервничать, представляя как она там одна пробирается через непогоду по тёмным улицам. Он посмотрел на часы. Прошло уже сорок минут с момента приезда, а её всё не было. Снова достал сигарету, решив, что докурит и пойдёт её искать, но не успел. Ирма появилась во дворе сама и почти бегом проскочила в подъезд.

- Замёрзла? – спросил он, открывая перед ней дверь за мгновение до звонка и раскрывая объятия, но она ускользнула, лишь мимолётно коснувшись губами его губ.

- Нет. Но переодеться нужно срочно, - Ирма скинула сапоги, бросила на вешалку куртку и проскочила мимо него в ванну, прихватив с собой его «любимое» трикотажное платье. Минут через пять вышла, уже в этой хламиде, вытирая лицо полотенцем.

- Бррр... Это просто ужас какой-то, - доложила она.

- Что случилось?

- Представляешь, позвонила бабулька и сказала, что у неё завтра юбилей, дети-внуки приедут и нужно срочно подстричься. Я и пошла. Стригу, а у неё вши. Вот такие, - она показала размер, как рыбак показывает длину не пойманной рыбы: «Ужас» И копошатся. Бррр...»

- Бррр... - согласился он.

- Вот я решила сразу одежду замочить в порошке, на всякий случай. Чаю хочу.

- Готов. Зови Светку. Я торт привёз и ужин разогрел.

- Свет, торт будешь? – крикнула она и почти тотчас из комнаты появилась дочь с радостно-боевым воплем: «Тортик! Тортик! Тортик!»

- Но сначала котлету с картошкой, - осадил её мать и повернулась к Вальке: «Ты будешь?»

- Спасибо, я сыт, - соврал он.

- А с огурчиком? А с солёным? – ехидно прищурившись, начала искушать она: «Дарья Матвевна делала. Вкусные...»

- Ох, кума, ты и мёртвого уговоришь, - усмехнулся он, сглатывая слюну: «Ладно, только из уважения к Дарье Матвевне».

Наконец, котлеты были съедены, чай выпит, а Светка отправлена спать. Разбрелись по своим углам и Аурика с узбекским семейством. Наступило то редкое время, когда они могли побыть наедине. Ирма уже успела ему намекнуть, что именно сегодня природа её женского организма протестует против поездок на автомобиле с целью «покурить» и Валька, расслабившись на стуле у приоткрытого окна, закурил.

- И мне прикури, - попросила она, закончив мыть посуду и вытирая руки кухонным полотенцем. Он достал из её пачки тоненькую сигарету и, чиркнув зажигалкой, протянул девушке. Ирма встала сзади и, прижавшись к его спине грудью, затянулась. Некоторое время они, молча курили, наблюдая сказочный калейдоскоп дождевых

капель кружившихся в порывах ветра. Он, замерев, наслаждался, ощущая спиной теплоту её груди и животика, а она меланхолично играла пальчиками с его волосами.

- Вошки есть? – шутя, спросил Валька.

- Нет, - усмехнулась она: «Но зарос ты капитально. Просто йети какой-то».

- Это ты ещё Серого не видела, - засмеялся он: «Вот где тебе работы непочатый край».

- Кто такой Серый я не знаю, - она запустила пальцы в его шевелюру: «Но тебя подстричь нужно. Снимай рубашку».

- Зачем? – удивился он: «У меня грудь не волосатая».

- Я в курсе, что не волосатая. Просто у меня парикмахерской манишки нет, и волосы могут попасть за воротник. Потом обчешешься. Раздевайся, я сказала».

Он снял рубашку и был посажен на табурет посреди комнаты. Ирма долго щёлкала ножницами вокруг его головы, что-то мурлыча себе под нос и периодически отвлекаясь на то, чтобы погладить его плечи под предлогом стряхивания упавших на них волос.

- Всё. Готов красавчик, - доложила она. Пользуясь случаем, огладила его спину, отряхивая несуществующие волосинки, и попросила: «Отойди, я подмету».

- Спасибо, - он надел рубашку и отлучившись в комнату, достал из-под кровати мирно спящей Светки пакет с вещами.

- Держи. Это тебе, - он протянул ей подарок.

- Что это? – насторожилась Ирма.

- Оплата за полученное мной удовольствие и потраченное тобой время и здоровье, - пошутил Валька, но она шутки не поняла. Насупилась и мгновенно превратившись из белой и пушистой в злую и колючую, процедила сквозь плотно сжатые зубы: «За удовольствие мне платить не надо. А стригла я тебя бесплатно». И отвернулась к окну.

- Ты хоть посмотри, что это, - попросил он.

- Не хочу, - резко ответила она, продолжая что-то высматривать за оконным стеклом. Молчание затянулось. Он хотел подойти к ней и как-то объяснить свои слова, но волна отторжения просто отбросила его назад.

- Ладно. Поеду я, пожалуй, - со вздохом сообщил он.

- Езжай, - голос её был холоден как лёд: «И «оплату» свою заведи».

- Не заберу, - вспылал он: «Если не нравится, можешь выкинуть. Или Аурике отдай». Развернулся и, подхватив с вешалки куртку, хлопнул дверью.

То ли от того, что с Ирмой поссорился, то ли из-за отсутствия свежего воздуха, но Валька загрустил. Сидеть день-деньской в кабинете и разрабатывать новые бизнес-планы по обогащению Вахтанга стало уже неинтересно. Видимо, наигрался в свою «Монополию» и душа рвалась на трассу, где скорость и ветер в лицо. Может потому предложение Ильдара смотреться в Гомель и пригнать оттуда «Мерседес» для Василича он воспринял с энтузиазмом.

Юриста всё-таки допекла его «семёрка» своими постоянными поломками и он договорился с Ильдаром о покупке машины «у граждан Республики Беларусь».

- Нам-то с ним не с руки самим ехать, - оправдывался Ильдар: «У меня сессия, а Василич вообще по жизни в закрутке. Выручишь?»

- Да не вопрос, - радостно согласился он: «Только скажи Михасю, что «поляну» мне накрывать не надо, да и переночевать я смогу в гостинице попроще. Будем экономию наводить».

- Спасибо. Загляни к Василичу в контору за доверенностью и можешь выезжать. «Тачка» уже ждёт, - потёр руки довольный Ильдар и чтобы окончательно подвести итог, спросил: «Оплата как обычно? Или со скидкой?»

- Пусть будет со скидкой, - добродушно разрешил Валька: «Ты же мне, как посреднику, долю с продажи отстегнёшь?»

- Отстегну... - погрузнел Ильдар.

А что? За подгон клиента положено.

Гомель встретил его сырой погодой. Намного теплее, чем в Москве, но туман, накрывший город, вызывал общее ощущение зябкости и желание укутаться потеплее. Михась даже печку в своём «Гольфе» включил. Зато и мотаться по «точкам» не пришлось, поскольку машина была всего одна – «МВ-250», 1986 года выпуска с сумасшедшим пробегом в 700 тысяч.

- Странно. Ильдар сказал, что цвет «золотистый металлик», а тут какой-то канареечный, - удивился он такому расхождению с полученной информацией.

- Это плёнка, - успокоил Михась и даже показал слегка отклеившийся уголок возле фары: «Машина из берлинского такси, вот и желтая. Зато, если плёнку ободрать и краску полирнуть, как новая будет».

- Неплохо, - согласился он: «Документы, как обычно, к вечеру?»

- Да. Всё будет готово.

- Так может я в ночь и рвану?

- Не стоит. Лучше с утра, - возразил Михась.

- Думаешь на засаду смогу нарваться?

- Не исключено. Правда, после того как Ильдар мне о том случае сообщил, я «бригадиру» капнул и он туда своих пацанов послал.

- Ну что?

- Да ничего. Переломали им рёбра, а «Нивы» в болоте утопили. Так что пока тихо. Но мало ли кто ещё с голодухи на охоту выйдет. Переночуешь спокойно, я тебе местечко тихое подобрал.

Тихое местечко оказалось пригородной деревенькой, утопавшей в начинающих зеленеть садах, скрывающих от любопытных взглядов обшарпанные стены обмазанных глиной, когда-то белоснежных домиков.

- Тут моя знакомая живёт, - пояснил Михась, подъезжая к крайней в деревне хате: «У неё год назад муж на заработки поехал, да погиб. Осталась с двумя детьми. Помогаю. Иногда работу подкину, иногда продуктов или денег. Вот теперь решил тебя ей в качестве постояльца сосватать».

- А удобно?

- Когда денег нет, всё удобно, - подвёл итог Михась, останавливаясь возле дома: «Яна, выходи. Я тебе жилья привёз».

На крыльце появилась женщина, закутанная в чёрный вдовый платок по самые брови, и с лёгким полупоклоном сделала приглашающий жест рукой: «Прошу в дом». Слово «прошу» она произнесла на польский манер с ударением на «О». Ничего удивительного, если граница рядом.

- Добре жицы, Янина, - поприветствовал её Михась.

- Дзякую, Мяхась Якубович, - тихо ответила она, не поднимая глаз, и провела через разделяющий дом на две части коридор в левую половину.

- Тут летня светлица и печки нема, но я калорыфер поставила, - пояснила она уже для Вальки: «Располагайтесь, отдыхайте, а я поесцы сготовлю».

- Спасибо, я не голоден, - успокоил он. Она лишь кивнула и направилась к выходу.

- Меня, кстати, Валентином зовут, - сообщил он ей вслед. Так же молча, она повернулась к нему и кивнула, подтверждая, что услышала его имя.

- Здорово её, видать, приложило, - он посмотрел на дверь, за которой скрылась фигура в застиранном платье и бесформенной вязаной кофте.

- Да. Я с её мужем работал когда-то. Красавец был, весёлый, сильный. Все бабы по нему сохли, а выбрал он её. Когда весть пришла, что его в Смоленске убили, так убивалась, что боялись, руки на себя наложит. Но сейчас вроде бы отходить начала, - Михась вздохнул и протянул ему руку: «Поеду я. К вечеру привезу документы и сразу машину сюда пригоню, чтобы утром не дёргаться».

Валька растянулся на предоставленной в его распоряжение широкой кушетке. Судя по внутреннему убранству дома, когда-то здесь жили совсем не бедно, но без мужского

догляда всё постепенно начало ветшать. Покосилась полка на стене, провисли струны, на которых висели занавески и даже дверцу шкафа, видимо имеющую тенденцию открываться по собственному желанию, зафиксировали сложенным клочком газеты. Он потянулся и попробовал уснуть, но равномерный звук ударов, раздающийся снаружи, заставил его подняться и выйти во двор.

Виновником шума оказалась Янина, пытающаяся колоть дрова большим и тяжелым топором. Как он понял, запасы топлива за зиму были израсходованы, и теперь она пыталась пополнить их, расколов несколько самых сучковатых и твёрдых поленьев, до которых осенью просто не дошли руки. Он подошел и молча, взял у неё из руки топор: «Я помогу». Она, всё так же не глядя на него, выпустила из рук отполированное долгой работой топорщице и, кивнув, ушла по своим делам. Он взмахнул своим орудием и насмерть засадил его в твёрдую древесину. Кое-как смог выдрать колун и ударил снова. Постепенно работа увлекла его, и он даже разделся по пояс, чтобы успевал испаряться пот, обильно заливавший спину. Поленица, сложенная из нарубленных им дров успела вырасти выше колена, когда закончились комли, но тут же сзади раздалось тихое: «Паесцы хочите?»

- Не откажусь, - сознался он. Она слила ему из кувшина и, подав рушник, молчаливой тенью скользнула в дом. Валька надел рубаху и проследовал за ней в «зимнюю» половину дома, где на столе уже поджидала крынка и блюдо с какими-то пирогами, на которые жадно глазел мальчуган лет пяти. О наличии второго ребёнка говорила старая коляска в углу. Яна положила ему в миску простокваши и подала ложку, потому что пить этот деревенский напиток было невозможно. Только есть. Причём именно с пирогами домашней выпечки. Нагуляв аппетит, он набросился на еду, но глядя, как жадно поедает пироги сидящий напротив мальчуган, поумерил пыл. Похоже, что всё это было приготовлено к его приезду, а в обычные дни, кормёжка была намного скуднее.

- Дзякую, Янина, - поблагодарил он, и она снова только кивнула в ответ. Вышел на крыльцо и огляделся: «Что бы тут такого ещё починить?» А простор для деятельности был необъятный.

Как оказалось, дрова, которые он колот, были предназначены не для отопления дома, а для бани, куда его пригласила хозяйка уже ближе к вечеру. Просто подошла, оторвав его от ремонта двери в хлев, и тихо сказала: «Лазня гатовая». Он сначала даже не понял о чём речь, но Янина, жестом пригласив его следовать за собой, привела в невысокое, рубленое из брёвен строение позади дома. Эта баня кардинально отличалась от того, что он видел раньше. Вместо электрокамина на булыжники которого можно было плескать воду, добрую часть помещения занимала каменная печь, одна из стен которой являлась стеной парилки, оставляя довольно большое пространство для предбанника с бочкой воды, шайками и удобными лавочками для отдыха, стоящими перед столом на котором красовался запотевший кувшин и пара глиняных кружек.

Янина, ничуть не стесняясь его присутствия, стянула через голову платье, оставшись лишь в длинной полотняной рубахе и своём вдовьем платке, а затем отвернулась, давая возможность раздеться и ему. Вообще-то, в Валькины планы водные процедуры не входили, но коли уж хозяйка для него постаралась, то грех было обижать её отказом, и он разделся. Правда, щадя нравственность Янины, обмотал чресла лежащим на лавке куском белого полотна, став похожим на древнего римлянина или грека.

В парилке нажарило так, что трудно было дышать, но Валька из гонора залез на самую верхнюю полку и замер, потихонечку осваиваясь в новой атмосфере. Она пристроилась в стороне, на полку ниже и, видимо вспомнив, сняла с себя крестик странной формы, похоже, что униатский, и, поцеловав, отложила его в сторону. Постепенно организм адаптировался к жаре, но коварная хозяйка, прихватив ковшиком из стоящей на полу бадьи какого-то настоя, щедро плеснула на раскалённые камни. Душистый пар взвился к потолку, едва не ошпарив ему уши и нос, так что

Валька с визгом перепрыгнул на полку ниже и услышал её смех. Звонкий, словно серебряный колокольчик. Но когда он посмотрел на неё, Янина уже сидела, скромно опустив глаза, и лишь ямочки на щёках говорили о том, что ей весело. «А ведь молодая ещё», - с удивлением заметил он.

А потом началось сущее издевательство. Она разложила его на полке и начала хлестать распаренным берёзовым веником, периодически окуная его в бадью и брызгая каплями на каменку. Сквозь застилавший глаза туман, он видел, как гибко движется её тело, под прилипшей к коже рубахой, но в этом не было ничего сексуального. Просто девушка выполняла свою работу и выполняла её хорошо.

Отхлестав его до того, что кожа просто пылала, хозяйка выгнала распаренного в предбанник, ничуть не смущаясь того, что набедренная повязка осталась на полке и заставила окунуться в бочку с ледяной водой. Валька ещё подумал, что от его вопля, возможно, переполошилась вся деревня, но ощущение того, что тысячи мелких иголок разом вонзаются в его тело, было феноменальным. Затем он был снабжен новым куском полотна, напоен свежим берёзовым соком и оставлен отдыхать на лавочке. Сама же Янина, правда, повернувшись к нему спиной, стянула мокрую сорочку и надела другую, словно в помещении и не присутствовал совершенно чужой мужчина. Валька деликатно отвернулся, но успел заметить какая у неё крепкая, без единой капли лишнего жира, фигура.

Второй заход был повторением первого, разве что Валька позволил себе более пристально разглядывать девушку, тем более, что мгновенно промокнувшая от пота и облепившая её тело сорочка позволяла видеть всё, вплоть до тёмных пятен сосков и треугольника внизу живота. Она по-прежнему не смотрела на него, отводя глаза, однако взгляд почувствовала и даже попыталась сменить позу, но он, уловив её недовольство, отвернулся сам. Видимо рассердившись на его нескромность, во второй раз она отхлестала его так, что он едва смог выбраться из парилки самостоятельно и лишь бочка с ледяной водой смогла вновь привести его в чувство.

- Может мне Вас веничком попарить? – предложил он. Кто знает, не исключено, что по их деревенским традициям так положено? Но Янина только отрицательно покачала головой, подавая ему очередной кусок полотна.

После третьего захода Вальке показалось, что он стал лёгким и невесомым, а воздуха может вдохнуть столько, что оставит планету без атмосферы. Каждая клеточка тела вопила о своей чистоте, а в голове не осталось никаких мыслей. Ни плохих, ни хороших. Янина подала ему льняную рубаху с вышивкой по вороту, такие же широкие штаны, очень прикольно сочетавшиеся с его ковбойскими сапогами, и препроводила в предоставленные гостю апартаменты: «Спочивайте». Он согласился с таким предложением, и едва упав на кушетку, провалился в глубокий сон.

Разбудил его голос Михася, о чём-то разговаривавшего с Яниной. Он потянулся от удовольствия и обнаружил своё тело укрытым пёстрым лоскутным одеялом, на немного жёсткой но уютной кушетке, в комнате деревенского дома, наполненной предвечерними сумерками. Вылезать из этого уютного гнездышка не хотелось совершенно, но дела не могли ждать и он, покинув лежбище, босиком и в национальной одежде прошёл в «зимнюю» половину.

- Выспался? – улыбнулся ему Михась: «Янина знатная банщица».

- Как заново родился, - сознался Валька, покосившись на «знатную банщицу» молча и сноровисто собиравшую на стол. Получалось, что пока он дрых бессовестно, девушка не только успела вымыться сама и отмыть сияющего чистотой сына, но и приготовить угощение гостям.

- Вот. Держи, - Михась протянул ему пакет документов и ключи: «Машина у ворот. Бак полон».

- Спасибо, - он задумался: «Может прямо сейчас, и поехать, раз уж всё готово? Утром в Москве буду». Краем глаза заметил, как при этих словах она на мгновение замерла,

но Михась его убедил в обратном: «Куда ты, на ночь глядя? Сейчас покушаешь, самогонки выпьем, отоспишься. Или ты Янины боишься?»

- Нет. Что ты, - он покосился на девушку, сменившую платье на более новое, но по-прежнему закутанную в чёрный платок от бровей до подбородка: «Только давай без самогонки, а то мне утром за руль».

- А вот здесь я с тобой не согласен. За «напиём» от бабки Гарпины от самого Бацьки приезжают. Бо полезна. И утром никакого запаха, - он достал из кейса простую бутылку с зеленовато-золотистым содержимым и самодельной деревянной пробкой.

- Ешьцы, буди ласка, - пригласила к столу хозяйка, откидывая крышку с пышущей жаром сковороды жареной картошки с грибами.

Чувствовалось, что бабка Гарпина большой специалист в своём деле, потому что продукт её деятельности проваливался в желудок, словно глоток воздуха с лёгким ароматом укропа, оставляя за собой горячий след и желание непременно повторить. Янина не пила, но они и вдвоём почти прикончили поллитровку, когда за окном раздался сигнал автомобиля.

- Это за мной, - пояснил Михась, разливая по рюмкам остатки напитка: «Давай, за успех нашего бизнеса».

- Нет, возразил Валька: «За бизнес мы пили ещё в прошлый раз. Давай за нашу хозяйку выпьем. Я такого блаженства никогда не испытывал. За здоровье её и счастье». Он поднял рюмку, но в этот момент Янина подняла глаза, а он потерял дар речи. Потому что на него смотрели прозрачно-голубые и бездонные глаза Ирмы.

Он вышел на крыльцо проводить товарища и постоял ещё минут пятнадцать в вечерней прохладе, глотая горький дым сигареты и пытаясь успокоиться. Как же она его так заколдовала, что в других её глаза мерещатся. И ведь непохожи между собой ничуть. Эта высокая и крепкая, а та миниатюрная и хрупкая, а поди ж ты...

- Вы ни змерзли? - тихо спросила Янина, выглянув в приоткрытую дверь.

- Ни. Дзякую, - на автомате ответил Валька, прикуривая следующую сигарету: «Сейчас приду».

Когда он вернулся в дом, остатки еды со стола практически были убраны, и хозяйка занималась тем, что мыла посуду в большом медном тазу. Он взял со стола бутылку и понюхал горлышко. Запах алкоголя практически не ощущался, а состояние после выпитого напоминало скорее лёгкую эйфорию, случающуюся с горожанами, глотнувшими чистого лесного воздуха.

- Выпить хотите? - мгновенно среагировала она.

- Не отказался бы... - теперь они поменялись ролями. Он отводил взгляд, а она нет.

Яна достала с полки точно такую же, но полную, и поставила перед ним. Потянулась за уже помытыми стопками, но на миг задумалась и убрала бутылку обратно.

- Знаете, я такса з вами выпью, - по возможности подбирая русские слова, сказала она, доставая совершенно другую ёмкость с красновато-бордовым содержимым: «Толька то мне не можно, бо мати кормяща, и выпьем друге».

Этот напиток скорее напоминал ликёр своей густотой и ароматом. Но крепостью самогону не уступал, потому что голова сразу закружилась.

- Ооо... Какая вещь великолепная, - искренне восхитился он.

- То целебно. На травах настояно, - объяснила она: «Бабка Гарпина кажет, шо ён и мёртвого подымет». В этот момент захныкал ребёнок в коляске и тотчас из-за занавески выскочил старший мальчонка и бросился к брату, но Янина отослала его обратно и, взяв малыша на руки, моментально успокоила. Прошлась по комнате, покачивая на груди и что-то напевая тихонько, а затем аккуратно переложила его в кроватку.

- Спать пора, - он с сожалением посмотрел на часы, но они показывали только половину девятого.

- А может ещщо? На сон, - предложила она.

- Пожалуй, - соблазнился Валька. Она налила ему полную, а себе чуть-чуть и подняла рюмку: «Мне много не можно. На сон».

- На сон, - как эхо повторил он и снова вышел на крыльцо курить.

Этот напиток был не только вкусен, но и неплохо грел. Даже вечерняя прохлада и лёгкая одежда не могли выстудить согревающий его изнутри живой огонь, а вот курить совсем не хотелось, но он мужественно дососал сигарету до фильтра и вернулся в дом. Открыв дверь в «зимнюю» половину, он замер на пороге. Янина, уже в длинной сорочке, стояла на коленях перед иконами и молилась. Правда чёрный платок был заменён на белый и не так плотно обегал её голову, но всё равно придавал ей вид монашки на покаянии. «Спокойной ночи», - тихо сказал он, заметив, что она обнаружила его присутствие. Янина медленно повернула голову и кивнула ему в ответ, не отрываясь от общения с Богом.

В комнате он сразу же завалился на кушетку, рассчитывая немедленно уснуть, но не тут-то было. Жар, сжигавший его изнутри, заставлял ворочаться, комкая одеяло, а подушка, казалось, была наполнена раскалёнными углями. Устав от собственных телодвижений Валька встал и попробовал открыть окно. Старая рама заскрипела, прикипев с осени, но наконец, поддавшись и со скрежетом приоткрылась, впустив в помещение свежий холодный воздух.

- Што случилось? - раздался сзади встревоженный голос поспешившей на шум хозяйки. В темноте комнаты она напоминала привидение в длинной сорочке и накинутом на голову платке.

- Извините, я хотел окно открыть. Душно, - попытался оправдаться он, но Янина не ушла, а подошла ближе и остановилась рядом с ним, словно не замечая, что он не одет. От неё пахло молоком и травами. «Сельский парфюм», - подумал он.

- То можно, - согласилась она и, повернувшись к нему, добавила со вздохом: «Вясна».

Свет полной луны, едва поднявшейся над кронами деревьев сада, осветил её лицо и заставил глаза зажечься ярким голубым огнём. Валька с трудом проглотил застрявший в горле воздух и поцеловал её. Она не ответила, но по дрожи едва касавшегося его плеча понял, что поцелуй не прошел бесследно и снова приник к её губам. Она опять не ответила, но тело девушки, словно самопроизвольно прильнуло к нему. Платок соскользнул с головы, открыв уложенную в баранку светло-русую косу. На третьем поцелуе её губы не выдержали и, дрогнув, чуть приоткрылись. Он прижал её к себе, чувствуя как дрожь девушки, начинает пробираться и его, но в этот момент она отстранилась и даже слегка отодвинулась, упираясь ладонями в его грудь.

- Почекай трохи, - попросила она, с трудом переводя дух. Сняла с шеи крест и, поцеловав его, отложила на подоконник, а затем, спустив рубаху с плеч, выскользнула из неё, как рыбка из воды, и уже полностью обнаженная, закинув руки ему на плечи, впиалась в губы.

Отдышавшись и едва остыв от бурных ласк, она отодвинулась и села на кушетке, уткнувшись лицом в поджатые к груди колени.

- Янка-а-а... - тихим шепотом позвал он, кончиками пальцев погладив белоснежное в полумраке комнаты плечо. Она вздрогнула и, оторвавшись от коленей, повернулась к нему. Растрепавшиеся косы упали ей на грудь, скрыв лицо в тени, откуда двумя голубыми огнями светились глаза.

- То не я, - тихо сказала она: «Не Янка. То моя женска суть». Она гибко легла рядом с ним и, схватив его руку, приложила ладонью к груди. Он начал аккуратно ласкать её, а девушка, застонав от удовольствия, горячо зашептала: «Ты не бойся, миль. Мощней топчи. Моя грудь уж год не ведала мужични ласки».

Янка как всадница сидела на его чреслах, с трудом пытаясь восстановить дыхание. Бледный лунный свет, пробивавшийся в окно, ложился бликами на мокрую от пота кожу, и её тело казалось мраморным, как у античных статуй. С трудом распутав косы,

она распустила их, и водопад волос укрыл её почти целиком до самых бёдер. Хватило даже, чтобы несколько прядей легли ему на грудь.

- Ух, ты... - восхищенно выдохнул он, а Янка, собрав свой шелковистый водопад, откинула его за спину, предъявив Валькиному взору полные груди с мокрыми от выступившего молока сосками.

- Мой муж называл мяне ведъзмай, - гордо сказала она: «Колдуньей, по-вашему».

- Так ты и правда ведьма, если смогла меня околдовать, - засмеялся он.

- То не я. То Гарпинин напой, - созналась она и лукаво усмехнулась: «Я ж тебе яго специально дала, бо вин и мёртвых подымае».

- Коварная! – возмутился Валька, скидывая всадницу и подминая её под себя: «Мало того, что околдовала, так ещё и отравить хотела. Ты знаешь, что я с тобой за это сделаю?»

- А шо? - с наигранным простодушным, она распахнула глаза, скромно отворачиваясь, но тут же со стоном прикусила губу, когда он резко вошёл в неё.

Это было очень хорошо, что дорога в Москву легла лёгкая и спокойная, потому что за мыслями о Янине он навряд ли бы заметил, что кто-то сел ему на хвост. Перед глазами стояли то её грудь, колыхающаяся в такт движениям, то грива распущенных волос, разметавшаяся по подушкам, то ослепительное под лунным светом колено возле его щеки. В ушах продолжал звучать её полубезумный шепоток и сдавленные стоны на излёте страсти, которые она пыталась сдержать, до крови кусая губы. И как же это всё не сочеталось с той Яниной, которая утром вышла его провожать в длинном платье, накинутой на плечи кацавейке и туго затянутом черном платке. От той, ночной Янки она отличалась только тем, что больше не прятала от него глаз, но поцеловать себя на прощание так и не разрешила.

На пейджере, кроме свежих заказов, он обнаружил сообщение от Грини. Пан атаман просил срочно связаться с ним по домашнему телефону, в любое время дня и ночи.

- Вот же хохол неуёмный, - проворчал он, глядя на часы. Половина двенадцатого. Вроде ещё не так поздно.

- Алё, атаман, шо за кипешь в нашем борделе? – поинтересовался он, когда на том конце провода сняли трубку.

- Плохи дела, кормилец, - печально сообщил Грицко: «Закрывают нашу лавочку. Баста».

- Да, это не есть гуд, - посочувствовал Валька: «Ну а я-то чем могу помочь?»

- Возьми нас к себе, отец родной, - от волнения атаман даже забыл родной язык и перешёл на русский: «Не побрезгуй! А уж мы тебе пригодимся. Отработаем».

Валька задумался. Этот процесс у него обычно был связан с некоторой паузой в разговоре, необходимой для того, чтобы треск, возникающий от хаотичного движения мыслей по извилинам мозга не давил на барабанные перепонки. Впрочем, алгоритм был уже отработан и процесс не затягивался надолго.

- Алё, Гринь, - окликнул он своего собеседника: «Ты ещё здесь?»

- Аха. И жду с нетерпением, шо гайдук горилки.

- Давай, ты коней не гони, а завтречка с утраца перехлестнёмся на Дубровке и всё перетрём, - предложил Валька.

- О, це добре, - согласился атаман.

Валька положил трубку и погруженный в свои мысли прошёл на кухню за чаем. Это атаман теперь может спать спокойно, а ему предстоит просчитать, как можно использовать сложившиеся на шахматной доске жизни расположение фигур с максимальной пользой для себя и окружающих. Пока что перспективы обнадеживали.

Глава X

Вверх и вниз по амплитуде

«Весна, это, несомненно, хорошо. Солнышко светит, птички чирикают и на душе радостно. Одно плохо – потом сапоги от грязи отмыть забодает», - так думал Валька, пробираясь через Дубровское бездорожье на засекреченный автосервис, обещавший стать ещё более секретным по мере обрастания деревьев и кустарника свежей листвой.

Пёсий дозор встретил его привычным лаем, переходящим в радостное повизгивание и появившимся вслед за зверями Четвёртым.

- К-коробку передач с-сам сделал, - радостно сообщил он, протягивая Вальке свою медвежью лапищу.

- Молодец, - похвалил он парня, припомнив, что ещё совсем недавно Никеша матерился на семь этажей с прихватом за поставленные задом наперёд синхронизаторы: «А монстры где?»

- З-здесь, - доложил бугай: «Б-бэху» колупают.

- Каку таку «Бэху»? - удивился Валька. Когда вчера поздно вечером он пригнал и оставил «Мерседес» никакого «BMW» и в помине не было. Только трезвый, и от этого грустный Кержач.

- С-сегодня утром пригнали. Б-битая...

В боксе под светом старых люминесцентных ламп Валька сразу узнал «325-ю», которую гнал из Гомеля и выразил своё удивление громким и отчётливым: «Вау!»

- Ты смотри, кого нам пердячим ветром принесло, - обратил внимание напарника на его появление Никеша.

- Да. Запашок чувствуется, - согласился Серый: «Но что поделаешь, загнивающий капиталист».

- И вам не сдохнуть, господа пролетарии, - галантно ответил на их приветствие Валька.

- По-моему у мальчика зашкаливает борзометр, - предположил лохматый.

- Давно в чужих руках не обсерался, - поставил диагноз его напарник: «Есть предложение утопить его в толчке». И мастера дружной шеренгой двинулись на него.

- Эй, тихо-ша, стоять-бойца, - осадил их порыв Валька: «Я готов принять любую смерть из ваших щедрых рук, но сперва скажите, шо делает эта «тёмная лошадка» на благородной «конюшне», иначе я сдохну от любопытства ещё до утопления в сортире».

- Сам погляди, - предложил Никеша, махнув рукой в ту сторону машины, которая не была видна Вальке. Он зашёл с другого борта и присвистнул. Крыло порвано, на двери вмятина и оконечник бампера, висящий на честном слове. Картина Репина «Приплыли».

- Я так полагаю, что Венечка не вписался в поворот? – выдвинул он версию.

- Правильно полагаешь, - подтвердил Никеша: «Снёс с бебням забор и приехал жаловаться, что его обижают».

- А денег он вам привёз? - поинтересовался Валька и уши Серого сразу встали торчком, примерно как у волчонка Жорки.

- На запчасти принёс, а остальное, как обычно после ремонта, - последовал несколько настороженный ответ: «А что? Он, между прочим, сказал, что твой кореш».

- Его кореша в овраге лошадь доедают, - безапелляционно заявил Валька: «С этим козлом только по стопроцентной предоплате. Он мне ещё за перегон «пятихатку» должен».

- Уууу... Говорил же я тебе, что мне его рожа не нравится, - Серый даже замахнулся на Никешу: «А ты всё «тачка крутая», «чувак солидный», «бабки есть»...

- Не сцы, лохматый. Куда он от нас денется? – успокоил его товарищ: «Сделаем «тачку», переведём на парковку, включим «счётчик», как миленький деньги найдёт».
- А у него тут на много денег? – поинтересовался Валька.
- Да нет. Фигня делов. Крыло меняется, дверь правится, бампер Серый запаяет. «Баксов» на четыреста. Но мы ему «полтарашку» выставили.
- Ай-ай-ай, - сокрушённо покачал он головой: «Моего «кореша» и на полторы «штуки» зелёных денег развели. Как не стыдно».
- Валя, я ж тебе и говорю, шо мне его рожка сразу не понравилась. Мамой клянусь, - оправдался Серый: «Ну и подстраховаться надо. Сам же говоришь, что козёл».
- Там делегация п-пришла, - доложил, выглянувший на очередной собачий брех Четвёртый.
- Какая ещё делегация? – удивились мастера.
- К-китайская д-делегация...
- Это ко мне, - небрежно махнул рукой Валька: «Вы тут работайте пока. Не отвлекайтесь».
- Серый, а можно я его убью? – донеслось ему вслед.
- Нельзя, Никеша. Этот вид оборзевших придурков занесён в «Красную книгу».
- Пан атаман Грицко, Ни Разу Не Таврический, заявился не один, а со всей своей «бандой». А именно: Валеркой – молодым парнем послеармейского возраста, Николаем, чем-то отдалённо напоминавшим Никешу, но без изломанных рук и Петровичем – жилистым мужиком предпенсионного возраста с пронзительным и умным взглядом выцветших от времени серо-голубых глаз.
- Итак, что мы имеем в активе? – поздоровавшись, начал совещание «отец родной» и «кормилец» в одном лице: «Я так понял, что контора ваша кирдык-сиктым, как говорили в Золотой Орде, и вы хотите, чтобы я взял на себя ваши проблемы. А что вы можете предложить мне кроме большой и мучительной головной боли?»
- Четыре профессиональных водителя на четырёх трёхгодовалых «Нексиях», одна из которых в грузовом варианте, - Гриня заговорил по-русски чисто, без акцента, что указывало на серьёзность беседы.
- Но машины, как я понял не ваши, а фирмы, и их ещё необходимо выкупить?
- Верно. Согласно контракту мы имеем приоритет взять их по остаточной стоимости, но засада в том, что их «остаточная стоимость» несколько ... эээ превышает наши возможности.
- Короче говоря, денег не хватает. А я вам что? Кредитный банк?
- Валя, но мы подумали, что раз уж у тебя есть магазин, то и поможешь...
- Конечно, Вальке польстило, что его считают владельцем магазина, но разубеждать Гриню не стал. Лишний козырь в рукаве на переговорах не помешает. Даже если он фальшивый.
- Сколько нужно? – деловито спросил он, окинув «банду» взглядом: «Только по чесноку и без понтов. Сколько у кого есть? А то обидно будет при расчёте по карманам мелочь собирать».
- Озвучили суммы. Валька быстро в уме сложил и, прикинув стоимость четырёх потрепанных машин, понял - не хватает примерно половины.
- Маловато будет, - подвёл он итог. За последнее время у него скопилась вполне солидная сумма денег, достаточная для покупки автомобиля, но на всю сумму нужную для выкупа машин, рассчитывать не приходилось. Конечно, оставались варианты занять у Вахтанга, организовать концессию с дубровской командой или втянуть в очередное партнёрство Ильдара, а может быть даже Коляныча, но это всё было в перспективе.
- Сколько у нас времени? – спросил он у народа, трепетно ожидавшего итога его размышлений.
- Месяц. Только позавчера объявили, - Грицко почувствовал, что категорического отказа не будет и явно повеселел.

- Добро. Беру две недели на поиск денег, а потом встречаемся и решаем уже по пунктам кто, сколько и на каких условиях. Если договоримся, то действуем. А пока советую поскрести по сусекам и собрать «бабки» в кучку. Можно даже что-то продать из лишнего.

- Например, обручальные кольца, - с ехидцей во взгляде влез в разговор Петрович и Валька понял, что его история с первоначальным взносом за «Шерьку» успела стать легендой и не только он собирает информацию о тех, с кем имеет дело.

- Можно и кольца, - улыбнулся он: «Если лишние».

- Дуже добре, - хохол расслабился и снова перешёл на «ридну мову»: «Я так и думав, шо ты нам поможеш».

- Посмотрим, как фишка ляжет. А пока помогу только заказами. Принимай, Гриня, адреса. Работаем, парни.

Подъехав к магазину, он обнаружил, что в его отсутствие персонал начал самовольничать. По крайней мере, команду отмыть витрины от зимней грязи он не давал и вид Арины с ведром воды и шваброй, оттирающей стёкла, явился полной неожиданностью.

- Субботник? – шутливо спросил он, поздоровавшись с девушкой.

- Ага, - радостно улыбнулась она.

- Галина Ивановна поручила?

- Нет. Я сама, - с некоторой обидой в голосе ответила девушка.

- Молодец, - Валька достал из кармана пару купюр и засунул ей в карман передника: «Инициатива должна быть наказуема. Держи премию».

- Ой, ну зачем, Валентин Николаевич, - от смущения она даже покраснела: «Я ведь просто, чтобы красиво было».

- Правильно мыслишь, - согласился он: «А будешь спорить с начальством – оштрафую». Он давно уже предлагал Вахтангу создать «фонд поощрения», но получил отказ. Хозяин предпочитал управлять с помощью кнута, совершенно игнорируя пряник.

В магазине всё было по-прежнему. Те же полки и стойки с товаром, Та же грузная фигура Галины Ивановны за прилавком. В общем, скукота. И мимоходом кивнув продавщице, он прошёл в свой кабинет думать о более интересных вещах. Например, где достать денег и что делать с этим свалившимся на его голову счастьем, под названием «таксопарк», если деньги найдутся. Механически постукивая по столу рукоятку отреставрированного Серым охотничьего ножа и уставившись взглядом в одну точку, он гонял мысли по извилинам мозга, раскладывая ситуацию так и этак. С деньгами пока не складывалось, а вот с машинами получалось, что если дать объявление в газету «Из рук в руки» и другие, аналогичные издания, то скучать парням не придётся. Особенно радовало наличие в строю грузового варианта. Тут даже объявление давать не надо. Доставка мелких партий товара по магазинам уже востребована.

В дверь заглянула Татьяна, пришедшая на смену Арине. Поздоровалась, но обнаружив шефа погруженным в себя, мешать не стала, и ушла в зал. Валька просидел так весь день, даже забыв про обед, перейдя от глубокомысленных размышлений общего плана к точным расчетам на бумаге. Получалось красиво.

От работы его отвлёк только грохот чего-то упавшего в торговом зале и испуганный крик Татьяны. Он выскочил из кабинета и заметил, как Галина Ивановна с необычайной прытью, нырнув в дверь кладовки, закрыла её за собой. Причина такой активности старшего продавца стояла в центре зала и нагло улыбалась. Трое. Явно «бандюки». Один постарше, видимо командир, здоровенный «бычара» - боевик и худощавый подвижный парень,двигающийся как на шарнирах. У стены, прижавшись к ней спиной стола бледная от страха Татьяна.

- Чего бузим, парни? – стараясь говорить как можно добродушнее, спросил он, тиская в кармане пульт от сигнализации, и мысленно благодаря Серого за идею сделать дублирующую кнопку тревоги. После того, как магазин перешёл под «ментовскую крышу» под прилавком была установлена кнопка, подающая сигнал в ближайшее отделение милиции, но он не был уверен, что от неожиданности и с перепуга его сотрудницы успели её нажать.

- Ты что ли здесь начальник? – спросил его старший «бандюган», смерив холодным волчьим взглядом.

- Ну, я. А в чём проблемы? – он старался говорить спокойно, хотя внутри всё тряслось.

- Это у тебя проблемы, мужик, - усмехнулся бандит и тут же влез мелкий и шустрый: «Братва интересуется, почему «грева» не шлешь. Оборзел или «крышу» решил сменить?» Был он нервный и дёрганный, явно под кайфом.

- Это не ко мне вопросы, а к хозяину, – стараясь тянуть время, ответил он: «Забивайте «стрелку» и перетирайте по понятиям, а мы здесь не при делах».

- Забьём, не волнуйся, - зло пообещал старший: «А пока покажем, что бывает с теми, кто нас не уважает». Он кивнул «быку» и тот ударом ноги опрокинул ещё одну стойку с одеждой, а мелкий скользнул к Татьяне: «Котян, смори какая цыпочка. Дай я её попользую в счёт будущих заслуг». Девушка стояла бледная как мел, прижавшись спиной к стене, едва не теряя сознание от страха и отвращения. «Дура, лучше бы ссутилась», - мелькнула в его голове мысль: «А то так грудь точит, что только провоцирует гада».

- Ну, попользуй, - небрежно разрешил старшой, продолжая гипнотизировать Вальку ледяным взглядом: «От неё не убудет».

- А вот это вы зря, - заметил Валька. Он уже успокоился и загнал противное чувство страха, сосавшее под ложечкой, так далеко, как только мог: «Товар дербаньте, а её трогать не моги».

- Вот только тебя спросить забыли, - заржал «шнырь» и рванул на Татьяне ворот блузки, обнажив розовый бюстгальтер скрывавший женскую грудь, но тут Валька взорвался. Прыжком преодолел разделявшее их расстояние и чётко, как боксёрскую грушу приложил наглеца в челюсть.

- Котян, он меня ударил, - пожаловался мелкий своему начальнику, поднимаясь с пола, и щелкнул выкидным ножом, заорал: «Попишу, сука!!!»

- Стоять, - скомандовал старшой, доставая из кармана кастет: «Спрячь «перо», Пуля. Мы этого фраера и так отделаем как Бог черепаху».

Валька озверел. Встал, закрыв собой девушку, и приготовился. Терять было нечего, и он выпустил своего «зверя» наружу. «Успеть бы Таньку в сторону оттолкнуть, а дальше будь что будет», - подумал он, глядя в глаза надвигающимся бандитам, но в этот момент с треском распахнулась дверь, и первым получил милицейской дубинкой по голове «бычара», стоявший к ней ближе всего. Дальше пошло без церемоний. Подоспевший вовремя наряд моментально оценил обстановку и действовал решительно. Дубинками по голове, берцами по рёбрам, а потом в наручники и по машинам.

- Успели? – спросил лейтенант в «броннике», снимая шлем.

- Вовремя, - Валька сглотнул горькую слюну: «Спасибо».

- Не за что, - буднично ответил «мент» и посмотрел на судорожно всхлипывающую Татьяну, прижавшуюся к Валькиной груди: «Как девушка?»

- Нормально, - он погладил её по голове, успокаивая: «Испугалась сильно».

- изнасилование было? – деловито спросил лейтенант.

- Нет.

- Тогда запишем ограбление и попытку изнасилования. Им лет на пять хватит.

Татьяна никак не могла успокоиться, и наводить порядок пришлось Галине Ивановне. Она сидела в его кабинете, сжимая в кулаках ворот выданной им новой

блузки, словно боялась, что чьи-то наглые руки могут снова его порвать. Горячий чай и шерстяной плед никак не могли унять её дрожь и Валька, вспомнив об успокоительной методике «психологов» с Дубровки сбежал в ближайший магазин за коньяком.

- Я вообще не пью, - пыталась упираться она, но Валька всё-таки заставил принять полстакана, а затем сел рядом и, обняв за плечи, прижал к себе. Ничего личного. Просто профилактика от стресса. Научился уже. И действительно, её тело расслабилось, а хлюпанье носом прекратилось.

- Давай я тебя домой отвезу, - предложил он: «Сдам мужу с рук на руки, как самого ценного работника».

- Хорошо, - она даже попыталась улыбнуться: «Только даже не знаю, как об этом Витьке рассказать. Он же взбесится и пойдёт этих козлов убивать».

- Вот пусть лет через пять и убивает, а пока они будут дрова пилить на благо родного государства, - он сходил за её пальто, и бережно обнимая за плечи, отвёл в машину.

- На сегодня закрываем магазин, - подал он команду Галине Ивановне, проходя мимо: «А завтра как обычно. Всего доброго».

- До свиданья, Валентин Николаевич, - едва не согнувшись в поклоне, попрощалась она. «Вот же гнилая тётка», - промелькнуло у него в голове.

По дороге она всё время норовила прижаться к его плечу, а он и не возражал, однако по мере приближения к дому, дистанция начала увеличиваться, причём, по её инициативе.

- Что так рано? - целуя её в щёку, спросил крепкий седоволосый мужчина, открывший им дверь, и покосился на Вальку.

- Ой, Вить, я тебе потом всё объясню, - устало вздохнула она: «Познакомься. Это Валентин Николаевич, наш директор».

- Виктор, - протянул ему крепкую руку муж Татьяны.

- Валька, - он сразу сократил дистанцию и, отвечая на рукопожатие, добавил: «Таня Вам сама всё расскажет, а это...» - он достал из-за пазухи начатую бутылку: «...это лекарство. Возможно, оно ещё пригодится». Виктор недоумевающее посмотрел на них обоих и пожал плечами, помогая жене снять пальто.

- Ну, я поеду, пожалуй, - предложил Валька не желая мешать семейной идиллии: «Таня, можете три дня в магазине не появляться. Отдохните».

- А кто же работать будет? - удивилась она.

- Не беспокойтесь. Я вместо Вас постою за прилавком. Надеюсь, не сильно обсчитаюсь.

- Спасибо, - она протянула ему руку, а он под недоверчивым взглядом Виктора не решился её поцеловать и ограничился рукопожатием.

Обратный путь домой пролегал через Таганку и Валька притормозил на Интернациональной, возле дома отца. Вроде бы не поздно заглянуть на огонёк, а то как бы совсем про него не забыли. Правда, без звонка неудобно... Хотя, чего неудобного? «Про Немли всё известно и её присутствие в квартире Наташки не будет шоком, да и Алёнку давно не видел», - думал он, не рискуя признаться даже самому себе, что заскучал о её маме: «Пожалуй, стоит заехать».

Кулёк конфет к чаю, по русской традиции не приходит в дом с пустыми руками, и вот уже звонок весело сообщает о его прибытии. Наташка открыла сразу. Похоже, что и в глазок не посмотрела: «Ой, Валька, какой сюрприз». Обняла его тёплыми руками и поцеловала в щёку, а вслед за ней в коридор выскочила и сестричка, с радостным визгом повиснув у него на руках.

- Извини, я без звонка. Просто мимо проезжал.

- Ничего. Сам виноват. Будешь смотреть на меня, не накрашенную и страшную, - со смехом ответила она и, покачивая бёдрами, направилась в кухню, а Валька с Алёнкой на руках следом. Конечно, гостей она не ждала и поэтому занималась домашними

делами. Обрядившись в старые спортивные штаны и застиранную майку, раздумываясь от пара, гладила на кухне бельё.

- Подождёшь, пока я закончу? – не то спросила, не то предложила, берясь за утюг и продолжая работу.

- Конечно, - он присел на стул у окна и, покачивая на колене сестричку, стал наблюдать как она сильными, точными движениями утюга превращает смятую поверхность простыней в гладкую и ровную. Старая, тесная майка с трудом вмещала её выдающиеся формы, а привычка не носить бюстгалтер многократно усиливала эффект этой картины.

- Ну, что молчишь? – словно почувствовав его взгляд, она прервала молчание: «Расскажи, что у тебя нового?»

- Ничего особенного... - он рассказал о своих последних приключениях, естественно, без пикантных подробностей. О том, что сейчас работает у Вахтанга, который строит новый магазин.

- Вот бы тебе его дизайном заняться, - пожалел он: «А то Ваханг там сплошную лепнину с золотом устроил, аж глаза режет. Сплошная безвкусица».

- Ты ведь понимаешь, что мне неудобно, - ответила она, не отвлекаясь от белья: «К тому же сейчас две квартиры делаю, не считая центрального офиса. Некогда. А ты кем у него работаешь?»

- В старом магазине команду, - сознался Валька и, не удержавшись, рассказал о сегодняшнем происшествии. Этот рассказ произвёл на неё настолько сильное впечатление, что даже отставила в сторону утюг и слушала, впившись в него своими серо-зелёными глазами, прикусив от волнения губу.

- Ой, Валька, ну и дела у тебя творятся, - выдохнула она с облегчением, когда он закончил рассказ, и пожалела Татьяну: «Бедная девочка».

- Ерунда. Главное, что всё нормально закончилось.

- А ты просто герой, - Наташка подошла к сидящему с Алёнкой на коленях Вальке и, не стесняясь дочери, крепко обняв за плечи, прижала его голову к груди: «Я тобой горжусь».

- Да ладно... Герой... - засмутился он, слушая частый стук её сердца под майкой: «Просто бывают ситуации, когда по-другому нельзя».

- Вот за это я тебя и люблю, - она отпустила его и поцеловала в лоб: «Ну, его, это бельё. Потом доделаю. Давай лучше чай пить». Свернула недоглаженное, и унесла куда-то в комнату, а вернулась уже в другой, менее откровенной майке, видимо сделав поправку на его взгляды. Поставила чайник на плиту и спросила: «Может, ты есть хочешь?»

- Да, - честно признался он: «С утра маковой росинки во рту не было».

- А я-то, клуша, тебя разговорами почую, - засуетилась она, метнувшись к холодильнику: «Героев ведь кормить надо!»

- Правильно, - подтвердил он: «И не реже трёх раз в неделю».

Мысли о том, где достать денег на выкуп автомобилей для Гришкиной банды совсем извели его мозг. Самое простое было смотаться в Гомель и пригнать оттуда что-нибудь и тут же продать. На это денег хватило бы, а если учесть, что взять можно напрямую, без посредников и не тратиться на оплату перегона, то вполне можно было бы получить две цены. Но времени, отпущенного на поиск денег, было катастрофически мало.

Вахтанг? После инцидента в магазине он приобрёл у отчима солидный авторитет, но в кредите скорей всего откажет или попросит взять в долю с грабительским процентом. Кто ещё? Ильдар? Тоже в компаньоны попросится. При этом ещё неизвестно есть ли у парня деньги. Скорей всего в обороте крутятся. Разве что попробовать организовать концессию на Дубровке.

С этой благой целью он и заглянул вечером за серый забор, скрытый разросшимися деревьями. И очень вовремя. Потому что кроме мастеров наткнулся ещё и на Венечку,

пришедшего принимать свою машину из ремонта. Валька поздоровался в традиционном стиле и скромно присел на лавочку наблюдать, как клиента в лапти обувают. «Бэха» стояла как новенькая. Свежеокрашенные крыло и дверь блестели в лучах заходящего солнца, словно лакированные, а на бампере и под микроскопом невозможно было найти следов аварии, но Вениамин привередничал. Ходил вокруг, чуть ли не с лупой рассматривая восстановленные детали, зачем-то заглянул под крыло, но придраться к работе так и не смог.

- Ну что, принимаешь машину? – устало спросил Серый, которого такое поведение клиента порядком нервировало.

- Да, - подтвердил Веня.

- Тогда «бабки» на капот, получай ключи и катись до следующей аварии, - объявил не менее раздраженный Никеша.

- А можно я потом заплачу, - жалобно попросил клиент.

- Утром деньги, вечером стулья, - меланхолично заметил Серый, но Валька чувствовал, что внутренне его просто трясёт от злости.

- Ты езжай за деньгами, а мы твою машинку пока здесь припаркуем, - так же спокойно пояснил Никеша: «Пятьсот за ночь, сутки – «штука». И может хоть до второго пришествия стоять. Машину ты принял, так что бесплатный сыр закончился».

Вениамин явно опешил от такого поворота дел и не нашёл ничего лучшего, чем снова приняться за исследование автомобиля. Минут пять добросовестно водил носом, а потом радостно изрёк: «Вот здесь!».

- Что? – заинтересовался Серый абсолютно уверенный в качестве своей работы.

- Старая краска от новой отличается, - возликовал клиент: «Старая матовая, а новая блестящая».

- Так она и блестящая, потому что старая от времени уже потёртая, - возразил Никеша.

- А я хочу, чтобы совпадало! – капризно заявил Вениамин: «Сделаете, вот тогда и приму». Валька почувствовал, что ещё чуть-чуть и Никешин кулак проверит морду придирчивого клиента на прочность, но тут вмешался Серый.

- Добро, - он небрежно сунул сигарету в зубы и чиркнул зажигалкой: «Базара нет, сделаем. Завтра приходи всё будет готово».

- Но если завтра не придёшь, за парковку счётчик всё равно включим, - процедил сквозь зубы Никеша.

Вениамин ушёл, а Серый, плюнув ему вслед: «Ну, и козёл», - взорвался.

- Четвёртый! – заорал он, откинув недокуренную сигарету: «Где ты, мать твою? Тащи ведро воды и тряпку! Я, блин, сейчас этому щусёнку мокрохвостому покажу «совпало»!

Бугай быстро принёс требуемое и мастер, намочив тряпку, поелозил ею по грязному асфальту стоянки, а затем начал с остервенением тереть покрашенные детали, под громогласный смех Никеша и Кержача.

- Чего это он? – не понял Валька и Никеша, едва сдерживая смех, объяснил, что старые детали не так блестят как новые, потому, что их уже несколько лет «полирует» дорожная пыль и грязь. И вот сейчас этот процесс Серый сократит до пятнадцати-двадцати минут. Действительно, уже через полчаса «работы» новое крыло ничем не отличалось от старого.

А вот по вопросу организации концессии результат получился отрицательный. Никеша вроде бы заинтересовался предложением, но Серый что-то прикинул в уме и заявил: «Нам это не интересно. Тогда придётся им машины бесплатно чинить и бензином снабжать. А это весь доход съест. Вот взять их на обслуживание по льготой цене, это мы всегда, пожалуйста».

Ну и ладно. С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Про Андрюху Серый сказал, что тот денег даст, но процент потом замучает, а если что, то он обычно не церемонится своих вышибал прислать. Так что не вариант.

Следующий по списку был Ильдар, но Валька не успел ему позвонить, как компаньон нарисовался сам.

- Сильно занят? Заехать можно?

- Давай. После обеда.

А с чего бы ему быть таким занятым? Торговля идёт, девчонки своё дело знают, да к тому же ещё добровольный охранник появился.

Он даже вздрогнул, когда Виктор неожиданно возник рядом с ним. Шёл себе спокойно к магазину, по пустому тротуару и вдруг. Упс! А он уже рядом: «Привет, Валентин».

- Привет.

- Поговорить надо бы...

- Не вопрос.

Сели в скверике напротив и для начала закурили. Вернее сказать, закурил Валька, а Виктор достал зубочистку и стал её грызть. «Лет двадцать назад курить бросил. Это помогало», - объяснил он столь странную манеру: «Курить бросил, а привычка осталась».

- Как Татьяна? - спросил Валька для приличия, хотя она уже несколько дней как вышла на работу, и он прекрасно видел, что последствия налёта исчезли. По крайней мере, внешне.

- Нормально, - ответил Виктор: «Спит плохо, а так ничего. Я по другому поводу».

- ?

- После того случая я стал настаивать, чтобы Таня бросила работу, но она категорически отказалась. Мы даже поругались. Тогда я решил втайне сопровождать её до магазина и караулить в этом скверике. Делать мне всё равно нечего, а так хоть о безопасности жены позабочусь.

- Зря беспокоитесь, магазин под охраной милиции.

- Может и зря, но не без пользы, - он выплюнул изжеванную зубочистку и достал следующую: «Просто я заметил, что вокруг дела непонятные творятся. Снуют какие-то людишки, и явно Вас пасут. У меня глаз наметанный».

- Уверены, что меня? - удивился Валька.

- Абсолютно. Всё-таки я спецназовец, хотя и бывший. Так что опыт есть.

- А кто такие?

- На мой взгляд, какая-то мелкая шантрапа, но побережесь всё-таки стоит. Вот я и хотел Вам сказать, что в этом скверике дежурю и если что, то можете на меня рассчитывать.

- Спасибо. Только не пойму, отчего мне такая честь?

- Вы мою жену от позора спасли. Не побоялись. Так что же я какая-то скотина неблагодарная? - он сплюнул свой недогрыз и добавил: «Скажу более того. Мне как-то был звонок, и женский голос сообщил о романе между Вами и моей женой. Хорошо, что я тогда не стал спешить и решил сначала всё выяснить. Так что имейте в виду ещё и то, что где-то рядом с Вами пасётся «крыса».

- Я даже знаю кто, - усмехнулся Валька.

- Я тоже. И ещё знаю, что всё эти шуры-муры - игра с определённой целью. Мне Таня сама рассказала.

- Спасибо. Я постараюсь быть осторожнее, - он пожал ему руку и поднялся с лавки.

- Постарайтесь. А я пока здесь посижу. Что нам военным пенсионерам ещё делать? Сиди на солнышке, грей косточки по-стариковски.

Валька усмехнулся. Судя по крепости рукопожатия и лёгкости движений, чувствовалось, что этот «старик» вполне мог бы противостоять трём бандитам, покусившимся на его жену. Причём даже без оружия.

Ильдар в этот раз появился в форме, вызвав лёгкое волнение среди продавщиц: «Извини, я прямо с занятий».

- Ничего. Я не из пугливых, - успокоил его Валька: «Чего примчался?»

- Чаю попить, - усмехнулся курсант Академии.
- Чай на Дубровке, а сюда по делам.
- Вот и я по делам. Венечка у нас сорваться хочет.
- Значит, плакала моя «пятихатка»?
- Пятихатка! – вспыхнул Ильдар: «Он мне поболее должен. Его «Бэха» почитай целиком на мои деньги куплена. А мне сейчас «бабки» вот как нужны». Он резанул себя ребром ладони по горлу, показывая степень необходимости денежных знаков.
- И что ты предлагаешь?
- Поехать и вытрясти из козла наши кровные.
- А не проще тебе «бандюганов» подписать? Степаныча, например.
- Степаныч процент попросит. Да и трясли уже нашего Венечку «бандюки». На нём же долгов, как у византийского императора.
- Всё-таки хотелось бы по-тихому.
- Самому хотелось, - вздохнул Ильдар: «Ну, что? Едем, пока он в тину не свалил? Я пацанов с первого курса зарядил его хату под наружку взять. Типа, для практики. Доложили, что сегодня из дома не выходил».
- Поехали, - с неохотой согласился Валька. Вот ещё, не хватало под статью лезть.

Возле дома Венечки они проторчали долго. Часа три. Пацан в невзрачной курточке и потёртых джинсах уверял своего «руководителя практики», что объект на месте, но из подъезда никто не выходил.

- Может он так до завтра не выйдет? – ворчал заскучавший Валька: «Что же нам ночевать здесь?»

- Эх, плохой ты детектив, Валька, - засмеялся Ильдар, намекая на лицензию, согласно которой «Айсберг» мог вполне легально покоиться за поясом своего владельца: «Предлагаешь ему дверь взломать? Сам-то он ни за что не откроет».

- Откроет, - обрадовано заявил Валька, поймав за хвост очередную бредовую идею: «Ты детскую «дымовушку» помнишь?»

- Ну, - заинтересовался Ильдар.

- Вот! – генератор мыслей открыл бардачок и вытащил оттуда расчёску: «А фольгу возьмём из пачки сигарет».

- Ну, ты и голова, - восхитился курсант Академии: «Пошли!»

Перед дверью Ильдар остановился и достал из кармана связку отмычек. Посмотрел на неё, посмотрел на замок и вздохнул: «Надо будет на факультатив по слесарному делу записаться». Валька тем временем закрутил обломки расчёски в фольгу и спросил: «Готов?»

- Готов.

- Тогда давай!

Чиркнула зажигалка, пошёл едкий вонючий дым, и они быстро просунули импровизированные дымовые заряды в замочную скважину.

- Только бы испугался, - прошептал Ильдар, становясь сбоку от двери.

- Испугается. Он же трус, - успокоил его Валька, занимая позицию с другой стороны.

Некоторое время за дверью стояла тишина, но потом послышалось какое-то метание, вперемешку с кашлем и в открывшуюся дверь вывалился судорожно хватающийся за горло Вениамин.

- Оба-на, и что ж мы друзьям не рады? – Ильдар втокнул его обратно, едва сдерживаясь, чтобы не раскашляться самому. Валька зашёл следом и, закрыв за собой дверь, первым делом нараспашку открыл окна, впуская свежий воздух.

- Садись, Венечка, беседовать будем, - курсант в форме с силой толкнул потерявшего от страха дар речи парня на диван, а сам сел в кресло напротив, но тут же вскочил: «Ты что ж это, сука, кинуть меня решил!!!?»

- Не шуми, может он не нарочно, - примирительно сказал присевший на подлокотник дивана Валька, сообразив взять на себя роль «доброго полицейского».

- Не нарочно? – снова взвился Ильдар, пытаясь достать из наплечной кобуры свой пистолет: «Вот я его сейчас грохну ненарочно...»

- Да успокойся ты, псих ненормальный, - снова вступил в роль миротворец Валька: «Лучше вспомни сколько тогда бумаги исписал, пока доказали, что ты того «гастролёра» при попытке к бегству завалил».

Всё шло как по сценарию, и вскоре Венечка поплыл. Он падал на колени, размазывая слёзы по щекам, и клялся, что вернёт всё до последнего цента. Прямо завтра или на следующей неделе. Но чемодан, в готовности стоящий у порога говорил об обратном.

- Короче, бабки на стол или с наступлением темноты самостоятельно и добровольно выйдешь в окно, оставив записку, что всё осознал и не желаешь больше засорять землю своим присутствием, - подвёл суровый итог Ильдар.

- Нетуууу ничегооо – завыл Веня: «Хоть обыщите».

Обыскали. Профессиональный нюх Ильдара вывел на жалкие две тысячи долларов за плитусом в туалете, но этого было катастрофически мало.

- Говорю же нет ничего, - продолжал размазывать сопли Венечка: «Хоть машину заберите».

- Нахрена мне твоя машина! – уже на полном серьёзе вспылал Ильдар: «Мне «бабки» нужны. Причём срочно».

- Соглашайся, - шепнул ему Валька, поймав очередную мысль: «Соглашайся и деньги будут».

- Ладно, - смилостивился над должником «злой полицейский»: «Будем доверенность оформлять».

- Так ведь нотариальные конторы закрыты, - с надеждой сообщил Веня.

- А вот тут ты не угадал, - Ильдар взял трубку телефона и набрал номер: «Василич, привет. Это я, узнал? Ой, да не стоит. Рад, что «тачка» тебе понравилась. Только и ты можешь мне приятно сделать. Нужно доверенность оформить. Да. Да, срочно. Прямо сейчас. Подъедешь? Отлично. Пиши адрес...» Положил трубку и повернулся к Вальке: «На тебя оформим. Мне не с руки». И постучал пальцами по погону.

Доверенность, оформленная на него, оказалось очень в тему, потому что суть идеи Вальки заключалась в том, чтобы выкупить машину у Ильдара по закупочной цене, тем самым оплатив долг Венечки, а потом продать её уже по рыночной заработав сумму достаточную для выкупа «таксопарка». Ильдар, конечно, куксился и хотел больше, но в итоге всё-таки остановились на Валькином варианте, тем более что полученная сумма его в принципе устраивала. Отдав деньги и помня о том, когда нужно ковать железо, несмотря на то, что часы уже пробили полночь, он отправился на «конюшню», точно зная, что там в эту ночь дежурит Серый, который и был ему нужен.

- Ох, и принесла ж тебя нелёгкая, - радостно встретил его зевающий во всю пасть мастер: «Чего припёрся-то?»

- По роже твоей гнусной соскучился, - так же ласково ответил он: «А ещё выпить захотелось». И он выставил принесённую с собой бутылку.

- Это мы запросто, - с трудом сдерживая очередной зевок, ответил Серый и, достав из шкафчика два бокала, плеснул в них принесённого гостем напитка.

- Ну? – спросил мастер, опрокинув свою дозу и занюхав её рукавом.

- Что ну? – не понял Валька, закусывая свой коньяк тем же способом.

- Валя, не парь мне мозги, - Серый щёлкнул зажигалкой и пустил струйку дыма в потолок: «Или ты думаешь, я поверю, что ты явился сюда среди ночи для того чтобы выпить со старым товарищем? Я ж тебя, гада, насквозь вижу. Говори, что надо?»

- В общем, тут такое дело... - и Валька рассказал ему весь расклад по «BMW», а так же своём желании стать немного богаче.

- Ясно. Поздравляю. Молодец – довольно сухо отреагировал Серый, наливая по новой: «Дальше что?»

- А дальше я интересуюсь, даст ли мне твой Андрюха денег под залог этой машины. Сам понимаешь, продать быстро – продать дёшево, а дорого – покупателя месяц искать будешь. Как думаешь, даст?

- Даст, - ни секунды не сомневался мастер: «Под залог и при моих гарантиях – однозначно. Да ещё, глядишь, скидку сделает в полпроцента, поскольку вместе машины гоняли, и ты ему можешь ещё пригодиться».

- Полпроцента – это круто, - рассмеялся Валька.

- Ха, ты Андрюху не знаешь! Жлоб ещё тот, - Серый проглотил содержимое бокала и не поморщился. Валька последовал его примеру, про себя подумав: «Ой, кто бы говорил».

День прошёл в трудах и заботах никак не связанных с работой магазина, зато к вечеру все финансовые проблемы были решены. Правда, чисто теоретически, поскольку с Андрюхой они договорились, но денег он не взял, предпочитая сначала достичь согласия с «бандой» атамана Грицко.

- В общем, так, мужики, - открыл он совещание в «конюшне», используя на этот раз вместо стола для заседаний капот «Бэхи», а не «Мерседеса»: «Деньги я достал и надо бы обсудить условия нашего партнёрства». Атамановы хлопцы зашевелились, предчувствуя серьёзный торг, но он не дал им шанса начать полемику, сразу расставив всё по своим местам.

- Машины после выкупа, который я кредитую, переходят в вашу собственность, но кредит вы обязаны вернуть в течение года. Я обеспечиваю вас заказами и тридцать процентов от заработанного мне за подгон клиента и на рекламу. В свободное время, чтобы легче было погасить кредит, можете халтурить в своё удовольствие, но опять же десять процентов мне. Строго следить не буду, но обманывать не советую. Накажу строго. Кстати, если кто найдёт себе постоянного клиента и сдаст в общую базу, то будет получать свои десять процентов независимо от того кто клиента возит. Бензин ваш. Запчасти ваши. Ремонт здесь... - он кивнул головой в сторону стоящего недалеко Серого: «... по сниженным для вас расценкам». Мастер кивнул головой, подтверждая правдивость его слов, и Валька закончил свою речь вопросом: «Согласны?»

«Банда» совещалась недолго. Валька всё рассчитал верно. Условия были не самые льготные, но в других местах просто каторжные, дерущие с работника до пятидесяти, а то и семидесяти процентов.

- Согласны, - ответил за всех атаман и добавил на «мове» жалостливо: «Та мы на усё согласны, бо жинки та дити голодны сидят».

- Тому и дити у тоби голодны, шо у самого морда круглая, - парировал Валька под дружный смех команды. Теперь уже его команды.

На улице весеннее солнце жарило уже вовсю, и он решил зайти и переодеться в более лёгкую куртку, оставив «пилот» припаркованным в шкафу до следующей зимы. Но кожаная куртка, в которой он проходил всю прошлую осень и часть зимы, почему-то оказалась ему мала, хотя раньше он носил её на свитер, а теперь одел на рубашку. Он повёл плечами и подумал, что, наверное, кожа за зиму усохла. Машинально проверил карманы и достал из глубины нагрудного маленький прямоугольник визитки. Ольга... Он сел и задумался. После того, обидного для Вальки разговора, его мысли ни разу не возвращались к ней и к той сумасшедшей ночи, проведённой с нею, хотя одеколоном он пользовался регулярно, и его оставалось уже меньше четверти флакона. Он улыбнулся. Это был отличный повод позвонить. Не то чтобы завести интрижку, а скорее для самоудовлетворения. Показать, что он совсем не игрушка и может выжить в этом мире самостоятельно.

На его звонок долго не отвечали и, наслушавшись длинных гудков, он хотел было дать отбой, но в трубке что-то щёлкнуло, и голос Ольги произнёс: «Алё?»

- Ольга, добрый день. Это Вас беспокоит... - хотел он уже представиться, но его прервали.

- Валентин... Валечка, здравствуй, милый, - она задышалась, словно говорила на бегу: «Как я рада, что ты позвонил. Извини за наш последний разговор. У меня был деловой ужин и не до бесед...

- Ничего. Я понимаю.

- Как ты? Столько времени прошло.

- Нормально, Оля. Живу. Ползу вверх по карьерной лестнице, - почему-то ему показалось, что с высот её должности, его достижения покажутся мелкими и ничкёмными.

- Очень рада за тебя, но сейчас ты опять позвонил не вовремя.

- Извини...

- Я не о том. Просто у подъезда ждёт такси, и я опаздываю на самолёт.

- Далеко?

- В Швейцарию. Я ненадолго. Мне там, в клинике сделают небольшую операцию и сразу назад.

- Что-то серьёзное? – насторожился он.

- Сущие пустяки. Я вернусь и мы обязательно с тобой поговорим, а может, даже выпьем кофе. Только ты позвони. Хорошо?

- Да, конечно. Позвоню.

- Где-то через пару недель. Обязательно. Договорились? А сейчас мне нужно бежать. Всё. Пока. Целую, милый.

- Пока... Целую... - как автомат ответил он, хотя в трубке уже звучали короткие гудки.

Он положил трубку на рычаг, и словно в прострации, вышел на балкон. Получается, что она всё это время помнила о нём, а он, повинувшись мальчишеской обиде, так ни разу и не позвонил. Почему-то сейчас в его памяти возникали не её тело в мягком свете ночника и не страстные стоны, а то, как они общались, и удовольствие от беседы с умной женщиной было сильнее плотских наслаждений. Прохладный ветерок остудил его горячую голову и, прошептав: «Чудны дела твои, Господи», - он вернулся в комнату.

Дела продолжали раскручиваться, набирая темп, но внезапно произошёл сбой. «Шерька» подвёл. Уже привыкнув, что родной автомобиль готов к труду и обороне в любое время дня и ночи, не позволяя себе серьёзных поломок, Валька был сильно удивлён, когда словив, по собственной небрежности солидную яму на дороге, услышал хруст, и моментально сидение под ним стало ниже с левой стороны. Он припарковался и, не задумываясь о чистоте коленей, заглянул в узкую щель между полом и сидением. Оторвался кронштейн, на который были установлены полозья седалища. Причём так, что в образовавшуюся щель пробивался свет и даже был виден кусок дорожного покрытия. Пришлось срочно ехать на Дубровку, отложив все дела.

Голубые ворота, традиционно для дневного времени, были распахнуты настежь, так что можно было заехать прямо на плац, что он и сделал, остановившись в центре площадки. Псы тявкнули пару раз для солидности и успокоились, выражая своё приветствие покинувшему машину Вальке активным вилянием хвостов. Он огляделся. Похоже, что вся артель «Напрасный труд» была на рабочих местах, и лишь рыжий бугай в дальнем углу стоянки занимался каким-то непонятным делом. Стоял и долбил могучими кулаками подвешенную на цепи покрышку от грузовика. Работал от души, увлечшись так, что не обращал внимания на такие мелочи, как появившийся клиент, и бедная «груша» только отлетала от могучих ударов. «Вот попадёшься под такого и всё. Кайке лоо», - с завистью подумал он, проходя в бокс к мастерам.

После обмена традиционными матерными приветствиями, «триумвират» с печально плетущимся позади Валькой подошёл к объекту исследования.

- Ммм... да... - глубокомысленно изрёк Серый, первым заглянувший под сидение.

- Угу... – подтвердил его мысль Кержач.

- Пипец котёнку, - вынес окончательный вердикт Никеша.
- Что? Всё так страшно? – попытался уточнить Валька.
- Бывает и хуже, но реже, - успокоил его Серый.
- Пол сгнил, - пояснил Кержач, ломая в пальцах кусок насквозь проржавевшего железа, подобранный под сидением: «Нахрен и вдрызг».
- А сделать можно? – он по-прежнему не терял надежды.
- Проще выкинуть, - подвёл итог Никеша.

Валька посмотрел на свой автомобиль. «Шерька» стоял грустный и несчастный. Не хватало только скупой мужской слезы, выступившей из глаз-фар.

- Да ты не горюй, - снова успокоил его Серый: «У тебя же теперь «Бэха» есть. Без колёс не останешься. Пока не продал, катайся, а там чего-ни-то подберём».

- А если всё-таки сделать? – обратил он взор на гения сварки и жестянки, но Кержач молчал задумавшись.

- Можно, - в конце концов, изрёк «гений», оправдав его надежды: «Положить на бок и обварить сплошным листом снизу от порога до порога. Но стоять будет...»

- Примерно как новый кузов, - уточнил лохматый «бухгалтер»: «Только кузова «копеечные» больше не выпускаются».

- Делаем! – решительно заявил Валька. Чёрт с ним, возьмём не четыре «Нексии», а три, но друга в металлолом? Ни за что! И повернулся к Серому: «Что там будет после слова «итога»?»

- Не гони лошадей, - осадил его порыв мастер: «Такой лист металла воры ещё должны с ЗИЛа украсть и сюда привезти. А на это нужно время. Так что ставь «конягу» в стойло, подчёркиваю, что бесплатно, и пересаживайся на «Бэху». Спокойно решай свои дела, а там разберёмся».

Ехать на «BMW» несомненно, комфортнее, но его настроение продолжала омрачать мысль об оставленном в «госпитале» друге. Конечно, было приятно и то, что прохожие оборачивались, провожая взглядами черно-хищный силуэт его машины, но он заметил и пристальное внимание постовых ГАИшников. На «Шерьку» они смотрели как на пустое место, а эту явно замечали, что было плохо.

В магазине была смена Арины и Татьяны, едва не выскочивших наружу, заметив его сквозь витрину вылезавшим из нового автомобиля.

- Поздравляю с обновкой, - Таня чмокнула его в щёку, хотя играть роль любовников в отсутствии Галины Ивановны не имело смысла. «Интересно, знает ли она о том, что её муж ведёт наблюдение?» - подумал он и сам себе ответил: «Наверное, знает. А может просто в роль вошла». Он пошёл в кабинет и решил, не откладывая в долгий ящик, реализовать ещё одну мысль, возникшую по дороге».

- Алё, Гриня, привет, - набрал он рабочий номер «атамана».
- Здоровеньки булмы, пан дыректор, - позвучал бодрый ответ.
- Вы заявки на приобретение автомобилей уже подали?
- Ни. Трохи задержались. Тиждень подадим.
- Не спеши. Кто там у вас из руководства будет машины оформлять.
- Главбух буде...
- Кто он?
- Таки жаба обныкнавенная. Вбил бы гада, та вин нам гроши платит.
- Подожди «вбивать». Лучше Расскажи мне о нём. Где живёт, с кем живёт, что любит, что нет...

Иван Трофимович прошёл огонь, воду и медные трубы на своём бухгалтерском поприще, ухитрившись ни разу не сесть за весь длительный трудовой стаж, но сейчас ему было не по себе. Этот парень в кожаной куртке и модных сапогах внушал ему чувство опасности. Культурно постучался в дверь: «Иван Трофимович, можно к Вам?» С

улыбочкой, вежливый, но сел в предложенное кресло как у себя дома, закинув ногу на ногу и продолжая скалить зубы, спросил: «Как здоровьице Ваше?»

- Нормально, - буркнул он в ответ, но посетитель не унимался.

- А Алевтина Ивановна как? Сердечко не пошаливает? На дачку ей пора. Ту, что под Загорском. Или лучше, что в Селятино. Здоровье подправить, а заодно внучат на природу вывезти. У Вас ведь двое? Петенька и Егорка? Прелестные мальчуганы, - нежданный гость говорил негромко и улыбался ласково, но от того как он смотрел ему прямо в глаза по спине пробежал холодок.

- Спасибо за заботу, - стараясь не нервничать, он поправил папки на столе: «Так Вы ко мне по делу или поговорить о моей семье?»

- Конечно, по делу, дорогой Иван Трофимович, - засмеялся посетитель: «По совершенно незначительному и пустяшному делу».

- Я Вас слушаю.

- Меня интересуют автомашины, которые остаются после ликвидации вашей фирмы, но есть одна неувязочка...

- Какая?

- Меня не устраивает их цена, а так же то, что Вы, дражайший Иван Трофимович, положив столько сил на службе компании, недостаточно оценены её руководством.

Действительно, обанкротившаяся контора не обеспечивала никакого выходного пособия, вышвыривая своих бывших сотрудников на биржу труда, и эта тема обсуждалась в коллективе, но информированность посетителя поражала.

- К сожалению, цена машин не в моей компетенции, - грустно развёл руками главбух, уже понимая, куда клонит его визави.

- Не совсем так, уважаемый Иван Трофимович. При наличии акта о техническом состоянии автомобилей, их цена может быть значительно снижена, а для меня сделать такой акт не проблема, - от пронзительного взгляда незнакомца засосало под ложечкой, но главбух держался.

- Только я не понимаю смысла этой операции лично для меня, - намекнул он.

- Всё очень просто, - засмеялся посетитель: «Я получаю экономию средств, а Вы компенсацию за ...сообразительность» Он быстрым движением начертил на листе бумаги четырёхзначное число и добавил: «В долларах, разумеется». Это было предложение, от которого невозможно отказаться.

- Передачу машин будете оформлять на своих водителей, так что здесь тоже не подкопаться. Они же произведут оплату, а после оформления документов и Вы получите свою ...премию, - уточнил посетитель.

- В принципе я согласен, - вздохнув, согласился главбух: «Но, хотелось бы ...аванс, так сказать».

- О, это проще простого, - парень достал из нагрудного кармана конверт и протянул ему. Иван Трофимович заглянул внутрь. Пятьсот долларов. Даже если кинут, уже неплохо. Он бросил конверт в ящик стола: «Хорошо. Пусть несут заявления на приобретение машин».

- Я очень рад, что мы с Вами пришли к согласию, дорогой Иван Трофимович, - посетитель встал и подал ему руку. Надеюсь, что наше сотрудничество будет полезно обоим. И, кстати, передайте мои поздравления Софочке и вашему зятю. Я слышал, что они ждут пополнения семейства».

- Непременно передам, - пообещал он, провожая Вальку до дверей: «Всего доброго».

- До свидания, любезный Иван Трофимович, - посетитель улыбнулся на прощание так, что у главбуха вспотела лысина.

Успешное завершение комбинации требовало срочного расслабления. Валька и сам чувствовал, что за последние дни его нервы натянулись как струны на гитаре Серого и необходимо срочно снять стресс. Можно было, конечно, устроить очередную

пьянку в «конюшне», но там смущали грустные глаза «Шерьки» ожидающего ремонта, и он решил поступить по-другому. Убить сразу двух зайцев.

- Ирма, привет.

- Привет, - голос в телефонной трубке за настороженностью скрывает радость.

- Я сегодня приеду?

- Приезжай, - вроде бы равнодушно, но с внутренним ликованием.

В конце концов, поругались с хорошей девчонкой из-за каких-то тряпок. Не по-мужски это и нужно налаживать отношения.

Она открыла ему дверь в тех же джинсах и рубашке, а значит, его подарок так и остался невостребованным. Валька, стараясь не обращать на это внимания, деловито прошёл на кухню и выставил на стол бутылку коньяка: «Вот!»

- Что это? – удивилась она.

- Будем пить, пока не помиримся, - строго заявил он.

- Дурак, я же крепкое не пью, - засмеялась она.

- Тогда вот так, - из сумки появились две бутылки вина, а следом попёрло то, чем всё это закусить.

Пить вдвоём им, конечно же, не дали, но Рашид быстренько приняв пару стопок, свалил спать, под предлогом раннего подъёма, а следом за своим властелином и хозяином, ушла Гюйли. Пришлось отдуваться втроём с Аурикой. Правда, была ещё Светка, в этот раз сменившая диспозицию и прижавшаяся теперь не к матери, а к его боку, но она не пила, а лишь выбирала со стола всякие вкусняшки.

Ирма явно была непривычна к коньяку, и развезло её основательно. Настолько, что отправлять Светку спать пришлось ему. Послушный ребёнок сам разобрал себе кровать и надел пижамку. Сам залез под одеяло и, поправив подушку, устроился поудобнее. «Спокойной ночи», - пожелал он ей, собираясь погасить свет.

- А поцеловать? – капризно попросила она: «Меня мама всегда перед сном целует».

- Хорошо, - улыбнулся он, целуя её в лоб: «Сегодня я заменю твою маму».

- Фу, колючий, - скорчила она недовольную гримаску.

- Ну, извини, - он выключил свет и направился к выходу.

- Валя, - тихо раздалось ему вслед.

- Что?

- А ты сегодня у нас останешься?

- Не останусь. Ведь ты же против?

- Теперь уже нет.

От опьянения Ирмы лично для него была немалая выгода в том, что расслабившись, она сама тянулась к нему обниматься и даже залезла на колени, придавив чресла упругой попкой. А вот Аурика наоборот, была исполнена печали и непрерывно изливала жалобы на свою личную неустроенность. Ирма старалась её утешить, как могла.

- Нет, не понимаю я этих мужиков. Вот смотри, Валь, ведь красotka же Аурика, - она подошла к ней, и нежно погладив по шее, повернула лицом к свету: «Какие глазки, какие губки. Так бы и зацеловала». Она крепко приложилась к сочным губам подружки и продолжила презентацию: «А грудь какая! Ты только глянь!» Ирма заставила пьяную Аурику встать и стиснула руками два полушария, спрятанных под блузкой.

- Или на бёдра посмотри, - она повернула не сопротивляющуюся подружку к нему спиной: «А попка? Эх, как орех. Так и просится на грех». Звонкий шлепок ладони подтвердил упругость рекламируемой части тела. «А ножки? Аурика, покажи ножки».

- Ну что ты меня как кобылу при продаже расхваливаешь, - наконец оказала сопротивление смуглянка-молдаванка: «Я же твоему Вальке пофигу».

- Так я про Вальку и не говорю. Это моё и не зарьяся. А вот у него друзья есть... Есть, ведь, друзья, Валь? Он тебя им и расхвалит.

- Конечно, расхвалю, - рассмеялся он: «Подберём мы тебе мужика, Аурика. Беременного, но честного». Однако девушка так и не думала выходить из своего

печального состояния. «Пойду-ка я лучше спать», - заявила она и, покачиваясь, направилась в свой шкаф.

Ирма проводила её долгим взглядом и снова залезла к нему на колени.

- Скажи, ну чего так девчонке не везёт? – с обидой за подругу спросила она.

- Повезёт ещё, - успокоил Валька.

- Она с мужиком познакомится. Переспит с ним, а он наутро её бросает.

- Наверное, потому и бросают, что сразу в постель...

- А мужики к ней липнут как мухи на мёд, только всё какая-то шушера попадается. Плохо быть красивой, - резюмировала она.

- Почему плохо? – удивился Валька: «Вот, разве ты не хочешь быть красивой?»

- Неа, - равнодушно ответила она и замолчала, прижавшись к его груди. Некоторое время сидела неподвижно, обволакивая неповторимым флёром своей нежности, а потом тихо спросила: «Скажи, Валь, а ты кто?»

- В смысле? – не понял он.

- Я сперва подумала, что ты бандит. «Пушка» у тебя и прикид крутой. А уж когда ты охранника в больнице построил, так вообще испугалась. Дела какие-то непонятные у тебя, а сегодня на новой машине приехал. Завтра весь дом обсуждать будет, что за «хахал» я себе нашла. Только мне сдаётся, что не бандит ты. Добрый слишком, - тёплая ладошка прошла по его щеке, вызвав лёгкую эйфорию головного мозга.

- Не бандит я, - он поцеловал её в вишнёвую макушку: «Просто водила. Таксист из фирмы «Ночные колёса». Таким и принимай.

- Принимаю, - вздохнула она: «Только жаль, что ты всё время куда-то уезжаешь далеко, а я скучаю».

- А что, Аурика не помогает скрасить одиночество, - неловко пошутил он.

- Причём здесь Аурика? – удивилась она.

- Ну, в твоих движениях я заметил некоторый опыт в ласках женских тел, - ляпнул Валька, не подумав, и тут же пожалел о своих словах.

Ирма отстранилась от него, словно бы мгновенно протрезвев и выпуская колючки: «Опыт говоришь? Есть опыт». Голос её звучал жёстко как лязг метала.

- Я после училища в швейной мастерской работала. Там у нас заведующий был. Козёл изрядный. У самого не стоит, так он нас заставлял друг друга ласкать и от этого возбуждался. Нет, ты не отворачивайся! Заводил к себе в кабинет втроём и пока двое на его глазах лесбиянок изображали, третью трахал. Нет, ты сюда смотри. Просто брал и трахал прямо на диване! На глазах у подруг!»

- Хватит! – оборвал её Валька, с трудом сдерживая дрожь: «Хватит, маленькая». Он прижал её к груди так сильно, что она едва смогла дышать.

- Это всё в прошлом, - целуя девушку, горячо прошептал он: «Слышишь? В прошлом. Этого вообще не было и никогда больше не повторится».

- Я тебе верю, - последний раз всхлипнув носом, вздохнула она: «Давай за это выпьем. Нет, не вина, а коньяка». Он поменял уже взятую в руку бутылку, подал ей рюмку с тёмно-янтарным напитком, и она лихо опрокинула её в рот.

- Всё... Я сейчас усну, - доложила через минуту, обмякнув в его объятиях: «Пьяная-а-а...»

- Давай я тебя спать уложу, - он поднял её невесомое тело на руки и понёс в комнату.

- А ты меня, спящую... не того? – едва ворочая языком, спросила она.

- Ни в коем случае, - пообещал Валька, в темноте укладывая её на кровать и бережно снимая с девушки рубашку.

- Спасибо, - уже в полусне поблагодарила Ирма: «А то если я проснусь, и не буду помнить, того что между нами было, то очень сильно расстроюсь». Такая длинная фраза отобрала последние силы, и она отключилась. Валька снял с неё джинсы и, прикрыв одеялом, поцеловал в лоб: «Спи, милая». Накинул куртку, и тихо щелкнув дверным замком, ушёл.

Вахтанг открыл второй магазин. Пышно, красиво с обильным застольем по традициям армянской кухни и национальными песнями. Столы расставили прямо в торговом зале, и проходящие по тротуару люди могли видеть сквозь витрины всё сияние этого торжества. Валька, конечно же, присутствовал и даже заседал на почётном месте по правую руку от хозяина, но скучал смертельно. Его раздражали все эти сладкие тосты, переполненные лестью как кленовый сироп сахаром, совершенно неинтересны возникшие в разгар веселья разговоры о деньгах и родственниках, а женщины просто наводили уныние своей чопорностью, хотя пару симпатичных мордашек он отметил. Потихоньку встал и шепнул Вахтангу, что поедет, проверит и закроет магазин. Тот кивнул одобрительно, оценив служебное рвение пасынка.

На Шаболовке под вечер с парковкой всегда возникала напряженка, и Вальке пришлось, поставив машину чуть в стороне, прогуляться пешком. Но по дороге к магазину ему померещилась мелькнувшая сбоку тень и он насторожился. Кто это? Шпана, о которой предупреждал Виктор, или отставная «крыша», решившая ещё раз напомнить о себе? Он вошёл в магазин, где Арина и Таня уже собирали самый ценный товар в кладовку и, кивнув девушкам, прошёл в свой кабинет. «Айсберг» остался под сидением в машине и, открыв ящик письменного стола, он достал отреставрированный Серым охотничий нож. Мастер заточил его до бритвенной остроты, а ножен не было, но рискуя порезаться, он засунул его за поясной ремень. Всё-таки лучше, чем ничего.

- Валентин Николаевич! – раздалось из торгового зала.

- Иду, девочки, - он вышел к ним: «Вы закончили? Тогда до завтра». Проводил их до дверей и даже вышел на улицу посмотреть, как они дойдут до поворота к метро. На противоположной стороне улицы какой-то неясный силуэт двинулся параллельно им и Валька насторожился. Но силуэт махнул ему рукой, и он выдохнул с облегчением. Виктор. Значит можно быть спокойным.

Вошел обратно, и не закрывая дверь, уселся на стул возле кассы, провоцируя супостата на действия. Пять минут. Десять. Никого. Полчаса... Видимо померещилось. Он встал и, закрыв магазин, направился к своей машине. Тихо. Пара одиноких прохожих, мужик с доберманом на поводке и никого больше. Он полез в карман за ключами, но в этот момент какое-то внутреннее чувство заставило его пригнуться и уклониться влево. Может поэтому удар бейсбольной биты пришёлся не на голову, а на плечо. Он развернулся и провёл противнику подсечку, но на подходе было ещё двое. Резкая боль в правом плече помешала провести точный удар, и он едва успел уклониться от ещё одной дубины, метившей ему в голову. Внезапно откуда-то сбоку возникла серая тень и трое нападавших, один за другим, тихо, как по команде, легли на землю.

- Ты в порядке? – спросил Виктор.

- Вроде да, - поморщился Валька, пытаясь растереть горящее огнём плечо.

- А что с плечом? – он лёгкими движениями ощупал травмированное место и Валька вскрикнул от боли, но Виктор успокоил: «Перелома нет. Просто выбито. Вести машину сможешь?»

- Смогу, - стиснув зубы, пообещал он.

Виктор деловито и со знанием дела выдернул поясные ремни из штанов нападавших, ими же связал им руки и по очереди стал запихивать в машину.

- Нахрена они нам? – поинтересовался Валька.

- Отвезём в безлюдное место и спрашиваем. Думаю, будет интересно, за что он собирались проломить тебе голову.

- Знаю я такое место, - сообщил он, морщась от боли.

- Далеко? А то я их всего минут на пятнадцать вырубил.

- Успеем.

Перед голубыми воротами он остановился, осветив их фарами. Сразу же раздался грозный лай недремлющей охраны и из калитки вышел Четвёртый, прикрывая глаза от слепящего света ладонью и пытаясь понять кого это ещё на ночь глядя, принесла нелёгкая. Валька вылез из машины: «Привет, это я. Тут такое дело...». Но какое именно дело объяснить не успел, потому что следом из машины вылез Виктор.

- Сергей? Румянцев? Здорово, сержант!

- Комбат? Виктор Иванович! Откуда вы здесь? – и верзила заключил своего бывшего командира в объятия.

- Потом объясню, - вырвался из его лап Виктор: «Ты здесь один?»

- Так точно.

- Тут три придурка на Валентина напали. Надо бы охломонам допрос учинить. Поможешь?

- Конечно, товарищ майор.

Тушки охломонов были перенесены в пустующий бокс и приведены в чувство посредством ведра холодной воды на голову, а потом началось...

Майор спецназа их не бил, а только нажимал какие-то точки на теле из-за чего они корчились и вопили. Правда сперва разговор не клеился, и тогда Виктор указав на самого строптивого, протянул Четвёртому Валькин револьвер: «Бесполезен. Убери его». Бугай кивнул и, схватив указанное тело за шиворот, как котёнка выволок его на улицу, а минуту спустя раздался выстрел. Вот тут уже оставшиеся двое заговорили, перебивая друг друга и спеша поделиться всем, о чём знали и не знали.

- Ну, и как тебе? – спросил Виктор, когда закончив допрос, они вышли перекурить на улицу.

- Картина маслом, - выдохнул Валька: «Не ожидал я такого от Галины Ивановны».

- Зато теперь ей крышка, - майор сплюнул огрызок зубочистки и повернулся к подошедшему Четвёртому: «Сержант, как тот которого ты вынес?»

- О-отпустил, к-как велели. Дал вырваться и п-пальнул в воздух, чтобы б-быстрее б-бежал.

- Хорошо. Ещё одному тоже дай сбежать, а племянничка нашей «Мамы Бейкер» придержи до утра. Это можно?

- К-конечно, Виктор Иванович.

- Как плечо, Валя?

Плечо майор выправил резким рывком, от которого у Вальки выступили слёзы, ещё до начала допроса.

- Нормально, Виктор Иванович. Почти не болит.

- Врёшь. Болеть будет ещё дня два. На ночь компресс сделай, а с утра в магазин. Если что, то я в скверике буду. Тётушку расколешь и дай Сергею сигнал, что можно племянника выпускать. А я пойду, пока метро не закрыли.

- Может Вас подвести? – предложил Валька: «Район у нас спокойный».

- Валя... - снисходительно улыбнулся в ответ майор и он понял, что беспокоиться сегодня нужно местной шпане, потому что неторопливой прогулочной походкой сегодня «на районе» идёт офицер спецназа ГРУ.

Утром плечо ещё болело и довольно сильно, но Валька не стал отлёживаться, а поспешил в магазин к самому открытию. Как он и предполагал, Галина Ивановна была уже здесь, хотя её смена начиналась с обеда.

- Здравствуйте, девочки, - поприветствовал он Арину и Таню: «Здравствуйте, Галина Ивановна. Зайдите ко мне, пожалуйста».

Она вошла, бледная как смерть, с чёрными кругами вокруг глаз и на мгновение ему даже стало жалко эту женщину, но саднящая боль в плече и её приказ «покалечить так, чтоб ходить не мог» смели эту недостойное чувство.

- Рассказывайте, - приказал он ей.

- Что? – одними губами прошелестела она.

- Всё. Всё, что успел нам рассказать Ваш племянник, - он вытащил из-за пояса и швырнул в ящик стола нож, при виде которого она обессилена опустилась на стул: «А лучше возьмите и напишите. А то мало ли, чего забудете». Он пододвинул к ней бумагу, авторучку, а сам, поднявшись, направился к двери: «Не смею мешать». Открыл дверь и обернулся: «Да и не забудьте припомнить про упаковку пуховиков, которые вы сдали не оприходовав, коробку платьев... Ну и ещё по мелочам. Я потом сравню с имеющимся у меня списком».

В зале его встретили настороженные взгляды Татьяны и Арины, но он успокоил их: «Не волнуйтесь, девочки. Это вас не касается. Галина Ивановна проштрафилась и будет за это отвечать».

Через полчаса покаянное письмо было готово. Валька мельком просмотрел его. Галина Ивановна с перепуга призналась даже в большем количестве преступлений, чем рассказал её племянник.

- Хорошо. Можете идти. С сегодняшнего дня Вы уволены, - сообщил он, пряча бумагу в нагрудный карман: «Думаю, особых проблем не будет, если Вы компенсируете Вахтангу Акпаровичу причинённый ему ущерб и те штрафные санкции, что он на Вас наложит. Но прошу помнить, что за нанесение мне телесных повреждений средней тяжести вашему племяннику грозит до трёх лет, и уже я буду решать, сидеть ему или нет».

В «конюшню» он успел вовремя, пока разъярённый Никеша не успел прибить Четвёртого. То есть в самый разгар скандала. Конечно, станешь злым, если войдя в бокс, обнаружишь там скулящее и плачущее существо в вонючих мокрых штанах, прикованное цепью в смотровой яме.

- Ты чо, по нарам соскучился, идиот!? – орал он так, что подъехавший Валька слышал его ещё за воротами: «Ладно, сам сядешь, так и нас паровозом за собой потащишь!»

- М-меня командир п-попросил, - набычившийся Четвёртый стоял твёрдо, как скала, ничуть не раскаиваясь в содеянном.

- Какой нахрен командир!? – продолжал вопить колчерукий: «Мы здесь не в армии!»

- М-мой к-комбат. Ес-сли б-бы не он, меня б уже д-давно в ж-живых не было, - от волнения бывший сержант начал заикаться ещё сильнее.

- Постой, Никеш. Не ори, - вмешался Серый: «Ты в армии не служил и тех делов не знаешь. Если бы мой командир диверсионной группы приказал «убей», то я бы задал один единственный вопрос – кого? Ты разберись сначала».

- Действительно, разберись, - вставил вошедший в бытовку Валька: «А то орёшь, аж собаки попрятались».

В итоге разборки выяснилось, что Никеша погорячился, а Четвёртый, хотя и был неправ, подставляя товарищей, действовал по понятиям. Более того, осмотрев Валькино плечо, Никеша сам порывался «ноги-руки гаду вырвать», но в итоге пленник был отпущен восвояси без повреждений. Даже пинка не дали, опасаясь испачкаться.

Сказать, что Вахтанг был в ярости, прочитав признания Галины Ивановны, это значит не сказать ничего. Орал как потерпевший, грозился зарезать «подлюю суку», но Вальке удалось его успокоить.

- Пусть себе живёт, - предложил он миролюбиво: «Денег заплатит и живёт. Просто впредь нужно людей надёжных подбирать».

- Где же их возьмёшь, надёжных? – пожаловался Вахтанг.

- Нужно специального человека иметь, кто этим заниматься будет.

- Откуда у меня деньги на Отдел кадров, Валя?

- Ну почему сразу и Отдел? Вот Татьяна может этим попутно заняться. За соответствующую доплату.

Валька уже успел переговорить с Татьяной и выяснить, что подружек с торговым образованием, в лучшем случае торгующих семечками на рынке, у неё пруд пруди.

- В новый магазин персонал набирать нужно и этой ...Галине замену найти.
- Хорошо. Пусть занимается, - согласился Вахтанг.
- А ещё неплохо бы завести Службу безопасности, - перешёл ко второму пункту своего плана хитрый Валька.

- А это зачем?

- Для безопасности, Вахтанг Акпарович. Вашего бизнеса и семьи. Вот, например, как долги вытрясать, если Галина заартачится?

- Бандитов найму.

- И долю им отстегнёте немалую, и под статьёй ходить будете. А собственная служба, хотя и не без криминала, но сделает всё намного аккуратнее. Причём за свою зарплату. Кстати, есть у меня человек, который эту ...Галину и раскрыл. Вот бы его к нам на службу.

Валька и с Виктором переговорил на эту тему, получив принципиальное согласие военного пенсионера.

- Кто такой? – заинтересовался Вахтанг.

- Боевой офицер. Спецназовец. Муж нашей Татьяны.

- Ой, не пойму я тебя, Валя, - ехидно усмехнулся Вахтанг: «Ну, спишь ты с Танькой и помогаешь ей карьеру делать, это понятно. А муж-то её при чём?»

- Не сплю я с Татьяной Владимировной, Вахтанг Акпарович, - с такой же ехидной усмешкой ответил он: «И в карьере помогаю, потому что специалист хороший и человек надёжный, как и её муж. В бизнесе одна голова работать должна, а если ещё и вторая подключится, то считай хана. Кирдык бизнесу. Кайке лоо».

Реклама, поданная в газету «Из рук в руки» сработала. Медленно, но верно количество заказов начало расти. Впрочем, Валька и не рассчитывал на взрывной эффект. Наш человек скорее будет доверять рекомендации соседа или приятеля, чем броскому объявлению. Но, тем не менее, заказов стало больше, и сразу же возникли первые сложности. Пока «банда» Грицко ещё базировалась на фирме, то можно было передавать информацию о срочных выездах на телефон в гараже, а с ликвидацией конторы эта возможность исчезла, и приходилось одного из водителей держать в дежурном режиме, возле домашнего телефона, но и он порой не успевал. Валька воспринимал каждого упущенного клиента как серьёзный удар по репутации своей компании, вплоть до того, что прикидывал можно ли снабдить каждого водителя мобильным телефоном. Но пока по деньгам не выходило, да и связь по городу была лишь местами. Выручил Петрович.

- Шеф, тут такое дело, - обратился он к нему напрямую, минуя Гриню: «Я в тринадцатом таксопарке работал, а он накрылся...»

- Что, ещё одну машину хочешь выкупить? – пошутил Валька: «Я не Рокфелер».

- Нет. Машины там уже все распродали, а вот рации остались.

- Какие рации?

- Обычные. Которые на машины ставили. У меня сосед кладовщиком работает...

- Так-так-так, - заинтересовался Валька: «А вот с этого места поподробнее, пожалуйста».

Взяли пять раций. Новых и в упаковке. По цене бутылки водки за каждую, поскольку сосед Петровича оказался человеком пьющим и не жадным. А что с ними делать? Самому Петровичу с ними работать не приходилось, а Валька так вообще впервые в глаза видел. Но! В «конюшне» могут всё! И Серый, покрутив один из экземпляров в руках, изрёк: «Фигня делов».

- У меня, конечно, воинская специальность - «специалист по уничтожению средств связи», но здесь всё проще пареной репы. Есть дежурный канал, для вызова, и несколько дополнительных, на которые переходят для переговоров, чтобы не забивать основной. Два торчащих проводка – питание. Элементарно, Ватсон! - он накинул

провода на клеммы аккумулятора, щелкнул тумблером, и в коробочке что-то зашипело и защёлкало.

- Работает! – обрадовался Петрович.

- А то! – гордо заявил мастер: «Кстати, антенны классные. Мы за такими в армии гонялись. Всю Москву покроем. Аднозначно!»

- Держи, - Валька протянул Петровичу несколько купюр.

- За что? – удивился тот.

- Премия. Заслужил. И скажи соседу, чтобы ещё штук пять принёс.

- Куда нам столько?

- На вырост.

Хорошо отлаженное производство не требует обязательного присутствия начальства и Валька стал откровенно манкировать своими директорскими обязанностями в пользу руководства транспортными перевозками. Организовал в квартире узел связи и координировал работу «банды», появляясь в магазине от случая к случаю. Да и хорошо бы он смотрелся в директорском кабинете с рацией: «Хохол, хохол, я Центр. Прошу на второй канал». Просто «радикс Кэт» из «Семнадцати мгновений...»

Поэтому визит матери на его рабочее место он прошляпил. Почему не позвонила, а заехала сама, он так и не понял, но записку от неё Бэлла передала. Бэлла – новая продавщица, взамен Галины Ивановны, из подруг Татьяны ещё по училищу. Блондиночка и даже симпатичная, но главное, что специалист. «Разведённая», - со значением намекнула ему Таня. «Мне уже страшно», - засмеялся он, оставив информацию без последствий, но не замечать кокетливых взглядов и словно бы случайных касаний бедра при движении по узким проходам между стойками с одеждой не мог.

«ВАЛЯ, ПОЗВОНИ ЛЕНОЧКЕ, ОНА ПРОСИЛА, КАЖЕТСЯ ПО ВОПРОСУ О РАЗВОДЕ» - гласил текст, написанный твёрдым почерком матери.

- Вы читали? – спросил он у Бэллы.

- Нет, что Вы, - ответила она, но смущенно отведённым глазам понял – врёт.

Он не стал откладывать дело в долгий ящик и, войдя в кабинет, набрал номер, причём, с удивлением отметил, что пару цифр пришлось вспоминать. Давно это было. Чуть меньше года прошло, а кажется, целая жизнь.

- Привет, - как можно равнодушнее сказал он.

- Здравствуй, рада тебя слышать, - видимо она не ожидала, что он позвонит так быстро и Валька почувствовал её волнение.

- Ты что-то хотела?

- Да. Ты так неожиданно ушёл ...тогда. Хотелось бы встретиться и поговорить. О наших отношениях. Может, заедешь как-нибудь?

- Хорошо. Сегодня в семь. Устроит?

- А? Да, конечно, заезжай, - снова быстрота принятия им решений застала её врасплох.

Как ни мало было отмерено времени до встречи, но Леночка успела подготовиться, и встретила его при полном параде. С тщательно уложенной причёской, в короткой чёрной юбке, ажурных колготках и голубой блузке, красиво оттеняющей её золотистые локоны, такой узкой, что казалось, пуговицы на груди вот-вот расстегнутся от неловкого движения. К тому же в туфлях на высоком каблуке, подчеркивавших длину ног. Явно старалась произвести на него впечатление. Зачем? «Посмотрим», - решил он.

Леночка прямо с порога попыталась заключить его в объятия, но он слегка отвернулся и нацеленный в губы поцелуй, попал в щеку.

- Давай без сантиментов, - попросил он, снимая её руки с плеч и проходя в комнату: «Что ты хотела выяснить в наших отношениях?». Он сел в своё, когда-то любимое кресло и скользнув взглядом по обстановке, не заметил никаких изменений. Ни появления новых вещей, ни исчезновения старых. Такое ощущение, что она здесь

даже не жила, а сейчас использовала квартиру как место для свидания. Действительно, с учётом того, что аккуратность не входила в число её достоинств, привести в порядок себя и квартиру она просто не успела бы.

- Может, выпьем? – предложила она: «За встречу».

- Я за рулём, - отбоярился он.

- А я выпью.

Достала из серванта начатую бутылку какого-то вина и, плеснув себе в бокал, слегка пригубила напиток: «За встречу!» «И для смелости», - подумал Валька, внутренне усмехаясь над тем, что сейчас он видел свою бывшую жену насквозь. Пазлы сложились, и всё встало на свои места. Тот, который «всё понимал» и знал «что женщине надо» оказался не тем, кого она представляла в своих мечтах, а может ему просто надоело удовлетворять её капризы, вот тут-то она вспомнила о бывшем муже. И когда в разговоре со свекровью, а Валька не сомневался, что маман выболтала всё и даже значительно приукрасила, вдруг выяснилось, что он вполне в порядке, в её хорошенькой головке возникла мысль... «Сейчас соблазнять будет», - подумал он, и оказался прав.

Она присела на подлокотник кресла, закинув ногу на ногу, и рискуя свалиться с шаткого насеста, начала рассказывать про свою тяжелую жизнь, интриги других учителей и прочие неурядицы. При этом, не забывая иногда прижаться к его плечу тёплой грудью или ласково погладить по волосам. По мере опустошения бокала, её щеки всё больше розовели, а движения становились всё более раскованными.

- Представляешь, я когда-то похудеть мечтала, а здесь за год пять кило сбросила, - то ли пожаловалась, то ли похвасталась она и, обхватив ладонями тонкую талию, продемонстрировала результат вынужденной диеты, отчего её грудь напряглась и верхняя пуговка, не выдержав напора плоти, всё-таки расстегнулась.

- Ой, - изобразила она смущение и замерла, повернувшись к нему всем телом. Их лица оказались в опасной близости друг от друга, и Леночка даже прикрыла глаза в ожидании поцелуя, но Валька гибким движением выскользнул из почти захлопнувшейся мышеловки, встал с кресла и отошёл к окну. К пьянящему аромату её духов примешивался тонкий запах мужского парфюма. До боли знакомый. «Hattric». Запах измены. Он закурил, стараясь успокоить нервную систему. Не хватало ещё сорваться, как тогда. И буквально после трёх глотков горького дыма система пришла в норму. Но Леночка и не думала сдаваться.

Подошла к нему вплотную, так что он был вынужден отодвинуться и опереться спиной о стену. Положила руки ему на грудь и с полными слёз глазами тихо спросила: «Ты хоть вспоминал обо мне?»

- Иногда, - сухо признался Валька, признав, что она, оказывается, неплохая актриса,

Леночка прижалась к нему всем телом и трепетно зашептала: «Неужели ты не помнишь, как нам было хорошо? Неужели ты забыл наши ночи? А в Лейпциге тогда... Помнишь? Мы даже поесть забывали. А на Валдае? Ты, я и луница в полнеба...» Она вдохновенно произносила свою тираду, но руки её не забывали в это же время терзать ремень его штанов. Валька затянулся и выпустил дым в сторону приоткрытой фрамуги. Воспоминания были приятными, но для него всё это было уже в далёком прошлом.

- Помнишь, милый! – радостно сообщила она, опускаясь на колени: «Вижу, что помнишь». Справится с основным инстинктом было сложно, но им можно управлять, и, выкинув недокуренную сигарету в окно, он застегнул молнию на джинсах: «Хватит!».

- Я не только помню, но и многое понял за последний год, - он отодвинул её в сторону, направляясь к выходу: «И пришёл к выводу. Нам. С тобой. Не по пути. Можешь подавать на развод». Она встала с колен и, мгновенно превратившись из опьянённой страстью кошечки в разъярённую тигрицу, у которой отобрали добычу, зло произнесла: «И подам. А заодно отсужу у тебя половину магазина и твоего таксопарка».

- Но вот тут ты не угадала, - рассмеялся Валька: «У Вахтанга я тружусь по найму, а машины моего, как ты сказала «таксопарка», принадлежат водителям. Сам же

прозябаю в статусе «без определённого места работы». И кстати, в заявлении не забудь указать, что я прописан в этой квартире».

Он повернулся и направился к двери, но на пороге задержался. Порылся в кармане и, достав смятую сотку «баксов», небрежно бросил на пол: «Держи! У тебя колготки на коленях от старания порвались. Купи себе новые. Пригодятся».

Как не бодрился Валька, как не хвастался своей нервной системой, но пробила его эта встреча основательно. Даже пришлось остановиться, отъехав на пару кварталов, чтобы перекурить и унять дрожь в пальцах. Ничего, справился. Чай, не впервой. И к магазину подъехал уже не такой расхристанный. Бела тут же состроила глазки, но он только зыркнул на неё сердито и прошёл в свой кабинет. Срочно требовалось извлечь из усталого мозга новую идею, позволяющую укрепить пошатнувшийся бюджет. Выкуп автомобилей, дополнительные расходы и швыряние деньгами в качестве премиальных высосали все его запасы настолько, что о ремонте бедного «Шерьки» даже мечтать было неэтично. К тому же на «Бэxu» никак не находился хороший покупатель, а процент на взятый у Андрюхи под неё кредит продолжал капать и это напрягало. Мысль использовать «BMW» в качестве такси он отверг сразу. На такую «бандитскую» модель клиент будет смотреть с опаской, а женщины так вообще предпочтут сбежать на противоположную сторону улицы. Ситуация получалась просто анекдотическая. Вроде всё есть, а денег нет. Так и просидел, насилая свой мозг в самой извращённой форме, пока Бэлла, тихонько постучав в дверь, не намекнула, что пора бы уже и закрывать лавочку.

Для продолжения издевательств над собственным мозгом срочно требовалось принять какой-нибудь допинг, усиливающий его умственные способности и, войдя в квартиру, он первым делом направился на кухню. Очень хотелось чаю. Крепкого и горячего. В спешке не включил свет и в темноте споткнулся о лежащее на полу тело.

- Опять в зюю нажрался, - зло подумал он, понимая, что кроме Аполмоныча, других тел здесь быть не может. Валька щелкнул выключателем и понял что ошибся. Старик не был пьян. Вернее сказать, запах от него исходил, но затруднённое дыхание и мертвенно-бледный цвет лица говорили, что алкоголь здесь не при чём.

- Геннадий Аполмонович, что с вами? - он наклонился над телом и только поэтому смог расслышать слабый шепот: «Сердце... Больно...»

- Сейчас, сейчас... Я помогу, - он подхватил сухонькое тело на руки, отнёс на кровать и открыл окно. Старик лежал цветом лица, мало отличаясь от подушки и обильный пот покрывал его лоб. Воздух с хрипом прорывался сквозь плотно стиснутые от боли зубы и Валька даже испугался, что сейчас, прямо у него на руках умрёт человек.

- Валя, сынок... Прости... Помираю я... - с трудом просипел Аполмоныч, схватив его руку холодными как лёд пальцами, и тут Валька действительно разозлился.

- Нет, батя. Не дам я тебе помереть. Слышишь? Не дам! - он бросился к телефону и набрал номер: «Алё, Ирма?»

- Ой, Валька, привет. А что так поздно? - проворковала она, но ему было не до нежностей.

- Аурика дома? Быстро позови её, - приказал он и добавил, уже мягче: «Пожалуйста».

- Да, Валя. Я слушаю, - встревожено спросила Аурика: «Что случилось?»

- Моему знакомому плохо. Сердце прихватило. Можешь помочь?

- Поняла. Он без сознания?

- Практически да.

- Тогда быстро и чётко отвечай на мои вопросы. Цвет лица?

- Бледный.

- Давление?

- Не знаю.

- Кашель?

- Нет.

- Потливость?
- Мокрый весь.
- Температура?
- Не знаю, но руки ледяные.
- Инфаркт. Вероятно миокарда. Срочно бросай трубку и вызывай «скорую». Потом мне перезвони.

Он набрал «03» и сделал вызов, а потом сразу же опять номер Ирмы. Аурика ждала возле аппарата: «Вызвал? Хорошо. Теперь иди и открой окно в комнате».

- Я уже открыл.
- Больше открой! Ему нужен воздух. Много воздуха.
- Простудится.
- Пусть лучше простудится, чем умрёт. Валька метнулся к окну. Зацепился за провод телефона, споткнулся и разбил аппарат, но к счастью надёжная советская техника продолжала работать.
- Он лежит?
- Да.
- Посади его. Ворот расстегни.
- Сделал.
- Лекарства есть? Дай таблетку нитроглицерина.

У самого Вальки лекарства искать было бесполезно. Разве что йод, бинты и запас презервативов, но он вспомнил, что видел на кухонной полке коробку с таблетками. Высыпал их на стол. Тетрациклин, папаверин, анальгин... И всё просроченное.

- Нет нитроглицерина, - печально доложил он.
- А что есть?
- Валька начал перечислять, но Аурика внезапно остановила его: «Стоп! Анальгин? Таблетку дай ему разжевать».
- Он без сознания.
- Тогда измельчи и запихни в рот.

Валька совершенно забыв как мать в своё время, когда он был ещё маленьким, растирала таблетку в порошок, зажав её между двумя ложками, раскрошил её зубами и запихнул образовавшуюся кашу в рот больного.

- Всё. Что ещё делать? – спросил он.
- Молись чтобы «скорая» быстрее приехала, - посоветовала Аурика: «Сейчас каждая минута на счету».

Долго молиться не пришлось. Буквально через пять минут раздался стук в дверь и врач в сопровождении фельдшера с кислородной подушкой возникли на пороге.

В приемном покое, под холодным светом люминесцентных ламп, многократно отраженным в белом кафеле стен, дежурный врач, заполняя историю болезни, отчитывал Вальку: «Ну, как же Вы, молодой человек до такого состояния отца довели? Грязный, неухоженный. Да и с алкоголем в его годы нужно аккуратнее быть. Стыдно!» Валька молчал, понурился. Не найдя в спешке паспорт Аполмоныча, он записал его на свою фамилию. Геннадий Аполмонович Кучеров. И хорошо, что никто не заинтересовался, почему у Геннадия Аполмоновича сын Валентин Николаевич.

- Выйдя из больницы он, как и обещал Аурике, позвонил Ирме.
- Всё нормально. Он в реанимации, под капельницей. Врачи ничего не гарантируют, но обнадеживают, - едва ворочая языком от усталости, доложил он. События этого дня, наложившиеся на предыдущие оказались неподъёмной ношей для организма.
- Может, приедешь? – с надеждой предложила она.
- Нет. Не сегодня. Силы только до дома добраться осталось. Извини.

Повесил трубку и задумался, а хватит ли сил дойти до дома, где его никто не ждёт и всё напоминает о несчастном Аполлоныче. Целых пять остановок на автобусе. А до Таганки всего четыре. Правда, в другую сторону. И он снова набрал номер.

- Наташа, привет. Разбудил?

- Нет, что ты. Сажу над проектом работаю. А у тебя что-то случилось?

- Не у меня, - он тяжело вздохнул: «Я только что хорошего человека в реанимацию сдал. Моего хозяина квартиры».

- Ой, Валя, как жалко-то, - искренне посочувствовала она.

- Переночеватьпустишь? - набрался наглости Валька.

- Конечно. Приезжай. Я сама хотела предложить, но постеснялась.

Валька прокатился в полупустом автобусе, практически не замечая мелькающего за окнами городского пейзажа и лишь объявление водителя, что они прибыли на улицу Интернациональную, привело его в чувство. Подъезд. Лестница. Обычно он бегом взлетал на третий, но сегодня только на лифте. Дверь. Звонок. «Привет».

- Красавчик. Ничего не скажешь, - Наташка, взяв его за подбородок, повернула направо-налево, любуясь неопикуемой «красотой» смертельно вымотанного человека: «Проходи, я сейчас поестъ разогрею. Поди, опять весь день голодным бегаешь? А ты пока иди в душ».

- Спинку потрёшь? - вяло поинтересовался он, вешая куртку мимо крючка.

- Обойдётся, - засмеялась она и показала Вальке язык.

Как он мылся и что ел Валька так и не понял. Более-менее осознал себя уже с кружкой чая в руках, рассказывающим Наташке о делах последних дней. Видимо настолько накопилось, что просто прорвало плотину его сдержанности. Она слушала внимательно, сопереживая, где взглядом, где вздохом, но, не говоря ни слова. Лишь в эпизоде с брошенной на пол соткой «баксов» всплеснула руками: «Ух, как ты её... Круто».

- Ибо нефиг. Заслужила, - ответил он на полном серьёзе.

- И всё-таки злой ты, Валя.

- Я не злой, я - справедливый.

Постепенно язык его начал заплетаться, речь становилась всё менее связной, а глаза пытались закрыться вопреки его желанию.

- Так, с тобой всё ясно. Марш в кровать, - скомандовала Наташка: «Я тебе уже постелила».

- А ты? - он с трудом поднялся на ватных ногах, словно в опустошенной им кружке был не чай, а крепкий коньяк, и пошатнулся. Она поддержала его за локоть: «А вот падать не надо. Я тебя потом не подниму». Кое-как доплёлся до дивана и рухнул, имея твёрдое намерение немедленно уснуть, причём не раздеваясь.

- Эй, подожди, - тормознула она и, схватив за плечи, заставила сесть. Ловкими пальцами расстегнула рубашку, сняла её, а затем, дав его телу возможность упасть, занялась брюками.

- Ловко у тебя получается, - едва смог произнести он.

- Имею большой опыт по раздеванию твоего папеньки, - засмеялась Наташка, вытряхивая его из штанов. Укрыла одеялом, присела рядом, опираясь спиной о подлокотник дивна и, положив его голову себе на колени, подала команду: «Спи».

Утром он проснулся сам. За окном тихо шелестел в молодой листве первый весенний дождик и аромат тополиных почек, врываясь в раскрытую балконную дверь, наполнял комнату до краёв, как вино наполняет бокал. В квартире было пусто. Он встал и прошёл на кухню. Не сказать, чтобы бодро и весело, но намного лучше, чем вчера.

На кухонном столе его ожидала записка. Калиграфическим почерком с характерными завитушками было написано:

«ВАЛЯ, ЗАВТРАК В ХОЛОДИЛЬНИКЕ. Я УЕХАЛА НА ВСТРЕЧУ С ПОДРЯДЧИКОМ. ВЕЧЕРОМ ПОЗВОНИ, РАССКАЖЕШЬ КАК ДЕЛА У ГЕННАДИЯ АПОЛЛОНОВИЧА.

Ц --- Ю.

Н.

P.S. БУДЕШЬ СНОВА ВО СНЕ РАСПУСКАТЬ РУКИ, ДАМ ПО МОРДЕ.
ПО НАГЛОЙ СПЯЩЕЙ МОРДЕ.

И пририсована мордашка, показывающая ему язык.

Глава XI

Что наша жизнь? Игра!

Бедного «Шерьку», подложив старые покрышки, завалили на бок, предварительно разобрав салон, выдернув из него двигатель, коробку передач и сняв глушитель. Бесстыдно предстало глазу то, что обычно видно лишь слесарям-гинекологам из смотровой ямы. Ржавое днище, с лохмотьями отвалившегося антикоррозийного покрытия и дыры в тех местах, где железо прогнило насквозь.

- Ну-с, приступим, - вдохновенно произнёс Кержач и, чиркнув зажигалкой, запалил резак. Четвёртый пристроился сбоку с пожарным шлангом в руках. Операция началась.

Валька стоял в стороне и наблюдал как мастер, прихватив сваркой кромку листа к порогу автомобиля, начал прогревать железо, отстукивая раскалённые места молотком. Лист шипел и гнулся, принимая форму днища, а Четвёртый с пожарным шлангом бдительно следил, чтобы машина не вспыхнула, брызгая водичкой в подозрительно дымящиеся места.

- Не смотри! – трагическим голосом произнёс Серый, закрывая ладонью ему глаза: «Твоя печаль разрывает мне сердце!»

- Я крепкий, я выдержу, - гордо вскинул подбородок Валька и демонстративно смахнул несуществующую слезу.

- Пошли лучше чай пить, придурки, - ласково пригласил их подошедший Никеша: «Кержачу здесь дня на два работы хватит».

С финансами всё разрешилось как-то сразу, едва появился покупатель на «Бэxu». Богатый «папик» решил побаловать свою «деточку» подарком, а поскольку девочка с ногами от ушей и силиконовыми грудными прокладками №5 просто завизжала от восторга, едва увидев машину, то и торговаться не стал, отвалив сколько запросили. А запросил Валька от души так, что и с Андрюхой рассчитался, и на ремонт «Шерьки» деньги остались. К тому же, доход от работы «таксопарка» неуклонно продолжал расти и Валька прикинул, что, даже не садясь за руль, теперь он зарабатывал намного больше, чем гоняясь по ночной Москве за пассажирами. Но за «баранку» всё равно тянуло, и он был вынужден признаться самому себе, что ему душно в тесных стенах магазина. Хотя и нравилась игра под названием «бизнес», но непередаваемое ощущение скорости и единения с автомобилем настолько отравили кровь, что сопротивляться этому было невозможно. Спасало только, что иногда ночью врезав от души по пустому проспекту Андропова, можно было пролететь, едва касаясь асфальта, на бреющем полёте, разгоняя по жилам адреналин. Даже сейчас, временно оставшись без машины, он чувствовал себя птицей с подрезанными крыльями. К тому же, добираться по своим делам без машины намного сложнее. Хорошо ещё магазин недалеко от метро, а к Аполлонычу в больницу как? Пока автобуса дождёшься, пока он, едва не разваливаясь на ходу, доползёт до нужной остановки. Вся спина мокрая, тем более, что солнышко уже начало жарить совсем не по-весеннему.

- Когда выезжаешь? – Серый наполнил кружки и пододвинул одну из них Вальке.

- Сегодня в ночь, - он отхлебнул обжигающей жидкости и потянулся за сигаретой: «Слушай, а чего Андрюха такую гонку устроил?»

У Андрюхи на подходе новая «тачка», а он ухитрился свалиться с воспалением лёгких. Серому тоже не до того. В «конюшне» весенний гон и каждая пара рук на счету. Вот и подписали «безлошадного» Вальку, благо, что он в теме. Причём, всё очень срочно, так что очередную визу пришлось открывать буквально за два дня, дав денег присосавшимся к процессу оформления посредникам. Зато всё успели. Документы на получение груза, доверенность и пара сотен долларов на непредвиденные расходы получены. Билет на поезд в кармане. Страна Суоми ждёт.

- Ему Геша поздно сообщил, а за стоянку машины в порту тариф из серии «мама не горюй», вот и засуетился, чтобы лишнего не платить, - Серый достал из своей барсетки мобильный телефон и протянул ему: «Держи. Это он тебе передал».

- Так ведь у меня день рождения только в июле, - ехидно заметил Валька.

- Ха! Наивный. Дождёшься от Андрюхи подарка, - рассмеялся мастер: «Это для связи с ним, если возникнут сложности. Но долго не болтай. Дорого. Он предупредил».

- Хорошо. Постараюсь его не разорить, - пообещал он и выложил на стол пачку денег: «Вот. Это за ремонт машины».

- Мы с тобой по предоплате не работаем, - Никеша даже слегка обиделся: «Вернёшься, мы как раз «тачку» сделаем, вот тогда и заплатишь».

- Ну, мало ли что... - поморщился Валька. Машина была всего одна, и гнать её приходилось в одиночку, а «дорожные сборы» под Выборгом никто не отменял. Так что определённый риск был и все это прекрасно понимали.

- Пойду я, пожалуй. Мне ещё в магазин нужно и Гриню проинструктировать, - он отодвинул опустевшую кружку: «Не балуйтесь тут без меня».

- Ты сам поаккуратнее, - попросил Никеша, подавая ему руку.

- И на финок не очень засматривайся, - усмехнулся Серый: «А к Аполлонычу в больничку мы заглянем, не волнуйся».

Хельсинки встретил его теплом и солнцем, почти как в Москве, хотя и находился почти на тысячу километров севернее. Прямо с вокзала Валька рванул в порт, но спешка была преждевременной. Паром с машинами ожидали только завтра утром. На Балтике бушевал шторм.

- И чего кипешь поднимали? – удивился он и сам же себя успокоил: «Ладно, хоть город посмотрю». Отзвонился Андрюхе. Тот, матюкнувшись коротенько, видимо для экономии эфирного времени, дал добро на ночёвку в гостинице и Валька со спокойной совестью временно превратился в туриста.

Впрочем, смотреть в столице Финляндии было особенно не на что. Небольшой городишко с узкими улочками и европейской архитектурой. Никаких особых достопримечательностей он не обнаружил и ближе к вечеру решил заняться вопросом ночлега. Долго искать не пришлось. Фешенебельное здание с надписью «Holiday Inn Helsinki» сразу привлекло его внимание, и расслабленной походкой скучающего туриста он направился в вестибюль мимо вытянувшегося в струнку швейцара.

Вышел он минут через пять несколько озадаченным. Самый дешёвый номер обошелся бы ему в двести сорок долларов. От таких расходов Андрюху точно бы кондрашка хватила и он, сберегая его здоровье, направился на поиски чего-то более приемлемого. Двести, сто восемьдесят, сто пятьдесят... Он заходил во все гостиницы, встречавшиеся ему на пути, но ценник продолжал обескураживать. Тогда он пошёл на хитрость. Отискал какую-то затрапезную пивнушку, спрятавшуюся в подвале старого дома и, заказав себе кружку тёмного пива, пристроился возле стойки. Забегаловка была явно не из лучших, провонявшая табачным перегаром и кислым пивным запахом, но именно такая ему и была нужна по причине собирающегося в таких заведениях контингента из нижних слоёв общества, несомненно, обладающего информацией о самых дешёвых заведениях в городе.

- Терве, - любезно поприветствовал его подошедший к стойке за очередной дозой абориген.

- Терве, - ответил он, улыбаясь как можно обаятельнее, и перешёл на английский: «Только я не понимаю по-фински, к сожалению».

- О, я понимаю, - на языке международного общения успокоил его финн, дружелюбный и добрый от выпитого пива: «Ты откуда? Погоди, попробую угадать. Немец?»

- Нет.

- Датчанин? Хотя акцент у тебя немецкий.

- Я – русский.

В глазах финна появилась некоторая опаска. Что только не рассказывают про этих диких русских, но его собеседник вёл себя спокойно и уверенно, что несколько снизило настороженность.

- А что ты делаешь в Хельсинки? – спросил он, опуская мясистый красный нос в кружку с пивом.

- По делам приехал, - ответил Валька и рассказал о причинах заставивших его посетить столицу Финляндии, как бы вскользь упомянув о проблеме с ночлегом из-за дороговизны в гостиницах.

- О, это не проблема, - заявил его визави и что-то крикнул по-фински кампани за столиком у дверей, дружно переливающей в свои желудки пенный напиток. На его зов один из собутыльников встал и подошел к стойке.

- Эдди, этому парню негде переночевать. Скажи, hostel на твоей улице ещё работает? – видимо из уважения к гостю финн говорил по-английски.

- Да. Хотя муниципалитет уже трижды грозился его закрыть.

- Ты можешь показать ему дорогу.

- Конечно, Урве. Я даже могу его проводить.

Так в сопровождении Эдди он и попал в это заведение. Сам бы никогда не нашёл. Обычный подъезд обычного дома с кнопками домофона, где на втором этаже и располагался hostel, представлявший из себя длинный коридор с рядами выходящих в него дверей и небольшой стойки, за которой скучал молодой мулат, предоставивший в полное распоряжение Вальки маленькую комнатку в которую с трудом вместились кровать, тумбочка и умывальник. Остальные удобства находились в конце коридора и предназначались для общего пользования. Всё удовольствие стоило тридцать долларов. Андрюха мог не волноваться за свой бюджет.

Но спать на голодный желудок совсем не хотелось, а пара булок, захваченных ещё из Москвы, за целый день успела перевариться в ненасытном желудке, и Валька вышел на улицу, припомнив, что где-то недалеко ему попала на глаза вывеска «Pizzeria». Пицца явление международное, а в такой ситуации как-то не до дегустации блюд национальной кухни, и он заказал себе самую большую и толстую лепёшку. Пиццмейкер, или по-местному «пиццайло», быстренько разогрел заказ в духовке и, поставив его перед Валькой, кивком головы указал на стойку с различными соусами, из которых каждый посетитель мог выбрать себе по вкусу. Бутылок было много, а жрать хотелось уже неимоверно, поэтому не долго думая, он схватил ту, что с краю и обильно оросил своё блюдо. Поставив бутылочку на место, он заметил, что «пиццайло», впрочем, как и некоторые из посетителей смотрят на него, едва не раскрыв рот от удивления, а некоторые даже ехидно улыбаются. Почуввав неладное, снова взял бутылочку и прочёл надпись на этикетке. «Sous Chili». Он перевёл взгляд на свою пиццу, покрытую толстым слоем термоядерной приправы и на приготовившуюся к развлечению публику, взял тарелку, пересел за столик и неторопливо, демонстрируя высшую степень наслаждения, съел всю пиццу до последнего кусочка. Завершающим аккордом было то, что собрав корочкой, оставшуюся на тарелке подливу, отправил её в рот и облизнулся.

- Senior Mexicano? – с лёгким восхищением спросил «пиццайло», когда Валька проходил мимо него к выходу.

- No. Senior Russo, - гордо ответил он, пытаясь справиться с раскалёнными углями во рту.

Утром Валька с удовольствием покинул свой ночлег, устав за ночь бороться с наглыми усатыми тараканами, норотившими без стеснения погулять по его лицу. Паром уже стоял на выгрузке и, оформив грузовые документы, Валька получил ключи от машины фирмы «Dodge», модель «Neon». Так себе оказалась машинка. После «Тойоты», не говоря уже про «Бэку», просто «ВАЗ-2108» в заморском исполнении. Но зато безо всяких повреждений системы охлаждения. Он аккуратно, стараясь ничего не

нарушить, выбрался из города и направился по знакомой магистрали в сторону России. За окном вместо зимних сугробов мелькали рожицы невысоких деревьев, оттеняющие свежей зеленью бурый камень скал согретых ласковым весенним солнцем и если бы не резь в желудке, вызванная последствием вчерашнего гастрономического героизма, то ощущение счастья было бы полным. А значит, срочно требовалось что-то закинуть в эту пылающую утробу, и желательно съедобного, но по пути попадались лишь автозаправки с набором кофе и сэндвичей. Он уже почти отчаялся нормально поесть до пересечения границы, но на его счастье сбоку мелькнула вывеска «Restaurant HO-RO-SHO» и он свернул с дороги.

Ресторан был пуст. От слова «совсем». Но его появление не осталось незамеченным и молоденькая девушка, в накрахмаленном переднике, вышла ему навстречу.

- Ай вулд лайк хэв э дина... - начал было он, но девушка улыбнувшись прервала его.

- Русский, - даже не вопросительно, а утвердительно сказала она, абсолютно не сомневаясь: «Что кушать будем?»

- Что-нибудь самое вкусное и побольше.

- Борщ со сметаной и котлеты из телятины с жареной картошкой. На десерт могу предложить клюквенный кисель.

- Мммм... - даже застонал он: «Давайте всё и побыстрее, пока я не захлебнулся собственной слюной»,

Умереть столь необычным способом ему не дали и уже через десять минут он с энтузиазмом наворачивал из глиняного горшочка густой, наваристый борщ, заедая щедро намазанными чесноком ржаными гренками. Девушка-официантка принесла второе и, поставив блюдо на стол, присела на свободный стул.

- Люблю я смотреть, как наши едят, - с улыбкой призналась она.

- А фто? Финны не туда лофку суют? - с набитым ртом поинтересовался он.

- Нет. Они не столько едят, сколько ковыряются. А наши... Трескают от души. Для таких едоков и готовить приятно.

- Как работаем, так и едим, - заявил он, пододвигая к себе тарелку с картошкой и котлетой, источающей волшебный аромат специй.

- А Вас что занесло в эти «палестины», - второе блюдо он ел уже без спешки.

- Работаю. Вернее подрабатываю. Мама за финна замуж вышла и это его ресторан, а я в Питере живу и учусь. Сюда мотаюсь в свободное время, - ответила она.

- А насовсем сюда переехать?

- Ни за что. Скучно здесь, да и народ какой-то замороженный, - категорически отвергла девушка такое предположение: «Даже мама не хотела уезжать, но, сами понимаете, ресторан... бизнес... В Питере такого нет».

- А как Вас звать-величать? - спросил он, уже прощаясь.

- А зачем Вам?

- У меня друзья иногда по этой дороге проезжают. Скажу им, где лучше всего в Финляндии кормят.

- Маша, - ответила она, зардевшись от удовольствия: «Пусть приезжают».

Он отметил на прихваченной с собой ещё из Москвы карте местоположение ресторана и тронулся в дальнейший путь, слегка осоловевший от такого роскошного обеда. Может быть поэтому, когда пришло время поворачивать в сторону таможни, поворот он прошляпил и сам не заметил, как отмахал ещё с полсотни километров мимо. Попытался сориентироваться по дорожным указателям, но все они указывали направление на север, а карта требовала двигаться на юго-восток. Проехал ещё с сотню вёрст и наконец-то обнаружил скромную, почти кустарного производства стрелку с надписью «Russia». Свернул и оказался на дороге сугубо местного значения, петляющей между деревьев, но следующий указатель подтвердил правильность его движения и он двинул дальше. Постепенно дорога становилась всё хуже, сменив асфальтовое покрытие на плотно укатанную щебенку. Казалось, что он один пробирается по этому лесу в неизвестность, но встречный лесовоз с российскими

номерами внушил надежду на благополучный исход путешествия. А ещё через час он выехал к таможене.

Вначале он даже не понял, что это такое. Среди леса и вдруг пустая асфальтированная площадка с аккуратным двухэтажным домиком. Если бы не надпись «Customs» и полосатая палка шлагбаума, то так и проехал бы мимо, но штампик в паспорт всё-таки требовалось поставить.

Невозмутимый финн в униформе, не задавая никаких вопросов, выполнил свои служебные обязанности и так же молча, кивнул дежурному у шлагбаума: «Выпускай». Валька снова выехал на дорогу и попылился дальше в ожидании поста уже с российской стороны, но его всё не было. Пять километров, десять, двадцать... Валька даже начал сомневаться, а не возвращается ли он обратно в Суоми, сделав круг, но внезапно за поворотом показалась будка возле которой, облегчив себе службу снятием сапог, сидел на пенёчке солдат в фуражке с зелёным околышем. На приближение машины он никак не отреагировал, и Вальке пришлось самому окликнуть служивого: «Эй, боец, а до Родины далеко?»

- Километра три ещё будет, - зевнул сержант, поправляя прислонённый к пенёчку АКМ.

- А здесь что?

- Зона Сейменского канала. Совместные владения, - и снова зевнул, демонстрируя бдительность.

Действительно, через несколько километров показались казённые домики таможенной заставы с традиционной палкой шлагбаума. Правда, в отличие от финнов, асфальтом здесь и не пахло, зато присутствовали два гружёных лесовоза, готовых покинуть пределы России.

- И как же тебя сюда занесло, милоч? – удивился таможенник, отмечая его возвращение очередным штампом: «По этой дороге только грузовики ездят».

- Ну, теперь и я тоже, - усмехнулся Валька, а сам подумал, что Андрюха наверняка обрадуется такой лазейке и не преминёт воспользоваться. Выигрыш во времени, по сравнению с прозябанием в очереди был очевиден.

Поплутав в Карельских лесах он, ориентируясь по указаниям местных жителей, всё-таки смог выбраться на Петрозаводскую трассу и, объехав Ладогу, вышел на Московский тракт прямо напротив мотеля, где они останавливались в прошлый раз. Получилось на триста с лишним километров дальше, но без очередей на таможене и в обход Выборга с его «дорожными поборами».

В Москву он должен был вернуться поздним вечером, но неутолимое желание поскорее увидеть, что получилось с ремонтом его железного друга, заставляло давить на газ и в «конюшню» он прибыл ещё засветло. Конечно, это стоило двух штрафов за превышение скорости, но оно того стоило.

Едва он заехал на площадку и обменялся матерными приветствиями с мастерами, как из вагончика появилась какая-то рыжая девица и деловито, по-хозяйски потащила к мусорному контейнеру целлофановый пакет с картофельными очистками.

- А это кто? – поинтересовался Валька: «Новый набор слесарей? Мало вам одного рыжего?»

- Подпольщицы, - пояснил Серый.

- Шлюхи, - уточнил Никеша.

- Ну, их нафиг! Пошли твою машину смотреть, - Кержачу явно не терпелось похвастать результатами своего труда. Конечно, о каких бабах может идти речь, если машина в ремонте. Любой мужик подтвердит.

Действительно, из смотровой ямы работа мастера выглядела просто великолепно. Сплошной лист металла плотно облегал днище, скрывая все дыры и прорехи кузова.

- Мне пришлось лонжероны сплошными сварить, - похвастал Кержач: «Так что теперь можешь из своей тачки кабриолет сделать или с трамплина прыгать. Всё пофиг!»

Валька прикинул, что кабриолет делать в нашем климате ни к чему, а вот устойчивость кузова к экстремальным нагрузкам оценил: «Круто, мастер».

- А ещё из салона в дыры битума накачал между листом и старым кузовом. Получилось, вроде шумоизоляции, - продолжил Кержач: «И гнить поменьше будет».

- Ваще ништяк, - согласился Валька, засунув голову в салон: «Только воняет сильно».

- Выветрится, - успокоил мастер.

- Спасибо, - он искренне пожал мозолистую руку сварного: «Коньяк с меня».

- Лучше водочки, - намекнул Кержач, покосившись на Никешу с Серым.

Валька сел на водительское место. Сердце радостно бухало в груди от предчувствия скорого полёта над серым полотном дороги на любимом автомобиле.

- А это что? - он кивнул на кулёк, валяющийся на заднем сидении.

- Мусор, - Кержач усмехнулся: «То, что у тебя под коврами и за задним сиденьем нашли. Очень даже исторические вещицы».

- Ну, спасибо, мужики, - Валька вылез из машины и отвесил поясной поклон мастерам: «Один только вопрос - а эта штука после вашего ремонта ездить будет?»

- Никеша, а можно я его всё-таки убью? - тихо спросил Серый у товарища.

- Только после меня, - отрезал тот, подхватывая с верстака большой рихтовочный молоток.

- Эй, эй... Тихо. Без нервов, - осадил он их порыв: «Меня убьёте, а кто вам деньги привозить будет?»

- Ладно, убедил, - согласился Серый.

- Живи пока, - добавил Никеша, бросая своё орудие: «Идите чай пить. Я догоню».

В бытовке было непривычно чисто. Не валялись разбросанные Серым в порыве творческого процесса детали, не висели на спинке кресла Никешины портянки и даже пепельница из старого поршня от какого-то грузовика, хотя и была наполнена окурками, но не через край.

- А что за девица у вас появилась, - спросил Валька, разливая кипяток по кружкам: «Почему подпольщица?»

- Их тут двое. Светка нам подсуропила. Помнишь такую? - Серый пригоршнями поделил по кружкам заварку: «Эти подруги вляпались по самые «небалуйся», вот она нам их и подписала на сохранение».

- Серьёзно влипли?

- Сняли девчонок для какого-то «авторитета», а наутро он полста «штук» зелени в сейфе не досчитался. Девки, ясен перец, врубались, что сейчас на них всё это повесят, а заодно и их самих, вот и драпанули. Короче, поселили их в клетушке, где запчасты лежат. Пусть пересидят.

- А Никеша что? - Валька кивнул в сторону прибитого на стене лифчика.

- Вопил, конечно. Не без того, - признал Серый.

- Но потом одна из них уединилась с ним на полчаса и он сдался, - добавил Кержач.

- Рыжую Юлькой зовут, а вторую...

- Ксюха! Привет, - Валька кивнул вошедшей со сковородкой в бытовку девушке: «Каким ветром в наших краях».

Грудастая Ксюха, в своё время сменившая Ларису на посту бандерши, от изумления даже замерла, но очень быстро оправилась, и даже обрадовалась старому знакомому: «Ой, Валька, привет. А мы тут картошечки к обеду пожарили».

- Спасибо, деточка. Мы после поедим. Сейчас по плану у нас... эээ... совещание, - Серый приподнял закрывавшее кружки с настоем полотенце, и ядрёный аромат чая разнёсся по помещению.

- Остынет же, - раздосадовано заметила Ксюха.

- Ничего. Пусть лучше картошка остынет, чем «чифирь», - отрезал Кержач и она, вздохнув, ушла.

- Валюшок, скажи мне, положи руку на сердце, - проникновенно заглянул ему в глаза Серый: «Ты всех проституток в этом городе знаешь?»

- Нет. Только особо выдающихся, - сознался он, кивнув на экспонат героических размеров, напоминающий о пресловутой «Катьке-Два-Лимона».

Возле подъезда, рядом с уже привычными старушками, бдительно несущими свою вахту, обнаружился ещё один персонаж. В рясе и с наперсным крестом стоял батюшка, не иначе как вдохновляя свою паству на более строгий контроль за нравственностью жильцов. Валька кивнул, изображая приветствие, и уже хотел проскользнуть мимо, как священнослужитель окликнул его: «Молодой человек, можно Вас на минуточку?»

- Да. Я слушаю, - он насторожился. Чего ещё этому попу от него надо?

- Я так понял, что Вы тот молодой человек, что квартирует у Геннадия Аполмоновича?

- Правильно поняли.

- Хочу выразить Вам свою сердечную признательность за заботу о рабе Божиим Геннадии. С тех пор как Вы живёте в его квартире, дух его значительно окреп.

Валька подумал, что о духе «раба Божия» он как-то даже не подумал, а вот с дурной привычкой жрать водку и не мыться так и не справился, но батюшке такие мысли озвучивать не стал, скромно пробурчав что-то типа «не за что», а потом добавил: «А Вы знаете, что Геннадий Аполмонович в больнице?»

- Знаю и молюсь за него.

- А навестить Вашего прихожанина в сей юдоли скорбной не хотели бы?

- Не знаю, - растерялся поп. Видимо за суетой ежедневных забот такая мысль даже не приходила ему в голову. «Пожалуй, Вы правы. Навещу», - заявил он: «Спасибо, что надоумили».

- Не стоит благодарности, - усмехнулся Валька: «Всего доброго».

- До свидания, - ответил служитель церкви и добавил: «Христос воскрес!»

«Ах, да... Пасха же...», - вспомнил он: «Воистину воскрес!». Но целоваться с батюшкой не стал.

На майские праздники с работой просто завал. Кому в гости, кому на дачу. А на дачу, так ещё и с вещами! «Банда» крутилась как белки в колесе, но всё же не успевали закрыть водопад заказов, хотя Валька тоже сел за руль, оставив магазин на Татьяну. Особенно остро ощущалась нехватка мелкогрузового транспорта, способного перевезти с пяток чемоданов, детскую кроватку, а до кучи телевизор и тумбочку.

- У вас клиенты на «Газелях» есть? – в полной запарке обратился он к Никеше.

- Трое. А ещё «Жук» польский, - даже не сверяясь со списком, ответил колчерукий.

- Телефоны дай! – взмолился Валька: «Пропадаю!»

Две «Газели» и «Жук», позарившиеся на дополнительный приработок в праздничные дни, спасли ситуацию. Особенно порадовало, что после окончания всеобщего загула страны с первого по девятое включительно, Костя, промышлявший на своём стареньком «Жуке» грузовыми перевозками в частном порядке, попросил включить и его в список команды. Две грузовых – это уже хорошо, но он прекрасно понимал, что это не предел, тем более Вахтанг, убедившись в надёжности водителей и их пунктуальности, стал рекомендовать Валькину компанию знакомым и партнёрам по бизнесу. Так что работы было столько, что Валька порой смущал клиентов, когда сидя за рулём по рации начинал координировать работу своих парней.

- Халё, шеф, це Гриня. Клиент доставлений. Зараз не у дел.

- Добро. До шестнадцати тридцати на «свободной охоте», а потом на Каширку, двадцать один. Не опоздай.

- Зрозумію.

Прямо на ходу, не снижая скорости: «Лера, ты почему не на связи?»

- Извини, Николаич. В ларёк отходил.

- Я те отойду! Мухой на площадь Победы. Клиент заждався.

- Лечу.

Не машина, а просто командный пункт какой-то или диспетчерская на колёсах. Это, конечно же, вызывало интерес у пассажиров, а в результате очередная визитка компании перекочёвывала в карман потенциального постоянного клиента.

Раскрутился маховик жизни так, что передохнуть некогда, не то чтобы к Ирме съездить. Впрочем, и ей не до свиданий. С мая началась практика. Распределили их по салонам красоты и парикмахерским, чтобы опыта набирались, а вот платить за это не додумались, так и приходится ей вечерами мотаться по району и стричь тех, кто на её объявления откликнулся. Валька протестовал, но она категорически отказывалась от его помощи, объясняя, что уже »взрослая девочка» и умеет сама зарабатывать. Каким трудом достаются ей эти деньги, он понял, когда Ирма однажды, во время одного из редких свиданий, уснула в самый ответственный момент, расслабившись в его объятиях. Впрочем, ему и самому приходилось спать урывками, чутко прислушиваясь к вызовам в эфире.

Пристроился себе на диванчике в директорском кабинете и уснул, пока выдался час затишья, под шипение включённой радиостанции на столе. Спит, а уши топориком, чтобы вызов не пропустить. Спит и слышит, как тихонько скрипнула дверь, и чьи-то осторожные шаги потревожили растрескавшуюся половицу. «У девчонок лента для кассового аппарата закончилась», - предположил он, даже не собираясь просыпаться, а лишь плотнее с головой, кутаясь в плед. Но лента для кассы оказалась не при чём, потому что кто-то присел на край дивана, касаясь его горячим бедром и нежные пальчики погладили торчащую из-под пледа макушку. «Кто это?» - в полусне подумал он: «На смене Бэлла и Арина. Но толстушка вряд ли на такое пойдёт...» И припомнилось Вальке, как предупреждала его Татьяна Премудрая: «Ты поаккуратнее будь... Бэлла на тебя глаз положила». «Брось. Нужен я ей как собаке палка», - возразил он тогда, но она возразила: «Значит нужен. У тебя с женой разлад, она разведённая, а по нынешним правилам приличия с шефом положено спать. Про наши с тобой отношения она в курсе, Аринка не при делах, так что... Берегись, Валя. Она девушка решительная».

Пальчики ласково гладившие его волосы потихоньку начали смещаться к уху и дальше, к шее. «Решительная девушка» уверенно переходила к активным действиям. Ситуация складывалась патовая. Прогонишь – обидится, а то и почувствует себя оскорблённой, и отношения будут испорчены. А специалист хороший. Пойдёшь на поводу – нарушишь собственное же правило не заводить шашни на работе, а там, глядишь, и на шею сядет. А оно ему нужно? Опять же, Ирма... Валька распинал мирно спящий мозг и заставил его напрячься.

Предложенное мозгом решение, можно было придумать разве что спяну или в бреду. Он, не открывая глаз, повернулся на бок, одновременно издав губами звук «тррруу...», словно бы ...невзначай выпустил газы. Его посетительница прыснула от смеха в ладошку и, зажимая рот, чтобы не расхохотаться, выскочила из помещения. «Вот и ладненько», - с облегчением подумал он: «Главное, что без последствий».

«Подпольщицы» на Дубровке обжились и постепенно пришли в себя. Сначала перестали прятаться по углам при въезде на площадку каждого клиента, а потом и вовсе перестали скрываться. Правда, за забор пока ни ногой. Но они и здесь нашли себе занятие. Пользуясь окончательно наступившим теплом, стали предлагать клиентам услуги по мойке машин. А клиенты и рады. Мало того, что «тачку» вымоют, так ещё и вволю насмотришься, как работают эти двое, в шортах из старых рабочих штанов и мокрых маечках на пять размеров больше. А посмотреть было на что. Аппетитная, что спереди, что сзади Ксюха, чьи выдающиеся в нужных местах формы только подчёркивала тонкая талия, и гибкая, грациозная Юлька делающая «шпагат» на капоте автомобиля. Вот так посидят клиенты, наглотаются слюней, а потом выходят с предложением к девушкам уединиться по сходной цене. А девушки, в принципе, и не против... Но тут нашла коса на камень.

- Вы что автосервис публичный дом превратить решили? – возбудил Никеша: «Не по понятиям это!»

- С каких это пор ты блатным заделался? – осадил его Кержач: «Ты ж на зоне честным «мужиком» был, а девчонкам заработать надо. Не вечно же нам их кормить».

Спорили, ругались, лаялись. До драки не дошло, но сцепились крепко и в итоге пришли к выводу, что «обслуживать» клиентов девчонки могут, но к заработанным ими деньгам мастера не прикоснутся, «патомушто впадлу». А вот пить коньяк и трескать хавчик, купленный на «срамные» деньги, очень даже согласны.

Тут-то клиент и попёр. Коляннич приезжает, бросает «Ниву» посреди плаца, и Никеше вместо приветствия: «Держи ключи. Почини машину».

- А что чинить?

- Не знаю. Придумай что-нибудь, - а сам уже в бытовку: «Ксюша, Ксюшенька, ты где?»

Или Юрец. Серый колодки с его драндулета снял и матом: «А чего (трам-тарарам) эти(трам-пам-пам) колодки менять? Тут ещё (трям-трям-трям) и наполовину не износилось (трах-тибидох-тах-тах)?»

- Ну, скрипят же, Серый. Ты поменяй, а я пока к девчонкам.

Никеша бесится, а Серый ржёт: «Вот это, я понимаю, реклама!» Злится колчерукий, но недолго. Пока Ксюша не придёт и напряжение с него не снимет. Тут она крупный специалист. Вот тогда он снова добрый и покладистый.

А Валька свою машину мыть не дал. И не потому, что жадный. Просто машина должна руки хозяина знать.

Наконец-то добрался разобрать кулёк с «историческими» находками, что нашли при разборке салона. Действительно, вся история автомобиля наглядно и показательно. Вот горсть монет разного достоинства и годов выпуска. Сохранность, от позеленевших вдрызг до новеньких и блестящих. Выпадали из карманов и закатывались в щель между спинкой и сидением заднего дивана, да так там и хранились. А это три рубля ещё зелёные, СССРовские, найденные под ковриком на задней полке. Явно заначка и по тем временам не хилая. Одноразовая зажигалка, ещё из старых, с самопально врезанным клапаном для заправки, пилочка для ногтей и даже красивая заколка для волос с блестящими камушками. Валька припомнил, что вроде бы такая же была у Марии, пока он не растрепал ей причёску. Действительно исторические артефакты. А ещё желтые перчатки из тончайшей кожи, явно от какого-то пижона. Он натянул их на руки. С трудом. Но зато ладони легли на баранку как влитые. Удобно, и руль в повороте не выскользнет. Он попытался их снять, но не тут-то было. Облепили кисть, словно вторая кожа и пришлось приложить немало усилий, чтобы их стянуть.

Так и рулил периодически, не снимая перчаток, и как, оказалось, нашлись они очень вовремя. По собственному разгильдяйству или по запарке, но обнаружил, что время действия техосмотра закончилось ещё месяц назад. Вопрос, в сущности плёвый. Дал денег кому надо и талончик прямо на дом доставят. Тем боле, что самому проходить освидетельствование лучше и не пытаться. Настояисься в очередях в пол дня длинной, а в итоге всё равно «ментам» денег отстегёшь, потому что это их законная кормушка, а на любой машине, даже новой, всегда найдётся к чему придраться. Но процесс этот не быстрый и приходилось красться по улицам тихой сапой, стараясь не привлекать внимания ГАИ. Скорость – строго по ограничению, перестроения – аккуратно, езда – только в своём ряду. Но нашёлся-таки один излишне любопытный с полосатым жезлом, что заинтересовался, отчего это водитель вишнёвой «копейки» так правильно ездит. Махнул своей волшебной палочкой и у Вальки по спине тут же побежали мурашки, в предчувствии чего-то нехорошего. Припарковался аккуратноенько и вышел навстречу сержанту, доставая из нагрудного кармана портмоне с документами, а попутно высчитывая, насколько легче станет сегодня его кошелёк. Сержант представился, взял Валькины права, и, сверив личность, стоящую перед ним, с той, что на фотографии, небрежно бросил: «А техосмотр где?»

Талон техосмотра был в том же узком отсеке портмоне и Валька, вздохнув от безвыходности, начал выцарапывать его оттуда. В перчатках вполне можно было включить приёмник или прикурить сигарету, но с изъятием тоненького кусочка картона возникли проблемы.

- А перчатки что? Снять в падлу? – усмехнулся ГАИшник.

- Не в падлу, - на автомате ответил Валька и внезапно для самого себя добавил: «Просто экзема замучила». «Мент» кузнечиком отскочил от него на метр с лишним и, держа права кончиками пальцев, протянул их владельцу: «Езжайте, товарищ водитель. Вы свободны».

Аполлоныча выписали из больницы и у Вальки начало появляться ощущение, что ему на ноги надели кандалы. Слабенький, почти прозрачный старик едва мог передвигаться, придерживаясь за стены, поэтому пришлось основное место пребывания перенести из магазина в квартиру, чтобы всегда быть рядом. Вахтанг в дела старого магазина не вмешивался, предпочитая заниматься новым, и Татьяна вполне справлялась попутно с его текущими обязанностями, а генерировать новые идеи можно было и на расстоянии. Правда, пришлось отказаться от «свободной охоты», выполняя лишь те заказы, с которыми не успевали справиться его парни, но и эту брешь вскоре закрыл Джонсон, он же Жека, он же Евгений, решивший сменить прописку по Шереметьево на вольные хлеба у Вальки.

- Задолбало нафиг, - объяснил он свой поступок: «Только и делаешь, что «бабки» отстёгиваешь, а есть работа или стоишь полдня, никого не беспокоит. Вот и получается, что вроде «лавэ» лопатой гребёшь, а всё как сквозь пальцы».

- Так у меня пахать придётся, - предупредил он новичка.

- Знаю. Мне Гриня всё объяснил, - не испугался Джонсон: «Пахать я согласен, хоть круглосуточно. Главное, чтобы за деньги».

То, что за деньги люди готовы на всё, доказала и разбитая морда Четвёртого. Синячище такой, что Вальке и не снилось. От разбитой брови до подбородка, вся левая сторона лица превратилась в сплошную опухоль багрово-синюшного цвета.

- Где это тебя так? – поинтересовался Валька, обнаружив столь необычную боевую раскраску. Но главное, кто ухитрился так лихо врезать бугаю-спецназовцу.

- Н-на ринге, - объяснил рыжий: «З-записался на «Б-бои без правил» сдуру».

- Побили? – посочувствовал он ему.

- Н-нет. П-просто я сопернику п-предложил сперва п-поиграться. Ну, типа, п-публику развлечь, а он сходу мне н-ногой по роже... П-пришлось завалить г-гада».

- Денег то заработал, хотя бы?

- Д-да. Но немного. Обещали п-потом больше платить.

- Так ты опять пойдёшь? – удивился Валька.

- А к-как же. Д-деньги нужны.

Лично сам, Валька ни за какие коврижки не хотел бы свою морду под кулак подставлять, но получается, что есть и такие. Явно контуженые.

Но были и те, кто о деньгах не думал. Подловила его у подъезда сухонькая старушка с первого этажа. Кто такая, он и знать не ведал, но при встрече здоровался, как и с остальными обитателями дома.

- Милок, ты мне скажи как там Геннадий Аполлонович? – спросила, заглядывая в глаза.

- Нормально. Уже ходит потихонечку, - успокоил он.

- Ну и, слава Богу, - перекрестилась она и протянула тарелку накрытую полотенцем: «Вот, передай от Лизаветы Ивановны ему гостинчик. Сама пекла».

Пробиваясь из под полотенца, ноздри щекотал аромат свежих блинов и Валька судорожно сглотнул слюну. Его стряпня, конечно, была вполне способна утолить голод, но на кулинарные шедевры никак не тянула.

- Спасибо, Елизавета Ивановна. Передам обязательно.

- Пусть выздоравливает, - пожелала она и слегка смущённо добавила: «Ты это... Если помочь кака нужна, то зови. Не стесняйся. А то жалко его». Она поправила накинутый на плечи платок: «У меня-то и дети помогают, и внуки навещают, а Гена совсем один. Вот и опустился. Ходит как нищий, а ведь каким красавцем был!» Глаза её молодо блеснули, видимо от приятных воспоминаний, но тут же снова затянулись лёгкой грустью: «Ты иди. Неча тут со мной болтать, а то ещё блинчики остынут».

- Спасибо большое, Елизавета Ивановна.

И надо сказать, что очень вовремя предложила помощь Елизавета Ивановна, потому что Ильдар взмолился: «Валька, выручай!» Катался себе сам в Гомель потихонечку, экономя на оплате перегона, и даже, невзирая на сессию. А стажировка – это уже серьёзно. Тем более в следственном отделе городской Прокуратуры. Тут не прогуляешь. Валька согласился, но с одним условием, чтобы всё было по-быстрому. Так и получалось, что едва сойдя с поезда в Гомеле и пожав руку Михасю, тут же получал конверт с готовыми документами, ключи от машины и к вечеру уже был в Москве.

- Спасибо, Елизавета Ивановна, что присмотрели за больным, - и коробочку конфет в качестве благодарности. От денег старушка отказалась наотрез, а вот перед сладеньким не устояла.

Звонок Наташки был полной неожиданностью, но ещё более неожиданным был её срывающийся на фальцет нервный голос: «Валя! Валечка, Николай сгорел!»

- Как сгорел? – подорвался он.

- Пожар на бензоколонке. Он тушить бросился и сгорел, - сквозь всхлипы смог разобрать он: «Его в реанимацию увезли».

- Так значит, не сгорел, а обгорел? – уточнил Валька.

- Какая разница! Я там была и всё видела своими глазами, - она с трудом дышала из-за спазмов в горле: «Валя, это так страшно-о-о-о...»

- Не реви, - приказал он строго: «Ты дома? Прими успокоительного и жди меня. Я всё выясню. На какой из бензоколонок это случилось?»

В ожоговую реанимацию Склифа его не пустили, впрочем, как не пустили и Маринку, нервно тискавшую заплаканный носовой платок в приёмном покое. Он как мог, успокаивал её, пока не вышел лечащий врач и довольно будничным тоном объяснил, что у Николая обожжена правая рука до локтя, левая кисть и часть лица, но ничего страшного – кости целы, а мясо нарастёт. У Вальки даже мурашки по коже побежали от таких «хороших» новостей, а Маринку вообще пришлось нашатырём откачивать. Но это было всё-таки лучше, чем он ожидал, наслушавшись рассказов очевидцев. На автозаправке, залитой пеной и покрытой копотью, ему объяснили, что вспыхнула одна из колонок и все бросились в рассыпную, а Николай, накинув на голову ватник, полез прямо в огонь и сумел перекрыть подачу бензина, пока пожар не распространился дальше. Получалось, что спас всех.

Оставив Маринку ждать, когда ей разрешат пройти к мужу, он поехал на Таганку, и обнаружил Наташку закутанной в тёплый плед и трясущейся, словно от холода.

- Таблетки принимала? – сходу спросил он.

- Д-да. Корвалол, - она поёжилась и ещё плотнее закуталась в спасительный плед.

- Хорошо. Постарайся успокоиться. У Коляныча всё не так уж плохо. Руки обжёг и лицо немножко. Врачи говорят, что ничего страшного, - он присел рядом.

- Да, ничего страшного? Я ведь там была. Знаешь как жутко, когда он в огонь полез, а потом оттуда как живой факел выскочил, - она уткнулась лбом в его плечо, продолжая дрожать.

- Спокойно, девочка. Спокойно, - он прижал её к себе: «Всё уже закончилось». Но она продолжала всхлипать. Корвалол явно не подействовал. Видимо пришло время для применения старого доброго средства.

- Подожди, - Валька отлучился на минуту и вернулся уже с небольшой фляжкой коньяка, прихваченной им по дороге: «Вот. На Дубровке это лекарство очень уважают».

- Знаю я ваше средство, - вяло усмехнулась она, принимая фужер, вместивший в себя половину фляжки: «Только с такими психотерапевтами, как твои друзья, потом придётся у нарколога лечиться». Она в несколько приёмов ухитрилась влить в себя «лекарственное средство» и буквально через пять минут провалилась в глубокий сон. Валька уложил её поудобней и ушёл в детсад за Алёнкой. Надо бы Аполлоныча проведать, но здесь дела были не меньшей важности.

Пришлось задержаться. Пока приготовил ужин, пока с ребёнком пообщался, и спать её укладывал, всё время посматривал на спящую Наташку. Она даже не шевелилась, и Валька засомневался, а не начудил ли он, смешав принятый корвалол с коньяком, но дыхание у неё было ровное, а пульс на тёплой руке прощупывался чёткий и спокойный. Он вздохнул облегчённо и, поставив ей будильник поближе, тихо затворил за собой дверь.

Насчёт Аполлоныча беспокоился он не напрасно. Едва войдя в квартиру, его чуткий нюх сразу уловил запах алкоголя. На кухонном столе красовался свежеепорожнённый «мерзавчик». Видимо дед, пользуясь тем, что ему стало лучше, доковылял-таки до магазина. Валька вскипел: «Геннадий Аполлонович!»

- Да? – с блаженной улыбкой на лице встретил ворвавшегося в его комнату Валентина старик.

- Геннадий Аполлонович, что Вы делаете? Вам же категорически нельзя!

- В моём возрасте, Валентин, можно всё.

- Геннадий Аполлонович, но ведь это для Вас верная смерть!

- А может именно это мне и надо? – печально парировал старик. Валька только плюнул в сердцах. Вот так вытаскиваешь человека, можно сказать с того света, а он сам норовит обратно в могилу залезть и ещё крышку гроба за собой захлопнуть.

Утром заглянул в «конюшню», чтобы сообщить парням о несчастье с Колянчиком и обнаружил неполное соответствие личного состава. Исчезла Ксюха. Василич запал на девчонку, но поскольку человек он солидный, то несколько раз вывозил её куда-то, возвращая только утром, и в результате предложил ей стать... нет, не женой, так только в книжках бывает, тем более, что у него имелась законная супруга. Секретаршей. Но для Ксюхи и это предел мечтаний. Тем более что он снял ей квартирку и пообещал выправить документы, которые были утеряны во время бегства от бандитов. Так что в её согласии сомневаться не приходилось.

Об этом ему сообщил Серый, добавив, что для второй девчонки – Юльки, настали тяжёлые времена. Никеша, потеряв грудастого психотерапевта, знающего, как и чем утихомирить его нервную систему, снова вспомнил о том, что автосервис – это не публичный дом и начал шпынять девушку по поводу и без. Попытка Юльки заменить ему Ксюху оказалась неудачной. Не в его вкусе. Хотя самому Вальке гибкая, стройная и шустрая была более симпатична, чем пышногрудая, но статичная.

- Может, ты её к себе возьмёшь? – предложил мастер.

- Куда? – удивился Валька. В магазин? Без документов и навыков в торговле она и нафиг не нужна, да и вакансии все заняты. В любовницы? Тоже...

- В диспетчеры, - подсказал Серый: «Ты ведь даже сейчас со мной разговариваешь, а сам к рации прислушиваешься. Пусть она на связи и сидит. Заодно за дедом присмотрит, а то ты так точно разорвёшься».

- Хм... - задумался Валька. Действительно, если в магазине за него прекрасно справляется Татьяна, то почему бы не посадить кого-нибудь на координацию работы «таксопарка»? Но вопрос довольно скользкий.

- Так ты предлагаешь забрать её к себе? – задумчиво спросил он: «И этим пересадить ваш геморрой на мою больную голову? А поскольку жить ей негде, то подселить её к Аполлонычу, чтобы и ему скучно не было?»

- Ну, да. А потом она, глядишь, сама себе хатку снимет. Это как платить будешь.

Калькулятор в голове быстро произвёл необходимые расчёты и выдал, что если он подвинется на семь - восемь процентов, а пацаны на три - пять, то компания вполне сможет позволить себе иметь такую штатную единицу. Првидимому к такому же итогу пришёл и калькулятор в голове Серого: «Бери девчонку. Не пожалеешь».

- А согласится ли Аполmonyч? – засомневался Валька.

- Уговорим. Хочешь, я сам с ним перетру эту тему. Скажем, что она сестра... ну, например Четвёртого. Приехала из провинции, и ты её на работу принял?»

- А почему не твоя?

- Так они же оба рыжие, а я всё-таки серый, - мастер тряхнул уже изрядно поседевшей чёлкой.

- Давай попробуем.

- Четвёртый! Эй, Четвёртый, - радостно заорал Серый, высунувшись из бытовки наружу: «Иди сюда. Мы тебе сестру нашли».

С Аполmonyчем договорились на удивление легко. Было похоже, что старик обрадовался ещё одному жильцу в своей квартире и даже замахал руками, когда Валька пообещал оплату за её проживание: «Пусть девочка живёт, раз ей негде». Но Валька настоял на своём. Оставалось решить последний вопрос.

- Юль, зайди на минутку, - попросил Серый, выждав, когда Кержач с Никешей отойдут в бокс по своим жестяночным делам: «Поговорить надо». Она вошла настороженно, словно ожидая, что ей сейчас скажут «вали отсюда», но мастер не стал долго испытывать её терпение.

- Вот, Валентин ...эээ ...Николаевич предлагает тебе работу.

Она с опаской покосилась на сидящего в кресле Вальку. Вроде не замечалось за ним никогда интереса к её персоне, хотя парой слов иногда перекидывались. Женский взгляд оценивающе скользнул по его фигуре и он, перехватив его, пояснил: «Я действительно предлагаю работу, и не как у Ксюхи. Мне нужен диспетчер по управлению машинами на линии. Оплата будет зависеть от твоей эффективности. Чем больше парни выполнят заказов, тем больше получишь. Тебе предоставляется жильё в квартире у Аполmonyча, для которого ты будешь считаться сестрой вот этого бугая», - он кивнул на стоящего возле окна Четвёртого и тот, соглашаясь с его словами, кивнул рыжей головой.

Они ожидали любой реакции, но не того, что она обессилено прислонится к дверному косяку и закроет глаза, а из под ресниц покатятся крупные, словно горошины, слёзы.

Ради нового жильца в квартире были вскрыты ещё две комнаты. Бывшая спальня хозяев предназначалась для Юленьки, как сразу стал звать её Аполmonyч, в отличие от почти официального «Валентин» в отношении Вальки, а проходная гостиная превращалась в Центральный Пункт Управления Движением. Она опешила, замерев на пороге пусть не очень большой, но светлой комнаты с двуспальной кроватью, шкафом и трюмо, перед зеркалом которого сохранились ряды флаконов и баночек десятилетней давности. Осторожно потрогала рукой покрывало и, присев на кровать, расплылась в счастливой улыбке.

- Обживайся пока, а мы пойдём чайник ставить, - улыбнулся в ответ Валька, словивший волну её удовольствия, и увёл с собой Аполmonyча.

- Худенькая, - присев на табуретку, пожалел её старик, пока он возился с чайником. Хотя Юлька скорей была не тощая, а худощавая и жилистая, с мальчишеской фигурой и маленькой грудью, но Валька спорить с ним не стал.

- Ничего. Откормим, - пообещал он.

- А знаешь, Валентин, - признался дед, мечтательно глядя в окно: «Я всегда мечтал дочку иметь. Они ведь родителей не бросают...»

Но эйфория от появления в штате диспетчера оказалась преждевременной. Юлька, родившаяся и выросшая в Твери, совершенно не знала города и путалась в

названиях. Пришлось даже извлечь хранившийся за шкафом старый кульман Аполлоныча и закрепить на нём карту Москвы, на которой флажками обозначались местонахождение машин и текущие заказы. Но девчонка старалась и каждую свободную минуту застывала напротив кульмана, запоминая, где и что находится в этом огромном городе. В домашнем хозяйстве толку от неё было намного больше. Чище стало в квартире, разнообразнее и вкуснее еда, а Аполлоныч, что самое удивительное, стал меньше пить. Нет, он не перестал употреблять вовсе, как того хотели врачи и Валька, но до свинского состояния, чтобы падать прямо в одежде на кровать или мимо неё, уже не напивался. Видимо стеснялся девушки, а может и побаивался, потому что Юленька с ним не церемонилась и если нужно, могла сурово нахмуриться, а то и повысится голос, что совсем не мешало ей заботиться о старике так, словно он был её родным дедушкой.

В первую же ночь после переселения, когда Валька сидел над расчётами весенней распродажи, тихо скрипнула дверь и лёгкие шаги возвестили о приходе гостя. Аполлоныч при передвижении обычно шаркал ногами и кряхтел, так что ошибиться было невозможно. Он обернулся. Юлька стояла босиком в одном вязаном жакете из запасов жены Аполлоныча, сквозь крупный узор которого отлично просматривалось голое тело. Спрашивать, зачем она пришла, было бы глупо. И так всё ясно. Поэтому, он кивнул ей на стул: «Садись. Поговорим». Она нерешительно присела на самый краешек и замерла, положив ладони на коленки. Валька закурил и, подвинул пачку в её сторону, словно бы приглашая присоединиться к процессу отравления организма.

- Давай сразу договоримся, - щелкнул он зажигалкой, давая ей прикурить: «Я тебя действительно пригласил для работы и, хотя, как мне доложили окрестные сороки, по новым правилам хорошего тона принято спать с начальством, в твои служебные обязанности это не входит. Понятно?»

Она кивнула в ответ с лёгким вздохом, в котором он явно уловил облегчение.

- И вообще, работа – это работа, а личная жизнь – совсем другое, - продолжил он, радуясь такой понятливости девушки: «И давай их не путать между собой». Юлька активно замотала головой, с изрядным энтузиазмом соглашаясь с таким предложением.

- Ну, а если мы с тобой договорились, - он встал, загасил сигарету в пепельнице и протянул ей ладонь: «Тогда, давай по рукам и чеши спать». Но она руку не приняла, а встав на цыпочки, легонько чмокнула в щеку, и довольная убежала к себе. Чего с неё возьмёшь? Девчонка.

Наконец и Коляныча выписали из больницы. Это дело, конечно, требовалось обмыть, но учитывая состояние больного, вместо традиционного «Белого аиста» решили обойтись детским полосканием под названием «Росинка». Конечно, детское – всего-то двенадцать градусов. Так и завалились, заманчиво позвякивая сумкой и потренькивая струнами на гитаре Серого.

- Ты чего развалился, малолетка зелёный? – радостно приветствовал больного Никеша.

- Он уже не зелёный, а обжаренный, - поправил товарища Серый. Маринка, проводившая гостей к мужу, даже поперхнулась от такого цинизма, но для них это был нормальный стиль общения и Коляныч с широкой улыбкой ответил: «Силы экономлю. Вдруг война, а я усталый». Валька, признаться честно, ожидал худшего, а так вроде ничего. По крайней мере, внешне. Замотанная в куль кисть правой руки, укутанная по локоть в бинты с пятнами желтой мази левая, и левая сторона лица с наложенной марлевой повязкой из под которой подсматривал хитрый глаз. Правда, волосы сгорели и усы, но, в общем, ничего так себе. Почти красавчик.

- Руки-то работают? – поинтересовался Серый.

- Правая - да, - Колян демонстративно пошевелил пальцами под бинтом и поморщился от боли: «А вот левая пока не хочет».

- Да, Палёный, как же ты теперь мелочь по карманам тырить будешь? – ехидно посочувствовал Никеша: «Придётся тебе масть менять».

- Я в «щипачи» не записывался, - гордо заявил больной: «Я честный фарцовщик».

- Не коси под фраера, валютчик, - укорил его Никеша, а Серый, подмигнув, взял гитару:

Я до золота всегда был сам не свой,
Ведь не зря же люди гибнут за металл,
И пускай ходил частенько под статью,
Но пристрастиям своим не изменял...

Вот уж не мог подумать Валька, что лохматый ещё и блатные песенки сочинять мастак. Правда, в своём обычном стиле – чисто поржать. Вот и поржали, винишка попили, настроение больному подняли, и пора бы сваливать, пока Маринка не осерчала. Валька пошёл на выход первым, но слышал, как Никеша спросил: «Ну, чо, Палёный, давай по чесноку. «Бабки» есть?»

- Есть пока.

- Лекарства?

- Тоже.

- Если что, свисти, - добавил Серый: «Подогреем».

- Спасибо, братаны.

«Вот это и называется «по понятиям», - подумал Валька: «От компании не то, что денег на лечение, но даже оплаты больничного не дождёшься. А уж от государства тем более. Самим проблемы решать надо».

По поводу окончания учебного года и наступающего лета детей начали распределять по бабушкам и дедушкам, желательно в комплекте со свежим воздухом. Светке, невзирая на тавтологию, светила деревня, где её с нетерпением ожидали Дарья Матвеевна и Игорь Степанович, ну а Валька, как и следовало ожидать, подрядился произвести эту телепортацию.

- Прикольная у тебя машина, - заявило чадо, пристраиваясь сзади и осматриваясь: «Видать ещё до революции выпустили?»

- Ага. До сексуальной, - подтвердил он и тут же получил подзатыльник, чтобы ребёнка дурному не учил. Правда, треснули не сильно. Потому, что любя...

Туда долетели замечательно. По сухой дороге, да под солнышком. А вот обратно.... И надо же ему было, увидев, как копаются в огороде старики, изъявить желание помочь. Только, где уж ему, городскому. Через час активной работы лопатой заныла спина, через два стало ломить поясницу, а через три Ирма сама выгнала его из огорода, пока доходяга совсем не загнулся. Так и ехал, сидя бочком на водительском сидении, найдя приемлемую позу, под сочувствующим взглядом ярко-голубых глаз.

- Ой, Валь, гляди. Церковь. Та самая... - заметила она, и Валька свернул с дороги.

Церковь была та, да не та.... Ещё стояли обшарпанными стены, и обрешетка куполов не имела покрытия, но уже было видно, что скоро всё изменится. Какие-то мужики, немного, человек пять или шесть, занимались восстановлением храма. Кто-то закладывал кирпичом прорехи в стенах, кто-то отбивал со стен облупившуюся штукатурку, а кто-то в старом корыте замешивал новую. Сразу было видно, что это не профессиональные строители. Отсутствовали спецовки, и даже рабочие рукавицы. Скорей всего это были жители соседней деревни, добровольно взявшиеся за этот труд.

Они вышли из машины, и некоторое время стояли в стороне, не мешая работающим. Валька чувствовал, как её горячая ладонь, зажата в его руке, едва заметно подрагивает от волнения.

- Как ты думаешь? – тихо спросила она: «Восстановят?»

- Обязательно! – уверенно ответил он: «Нас ведь как не разоряли, в какой прах страну не превращали, а мы всё равно поднимались и только крепли». Ему очень хотелось хоть чем-то помочь восстановлению храма. Кирпичи поднести или раствор замешать,

но проклятая поясница даже двигаться позволяла, лишь с опорой на Ирму, и тогда он подошел к тому, кто был ближе, достал бумажник и выложил всё, что там было на штабель приготовленных для строительства досок: «Возьмите, пожалуйста, на восстановление храма».

- Спаси Господь, благодарствую, - полным какого-то внутреннего достоинства сочным басом ответил мужчина, кивнув головой, и вновь вернулся к работе.

Всю обратную дорогу они ехали молча, переживая в себе возникшее возле храма чувство надежды, словно то, что они увидели было каким-то знаком свыше. Разве только, проезжая то место, где они когда-то сломали сиденье, Валька подмигнул ей и плотоядно облизнулся. Ирма намёк поняла, но осадил ретивого: «Езжай уж, герой-любownik, пока окончательно не поломался». Правда, когда остановились у подъезда, сама предложила зайти к ней, но тут уже отказался он.

- И что ты со мной, убогим, делать будешь? – спросил он.

- Лечить буду, - ответила Ирма, но по скачущим в хитром прищуре глаз бесяткам он понял, что лечение – это сперва...

- А лечиться я и дома могу, - ему совсем не хотелось продемонстрировать перед ней свою беспомощность, да и поясница, честно говоря, уже достала. Каждое нажатие на педаль отдавалось острой болью, бьющей из-под правого колена в крестец, и он едва сдерживался, чтобы не застонать или, по крайней мере, выругаться матом.

- Ну, смотри, - несколько разочаровано она поцеловала его: «Как доберёшься, позвони. Я буду ждать».

Он доехал. На машине, это же не пешком идти. Но сразу позвонить не смог, потому что в коридоре его, ползущего опираясь на стену, встретила Юлька.

- Так-так-так... - они уже успели перейти на «ты» для простоты общения: «Похоже, кто-то себе поясницу сорвал». Диагноз был совершенно верен, и он подтвердил, поморщившись: «Есть такое дело... Сорвал».

- Тогда, марш в койку. Лечить буду, - заявила она командным голосом, и он поплёлся в свою комнату, ворча под нос, что вот только стоит заболеть, как всякие-разные начинают брать власть в свои руки.

- Я только временно, - рассмеялась она: «Вылечу и команду себе на здоровье».

- А ещё всякие-разные норвят прикинуться врачом и залечить несчастного больного.

- Я, конечно, не доктор, но как мастер спорта по спортивной гимнастике в травмах толк понимаю, - успокоила она: «Завтра ты у меня будешь как огурчик!»

- Ага. Весь зелёный и в прыщиках, - продолжал гундосить он, но Юлька, не обращая внимания, помогла ему лечь на живот и стала что-то мять и тискать в районе больной поясницы. Валька лишь лежал и попискивал иногда от боли.

- Понятно, - выдала она, закончив пальпацию: «Защемление нерва. Снимай штаны и рубаху».

- Зачем? – не понял он.

- Вырежу тебе кусок позвоночника, вставлю вместо него лом и будешь как новенький, - совершенно серьёзным тоном заявила она, и тут до него дошло, что даже кратковременное общение с обитателями «конюшни» вызывает у людей привыкание к черному юмору, но Юлька не смогла долго оставаться серьёзной и рассмеялась: «Снимай. Не бойся. Как я тебе массаж делать буду через одежду?»

С рубахой особых проблем не возникло, а вот штаны пришлось стаскивать ей. Ему же оставалось только кряхтеть и жалобно постанывать, а Юлька со знанием дела принялась за работу. Иногда было болезненно, иногда даже приятно, но постепенно мышцы начали расслабляться, и стало легче.

- Уф, - честно созналась она: «Запарилась...», и, сжав в ладонях его ягодичы, воткнула большие пальцы рук с двух сторон в какие-то известные ей точки. Валька вскрикнул от неожиданности, но отметил, что остатки истязавшей его боли исчезли.

- Тихо лежи. Не дёргайся, - остудила она его радостный порыв вскочить и попрыгать: «А то опять защежит». Принесла толстый шерстяной шарф и плотно опоясала его: «Ложись на бок, колени подожми и засыпай».

- Как благодарить тебя, спасительница? – воззвал он к ней.

- Премию выпиши, - улыбнулась она, а Валька подумал, что на Дубровке заразителен не только чёрный юмор Никеши, но и меркантильный цинизм Серого.

Наутро поясница ещё побаливала, но он всё равно уехал в магазин, хотя Юлька настаивала на постельном режиме. Весеннюю распродажу никак нельзя было пускать на самотёк. Опыт предыдущей акции подсказывал, что клюнувших на заранее развешенные объявления будет достаточно, поэтому он попросил выйти всех троих девушек, пообещав оплатить сверхурочные, а так же Виктора, для поддержания порядка. Всё-таки, Служба безопасности, хотя и в единственном числе.

Действительность же превысила все его, даже самые смелые ожидания. Когда он подъехал к магазину, то обратил внимание на небольшую очередь, ожидавшую его открытия. Видимо те, кто удачно затарился в прошлый раз, решили повторить этот трюк, и Валька, подмигнув своим сотрудницам, скомандовал: «Запускай!».

К обеду народ вообще пошёл косяком, сметая всё демисезонное, что было выставлено на прилавках и вешалках. Пришлось даже самому выйти в зал, чтобы успеть обслужить всех желающих. Виктор тоже хотел помочь, хотя бы поднося товар, но Валька категорически ему запретил и был прав. Где-то через час после обеда, когда взмыленность персонала достигла критического уровня, Службе безопасности удалось поймать вора.

- Валентин Николаевич, - окликнул его Виктор: «Подойдите, пожалуйста». Он подошёл. Рядом с несколько смущённым охранником, держащим в руках изъятую у воришки трикотажную безрукавку, стояла не менее смущённая старушка.

- Вот. Пыталась вынести, не оплатив, - отводя глаза, доложил Виктор и Валька посмотрел на нарушительницу Уголовного Кодекса, столь чтимого Никешей. Старушка явно не из богатых, да и на криминальный элемент не похожа ни с какой стороны.

- Пройдёте в кабинет, - предложил он ей, как можно мягче, и она, молча, проследовала за ним.

- Простите, ради Бога, - расплакалась она, едва Виктор закрыл за ними дверь: «Бес попутал. Никогда так больше делать не буду. Только в милицию не сообщайте».

- Успокойтесь, пожалуйста, - Валька усадил её на стул, сам не понимая как действовать в такой ситуации. Не вызывать же «ментов» в самом деле из-за копеечного товара.

- Это всё нищета наша, - продолжала оправдываться она: «Вижу что у вас добра этого полным-полно, вот бес и попутал себе подарок на день рождения сделать».

- Может добра и полно, только у продавщиц за каждую пропавшую вещь из зарплаты вычитают. А насчёт дня рождения... - он покрутил в руках ворованную вещь: «Полагаю, что с размером Вы несколько ошиблись». Валька открыл дверь и позвал Арину: «Возьми «икс-эль» и принеси «эмку». Вот деньги, пробьёшь на кассе». Девушка быстро выполнила поручение, и он вручил пакет «воровке»: «Поздравляю. От себя лично и от персонала нашего магазина».

Он долго смотрел вслед удаляющейся старушке, трепетно прижимавшей к груди такой неожиданный подарок, пока его не вернула к действительности рука Виктора, лёгшая ему на плечо.

- Уважаю. Это по-мужски, - сказал майор спецназа.

- Что толку? – печально ответил Валька: «Всех голодных не накормим, а голых не оденем».

- Согласен. Но хотя бы тех, кому можем помочь, - улыбнулся Виктор.

Почему-то эта мысль Виктора накрепко засела в его голове и, поблуждав по извилинам мозга, сформировалась в конкретную идею.

- Вахтанг Акпарович, распродажа закончилась, но у нас остались кое-какие неликвиды.

- Пускай, - довольный Вахтанг не скрывал своей радости: «Осенью продадим».

- Не продадим. Там по большей части с мелким браком, а и к осени другой ассортимент будет.

- И что ты предлагаешь?

- Передать в собес, чтобы раздали пенсионерам, инвалидам и многодетным.

- Откуда у собеса деньги? – усмехнулся хозяин.

- А мы бесплатно отдадим...

Но тут Вахтанг не согласился уже категорически, обвинив пасынка в попытке обанкротить бизнес и пустить его по миру. Говорил долго и эмоционально, но не убедительно.

- Ну, что ж, на нет и суда нет, - пожал плечами Валька, так и не успевший за этим водопадом слов привести свои доводы. Что поделаешь, если шефа жаба удавила?

Впрочем, пресловутая жаба в отношении самого Вахтанга вела себя довольно скромно, потому что, отчитав Вальку, он поделился с ним своей мечтой: «Машину хочу купить. Чёрную «Волгу». У тебя же есть, кто этим занимается?»

- Есть. Только машины из Германии, а там всё больше «Мерседесы», а не «Волги».

- Ладно, так и быть. Возьму «Мерседес». Узнай. А?

Узнать, дело было на пару минут. Всего лишь набрать номер Ильдара и спросить. Но, несмотря на поздний час, его компаньона дома не было, и он попросил передать Ильдару, что ждёт его звонка на домашний в любое время.

Звонка не дождался. Ильдар приехал сам. Где-то около полуночи. Видимо только освободился, потому что был взмыленный и усталый.

- Есть хочешь? – первым делом спросил он гостя.

- Есть не хочу. Жрать хочу, - сознался стажёр Прокуратуры и, проводив взглядом продефилировавшую в облегченном одеянии из ванной Юльку, спросил: «Твоя?»

- Моя. Только сотрудница, а не то, о чём поют твои гормоны.

- Хорошенькая, - облизнулся гость.

- Квартиры у неё нет, - осадил его Валька и Ильдар сразу потерял к ней интерес, как к женщине, но не оставил без внимания грибной суп и, уже ставшие национальным блюдом, «ножки Буша», приготовленные её умелыми руками. Подобрел от сытости и расслабился, от того и реакция на Валькино предложение о покупке машины для Вахтанга была несколько неожиданная.

- Вот ты этим делом и займись, - прихлёбывая компот, заявил он.

- А ты? Мы же в доле.

- Валь, мне сейчас не до того, - честно признался Ильдар: «До осени, вряд ли смогу этим заниматься. Так что звони Михасю и решай с ним напрямую. Если хочешь, я сам позвоню и стрелки на тебя переведу?»

Валька даже опешил. И какой же нормальный человек отдаст готовый и отлаженный бизнес кому попало? Но его компаньон, видимо, думал по-другому.

- А штаны у меня от напруги не порвутся? – спросил он.

- Нет. Ты парень крепкий. Справишься, - рассмеялся Ильдар: «Ну, что? Михасю звонить будем?»

- А не поздно?

- Ради денег никогда не поздно. К тому же в Гомеле на час меньше, чем в Москве. Давай телефон.

А вот с доставкой машины возникли сложности. Сам Вахтанг ехать отказался категорически, хотя в предыдущей семье имел «Москвич – 412» и соответствующий опыт вождения. Скорей всего наслушался историй про дорожные приключения и

закошил тем, что занят на работе. Вальке тоже не с руки мотаться в Белоруссию, а уж если Ильдар полностью передал бизнес в его руки, то надо бы было задуматься о том, кто будет крутить баранку на перегоне вместо него. Предложил Серому, но тот упёрся: «Разок-другой, если нужно выручить, могу смотаться, но на постоянной основе – нет». Коляныч, с недавних пор научившийся откликаться на кличку «Палёный», пока не в форме. Андрюхе вообще неприлично такое предложить. Выручил Гриня, когда он обратился к нему с вопросом, нет ли у него знакомого надёжного водителя.

- Давай Леру зашлём, - предложил «атаман».
- А работать за него кто будет?
- Так вин брата мает. Тиж водила, но без коня.
- Подменит?
- А як же?

Таким образом, вопрос был решён, но у Вальки в голове зародилась новая мысль. Если есть водители без машин, которые рвутся работать, то почему бы не обеспечить их средствами производства? С этой мыслью он и подошел к Серому.

- Слушай. А что ты там говорил насчёт какой-то сломаной «Тойоты» у Андрюхи, - припомнил он старый разговор, предварительно обматерив товарища в качестве приветствия.

- Есть такая. «Лайт Айс». Микроавтобус. На нём какие-то умельцы клапана под «жигулёвский» зазор отрегулировать ухитрились.

- Ну и чо?
- А ничо! Сгорели клапана к едрене фене.
- А починить?

- Можно. Только денег стоит столько, что Андрюха лучше удавится, - Серый вприщур посмотрел на Вальку и добавил ехидно: «Слышь, Валюшок, хорош юлить. Я ж тебя как Иван Грозный князя Курбского насквозь вижу. Хочешь у Андрюхи машину по дешёвке взять, чтобы я отремонтировал, а ты её на линию поставил и начал грести деньгу лопатой?»

- Ну, не то, чтобы лопатой... - такая догадливость его даже смутила. Каким глазом Грозный видел насквозь князя-диссидента, было неизвестно, но то, что у Серого рентген в левом глазу было очевидно. Вон, даже бровь приподнял, чтобы лучше просекать его сущность.

- В принципе, идея хорошая, - приняв его ответ, согласился мастер: «Андрюха за тачку много не запросит. Она только место в гараже занимает, да и не нужна ему вовсе. Тут вопрос в сложности ремонта, и соответственно его цене».

- А если я помогу?
- Чем? Клапана притирать? – едва удержался от смеха лохматый.
- Ну, хотя бы клапана...
- Фыррр... А ты умеешь?
- Серый, скажи мне как на исповеди. Ты что, родился уже с этим навыком? Или как?
- Нет. Научили лет в шестнадцать, когда работать пошёл, - серьёзно ответил мастер.
- Вот и ты меня научишь, - подмигнул ему Валька: «А я тебе компенсирую...»

Серый только хмыкнул и покосился на подошедшего Никешу, слышавшего конец их разговора: «Ну, что скажешь, начальник?»

- Сдаётся мне, что скоро у нас будет новый директор, - подмигнул ему колчерукий: «Чую, что этот гад под меня копает!»

- А в слесаря? Никак? – жалобно попросился «гад».

- Никак! – отрезал Никеша: «Слесаря не только головой, но и руками должны уметь работать».

- Я буду стараться... - печально пообещал Валька.

На такую уверенность в своих слесарных способностях, его навёл случай, когда выехав на заказ и уже почти довезя клиента до нужного места, у «Шерьки» внезапно заглох мотор. Обычно водителей такая ситуация вгоняет в лёгкую панику, но Валька

сдержался и аккуратно причалив к бордюру, решил разобраться. Оказалось, что подвела буквально два дня назад поменянная контактная группа трамблёра. А ведь продавец на рынке обещал что «родная» и «износу не будет». Зато теперь он стоял, с грустью констатируя тот факт, что ось, на которую крепилась пружина, вылезла куда-то в сторону, превращая механизм в бесполезную железяку.

- Мы что? Сломались? – подошёл уже начавший нервничать клиент: «Может мне другую машину поймать?». А тут ещё, лёгок на помине, и «Аккорд» притормозил: «Проблемы, шеф?». Явно пассажира перехватить решил. Вышел из машины и, посмотрев на полуразвалившуюся деталь в его руках, посочувствовал: «Труба дело. Менять надо».

- Сейчас сделаю, - успокоил обоих Валька. Покопался в багажнике и достал всё необходимое для ремонта: кувалду, лом и... гвоздь. Учитывая, что сама ремонтируемая деталь размером с полпальца, инструмент выглядел впечатляюще, но он, не обращая внимания на саркастическое хмыканье водителя «Опеля», пристроил кувалду на бордюрный камень в качестве наковальни. Вставил ось на место, а затем, используя гвоздь как керн, а лом как молоток (за неимением оного) расклепал торцевые части оси. Поставил восстановленную деталь на место, отрегулировал зазор (как учил Серый, на толщину ногтя) и, запустив двигатель, скомандовал: «Поехали».

Поэтому, мысль о реальной помощи его рук в восстановлении «Тойоты» не казалась уж столь абсурдной, с чем согласились и мастера. За традиционным «чаем» обсудили все нюансы предстоящего ремонта, причём практически без споров. «Жлоб» Серый не заламывал поднебесных цен, а «жлоб» Валька не давился за каждую копейку и к общему знаменателю после слова «итога» пришли довольно быстро. Чокнулись кружками по этому поводу, заявив, что «коньяку ещё не время», и Никеша свалил в бокс, откуда доносились удары рихтовочного молотка Кержача.

- Как там Юлька? – поинтересовался Серый: «Справляется?»

- Нормально. Уже освоилась, - долил себе горячего Валька: «Деда строит».

- Это хорошо. Я тут его мельком видел, так даже не сразу узнал. На бомжа перестал быть похож.

- Так она ему каждое утро свежую рубашку кладёт и брюки гладит. Не поверишь, на днях попросила его вымыть посуду. Так ведь вымыл! Вытер и на полку поставил.

- Молодец. Может дед ещё допишет свой учебник. Никеша рассказывал, что он это дело забросил после смерти жены.

- Не исключено. Только у рыжей своя проблема.

- Ты про паспорт?

- Догадливый. Я вот что думаю, а может с участковым поговорить?

- Можно. – Серый задумался на минуту, попыхивая сигаретой: «Он, конечно, «мент» и денег захочет, но можно облегчить ему принятие решения».

- Это как?

- Он же не в курсе, кто она такая. Сказать, что сестра нашего рыжего. Двоюродная. Приехала из своей деревни, а тут в нашем «сельпо» у неё паспорт и подрезали. Пусть выбирает из двух зол. Или она пишет заяву о краже паспорта на его участке и в результате он имеет лишнее ЧП и «висяк», или он ей помогает в восстановлении паспорта, закрыв глаза на мелкие формальности, а она пишет, что сама потеряла.

- Ставлю на второй вариант. Десять к одному.

- Особенно, если денег дать...

Вахтангу Лера пригнал «Saab». «95-й». «Aero». Никеша даже облизнулся, а вот заказчик только морду скрючил – цвет не тот. Хотел чёрный, а получил «серебристый металик». А ещё потёртость на подлокотнике и царапина на заднем крыле. В общем, не машина, а полный отстой. Так и фыркал, пока колчерукий не выразил желание её немедленно купить, не сходя с места. Вот тут он уже привередничать перестал и быстренько свалил из «конюшни», да так что только пыль из-под колёс.

- Не люблю я таких... - признался Никеша, глядя вслед удаляющемуся автомобилю: «Стоило только «лавэ» поднять, как сразу пуп земли. А в натуре одни понты голимые».

- Но Вахтанг действительно поднялся не слабо, - заступился за отчима Валька.

- Ага. И теперь все мысли только о себе любимом, да о том, как лишний раз показать свою крутость. Ох, не доведёт его богатство до добра. Помяни моё слово.

- А меня? Доведёт? – съехидничал Валька.

- Тебя? Да ты просто никогда богатым не будешь, - внезапно изрёк Никеша и пояснил: «Для тебя вся эта межпуха с добыванием «бабла» вроде игры, и деньги тебя интересуют в основном как возможность продолжать эту игру. Потому ценности они для тебя особой не имеют, и тратишь их без сожаления».

- Ну-ка, ну-ка... Обоснуй мне, неразумному, - заинтересовался он такой оценкой, но мастера уже не нужно было просить и так понесло галопом по Европам. Причём так, что вначале Валька даже обиделся.

- У тебя же запросы как у ребёнка. Были бы сухие штаны, где поспать, да чего в пасть закинуть. Мог бы этого «Сааб» себе пригнать, а всё равно продолжаешь гроыхать на своём тазу с гайками...

- А зачем мне этот «Сааб», если и «Шерьки» вполне достаточно? – заступился он за родной автомобиль.

- Вот я и говорю, что нет в тебе настоящих понтов. Потому и народ к тебе тянется. Знает, что прост как песня. А если что, поможешь, и не в падлу тебе.

- Это я коварство своей гнусной натуры так проявляю, - отшутился Валька: «Делай добро, в расчёте, что тебе оплатят тем же».

- Эгоистический альтруизм называется, - сформулировал молчавший до сих пор Серый.

- Не знаю, как оно там называется, но политика у тебя правильная, - подвёл неожиданный итог Никеша: «Деньги – навоз, а вот надёжные люди, это действительно богатство».

Так, под впечатлением от этого разговора, он и приехал на Таганку, где сегодня Алёнка отмечала свой первый в жизни юбилей. Пять лет – это не шутки. Совсем взрослая сестрёнка стала. По этому поводу и подарок он подобрал ей особенный. Маленькую, почти игрушечную, дорожную швейную машинку, чтобы было на чём платье для кукол шить.

- Как ты угадал? – восхищённо шепнула ему Наташка, когда ребёнок, испутив визг восторга, но не забыв поблагодарить, бросился к себе в комнату осваивать новую технику.

- Интуиция... - скромно ответил он, умолчав о том, что на самом деле эту идею ему подкинула Ирма, когда он сказал, что у него есть маленькая сестрёнка увлекающаяся шитьём. Ясноглазая вообще-то предложила забрать ради такого случая её финскую «Tikkakoski», но Валька увидел рекламу этой и предпочёл что-то более компактное.

- Выпьешь? – спросила она, кивнув на пузатую бутылку «Сангрии», украшающую праздничный стол, и Валька кивнул, прикинув, что на сегодня все дела уже сделаны или отлажены, а значит можно себе позволить немного расслабиться. Тем более что до «Автозаводской» на метро рукой подать. Он даже потянулся за бутылкой, но Наташка решила по-своему: «Подожди, я тебя особым напитком угощу». Открыла секретер и, достав необычную квадратную бутылку чёрного цвета, разлила по рюмкам густое тёмно-красное вино.

- Это мне клиент презентовал, - похвасталась она, пригубив напиток: «Кипрское. Говорит, что такое можно купить только там». Вино оказалось сладким и терпким, с каким-то сливовым привкусом, но очень вкусное. «Commandaria» прочитал он на скромной этикетке со всадником.

- Супер! – оценил он труд кипрских виноделов и, собираясь поставить рюмку, случайно задел локтем стопку бумаг в секретере, отчего она рассыпалась по полу.

- Извини. Я сейчас соберу, - он присел на корточки и замер. С листа обычной бумаги на него смотрел отец. Немного грустный и мечтательный. Он взял другой лист. Колянчик, он же Палёный с лёгкой полуулыбкой и бесшабашными искорками в глазах.

- Твоя работа? – спросил он. Рисунки, даже скорее наброски, были сделаны простым карандашом, но в каждом ей удалось схватить характерные черты именно этого человека.

- Мои, - смущённо ответила она, присев, чтобы помочь ему.

- А можно я посмотрю? – попросил Валька, взяв в руки следующий лист с которого чуть настороженно смотрела на него Нелли.

- Смотри, - с показным равнодушием разрешила она. Рисунков было много. Попадались знакомые личности, типа сурового Никеша или благодушно поддатого Кержача, но большинство этих людей было ему незнакомо, и Наташка поясняла: «Это заправщик с АЗС... Это продавщица из бакалеи... Это плиточник из нашей бригады...»

- А это? – удивлённо спросил он, держа в руках изображение Ирмы.

- Это? Девчонка одна. Помнишь ты мне халтуру подогнал с покраской потолков? Она, то ли сестра, то ли племянница хозяйки квартиры. Приезжала пару раз и всё на меня косилась подозрительно.

Никакой подозрительности в Ирме изображено не было. Наоборот, распахнутые настежь глаза говорили об открытой настежь душе, и только лёгкая складка возле губ делала образ слегка печальным.

- Красавица, - заметила она, обратив внимание, что он задержался на этом рисунке.

- Обычная, - парировал он, откладывая лист.

- И ничего-то вы, мужики, в женской красоте не понимаете, - усмехнулась Наташка, перехватывая портрет: «Вам бы грудь побольше, да бёдра пошире! А когда всё вот так ювелирно прописано – мимо проходите. Ты посмотри, какие губки у девочки. А шея? Это ж лебеди от зависти умрут, если увидят!»

Валька хотел сказать, что вероятней всего он несколько приукрасила образ, но промолчал, сохраняя своё знакомство с Ирмой в тайне. Не хватало ещё, чтобы она у него её отбила.

Их диспут прервал дверной звонок. Пришла Нелли и Валька обратил внимание, что она не открыла дверь своим ключом, как тогда. Видимо, что-то в отношении подруг изменилось. Впрочем, и в отношении самого себя он не заметил прежнего страха и отторжения. Скорей лёгкий дискомфорт от его присутствия, но и это прошло, как только они сели за стол и подняли первый тост за единственную непьющую особу в их компании. Правда особа долго с ними не задержалась, а быстренько нахватавшись вкусенького, убежала к себе осваивать швейную машинку и, предоставив взрослым беседовать на абсолютно неинтересные для неё темы.

Впрочем, беседовала в основном Нелли. Прямо с первой рюмки подседа на любимую с недавних пор тему. Какая Нелка у неё хорошая, да какая умная, а ещё и красавица, и ласковая. Не собака, а ангел «во шерсти». Плохо только, что с ней в транспорт не пускают, но она уже дала объявление о продаже дачи и собирается купить себе и своей подруге авто.

- Вот и помоги девушке, - попросила Вальку Наташка: «У тебя же есть канал по машинам».

- Помогу, - легко согласился он и повернулся к Нелли: «Только с условием, что я всегда должен знать по какой дороге ты будешь ехать, чтобы там не появляться. В целях собственной безопасности».

- Я научусь! – ничуть не обиделась она: «Меня Серёжа обещал обучить вождению».

Валька так и не рискнул спросить который из «дубровских» сумел перейти на столь короткую дистанцию с девушкой, чья травмированная психика воспринимала любого мужчину как потенциального негодяя и насильника. Но видимо, время всё-таки лечит.

Посидели, правда, недолго. Немли засобиравалась, оправдываясь тем, что ей нужно с собакой гулять и вообще «как она там одна, бедняжка». Валька даже усмехнулся про себя, что собака ей стала дороже подруги, но Наташку её уход, похоже, не расстроил.

- Пусть идёт, - закрывая дверь, поделилась она: «А то весь вечер будем её Нельку обсуждать».

- Похоже, что собака ей помогла...

- Да! Она теперь на первом месте.

- А ты? – внезапно для самого себя ляпнул Валька и осёкся, понимая задним умом, что затронул не ту тему. Смутилась и Наташка, отвернувшись к окну и прикусив нижнюю губу. Тягостное молчание затянулось и он, решив сменить тему, спросил: «А как ты начала портреты писать? Ты же всё больше по пейзажам работала».

- Не знаю, - она пожала плечами: «Само собой получилось».

- Хорошо получилось. Мне нравится.

- Время сейчас такое, что как лакмусовой бумажкой человека проверяет. А люди вокруг разные и интересные. Вот и хочется их запечатлеть без масок.

- Тебе удаётся, - похвалил он: «Схватываешь самую суть».

- Стараюсь, - смущённо улыбнулась она и внезапно резко сменила тему: «А насчёт Немли ты ошибаешься. Ну, было разок, не скрою. Ты же понимаешь, в каком она была состоянии. Да и ...не понравилось мне ...чтобы так». Она вздохнула с облегчением, словно скинув непосильный груз с плеч и подняв на него взгляд, таинственно улыбаясь, произнесла: «Мне, вообще-то, мужчины нравятся. Сильные, красивые, ...такие как ты».

Теперь уже смутился Валька, но возродиться молчанию не позволила Алёнка, подкрававшаяся с провокационным вопросом: «А тьяй пить будем?»

- Будем, лапочка. Конечно, будем, - вскинулась Наташка, возвращаясь в действительность.

- С тойтиком? – уточнила именинница.

- Нет, - Валька подхватил её на руки: «С пироженками».

- Ааа... Это такие тойтики, только маленькие, - подвела она итог под общий смех.

Он шёл от «Автозаводской» к дому, прекрасно осознавая тот факт, что просто сбежал от Наташки с её манящей улыбкой.

- А почему ты уходишь? – капризно спросила Алёнка: «Оставайся».

- Я подумаю, - отшутился он.

- Вот и подумай, - совершенно серьёзно предложила Наташка.

Но в этот момент в его воображении возникли пронзительно голубые глаза той, кого она сама назвала красавицей. И он ушёл.

Сколько они уже с Ирмой? Он и сам не смог сразу вспомнить. Казалось, что она была всегда, радуясь каждому его появлению и согревая своим теплом. Даже секс, как он сам с удивлением заметил, последнее время отошел на второй план, уступив место желанию просто быть рядом. А ещё и Светка, с детской непосредственностью демонстрирующая ему свою любовь. Так что порой он даже не мог понять к кому приезжает, к ясноглазой колдунье или её дочери.

Краем глаза Валька заметил, как от заброшенных ларьков в его сторону двинулись трое. Машинально поправил револьвер за поясом и продолжил движение. Трое остановились, и он, окинув «гопников» коротким вызывающим взглядом, прошел мимо них буквально в пяти шагах. Твёрдо и решительно. Они только посмотрели ему вслед и ушли искать кого-нибудь потрусливее, видимо почувствовав, что с этим парнем они, если чего и добудут, то разве что проблем. А значит, ну его.

В квартире Аполмоныча была обнаружена очень довольная Юлька, благоухающая ароматом какого-то вина и мирно храпящий в своей комнате дед.

- Шеф, докладываю – машины по заказам распределены, дневная выручка получена, происшествий нет, - вытянувшись во фронт, она приложила ладонь к виску в армейском варианте отдания чести.

- Молодец, - похвалил он: «А чего такая весёлая?»

- Паспорт получила, - расплылась в улыбке девушка, демонстрируя красную паспортину: «И обмыли его с дедушкой».

- Так ему же нельзя, - возмутился Валька: «Или не знаешь?»

- Мы по чуть-чуть... красненького, - невинности её взгляда позавидовала бы любая актриса: «Там ещё тебе осталось. Пошли?»

- Нет, спасибо. Я лучше в душ и спать.

- Ну, по маленькой... Чисто символически, - проявила она настойчивость, и Валька понял, что проще будет выпить, чем объяснить ей, почему пить совсем не хочется. К тому же кипрская «Коммандария», невзирая на небольшой градус, глушила конкретно и основной мечтой на данный момент было добраться до подушки.

- Давай за то, чтобы ты больше паспорт не теряла, - они осушили фужеры и он собрался было уйти, но Юлька снова налила: «Подожди. Я за тебя выпить хочу».

- За то, что я такой сильный и красивый? – усмехнулся он, припомнив слова Наташки.

- Нет, – она удивлённо вскинула на него глаза: «За твою чуткость и доброту».

«Вот оказывается как много во мне положительного», - подумал он, опорожня в себя тару, но вслух сказал: «А теперь и ты прояви чуткость и доброту – отпусти меня спать».

- Вот вино допьём и иди, - разрешила Юлька, разливая остатки из бутылки: «Ты ж понимаешь, что оставлять нельзя. Дедуля утром найдёт и день насмарку».

- Понимаю, - печально согласился он, принимая полный фужер: «Тогда давай за Аполлоныча и выпьем». Он опрокинул вино в глотку, стремясь как можно быстрее завершить процесс, даже не заметив, что ему она налила до краёв, а себе чуть-чуть.

- Слушай, мы с тобой как два алкаша, на скорость пьём, - он посмотрел на часы: «За четыре минуты бутылку опорожнили».

- Ерунда, - успокоила она: «Я сама видела, как Кержач полулитру за один заглот уговорил, причем не вина, а водки. Так что рекорд отменяется».

В ванной Валька преднамеренно включил практически ледяную воду, но как-то не взбодрило, и к себе в комнату он добирался уже на автопилоте. Упал, предвкушая блаженство сна, и даже успел провалиться в сладкую дрему, как почувствовал, что дверь в комнату тихонько приоткрылась.

- Тебе чего? – стараясь скрыть раздражение, спросил он.

- Спросить хотела... Тебе ничего не надо? – почему-то смутилась Юлька.

- Надо. Поспать. И желательно минут шестьсот, - довольно резко ответил он.

- Извини, - было заметно, что она расстроена: «Я, правда, тебя отблагодарить хотела. И не потому, что шеф, а от души».

- Спасибо, Юленька. Я очень ценю твой порыв, но не сейчас...

- А когда? – подловила его на слове, воспрянувшая духом девушка.

- Не знаю. Следи за календарём и метеосводками, - попытался отшутиться он.

- Ясно. После дождичка в четверг.

- Ага. Должна будешь...

- Я запомню, - усмехнулась она, и это было последним, что он слышал перед тем, как провалиться в сон.

А поспать минут шестьсот требовалось совсем не просто так. Если кроме забот с магазином и «таксопарком», взвалил на себя ещё и проблему с расширением парка машин, так нечего и жаловаться. А что делать, если под грузовые перевозки машин катастрофически не хватает?

«Тойоту» Андрюха действительно отдал за копейки, но когда они с Серым сняли головку блока с двигателя и их взору предстали сгоревшие клапана, мастер даже присвистнул удрученно.

- Что? Всё так плохо? – спросил он, уже предчувствуя ответ.

- Плохо. Для твоего кошелька, - констатировал мастер: «Клапана на замену».

- А если у Юрца заказать? – предложил Валька.

- Можно. По сто двадцать за штуку. Причем ни разу не рублей. Вот и посчитай.

- Ммм... - произвёл он калькуляцию и подвёл итог: «По ходу я на «бабки» попал...»

- Не совсем, - успокоил его Серый: «Сёдла клапанов вроде не потрескались. Значит, я их фрезой вытащу, а сами клапана у токарей на заводе закажем. Пусть из старых от «ГАЗ - 24» выточат. Их у Кержача в верстаке целая куча лежит. Правда обойдётся в тыщу-двести, зато совсем не в долларах».

Поэтому всё свободное и украденное у других видов деятельности время, он добросовестно оглашал окрестности «конюшни» монотонным стуком притирания клапанов, недоумевая, как это Серый ухитряется за вечер сделать работу, на которую у него ушло уже больше недели. Причём с кровавыми мозолями на руках и ноющим от напряжения загривком. Но, в конце концов, мучения не пропали даром и Серый, проверив на керосин качество его работы, поставил высшую оценку: «Ладно, и так сойдёт». Зато как возликовала душа, когда пожужжав стартером, мотор «Тойоты» фыркнул и заработал ровно и без перебоев.

- Серый, мы сделали это! – на радостях он бросился обнимать мастера, но тот его восторга не разделил: «Сделали и сделали. Не впервой. Чо орать-то?»

- Так здорово же!

- Щас я твой энтузиазм поубавлю. Пошли на кассу. Расплачиваться будешь, - поволчыи оскалился мастер, но удовольствия от хорошо сделанной работы это не убавило.

- Классная «тачка», - отстёгивая озвученную сумму, Валька покосился в окно на сверкающий под ярким июньским солнцем микроавтобус.

- Ага, - согласился Серый, сгребая дензнаки в ящик стола: «Но самое классное – это её документы».

- А что с ними не так? – насторожился он, сожалея, что просмотрел их мельком.

- Наоборот. Всё слишком «так», - лохматый достал из того же ящика «Свидетельство о регистрации» и прочитал: «Модель – «Тойота». Цвет – красный. Номер кузова – не установлен. Номер двигателя – неизвестен. Короче, Валушок, берёшь любую красную «Тойоту», вешаешь свои номера и катаешься в полное своё удовольствие».

Глава XII

Эгоистический альтруизм в действии

Вахтанг приехал в магазин лично. Конечно, не велика шишка, но всё-таки хозяин, а значит, вполне мог бы вызвать Вальку к себе. И не то, чтобы с проверкой, хотя Татьяна и напряглась, а именно к нему, очень удачно как раз в это время оказавшемуся на месте. Прошёл через торговый зал, бросив мимолётный взгляд на застывших продавщиц, и без стука вошёл в кабинет: «Сидишь?»

- Нет. На меня статью ещё не подобрали, - отшутился он, отодвигая в сторону бумаги, с которыми работал: «Думаю». Отодвинуть бумаги следовало хотя бы потому, что на них он делал расчет деятельности таксопарка на тот случай, если заменить в рекламе номер пейджера на телефон. Таким образом, повышалась оперативность, что, несомненно, должно было привести к увеличению объёма заказов, а это уже требовало дополнительного персонала и машин. Вот и ломал голову над проблемой, о которой Вахтангу знать совсем не обязательно.

- Это хорошо, что думаешь, - отчим уселся на жалобно скрипнувший под его весом диван: «Главное, чтобы в нужном направлении».

- Все мысли мои исключительно о процветании Вашего бизнеса, - усмехнулся он, но Вахтанг принял эти слова за чистую монету.

- Молодец. Вот и я пришёл с тобой о процветании поговорить, - хозяин покосился на дверь, словно опасался, что их могут подслушать: «Ты про «секонд-хенд» слышал?»

- Конечно. В «забугорье» очень распространённая практика.

- Думаю, что и у нас пора вводить. Самое время.

Валька мысленно с ним согласился. Народ после всех этих девальваций с деноминациями и прочими инфляциями практически успел позабыть запах денег, а ходить голышом так и не научился. Поэтому, как он заметил, первым с прилавка сметалось барахло не качественное, а именно дешёвое. Так что, действительно, самое время.

- Правда, насколько я знаю, по «секонд-хенду» работают крупные фирмы...

- Правильно, - подтвердил Вахтанг: «Но у меня в Гамбурге земляк есть, который обещает обеспечить переговоры. Так что, собирайся в Германию, Валя».

- А почему не Вы? - удивился он.

- Некогда мне, - отмахнулся отчим: «Других дел полно. Да и с немецким у меня не очень...»

Валька мысленно сказал себе «хи-хи». Аж три раза. Все эти отмазки про занятость и незнание языка можно было оставить для детского сада. За ними явственно просматривалось опасение Вахтанга, что он может провалить важные переговоры, а значит и признание авторитета самого Вальки в вопросах бизнеса.

- Хорошо. Когда ехать?

- Недели через две-три. Есть время подготовиться.

А тут ещё ЧП в «таксопарке». Лёня из Джексонской стаи, вслед за ним сменивший прописку в Шереметьево на нелёгкие Валькины хлеба влетел под пьяный КамАЗ. Хорошо ещё, что отделался только сотрясением мозга, а вот его «Ниссан» пошёл под списание.

Валька узнал об этом не сразу, а лишь когда вожак «свободных охотников» обратился к нему с предложением поучаствовать в сборе средств на вспомоществование. Денег дал и, порасспросив Женьку об этом парне более подробно, решил навестить его лично.

Дверь открыл сам Лёня, чьё лицо украшали два чёрных круга в области глаз. Открыл и удивился: «Валентин Николаевич?» Валька даже поёжился, насколько непривычно было такое обращение по сравнению с принятым на Дубровке.

- Привет, Лёня. Я по делу, - улыбнулся он.
- Проходите, пожалуйста. Только на кухню, а то у нас не прибрано.

На шум в коридор высунулись две любопытные мальчишечьи мордочки младшего школьного возраста. «Сыны мои», - представил их хозяин и немного смущенно проводил начальство на кухню.

- Лёня, кто там? – донесся из комнаты слабый женский голос.
- Это ко мне, Зоенька, - ответил Леонид и тихо пояснил Вальке: «Супруга. Болеет она. Извините».

Валька кивнул, соглашаясь. О том, что парень тянет на себе не только двух сыновей, но и жену-инвалида Джексон ему уже рассказал и теперь он мог убедиться и сам, что финансовое положение этой семьи из разряда «не разбалуетесь». Присел на табуретку, предложенную хозяином, но от чая отказался: «Сперва дела».

- Как ты себя чувствуешь?
- Уже нормально, Валентин Николаевич.
- Слушай, давай на «ты», а то я себя каким-то дедом древним чувствую, - усмехнулся он.

- Так неудобно как-то... - снова смутился Лёня.
- А ты попробуй. Вдруг понравится?
- Попробую... - улыбнулся хозяин.
- Теперь к делу. Какие дальнейшие планы?
- Не знаю. Машина в хлам. Другой у меня нет, а удастся ли с виновника ДТП деньги стянуть, это ещё бабушка надвое сказала. Так что увольняюсь, - печально улыбнулся он.

- Не спеши. Я тебе предлагаю такой вариант. Едешь в Белоруссию и берёшь машину. В Гомеле тебя встретят, а денег я дам. Отработаешь – вернёшь. Кстати, Василич уже подогнал юриста, чтобы разобрался с этим водителем КамАЗа, а будет нужно, так найдутся и те, кто его прессанёт. Так что за «бабки» не волнуйся.

Лёня призадумался, поглаживая ладонью щетину на подбородке, но ненадолго: «Получается, что я буду работать на тех же условиях, что Гриня и его ребята?»

- Да.
- Соответственно и отстёжка будет больше?
- Естественно. Я ведь должен вернуть свои деньги.

На несколько минут в кухне повисло молчание, но отнюдь не напряженное. Лёня прокачивал в голове предложенный ему план действий, а Валька просто сидел и наблюдал за ним, практически читая те мысли, что крутились в голове парня. Он был уверен в положительном ответе.

- Эх, была, не была! – наконец-то решился Лёня: «Где наша не пропадала!»
- И не пропадёт, - усмехнулся он.
- Когда в Гомель ехать, Николаич?
- Можно хоть завтра, но будет лучше, если я позвоню и попрошу подобрать нужную машину заранее. Тебе же советую обратить внимание на «универсал», «вэн» или даже микроавтобус. Для них работы больше, а значит, и расплатишься быстрее.

Лёня хотел что-то ответить, но в этот момент в коридоре послышались шаркающие шаги, и в дверном проёме возникла его жена. Молодая ещё женщина с болезненно бледным лицом, куталась в вязаную безрукавку, невзирая на стоящую последние дни жаркую погоду.

- Зоенька, ну зачем ты встала? - вскинулся Лёня.
- Пить хочу, - чуть слышно ответила она, придерживаясь рукой за стену.
- Так сказала бы, я принёс...
- Беспokoить не хотела. Вы ведь по поводу работы? - она настороженно посмотрела на Вальку, видимо не ожидая от него ничего хорошего: «Увольнять будете?»

- Нет, что ты! – Лёня подал ей кружку с водой и не удержался, чтобы не похвастаться: «Наоборот! Валентин Николаевич нам денег даёт на покупку автомобиля, так что всё будет нормально».

- Ой, правда... - от волнения у неё задрожали руки так, что часть воды из кружки выплеснулась на пол: «Спасибо вам». Взгляд, блестящий от выступивших слёз, был таким, что казалось вот-вот, и она рухнет перед ним на колени.

- Не за что, - смутился Валька и засобирился на выход. Не будешь же объяснять, что действует он исключительно по расчёту. Но не без доли альтруизма, конечно.

Транспортная компания «Ночные колёса» восприняла такие действия шефа «на ура», и может быть поэтому, введённый им график работы по сменам не вызвал особого протеста. По его схеме после двенадцати часов работы, водитель имел право на сутки отдыха. Напряженно? Конечно. А как же иначе, если поток клиентов после публикации объявления, уже в первые дни хотя и медленно, но неуклонно начал расти. К тому же, так более равномерно чередовались дневные и ночные смены, а треть личного состава всегда на линии. Впрочем, парни и не жаловались, ощущая заметное увеличение заработка.

Зато жаловалась Юлька, на которую свалилась вся диспетчерская работа в повышенном объёме, и он уже успел вывернуть наизнанку мозг в попытке решить эту проблему. Ну, хоть Аполлоныча к телефону сажай, ей Богу!

А тут ещё и Ильдар клиента косяком погнал. Оказалось, что в Прокуратуре тоже есть люди, желающие получить неплохую машину по лояльной цене, что вызвало у Дубровской братвы гомерический смех, поскольку товар поставлялся с нарушением Уголовного Кодекса. Статья 194 УК РФ, как подсказал Никеша.

К тому же «хитрый татарин» не стал афишировать своё участие в этом бизнесе и перевёл стрелки на Вальку. Хорошо ещё, что Лера после того как смотался за «Саабом» для Вахтанга, летал в Гомель, словно ему там мёдом намазано и даже расстроился, когда Лёня поехал за своим «Фольксвагеном Т-2» самостоятельно.

В общем, только успевай поворачиваться так, что едва не пропустил очередную смену масла на любимом автомобиле. Но это дело поправимо. Можно даже ночью заехать, всё равно кто-нибудь на дежурстве. А если Кержач пьяный, то он и сам справится. Не велика проблема.

Подъехал не поздно. Едва стемнело. Но ворота уже были закрыты и к его удивлению, псыча стража не выскочила навстречу. Он заглушил машину и насторожено, памятуя, что здесь по-всякому бывает, вошел в калитку. Оказалось, что волновался напрасно. Всё тихо и мирно. Просто народ занят. Концерт слушают.

На лавочке пристроился Серый со своей потрепанной шестистрункой, а рядом он с удивлением обнаружил Нелли, внимающую его песнопениям, не забывая поглаживать прижавшуюся к её ноге Нельку. Остальные зрители, в количестве четырёх псов расположились полукругом, делая вид, что понимают.

По сугробам, средь январской вьюги,
Мечется и плачет рыжий пёс.
Потерял хозяина и друга,
А жестокий снег следы занёс, -

негромко напевал лохматый, перебирая струны и Вальке даже показалось, что псы действительно понимают о чем речь, а рыжий Четвёртый даже вздохнул печально, словно речь шла о нём.

Мечется, глядит в глаза прохожим.
Солнечный, как на снегу огонь.
Мы проходим, сердца не тревожим,
Не протянем рыжему ладонь.

Рапсод с гитарой заметил появившегося Вальку, но песню не прервал, а лишь подмигнул ему. Так же молчаливым кивком головы отреагировала на его появление Нелли.

Не протянем, чтоб хотя бы лаской
Выразить сочувствие своё
И глядим, кто с грустью, кто с опаской,
Как скулит и мается зверьё.

Очень неожиданно звучала эта лирика на фоне обычных для дубровского барда хулиганских песенок. Валька даже поймал себя на мысли, что ждёт, в каком месте Серый повернёт сюжет так, что все грохнут от смеха, но этого не случилось. Наоборот, в финале он ударил по струнам так, что даже Антоха вскинул свою серую морду:

«Не скули, не плачь ты, ради Бога.
Никому до нас нет дела тут.
Ты прижмись ко мне и у дороги
Сядем... Может нас с тобой найдут».

- Чего приехал? – без обычных матерных эпитетов спросил мастер, откладывая гитару.

- Масло хотел поменять. Но, наверно, в другой раз, - сдал назад Валька, не желая портить парню свидание. Хотя, если судить по дистанции до Серого, на которой Нелли пристроилась на лавочке, амурными делами здесь и не пахло.

- А чего тянуть? Заезжай на эстакаду, сейчас сделаю. Только потом Неллей домой отвезёшь, а то их в общественный транспорт не пускают, а таксисты двойной тариф дерут.

Валька посмотрел на Нельку, чьи желтые глаза, казалось, светились в наступающей темноте, и согласился с мнением таксистов. Такую волчицу в машину пускать – десять раз подумаешь. Хотя собака вела себя спокойно, ни на шаг не отходя от хозяйки, и даже в бытовку пошла вслед за ней.

- Я её привезла, чтобы она с братиком повидалась, - словно бы оправдываясь, начала девушка: «А они на неё рычать начали».

- Правильно, - подтвердил Валька, налаживая чайник: «Они псиной воняют, а твоя шампунем благоухает, вот и не узнали».

- Так что же? Мне её не мыть, что ли? – удивилась она.

- А ты ей побегать вволю дай, перед тем как сюда ехать, - усмехнулся он.

- Не поможет, - отрезал заглянувший на минутку Серый: «Нелька теперь в другом статусе. Что поделать, вечная конфронтация между членами свободной стаи и подневольными домашними питомцами».

Вода закипела, и Валька принялся священнодействовать, согласно местному чайному церемониалу. Ошпарил кружки кипятком, причём отнюдь не с целью стерилизации посуды, засыпал заварку, выделив на девушку примерно четверть от своей нормы или одну шестую от дозы Серого, а затем укутал напиток полотенцем, чтобы «дошел». Это, конечно, не чифирь, но тоже требует соблюдения правил.

- У тебя с работой как? – соскользнул он на самую злободневную для себя тему: «Не хочешь у меня сменным диспетчером поработать?»

- Спасибо, Валя, - не задумываясь, ответила она: «Но мне Наташа предложила стать её компаньоном. Я ведь дизайнер. К тому же в автошколу записалась...»

Дальше он уже не слушал. Похоже, что лукавила его мачеха, говоря о том, что между ними ничего нет. А может тоже, как и он, не путает личную жизнь с работой?

Плохому настроению Вальки поспособствовал и Аполлоныч, встретивший его в совершенно трезвом, но абсолютно угнетенном состоянии.

- Валентин, только не ругайся, пожалуйста, но мне кажется, что я совершил большую глупость, - сознался дед, затащив его для конфиденциальности в свою комнату и плотнее прикрыв для этой цели дверь.

- И что же случилось? – поинтересовался Валька, удивляясь такой предосторожности.

Дед помялся с минуту, а потом поведал, что вот уже неделю его обхаживает какой-то представитель какого-то «Фонда содействия одиноким пенсионерам», предлагая пожизненное обеспечение в обмен на квартиру, и вчера, будучи в невменяемом состоянии он даже подписал какие-то бумаги...

- Он такой культурный и обходительный, - попытался оправдаться старик: «А ещё пообещал, взамен моей квартиры другую, только поменьше, но чувствую, что здесь дело нечисто и, похоже, что я влип».

- Конечно, влип, - холодно констатировал Валька, открывая пошире окно и закуривая. Срочно требовалось успокоиться, чтобы не сорваться и не наорать на безмозглого старика.

- Ой, что же теперь будет? – почти простонал Аполлоныч, сжав ладонями виски, и обессилено присаживаясь на край кровати.

- Как что? Выселят за Можай в сарайчик, а там глядишь, по башке стукнут и прикопают в ближайшем лесочке, - жестко ответил он, едва сдерживая гнев. И явно перестарался. Потому что старик рухнул лицом в подушку и разрыдался.

- Ну, ладно, Геннадий Аполлонович, не расстраивайтесь вы так, - он присел рядом и обнял старика за плечи. Тот повернулся к нему мокрым от слёз морщинистым лицом и трясущимися губами еле слышно прошептал: «Что делать то будем?»

- Для начала не нервничать, - как можно увереннее сказал он: «А потом посмотрим по обстоятельствам. С юристом посоветуемся. Придумаем чего-нибудь».

- Ох, сынок, что бы я без тебя делал? – дед уткнулся носом в его грудь и тихо всхлипнул, потихоньку успокаиваясь.

- Ничего, батя. Мы справимся, - Валька погладил худую спину, хотя, если честно, больше всего ему хотелось врезать старику подзатыльник.

- Юленьке не говори, - попросил дед: «Не волнуй девочку...»

Юльке он ничего говорить и не стал. Зачем отвлекать девушку от работы? Ушел к себе, но рыжая появилась сама. В макси-майке, которую она использовала в качестве домашней одежды, с радиотелефоном в руках и ухом, настроенным на радиостанцию, тихо потрескивающую в соседней комнате. По поводу взаимоотношений шефа и подчинённой всё было давно решено, поэтому Валька не особо отвлекаясь на её полуобнаженные прелести, сердито спросил: «Тебе чего?»

- Шеф не в духе. Может в другой раз? – усмехнулась она, давно уже привыкнув к его нраву.

- В другой раз может и хуже будет, - парировал он: «Говори сейчас».

Юлька гибким движением опустилась в кресло, небрежно закинув ногу на ногу, но потом, словно смутившись собственной раскованности, села в позу примерной ученицы, зажав кисти рук между загорелыми коленками.

- Ну? – уже нарочито сердито поторопил он: «Говори, пока не передумал».

- Тут такое дело, шеф, - нерешительно начала девушка: «Я с парнем познакомилась...»

- Это, с которым ты вчера у магазина обжималась? – ехидно поинтересовался он.

- Да, - почему-то смутилась она: «Я думала, ты нас не заметил...»

- На то я и шеф, чтобы всё замечать. А сейчас-то чего пришла? Разрешения у меня спросить? - Валька даже развеселился: «Обжимайся, с кем хочешь. Разрешаю».

- Тут серьёзнее, - не поддержала его веселья рыжая: «Он меня замуж зовёт».

- Значит за благословением, - продолжал прикалываться он: «Ну, что же. Тогда благословляю. Извини, обвенчать не могу. К отцу Григорию, пожалуйста».

- Я не за этим, - она даже слегка расстроилась от его непонятливости: «Тут другая тема. Он не знает, чем я раньше занималась».

- И ты решила предупредить, чтобы не проболтался? Ты за кого меня держишь? – Валька даже привстал от возмущения.

- Ты опять не понял, - она тоже вскочила со своего места: «За тебя я спокойна, не проболтаешься. А вот ребята наши... Вдруг кто язык распустит?»

- Не волнуйся, - успокоил он: «Я предупрежу. Серьёзно предупрежу».

- Спасибо.

- А вообще-то... - на миг перед ним промелькнули ярко-голубые глаза Ирмы, полные боли, когда она рассказывала ему о том, что ей пришлось испытать в жизни, и добавил: «А вообще-то, если он тебя действительно любит, то должен принимать такой, какая ты есть, со всем, что происходило в твоей жизни. Принять, простить и любить ещё сильнее за всё то, что тебе довелось пережить. Ты же не от хорошей жизни на панель пошла?»

- Конечно, - согласилась она: «Просто не хотела с голодудохнуть, когда у нас в Твери спортшколу закрыли и весь тренерский состав уволили».

- Вот и жених твой должен это понимать. Сам-то он откуда?

- Шпана местная. Весной из армии вернулся.

- Молодой, значит, - усмехнулся он.

- Ой, молоденький... - сладко облизнулась Юлька, и ему стало понятно, насколько круто попал этот парень, если уже сейчас ясно, кто из кого будет верёвки вить.

- Ладно, иди работать, - рассмеялся он: «Телефончик только оставь на пять минут, мне позвонить надо».

Довольная Юлька выскользнула из его комнаты, а он по памяти, почти автоматически набрал номер той, которая настолько органично вошла в его жизнь, что даже сложно представить, как это было без неё.

- Привет, Ирма, - сказал он в трубку, точно зная, что это будет она.

- Валькааа... - прошелестело в ответ.

Засыпал он с мыслью, что с утра сразу нужно будет связаться с Василичем и проконсультироваться по тому, чего накосячил дед, но позвонить не успел.

- Валь... Валька, вставай, - теребила его плечо всполошенная Юлька: «Да проснись ты, медведь сонный!»

- А? Чего? - спросонок притупил он, продирая глаза.

- Тут к Аполлонычу мужики пришли...

- Бомжи что ли? - зевнул он.

- Нет. Солидные. Бумаги какие-то на кухне разложили.

Валька взметнулся из кровати и как был, в трусах, хотел уже рвануть разбираться, но притормозил. Сначала надо было выяснить диспозицию противника, а уже потом... Он достал из шкафа старый махровый халат, оставшийся от предыдущего жильца, и вялой походкой прошаркал на кухню.

- Вы чо тут расшумелись? - лениво поинтересовался он, демонстративно зевая и одновременно оценивая обстановку. Молодой крепкий парень и плюгавый мужичонка лет сорока в недорогом костюме с удивлением обернулись на того, кто помешал им обрабатывать клиента. Вернее сказать, обрабатывал молодой, а его напарник только и ждал, когда старик поставит свою закорючку, чтобы нотариально заверить подпись. Аполлоныч похоже сопротивлялся из последних сил, зажавшись в угол и насупившись как сыч.

- Чего они хотят-то, батя? - демонстрируя очередным зевком явное желание поспать ещё, он повернулся к старику, одновременно, словно бы случайно, занимая позицию между молодым и столом с документами.

- Вот. Подписать бумаги просят, - сообразил подыграть ему Аполлоныч.

- Какие бумаги? Эти што ль? - продолжая играть роль засони, он сгреб со стола аккуратно разложенные документы, коротким движением приняв на бедро и отшвырнув в сторону рванувшегося к столу нотариуса: «Щас разберёмся».

- Положи документы... - угрожающе начал молодой, но закончить фразу не успел. «Внезапно» взбодрившийся Валька резко развернулся к оппоненту и, схватив левой рукой за горло, впечатал его в стену.

- Положу. Я тя щас так положу, что отпевать придётся! – взревел он, одновременно приложив противника коленом в промежность: «Пшол вон отсюда!» Схватив за шиворот растерявшегося от такого напора парня, отволол его к входной двери и вышвырнул прочь. Мелкий нотариус, потеряв поддержку, заметался по кухне, но Валька пачкаться не стал, а наоборот посторонился, давая тому возможность выскользнуть из квартиры и даже придав ускорение хорошим пинком. Правда, босой ногой не очень-то больно, но что обидно – это точно.

- Я тебя урою, козёл! – донесся с лестницы вопль пришедшего в себя парня.

- Экий непонятливый... - усмехнулся Валька Аполmonyчу и выскочил за дверь.

Там его уже ждали. В полной боевой готовности с кастетом в руке, но испытывать свою челюсть на прочность он не дал, а вклеил тому «хук правой». После случая с «боевым наркошей», он специально отрабатывал оказавшийся таким эффективным удар, и шансов у парня не было. Кувырком скатившись по лестнице и растеряв весь свой боевой задор, он с трудом приподнялся, мотая головой и пытаясь унять головокружение.

- Ты там живой? – с издевкой спросил он.

- Зывой... - вяло ответил тот, сплёвывая кровь на ступени.

- Вот и вали отсюда, пока живой, - добродушно предложил Валька и добавил: «А ещё раз появишься, руки-ноги оторву и вставлю... Знаешь куда?»

Юлька и Аполmonyч встретили его возвращение с «поля битвы» широко распахнутыми от удивления глазами и, если уж быть точным, то немалой долей восхищения.

- Чего вылупились? – радостно оскалился он: «Проблема решена, а герой, между прочим, ещё не завтракал». Юлька метнулась к плите, разжаривать бекон для яичницы, а он, просмотрев подготовленные к подписи документы и ранее подписанный договор, метнул эту макулатуру в раковину и чиркнул зажигалкой.

- Вот, примерно так, - подмигнул он Аполmonyчу.

- Спаси тя Бог, - старик со слезами на глазах истово перекрестил его и ушёл, чтобы не разрыдаться на людях. Валька со вздохом проводил его взглядом и принялся за аппетитно шкворчащий на сковороде завтрак.

- Ну, и что дальше будет? – с тревогой спросила Юлька, которой всё-таки пришлось рассказать о причинах инцидента.

- Нормально будет, - успокоил он, подчищая остатки с тарелки: «То, что квартира им не по зубам, они наверняка поняли, и нахрапом лезть не будут. Криминал, всё-таки. Но со мной посчитаться могут рискнуть. Так что на всякий случай следи, чтобы дед не забывал дверь запирать и в глазок посматривай, если кто придёт».

- Ой, Валь, что-то тревожно мне, - пожаловалась она.

- Не бойсь. Утрясётся, - успокоил он, одаривая её радостной улыбкой. А почему бы и нет? День солнечный, проблему разрулили, а вечером его ждёт Ирма.

Оббитую драным дермантином дверь открыла не Ирма, а Аурика. Восточное семейство укатило к себе на родину, а новые жильцы ещё не появились, так что девушки жили с комфортом.

- А хозяйка где? – удивился он.

- Стричь ушла. Уже должна вернуться. Сказала, чтобы я тебя развлекала, если она не успеет.

- А развлекать как будешь? Стриптизом? – усмехнулся он, передавая ей сумку с продуктами. По поводу отсутствия жильцов финансы у его подруги пели романсы, а от

материальной помощи она продолжала отказываться, соглашаясь только на то, что он приносил «к столу».

- Нет. Стриптиз не могу. Меня ж Ирма потом убьёт, - отшутилась она и, демонстративно покачивая туго обтянутыми юбкой бёдрами, направилась в кухню.

- Давно она ушла? – Валька потрогал чайник – горячий – и плеснул себе в кружку.

- Давно, - Аурика оторвалась от процесса размещения продуктов в холодильнике и посмотрела на циферблат: «Больше часа. Должна уже вернуться».

Валька посмотрел в окно, за которым плавно сгущались сумерки, и какое-то нехорошее чувство появилось в районе живота. Обычно Ирме хватало двадцати – тридцати минут на всё про всё или часа, если с окраской.

- А далеко?

Она взяла с полки блокнот, где были записаны заказы: «Нет. Тут рядом. Через два дома».

- Пойду, встречу её, - он отодвинул недопитый чай. Интуиция намекала, что так будет лучше, учитывая способности сидячей части спины его девушки притягивать приключения. Причем не самые безопасные.

К нужному дому он подошёл, когда уже зажглись фонари. Указанная квартира оказалась на первом этаже и, подойдя к двери, он замер прислушиваясь. Тишина. Только какое-то невнятное бормотание, отдалённо напоминающее разговор. Он попытался понять, о чём идёт речь, но в этот момент за дверью раздался смех. Здоровый мужской смех в две или три глотки. Он нажал кнопку звонка, но, не дожидаясь пока ему откроют, надавил плечом на дверь и язычок замка, щёлкнув, отвалился, впуская его внутрь. Парень, собиравшийся открыть ему, был сметён в сторону ураганом по имени Валька. Был он в штанах, но без рубашки и, скользнув взглядом по его обнажённому торсу, он влетел в комнату. Ещё один, голый по пояс, стоял у окна и курил, а третий, тоже в одних джинсах восседал на стуле посередине помещения. Возле него замерла Ирма, полностью одетая и с ножницами в руках. На долгую минуту в воздухе повисла тишина.

- Я убью тебя, лодочник... - процитировал он Профессора Лебединского, со вздохом облегчения подпирая плечом дверной косяк, понимая в какую глупую ситуацию попал.

- Спокойно. Закончу стрижку, и можешь убивать, - усмехнулась Ирма, придя в себя первой, в отличие от мужиков, продолжающих ловить свои выпавшие от удивления челюсти.

- Приехал, а тебя нет, - попытался оправдаться он, тщетно маскируя локтем торчащую из-за пояса рукоять револьвера: «А я голодный, между прочим».

- Вот видите, ребята, - рассмеялась она: «Это ещё один аргумент к нашему спору о том, стоит ли жениться. Мужика не покормили и он уже готов всех сожрать. Всё, милый. Я уже закончила. Пойдём скорее».

На улице он продолжал хмуриться, а Ирма наоборот веселилась как девчонка. Шла, пританцовывая, и что-то мурлыкала себе под нос.

- Скажи, а ты сильно за меня испугался? – спросила она, обхватив его руку и заглядывая ему в глаза.

- Сильно, - проворчал он, пытаясь отвернуться.

- Очень сильно? – она ладошкой поправила его подбородок в нужном ей направлении.

- Очень сильно! – признался он.

- А если бы твои опасения подтвердились? – она даже замерла в ожидании ответа.

- Если бы подтвердились, - твёрдым тоном, негромко, но отчётливо произнёс он: «Я бы их убил».

Водопад тепла и нежности окатил его с головы до ног, а светящиеся от счастья глаза Ирмы подтвердили: «Да, это именно то, что она хотела услышать». Ночь намечалась

многообещающая, но после сытного ужина девушку разморило настолько, что её, уже почти спящую пришлось на руках отнести в кровать.

- Валь, ты меня прости, - промурлыкала она: «Я сегодня никакущая. Завтра, ладно? Только ты меня встреть...»

Завтра, так завтра. Тем более, что ещё за ужином они договорились о доставке её с церемонии вручения сертификатов с последующим поднятием тостов в честь новоиспеченного квалифицированного специалиста.

- Ладно. Спи, - он коснулся губами тёплого лба и, кивнув на прощание Аурике, закрыл за собой дверь.

Торжество по поводу окончания практики и вручения квалификационных документов, позволяющих Ирме и её однокашницам работать самостоятельно, оказалось сугубо корпоративным, и Вальку там никто не ждал. Да он и сам не особо напрашивался в кампанию этих расфуфыренных дам и джентльменов, собравшихся на Новом Арбате, в зале бывшей «Чародейки». Сел себе скромно в вестибюле, надеясь скоротать время за просмотром журналов.

Журналов было много, но все о моде, о причёсках и макияже, а значит неинтересны. Лениво переворачивая глянцевые страницы, он скользил по ним взглядом, больше прислушиваясь к тому, что происходит за закрытыми дверями зала. Там порой звучали негромкие аплодисменты, кто-то что-то говорил в микрофон, но разобрать слова было невозможно. Внезапно его взгляд привлекла одна фотография. Это была Ольга. Ольга Ля-Рош в траурной рамке. А под ней небольшая статья, в которой рассказывалось о том, каким талантливым парфюмером она была, как мужественно боролась с тяжелой болезнью и, конечно же, выражалось соболезнование друзьям и близким покойной. Валька вытер со лба обильный пот. Кто он ей? Не друг, и не близкий, но сердце защемило от жалости. Ведь звонил же ей, как договаривались, но в ответ звучали длинные гудки и в итоге он прекратил мучить телефон. Не любовь, конечно, но что-то тёплое в душе в её адрес всё-таки было.

Он со вздохом отложил журнал и только теперь обнаружил, что вестибюль наполнился людьми, а возле него стоят женские ножки. Очень даже соблазнительно стройные ножки в серых туфельках на высоком каблучке. Он поднял взгляд от гладких коленей выше и обнаружил, что их владелица одета в серо-голубое коротенькое платье свободного покроя, что впрочем, не мешало ему подчеркивать изящность линии бёдер, а узенькому металлическому пояску наличие тонкой талии. Продолжая скользить взором выше, миновал два аппетитных бугорка пытающихся вырваться из узкого декольте, грациозную шею и ...забыл, как дышать. Перед ним стояла Ирма. Нет, не Ирма! Земное воплощение красоты, перед которым необходимо было рухнуть на колени. Челюсть самопроизвольно поехала вниз.

- Эй... - она помахала ладошкой перед его лицом, привлекая внимание: «Очнись».

Но он продолжал изумлённо таращиться на неё, не в силах сказать ни слова, и вид его был таков, что она расхохоталась: «Что? Не узнал? Или не нравлюсь?»

- Ты великолепна, - наконец-то смог выдавить Валька, приходя в себя: «Но куда ты дела мою прежнюю Ирму? Где её вишнёвая чёлка, старые джинсы и ковбойка?»

- Та Ирма осталась в прошлом, - призналась она, одарив его теплом взгляда: «Джинсы и рубашка, если они тебе так дороги, лежат дома. А чёлка? Я просто вернула свой натуральный цвет». Она поправила прядь волос цвета воронова крыла и со вздохом добавила: «Правда, пришлось седину закрасить». Одновременно с окраской, она сменила причёску на более короткую, подчеркивающую и оттеняющую красоту белоснежной шеи, и гордую посадку головы. Она действительно стала совсем другая и не только внешне. Вместо вечно сомневающейся замухрышки перед ним была излучающая уверенность в себе красавица. «Может и правда её прадедушка графом был?» - мелькнула мысль, и совсем не дурачась, он склонился перед ней в поклоне, коснувшись губами руки.

- И это всё? – спросила разочаровано: «А поцеловать?».
- Страшно, - честно признался он: «Ты такая красивая...»
- Ничего. Привыкнешь, - успокоила она и, привстав на цыпочки, легко тронула губами его губы, а затем, схватив под руку, потащила к выходу: «Пошли скорее. Сейчас фуршет начнётся, а я сбежать хочу».

И всё-таки зря Татьяна сомневалась, выбирая туфли, умеет ли Ирма ходить на каблуках. Оказалось, умеет. Да ещё так, что встречные мужчины выворачивали шеи, провожая её взглядом и совершенно не реагируя на фырканье своих спутниц. Даже как-то неловко стало, когда она, такая блистательная, села в его потрепанный «жигулёнок», но Ирма привычно погладила «торпеду», проворковав: «Здравствуй, малыш» и «Шерька» завёлся «с-пол-оборота». Он всегда так делал в её присутствии.

- Может, в ресторане посидим? - робко предложил он.
- Не-а, - капризно сморщила носик девушка: «Домой хочу. С тобой посидим. Вдвоём».
- Тогда, наверное, что-нибудь взять нужно, чтобы не сидеть «на сухую»? – через некоторое время сообразил он: «Сертификат твой обмоем».

- Согласна, - улыбнулась она.
- Чего бы ты хотела?
- А давай шампанского. Праздник, так праздник!
- Слушаюсь, Ваше Величество, - немедленно отреагировал он и уже через минуту парковался у магазина элитных вин.

- Я быстро, - предупредил Валька, выскакивая из машины.
- Хорошо. Я пока воздухом подышу.

В магазине он шокировал молоденькую продавщицу, потребовав лучшего шампанского. Она предложила ему на выбор пять видов, но в этом сегменте напитков он не разбирался, поэтому просто уточнил: «Самое лучшее».

- Я не знаю, - растерялась девушка: «Они все лучшие».
- Хорошо. Тогда зайдём с другого бока. Что из всего этого, - он обвел рукой представленную коллекцию: «Вы хотели бы выпить с любимым человеком?»

- Вот это, - не задумываясь, указала девушка и добавила, грустно усмехнувшись: «Только моему парню это не по карману».

- Две бутылки, - подвёл он итог дискуссии, но тут же добавил: «Нет. Три».

То, что элитный алкоголь стоит денег, он знал, но такой ценник, который ему озвучили на кассе, просто шокировал, а потому пришлось срочно нейтрализовать противное квакающее земноводное, желающее удавить его за неумеренную трату денег. В шоке была и продавщица, которой он вручил одну из бутылок, объяснив всё очень просто: «Я сегодня встретил свою Судьбу и хочу, чтобы другие были счастливы тоже. Выпейте со своим молодым человеком за нас с Ирмой».

А вот то, что оставлять эту Судьбу без присмотра рискованно он понял, когда выходя из магазина, обнаружил пристроившегося за «Шерькой» солидного «Мерседеса», чей владелец с восточной горячностью приглашал Ирму на экскурсию в свой автомобиль. Та старательно его игнорировала, поворачиваясь спиной, но настырный Дон-Жуан с махачкалинской пропиской продолжал вертеться вокруг девушки, не прекращая попыток. Выглядел он при этом довольно потешно.

- Пойдём, - обнимая её за плечи, сказал Валька, не обращая на кавалера внимания, и тот застыл в изумлении, когда такая красавица села в потрепанный «жигуль».

- Чего он хотел-то? – ехидно улыбнулся владелец «Жигулей», вырвав на проезжую часть.

- Замуж позвать, наверное, - с не меньшим ехидством ответила она.
- А вот хрен ему, - нарочито сурово заметил он: «Это моя добыча».

В квартире их встретила тишина. Даже непривычно. Он впервые оказался с ней наедине в помещении и немного растерялся, но Ирма взяла бразды правления в свои руки: «Предлагаю у меня в комнате стол накрыть, а то, что мы всё время на кухне?»

- Так у тебя там и стола-то нет, кроме письменного.

- Зато есть журнальный столик и кресла. И вообще... Мы, что с тобой сюда есть пришли? Между прочим, я не просто так Аурику к подруге ночевать отправила.

Такой совершенно непрозрачный намёк в сочетании с эмоциональным потоком нежности и желания исходящими от девушки, заставил сердце биться быстрее и чтобы как-то притушить уже готовый к извержению вулкан чувств, он заметил: «Красивое у тебя платье».

- Да? Тебе понравилось? Сама сшила, - похвасталась она, доставая из холодильника снедь: «Даже Юдашкин отметил».

- Кто такой Юдашкин не знаю, но лично мне очень понравилось, - согласился он: «Особенно его содержание».

Таская из кухни в комнату продукты, он поймал себя на мысли, что всё идёт по какому-то заранее спланированному Ирмой сценарию. Откуда-то взялись сыр, оливки и виноград, которых он не покупал, как-то очень удачно были выдернуты из шкафа кружевные салфетки, а свечи в старинном бронзовом шандале показались ему совершенно новыми. Подозрение превратилось в уверенность, когда она достала бокалы из потемневшего от времени хрусталя, чистые и сверкающие, словно заранее приготовленные к этому случаю.

- Валя, помоги, пожалуйста, застегнуть, - тихо позвала она из комнаты. Он быстро докидал в холодильник то, что не пошло на стол и бросился на её зов. Ирма ждала его совершенно нагая, если не считать туфелек. Словно в этом нет ничего необычного, она повернулась к нему спиной и накинула на шею подаренное когда-то ожерелье из бирюзы: «Никак с застёжкой не справлюсь. Первый раз, всё-таки». Но справляться пришлось не только с застёжкой, но и с бешено бухающим в груди сердцем. К тому же, пальцы почему-то потеряли привычную ловкость и предательски дрожали. «Возьми себя в руки», - приказал он сам себе: «Ты спишь с ней уже почти полгода». Но мозг отказывался совмещать этих двух Ирм в одну, и процесс застёгивания несколько затянулся. Тем не менее, он справился.

- Спасибо, - абсолютно не стесняясь собственной наготы, она повернулась к нему и коснулась губ губами. Легко и совсем не призывно, хотя он чувствовал, что дрожь желания сотрясает не только его тело. Пытаясь унять сердцебиение, он опустил глаза, и наткнулся взглядом на её грудь...

- Зачем ты носишь лифчик? – хрипло спросил он: «Ах да, чтобы никто не догадался, что женская грудь может быть настолько прекрасна». Она не ответила, но дыхание участилось, и грудь стала вздыматься выше и чаще. Бережно и нежно он положил ладони на её бёдра. «Смелее... « - чуть слышно приказала она, наконец-то справившись со спазмом в горле и закидывая руки ему на плечи...

И, между прочим, старый шаман Серый в итоге оказался прав. То, что между ними происходило, трудно было назвать банальным словом секс. Это было какое-то запредельное слияние тел и душ, где он каждой клеточкой тела чувствовал её, и она отвечала взаимностью, предугадывая каждое его движение. К тому же, отбросив свою обычную сдержанность, Ирма выпустила на волю скрывавшуюся до сей поры чувственность, становясь то дерзкой и требовательной, то нежной и послушной. Такой, какой ей хотелось быть. Настоящей.

- Валькааа... - сладко простонала она, откидываясь на подушку: «Я сейчас умру».

- Я те умру! – пригрозил он, тяжело дыша.

- От счастья, - казалось, что её глаза светятся в полумраке комнаты.

- Даже не думай. Ты мне ещё сына родить должна

- Ого! У тебя настолько далеко идущие планы? – блеснула жемчужинками зубов Ирма.

- Ты даже не представляешь насколько. Я хочу быть с тобой всегда.

- Помнится, кто-то хвастался, что находится в брачных отношениях, но это точно была не я, - ехидно заметила она.

- Понимаешь... - смутился Валька.

- Понимаю, - перебила она со смехом: «Давно уже поняла, что штамп в паспорте тебе нужен для отпугивания голубоглазых девушек, а с женой ты давно не живёшь».

- Откуда ты знаешь? – удивился он.

- Милый, я ведь не совсем дурочка. Если мужчина никогда не спешит домой, шляется по ночам, где ему вздумается и никогда, даже случайно, не упоминает имени жены, это говорит только об одном. Что штамп этот фик-ци-я. А значит, мы вполне можем обсудить имя нашего будущего сына, хотя, по-моему, ещё рановато.

- Завтра же пойду и подам на развод, - пообещал Валька: «А то уж больно интересная тема для обсуждения намечается».

- Завтра не получится, - Ирма пристально посмотрела на белеющий в темноте циферблат настенных часов и сказала, как бы сама себе: «Вроде уже полночь. Пора».

Выскользнув из его объятий, покинула лежбище и, щёлкнув зажигалкой, зажгла свечи. Робкие огоньки осветили её фигурку, ложась золотистыми бликами на гладкую кожу, и Валька вновь поразился, насколько пропорционально она сложена. Прихватив шампанское и бокалы, села на кровати, поджав под себя ноги, и попросила: «Открой». Он хотел распечатать бутылку аккуратно, но не получилось. С громким хлопком пробка взлетела к потолку, и пенный напиток вырвался на волю, обрызгав влюблённых, но это вызвало у них только смех.

- Новый день наступил, и я хочу быть первой, кто поздравит тебя, - приподняв бокал, и глядя ему прямо в глаза, сказала она: «С днём рождения, любимый».

- А я хочу, чтобы ты могла повторять это ещё много-много раз, - совершенно не ощущая вкуса напитка, он выпил элитное шампанское как простую воду и, заметив капельку напитка сползающую по её плечу, слизнул дерзкую языком: «О, так даже вкуснее». Она не ответила, но по внезапно напрягшемуся телу девушки было понятно, что реакция однозначна. Отставил бокал в сторону, чтобы освободить руки для более важных дел и обнаружил, что и она сделала то же самое...

Уснули они лишь на рассвете. Одновременно, как по команде, не расплетая объятий. Но спал он недолго. Что-то тревожное витало в воздухе и, открыв глаза, он внимательно осмотрелся и прислушался. Всё было тихо и спокойно. Мерно тикали ходики на стене, посапывала, положив голову ему на грудь, Ирма и лишь ранние птицы за окном о чём-то без умолку чирикали. Мир и благодать. Валька загнал это неприятное чувство поглубже, но, тем не менее, аккуратно переместив головку любимой со своей груди на подушку, встал и подошёл к окну. Причиной птичьей тревоги оказалась гуляющая под окнами полосатая кошка. Он усмехнулся и хотел уже вернуться в постель, но замер, бросив взгляд на Ирму.

Девушка безмятежно спала на скомканных бурной ночью простынях, положив ладони под щеку, и была настолько хороша, что он засмотрелся, затаив дыхание. Словно почувствовав его взгляд, она открыла глаза и улыбнулась.

- Ты что? – тихо прошептали искусанные и припухшие от поцелуев губы.

- Любуюсь, - тихо ответил он.

Инстинктивно она попыталась прикрыться простыней, но обнаружив, что он тоже полностью обнажен, бросила эту затею и лишь спросила лукаво: «Ну и как?»

- Ты прекрасна! – искренне ответил он, перемещаясь на кровать и заключая её в объятия: «Я даже представить не мог...»

- Прямо уж и прекрасна? – засмушалась она: «Может у тебя со зрением плохо».

- Со зрением у меня порядок, - улыбнулся он, подминая девушку под себя, и добавил уже нейтральным тоном: «Но ты права. Прекрасной тебя назвать никак нельзя. Ты – божественна!»

- Правда? – Ирма удивлённо распахнула глазищи, и он, судорожно сглотнув слюну, сжал её, едва не до стога. «А разве так... можно... с богинями?» - прошептала она, скрещивая ноги у него за спиной и заранее закусив нижнюю губу в ожидании наслаждения.

- Можно, - успокоил он.

Как не хотелось Вальке остаться, но ехать было нужно. Дела. По поводу его тридцатилетия планировалось большое застолье на Дубровке и требовалось проконтролировать, чтобы всего было в достатке.

- Слушай сюда, - привычно взяв бразды правления в свои руки, наставлял он любимую: «Я сейчас уеду, но к пяти часам вернусь, и мы с тобой поедим отмечать день рождения к моим друзьям. Контингент там будет практически мужской, так что прошу тебя выглядеть сногшибательно, чтобы эти гады сдохли от зависти...»

- Ой, какой ты противный, Валька, - рассмеялась Ирма, просто светясь от счастья. Она снова была в своей безразмерной мужской рубашке, но выглядела очень сексапильно, предъявляя взору стройные ножки, более не прикрытые бесформенными джинсами.

- Нет. Я просто слишком счастливый, - рассмеялся и он.

- Вот, - провожая до дверей, она вручила ему новенький блестящий ключ: «Это от нашей квартиры».

- Спасибо, - он спрятал его в нагрудный карман и внезапно насторожился: «Слушай, а как Светка к этому отнесётся?»

- Светка? Она мне уже всю плешь проела своим «мам, давай Вальку себе заберём». Так что не волнуйся. Ой...

- Что такое? – он подхватил на руки мгновенно побледневшую девушку.

- Сердце что-то сдавило, - пожаловалась она.

- Может тебе полежать? – испугался он: «Или давай я никуда не поеду?».

- Нет, не надо. Уже отпустило, - она судорожно обняла его плечи: «Езжай. Я буду тебя ждать».

Валька гнал по утренней Москве, наслаждаясь отличной погодой, своей машиной и переполнявшим его счастьем. Тёплый ветерок, врываясь в приоткрытое окно, ерошил волосы, напоминая ласковые руки Ирмы, и он едва сдерживался, чтобы криком не поделиться своей радостью с окружающим миром. Не испортило настроения и неожиданное отсутствие пробок, так что, припарковав железного друга на его обычное место под тополем, он направился к подъезду, что-то благодушно мурлыча себе под нос.

Но у подъезда его ждали. Трое. И одного из них он узнал сразу. Трудно не узнать поставленный собственной рукой синяк. «Посчитаться пришли», - понял он: «Ну-ну...» И твёрдым шагом направился вперёд.

- Юля, Юленька... - Аполлоныч ворвался в квартиру, запыхавшись так, словно за ним гналась волчья стая.

- Что случилось? – встревожено вскинулась она, отрываясь от нарезки колбасы к сегодняшнему празднику.

- Там. Там эти... - он никак не мог восстановить дыхание: «Они Вальку ждут».

- Эти? Которые с квартирой? Аферисты? – сообразила рыжая: «Надо Вальку предупредить». Метнулась к рации: «Шеф, я Центр. Прошу на связь» В ответ ей звучали лишь щелчки и треск эфира. «Шеф, я Юлька. Прошу на связь. Срочно!» В ответ тишина.

- Много их? – она начала нервничать, не получая ответа.

- Не знаю. Человек пять-шесть, - дед метнулся в свою комнату из окна которой был виден двор: «Сейчас посмотрю».

- Мать твою, ядрить етить в кочерыжку через пень! – вполне в духе Серого отреагировала на такую новость девушка и снова взялась за рацию: «Всем, всем, всем. Кто на линии и кто меня слышит. На шефа засада возле подъезда. Кто может, подтягивайтесь. Кто слышал, передайте остальным».

- Я понял. Еду, - ожил эфир: «Буду через десять минут», «Уже лечу», «Держись, Юльчик, я на подходе». Она вздохнула облегченно, но тут в комнату влетел Аполлоныч: «Валька подъехал!»

Крепкие ребята. И по всему видно к драке привычные. Но мысль о том, чтобы убежать, как-то даже не приходила ему в голову. Трое, так трое. Где наша не пропадала. Какое-то чувство заставило обернуться. За его спиной в том же направлении двигалась ещё тройка мордovorотов и явно не к нему на помощь. «Опа-на», - сказала «чуйка»: «Походу, ты влип». «Похоже, да», - согласился он. Верный «Айсберг» остался под сиденьем в машине, а теперь уже, и бежать-то некуда. Обложили. Оставалось только попытаться пойти на прорыв через самое слабое звено в облаве.

- Ну чо, козёл, вот и встретились, - оскалился тот, что с синяком.

- А тебе, видать, мало показалось, - нахально рассмеялся Валька: «Держи для симметрии». И «хук левой» отправил парня в нокаун. Затем нырнул под удар его приятеля и со всей дури впечатал кулак ему в солнечное сплетение. Рванулся, но третий из компании успел поставить подножку и Валька кубарем покатился по асфальту. Подлетели ещё трое и началось...

Бился он остервенело, выпустив своего «зверя» на волю и предоставив ему полную свободу действий, но шансы отмахаться стремились к нулю, поскольку у двоих из подбежавших оказались бейсбольные биты. Он отбивал удары и бил сам, крутясь как уж на сковородке, так что и его противникам пришлось поднапрячься. Видимо поэтому, никто не заметил, как из подъезда выскользнула худенькая фигура и опроретью бросилась бежать вдоль дома.

Юлька проследила из окна как Аполлоныч незамеченным проскользнул под окнами к выходу из двора, и набрала номер телефона: «Слава, это я».

- Тут такое дело. Ты меня замуж звал? Звал. Я что сказала? Что нам нужно проверить чувства. Так вот. Будет тебе проверка, - она отвлеклась на крики за окном и продолжила: «Прямо сейчас, во дворе убивают моего шефа. Это очень хороший человек. Что не понял? Собирай свою банду и срочно сюда!». Она снова выглянула во двор, где месилровка шла полным ходом: «Что значит «Не моё дело»? Это моё дело! Вот и сиди у мамки под юбкой, трус, а я пошла шефа защищать!» Отшвырнув телефон в сторону, она огляделась в поисках подходящего оружия. Палка от швабры? Подойдёт! И схватив её, отчаянно выскочила из квартиры.

Вообще-то, в их планы не входило сильно уродовать этого оборзевшего, что поставил бланш Сычу, но всё пошло не по плану. Обычно, получив пару тумачков, «терпила» начинал скулить и просить пощады, а этот не только по новой завалил несчастного Сыча, но и продолжал биться, невзирая на их численное преимущество и разбитую морду. Да так, что порой было неясно кто здесь охотники, а кто добыча. Вроде уже правую руку ему хорошо повредили, так он левой отбивается! Это бесило и они, войдя в раж, принялись за него всерьёз.

На сервисе, спрятавшемся в зарослях от нескромных глаз, никто не ожидал, что вбежавший в ворота растрепанный Аполлоныч, хватая ртом воздух как рыба, выброшенная на берег, прохрипит из последних сил: «Ребята... Там Вальку... убивают», и хватаясь за сердце медленно сползёт по стенке бытовки на землю.

Повторять два раза не пришлось. Никеша и Серый, подхватив, что под руку попало из разряда «потяжелее» рванули на помощь. Вслед за ними Четвёртый и, обгоняя всех, вперёд вырвалась собачья свора, словно понимая, что люди побежали не просто так.

Кержач немного задержался возле обессилевшего сидевшего на земле старика: «Как ты, отец?». «Нормально», - прохрипело в ответ: «Иди... Помогай...». Старый мастер

недоверчиво посмотрел на смертельно бледного Аполлоныча и, прихватив подвернувшийся под руку черенок лопаты, затрусил вслед за авангардом.

- А вы чего ждёте? – дед повернулся к случившимся в это время на «конюшне» Юрцу и Верещагину.

- Пошли, - позвал друга Юрец, подбирая валявшуюся возле бокса арматуру: «Наших бьют».

- Это не моё дело, - пряча взгляд, пробормотал таможенник и направился к своему «Волго-Мерседесу».

Юрец смерил его долгим удивлённым взглядом, словно не узнавая товарища. «Ну и крыса же ты, братан», - смачно сплюнул он, подведя итог осмотру, и поудобнее перехватив своё оружие, бросился догонять остальных.

Когда плац опустел, Аполлоныч собрав последние силы попытался встать, но это у него не получилось и тогда старик рухнув на колени воздел глаза к небу: «Господиисусе, помоги! Спаси раба твоего Вальку. Меня, грешного, забери, а его спаси!!!»

Шум драки переполошил весь дом и, невзирая на рабочее время, в большинстве окон плющили о стекло носы его жители. Смотрели с любопытством и страхом, не рискуя выйти на помощь. Своя рубашка ближе к телу.

- Ба, чего там? – спросил внук Елизаветы Ивановны, заглянувший навестить бабулю, у старушки застывшей около окна с телефоном в руке.

- Драка, - коротко ответила она, но в этот момент на другом конце провода ей ответили.

- Евгений Васильевич? Лизавета Иванна беспокоит. Помните такую? Вот и хорошо. Дело в том, что прямо сейчас под окнами моей квартиры несколько человек избивают Валентина. Того, что у Геннадия Аполлоновича живёт. Вы бы приехали... - она старалась говорить как можно спокойнее, но истощный девичий визг с улицы подстегнул нервную систему и она сорвалась: «Быстрее, миленький! Бога ради, пока они его не убили!» Бросила трубку и решительным шагом направилась к выходу из квартиры.

- Бабуль, ты куда? – бросился за ней внук.

- Дратся! – решительно заявила старушка, подхватывая в прихожей трость с тяжёлым набалдашником, оставшуюся от покойного мужа.

- С ума сошла!? Куда тебе? Там мужики здоровые!

- Тогда ты, иди и дерись! – сурово заявила она, вручая ему своё оружие.

Сколько прошло с начала драки, он не знал. Может минута? А может час? Время словно притормозило свой бег, и враги двигались так, словно воздух стал густым и вязким. Это позволяло его «зверю» уходить от ударов и бить самому. Правда, не всегда. Бейсбольная бита, которую пришлось парировать рукой, превратила её в непослушную плеть, а от нескольких ударов в голову всё вокруг плыло и шаталось. Но Валька не сдавался, хотя и понимал, что теперь его не просто бьют, а убивают, настолько жёсткими и смертоносными были их удары. Боли он не чувствовал, опьянённый всего лишь одной мыслью – держаться и даже удар битой по рёбрам, отбросивший его в сторону воспринял как лёгкий толчок. Но тут в стороне мелькнула рыжая Юлькина голова. Девчонка с боевым визгом набросилась на его противников, размахивая какой-то палкой. Он воспользовался секундным замешательством и дотянулся левым апперкотом до одного из них, но в этот момент в колено врезалась очередная бита. Осознать, что падает, он не успел, другая бита, ударом в лицо отключила сознание.

Никеша, Серый и Четвёртый взревели в один голос, когда на их глазах Валька замятво рухнул на землю. Чуть в стороне истошно визжала Юлька, которую, держа за волосы, бил в живот один из этих. Они рванулись, наперегонки с заходящейся в лае сворой и Никеша с Серым встали спиной к спине, не давая добить лежащего на

асфальте товарища, а Четвёртый немного изменил траекторию движения и с разбега в прыжке достал каблуком сапога челюсть того, что удерживал его «сестру». Минус один.

Подбежали Юрец с Кержачом, но это не спасало положения, даже с учётом понесённых врагом потерь. Тёртые и бывалые, при равном счёте, мужики всё равно уступали профессионалам, заработавшим в своё время кучу медалей на рингах, татами или борцовских матах. Выручали псы, бесстрашно лезущие под удары, и отвлекавшие врагов на себя.

Может и не устояли бы, но тут с другой стороны двора подоспела подмога. Несколько молодых парней, почти мальчишек, явно шли на помощь, если судить по цепям и палкам, которыми они были вооружены, но увидев жестокое побоище, оторопели, понимая, во что они могут вляпаться. Однако их вожак, заметив скрючившуюся от боли Юльку, пытающуюся отползти в сторону, не медля, бросился в бой, на ходу наматывая на руку солдатский ремень. А за ним рванула и вся банда.

Майор Филиппов положив трубку телефона, судорожно гремя ключами, открыл сейф. Достал табельный «макар» и, щёлкнув затвором, выскочил из кабинета. Не то, чтобы он опасался Лизаветы Ивановны, имеющей репутацию вредной старухи, или испугался за послужной список, которому не к чему была «мокруха» на его участке. Даже служебный долг оставался на втором месте, поскольку помощь требовалась другу Серого, очень уважаемого участковым.

Прихватив с собой тех из дежурной службы, кто подвернулся под руку, на служебном «бобике», под вой сирены майор помчался выручать Вальку. Но не успел. Когда УАЗик с визгом покрышек влетел во двор, побоище уже шло к финалу. Те из жителей дома, что посмелее и покрепче, чувствуя возникший перевес в силах, вышли из нейтралитета, так что теперь на каждого из «спртсменов-рекетменов» приходилось по три-четыре человека, насмотревшихся на их жестокость, а потому не стеснявшихся в средствах.

Майор и три автоматчика рассыпались цепью с намерением прекратить беспорядки, но тут к нему подскочил Серый с разбитой губой.

- Женя, притормози коней, - попросил он, сплёвывая сгусток крови: «Дай ребятам потешиться».

- Только насмерть не забейте, - попросил участковый, делая знак своим.

- Постараемся, - пообещал лохматый: «А ты пока «скорую» вызови».

Майор посмотрел на лежащие чуть в стороне от места побоища тело. Валька признаков жизни не подавал, лежал лицом вниз, с неестественно вывернутыми рукой и ногой, а под ним растекалась кровавая лужа.

- О, Господи, - прошептал он, хватаясь за рацию: «Только бы жив был».

Минут через десять Серый махнул майору рукой: «Принимай товар, купец!»

- Пакуйте злодеев, - кивнул он автоматчикам и направился к неподвижному Вальке.

«Потешились» ребята славно. Так отметили, что бывшие спортсмены сами протягивали руки в браслеты, лишь бы их перестали бить. Но, передав поверженных врагов в руки правосудия, люди вроде успокоились и теперь столпились вокруг лежащего на асфальте тела. Юлька, всё ещё морщась от боли, и Серый присели возле него на корточки, в надежде оказать первую помощь.

- Аккуратнее. У него рука сломана, - предупредила она.

- Вижу. И нога тоже...

- Отойдите! Не трогайте его, - сквозь набежавшую толпу протиснулся врач «скорой помощи», подъехавшей без своей обычной сирены по поводу вызова по линии МВД.

Он присел рядом и пощупал пульс на шее. «Живой», - радостно сообщил окружающим. Вздых облегчения прошелестел тихим ветром.

- Носилки. Быстро! - приказал он своим и предупредил подбежавших фельдшера с медбратом: «Аккуратнее, ребята. Не исключено, что у него позвоночник повреждён».

Когда медики, перевернув тело, переместили его на носилки, среди присутствующих пронёсся стон ужаса, а какая-то женщина даже упала в обморок. Лица у Вальки не было. Сплошное месиво, обильно залитое кровью, из которого в одном месте торчал обломок кости. Толпа качнулась и в едином порыве двинулась в сторону «упакованных злодеев». Понимая, что сейчас может свершиться самосуд, майор истошно заорал: «Стоять!!!», но грозная масса продолжала медленное движение к своим жертвам.

- Стоять!!! – на пределе голосовых возможностей снова крикнул участковый и, выхватив пистолет, два раза пальнул в воздух. Это подействовало, и толпа замерла.

- Увозите его быстрее отсюда, - скомандовал он медикам и повернулся к своим бойцам, уже сделавшим по шагу в сторону, чтобы не мешать людям: «Этих сук в машину. Живо!»

Но вот с машиной вышла неувязочка, поскольку конструкторы УАЗа никак не рассчитывали, что их детищу придётся возить такое количество «злодеев» за раз, и пришлось конвоировать побитых пешим порядком в сопровождении толпы, сопровождавшей их в угрюмом молчании. Сарафанное радио уже успело разнести эту новость и по мере движения всё новые и новые люди присоединялись к процессии, так что к отделению милиции подошло более ста человек. Не понимая причины такой демонстрации народного единства, на крыльцо выскочил сам начальник отделения, но получив разъяснения от майора, обратился к людям; «Товарищи! Я прошу вас разойтись. Преступники будут наказаны по всей строгости закона. Это я вам обещаю!»

Народ недовольно загудел. Сколько они уже видели негодяев, схваченных на месте преступления, а на следующий день разгуливающих на свободе. Поэтому, хотя часть людей и ушла по домам, но многие остались, на тот случай если появятся «адвокаты», пытающиеся вытащить своих подопечных под залог. Или за взятку.

На «конюшне», ставшей местом сбора после этого происшествия, царил гнетущая атмосфера. Победители не хвастались полученными травмами, а лишь угрюмо молчали, и даже опоздавшие к «пиршеству брани» парни из Валькиного «таксопарка», от досады играя желваками на скулах, молча кружили по площадке. Все ждали Серого и Юльку, уехавших сопровождающими на «скорой».

Наконец они появились в воротах и моментально стоянка ожила. Истомлённые неизвестностью, парни набросились на пришедших: «Ну, что? Ну, как?»

- В реанимации он. Живой, - хмуро выдал главную информацию Серый, а Юлька только шмыгнула носом и, уткнувшись ему в плечо, разревелась.

- Сильно его? – спросил Кержач, потрогав повязку на голове. Тоже битой досталось, но повезло, что увернулся. Вскользь прошло.

- Сильно, - вздохнул Серый: «Рука и нога сломаны, челюсть в двух местах, голова пробита, а с внутренними повреждениями ещё разбираются».

- Мать твою... - выразил чувства Юрец, слизывая не желающую останавливаться кровь с разбитых костяшек пальцев. Врезал, видать, кому-то от души, да перестарался.

- И ещё... - лохматый покосился на утирающую слёзы Юльку и демонстративно прикрыл ладонями её уши: «В промежность ему врезали. Очень, очень сильно». Стон, сочувствия, озвученный присутствующими, был таким, словно им самим врезали.

- Сука буду, я их грохну! – внезапно взорвался обычно спокойный Никеша: «Век воли не видать, завалю падлу, если соскочат...»

- Расслабься, - внезапно раздался за его спиной спокойный голос. Ильдар в милицейской форме, подошёл незаметно: «Им уже не выкрутиться».

- А ты здесь откуда? – удивился Серый.

- Это дело сразу нам в Прокуратуру передали, потому и знаю. «Следак» надёжный. У него не отмажешься. Да и я, хоть и стажёр, но в курсе буду.

- Добро, - успокоился Никеша и повернулся к Серому: «Для Вальки чего нужно?»

- У него кровопотеря большая. Нужна третья положительная. Народ всколыхнулся: «Я готов», «Я тоже», «И у меня третья», - раздался голоса добровольцев.

- Не суетитесь, парни, - успокоил он: «Я уже поделился своей на первое время, но возможно ещё понадобится. Так что на ближайшие дни без алкоголя».

- А кроме крови чего нужно? – Джексон скривился от досады. Мало того, что к драке не успел, так ещё и резус у него отрицательный.

- Специалисты. Ортопед, невропатолог и, как я полагаю, пластический хирург. Ищите среди знакомых и незнакомых. Будем вытаскивать парня.

- Мабуть, навэстить його? – влез Гриня.

- Нет. Его ввели в искусственную кому.

- А для чога такэ? – не понял атаман.

- Чтобы от боли не сдох, - прокомментировал Юрец, и в сердцах выдал такую тираду, что даже Серый заслушался.

- Кстати, а где у нас Аполмоныч? – поинтересовался лохматый, когда матерное соло закончилось.

- Не знаю? Здесь был, когда мы уходили, - Кержач покрутил головой: «Может, ушёл?»

- Здесь должен быть, - огляделся и Никуша: «Если бы ушёл, мы бы его встретили».

- Как бы дед дурного с собой не сотворил, - забеспокоился Серый, и все кинулись искать старика, заглядывая в самые потаённые места автосервиса.

Нашли его за контейнером с мусором. Аполмоныч спал на грязной земле, свернувшись калачиком, и никак не желал просыпаться, даже когда Никеша, подняв его на руки, вынес из злачного места.

- Что это с ним? – не понял Джексон, а Гриня даже пульс попытался проверить.

- Всё нормально, - успокоил Юрец: «Защитная реакция нервной системы. Отключила по поводу перегрузки. Пусть спит».

- Давай я его домой отнесу, - предложил Четвёртый, меньше остальных пострадавший в драке, и приняв у Никеша тщедушное тело, обратился к Юльке: «Пошли, сестрёнка. Проводишь».

Валька очнулся от боли. Болело всё. Такое ощущение, что его пропустили через огромную мясорубку. Он попытался открыть глаза. С правым кое-как получилось, а вот левый, прижатый повязкой не смог.

- Доктор, он приходит в себя, - слышался женский голос.

- Хорошо. Завесьте шторы, ему свет мешает.

Свет, пробивавшийся в узкую щелочку приоткрытого глаза, действительно вызывал боль и слёзы, сквозь которые он с трудом различал две фигуры в белом.

- Валентин Николаевич, вы меня слышите?

Это уже ему. Но ответить не получилось. Рот был забит какими-то тряпками, и к тому же через него в горло тянулась пластиковая трубка.

- Говорить вы пока не можете, поэтому просто моргните, если меня слышите.

Он моргнул.

- Хорошо. Вы находитесь в больнице, вас сильно избили, но опасность уже миновала.

Вы меня понимаете?

Он снова моргнул.

- Прекрасно. Теперь ваша задача как можно больше спать, набираться сил и выздоравливать. Вы поняли?

Моргнул, хотя даже это простое движение требовало усилий.

- Отлично. Сестра, введите ему... - врач разразился звонкой фразой по латыни, из которой он понял только «внутривенно». Буквально через пару минут всё вокруг поплыло, и он провалился в спасительный сон.

Так началось возвращение к жизни наполненное болью и мучительными процедурами. Но особенно напрягало, что он никак не мог известить любимую о своем новом месте пребывания, успокаивая себя лишь тем, что может и лучше ей пока ничего не знать.

Постепенно он обнаружил, что его правая рука упакована в гипс, как, впрочем, и левая нога. Голова обмотана тюрбаном бинтов, а челюсть ещё и зафиксирована жёстким корсетом. О покое приходилось лишь мечтать: анализы, рентген, ещё одна операция на челюсть и ещё одна на ногу, но уже под местным наркозом – врачи принялись за него всерьёз. Через несколько дней, точно подсчитать он не мог, потеряв ориентацию во времени, сняли повязку с глаза. Мир, при взгляде через него, казался мерцающим и туманным, но седой доктор, не его молодой, а вызванный специально офтальмолог, успокоил, что это временно. В конце концов, сняли и тюрбан с головы, извлекли питательный катетер, а его истерзанную тушку перевели из реанимации в отдельную палату. Это был явный прогресс, но первая попытка самостоятельного питания была похожа на пытку. Не говоря уже о том, что нечем жевать из-за отсутствия половины зубов, так ещё и глотать не получалось. Поэтому, первую в этой новой жизни тарелку куриного супа, протёртого до состояния жидкой кашицы, медсестра скармливала ему примерно полчаса. Примерно так же обстояли дела и с возможностью говорить. Язык, словно деревянный, губы не слушаются, и вместо членораздельной речи получалось какое-то невнятное мычание.

К нему начали допускать посетителей. Приходила мать – ревела. Навестила Наташка – плакала. Аполлоныч шмыгал носом и каялся. Заглянули полномочные представители дубровской братии Серый да Никеша. Эти не плакали и даже пытались его развеселить. Не получилось. Валька лежал отрешённо и силился понять, отчего все, даже медсёстры, стараются на него не смотреть. Вот и следовательно, приходивший снимать с него показания, отводил взгляд. Только Анатолий Иванович, продолжавший вести своего пациента продолжал смотреть ему прямо в глаза. У него-то Валька и решил выяснить перспективы дальнейшей жизнедеятельности для своего организма.

Волнуясь, а от этого путаясь в словах, он с трудом озвучил суть вопроса, но доктор его косноязычную речь понял: «Значит, хотите понять какие последствия будут из-за перенесённых вами травм?» Валька кивнул и доктор, присев на край койки, вздохнул: «Вы уверены, что хотите знать это именно сейчас? Может быть чуть позже, когда сил наберётесь?»

- Нет... Сейчас... - проскрипел он, замирая от нехорошего предчувствия.

- Тогда держитесь, - Анатолий Иванович покосился на пришедшую с ним медсестру и та, деликатно покинула помещение.

Когда врач ушёл, он ещё некоторое время лежал, уставившись взглядом в потолок и переваривая полученную информацию. Хромой, кособокий, да ещё с изуродованным лицом, которому потребуется не одна операция пластического хирурга. В голове промелькнул образ Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» Типичный калека и урод. А в придачу к этому, совет обязательно посетить андролога, поскольку такого специалиста в больнице нет, и о Валькиной репродуктивной функции после такой травмы, остаётся только гадать на кофейной гуще. Образ голубоглазого малыша, а заодно его мамы начал медленно таять, и он застонал от боли. Не той, что мучила его тело, а другой, намного более сильной и жестокой, терзающей душу.

Где-то в середине сентября его всё-таки выписали из больницы, вручив эпикриз на восьми листах, кучу рентгеновских снимков и направление на ВТЭК для получения инвалидности. Он только горько усмехнулся, когда Юлька аккуратно укладывала эти документы в папку. Ему было всё равно.

У подъезда Ленин микроавтобус, доставивший больного, встречала толпа друзей, решивших устроить ему праздник, но Валька, позволив отнести себя на руках в свою комнату, отвернулся лицом к стене и замолчал, не реагируя на любые попытки заговорить с ним. Постепенно все разошлись, оставив его в покое, и он вздохнул с облегчением. Можно было снова уйти в мир грёз, возвращавший его к тому времени, когда он был здоров и полон сил. Когда он любил и был любим. Эти воспоминания вызывали мучительную боль, но такой мазохизм ему даже нравился. Он не

сомневался, что любит Ирму и даже в том, что она примет его, невзирая на изуродованное шрамами лицо, но вот повесить ей на шею калеку, а возможно и импотента, он считал себя не вправе. Вещи, в которых он был в тот день, были безнадежно испорчены и выброшены, но сохранилось то, что было в карманах. И теперь, глядя на ни разу не использованный ключ от её квартиры он находил всё новые и новые доводы, чтобы не звонить ей, не портить жизнь и вообще вычеркнуть из памяти.

На следующий день, прямо с утра завалился Никеша: «Ну, и хрен ли ты здесь валяешься, бездельник?» - ласково спросил он прямо с порога. Валька отвернулся, не удостоив его ответом.

- Нет, я не понял? – не унимался колчерукий: «Ты что, так и собираешься мужественно и со всем напряжением силы воли всю жизнь пролежать в постели? А ну вставай, мать твою!»

- Пошёл ты... - злобно фыркнул Валька: «У меня нога не гнётся».

- А что ты хотел? Два месяца в гипсе, вот мышцы и атрофировались. Так и не будет гнуться, пока сам её не разработаешь.

- Больно...

- А ты, блин, красна-девица и потерпеть не можешь? Вставай! – рявкнул Никеша.

Валька попытался привстать, но едва он пошевелил травмированной конечностью, как резкая боль, пронзившая ногу от пятки до ягодицы, бросила его обратно.

- Не могу, - со стоном признался он.

- Ладно, - сменил гнев на милость мучитель, внимательно наблюдавший за всеми движениями больного: «Попробуем по-другому». Он присел на кровать и, взяв в руки его ступню, начал её шевелить. Вправо-влево, вверх-вниз, тщательно следя за тем, в каком положении ноги Валька начинает морщиться и поскуливать.

- Вот видишь, - объяснял он попутно свои действия: «До определённого момента она может двигаться, а дальше больно. Верно? Ага. Так и нужно разминать до точки боли, а затем ещё чуть-чуть. Он показал насколько «чуть-чуть», так что Валька скрипнул зубами.

- Теперь переходим к следующему этапу, - Никеша подложил одну руку под колено, а второй медленно начал сгибать его ногу. Получилось совсем немного, но мастер успокоил: «Ничего, ничего. Потихонечку разработаем. У меня та же фигня с рукой была, я в курсе», - и продолжил свои издевательства.

Через полчаса мучений Валька не выдержал и взмолился: «Хватит! Не могу больше».

- Действительно, хватит, - неожиданно согласился Никеша: «Что это я с тобой как с маленьким? Давай, дальше сам делай».

- Не могу. Ногу судорогой сводит, - пожаловался он.

- Делай, шеф, делай, - присоединилась к слесарю-реабилитологу Юлька, наблюдавшая за процедурой со стороны: «А я тебе потом массажик сделаю. Легче будет».

Когда они наконец-то оставили его в покое, обессиленный Валька отвернулся к стене и заплакал. Зачем ему это если он всё равно останется неполноценным человеком? По крайней мере, как мужчина. Уверенность в этом крепла день ото дня. Он пытался восстановить в памяти самые пикантные моменты из их с Ирмой общения, но реакция организма была нулевая. Надо бы обратиться к специалисту, как советовал доктор, но он стеснялся сказать о своей проблеме даже друзьям.

Не оставляли его в покое и другие. Юрец нашёл среди своих бывших однокашников по медучилищу одного, успевшего за это время стать врачом-дантистом и тот, произведя осмотр прямо на дому, признал, что случай серьёзный, и он не уверен, что справится сам. Но у них в клинике есть один хирург-имплантолог, который делает чудеса и, конечно же, не откажется помочь. Особенно, если за деньги.

А с деньгами проблем не было. «Ночные колёса» крутились, и парни ежедневно сдавали выручку, которую Юлька аккуратно складывала стопочками в ящике письменного стола. Более того, избитые и морально сломленные бандиты, попав под пресс следствия, начали давать показания, обгоняя друг друга, и у прокурорских просто

волосы дыбом вставали от обилия и цинизма совершённых преступлений. Обычные «боевики», предназначенные для мордобоя, вывели на целую сеть преступной организации и дело получилось резонансным настолько, что вездесущие журналисты просто паслись в Прокуратуре вынюхивая новые факты. Поэтому пассажиры, узнав, что их везёт водитель компании организованной тем самым «Валентином К», сами предлагали помощь и даже делали пожертвования на его лечение.

Жизнь продолжала крутиться своим чередом, но сам он словно выпал из потока, предпочитая протирать взглядом дырку в обоях за его кроватью, мучительно копаясь в собственных проблемах и мечтая только об одном, чтобы его оставили в покое. Но именно этого ему и не позволяли. Юлька, по поводу и без повода лезла с вопросами по работе, явно пытаясь пробудить в нём интерес к жизни. Он отвечал. Вяло и немногословно, лишь бы отстала. Но на смену ей, явно по договорённости, приходила, хотя и с трудом сдерживая слёзы, Татьяна за «советами» по работе магазина. А нужны ей эти советы, если сама всё знает? Ильдар с Лерой, занимавшимся вопросами перегона машин из Белоруссии, и даже «дубровская банда» делали вид, что без него им никак не справиться, но Валька лишь грустно ухмылялся про себя, видя их намерения как на рентгеновском снимке.

Заявился и Коляныч. Этот слёз не лил и с вопросами не лез.

- Да, братан, знатно тебя отметелили, - с порога признал он, разглядывая друга. Валька молча, отвернулся к любимому узору на обоях, но тот не унимался: «Ничего, и с этим жить можно. У меня-то вон как рожу подпалило».

- Сравнил тоже... - выдавил он из себя, повернувшись так резко, что поморщился от боли. Ожог на скуле или половина лица, из-за обилия шрамов, выглядящая как печёное яблоко. Сравнение явно не в его пользу.

- Да, тебе круче досталось, - согласился Палёный: «Так что жди, скоро «Меченым» звать будут. Но ты же мужик! Ты сильный! За это я тебя и уважаю. Так неужели ты дашь каким-то шрамам тебя победить?» Вальке показалось, что он уже где-то слышал эти слова, вот только так и не вспомнил где.

- Мужик? - с горечью ответил он: «Кончился мужик, Коляныч. Отбили...»

- Ну, так не оторвали же, - не потерял оптимизма тот: «Хочешь, я тебе самую красивую в городе проститутку привезу? Или двух сразу? Поднимут тебе... тонус!»

- Иди ты... - рявкнул на него Валька, снова отвернулся и замолчал.

Как-то его полусон-полуявь прервала беседа на повышенных тонах. Разбирались между собой Наташка и Юлька, а объектом спора был он сам. Мачеха настаивала на том, чтобы забрать его полудохлую тушку к себе на Таганку, под предлогом, что «там ему будет лучше», а рыжая активно сопротивлялась по причине, не менее весомой – «ему и здесь хорошо». В итоге, чтобы не доводить до крайности, наконец-то решили уточнить у него самого. В принципе, ему было абсолютно всё равно в какие обои тарашиться, но у Наташки был риск оказаться с ней под одним одеялом. А этого он уже не хотел категорически. Поэтому, буркнув «я здесь останусь», опять ушёл в себя. Обиделась мачеха и ушла. Ну, и ладно...

Валера из Гомеля подарок передал. Ещё в начале лета Валька с Ильдаром решили, что Лера будет ездить за машинами вне зависимости от того перегоняет машину клиент или он сам. Чисто для подстраховки, чтобы канал не перехватили. Естественно, оплату «сопровождения» пришлось взять на себя, а это намного меньше, чем за перегон. Но парень, на удивление, не сильно расстроился и продолжал мотаться в Белоруссию. Вот вернулся с очередной машиной и выставил перед Валькой бутылку с густым рубиновым напитком. Тут и догадываться не надо. Кто пробовал «напий» от бабки Гарпины, тот его ни с чем не спутает.

- То Янина Станиславовна прислала, - сообщил почти по-бульбански.

- Ты ей всё рассказал? – он даже слегка приподнялся.

- Ни. Не я, - попытался оправдаться Лера: «Михась. Вона на мене дуже рассердилась, шо смолчал». Постоянные поездки в братскую республику явно оказало влияние на его лексику, причудливо смешав московское «аканье» с местечковым говором.

- Спасибо.

- Я братъ не хотел. Бо алкоголь тобі нельзя, но она казала, что ей виднее.

«Конечно, виднее», - горько усмехнулся Валька: «Она же «ведзьма».

Как не отлынивал Валька от физкультуры, но организм потихоньку брал своё и восстанавливался, невзирая ни на что. Хоть и на костылях, но начал передвигаться. Сначала по квартире до туалета или кухни, а потом рискнул и на улицу выглянуть. Конечно же, не один, а с охраной. Доблестная милиция, сняв показания с потерпевшего, оставила ключевую фигуру уголовного дела в покое, поэтому заботу о его безопасности взял на себя Виктор, а на подмену ему с подпольного автосервиса был откомандирован Четвёртый.

Первое время выгул проходил по собачьей программе. То есть, вышли во двор, пару кругов нарезали и домой. Разве что лапку нигде не поднимал. Зато повидался с «Шерькой». Жигулёнок стоял на том же самом месте, укрытый золотистой листвой как саваном, и всем своим видом являл образец заброшенности и печали. Он смахнул часть листьев с капота, вроде как, погладив друга, и ощутив ладонью мертвенный холод металла, с тоской подумал, а сможет ли он когда-нибудь снова сесть за руль.

Не прибавляли оптимизма и соседи по дому, норотившие обязательно подойти и поздороваться, но при этом смотревшие на него с такой жалостью, что хотелось завывать. Мало того, что отражение в зеркале ему не нравилось категорически, и вся одежда висела на похудевшем теле, как на вешалке, так ещё и эти взгляды лишний раз подтверждали его убогость.

- Пойдём, ребят проведем, - предложил он как-то Четвёртому, устав шарахаться от сердобольных соседей.

- Пойдём, - согласился тот: «А выдержишь?»

- Постараюсь, - пообещал Валька и всё-таки смог доковылять до голубых ворот в золотой рамке тополей.

Встретили традиционно. Обматерили в три голоса и облаяли тоже в три.

- А где Антоха? – спросил он, не видя жоака стаи.

- Так это... - почему-то смутился Серый: «Нету больше Антохи. Убили...»

- Мы потом его нашли, - пояснил Никеша: «Кто-то ему тогда бейсбольной битой башку проломил».

Валька, скрипнув оставшимися зубами, повернулся и побрёл прочь. Он знал куда идти. На маленькую полянку, скрывающуюся среди кустов, где только небольшие холмики земли обозначают последнее место упокоения уличных псов. С трудом присел возле свежего бугорка, на обрубок ствола, уже вросший от времени в землю, оставив в сторону большую ногу, и положив ладонь на то место, где в полуметре под землёй лежал пёс, отдавший за него свою короткую собачью жизнь. Подошли и остальные.

- Он х-хорошо д-дрался, - тихо сказал Четвёртый: «Я в-видел».

- Достойная смерть. В бою, - вставил Серый.

- И не мучился... - вздохнул Никеша.

На какое-то время над могилой старого пса повисла тишина, словно была объявлена минута молчания. Замерли даже, подошедшие вслед за людьми собаки и лишь Жорка, почувствовав Валькино состояние, сел рядом и по-братски лизнул в щёку. Ту самую, покрытую шрамами. Валька обнял его за шею, благо, что начавший матереть пёс был одного роста с ним, сидящим, и спросил: «А кто теперь жоак стаи?»

- Так, эта волчья морда и командует, - ответил Серый.

- Ч-черномырдин п-пытался права качать. Типа, п-по сроку службы он старший, но мы б-быстро его п-построили, - добавил Четвёртый.

- Черныш пёс хороший, но трусоват. Нельзя ему верховодить, - поделился Никеша: «Коли вожак ущербный, то и стая плоха».

- Согласен, - кивнул головой Валька и, опираясь на костыль, с трудом поднялся: «Пойду я. Устал».

Уже вечером Юлька, наконец-то, смогла выбраться на «конюшню», чтобы напрямую задать этим сволочам нелицеприятный вопрос по поводу того, что они сделали её шефу, если тот снова упёрся взглядом в свою любимую стену и игнорирует аппетитные запахи, которыми она старательно наполнила кухню. А заодно прихватила для собак питательный коктейль из остатков вчерашнего супа и тушеного мяса с картошкой. Как девушка хорошо воспитанная, она даже не собиралась подслушивать, но псы, почуяв хавчик, налетели повизгивая от нетерпения, и пока она опорожняла кастрюлю в старый поддон от двигателя, превращённый умельцами в кормушку, до её слуха донеслись обрывки разговора, заставившие наострить ушки. Дверь в бытовку, извергающая клубы табачного дыма, стояла нараспашку, да и мужики не собирались сдерживать свои луженые глотки, поэтому прислушиваться не было необходимости. Правда, беседа шла исключительно на матерно-блатном диалекте великого и могучего, но девушка достаточно времени провела в этом обществе, чтобы перевести сказанное на общедоступный. Вкратце получилось, что парни ищут способы, как вытащить Вальку из его апатии. Предлагалась масса вариантов, вплоть до организации пожара в квартире Аполмоныча, но один фрагмент диспута заинтересовал её больше всего.

- Не там ищем, мужики, - выдал мысль Коляныч: «У Вальки по мужской части отбили всё к такой-то матери, вот и бесится».

- Йошкин кот! – встрял Серый: «Он же мне как-то рассказывал про какую-то девчонку с необыкновенными глазами и (я готов стать женщиной с низкой социальной ответственностью, если это не так) похоже, что он боится её потерять. Вот бы разыскать её».

- А ты уверен, что у него именно к той самой матери всё отбили? – засомневался Никеша.

- Я не проверял. Валька так сказал...

В этот момент собачья охрана залилась истошным лаем, что-то почуяв, и Юлька нырнула в темноту, пока выглянувшие на сигнал тревоги мужики её не обнаружили.

Шла себе домой и согревалась мыслью о том, что она, в отличие от глупых мужчин, даже знает имя этой глазастой девушки, поскольку шеф часто звонил ей, не стесняясь присутствия Юльки. Оставалось только найти в памяти телефона её номер.

Вернувшись с автосервиса, Валька упал пластом на своё лежбище не только от усталости. Мозг сверлила фраза о том, что «коли вожак ущербный, то и стая плоха». Получалось, что и в профессиональной сфере от него тоже будет мало толку. Так может лучше уйти и не мешать людям? Он встал и вышел на балкон. Холодный ветер остудил горячую голову, да и тополя внизу, выросшие почти до пятого этажа, не гарантировали мгновенного решения проблемы. Вернулся в комнату и достал из стола нож. Тот самый, которым восхищался Серый. Примерился. Нет. Не пойдёт. Правая рука после перелома, хотя и восстановилась, но не до такой степени, чтобы нанести точный и сильный удар. «Айсберг»? Вообще не вариант. Только покалечишься ещё больше.

Так, с мазохистским упорством перебирая различные способы, и отключился. А проснулся с уже готовым решением. Уйти нужно так, чтобы никто даже не догадался, куда он исчез. Но сначала нужно просто уйти.

Ему повезло, что у Юльки был «час пик» и она не заметила, как он потихоньку вышел из квартиры. Прошляпили этот момент и куда-то отлучившиеся Четвёртый с Аполмонычем. А его ждала Москва-река с её тихим и спокойным подводным миром, который освободит его от постоянных болей, а заодно от чувства собственного бессилия и убожества.

Расстояние до Нагатинского метромоста, которое на лихом «Шерьке» пролетел бы за пять минут, с костылём преодолевал не меньше двух часов, но именно в этом безлюдном месте, где за брошенным зданием речного вокзала сразу начинаются залежи городской свалки, меньше всего шансов, что кто-то помешает ему свершить задуманное. Ещё немного и...

Внезапно до его слуха донеслось чьё-то пение. Хриплым, надтреснутым голосом, не попадая в ноты, но зато от души, кто-то выводил: «Комбат-батяня, батяня-комбат...» Валька заглянул за кучу мусора, откуда доносился неожиданный вокал, где обнаружил сидящего на пустом ящике одноногого бомжа, с энтузиазмом воспроизводившего песню из репертуара группы «Любэ». И был он какой-то неправильный. Нет, имидж выдержан был строго. От свалявшейся грязной шевелюры и до подметок стоптанных башмаков, всё соответствовало принятым стандартам. Но в отличие от вечно хмурых и ссутулившихся по жизни собратьев, этот улыбался во весь щербатый рот, ковыряя какой-то механизм ржавым гаечным ключом. Что тоже было необычно.

Подойдя поближе, Валька обнаружил, что левый глаз весельчака затянут бельмом, а на правой руке отсутствуют средний и безымянный пальцы, но, тем не менее, он ловко орудовал своим инструментом, зажав его оставшейся трёхпалой клешнёй.

- Что это ты делаешь? – поинтересовался он у труженика помойки.

- Лебёдку починяю, - добродушно ответил тот, продемонстрировав механизм: «Вал у стопора износился, вот её и выкинули. А я жестью подмотал, так ещё глядишь послужит». На появление незнакомца он отреагировал спокойно, разве что песню прервал.

- А радуешься чему?

- А почему бы нет? Щас лебёдку в гаражи снесу и продам. Считаю на два-три дня бухлом и жарочкой обеспечен. Опять же, погода хорошая, - продолжал щериться бомж, просто светясь от счастья.

В голове у Вальки что-то щёлкнуло, словно сработал какой-то выключатель, и мысли заметались в голове, выстраиваясь в совсем иную, чем ранее конфигурацию: «Вот человек, побитый жизнью похлеще чем ты. К тому же, бездомный и нищий. Но он не сдаётся и продолжает борьбу за своё маленькое счастье, пусть даже состоящее из жратвы и водки. Он - мужик. Сильный и мужественный, в отличие от тебя». От осознания этого факта ему вдруг стало стыдно своего желания уйти от существующих проблем на дно реки. Он почувствовал искреннее уважение к этому оборванному и вонючему бродяжке, за неказистым внешним видом которого скрывается нестигаемый стальной стержень характера. Сунул руку во внутренний карман, желая поделиться с ним деньгами, но кошелек там не оказался. Правильно, он ведь сам выложил его на стол вместе с документами, когда уходил. Однако это движение не осталось незамеченным.

- Денег дать хочешь? – догадался бомж, откладывая в сторону свою работу: «А вот не возьму я у тебя денег».

- Почему? – удивился Валька.

- Тебя судьба не меньше моего поломала, - скользнул тот единственным глазом по изуродованному лицу и костылям: «Так как же я со своего собрата-то...?»

Обратный путь он осилил намного быстрее. Словно какая-то упругая тёплая энергия, поднимаясь от живота, наполняла силой руки и плечи, очищала мозг от окутавшего его тумана и придавая чёткость окружающему миру. Пусть и на костылях, он уверенно шёл вперёд, прямо к поставленной цели. Жить! Жить полноценно, невзирая ни на что, преодолевая боль, ломая собственную лень и жалость к себе.

Юлька открыла ему дверь и замерла от неожиданности. Перед ней стоял прежний Валька. Никуда не исчезли костыли и обезображенное лицо, но взгляд уже не был унылым и расслабленным, а стал, как и раньше, уверенным, с лёгкой иронией в

уголках глаз. Но не наехать на него в такой ситуации было просто невозможно, и она грозно спросила: «Ты где шлялся? Пацаны с ног сбили тебя разыскивая».

- Гулял. Мозги свежим ветром чистил, - с усмешкой ответил он: «И вообще, не ори на шефа, а лучше покорми. Жрать хочу смертельно».

- Сейчас. Только отбой поисковой операции дам, - она метнулась к рации, но он опередил.

- Не надо. Я сам отбой дам, а ты марш на кухню, - он взял микрофон, на секунду задумался и нажал тангенту: «Всемирно, кто меня ищет, отбой. Я вернулся».

Сложно объяснить, но с этого момента «Ночные колёса» закрутились в два раза быстрее. Будто бы с людей свалилось сумеречное оцепенение, держащее в плену их шефа. Активизировалась и работа магазина, хотя появлялся он там крайне редко. Даже на Дубровке отметили увеличение потока клиентов, на что Серый, с присущим ему мистицизмом, заметил: «Ты, Валюшок, теперь у нас заместо талисмана будешь, поскольку тебе после всего случившегося пруха валит, а через тебя и нам достаётся».

- Так, ты, как главный шаман, вокруг меня обряды творить будешь или по простому, начнёте молиться на меня всей толпой? - с присущей ему скромностью, спросил он.

- Нет. Приколотим тебя на ворота. Будешь удачу приносить, - в своей обычной манере вставил Никеша, и добавил: «Ключи от своего драндулета давай».

- Зачем? - не понял он.

- ТЭО сделаем, резину поменяем. Или ты и дальше собираешься пешком костылять?

Эта мысль так воодушевила Вальку, что он ещё больше увеличил нагрузку на травмированную ногу и, стиснув зубы от боли, каждую свободную минуту сгибал и разгибал непослушную. «Главное, думать в правильном направлении», - мысленно повторял он слова Серого, и боль отступала, в результате позволив ему перейти с костылей на трость.

Одно лишь заставляло его иногда замереть в задумчивости. Ирма, чьи глаза мерещились ему постоянно, но он никак не мог заставить себя набрать знакомый номер. На дворе уже ноябрь и прошло слишком много времени для того, чтобы вот просто позвонить и сказать: «Привет». К тому же андролог из платной клиники, куда он обратился, не сказал ничего определённого и лишь норовил выписывать дорожные лекарства. Понимая, что его банально разводят, он прекратил визиты к врачу и продолжал мучиться неизвестностью.

Внешне это было незаметно, но острый взгляд Юльки всё-таки иногда фиксировал эти моменты, и девушка прекрасно понимала их причину. Втайне от всех она перелопатила память телефона, но так и не смогла в обилии входящих и исходящих высчитать искомый номер. Как-то даже рискнула залезть в его записную книжку и обнаружила пять Ирин, две Инны и одну Илону, но ни одной Ирмы там не было. Спросить же напрямую не решалась, но и бездействовать было выше её сил.

Поздний вечер. Тишина в квартире, нарушаемая лишь шелестом рации и тихим голосом Юльки в соседней комнате. Уехал домой Виктор Иванович, уснул Аполлоныч и только Валька продолжал крутиться в постели, старательно отгоняя от себя возникавшие в полумраке, перед его мысленным взором голубые омуты глаз Ирмы. Чем меньше болели травмы, тем чаще и явственней вспоминалась она. Вот и сейчас навалило...

Ближе к полуночи заказы стали реже, а потом вообще прекратились и, воспользовавшись моментом, Юлька сбежала с рабочего места. Прошлёпала тапочками мимо его двери, щёлкнула дверью ванной и по шуму струящейся воды, он понял, что решила принять душ. Он снова закрыл глаза и даже задремал ненадолго, а когда открыл снова, то обнаружил в своей комнате эту рыжую бестию в самом сексуальном виде. Сидела себе в кресле, небрежно закинув ногу на ногу, прикрытая лишь баннным полотенцем и тарасилась на шефа, нахально улыбаясь.

- Ты чего? – вяло спросил он, хотя намерения девушки были понятны и без объяснений.
- Должок вернуть пришла, - лукаво подмигнула она: «Вроде как числится за мной».
- В другой раз, - буркнул он, отворачиваясь, но девчонка, грациозно вытянув ножку, залезла ступнёй под одеяло и игриво пощекотала ему бок прохладными пальчиками.
- Отстань, а... - жалобно попросил Валька, отодвигая нахальную конечность.
- Слушай, - Юлька сменила диспозицию пересев к нему на кровать и внезапно став совершенно серьёзной: «Я понимаю, у тебя проблема. Не спорь, я знаю. Так может не стоит прятать голову в песок как птица страус, а попытаться решить её. Хотя бы ради Ирмы».
- И ты решила мне помочь? – недоверчиво фыркнул он.
- Да, - горячо подтвердила она: «Ради тебя, ради твоей любви. Я постараюсь. Честно-честно... изо всех сил...»
- А если не получится? – в его голосе прозвучала настороженность.
- Получится! – твёрдо заявила рыжая, и Валька даже позавидовал её уверенности.
- Хм... Ну, что же. Давай попробуем, - уже с некоторой долей заинтересованности согласился он.
- Ты только расслабься, я сама всё сделаю, - улыбнулась она самой чарующей улыбкой из женского арсенала, гибко вскочила с кровати и, сорвав с себя полотенце, накрыла им настольную лампу, убавив, таким образом, освещение до минимума. Тело бывшей гимнастки, ещё не потерявшей спортивной формы, выглядело великолепно, и в какой-то момент даже показалось ему похожим на тело Ирмы, но только более мускулистым и жилистым, как если бы его любимая с детства занималась спортом. Юлька с кошачьей грацией скользнула к нему и, скинув с Вальки одеяло, принялась за дело.
- Только зря старалась рыжая, проявляя чудеса изобретательности. Аж взмокла от усердия, но ничего не достигла.
- Ничего, ничего, - успокоил её Валька, хотя у самого на душе кошки скребли: «Ты полежи, отдохни...»
- Я только отдышусь слегка, и продолжим, - виновато попросила она, пристраивая голову на его груди.
- Да, да. Конечно, продолжим, - согласился он, поглаживая спинку девушки и закрывая глаза. Некоторое время, пока они лежали молча, Валька продолжал машинально гладить её плечи и спину. Так же машинально рука скользнула вверх по шее, и ему вдруг почудилось, что это не Юлькина рыжая шевелюра возлежит на его груди, а воронья грива Ирмы заняла своё законное место. Сердце забилось чаще, и организм наконец-то отреагировал на присутствие рядом с ним женского тела. Почувствовав это, она приподняла голову, но он так и не открыл глаз.
- Погаси свет, - тихо попросил, опасаясь разрушить созданную мозгом иллюзию.
- Она мгновенно соскользнула с его тела и, щёлкнув выключателем, вернулась обратно. Видимо поняла своей женской интуицией, что с ним происходит, и потому прильнула всем телом, не издав ни звука. А он нарочно вызвал в памяти бездонную голубизну глаз любимой, от которых сторонился последнее время, её плечи, грудь и невообразимую стройность ножек. Всё то, отчего начинало гулко стучать сердце и заходило дыхание...
- Валька, у нас всё получилось, - радостно пискнула она, жадно хватая ртом воздух.
- Ага, - согласился он, уткнувшись носом в ключицу девушки. Сказать что-то более осмысленное не было сил.
- Какой же ты молодец, - Юлька перевернула его на спину, и звонко чмокнув в нос, добавила: «И, между прочим, ты у меня ещё ого-го».

Он только вздохнул устало. Врёт, конечно, но приятно. Сам себя он ощущал выжатым лимоном. Правда, лимоном с крылышками, потому что лёгкость в теле была необыкновенная. Такая, что хотелось воспарить над растерзанной ими кроватью.

- Это ты молодец. Просто волшебница, - отвесил ей ответный комплимент, едва ворочая языком. Но не говорить же девушке, которая так старалась, что сейчас с ним была совсем не она.

- Ты поспи, - видимо чувствуя его состояние, предложила рыжая, ласковой ладошкой поглаживая Валькину грудь: «А я рядом полежу. Тихонечко... Спи, милый. Спи». И повинувшись этой команде, он провалился в сон.

Утром он проснулся свежим и полным сил. Настолько, что даже попытался вскочить с кровати, но боль в колене напомнила, что радоваться ещё рано. Тем не менее, улыбка самопроизвольно растянула губы, поскольку причина для этого была, несомненно. Ехидно подмигнул стоявшей на полке, так и не востребованной бутылке с «напием». «Спасибо, Янка, но мы и так справились». Встал, помахал руками, разгоняя кровь и наконец-то, в первый раз после возвращения из больницы рискнул подтянуться на турнике. Получилось всего раза три, но и этот результат обнадеживал.

Квартира уже проснулась, и Аполлоныч чем-то шуршал в своей комнате, а из гостиной слышался голос Юльки, командующей расстановкой машин. Он заглянул к ней. Девушка увлечённо объясняла по рации Джексону, где его будет ждать клиент, и не заметила появления шефа, а он, тихо подкравшись сзади, обнял за плечи и поцеловал в рыжую макушку.

- Что вы себе позволяете, Валентин Николаевич? – возмутилась она, но по искоркам в глазах было видно, что не так уж она и сердита.

- Виноват-с... Был не прав. Погорячился, - расшаркался Валька, изображая раскаяние.

- То-то! – улыбнулась девушка, посылая ему воздушный поцелуй.

- Что нового в мире? – поинтересовался он, бросив взгляд на карту, на которой флажками были отмечены текущие вызовы.

- Всё по плану, шеф. Везде успеваем.

- А как заказ из Капотни? Тот, где двадцать восемь коробок?

- Лёня на «Фольксвагене» сделает. Правда, за два захода.

- Хорошо, - одобрил он и со вздохом подумал, что грузового транспорта по-прежнему не хватает.

- Да, ещё Василич звонил. Просил с ним связаться, - добавила она, кивнув на бумажку с номером и снова окунаясь в диспетчерские заботы.

Он набрал. На другом конце долго ждать не заставили и приятный женский голос ответил: «Адвокатская контора «Юнона», Слушаю вас».

- Привет, Ксюха, - узнал он: «С шефом своим соедини».

- Валька! Привет, - искренне обрадовалась она: «Как здоровье? Как сам?»

- Нормально, - не стал распространяться он: «Чего Василич то хотел?»

- Не знаю. Это из того раздела, куда блондинкам вход запрещён, - отшутилась она: «Он тебе сейчас сам всё объяснит».

Василич объяснил. Что по делу о банкротстве, которое он сейчас ведёт, имеется некая территория, подлежащая продаже за долги и при некоторой сноровке и грамотном обхождении законодательства можно стать её собственником.

- А что за территория? – поинтересовался он, ещё не совсем понимая, зачем ему всё это, но повинувшись интуиции.

- Бывшая пожарная часть. Четыре бокса, казарма, телефон и все коммуникации. Находится прямо возле МКАДа, с той стороны и поэтому можно взять дёшево, - объяснил адвокат и в голове у Вальки стал более-менее проявляться план действий.

- Скорее «да», чем «нет». Но нужно обсудить подробно, - уклончиво ответил он.

- Естественно, - согласился Василич: «Подъезжай и обсудим. Можно прямо сейчас».

Вернулся он из адвокатской конторы несколько ошарашенный открывающимися перспективами. Землю действительно отдавали дешево, а с учётом лазеек, предложенных Василичем, вообще задаром. И хотя это «задаром» превышало финансовые возможности самого Вальки, но шансы использовать сторонние ресурсы тех же Коляныча, Андрюхи или Ильдара никуда не исчезли. Конечно, требовалось потратиться на всевозможные взятки, отстёжки и прочие прелести связанные с приобретением недвижимости, однако оно того стоило. Эту бывшую брандвахту можно было использовать под «Ночные колёса», организовав там диспетчерскую и ремонтную базу, можно устроить стоянку для перегоняемых машин, ожидающих растаможки, склад или автошколу. В конце концов, эту землю можно просто продать через пару лет и остаться с прибылью. Мозг, включившись в работу, просчитывал возможные варианты, поэтому он не сразу отреагировал на сообщение Юльки о том, что Валерка «Бульбаш» просит записать его на приём.

- А чего так официально? – удивился он: «Пусть приезжает в любое время. Тоже мне, нашёл директора».

Лера появился ближе к вечеру. Серьёзный до смешного и смущённый как подросток на первом свидании.

- Валентин Николаевич, я к вам по важному для меня вопросу, - официально начал он, но Валька перебил оратора.

- Расслабься, Лера. Мы с тобой уже давно на «ты», так что давай без сантиментов.

- Ладно, - парень вздохнул, явно собираясь с духом, и выпалил: «Я хочу уволиться».

- Не понял. Тебя что-то не устраивает?

- Всё устраивает, - горячо возразил Лера и почему-то смутившись, добавил: «Но там в Гомеле...»

- ... Янина, - улыбнувшись, закончил за него фразу Валька, а про себя подумал: «Эк зацепила парня ясноглазая, если готов всё бросить». Действительно, переезд из Москвы в нищую Белоруссию с её глобальной безработицей выглядел типичной авантюрой.

- Ага, - сознался Лера и, кажется, даже покраснел, но сразу перешёл к делу: «Здесь мой брат останется. Я ему машину передам, и остаток долга он отработает, а там мне Михась обещал с подработкой помочь».

Валька почесал в затылке, стимулируя работу мозга. Федора, старшего брата Леры, порой заменявшего его на время поездок в Гомель, он знал, а потому предложил: «Есть другой вариант. У тебя брат вроде бы водитель со стажем?»

- Да. Федька профессионал, в отличие от меня.

- Грузовые водить может?

- И автобусы тоже. У него все категории открыты.

- Тогда я предлагаю тебе продолжать заниматься перегонкой и забрать свою «Нексию» с собой. А брату мы сообразим какой-нибудь пятитонник, чтобы мог работать здесь.

- Класс!!! – Лера даже подскочил с места: «Спасибо, Николаич».

- А брат согласится?

- Конечно. Он давно уже о грузовике мечтает.

- Тогда, так и действуем. Только для тебя будет ещё одно задание, - Валька придвинулся к собеседнику, подчёркивая важность того, что будет сказано: «Ты должен потихоньку выявить каналы поставки машин и точки их продажи. Так, чтобы если что-то случится с Михасиком, мы не остались не у дел. Понял?»

- Понял, - усмехнулся сообразительный Лера: «Буду вроде как казачком засланным».

- Правильно, - подтвердил его догадку шеф: «Михасю Якубовичу честно служи, но инфу втихаря собирать не забывай. Так, на всякий случай».

Ушёл Лера, чуть ли не вприпрыжку, спеша порадовать брата хорошей новостью, а Валька пересел к письменному столу и достал чистый лист бумаги. Внезапная покупка

машины для Фёдора создавала брешь в финансах, которую срочно требовалось закрыть, но грузовики – это было уже серьёзно, так что стоило напрячься.

- Шеф, кушать подано, - отвлекла его Юлька.

- Ага... сейчас, - не отрываясь от расчётов пообещал он, но рыжая проявила норов.

- Ты сегодня не завтракал и не обедал, - сурово заявила она, отодвигая в сторону лист с цифрами: «Пойдём, хотя бы поужинаешь».

- Да, идем, - согласился он, но внезапно остановился: «Стоп. Ужин, говоришь. Ну-ка дай телефончик».

- Алё, Юрец, привет, - сказал в трубку: «Что, не узнал? Богатым буду. Не сцы, поделюсь! Ты мне лучше скажи, как там чудо-имплантолог поживает. Ну и что с того, что раньше отказывался? Теперь готов. Понимаешь, у меня от каши уже изжога и запор мозга. Мяса хочу! Нет, завтра не могу, еду землю смотреть. Давай послезавтра. Ты, кстати, где свои запчасти хранишь? Гараж снимешь. Тесно? Ага. Ну, не горюй, возможно, очень скоро я смогу предложить тебе более просторное помещение. Всё. Бывай. Жду звонка».

Юлька укоризненно посмотрела на него и, отобрав телефон, демонстративно спрятала его за спину.

- Марш на кухню! – приказала сурово: «Пока Аполмоныч всё не съел».

День выдался ненастный, с мелким дождём и сильным ветром, но погода была не в силах испортить ему настроение. «Шерька» наконец-то дождавшийся своего хозяина, уверенно пёр вперёд, смахивая дворниками с лобового стекла оседавшую на них влагу. Да и сам Валька был рад снова почувствовать себя «на коне». Правда, поддать газу и пролететь в своей обычной манере, едва касаясь асфальта, себе не позволял. Долгое отсутствие практики и побаливающее при нажатии на педаль сцепления колено, намекали на осторожный стиль вождения. Тем не менее, на предназначенный для продажи объект прибыл вовремя, шокировав присутствующих моделью своей машины, несколько отличавшейся престижностью от уже стоящих в рядок «Ауди», «Рено» и «Мерседеса». На «БМВ» в такой компании он смотрелся бы более органично, но и чисто психологически ценник для владельца «Бэхи» был бы значительно выше, чем для владельца «Жигулей».

Переговоры получились трудными и долгими, несколько раз подходившими к грани срыва, но в итоге взаимоприемлемое решение вопроса было найдено и необходимые документы подписаны. Так что из тёмно-зелёных ворот бывшей пожарной части он выехал уже практически её владельцем, мысленно пошутив, что было бы прикольно перекрасить створки ворот в голубой. Особенно грело душу то, что отсюда до Кунцево рукой подать. Можно было прямо сейчас свернуть на МКАД и уже через десять минут постучаться в обитую рваным дерматином дверь. «А может...», - подумал он, но сформулировать мысль до конца мысль. Слева, на пешеходной дорожке промелькнули две скукожившиеся под дождём фигурки, и он изо всех сил нажал на тормоз. С возмущённым визгом покрышек «Шерька» остановился, едва не врезавшись колёсами в бордюр.

Дождь продолжал заливать стекло, но он не ошибся. Это были они. Ирма и Светка. Шли со стороны востряковского кладбища, сгибаясь под порывами пронзительно-холодного ветра. За доли секунды мозг проанализировал ситуацию. Идут со стороны кладбища – значит, Игорь Степанович умер. Идут вдвоём – значит не похороны, а то народа было бы больше. Скорей всего пришли навестить на сорок дней. Но за те же доли секунды он успел врубить заднюю и, шуганув метнувшегося в сторону с возмущённым рёвом клаксона «Опея», подъехать к ним поближе.

Ирма снова была в своих старых джинсах и потрепанной курточке, под полой которой она тщетно пыталась укрыть дочь от ледяных капель. Зонт с уже успевшим выцвести рисунком с трудом справлялся с порывами ветра и лишь ограничивал видимость, так что он возник перед ними неожиданно.

- Тыыыы... - только и смогла прошептать она и по потоку радости и тепла, смешанных со значительной долей чувства облегчения, он понял, что именно сейчас говорить ничего не нужно. Просто обнял её, крепко прижав к груди. Светка, вытянувшись за лето, прижалась к ним сбоку, обхватив руками обоих. Валька постарался прикрыть полый своей куртки всех сразу и они замерли, не обращая внимания на хлещущие их струи дождя. Умница «Шерька», которого позабыли поставить на ручной тормоз, медленно скатился на пару метров и тоже замер, уткнувшись в бордюрный камень.

- Ты... ты... ты... - как в бреду продолжали шептать мокрые от дождя и слёз губы, а маленькие кулачки с такой силой вцепились в его свитер, что казалось никакая сила теперь не сможет их разжать. Она уткнулась лицом в его грудь и уже оттуда, прерываемые всхлипами, донеслись немного бессвязные слова.

- Я ведь чувствовала, что что-то случилось... Не знала что, но чувствовала... я искала тебя... Всю Дубровку излазила в поисках этого твоего дурацкого сервиса... Я делала всё, что могла... - на миг оторвалась от него и глаза, ставшие огромными, как весь мир, ненасытно вобрали в себя каждую чётточку его изуродованного лица, отдавая болью в её сердце, словно она сама получила все эти шрамы.

- Я знаю, - тихо сказал он: «Если бы не ты, я бы не выжил».

Они снова замерли, не замечая ничего вокруг, и стояли бы ещё долго, если бы он не заметил, что Светка, молчавшая всё это время, дрожит как осиновый лист.

- Поехали, - так же тихо предложил он.

- Да. Конечно, - согласилась она, а Светка просто кивнула, но никто и не думал отпускать друг друга. Так, единым целым они дошли до машины и лишь при посадке разжали объятия. Но как только двери захлопнулись, Ирма снова судорожно вцепилась в его рукав, а сзади в плечи впились ладошки её дочери.

- Расслабьтесь, - ласково попросил Валька: «Всё плохое уже позади».

- Да? А вдруг ты опять исчезнешь? - не поверила она.

- Теперь уже никогда, - со смехом заверил он.

- Уффф... Даже не верится, - Ирма наконец-то смогла улыбнуться: «Я сейчас просто умру от счастья».

- Эй! Даже не думай. Помнишь, что ты мне ещё должна и чьё имя мы должны обсудить?

- Помню...

Послесловие

Хэппи-энд и всё такое...

Автор резонно предполагает, что все, осилившие дочитать эту книгу до конца, захотят узнать о дальнейшей судьбе героев.

Итак, прошло почти десять лет...

Валька проснулся от нежного мурлыканья мобильного под ухом. Забыл с вечера на беззвучный режим поставить, вот и поплатился. А ведь мог бы ещё поспать.

- Слушаю, - проворчал он, придавливая трубку ухом к подушке.

- Валентин Николаевич, тут по сегодняшней заявке из Люберец изменения...

- Аллочка, я ведь предупреждал, что у меня сегодня выходной, так что со всеми вопросами к Юлии Сергеевне, - сердито оборвал он трескотню диспетчера.

- Ой, извините, - смутилась девушка: «Я забыла».

- Извиняю, - успокоил он: «Но уж коли разбудила, говори, в чём проблема».

- Клиент просит пятитонник прислать вместо «Бычка», а у меня все «Маны» на неделю вперёд расписаны. Может на два рейса разбить?

- Не надо, - почти не раздумывая, сказал он: «Малышев вчера должен был машину в ремонт поставить. Поставил?»

- Да. Сегодня утром.

- Полагаю, что Дядя Сильвер ещё не успел всё до винтика разобрать, так что пусть Семёныч подрывается и валит в Люберцы. Поставь ему премиальные за экстренный вызов, а клиенту влепи наценку за нарушение условий договора. Поняла?

- Да. Спасибо, Валентин Николаевич.

- Не за что. Работай, - он со вздохом отложил телефон. Ох уж эти молоденькие диспетчера, ни опыта, ни инициативы. Насколько хорошо было работать с Юлькой! Но рыжая теперь Юлия Сергеевна и его правая рука. Настоящая волчица и гроза персонала, хотя по внешнему виду такой изящной женщины и не скажешь. Холёная, спортивная. Смотрится феноменально. Он усмехнулся. Не мудрено, что уже третьего мужа меняет и каждый моложе предыдущего. Но что поделать, если у неё такое хобби?

Валька сладко потянулся, ощущая каждую мышцу своего тела, и снова расплылся в улыбке, бросив взгляд ту на часть постели, что ещё сохранила следы пребывания жены. Хотя, нет. Ирма так и не согласилась выйти за него замуж, мотивируя тем, что при желании никакой штамп в паспорте не удержит человека, если он захочет уйти. Но если честно, то такого желания у него никогда и не возникало. Прибить иногда хотелось, а вот бросить – никогда. И разве можно уйти от такой красавицы, при взгляде на которую до сих пор сладко замирает сердце. Даже после того, как она родила ему семь лет назад Игоряшку, всего лишь немного прибавила в весе. Чуть шире стали бёдра и увеличилась грудь, а значит, вес отложился в нужных местах.

Он вылез из-под нагретого одеяла на свежий осенний воздух, проникший в комнату через приоткрытое окно и наполнявший её влажным ароматом растущих под окнами тополей. Как не приятно понежится в постели, растягивая столь редкое удовольствие, но день нужно было начинать, а начинался он уже традиционно с физзарядки. Когда-то эти упражнения давались с мучительным преодолением боли и под аккомпанемент зубовного скрежета, но со временем втянулся и даже находил в них определённое удовольствие. К тому же, при такой красавице-жене, просто необходимо выглядеть соответствующе, имея на пятом десятке лет подтянутую фигуру, без малейшего намёка на «трудовой мозоль».

Как-то Ирма призналась, что втрескалась в него с первого взгляда и наповал именно из-за внешности, а затем уже добралась до души. И хорошо, что сказала лишь

после того, как над ним поработал пластический хирург, а то без комплексов не обошлось бы. Денег за операции тогда пришлось отвалить не меряно, зато и эффект налицо. Или на лице? Практически таком же, как было раньше. А что не удалось восстановить в медицине, замаскировала небольшая бородка. Да ещё пришлось отрастить длинные волосы, чтобы скрыть шрамы от трепанации черепа и любимая посмеивалась, что его имидж скорее соответствует модному художнику, чем бизнесмену средней руки. Дохлакалась. Взял и купил себе мольберт с красками. И не то, чтобы стал художником, рисуя просто для души, но на хорошем любительском уровне. По крайней мере, по мнению Наташки, а ей в этом отношении можно доверять. Всё-таки две персональные выставки на Крымском валу, хотя сама себя тоже считает любителем. Нет времени заниматься творчеством. Как не крути, а владелец студии дизайна. Крупной. Аж на три человека персонала. Замуж сходил. Именно «сходила», по её собственному выражению. Разрабатывала как-то дизайн особняка, а заказчик взял и предложение сделал. Она сначала это даже всерьёз не восприняла, отшучиваясь, что он просто хочет сэкономить деньги на строительстве, но клиент оказался настойчивым и она сдалась. А почему бы и нет, если жених не старый ещё и в списках журнала «Forbs» на хорошем месте. Вот только не сложилось. Слишком самостоятельными оба оказались, так что уже через месяц Наташка покинула новенький особняк и вернулась к себе на Таганку. Разошлись спокойно, без нервотрёпки и даже сохранили хорошие отношения. Встречаются иногда, возит он её по всяким Парижам и Нью-Йоркам. «Mini Surreal» подарил. Смеётся она, что так даже интереснее.

Тело продолжает совершать отработанные годами движения, разгоняя по жилам кровь, а мысли в голове крутятся как бы сами по себе.

У них с Ирмой не так. Удалось сложить характеры в пазл семейной жизни и тут, несомненно, её заслуга. Умеет его любимая найти подход к человеку. Даже с Наташкой подружилась, а Юлька вообще в лучших подругах ходит. Постепенно и он у неё научился в чём-то уступать, а в чём-то стоять на своём. Может поэтому, если и были ссоры, как в любой семье, то не часто и по делу. А то, что брак не зарегистрирован, так это порой даже удобно. У неё свой бизнес, у него свой. Можно поддержать друг друга в случае необходимости, не афишируя процесс. У неё элитный косметический салон, куда «звёзды» заранее записываются, а у него маленькое ООО на пять грузовичков с водителями. Но это официально, для налоговой, а на самом деле с полсотни легковых на извозе и десяток дальнобойных трейлеров. Только все они на водителей записаны и он их вроде как «во временную аренду» берёт. Ежедневно. Потому что с государством по-честному нельзя. Оно само первый воруга и есть. В этом он убедился намертво, что бы там Ирма не говорила.

Только однажды отсутствие штампа в паспорте сыграло отрицательную роль. Это когда Светка потребовала, не попросила, а именно потребовала, её удочерить. Тут даже Василич ничего не смог сделать, поскольку он ей ни с какого боку не родственник и даже на опеку не вправе рассчитывать. Но хитрая девчонка взяла и при получении паспорта сменила фамилию на Валькину. Упс! И не придерёшься, что папа с дочкой, хотя юридически всего лишь однофамильцы. Со Светкой у него вообще никаких проблем. Как-то сразу нашли общий язык и даже в тяжёлый подростковый период, когда мать просто хваталась за голову от её выкрутасов, к его мнению девчонка продолжала прислушиваться, тем более что и разрешал он ей многое, не стремясь подогнать растущую личность под общепринятые рамки. «Балуешь ты её», - ворчала Ирма, а он только отшучивался, мол, «королева растёт». Вот и выросла, может и не королева, но принцесса точно. Немного взбалмошная, резкая, такая же красивая как мать и не менее упёртая. Вбила себе в голову, что хочет стать актрисой и хоть кол на голове теши...

Он уже заканчивал делать последние наклоны, когда в коридоре послышался цокот когтей и огромная серая морда, размером с тазик для белья, появилась в дверном

проёме. «Доброе утро, Тоха», - поприветствовал он зверя и тот ответил взаимностью, лизнув хозяина в голое колено, а затем степенно лёг под окном, всем своим видом напоминая вожака Акелу на скале совета из старого мультика про Маугли. «До чего же здоров, бродяга», - в очередной раз удивился он размерам своего пса: «Поболее своего дяди Жорки будет...»

Как-то Немли всё-таки приспичило узнать, кого это Валька в своё время подобрал на помойке и какой породы псина вычищает миски у неё на кухне. Обратилась к кинологам, и путём длительного расследования было установлено, что это гибрид домашней собаки и волка, специально выводимой специалистами новой породы. Более того, по мнению самого Касимова ВэЭм, оказалось, что по всем параметрам её Немли, очень даже подходит для воспроизводства. Мысль о том, чтобы отдать свою любимицу на растерзание какому-то самцу никак не укладывалась в голове девушки, но кинологи всё-таки смогли её уговорить и для Немли (которая собака) аж из Перми привезли жениха. Настоящего таёжного волка по кличке Шкуродёр. Ручного с детства, но от этого не менее огромного и страшного. Впрочем, парень пришёлся её любимице по душе и в результате на свет появились пять очаровательных лохматых комочков. Антон был самым крупным, последним в помёте, поэтому специалисты даже стали сомневаться, не опасно ли выводить породу таких больших размеров. В результате решили посмотреть, что из него вырастет, и Немли подарила щенка Светке на День рождения.

Так Антоха появился в их доме. Как оказалось, нужное соотношение пропорций собачей и волчьей крови в нём получилось оптимальным. Сочетая в себе волчью силу, ловкость и выносливость, он был по-собачьи верен и послушен. Волчий характер проявился лишь в том, что он сам выбрал своё место в семейной иерархии. Светку воспринимал как равную, над Игорьком взял шефство, а к Вальке относился с уважением, как к старшему. Но вожаком всей стаи безоговорочно признал Ирму и лишь перед ней смиренно прятал морду под передние лапы, едва она повышала на него голос за какие-то провинности.

- Ну, что, волчара, пойдём завтракать? – спросил он, накидывая на плечи халат.

Пёс лениво скользнул по нему взглядом: «Спасибо, я сыт».

- Сыром угощу, - провокационно пообещал Валька, и зверь моментально вскочил с места, едва услышав кодовое слово. Он потрепал его по холке, при этом даже не наклоняясь: «Эээ, брат, да ты за сыр и Родину продашь». «Продам», - честно признался, глядя ему в глаза, пёс и облизнулся.

На кухонном столе ожидали не только сыр и масло, но и пирожок с клубникой, из тех, что приготовлены к вечернему застолью. Взял вкусняшку в руку и обнаружил под ней, на блюде след перламутровой губной помады – поцелуй от жены. Рядом ещё один, но более светлого тона – от Светки. И можно гарантировать, что где-то тут же приложился Игорёшка, просто он помадой не пользуется, а потому и не видно. Тёплая волна накатила на сердце. Умеют же его родные порадовать.

Игорёк получился неожиданно. Сколько они бились над этим! Кровать раздолбали так, что пришлось менять, а всё безрезультатно. Он уже и махнуть рукой на это дело хотел, полагая причину в себе, но тут Аполлоныч уговорил Ирму, и отвёз к мощам Святой Матроны Московской. Бац, и всё получилось. Мальчишка родился крепкий и здоровый. Рос, как все дети шаловливым и любопытным. Порой, даже излишне любопытным. Пристал как банный лист: «Почему у всех ребят по две бабушки, а у меня только одна?» Как объяснить ребёнку, что его вторая бабушка растворилась где-то на просторах Европы.

Вахтанг, поднявшись конкретно, решил, что в этой стране ему тесно и рванул за границу. Продал оба магазина, хотя Валька не советовал этого делать, предлагая подстраховаться. Но тот его совету не внял, мотивируя тем, что там для раскрутки ему будет нужен стартовый капитал. Забрал с собой семью и уехал. Мать первое время писала. Жаловалась на трудности, на то, что здесь совсем другие законы и в России

бизнес вести намного проще. Потом письма сменили открытки. К дню рождения и к Новому Году. А потом и они прекратились...

Валька вздохнул. Тогда он выкрутился, сказав сыну, что его вторая бабушка это Наташка. А ведь и, правда! Но мальчишка отнесся к этому недоверчиво. Одна бабушка – совсем старушка и в деревне клубнику на грядках выращивает, а вторая молодая и красивая, на шикарных машинах катается. «Так уж получилось», – развёл он тогда руками.

Заварил себе чай в коричневой глиняной кружке. Не «дубровский», конечно, но тоже не слабый. Кружку эту ему любимая подарила, устав получать нагоняи за то, что в очередной раз «самый цимес смыла». Вот и подобрала, чтобы коричневый налёт на стенках, почитаемый превыше всего, по крайней мере, в глаза не бросался.

Хотел пристроиться за столом, но обнаружил, что «его» место занято гитарой. «Вот же разгильдяйка», – беззлобно обругал Светку, и припомнил, как отмывали гриф этого инструмента от крови. В своём стремлении на сцену девчонка иногда зарывалась. Так, осваивая гитару, вошла в раж и до крови протёрла подушечки пальцев о струны. Опомилась лишь, когда вся перепачкалась. Ирма ругалась на «глупую девчонку», а он, хотя и хмурился грозно, но в душе гордился дочерью. А присмотревшись, понял, что её попытки объять необъятное вполне обоснованы. Отказалась от занятий танцами, поскольку это можно и на ходу освоить, но зато плотно занялась фортепьяно и вокалом (а гитара это так, для души). Дальше – хуже. Понесло неизвестно куда: верховая езда, стрельба из лука, фехтование. Но это явно влияние Серого. Фехтовальщицу из неё он, конечно, не сделал, но уверенно держаться в седле и знать с какой стороны берутся за шпагу, научил, а заодно получил ещё одну поклонницу своего творчества, которым после закрытия подпольного автосервиса занялся плотно и всерьёз.

Сколько бандитских наездов выдержала «конюшня» сосчитать невозможно, но пришла беда, откуда не ждали, и какому-то приятелю мэра приглянулся лакомый кусок земли. Его тут же выдернули из ведения треста, передали в городской фонд, а затем, почти сразу, новому владельцу. Вот и всё. Две недели на сборы и лавочка закрыта. Мужики расползлись в разные стороны, а Никеша с Серым ещё и ухитрились вдрызг разругаться при дележе оборудования. Валька предложил мастерам свою площадку, но у каждого оказались свои планы. Кержач мужественно дотянул до пенсии слесарем при родном тресте, а затем увлёкся ...компьютерами и превратился в настоящего хакера. Так что с сетевым обеспечением у Вальки теперь проблем не было. Никеша, заявив что «в кои веки раз я при деньгах и на свободе» рванул на море, отдохнуть. Вот только не доехал. Оборвавшийся тромб вернул его в Москву в деревянном ящике. Четвёртый ушёл в ЧОП, организованный его комбатом, а Серый, помыкавшись немного по разным автосервисам, получил инвалидность и к настоящему времени выпустил уже четыре сольных альбома. Не «звезда», конечно, но широко известен в узких кругах. И лишь один Дядя Сильвер согласился на его предложение.

Одноногого и одноглазого весельчака со свалки он разыскивал недели три, а найдя, притащил к Аполлонычу, отмыл и посадил в диспетчерскую. Юлька, наконец-то, вздохнула с облегчением, но её счастье было недолгим. «Золотым рукам» бывшего наладчика металлорежущих станков Валька нашёл более достойное применение, устроив на «конюшню». Там он получил кличку «Дядя Сильвер», постепенно научился разбираться в машинах и теперь возглавлял ремонтников в Валькиной компании. Толковый мужик, что и говорить, но с одним маленьким изъяном. Пьёт. Сколько не пытались с этим бороться, всё бесполезно. Добились лишь того, чтобы не пил на рабочем месте. Но раз в месяц, он скромно заходил к шефу, просил «три дня отгулов по семейным обстоятельствам» и уходил в запой. Однако, ровно через три дня трезвый и свежесвыбритый вновь появлялся на работе. Как ему удавалось так регулировать в принципе неуправляемый процесс, не мог понять никто.

Под последние глотки чая по плану было положено выкурить сигаретку, и он отошёл к окну. Забеременев, Ирма бросила курить, а потом уже не вернулась к вредной

привычке и гоняла его дымить на лестнице. Но сейчас, когда никого нет дома, можно было немного расслабиться. Вид из окна старой квартиры, в которой жили ещё её родители, за эти годы почти не изменился. Те же тополя, детская площадка и кусты шиповника вдоль ограды. Правда, машин стало значительно больше. Вроде бы рабочее время, а свободных мест практически нет. Вечером это вообще превращалось в проблему. Вон его «Пассат», пришлось запихнуть колёсами на бордюр. Зато Ирме удалось втиснуть свой «Галопер» между телефонной будкой и догнивающим уже пятый год без движения «Доджем». Вот обожает его любимая крупные машины и всё! Он даже шутил, что когда-нибудь ей «КамАЗ» подарит. Ему же, главное чтобы удобно и надёжно.

Квартирка маленькая и вчетвером (а с Тохой, так и впятером) уже тесновато, а переезжать в новую «трёшку», прикупленную в Никулино, душа не лежала. Но это ненадолго. Вот стукнет Светке восемнадцать, уедет к себе на Дубровку, тогда уж и они тронутся с места. На Дубровку, это в квартиру Аполмоныча. После переезда к Ирме, Валька продолжал навещать старика. А однажды с ним напросилась Светка. Так и завязалась между ним дружба. Аполмоныч получил долгожданную внучку, а Светка дедушку. Ради этого он и с алкоголем завязал окончательно, а потом даже смог вернуться к работе над учебником. Валька, входя в этот двор, всегда инстинктивно осматривался, словно ожидая появления мордovorотов с бейсбольными битами, поэтому частенько девчонка ездил одна, находя всё новые причины для посещения деда. А тот в ней души не чаял и когда умер, тихо, уткнувшись лицом в последнюю страницу дописанного учебника, выяснилось, что всё своё имущество старик завещал ей. Пришлось потом, конечно, судиться с его сыном, но при наличии Василича и юридически оформленного завещания, это без вариантов.

Валька посмотрел на часы. Одиннадцать. Пора выдвигаться. Сначала за Ирмой, а потом к театральному училищу, где сегодня в торжественной обстановке вручают студенческие билеты первокурсникам. И его Светке в том числе. Поступила-таки настырная.

Когда на прослушивании до неё, примерно через два часа, дошла очередь, приёмная комиссия, уже уставшая от классических монологов и сцен, представляемых будущими жрецами Мельпомены, вяло заслушала монолог Катерины в её исполнении, девчонка сделала неожиданный ход. Взяла гитару и врезала им песню из репертуара Серого. Зажгла так, что солидные люди просто заходились от смеха и даже наградили аплодисментами. А после, уже в аудитории, одна из них, заслуженная, народная, не сходящая с экранов, сама подошла к молодой абитуриентке.

- Скажите, милочка, а имеете ли вы отношение к Ирме Игоревне? – вальяжно спросила она.

- Да, - скромно потупилась Светка: «Это моя мама».

- Вот как? – удивилась звезда экранов: «То-то я смотрю, как вы на неё похожи».

- Так меня же мама родила. Папа был в командировке, - почти на автомате отшутилась девчонка, чем вызвала искренний смех актрисы.

- Передайте маме, что она может гордиться такой дочерью, - отсмеявшись, пожелала «звезда» с царственными интонациями в голосе и продолжила свой маршрут. Но отойдя буквально три шага, обернулась на неё через плечо, лукаво подмигнула и показала большой палец: «Так держать, девочка!».

Когда Светка поведала ему об этом случае, он, гордый и радостный, обнял её и только спросил: «Маме рассказала?» «Перебьётся», - ехидно сморщила носик будущая актриса: «Не захотела мне блат устроить, так пусть теперь и не знает». Валька только головой покачал. Вот же характер.

Убрал остатки еды в переполненный холодильник. Друзей сегодня соберётся немного, но все не прочь вкусно пожрать и выпить. Придут Наташка с Алёнкой, гордой тем, что для сегодняшнего дня Светка выбрала сшитое по её модели платье. Нелли заглянет, ненадолго. Эту собака ждёт. Но обязательно прочитает поздравительный стих,

написанный именно к этому случаю. Наобщались с Серым и сама начала писать. Ходит теперь по литературным салонам, тусуется с такими же, как она чокнутыми поэтами и читает свои стихи. Слабенькие, по общему мнению, но ей об этом не говорят, чтобы не расстраивать тонкую и ранимую творческую натуру. Юлька с новым мужем и Василич с новой женой, тоже молоденькой, ненамного старше Светки. Но он теперь депутат Госдумы, ему по штату положено. Коляныча не будет. Отдыхает где-то на Ибице. Когда наворовал достаточно денег, бросил свой «бензиновый бизнес» и занялся инвестициями. Сидит себе и купоны стрижёт. А со скуки мотается, когда один, когда с Маринкой, по курортам. Вот и сейчас наверняка вернётся и заявит: «Что-то устал я от этой Ибицы, поеду на Гоа». «Профессиональный бездельник», как его называет Серый. Этот лохматый тоже припрётся. С гитарой. А значит, ржачка обеспечена. Виктор Иванович будет. С супругой. Татьяна не без помощи Вальки, выкупила старый магазин Вахтанга и процветает потихоньку. А вот Четвёртого не будет. На службе он. Шефа заменяет. Ильдар то ли будет, то ли нет. Уж больно у следователя по особо важным делам работы много. От того и грудь в орденах, и погоны в звёздах, зато мечта всей жизни, трёхкомнатная квартира на Тверской стоит, зарастая пылью. Туда он появляется разве что выспаться иногда или со своими операми водки вволю попить. Этот один. Холостой, как тот патрон. Но ничего, молодой ещё. Успеет. В общем, получается полный бомонд и ассорти.

Открыв шкаф, замер призадумавшись. Обычно он предпочитал к неизменным джинсам какую-нибудь футболку или свитер, если прохладно, но на сегодня было получено строжайшее указание: «Выглядеть!» Не вопрос! Ирма сегодня в тёмно-синем. Значит ему рубашка и брюки в тех же тонах. Светка в серебристо-сером, а под это вполне покатит тёмно-серый замшевый пиджак. Дополнит образ галстук-шнурок с серебряной волчьей головой, работы атамана Таврического, и пусть только любимая попробует сказать, что у него нет вкуса. А то ишь себе...

Оделся и, потрепав на прощание холку Антохе, вышел, дав команду зверю: «Сторожи». То есть поставил квартиру на охрану. Теперь даже если кто-то сможет осилить хитрый замок системы Аполлоныча, с точно таким же, как на Дубровке, трёхгранным ключом, то ему останется только посочувствовать.

На улице погладил по крылу своего солового «Лорда» («Lord Of The Road», он же «Фольксваген Пассат»), похлопал по крылу вороного «Болевара» («Митсубиши Галопер» Ирмы), и прошёл мимо, предоставив им возможность отдохнуть. На сегодня, по торжественному случаю, другой конь в упряжке. Так уж принято.

Ворота гаража распахнулись с лёгким скрипом и в полумраке блеснули круглые глаза-фары. «Шерька» радовался встрече с хозяином. Валька включил свет, и лакированный кузов автомобиля заиграл густым вишнёвым цветом. Гараж этот он купил по случаю, у соседа по подъезду, переезжавшего на новое место. Внешне так и оставил обычной жестяной коробкой с пятнами ржавчины, но внутри сделал «евроремонт», положив плиточный пол, утеплив стены и закрыв их пластиковыми панелями. Хотел даже отопление сделать, но Серый отговорил, убедив, что держать автомобиль в тепле намного хуже, чем в сухом холоде. Поэтому, была установлена целая система по вентиляции и осушению воздуха. Но что не сделаешь для любимца всей семьи.

Влез в салон на мягко скрипнувшее под ним сидение. Желтое, как и положено настоящей «копейке», но только из натуральной кожи. Старые давно протёрлись до дыр. Погладил обод руля. Это, наверное, единственное, что сохранилось на машине с того момента, как она покинула конвейер завода. Ужасно неудобная баранка, но вроде как символ. Всё остальное заменено и уже неоднократно. Валька усмехнулся, вспомнив какую взбучку устроила ему Ирма, когда он, в самый разгар дефолта наткнулся в газете на объявление о продаже нового (!!!) кузова «ВАЗ-2101». Сорвался в далёкий Саратов, перевёз в Москву, а потом ещё отправил малярам, чтобы перекрасили из бледно-голубого в вишнёвый металик. К тому времени собственный

кузов «Шерьки» просто крошился в руках, прогнив насквозь, и давно развалился бы прямо на месте, если бы не сваренное Кержачом в своё время усиленное днище. Постепенно, потихоньку было поменяно всё, явив окружающим образ люкс - «копейки» с полным тюнингом. Потому что всё менялось не просто так, а с улучшением. Газовые амортизаторы, усиленные рычаги и шаровые опоры в сочетании с низкопрофильной резиной и коваными дисками делали машину необыкновенно устойчивой на дороге, а форсированный двигатель, уже третий на Валькиной памяти, разгонял её до сотни, не хуже чем спортивный «БМВ». Про внешний вид и говорить не приходится. Сверкающий, полированный кузов и зеркальная тонировка стёкол неизменно привлекали внимание. Ещё бы! «Мерседесов», «Лексусов» и прочих «Бентли» с «Кадимаками» в Москве хоть пруд пруди, а такие «Жигули» всего в одном экземпляре.

Мотор фыркнул и заработал чисто и ровно. Приятно слушать. Видимо поэтому, quadro-акустическую систему «JVC», установленную в салоне, он практически не включал. Вырулил на Минку и полетел с лёгким шуршанием шин и сытым рычанием глушителя в обычной для «Шерьки» манере. Едва касаясь земли.

Жаль, что от Кунцево до салона Ирмы на Кутузовском так близко. Даже разогнаться толком не успел. Как-то Ильдар по пьяному делу выдал ему сверхсекретную информацию о норме прохождения правительственных машин от Кремля до МКАДа – восемь минут. Он, прикола ради, как-то ночью попробовал. В восемь не уложился. Получилось шесть с половиной. А в нагрузку три штрафа за превышение...

Зная его пунктуальность, Ирма появилась на пороге ровно в двенадцать, аккурат в тот момент, когда колёса «Шерьки» замерли напротив входа в салон. Легко, словно восемнадцатилетняя, запрыгнула в машину и, махнув на прощание рукой своим девчонкам, поцеловала любимого.

- Ты как всегда... - угрюмо проворчал он.

- Что, как всегда? – с наигранным изумлением распахнула свои глазищи.

- Невообразимо прекрасна, - сердито ответил он.

- Поехали, бука, - рассмеялась она в ответ: «Опоздаем».

Они не опоздали и наблюдали торжественную церемонию от начала до конца. Всё было настолько красиво и значительно, что Ирма даже смахнула слезинку уголком платка. Потом они выдернули Светку из толпы однокурсников, поздравили и предупредили, что ждут в машине, но девчонка явно заболталась. Уже и Валька успел покурить аж два раза, а её всё не было. «Вот же противная девчонка», - начала нервничать Ирма: «Мы и так Игорька из школы забрать опаздываем».

- Успеем, - успокоил он, но в этот момент наконец-то появилась Светка.

В окружении трёх или четырёх молодых людей, старавшихся привлечь её внимание, она спускалась по мраморной лестнице, не выделяя никого из них и одинаково одаривая улыбками. Встречные замирали на некоторое время, настолько хороша была девушка.

- А что? Неплохая у нас дочка, - заметил Валька: «Красавица. Вся в маму».

- Нет, - ответила Ирма, тоже любясь грациозной походкой дочери: «Это она в прабабку. Из-за той офицеры стрелялись, а прадеду даже на дуэли драться пришлось. Я-то что? Так себе. Да и старенькая уже».

- Ещё раз такое услышу, - грозно рыкнул он: «В роддом отправлю».

- Зачем? – ехидно насторожилась она.

- За дочкой. Ещё одну такую же хочу!

- И всё-таки жадный ты, Валька, - рассмеялась она: «Но я подумаю...»